

ТИ

КНУТЬ ГАМСУНД

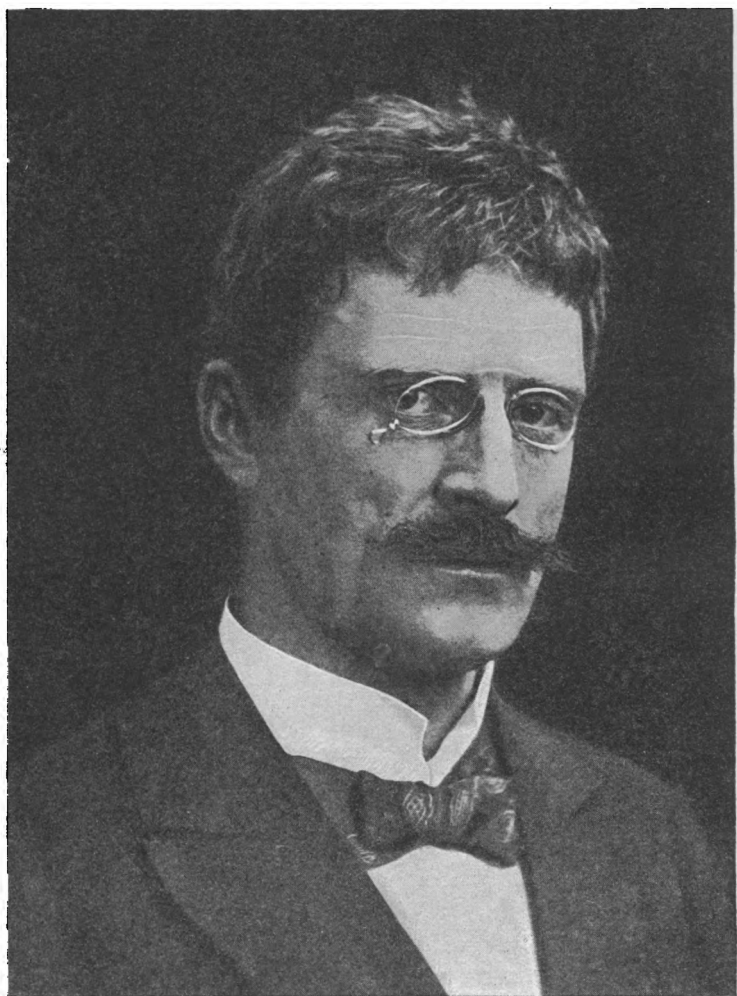
КНУТЬ ГАМСУНД

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ТОМЪ I

ИЗД-ВА
А.Ф.
МАРКСЪ
СПБ

Белъзета-1909

ИЗДАНИЕ Т-ВА А.Ф. МАРКСЪ С-ПЕТЕРБУРГЪ

Krist Hansen.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

КНУТА ГАМСУНА.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова
и съ приложеніемъ портрета К. Гамсуна.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1910 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1910.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. пресп., № 29.

Кнутъ Гамсунъ

Крѣпка, какъ смерть, любовь.
Жестока, какъ адъ, ревность.
«Письмъ Пьсьней», VIII, 6.

I.

Тѣ изъ читателей, которымъ случай далъ сначала въ руки книги Кнута Гамсуна и только потомъ ознакомилъ ихъ съ судьбою этого писателя-самоучки съ огромнымъ самоцвѣтнымъ талантомъ, — имѣютъ все право съ удивленіемъ и почти недоувѣріемъ отнестись къ его біографіи.

Когда вы узнаете, что на высоту своей — теперь уже можно сказать — міровой извѣстности онъ поднялся съ самаго непригляднаго «дна» жизни, что онъ родился въ скудной и темной семьѣ, былъ сначала подмастерьемъ у сапожника въ Бодѣ, бѣжалъ отъ него, поступилъ юнгой на корабль, въ теченіе многихъ лѣтъ велъ полную приключеній жизнь пролетарія, являясь почти тѣмъ, что у насъ условлено называть именемъ босяка, былъ потомъ подмастерьемъ по разнымъ цехамъ, служилъ въ Америкѣ приказчикомъ въ лавкѣ, кучеромъ на конкѣ, былъ кочегаромъ, долгое время зарабатывалъ хлѣбъ газетными пустяками, перебиваясь съ хлѣба на квасъ, и самымъ высшимъ постомъ, какой онъ занималъ въ жизни, была для него должность писца у деревенскаго констебля, — вы положительно преклоняетесь передъ творческой силой природы: она создаетъ законы и только она же властна нарушить ихъ, закладывая въ грубую породу великолѣпные камни-самородки.

Гамсунъ продолжаетъ ту галлерею удивительныхъ людей, вышедшихъ изъ народа, въ которую входятъ въ Германіи поэтъ-сапожникъ Гансъ Саксъ, во Франціи—Руссо, въ Россіи—Ломоносовы, Кольцовы, Горькіе.

Въ самомъ дѣлѣ, какая же внѣшняя разница между норвежскимъ художникомъ и, напримѣръ, нижегородскимъ мѣщаниномъ Пѣшковымъ, рожденнымъ въ семьѣ красильщика, служившимъ «мальчи-

III.

Все это такъ, и въ этомъ сказывается крайняя своеобразность Гамсуна, его исключительный импрессионизмъ, но всё эти странности совершенно гармонируютъ съ общимъ обликомъ героя. Иногда довольно просто — и эту, казалось бы, безцѣльную ложь, и эту, повидимому, неправдоподобную щедрость можно объяснить непреодолимымъ самолюбиемъ интеллигента, который, пожалуй, готовъ предпочесть голодь стыду нищеты и котораго жалость оскорбляетъ, какъ подачка.

Ко всему этому надо положить нѣчто и на долю той сокрушающей встряски, какую жестокой голодь можетъ произвести въ здоровомъ человѣческомъ организмѣ. Неудивительно, что мыслямъ голодающаго сообщается хаотичность и химеричность, какую могутъ давать наркотики въ родѣ гашиша. Говорять, замерзающему предносится цѣлая система своеобразныхъ сновъ. Есть свои сны наяву, своя логика и у голодающаго. Моментами, безъ всякаго сомнѣнія, вы уже имѣете въ «Голодь» дѣло не со здоровымъ, а съ помрачающимся разсудкомъ.

Отсюда — фантастическія грезы несчастнаго литератора о дворцѣ принцессы Илайяли съ залами изъ смарагда, съ пѣніемъ чудесныхъ хоровъ, когда его бѣдное тѣло лежитъ въ неуклюжей позѣ на уличной скамейкѣ. Отсюда — несомнѣнная смѣсь фантастики съ реальностью въ его отношеніяхъ къ незнакомой дамѣ, которую онъ встрѣчаетъ и провожаетъ на улицѣ и которой даетъ имя Илайяли, не представляющее ничего, кромѣ музыкальнаго сочетанія звуковъ. Отсюда и всё скачки его мысли, цѣпляющейся въ разстройствѣ за противоположныя области жизни и знанія. Все это — кошмарный сонъ голоднаго, съ страшной тоской вспоминающаго когда-то съѣденные «восхитительные жирные бифштексы» и готоваго вотъ-вотъ упасть въ обморокъ отъ истощенія. Мудрено ли, что въ такомъ случаѣ жизнь обращается въ одну сплошную и огромную гримасу?

Но рядомъ съ этимъ міромъ кошмарныхъ грезъ передъ вами встаетъ вся реальная картина ужаса голодовки. Вы воочию видите этого исхудавшаго человѣка, питающагося одной водой, прокусывающаго свой палець до крови, чтобы только дать языку какое-нибудь пищевое ощущеніе, берушаго въ ротъ камешекъ, чтобы что-нибудь жевать и вызвать слюну въ пересохшемъ рту.

Вась охватываетъ жуть, когда вы видите этого человѣка, у котораго волосы лѣзутъ цѣлыми прядями, засоряя плечи, который выпрашиваетъ у мясника якобы для собаки кость съ ничтожнымъ кусочкомъ прилипшаго къ ней сырого мяса и жадно гложетъ ее, какъ голодный волкъ. Нельзя безъ содроганія читать строки, рассказывающія, какъ бесплодны были его попытки насытиться даже тогда, когда наконецъ къ этому явилась возможность.

«Пицца начинала дѣйствовать: я ужасно страдалъ и не могъ

ее надолго удержать. Въ каждомъ темномъ углу по дорогѣ я извергалъ ее, тщетно борясь съ болями. Я сжималъ кулаки, топалъ ногами, стараясь проглатывать куски, не принимаемые организмомъ, но все тщетно! Я забѣжалъ въ темныя ворота, нагнулъ голову и, ослѣпленный хлынувшими слезами, принужденъ былъ изрыгнуть весь свой ужинъ...»

И однако, какъ ни мрачны подробности романа, весь онъ согрѣтъ молодымъ мечтательствомъ Гамсуна. Его герой способенъ забывать въ творческой мечтѣ, въ грезѣ о будущей книгѣ весь этотъ ужасъ сегодняшняго голоднаго дня. Онъ полонъ здоровой чувственности, и влеченіе къ женщинѣ не умираетъ въ немъ и подъ гнетомъ вѣчной мысли о кускѣ хлѣба. Страницы, гдѣ злополучный пролетарій бесѣдуетъ съ увлекшей его незнакомкой въ ея домѣ, — образецъ того очаровательнаго романтическаго лепета, какой всегда такъ чудесно удается Гамсуну.

Міровая критика очень высоко оцѣнила «Голодь». «Это первое произведение,—пишетъ Брандесъ:—сейчасъ же обнаружило во внѣшней беспомощности поразительное художественное превосходство. Тутъ опыты надъ собственнымъ тѣломъ, надъ тѣломъ разрушающагося человѣческаго трупа, тутъ терзающее чуть ли не гвоздями любопытство художника-анатома. Въ то время, какъ его тѣло извивается въ болязненныхъ мукахъ, а сердце замираетъ отъ возмущенія и унижающей ругани, — онъ прислушивается самъ, чутко и настороженно, къ каждому его движенію. Съ остервенѣніемъ, съ жестокостью выслѣживаетъ онъ всякую новую пронию судьбы и съ натурализмомъ, ледяющимъ кровь, описываетъ всѣ фазы, вплоть до ужаснѣйшаго, ослѣпляющаго хмея отъ голода, который создастъ въ головѣ, какъ у потребителя опиума, тропическія гигантскія перспективы...»

IV.

‘Сказать, что Гамсунъ художникъ и пѣвецъ любви, значитъ—почти ничего не сказать.’

Вся міровая художественная литература сосредоточена около этого чувства и безъ него рѣшительно немислима. Но для Гамсуна это чувство — та атмосфера, внѣ которой онъ не можетъ дышать, невозможно, непредставимъ. Не рискуя преувеличеніемъ, можно сказать, что за послѣднюю четверть вѣка никто не возвышался до такой вдохновенной пѣсни любви, какую далъ онъ въ «Викторіи». Ни одна статья о Гамсунѣ не обходится безъ этой цитаты. Этотъ гимнъ великолѣпному и безумному чувству сталъ почти хрестоматійнымъ. Но безъ него въ самомъ дѣлѣ никакъ не обойтись тому, кто хочетъ дать полное представленіе о норвежскомъ поэтѣ. Такъ, не имѣлъ бы полнаго представленія о солнцѣ человѣкъ, который бы не видѣлъ его заката въ морѣ, и о лѣсѣ, кто не побывалъ бы въ немъ въ лѣтній день.

Проза Гамсуна возвышается здѣсь до самой тонкой и благоуханной поэзии, и въ этой его пѣснѣ нельзя ни выкинуть ни переставить хотя бы одно слово.

«Что такое любовь? Вѣтерокъ, пронсящійся надъ розами, — пѣть, электрическая искра въ крови! Любовь—это пламенная адская музыка, заставляющая танцовать даже сердца стариковъ. Это—маргаритка, широко распускаящая свои лепестки съ наступленіемъ ночи, это анемона, закрывающаяся отъ дуновения и умирающая отъ прикосновенія.

«Такова любовь!

«Она можетъ погубить человѣка, поднять его и снова заклеить позоромъ. Сегодня она любитъ меня, завтра тебя, а въ слѣдующую ночь его,—такъ она непостоянна. Но она такъ же тверда, какъ несокрушимая скала, и горитъ неугасаемымъ пламенемъ до самой смерти, потому что любовь вѣчна. Такъ что же такое любовь?

«О, любовь—это лѣтняя ночь съ небсами, усѣянными звѣздами, и съ благоухающей землей. Почему же она заставляетъ юношу идти окольными тропинками и старика одиноко страдать въ своей комнатѣ? Ахъ, любовь превращаетъ человѣческое сердце въ роскошный безстыдный садъ, гдѣ растутъ таинственные наглые грибы.

«Развѣ не она заставляетъ монаха пробираться въ чужіе сады и заглядывать ночью въ окна спящихъ? Развѣ не она приводитъ въ безуміе монахиню и помрачаетъ разумъ царевны? Она заставляетъ склоняться голову короля до самой земли, и его волосы метутъ дорожную пыль, а уста бормочутъ безстыдные слова, и онъ смѣется и высовываетъ языкъ.

«Такова любовь!

«Нѣтъ, нѣтъ, она совсѣмъ другая, и она непохожа ни на что на свѣтѣ! Она сошла въ весеннюю ночь, когда юноша увидѣлъ два глаза,— два глаза. Онъ смотрѣлъ и не могъ оторваться. Онъ цѣловалъ губы, и ему казалось, что въ его сердце встрѣтились два луча: солнце и звѣзда свѣтили другъ другу навстрѣчу. Онъ уналъ въ объятія и не слышалъ и не видалъ больше ничего на свѣтѣ.

«Любовь—это первое слово, произнесенное Богомъ, первая мысль, осянвшая Его. Когда онъ произнесъ: «Да будетъ свѣтъ»—родилась любовь. И все, что онъ сотворилъ, было такъ прекрасно, что онъ ничего не хотѣлъ передѣлывать. И любовь была первоисточникомъ міра и его властелиномъ. Но всѣ пути ся покрыты цвѣтами и кровью,—цвѣтами и кровью!..»

Что специально взялъ себѣ Гамсушъ въ удѣлъ изъ необъятной и разнообразной психологіи любви — это психологію «мучительства любви». Какъ Достоевскаго по справедливости называли «жестокимъ талантомъ», такъ въ полномъ смыслѣ это опредѣленіе шло бы и къ Кнуту Гамсуну. «Любовь—это жестокая вещь», эта фраза, какъ при-

лѣвъ, много разъ прорѣзаетъ послѣдній романъ его — «Розу». И это какъ бы девизъ ко всему собранію его сочиненій. Достоевскій только шире Гамсуна. Онъ мучительствуетъ надъ читателемъ по всей широтѣ душевныхъ переживаній — религіозныхъ, нравственныхъ, романтическихъ.

Гамсунъ, по сѣйствамъ своего писательскаго темперамента, беретъ себѣ въ удѣлъ только область «любвонной муки». Его любимое дѣло наблюдать, какъ два уже крѣпко полюбившихъ другъ друга человека терзаютъ одинъ другого въ увлекательной, но и мучительной, какъ пытка, любовной игрѣ. Ни одинъ художникъ не дастъ болѣе яркихъ показаній того, какая огромная роль въ любви отведена человеческому самолюбію.

Передъ вами обнажаются мужская и женская душа въ ихъ безконечныхъ переливахъ ласковости и враждебности, притяженія и отталкиванія, безумнаго влеченія и противорѣчиваго каприза самолюбія, не желающихъ поступиться мелочью. Для Гамсуна точно не существуетъ тихой, спокойной, уравновѣшенной любви. Ему это просто неинтересно. На пространствѣ нѣсколькихъ сотенъ написанныхъ имъ печатныхъ листовъ почти вовсе нѣтъ картинъ этой идиллической любви.

Романъ кончается для Гамсуна, умираетъ, перестаетъ быть поэтическимъ тамъ, гдѣ кончилась буря и наступила тишина. Только противорѣчія любви, только сложные изгибы ея, только страданіе и пытка страсти занимаютъ его.

Спокойная, уравновѣшенная любовь ему непонятна. Онъ ея не знаетъ. Для него назвать слово «любовь» совершенно то же, что произнести слово «страданіе». Любовь — это очаровательная пытка, ослѣпительно-прекрасная мука, безумное влеченіе и безумное сопротивленіе. Тихій разгаръ чувства, нѣжное объясненіе въ прекрасную ночь, озаренную сѣвернымъ сіяніемъ, успокаивающія клятвы «его» «ей» или «ея» «ему» — все это онъ можетъ бросить случайнымъ эпизодическимъ лицомъ своего романа, которымъ потомъ раза два или три придется вынырнуть въ дальнѣйшемъ ходѣ повѣствованія. Но чтобы сдѣлать это специальнымъ предметомъ своей романтической монографіи, — нѣтъ, Гамсунъ не рожденъ для этого! И здѣсь онъ непосредственно примыкаетъ къ тѣмъ художникамъ, извѣстнымъ исторіи литературы, которые брали себѣ въ исключительный удѣлъ психологію ревности, мести, измѣнничества и т. д.

У.

Но не могло бы быть ошибки горшей, чѣмъ обвиненіе Гамсуна въ психологическомъ извращеніи. Можетъ-быть, сейчасъ во всемъ мірѣ нѣтъ художника болѣе здороваго и болѣе любящаго здоровье, естественность, нормальное природное влеченіе, самоё наконецъ природу въ ея

здоровой и животворящей красотѣ, чѣмъ онъ. Малѣйшей тѣни ненормальности, душевнаго вывиха не найти въ гамсуновской психологіи двухъ влюбленныхъ мучителей.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ самымъ здоровымъ, сильнымъ и бодрымъ натурамъ не свойственно это увлеченіе любовнымъ подразниваніемъ? Не это ли отъ временъ фараоновъ до дней Ромео и Юліи и отъ ихъ эпохи до сегодняшняго дня дѣлало для человѣчества любовь очаровательной игрою, затмевающею своею прелестью всякую иную игру? Не рисковала ли бы любовь засахариться, стать прѣсною, безвкусною и вялою, если бы человѣчество отказалось отъ всего калейдоскопическаго разнообразія этой игры, отъ милыхъ сценъ намѣренно возбужденной ревности, отъ маленькихъ ссоръ, послѣ которыхъ такъ плѣнительно примиреніе!

Вотъ область, гдѣ Гамсунъ — истинный волшебникъ, мастеръ, очаровательный фантазеръ, неутомимый и изумительный выдумщикъ. Съ такимъ искусствомъ онъ вовлекаетъ васъ въ этотъ переилетъ замысловатой игры, въ эту прелестную «войну» двухъ любящихъ, въ эти вѣчныя подразниванія ихъ, — что вы положительно переживаете это очарованіе точно на себѣ самомъ. Онъ захватываетъ васъ этой борьбой двухъ самолюбій, изъ которыхъ то одно, то другое побѣждаетъ, но ни то ни другое никогда не сдается.

Микроскопическія мелочи, какой-нибудь взглядъ, какое-нибудь пожатіе руки, все то, что такъ ничтожно при взглядѣ со стороны и такъ безконечно огромно для участниковъ романтической «схватки», — Гамсунъ умѣетъ возвести и для посторонняго читателя на степень чего-то значительнаго, во всякомъ случаѣ, страшно интереснаго.

Вотъ писатель, на которомъ, какъ на оселкѣ, можно пробовать поэтичность и непоэтичность души. Кому скучно надъ книгами Гамсуна, съ тѣмъ напрасно было бы говорить о поэзіи, романтикѣ, власти сердца и т. п. Это — душа, рожденная для ариѳметики и канцелярій...

Чтобы быть на высотѣ такого анализа, нужна была типичная сѣверная душа, не отвлекаемая отъ глубокой душевной работы ни великолѣпнымъ южнымъ небомъ, ни чудеснымъ лазуревымъ моремъ, ни шумомъ широкой европейской улицы, по которой сломя голову несутся трамваи и автомобили. Сосредоточенная сѣверная природа, торжественная ночная тьма, только прѣдка испугиваемая сѣвернымъ сіяніемъ, безконечныя снѣжныя равнины, красавецъ сѣверный лѣсъ изъ сосенъ и елей, не мѣшающій ничьей думѣ, жуткій скрипъ льдовъ въ угрюмыхъ фіордахъ, маленькія чистенькія улицы норвежскихъ городковъ, — только эти условія могли создать такую пытливо-сосредоточенную и глубокую душу, способную прослѣдить всѣ извивы капризнаго и противорѣчиваго чувства. Французскіе «эксперты» челоѣческаго романа иногда прямо блѣднѣютъ передъ Гамсуномъ, этимъ

летиннымъ сыномъ природы, учителемъ котораго въ искусствѣ слова былъ только одинъ Господь Богъ.

«Мучительство любви» составляетъ исчерпывающее содержаніе такихъ великолѣпныхъ вещей Гамсуна, какъ «Панъ», «Викторія», «Мистерія», «Сумасбродъ», оно же яркой струей окрашиваетъ почти всѣ безъ исключенія остальные его романы и значительную часть разсказовъ.

Только огромная душевная содержательность даетъ возможность Гамсуну выходить побѣдителемъ-тріумфаторомъ изъ такой задачи. Можно представить, въ какіе несносные перепѣвы самихъ себя, въ какое скудное однообразіе впали бы десятки беллетристовъ небольшого дарованія, если бы очертили себя такимъ кругомъ писательскихъ задачъ! Гамсунъ умѣетъ быть неистощимо разнообразнымъ. До сихъ поръ онъ ни разу не повторилъ себя. При единствѣ лейтъ-мотива романическаго ратоборства онъ даетъ великое множество мелодій, никогда не схожихъ, милыхъ и прелестныхъ въ своей нѣжности, или страшныхъ и трагическихкихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по пословицѣ, коса попадаетъ на камень, т.-е. одна непреклонно-самолюбивая воля сталкивается съ другою стальной волей.

Секретъ писательскаго обаянія, конечно, одинъ въ роды родовъ: — зажигаетъ только тотъ, кто самъ горитъ. Гамсунъ — всегда горячъ, моментами пламененъ. Переживанія его героевъ настолько жизненны и ярки, что, какъ это ни мало правдоподобно, —прямо трудно отогнать отъ себя мысль, что все это пережито имъ лично въ дѣйствительности.

Порой кажется до иллюзіи явнымъ, что онъ просто-напросто написалъ, безъ прикрашъ и виньетокъ, собственный романъ.

VI.

Можетъ-быть, это огромная ошибка, которую трудно провѣрить. Почти намѣренно Гамсунъ прячетъ свою личную жизнь, не открываетъ съ интервьюерами, не далъ никому своей автобіографіи, сколько-нибудь пространной. При такихъ обстоятельствахъ критику остается только догадываться.

Что во всякомъ случаѣ какія-то настоящія лица являлись «натурой» для Гамсуна, по крайней мѣрѣ, пока рѣчь идетъ объ его шедеврахъ, — этому косвеннымъ, но, кажется, безспорнымъ доказательствомъ можетъ служить то, что онъ, какъ очень немногіе изъ писателей, любитъ возвращаться къ своимъ прежнимъ героямъ.

Какъ бы воочию видишь, какъ ему трудно оторвать отъ своего сердца образъ, съ которымъ онъ сроднился за нѣсколько лѣтъ, мѣсяцевъ или недѣль художнической работы.

Онъ окончилъ «Пана», но снова возвращается къ своему герою, лейтенанту Глану, и дѣлаетъ къ повѣсти эпилогъ разсказомъ «Смерть Глана». Онъ разстался съ богачемъ Маккомъ, его дочерью Эдвардой, и

вдругъ, много лѣтъ спустя, не дальше, какъ въ прошломъ году, послѣ цѣлаго ряда романовъ и разсказовъ съ другими героями, — вдругъ снова и Маккъ и Эдварда воскресли въ прелестномъ романѣ «Роза», говорящемъ о томъ, что, и переступая грань 50-го года жизни, Гамсунъ не утратилъ своего восхитительнаго таланта, стоящаго иногда почти на рубежѣ гениальности.

Дагни Килландъ, трагическая героиня «Мистеріи», снова передъ вами въ «Редакторѣ Люнге», и вы немножко разочаровываетесь, видя ее здѣсь въ прозаической обстановкѣ. Нѣкогда Гамсунъ разстался съ своимъ героемъ Мункенъ Вендтомъ, — и въ той же «Розѣ» старый знакомый снова передъ вами въ прежнемъ живописномъ костюмѣ оборванца-охотника и въ прежнемъ великолѣпнѣй бодрой, не склоняющейся и хищной воли.

Неутомимый искатель Карено — главный герой трехъ лучшихъ драмъ Гамсуна. Бондзень, котораго читатель встрѣчаетъ плохонькимъ и, повидимому, мало общающимся газетчикомъ въ драмѣ «У вратъ царства» — вырастаетъ въ довольно эффектную фигуру вліятельнаго журналиста, до нѣкоторой степени ворушающаго общественнымъ мнѣніемъ, хотя и остающагося при той же маленькой, предательской и фатоватой душонкѣ, въ «Редакторѣ Люнге».

Мало этого, передъ внимательнымъ читателемъ нѣтъ-нѣтъ да и выскользнетъ и повторится какой-нибудь даже изъ третьестепенныхъ персонажей, — какой-нибудь честный студентъ Хойбро или капитанъ Рейерсенъ, случайно встрѣченный вами въ какомъ-нибудь разсказѣ и мимоходомъ задѣвший ваше вниманіе.

Такія частности поверхностный читатель и не уловить и не оцѣнить. Для Гамсуна они полны смысла. Онъ никогда не ошибется, не станетъ въ противорѣчіе съ собой, не перепутаетъ время. Не менѣе цѣнно это и для внимательнаго критика. Все это какъ будто очень опредѣленно говорить за то, что здѣсь приходится имѣть дѣло не съ простою прихотью беллетриста, которому вздумалось вернуться къ знакомому образу, и онъ вернулся. Не дастъ ли это право думать, что и за Гланомъ, и за Эдвардой, и за Дагни, и за Карено, и за Бондзеномъ, и даже за этими мимоходными Хойбро или Рейерсенами для Гамсуна стоитъ кто-то живой и яркій, во плоти и крови, взятый изъ дѣйствительной жизни хотя бы и такъ, какъ беретъ художникъ, т. е. путемъ комбинирования въ одно чертъ многихъ, — и онъ ясно видитъ цвѣтъ ихъ глазъ, волосъ и игру личныхъ мускуловъ?

Повторяю, не будь Гамсунъ такъ царственно одаренъ природою, въ этой чертѣ могъ бы почувствоваться трагическій оттѣнокъ. Писателю словно не уйти отъ тѣхъ образовъ, которые связались съ его молодостью. Сейчасъ послѣ того, какъ онъ только-что положилъ перо, написавшее «Розу», жалѣть объ этомъ не приходится.

Не досадно и то, что эта особенность какъ бы прогрессируетъ въ

немъ. Романъ «Бенони» повлекъ за собою вторую часть — «Розу», и когда вы кончаете этотъ романъ, вы ясно видите, что красивая драма любви молодого художника-студента, окрашенная такими унылыми тонами на послѣднихъ страницахъ романа, — еще не имѣетъ своего конца, что за «Розой» должна слѣдовать послѣдняя часть трилогіи, гдѣ, можетъ-быть, великое солнце любви освѣтитъ и путь отвергнутого разсказчика.

VII.

Ярко-типичнымъ для творчества Гамсуна созданіемъ являются послѣдовавшія за «Голодомъ» «Мистеріи».

Сложный, загадочный, глубокий, такъ напоминающій своей самобытностью и странностями героя «Голода», герой «Мистерій» Нагель — воплощеніе мученичества любви. Никому незнакомый, прибывшій откуда-то издалека въ чужой городъ, весь туманный въ прошломъ, какъ и загадочный въ настоящемъ, Нагель съ первой встрѣчи съ Дагни Килландъ смертельно раненъ любовью.

Она невѣста другого. Она говоритъ Нагелю, что любитъ того, другого. Но настойчиво, безумно, безразсудно Нагель домогается любви этой трагической дѣвушки, изъ-за которой уже одинъ человѣкъ безъ зова сверху ушелъ съ земли. Порою Нагель самъ видитъ бесплодность своихъ исканій и опускается въ бездны отчаянія, потому что на землѣ ему нуженъ только одинъ человѣкъ.

Вся душа Нагеля, всѣ переливы его тревогъ, надеждъ, поражений и отчаянія вскрыты Гамсуномъ съ потрясающею силой. И когда Нагель кончаетъ съ собою и бросается съ пристани въ море — такой конецъ ударяетъ вамъ въ сердце, но не удивляетъ. Такъ должно быть, и не можетъ быть иначе тамъ, гдѣ «сильна любовь, какъ смерть, и ревность жестока, какъ адъ».

Если гдѣ музыкальный терминъ съ удобствомъ можетъ быть перенесенъ на литературное произведеніе — это здѣсь. «Мистерія» — это истинная симфонія нераздѣленной любви, бурная, захватывающая, уносящая васъ отъ обыкновенныхъ маленькихъ, «комнатныхъ» чувствъ въ царство какого-то сплошного экстаза любви-мѣки. Здѣсь «въ поразительномъ, пламенномъ, отрывистомъ стилѣ, въ молніеносномъ описаніи, съ неслыханнымъ психическимъ импрессионизмомъ, Гамсуна далъ намъ картину травли души, далъ душевный кинематографъ» (Брандесъ).

Самая форма романа, своеобразная до полной исключительности, въ своемъ родѣ прямо единственная, напоминающая порой развѣ нашего Достоевскаго съ его надрывами, устремленіями въ сторону, съ его почти эпилептической порывистостью, — какъ нельзя болѣе соответствуетъ задачѣ.

Теоретикъ словесности осудилъ бы эту вещь, какъ «романъ» въ

строгомъ смыслѣ. Гамсунъ точно намѣренно ломаетъ стройность разсказа. Предъ вами въ самомъ дѣлѣ какой-то кинематографъ души, гдѣ открывается одна и за ней другая бездна, одно переживание, отличное отъ другого, и читателю почти самому приходится догадываться о внѣшней обстановкѣ происходящаго.

Разсказъ вдругъ прервался, и—передъ вами на нѣсколькихъ страницахъ, какъ у Достоевскаго, внутренняя дума героя, «копанье» въ своей душѣ, анализъ мысли, прихотливо и капризно скачущей отъ думъ о Богѣ къ размышленіямъ о нервности и безпричинныхъ страхахъ, отъ смерти къ смѣху, отъ Толстого къ Гюго и т. д.

Страницы публицистики, страницы литературной критики вдругъ врѣзаются въ романъ. Это—стройка безъ всякаго архитектора, безъ плана, безъ симметріи, безъ ватерпаса и отвѣса. И однако Гамсунъ умѣетъ всюду быть настолько оригинальнымъ, что, и попавъ на его критическія размышленія объ Ибсенѣ или стортингѣ, вы прочтете ихъ, не пропуская. Можно сказать безъ преувеличеній: во всей молодой современной литературѣ не указать ничего иного, чтѣ болѣе приближалось бы къ вѣщаніямъ о человѣкѣ Достоевскаго. Эта книга дѣйствительно «крѣпка и сильна, какъ вино», — какъ выразился одинъ русскій критикъ о другихъ книгахъ Гамсуна.

Кстати самъ Гамсунъ высоко ставитъ нашего писателя. Это мнѣніе ясно высказано имъ на страницахъ его путешествія по Россіи.

«Достоевскій, — пишетъ онъ: — умеръ фантазеромъ, безумцемъ, гениемъ. Никто не разобралъ глубже, чѣмъ онъ, сложныхъ явленій человѣческой души. Его психологическое чутье неотразимо, оно близко къ ясновидѣнію. Чтобы опредѣлить его высоту, намъ не хватитъ мѣры. Онъ стоитъ особнякомъ. Онъ воображалъ, что онъ геній, работалъ надъ собой и ушелъ такъ далеко, что до сихъ поръ еще никто не могъ сравняться съ нимъ. Вотъ передъ нами двѣнадцать томовъ его произведеній, и никакіе другіе двѣнадцать не могутъ помѣряться съ нимъ!..»

Въ частности Гамсунъ восторгается повѣстью Достоевскаго «Кроткая». Для него эта крошечная вещь недостижимо велика. Это высокоцѣнное сужденіе: въ психологін, какую здѣсь тронулъ Достоевскій, Гамсунъ сейчасъ единственный экспертъ и мастеръ, не имѣющій соперниковъ.

VIII.

Гамсунъ ненавидитъ культурную жизнь, огромные каменные Вавилоны, переполненные клѣтками для живыхъ людей, оглушающіе шумомъ трамваевъ и отравленные испареніями человѣческой толпы. Такой городъ можетъ родить только жалкихъ людей-полурабовъ, «съ фантазійей, вскормленной овсянкой». Гамсунъ мечтаетъ совѣмъ о другомъ человѣкѣ,—свободномъ, прекрасномъ, дышащемъ одною жизнью съ природой, превращающемъ міръ въ очаровательную сказку.

Центральною въ этомъ смыслѣ вещью Гамсуна, истиннымъ гимномъ свободному человѣку является его большая повѣсть «Панъ».

Это—чудесная эпопея здоровой, прекрасной, хищной любви. Лейтенантъ Гланъ убѣжалъ отъ культурной пошлости и лжи, отъ большихъ городовъ, отъ постылыхъ свѣтскихъ условностей въ чудесную сѣверную глушь. Въ великолѣпномъ лѣсу онъ построилъ себѣ хижину и живетъ въ ней, какъ дикарь, или, лучше, какъ праотецъ Адамъ. Никто не ходитъ къ нему «въ гости», никто не напоминаетъ ему о живыхъ городахъ. Онъ счастливъ, веселъ и беззаботенъ, отдавшисъ здѣсь «лѣсамъ и одиночеству». Ему всего 30 лѣтъ,—«30 лѣтъ вѣдь не старость!»

Сильный, здоровый, «со взглядомъ звѣря», какъ первобытный Немродъ, онъ бродитъ по лѣсу съ ружьемъ. Его счастье «въ одинъ прекрасный день застрѣлить орла» въ безмолвныхъ высотахъ неба. Только крикъ морскихъ птицъ и выстрѣлы его ружья нарушаютъ великолѣпное молчаніе сѣвернаго лѣса. Его единственный другъ, котораго онъ захватилъ оттуда, изъ міра условностей, это—собака Эзонъ, съ которой вмѣстѣ онъ прислушивается къ молчанію или къ глухому шуму лѣса.

Въ образъ «Пана» Гамсуна вложилъ всю свою психологію очарованія природой. У Глана — чисто-звѣриное, волчье чутье міровой жизни. Ему не нужно часовъ, потому что ему подскажутъ время морской приливъ и отливъ, трава, которая ложится спать въ опредѣленное время, или постоянно мѣняющееся пѣніе птицъ.

«Я вижу время по цвѣтамъ, которые послѣ полдня закрываются, по листьѣ, то свѣтло-зеленой, то темной. Кромѣ того, я просто это чувствую... Я стрѣляю не для того, чтобы убивать, — я стрѣляю, чтобы жить. Мнѣ сегодня нуженъ одинъ тетеревъ, и я быю не двухъ, а одного. И къ чему мнѣ убивать больше? Я живу въ лѣсу. Я сынъ лѣсовъ... Я обѣдаю, сидя на землѣ, а не вытянувшись на стулѣ. Я могу ложиться на спину и закрывать глаза, если мнѣ этого захочется. И говорить я могу тамъ все, что мнѣ угодно, и рѣчь звучитъ въ лѣсу, какъ изъ глубины сердца...»

Это говоритъ Гланъ дѣвушка, которую полюбилъ, и его слова звучатъ для нея, какъ музыка.

«Если бы вы только знали, чего я ни насмотрюсь въ поляхъ! Зимой идешь по полю и видишь на снѣгу слѣды тетерева. Вдругъ слѣды исчезаютъ. Птица улетѣла. Но по отпечатку крыльевъ я вижу, въ какомъ направленіи она полетѣла, и скоро нахожу ее. И каждый разъ что-нибудь новое! А осенью я наблюдаю за падающими звѣздами... На опушкѣ лѣса растутъ папоротникъ и борецъ, цвѣтеть верескъ,— я люблю его маленькіе цвѣточки. Хвала Тебѣ, Господи, за каждый видѣнный мною кусточекъ! Они были маленькими розами на моемъ пути, и я плачу отъ любви къ нимъ!..»

Здѣсь, въ глуши, звѣри подходятъ къ Глану и осматриваютъ его. «Привѣтствую всѣхъ васъ,—обращается онъ къ жукамъ на листьяхъ деревьевъ и букашкамъ, ползущимъ по дорогѣ».

«Мой милый лѣсъ, мое убѣжище, Божья благодать!» — скажу я тебѣ отъ полноты моего сердца. Я останавливаюсь, глядя по сторонамъ и со слезами на глазахъ называю по имени птицъ, деревья, камни, траву, пчелъ, — оборачиваюсь и пазываю ихъ всѣхъ по порядку. Я смотрю на горы и думаю: «да, я сейчасъ приду», — какъ будто отвѣчаю на чей-то зовъ. Благословенны будьте вы, — говорю я вѣтеркамъ:—за то, что вѣете мнѣ въ лицо, благословенны будьте вы: мое существо полно благодарности къ вамъ! И Эзонъ кладетъ мнѣ на колѣни свою лапу...»

IX.

Почти библейскою красотою вѣетъ отъ этихъ восторженныхъ строкъ Гамсуна. Передъ вами точно Адамъ, нарскаяющій имена звѣрямъ и птицамъ въ первозданномъ раѣ. Только тотъ, кто въ высокой степени поэтиченъ и всецѣло проникся природой, кто дѣйствительно «одною съ ней жизнью дышалъ», могъ создать гимны Божьему міру такой красоты, какъ, на примѣръ, слѣдующая пѣснь «желѣзнымъ», т.-е. августовскимъ сѣвернымъ ночамъ съ первыми морозами.

«Люди, птицы и звѣри, да здравствуетъ эта одипокая ночь въ лѣсу, въ лѣсу! Да здравствуютъ мракъ и шопоть Бога среди деревьевъ, нѣжное, простое благозвучіе тишины, зеленая листва и желтая листва! Да здравствуютъ звуки жизни и собака, съ фырканиемъ нюхающая землю!..

«Да здравствуетъ дикая кошка, которая вытянулась всѣмъ тѣломъ и прицѣпляется, готовая прыгнуть на воробья, въ темнотѣ, — въ темнотѣ.

«Да здравствуетъ кроткая тишина земли, да здравствуютъ звѣзды и серпъ луны! Да, я пью за нихъ и за него...

«Я встаю и прислушиваюсь. Никто меня не слышитъ. Я снова сажусь.

«Благодареніе тебѣ, уединенная ночь! И вамъ, горы, мракъ и шумъ моря,—оно шумитъ въ моемъ сердцѣ. Благодареніе за жизнь, за дыханіе, за милость жить сегодня ночью, — благодареніе изъ глубины моего сердца!

«Послушай па востокъ и послушай на западъ, — нѣтъ, послушай только,—это вѣчный Богъ! Эта тишина, что шепчетъ мнѣ на ухо—кипучая кровь всей природы, Богъ, пронизывающій весь міръ и меня. Я вижу блестящую паутину при свѣтѣ моего костра, я слышу плывущую по морю лодку. Тамъ, на сѣверѣ, сѣверное сіяніе ползетъ по небу. О, клянусь моей безсмертной душой, я благодаренъ отъ всей души, что это я здѣсь сижу»...

Героиня «Пана» — Эдварда, снова представшая намъ въ романѣ «Роза», даетъ совершенно соотвѣтствующую образу Глана характеристику:

«Онъ былъ такой чуткій, впечатлительный. Все на него дѣйствовало: и погода, и солнце, и луна, и трава. И вѣтеръ словно говорилъ съ нимъ. И гудѣнье на вершинахъ скалъ будило въ немъ отзвукъ!..»

Трудно передать обаятельность мужского образа Глана для современнаго читателя, такъ отвыкшаго отъ сильныхъ и бодрящихъ образовъ въ литературѣ, такъ сроднивагося съ облякомъ современнаго печальнаго «героя времени», неврастеническаго, хныкающаго, нервознаго и безсильнаго. И вы совершенно понимаете героиню «Пана» Эдварду, дочь богатаго купца Макка, едва 16-лѣтнюю дѣвушку, на которую образъ сильнаго, дерзновеннаго, прекраснаго, какъ сама природа, Глана производитъ неотразимое впечатлѣніе.

Вчерашняя дѣвочка, Эдварда уже достаточно посмотрѣлась шаблонныхъ, свѣтскихъ людей, съ заученными, дежурными любезностями на устахъ, съ банальною учтивостью, съ избитыми приемами ухаживанія, затрепанными любимъ романомъ, чтобы сразу оцѣнить въ лейтенантѣ его яркое своеобразіе.

Молодой, здоровый, трезвый Гланъ самъ тяготѣеть къ дѣвушкѣ властнымъ влеченіемъ плоти. Рано развившаяся и для своихъ лѣтъ, можетъ — быть, повышено страстная, Эдварда больна Гланомъ, какъ Гланъ боленъ ею. Его лирическія рѣчи о прелести одинокой прекрасной жизни, его «звѣриный взглядъ», запахъ моха и оленя, какой пеходитъ отъ его одеждъ, чаруютъ ее. Благовоспитанная барышня дѣлаетъ цѣлый рядъ капризовъ и эксцентричностей, которыя привели бы въ ужасъ чопорное свѣтское общество. Однажды, въ присутствіи другихъ, ея губы крѣпко впираются въ губы Глана. Ночью, сквозь сонъ, Гланъ чувствуетъ близость около себя въ дикомъ лѣсу смѣлой дѣвушки.

«— Можетъ-быть, это были вы?— спрашиваетъ онъ ее на утро.— Сегодня утромъ я видѣлъ слѣды на травѣ...»

Ея отвѣтъ-признаніе звучитъ изумительно красиво и просто:

«— Да.— говоритъ она, прижимаясь къ нему.— Это была я. Но вѣдь я васъ не разбудила? Я шла такъ тихо, какъ только могла. Да, это была я. Я еще разъ была недалеко отъ васъ. Я люблю васъ...»

И Эдварда и Гланъ принадлежатъ къ тѣмъ излюбленнымъ Гамсуномъ натурамъ, для которыхъ высшая прелесть любви не въ идилліи счастья, а въ переживаніяхъ любовной игры и борьбы. Съ той самой минуты, когда читателю совершенно ясно, что и онъ и она любятъ другъ друга, когда онъ сталъ уже свидѣтелемъ объясненія,— для Глана и Эдварды наступаетъ пора мученій. Кажется, съ этого мгновенія всѣ ихъ усилія направлѣны на то, чтобы взаимно скрыть свое чувство.

Весь дальнѣйшій романъ—исторія войны между двумя любящими.

Ни тотъ ни другая не поступятъ самолюбіемъ, хотя бы имъ грозили разрывъ, отчужденіе, несчастье или смерть.

Гланъ появляется въ домѣ богатаго Макка. Его принимаютъ съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ уваженіемъ. Но для Эдварды онъ—вѣчный предметъ вызывающихъ шутокъ, насмѣшекъ, испытаній ревности. Отвыкшій отъ свѣтскаго общества, Гланъ проливаетъ стаканъ чая на столъ, и она изводитъ его этой неловкостью.

Не владея собой, въ приливѣ первобытнаго чувства ревности, самъ онъ готовъ на какія угодно чудачества, одно воспоминаніе о которыхъ позднѣе отравляетъ ему жизнь. Катаясь съ нею въ лодкѣ, на глазахъ у всѣхъ, онъ срываетъ съ ея ноги башмачокъ и далеко швыряетъ его въ воду. На балу она мучитъ его своимъ вниманіемъ къ другимъ и отходитъ отъ него, когда онъ только что-начинаетъ фразу. — «У меня пустой стаканъ», — отвѣчаетъ она ему, когда тотъ хочетъ съ нею чокнуться. Гланъ смѣется надъ физическимъ недостаткомъ чловѣка, въ которомъ можетъ видѣть своего соперника и притязателя на руку Эдварды, — въ отвѣтъ Эдварда готова возвести его хромоту въ достоинство.

«— Вы не хромаете, нѣтъ, но если бы вы сверхъ всего еще хромили, то вы передъ нимъ не устояли бы!»

И этой пары мимолетныхъ словъ явнаго вызова Глану уже достаточно для того, чтобы прострѣлить свою ногу и поставить себя такимъ образомъ на одну доску съ соперникомъ.

Высшая прелесть игры любви—въ переливахъ такихъ ссоръ и примиреній. Гамсунъ огромный мастеръ и на такія нѣжныя сцены. Эти ласковыя соприкосновенія душъ послѣ недавней ссоры въ его книгахъ прелестны, какъ лѣтній дождь при смѣющемся солнцѣ. Почти нельзя читать безъ волненія, напримѣръ, ту сцену въ «Панѣ», гдѣ любящая дѣвушка, изстрадавшаяся въ этихъ постоянныхъ мученіяхъ ревности, совершенно отказывается отъ самолюбія и, покоренная, захваченная и смятая страстью, говоритъ ему слова откровеннаго признанія:

«— Не вырывай у меня сердца изъ груди! Я пришла къ тебѣ сегодня, караулила тебя здѣсь и улыбалась, когда ты шелъ. Я чуть не сошла съ ума, потому что ни о чемъ другомъ не могла думать. Все пошло колесомъ вокругъ меня,—я все время думала о тебѣ. Я сидѣла у себя въ комнатѣ, кто-то вошелъ, и я подняла глаза, хотя все равно знала, что пришелъ ты... Вотъ ужъ часъ, какъ я жду тебя здѣсь. Я стояла подъ деревомъ и видѣла, какъ ты шелъ. Ты былъ точно богъ. Какъ я люблю твою осанку, твою бороду, твои плечи, — все въ тебѣ люблю!..»

Тысячи на мѣстѣ Глана задыхались бы въ безумномъ счастьѣ. Гланъ слушаетъ ее и готовъ обезумѣть отъ отчаянія. Вы недоумѣваете, почему. Значить, вы мало знаете Гамсуна.

Гланъ не можетъ отказать себѣ въ величайшемъ наслажденіи ото-

метять дѣвушкѣ за все свои недавнія страданія изъ-за нея. Передъ этимъ наслажденіемъ блѣднѣетъ даже высшее наслажденіе раздѣленной любви. Какъ бы искусственно онъ ожесточаетъ свое сердце и, точно человѣкъ, не слышавшій ничего изъ того, что она сказала, или пропустившій все это мимо ушей, равнодушно спрашиваетъ ее:

«— Вы что-то хотѣли мнѣ сказать?»

X.

И, разумѣется, вы можете не удивляться, когда со слѣдующей страницы начинаете слѣдить въ мельчайшихъ подробностяхъ исторію злого издѣвательства Эдварда надъ Гланомъ. Такія оскорбленія женщина забываетъ еще труднѣе, чѣмъ мужчина.

Теперь Гланъ уже отомщенъ, сердце его умягчено, онъ простилъ, и съ его стороны, казалось бы, ничто уже не препятствуетъ слиянію душъ. Онъ почти готовъ сдѣлать первый шагъ къ признанію. Теперь ему кажется, что отъ этого его самолюбіе не пострадало бы несколько. Но уже девятый валъ ходитъ въ душѣ Эдварды. Она любитъ его такъ же мучительно, какъ онъ ее, однако самой себѣ она боится въ этомъ признаться. Сравненіе вульгарно, но, право, эта трагическая исторія двухъ любящихъ по схемѣ своей напоминаетъ ту комическую побасенку о сватовствѣ журавля за цаплю, гдѣ одна сторона оказывалась согласной на бракъ въ ту минуту, когда была несогласна другая, и наоборотъ.

Между двумя любящими съ этой минуты начинается борьба на ножахъ. Эдварда колеть и ранитъ Глана при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Гланъ дѣлаетъ злую вылазку по адресу возможнаго жениха дѣвушки.

«— Нѣтъ, онъ лучше васъ, — отражаетъ ударъ Эдварда. — Онъ умѣетъ держаться, не разбивая чашекъ и стакановъ, и оставляетъ въ покоѣ мои бацмаки».

Гланъ продолжаетъ свою атаку и доводитъ любимую дѣвушку почти до бѣшенства и отчаянія.

«— Онъ полнѣйшее ничтожество, — смѣется Гланъ.

«— Нѣтъ, онъ нѣчто, нѣчто! — кричитъ она голосомъ, прерывающимся отъ гнѣва. — Онъ нѣчто гораздо большее, чѣмъ думаешь ты, лѣсной житель! Ты не вѣришь, что я его люблю, но ты увидишь, что ошибаешься! Я выйду за него замужъ! Я буду думать о немъ днемъ и ночью! Запомни, что я говорю: я люблю его».

Есть натуры, готовые разбить свое счастье, если имъ кажется, что этимъ онѣ кому-то мстятъ. Эдварда изъ нихъ. Она даетъ согласіе на бракъ нелюбимому барону. Эдварда обезпечиваетъ себѣ, въ видѣ единственнаго реванша, присутствіе Глана на вечерѣ сговора. Для нея въ этотъ вечеръ не существуетъ никого, кромѣ этого, безумно любимаго и какъ бы бѣшено ненавидимаго человѣка. Но она до конца играетъ

комедію. Она придумываетъ для него одно за другимъ самыя невыгодныя и нелѣпыя положенія. То она обличаетъ его въ устройствѣ свиданія съ прислугой на лѣстницѣ, то обвиняетъ въ пролитіи вина на платьѣ дамъ, когда Глазъ не виноватъ въ этомъ ни душой ни тѣломъ. Лейтенантъ кончаетъ вечеръ грубымъ скандаломъ въ чужомъ домѣ, съ оскорбленіемъ жениха любимой дѣвушки.

«Глазъ» разрѣшается чистою случайностью. Совершенно противъ своей воли Глазъ устраиваетъ катастрофу, жертвою которой является ни въ чемъ неповинная женщина, простолюдника Ева, любившая его простой и немудреной, но крѣпкой любовью. Сыпъ лѣсовъ потрясенъ этой катастрофой. Эдварда, пѣвца чужого, имъ навсегда потеряна. Ему остается бѣжать отъ себя, и онъ рѣшается уйти куда-нибудь далеко, «въ Африку или Индію».

«— Я хотѣла попросить у васъ кое-что на память,—говоритъ ему при послѣднемъ свиданіи Эдварда, кроткая и растроганная прощаніемъ.—Но, боюсь, это чересчуръ много. Дадите вы мнѣ Эзопа?»

Глазъ отвѣчаетъ: «да». Придя домой, онъ подзываетъ собаку, гладитъ ее, кладетъ свою голову рядомъ съ ея головой и беретъ за ружье.

«Эзонъ,—записываетъ Глазъ въ свой рассказъ:—началь визжать отъ радости, думая, что мы идемъ на охоту. Я опять положилъ наши головы рядомъ, приставилъ дуло ружья и нажалъ курокъ. Потомъ я нанялъ человѣка отнести трупъ Эзопа Эдвардъ».

Глазъ тоже пожертвовалъ для своей мести самымъ дорогимъ, что у него было. Правда, принесеніе въ жертву себя не то же, что добровольный отказъ отъ собаки, хотя бы и бывшей единственнымъ другомъ, но поистинѣ художественно-символически этотъ трупъ животного является отгнѣтнымъ упрекомъ Глаза Эдвардъ.

Поистинѣ очаровательна та же «битва» мужчины и женщины, рассказанная Гамеуномъ въ пѣвительной по красотѣ повѣсти «Викторія», равной которой давно уже не выдвигала литература послѣднихъ лѣтъ. Она вся обвѣяна молодымъ, прекраснымъ вдохновеніемъ. Она пѣвнуетъ и потрясаетъ.

Молодой поэтъ, вышедшій изъ скромной и скудной семьи мельника, любить отъ дней ранней юности прелестную дочку мѣстнаго магната. Онъ возвращается на родину юношей, уже увѣнчаннымъ славой, съ прежнимъ пламенемъ любви къ ней. Она не любитъ тоже никого, кромѣ него, но вся повѣсть—исторія ея «сопротивленія» ему.

Юганнесь страдаетъ. Юганнесь всѣми силами души ненавидитъ ея жениха. Происходятъ постоянныя соприкосновенія ихъ душъ. Казалось бы, такъ ясно, что для Викторіи нѣтъ никого, кромѣ Юганнеса, какъ для него нѣтъ никого, кромѣ нея. Но Викторія мучитъ поэта до изнеможенія, до отчаянія, до безумнаго желанія мести.

Случайность устраняетъ ея жениха, — онъ умеръ. Что случилось съ

Викторіей, что она, покорная и ласковая, вся идетъ навстрѣчу давно желанному человѣку!

«— Вы знаете, что я только васъ, Юганшесь, люблю,—погрисенная, лепечеть она.—Вы, конечно, замѣтили это? Все эти годы я такъ тосковала по васъ! Этого никто, никто не хотѣлъ понять! Я ходила по этой дорогѣ и думала: лучше я сверну въ лѣсъ на тропинку, тамъ онъ любить гулять. И я шла туда... Я васъ не видала три года. Вы держали вѣтку въ рукѣ, сидѣли и махали ею, когда я прошла. Когда вы ушли, я подняла вѣтку, спрятала ее и отнесла домой...»

Она—сама нѣжность, сама любовь. Но... но Юганшесь, мстя за свое непріятное ранѣ чувство, уже сдѣлалъ странный шагъ: онъ отдалъ себя чужой ему, безразличной, ненужной ему Камиллѣ.

«— Теперь вы не должны говорить мнѣ объ этомъ, Викторія! — глухо звучить его голосъ.

«— Въ чемъ же дѣло?»

«— Я помолвленъ»,—отвѣчаетъ онъ.— Это почти отвѣтъ Глана: «вы что-то хотѣли мнѣ сказать?»

«Викторія», на ряду съ «Паномъ» и «Мистеріями»—шедевръ Гамсуна. Брандсесь пишетъ о ней:

«Озлобленная страсть рыдаетъ здѣсь. Передъ вами образъ женщины, злобнаго, упрямаго, нервнаго существа, которое оскорбляетъ и безжалостно мучить любящаго ее человѣка и презираетъ его при людяхъ. Эти страницы написаны съ глухой сердечной болью, и трагедія, разыгравшаяся здѣсь, говорить о судьбѣ человѣка, чувства котораго скрыты и опутаны терніемъ, и этимъ терніемъ она и тѣ, кто ее любить, раздирають его сердце».

XI.

Романъ Глана и Эдварды—центральное въ «Панѣ», если, конечно, не имѣть въ виду общаго вѣянія надъ этою новѣстью идеи преклоненія предъ природой. Въ своей статьѣ о Гамсуни *) Купринъ, въ талантѣ котораго удивительно много родственнаго таланту норвежскаго художника, хорошо отмѣчаетъ это. «Главное лицо «Пана» остается почти не названнымъ, — говоритъ онъ: — это могучая сила природы, великій Панъ, дыханіе котораго слышится въ морской бурѣ и въ бѣлыхъ ночахъ съ сѣвернымъ сіяніемъ, ползущимъ вверхъ по небу, и въ «желѣзныхъ» ночахъ осени, и въ шопотѣ листьевъ и въ ихъ молчаніи, и въ зовѣ птицъ и насѣкомыхъ, и въ тайнѣ любви, неудержимо соединяющей людей, животныхъ и цвѣты. Нѣтъ возможности передать подробно содержаніе этой книги, съ ея удивительнымъ, самобытнымъ, волнующимъ тембромъ, съ ея прихотливыми отступленіями, съ ея страстными легендами и горячимъ весеннимъ бре-

*) Сочиненія Куприна, т. VI, стр. 45—54.

домъ, гдѣ сонъ и сонъ во снѣ такъ тонко мѣшаются съ дѣйствительностью, что и не различишь ихъ. Читаешь романъ во второй, въ пятый, въ десятый разъ и все находишь въ немъ новыя сокровища поэзи, — точно онъ неисчерпаемъ».

Психологъ по преимуществу капризовъ любви, аналитикъ сложныхъ и путаныхъ чувствъ, Гамсунъ и въ «Панѣ» не ограничивается исторіей любви Глана и Эдварды. Въ ихъ романъ клиномъ врѣзаются отношенія Глана къ простой женщинѣ—женѣ кузнеца, Евѣ.

Немудрое дитя природы, молодая Ева, какъ и Эдварда, любитъ въ Гланѣ воплощеніе вѣчно-мужественнаго начала. Сама дитя деревни, она влечется къ нему не контрастомъ его всѣмъ обыкновеннымъ, «одомашненнымъ», комнатнымъ людямъ, но просто потому, что онъ—такое же здоровое, нормальное и красивое порожденіе природы, какъ и она.

Вся духовная сторона чувства отдана Гланомъ Эдвардѣ, только ею занять его мозгъ. Ею страдаетъ его сердце. Но и Ева дорога ему своею простою любовью, безъ малѣйшаго зигзага коварства, безъ психологическихъ тонкостей интеллигентной барышни, безъ мучительства и игры. Отношенія Глана къ ней далеко не платоническія, но, право, здѣсь слишкомъ много братскаго чувства къ сестрѣ или отческаго къ дочери. Ея простыя «бабьи» слова обладаютъ свойствомъ умиротворять его душу, измучившуюся въ пыткѣ утонченной и капризной любви. Ужъ эта-то говорить отъ простоты сердца, и ей можно вѣрить. И слова ея такія первобытныя и нехитрыя.

«— Ты зовешь меня своей возлюбленной. Я—совсѣмъ необразованная женщина, но я буду тебѣ вѣрна. Я буду тебѣ вѣрна даже и тогда, если бы мнѣ пришлось изъ-за этого умереть».

Вы недоумѣваете. Вы, можетъ-быть, нѣсколько огорчены и разочарованы въ Гланѣ, когда передъ вами медленно и довольно туго вытекаютъ и обозначаются его отношенія къ Евѣ. Большая и почти подавляющая страсть къ Эдвардѣ какъ будто понижена, разбавлена этою близостью къ Глану другой женщины. И какой? — неинтеллигентной, примитивной, принесшей слишкомъ земное чувство.

Но Гамсунъ не клеветаетъ на мужскую натуру. Внѣшнимъ бытомъ приблизившійся къ дикарю, Гланъ приближается и духовно къ тому первобытному человѣку, который, по увѣренію всѣхъ историковъ культуры, былъ самымъ несомнѣннымъ полигамистомъ. А съ другой стороны, житейскій опытъ и творчество первоклассныхъ мастеровъ развѣ не увѣряютъ насъ, что раздвоеніе души, можетъ-быть, не менѣе обычная вещь, чѣмъ и пламенная безраздѣльная страсть, исключающая всякую тѣнь мысли о другой? Развѣ князь Мышкинъ въ «Идіотѣ» не колеблется между двумя женщинами? И не той же ли темѣ посвящены многія страницы «Карамазовыхъ»? Человѣческая душа слишкомъ сложный инструментъ, чтобы по психикѣ одного судить о другихъ.

Нѣкоторыми страницами Гамсунъ даетъ понять всю разницу между захватомъ Глана Эвардою и простымъ влеченіемъ къ Евѣ. Гланъ и въ объятіяхъ ея не забываетъ Эварды. Будь Ева интеллигентнѣе, ея общеніе съ своимъ возлюбленнымъ было бы для нея сплошнымъ страданіемъ. Свообразное наслажденіе доставляетъ Глану говорить съ Евой объ Эвардѣ.

«— Я люблю твою молодость и твои хорошіе глаза,—говоритъ онъ ей.—Накажи меня сегодня за то, что я о другой думалъ больше, чѣмъ о тебѣ. Послушай, я пришелъ къ тебѣ только затѣмъ, чтобы посмотрѣть на тебя. Мнѣ хорошо съ тобой. Я влюбленъ въ тебя. Ты слышала, какъ я тебя звалъ сегодня ночью! Я звалъ Эварду, фрѣкенъ Эварду, но подразумѣвалъ тебя. Я оговорился, когда сказалъ Эварду. Но не будемъ больше говорить о ней... Знаешь ли, она совсѣмъ не умѣетъ говорить! Она говоритъ, какъ ребенокъ. У нея нахмуренный лобъ. Она даже не моетъ рукъ...»

«— Но мы вѣдь не хотѣли больше о ней говорить!»—резонно замѣчаетъ Ева.

«— Да, правда, я забылъ», — спохватывается Гланъ. Но проходитъ минута, и онъ снова думаетъ и говоритъ только о той, недосяжимой!—«Нѣтъ, у нея и красивый лобъ, и руки у нея всегда чистыя. Это какъ-то разъ случайно были грязныя...»

Въ этомъ раздвоеніи передъ вами, по словамъ извѣстнаго критика Брандеса, «тотъ вариантъ любовной исторіи, основной мотивъ котораго далъ намъ Мопассанъ въ своемъ «Notre coeur». Тамъ такъ же Андре Мариоль глубоко любитъ одну свѣтскую даму, но получаетъ отъ нея за это богатство чувства только крошки, падающія съ ея стола. Онъ находитъ утѣшеніе въ своемъ сокрушенномъ состояніи,—утѣшеніе въ любви къ простой дѣвушкѣ, нѣжно любящей его, ничего другого не вилящей, кромѣ него, и живущей имъ однимъ. Такъ двойная любовь совмѣщается въ человѣческомъ сердцѣ, которое гораздо многостороннѣе, чѣмъ это полагаютъ психологи обыденщины, не переживавшіе ся: мучительная любовь къ свѣтской дамѣ съ одной стороны, и съ другой—тихая, счастливая любовь къ дитяти природы, глубокая, цѣльная, которая нѣжно ласкаетъ и лелѣетъ его больную душу»

«Панъ»—чудесная книга, которая одна могла бы составить писателю огромную извѣстность. Чеховъ называлъ этотъ романъ «чудеснымъ и изумительнымъ». «Романъ, — замѣчаетъ о немъ же Купринъ: — написанъ такъ, какъ пишетъ гений, не справляясь о родахъ и видахъ литературы, не думая о границахъ дозволеннаго и приличнаго, принятаго и привычнаго, безъ малѣйшей мысли объ авторитетахъ предшественниковъ и требованіяхъ критиковъ. Оттого-то этотъ романъ такъ и напоминаетъ ароматъ дикаго, невиданнаго цвѣтка, распустившагося въ саду, неожиданно, влажнымъ весеннимъ утромъ».

ХІІ.

Любовь всегда нѣчто фатальное у Гамсуна. Она спускается, какъ рокъ, повисаетъ надъ человѣкомъ и какъ бы «поражаетъ» его. Всѣ его романы, всѣ его рассказы, это — скорбная повѣсть о людяхъ, которыхъ «Богъ поразилъ» этимъ смертельнымъ чувствомъ.

«Въ описаніи любви, какъ у Гамсуна, такъ и у Шибышевскаго, вы не найдете комически-пикантную эротику Гюи де-Мопассана, ни слащавую поэзію юбокъ Петера Нансена. Они не смотрятъ на женщину, какъ на кошечку или прерафаэлитскую Кунигунду. Нѣтъ, для него женщина — та страшная космическая сила, которая, разъ возбуждивъ въ мужчинѣ любовь, или убиваетъ, или воскрешаетъ, или бросаетъ его въ бездны преступленій. «Знаете, — говоритъ Юганнесь Викторіи: — есть такая пальма, которая цвѣтетъ разъ въ жизни, хотя и достигаетъ иногда восьмидесяти лѣтъ. Талипотовая пальма. Она цвѣтетъ только одинъ разъ. Теперь я цвѣту» *).

Гамсуноу часто скользить по случайнымъ увлеченіямъ своихъ героевъ и героинь, но для него всегда центрально то чувство, которое только разъ приходитъ къ человѣку съ такою силой, что совершенно сотрясаетъ его, ломаетъ жизнь, оставляетъ навѣки по себѣ «алое воспоминаніе». Стихійный захватъ человѣка, великая тайна пола интересуютъ его больше всего на землѣ. Если въ такихъ его вещахъ, какъ романы «Бенонія» или «Роза», передъ вами здоровое, нормальное чувство, тихая, неизгладимая любовь удачника Бенонии къ дѣвушкѣ и женщицѣ, сначала ускользнувшей отъ него, но потомъ ставшей его женой, — то въ многочисленныхъ рассказахъ Гамсуноу съ гораздо большимъ интересомъ слѣдитъ капризъ, изгибъ или вывихъ любви, безуміе ея и ея противорѣчія. Великолѣбно показываетъ онъ страшную тиранію этого чувства въ «Рабахъ любви», «Завоевателѣ», «Голосѣ жизни», «Царицѣ Савеккой», «На Мавританскомъ островѣ» и др.

Въ «Рабахъ любви» передъ вами молодой интеллигентъ и простая служанка ресторана съ двухъ различныхъ сторонъ, въ разномъ полѣ и въ разномъ общественномъ положеніи — иллюстрируютъ непобѣдимую и непреодолимую власть чувства. «Онъ» безумно любитъ какую-то «желтую даму», но эта дама уже отвернулась и уходитъ отъ него. Служанка всѣмъ пламенемъ молодого перваго чувства любитъ этого случайнаго посѣтителя заведенія, дышитъ имъ, замираетъ отъ одной до другой встрѣчи съ нимъ.

Въ финалѣ — онъ кончаетъ съ собою, она теряетъ все — и свои сбереженія, и свое мѣсто, и свой душевный миръ. Передъ вами два подлинно несчастныхъ человѣка, — два «раба» въ самомъ истинномъ и трагическомъ смыслѣ этого слова.

*) А. Мانتель. «О Кн. Гамсуноу», стр. 21.

Въ «Завоевателѣ» Гамсунъ рассказываетъ старую исторію, которая—увы!—остается вѣчно-новой. «Онъ» любитъ одну, домогается ея. Вся его жизнь окрашена ся прелестью. Но вотъ встрѣтилась другая, и гаснетъ чувство. «Разъ вечеромъ онъ оставилъ нераспечатаннымъ до утра письмо красавицы». И вошла въ жизнь другая. Но прошло опять немного времени, и погасъ образъ и этой—второй. Полная страсти, она пишетъ ему: «Пріѣзжай на югъ, теперь здѣсь все въ цвѣту». А онъ, какъ безумный, бросается на сѣверъ, потому что тамъ уже мелькаетъ для него третій, новый оболстительный образъ.

Жуткую, чисто мопассановскую тему Гамсунъ разрабатываетъ въ «Голосѣ жизни».

На безлюдномъ бульварѣ, въ гавани Копенгагена, молодой писатель встрѣчаетъ вечеромъ незнакомку, по первому впечатлѣнію похожую на «обыкновенное дитя ночи». Онъ идетъ за нею. Она не уклоняется отъ разговора, не препятствуетъ ему зайти къ ней, говорить ему свое имя—Элленъ. Она рвется къ нему и ведетъ себя съ нимъ, какъ истинная жрица любви. Но все остальное говорить противъ этого.

И вотъ свѣтаетъ послѣ ночи таинственной и опьяняющей близости. Уходя, онъ случайно заглядываетъ въ сосѣдную комнату. Какой ужасъ! Тамъ на длинномъ столѣ—покойникъ въ гробу. Это старикъ, мужъ 22-лѣтней, такъ жаждущей жизни женщины! И Гамсунъ сидитъ и философствуетъ:

«— У мужа есть жена—на тридцать лѣтъ моложе его. Онъ много лѣтъ боленъ, и вотъ умираетъ. Свободно вздыхаетъ молодая вдова. Очаровательными безумствами зоветъ ее жизнь. И она повинуется голосу жизни и отвѣчаетъ: «иду». И въ тотъ же вечеръ бродитъ она по Деставольтскому бульвару».

Молодой лодочникъ, молодецъ и красавецъ Марцеліусъ («На Мавританскомъ островѣ») такая же жертва хищнаго чувства, какъ герои «Рабовъ любви» или Элленъ въ «Голосѣ жизни».

Онъ любитъ дѣвушку, которая обѣщаетъ свою руку другому. Терпѣливо и долго выжидаетъ Марцеліусъ, когда его Фредрика пойдетъ стричь овецъ на сѣверныя горы острова. Здѣсь онъ подымаетъ ее на вершину скалы и сбрасываетъ въ пропасть, а самъ, «сложивъ руки и поручивъ свою душу Богу», прыгиваетъ въ море.

XIII.

Въ «Царицѣ Савской» человѣкъ влюбляется въ случайно встрѣченную дѣвушку. Потерявъ ее изъ виду, онъ мучительно ищетъ ее, пускается въ какую-то «поистиннѣ донъ-кихотскую скачку» по ея слѣдамъ, претерпѣваетъ десятки неудачъ, попадаетъ въ жалкія и обидныя положенія, и—все это для того только, чтобы потомъ на минуту увидѣть ее и узнать, что она—уже давно жена другого.

На этотъ разъ Гамсунъ нѣсколько измѣняетъ предпочитаемому обычно драматическому тону. Весь этотъ рассказъ, по опредѣленію Брандеса, какой-то трагическій фарсъ, въ которомъ рыцарскій полетъ героя со стороны въ самомъ дѣлѣ представляется въ комической окраскѣ.

Истинный экспертъ романтическихъ настроеній, Гамсунъ безконечно разнообразить свою галерею мужскихъ и женскихъ типовъ, захлестнувшихся волною любви. Тутъ и великолѣпные дикари, въ родѣ Глана, Мункенъ Вендта или Свена Дозорнаго, и стойкіе упрямы, въ родѣ Роландсена или Бенони, и вялые неудачники, въ родѣ того студента-художника, отъ имени котораго ведется романъ «Роза» и который тамъ такъ плачевно и бесплодно ухаживаетъ за женой Бенони.

Свены Дозорные и Мункенъ Вендты берутъ женщину своимъ живописнымъ дикарствомъ. Вендтъ ходитъ почти оборванцемъ, его платье въ прорѣхахъ, но у него красивая борода, глаза съ большими зрачками, и въ шагѣ его чувствуется легкость и упругость звѣря. Свенъ мостея пригоршней снѣга, вытирается подкладкою куртки, чешетъ волосы еловой шишкой. Это воинъ изъ тѣхъ, что когда-то собиралъ подъ своимъ стягомъ Гедеонъ. И, несмотря на это, а вѣрнѣе именно поэтому, въ жизни ихъ ждетъ несравнимо большій успѣхъ, чѣмъ героевъ хорошаго тона.

Гамсунъ весь на сторонѣ этихъ сильныхъ самцовъ, какъ Горькій на сторонѣ своего живописнаго босяка.

Но, такъ любя силу и дерзновеніе, норвежскій романистъ находитъ нѣжныя краски, чтобы изобразить и тоску людей, влюбленныхъ робко и безнадежно, не смѣющихъ даже выказать своей любви. Таковъ его Хойбро въ «Редакторъ Люнге» съ его любовью къ Шарлоттѣ и Гольдвингъ въ «Нови» съ мучительныхъ обожаніемъ Агаты, о которомъ читателю предоставляется скорѣе догадываться.

Въ изображеніи нѣжности, разлитой въ самомъ образѣ влюбленныхъ, въ ихъ движеніяхъ, въ ихъ жестахъ, Гамсунъ возвышается до изумительной и очаровательной чуткости. Глазъ улавливаетъ «удивительно-нѣжное выраженіе рукъ» Эварды, когда она впервые узнаётъ, что онъ былъ боленъ. Студентъ, обожающій Розу, нѣжно гладитъ ручку двери, за которую когда-то бралась любимая имъ женщина. Онъ же становится противъ вѣтра, чтобы защитить ее отъ его дуновенія. Хойбро, встрѣчая любимую дѣвушку, «задыхается отъ блаженства, точно онъ сидитъ на качеляхъ».

«Великій мечтатель, вѣчно готовый проникнуть къ открывшейся тайнѣ и слушать живую музыку міра, всегда съ напряженнымъ вниманіемъ ждущій, что вотъ-вотъ откроются двери въ осуществившуюся полноту его грезъ, наивный, дѣтски-непосредственный, влюбленный въ живой міръ и какъ вѣтромъ захваченный любовью къ женщинѣ,—таковъ мужчина Гамсуна,—говоритъ одинъ русскій критикъ его.—

Его женщина — такой же таинственный и в этой таинственности неотразимо-обаятельный звѣрь, тѣмъ болѣе обаятельный, чѣмъ сильнѣе въ ней выражена эта бессознательная цѣльность живого, гибкаго и измѣнчиваго звѣря, то осторожнаго, то безумно-порывистаго» (Арскій).

По захвату могучимъ, всесокрушающимъ чувствомъ, по красивому слиянію этого чувства съ общимъ обожаніемъ природы, всѣ герои Гамсуна имѣютъ много общаго. Въ «Мистеріяхъ» яркими словами поэтъ опредѣляетъ это состояніе въ своемъ Нагелѣ:

«Онъ былъ въ непонятномъ состояніи, онъ испытывалъ физическое наслажденіе. Каждый нервъ въ немъ бодрствовалъ, музыка играла въ его крови, онъ чувствовалъ себя сроднившимся со всей природой, съ солнцемъ, съ горами, со всѣмъ! Онъ чувствовалъ, что деревья, и земляныя кочки, и стебли — все проникаетъ его и все, обвѣяно его самосознаніемъ. Душа его словно выросла и стала полнозвучна, какъ органъ. Онъ никогда не могъ забыть ту нѣжную музыку, которая трепетала тогда въ его крови».

И захватъ этотъ какой-то стихійный, космическій.

«Что, если бы быть тамъ, среди солнцъ, — мечтаетъ онъ: — носиться тамъ и чувствовать, какъ хвостъ кометы обвѣваетъ тебѣ лобъ! О, какъ ничтожна земля и какъ малъ человѣкъ! Что такое значить быть человѣкомъ? Въ потѣ лица потолкаться въ земномъ прахѣ нѣсколько лѣтъ, упершись въ бока руками, а тамъ все-таки исчезнуть!»

XIV.

Чрезвычайно характерно, что Гамсунъ никогда не подчеркиваетъ не только въ своихъ герояхъ, но даже и въ героиняхъ ихъ исключительной красоты, чудесно избѣгая бабальнаго и опошленнаго пріема плохихъ романистовъ, у которыхъ красота женщинъ всегда ослѣпительна, а мужчины неотразимы. Гамсунъ слишкомъ высоко чтитъ самою по себѣ человѣческую личность, человѣческое сердце, способное любить, что для него вѣшняя красивость почти не имѣетъ значенія.

Конечно, болѣею частью онъ не отказываетъ своимъ женщинамъ и дѣвушкамъ во вѣшней прелести, но въ то же время онъ нисколько не боится проиграть у читателя оттого, если откровенно внесетъ черточку, понижающую красоту. При первомъ взглядѣ на Эдварду, Глацъ находитъ, что «у нея мало красивое и ничего не говорящее лицо». Когда черезъ много лѣтъ Эдварда снова, уже вдовой, появляется въ романѣ «Роза», романистъ не стѣняется повторить, что «лицо ея не было красиво, было маленькое и смуглое», но «прекрасна была голова». Не смущаясь, онъ говоритъ о веснушкахъ, которыя портятъ нѣкоторыя изъ его женскихъ фигуръ.

Совершенно равномерно Гамсунъ не идеализируетъ и мужчинъ. Аренцена, сумѣвшая плѣнить молодую Розу настолько властно, что четырнадцать лѣтъ она не можетъ его забыть, онъ рисуетъ человѣ-

комъ, у котораго нѣтъ «ни одинаго волоска на маковкѣ». Черепъ его совершенно голъ. «Сразу видно было,—подтруниваетъ онъ:—что человекъ много учился». Много разъ онъ подчеркиваетъ желтоватыя зубы Бенони или угреватое лицо художника изъ «Розы».

Глубокій и трагическій, Гамсунъ отлично знаетъ, что прелесть женщины не въ правильности чертъ восковой куклы, и обаяніе мужчины не въ лихо закрученныхъ кверху усахъ. Умный, находчивый, орелъ среди куръ, Аренценъ съ своимъ голымъ черепомъ естественно оставляетъ позади себя всѣхъ поклонниковъ Розы. И вы не удивляетесь этому, потому что насмотрѣлись этого въ жизни.

Художнику, который задумалъ бы написать галерею женскихъ фигуръ Гамсуна, пришлось бы заполнить цѣлый альбомъ. Норвежскій романистъ здѣсь, пожалуй, еще разнообразнѣе и шире. Тутъ вы найдете и чистую тургеневскую дѣвушку, готовую отказаться отъ счастья съ любимымъ человекомъ только потому, что ее тяготитъ сознаніе, что она уже не чиста, уже знала другого (Шарлотта изъ «Редактора Люнге»). Здѣсь и глубокая, затаенная натуры, способная любить человека четырнадцать лѣтъ до свадьбы и помнить его даже во второмъ бракѣ настолько, что и самый бракъ этотъ кажется имъ уже какимъ-то «ненастоящимъ» («Роза»). Тутъ и неистощимыя капризницы, дѣлающія любовь сплошной прекрасной мукой, какъ героини «Пана», «Викторіи», «Мистерій», «Фантазера», и женщины съ какимъ-то душевнымъ вывихомъ, граничащимъ съ извращеніемъ, какъ Эдварда (второй фазы), находящая удовольствіе купаться вмѣстѣ съ безобразнымъ лопаремъ Гильбертомъ, и вольныя наконецъ дѣти сѣверной деревни, напоминающія своимъ здоровымъ, почти звѣринымъ чувствомъ образъ толстовской Марьянки.

Писатель-психологъ, писатель-трагикъ, Гамсунъ почти совершенно избѣгаетъ анекдота. Онъ готовъ опуститься до него исключительно въ томъ случаѣ, когда и анекдотъ даетъ ему возможность провести любимую идею о подвластности человека року. Таковъ, на примѣръ, рассказъ «Женская побѣда», гдѣ женщина подкупаетъ трамвайнаго кондуктора создать катастрофу, которая бы убрала съ земли нелюбимаго ею мужа.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ сюжетъ Гамсуна простъ, стонится анекдота, чуждается приключеній. Захватываетъ читателя онъ единственно густотою своего письма, глубиною своей вдумчивости. Въ высокой степени показателенъ въ этомъ отношеніи эпилогъ къ его «Пану» — «Смерть Глана». Какъ тема толстовской «Смерти Ивана Ильича» алгебраическіи проста — «умиралъ и умеръ человекъ», — такъ же проста и тема этой вещи Гамсуна.

Это рассказъ о томъ, какъ «человекъ искалъ смерти и ее нашелъ». Товарищъ Глана по охотѣ, давно ненавидящій его, давно завидующій ему, пускаетъ ему пулю въ лобъ. Въ газеты попадаетъ рассказъ о

«печальной случайности» на охотѣ. Такъ просто, такъ незамысловато, но чувства тоски, жалости, восхищенія, умиленія передъ удивительнымъ образомъ мужчины, смертельно раненаго любовью и не имѣющаго силъ жить и вѣчно мучиться, — волнуютъ васъ, пока вы читаете рассказъ, и вызываютъ вздохъ, когда вы его закрываете.

Большой писатель, Гамсунъ властно захватилъ огромную полосу современной ему жизни и какъ простой бытописатель. Своеобразная, чуть-чуть суровая, значительно замкнутая жизнь Норвегіи становится, благодаря ему, знакомой и понятной русскому читателю.

Какъ колоритны фигуры старыхъ норвежскихъ помѣщиковъ-промышленниковъ въ родѣ Макка, такъ и напрашивающіяся на параллель нашимъ стариннымъ крѣпостникамъ! Сколько жестокости и вмѣстѣ наивной простоты, напримѣръ, въ обычай нѣженки Макка брать для прислуживанья себѣ при ваннѣ, съ истинной безцеремонностью героевъ аксаковской «Семейной хроники» или щедринскихъ и мельниковскихъ персонажей, — тѣхъ изъ женъ своихъ рабочихъ, которыя ему больше по вкусу!

Короли журналистики, писатели-знаменитости, въ родѣ Паульсберга, продувные газетчики, талантливая, но безпутная литературная богема, сельскій учитель, рабочая норвежская дѣвушка, интеллигенція, отъ провинціальной тоски спивающаяся съ круга, — все это зарисовано художественнымъ карандашомъ Гамсуна. Чаще набрасывающій все эти образы широкимъ и спѣшнымъ штрихомъ жанриста, порой и карикатуриста, Гамсунъ иногда возвышается здѣсь до трагическихъ образовъ. Трудно, напримѣръ, въ современной сѣверной беллетристикѣ найти образъ, приближающійся по яркости къ образу алкоголика Аренцена, дѣлающаго даже изъ своего самоубійства паясническій трюкъ.

«— Не хотите ли поучиться самоубійству, ребята?» — спрашиваетъ онъ у дѣтей на берегу, и въ одно мгновеніе, пробивъ тонкую корочку льда, скрывается подъ водою залива. Черезъ какія-нибудь двѣ минуты его относить туда, гдѣ глубина доходитъ до двадцати сажень.

XV.

Свой идеаль «жизни по природѣ», свой гимнъ жизни Гамсунъ обосновываетъ и отрицательнымъ путемъ — показаніемъ плоскости и ничтожности жизни города, ушедшаго въ мелкую погоню за карьерой, молящагося одному золотому тельцу, играющаго въ жалкую игру въ ордена, выборы, повышенія, чины и титулы. Цѣлый отдѣлъ въ сочиненіяхъ его можетъ быть отнесенъ къ категоріи какъ бы полемическихъ или сатирическихъ. Эти струны рѣзко звучатъ въ «Нови», въ «Редакторѣ Люнге», въ драмахъ «У царскихъ вратъ» и въ «Вечерней зарѣ».

Въ «Редакторѣ Люнге» передъ вами весь базаръ житейской суеты, со скачкою самолюбій, бѣгами на призъ денегъ или карьеры, со всею

водевильною чепухою повышений и краховъ, съ бурями въ стаканѣ воды и войнами изъ-за выѣденнаго яйца.

Люнге — царь и богъ своего маленькаго газетнаго царства. Редакція «Новостей» — точка кигѣнія жизни въ городѣ. Здѣсь постоянная смѣна лицъ днемъ и ночью, вѣчные звонки, здѣсь двери никогда не стоятъ спокойно на петляхъ. Люнге рвется прямо къ небу, сидя на этомъ земномъ сооруженіи.

Хищно и талантливо онъ ловить малѣйшій пустякъ и ограждаетъ ничтожную искру, если ее можно раздуть въ пожаръ, около котораго можно погрѣть руки. Онъ возвеличиваетъ людей и шельмусть ихъ. Онъ говоритъ только о высокой честности, но въ нужную минуту не остановится предъ подкупомъ, предательствомъ школьнаго товарища или пресмыканьемъ у министра.

Хищная хватка жизни со всѣми ея впечатлѣніями — слабость Гамсуна. Повидимому, иногда самъ загораясь, онъ слѣдитъ скачку Люнге, въ которой немудрено сломать голову. Но онъ не на сторонѣ ни этихъ Люнге, ни тѣмъ болѣе Бондezenовъ, плотоядныхъ пошляковъ и робкихъ пѣнокснимателей. Гамсунъ покаралъ Люнге финальной неудачей. У него «сорвалось», и онъ палъ. Гамсунъ покаралъ его и въ его любовныхъ исторіяхъ: онъ остался отвергнутымъ и неудачникомъ. Здѣсь есть высшій смыслъ: высочайшее счастье земли, любовь, по всему ученію Гамсуна, предназначены такимъ, какъ Гланъ, Юганнесъ, Роландсенъ, а не такимъ, каковы Люнге.

Попутно въ «Люнге» Гамсунъ зло клеймитъ то духовное мѣщанство городовъ, которое для него такъ отвратительно.

Онъ ненавидитъ этотъ человѣческій улей, гдѣ «всюду смазные сапоги, паразиты, дешевый сыръ и лютеровъ катехизисъ». Эти люди «ѣдятъ и пьютъ по необходимости, ублажаютъ себя спиртными напитками и политикой и изо дня въ день торгуютъ зеленымъ мыломъ, мѣдными гребнями и рыбой. Однако ночью, когда сверкаетъ молнія и гремитъ громъ, они лежатъ плашмя и громко читаютъ въ страхъ молитвенникъ». Да, поищите-ка хоть одно настоящее исключеніе и посмотрите, возможно ли его найти. Дайте намъ, наприимѣръ, выдающееся преступленіе, изъ ряду вонъ выходящій грѣхъ! Но не смѣшной, мѣщанскій, азбучный проступокъ, нѣтъ, — какое-нибудь необыкновенное злодѣяніе, отъ котораго волосы стали бы дыбомъ; какой-нибудь изысканный, царственныи грѣхъ, исполненный страннаго адскаго величія. Нѣтъ, все такъ ничтожно, Боже мой, какъ жалко-ничтожно!»

Полемиическая литература Гамсуна является, какъ все у него, плодомъ настроенія, проявленіемъ темперамента, она вытекаетъ изъ его отвращенія, недовольства раздражающимъ тупоуміемъ и сытымъ довольствомъ среды. Онъ «хочетъ пустить стрѣлу въ сторону филистеровъ, — лисицъ съ пылающими хвостами, онъ хочетъ озадачить сво-

ихъ милыхъ современниковъ и нагрубѣяныи имъ. Его скептической музѣ, охотно ограничивающейся глупостью и ограниченностью, чуждо желаніе усовершенствоваться и обращаться на путь истинный. Онъ самъ называетъ свою озлобленность веселой» (Брандесъ).

Только когда онъ касается слишкомъ близкой ему области и наболѣвшихъ впечатлѣній писательской жизни, онъ ударяется (въ «Нови») «въ негодующія разоблаченія литературной клики, противъ маніи величія ромоплетовъ, противъ журнальнаго разврата, противъ фанатиковъ убѣжденія и истины, которые въ конечномъ счетѣ являются для него комедіантами, вступающими въ гавань счастливыхъ» (Брандесъ).

Капризы любви исчерпываютъ содержаніе большого романа Гамсуна «Новъ» («Новая земля»). Здѣсь писателя занимаетъ моментъ разгара чувства, которое по существу уже не свободно, уже отдано другому и скрѣплено обѣщаніями и кольцами.

Передъ вами проходятъ двѣ женскія фигуры—Ханка Ланге и Агата Линумъ. И та и другая встрѣтили людей, предложившихъ имъ руку и сердце. И та и другая горячо любимы — одна скромнымъ и славнымъ мужемъ, купцомъ Тидеманомъ, другая — такимъ же честнымъ, сердечнымъ и, по-своему, довольно глубокимъ собратомъ его, Оле Генрихсеномъ.

И Ханка и Агата до известной степени успѣли уже оцѣнить—одна своего настоящаго, другая — будущаго мужа, и привязаться къ нимъ. Не яркій, всего менѣе гениальный, но въ своемъ дѣлѣ способный, толковый и предприимчивый Тидеманъ проявляетъ въ отношеніи своей жены такую высокую интеллигентность, такое благородное сознание свободы женщины, что въ обычномъ буржуазномъ обществѣ, нѣмецкомъ или русскомъ, онъ былъ бы даже исключеніемъ изъ ряда.

Онъ крѣпко любитъ свою жену, однако не только не отравляетъ ей жизни своей ревностью, но предоставляетъ ей ту свободу, которая почти можетъ создать для женщины опасность. Онъ предоставляетъ ей быть съ тѣмъ, съ кѣмъ ей нравится, выходить изъ дома одной, обѣдать въ ресторанахъ, открыто и при немъ преклоняться предъ талантливыми молодыми поэтось и художниками, которые случайно оказались ся знакомыми.

Та же сердечность, та же душевная чуткость и уваженіе къ женщинамъ отличаютъ и Оле. И однако намѣренно на примѣрѣ той и другой женщины, стоящихъ въ такихъ благоприятныхъ условіяхъ, Гамсунъ показываетъ вамъ, какъ тихая привязанность жены и невесты рискуетъ разлетѣться дымомъ въ ту минуту, когда къ нимъ подкрадется страсть.

XVI.

Роковую роль въ отношеніи и первой и второй суждено сыграть молодому поэту Иргену. Чтò неотъемлемо у Иргенса,—это его талантъ. Его книжка стиховъ ударила по сердцамъ. Онъ вдругъ сталъ громко из-

вѣстенъ въ своей странѣ. Въ этой маленькой странѣ, въ которой живеть и пишеть Гамсунъ, извѣстность сопровождается плодами и терніями болѣе явными, чѣмъ гдѣ-нибудь въ иныхъ, огромныхъ государствахъ.

Иргенса знаютъ всё, — отъ высшаго интеллигента до случайнаго извозчика. Когда онъ появляется на гуляньи, онъ слышитъ сзади съ уваженіемъ произносимое свое имя. Онъ — богема. Очень часто онъ не бѣдствуетъ только потому, что ему удается перехватить кой-что у кого-нибудь изъ пріятелей. За цѣлый сезонъ ему иногда не приходится переменить одежды.

Но у него страстный, хищный и самоувѣренный темпераментъ, онъ быстро загорается, онъ весь полонъ образами и можетъ говорить— въ особенности съ женщиною, которая его заинтересовала—красиво и почти вдохновенно.

И вотъ Ханка, а позднѣе и Агата, неудержимо летятъ на этотъ огонекъ и обжигаютъ себя крылья. Тидеманъ уже давно видитъ подкрадывающуюся опасность. Что-то слишкомъ часто Ханку видно съ молодымъ писателемъ. Слишкомъ часто она говоритъ о немъ, и слишкомъ откровенно звучитъ ея сожалѣніе по отношенію къ мужу — «какъ жаль, что ты не поэтъ!». Но въ этомъ тѣлѣ купца—гордая и самолюбивая душа. Тидеманъ не хочетъ вынужденной любви и оставляетъ Ханкѣ плыть по теченію.

Ханка уходитъ отъ него и приходитъ къ Иргенсу, но — увы! — въ ту минуту, когда уже *не она* царитъ въ его душѣ. Увлеченіе Иргенса ею уже миновало. Уже весь онъ во власти своеобразной прелести юной, свѣжей, дѣвственной Агаты. Онъ давно привыкъ шагать по самолюбію и по чужому счастью, и онъ прямо говоритъ горькую правду недавно любимой женщинѣ.

Ханка потрясена, Ханка плачетъ. Она оскорблена за женщину и за женское чувство. Ея счастье, что Тидеманъ не перестаетъ любить ее меньше ни на одну іоту послѣ разрыва. И она возвращается къ нему, и они оба переживаютъ прелестную поэму примиренія и возвращенія къ любви, которая на этотъ разъ, кажется, уже гарантирована отъ всякихъ трагическихъ случайностей. Ханка поумѣла, и теперь ей кажется, что, въ сущности, и захваченная бурей, она не переставала любить только одного мужа.

Драма разрыва не минуетъ и Генрихсена. Агата возвращаетъ ему кольцо и уходитъ къ Иргенсу. Надолго ли? Гамсунъ на это не отвѣчаетъ, торопясь опустить занавѣсъ. Но если дѣвушка вѣритъ въ прочность своего счастья, то вы этому вѣрите мало. Тѣнь Генрихсена, не сумѣвшаго перенести горя и застрѣлившагося, точно требуетъ себя возмездія.

Въ противоположность «Пану», «Новь» — поэма города, правда, сѣвернаго города, чуждаго той горячки, какая отличаетъ югъ. Но во всякомъ случаѣ это безпечный городъ, съ суетливой толпой, съ

жизнью, вынесенной из тихаго, уютнаго дома въ оживленный ресторанъ, гдѣ всегда накурено, пахнетъ виномъ и пивомъ, гдѣ шумять, чокаются, говорятъ умныя и глупо-пьяныя рѣчи, смѣются, отбиваютъ чужихъ женъ, хвастаются успѣхами, играютъ популярностью.

Гамсунъ, несомнѣнно, имѣлъ всю возможность изучить эти нравы, въ особенности нравы литературной богемы, и онъ умѣетъ мастерски воссоздать это городское настроеніе, немножко, а иногда и очень нездоровое, нервное, повышенное. Оно — полная противоположность трезвому спокойствію и суровой красотѣ того фона, какой взять для «Пана» или «Викторіи». Гамсуну слишкомъ извѣстны эти бессонныя ночи, проводимыя за столами съ бутылками, — ночи, послѣ которыхъ человѣкъ хвастливо сообщаетъ попадающимъ на улицѣ пріятелямъ: «а я сегодня не ложился», — эти споры объ искусствѣ и поэзіи, чтенія вслухъ стихотвореній по едва высохшему черновику, тщеславныя мечты вслухъ о денежной преміи за удачное произведеніе и эта цѣль довольно первобытныхъ интригъ въ борьбѣ за лавры!

Сатирическая нота, всегда свойственная Гамсуну, когда онъ берется живописать городъ съ его культурной ложью и пошлой условностью, звучитъ и въ «Нови» сильно и увѣренно. Но душевная работа его героевъ и здѣсь, какъ вездѣ, была для него главнымъ. Съ тонкою внимательностью онъ слѣдитъ за первыми искорками зарождающагося чувства къ Иргенсу и въ Ханкѣ и въ Агатѣ. Онъ не боится утомить васъ подробностями первыхъ приближеній хищника-мужчины и къ доброй семьянинкѣ Ханкѣ и къ застѣливой дѣвушкѣ, почти дѣвочкѣ Агатѣ.

И вы дѣйствительно не утомляетесь этими подробностями и не имѣете повода соскучиться. Ароматъ робкаго, пугающаго и тщетно подавляемаго влеченія захватываетъ васъ. Вы жадно слѣдите за этими встрѣчами, стараясь уловить, какой новый шагъ въ сторону побѣды дѣлаетъ на вашихъ глазахъ молодой и интересный хищникъ.

И стоить отмѣтить, что Гамсунъ достигаетъ этого захвата вниманія, отнюдь не прибѣгая къ исключительной идеализаціи Иргенса. Онъ постоянно подчеркиваетъ, что онъ талантливъ, но не заслоняетъ ни одного изъ крупныхъ его недостатковъ.

Волчья жизнь привила ему и всѣ волчьи повадки. Его гордая увѣренность въ себя сряду и сплошь выливается въ неприятное и отталкивающее самохвальство. Онъ эгоистъ до мозга костей. Онъ ничуть не хочетъ скрывать, хотя бы изъ простой учтивости, что его я для него важнѣе всего на свѣтѣ. Ему нисколько не претитъ брать деньги отъ женщины, становящейся ему близкой, хотя онъ не можетъ не знать, какъ это называется. Когда его надменная увѣренность, что премія выпадетъ его книгѣ стиховъ, а не кому другому, разлетается, или когда, встрѣченный молчаніемъ, онъ хочетъ добиться черезъ женщину отзывовъ критики, — его положеніе сколько трагично, столько же и забавно.

И однако именно благодаря этой объективности рисовки — Иргенсъ передъ вами человѣкъ съ плотью и кровью, и его романическія и житейскія приключенія интересуютъ васъ до конца.

XVII.

Изъ мужскихъ типовъ Гамсунъ очень любитъ типъ умнаго и талантливаго выходца, своею грудью и умомъ прокладывающаго себѣ дорогу къ видному положенію. Больше, чѣмъ у какого-либо другого романиста, у него повторяется такъ напрашивающаяся на автобіографическое истолкованіе исторія расцвѣта таланта, вышедшаго изъ самыхъ низовъ жизни.

Таковъ Юганнесъ въ «Викторіи», уходящій изъ роднаго сельскаго уголка никѣмъ незнаемымъ сыномъ скуднаго мельника и возвращающійся туда увѣнчаннымъ поэтомъ. Таковъ въ значительной мѣрѣ Иргенсъ въ «Нови». Самъ кузнецъ своего счастья — студентъ изъ крестьянъ редакторъ Люнге, въ романѣ того же названія.

Талантливымъ самоучкамъ, каковъ онъ самъ, Гамсунъ удѣляетъ мѣсто и во многихъ другихъ романахъ и повѣстяхъ. Развѣ не таковъ фантазеръ Роландсенъ («Фантазеръ» или «Сумасбродъ»), забившій себѣ въ голову мечту придумать такой способъ вывариванія клея изъ рыбьихъ костей, который опередилъ бы выгодностью всѣ существующіе способы?

Роландсенъ настойчиво сидитъ надъ своей идеей. Ради нея онъ готовъ пойти почти на преступленіе. Чтобы раздобыть необходимыя для начала деньги, онъ беретъ на себя отвратительное обвиненіе въ воровствѣ. Но фантазеръ не напрасно фантазировалъ. Секретъ, котораго онъ искалъ, оказывается дѣйствительно въ его рукахъ. Вчера еще пустой человѣкъ, Роландсенъ сегодня уже богачъ, котораго телеграфъ засыпаетъ соблазнительными предложеніями. Роландсенъ не упускаетъ момента. Еще день, и онъ — компаньонъ богатѣйшаго фабриканта и впереди — женихъ его дочери, дѣвушки, которой онъ трепетно домогался.

Не такова ли судьба и Бенони Гартвигсена («Бенони»)? Гартвигсенъ, котораго всѣ называютъ, какъ простолюдина, по имени, — въ первыхъ главахъ романа скромно рыбачитъ, «какъ всѣ», на морскомъ берегу. Онъ уже на высотѣ счастья, когда добивается должности незамѣтнаго почтаря

Но вотъ къ Бенони ласково повертывается судьба. Почти чудомъ, на его долю выпадаетъ великолѣпный уловъ шальной сельди. Вчерашній почтарь вдругъ становится зажиточнымъ человѣкомъ. Онъ уменъ, предприимчивъ, умѣетъ въ нужную минуту рискнуть и все поднимается выше со ступеньки на ступеньку.

Еще новый счастливый поворотъ, и — за гроши купленную землю ему удастся сбыть за сорокъ тысячъ даллеровъ увлекшемуся англи-

чанину: въ землѣ оказываются великолѣпныя залежи серебра. Бенони превращается въ настоящаго богача. Жизнь его становится содержательной, полной, — значительной настолько, что Гамсунъ посвящает ему еще новый романъ («Роза»).

Можно уловить чувство захвата въ самомъ Гамсунѣ, когда онъ рисуетъ такія фигуры удачниковъ. Можетъ-быть, здѣсь есть какой-то отзвукъ его личной біографіи и психологін. Точно видишь радость на его лицѣ при каждомъ новомъ счастливомъ шагѣ его героевъ. «Все удача, удача, но надо же что-нибудь отнести и на долю ума!» Это суворовское положеніе Гамсунъ глубоко раздѣляетъ. Никогда у него блага не сыплются, какъ изъ рога изобилія, на дураковъ или бездарности. Всегда—это люди, при своемъ низкомъ происхожденіи, талантливые и разносторонніе. Имъ повезло въ ихъ дѣлѣ, но они не потерялись бы и ни на какомъ другомъ поприщѣ, какъ не потерялся и самъ Гамсунъ, когда судьба играла имъ, какъ мячикомъ, перебрасывая изъ сапожниковъ въ угольщики и изъ рабочихъ американской преріи въ газетные сотрудники.

Въ повѣсти «Подъ осенними звѣздами» лично знающіе Гамсуна готовы видѣть въ рассказчикѣ почти ничуть не замаскированную фигуру самого поэта.

XVIII.

Въ трехъ драмахъ Гамсуна, связанныхъ однимъ общимъ геросемъ, дерзновеннымъ ученымъ Карено, — «У вратъ царства», «Игра жизни» и «Вечерняя заря», — авторъ слѣдитъ свою излюбленную тему человѣческаго дерзанія, борьбы за высокое въ жизни противъ моря пошлости, и, съ другой стороны, трагедію чувства, превращающаго жизнь въ сказку или нитку.

Судя по первымъ страницамъ этой трилогіи, можно было бы думать, что передъ нами обрисуется великолѣпный образъ новаго доктора Стокмана, борющагося и выходящаго побѣдителемъ людской ничтожности. Гамсунъ захотѣлъ остаться ближе къ землѣ, къ человѣческому несовершенству, и такъ сильно начавшій его герой къ концу трилогіи самъ оказывается въ рядахъ «сплоченнаго большинства».

Въ первой драмѣ Карено на высотѣ своей бодрствующей воли. Его мечта горитъ высокимъ пламенемъ. Онъ создастъ сочиненіе, которое сокрушитъ условленную ложь. Онъ силенъ, неподкупенъ, смѣлъ. Онъ поистинѣ — у вратъ царства. Онъ будетъ неуклонно идти къ своей цѣли, несмотря ни на что, — ни на то, что отъ него ушла жена, ни на то, что сейчасъ войдетъ приставъ, чтобы описать его имущество.

Онъ такъ же горитъ мечтой въ «Игрѣ жизни». Онъ построитъ себѣ башню для опытовъ и путемъ оптического обмана расширитъ свое земное познаніе. Любовь къ Терезитѣ становится ему поперекъ дороги.

Онъ не можетъ кончить своей главы о справедливости. Его башня стоитъ пустая. Одно ея имя «струится» въ немъ и развѣвается, «какъ шелковое знамя». Башня его становится достояніемъ огня. Трудъ всей его жизни сгорѣлъ.

Въ «Вечерней зарѣ» Карено уже на роковомъ распутии. Онъ постарѣлъ. Ему уже 50 лѣтъ. Жизнь помяла его. Онъ еще не сдается, еще чуждается халата, какъ символа старости и оскудѣнія, но старость уже подошла, и съ ней пришло одряхлѣніе воли и духъ уютной разсудительности. Ему предлагаютъ только измѣнить убѣжденіямъ—и тогда онъ обезпеченный человѣкъ, профессоръ казеннаго учрежденія.

Карено сдается.—«Теперь мы заживемъ покойной жизнью. Не надѣтъ ли мнѣ халатъ?»—Карено прежній—несдающийся, дерзновенный, сильный — кончился. Съ грустной ироніей надъ собой онъ начинаетъ рассказывать дѣвочкѣ своей жены сказочку:

«Жилъ - былъ человѣкъ, который никогда не хотѣлъ подчиняться...»

«Но подчинился и онъ!» — съ печалью говоритъ Гамсуна и ставитъ точку подъ своей трилогіей.

Изъ этихъ трехъ драмъ вторая выдѣляется своимъ жуткимъ, стихійнымъ колоритомъ.

«Тревожный духъ предпринимательства, постепенно блѣднѣющій образъ Отермана, «красный пѣтухъ», поющій въ душѣ Терезиты, жестокій внутренній бой за обладаніе ею между двумя началами въ лицѣ Карено и Енесъ-Спира, ужасъ массы предъ грознымъ лицомъ чумы— все это сливается въ мрачную картину, напоминающую колоритъ оссіановскихъ пѣсень. Надъ этимъ царствомъ человѣческаго отчаянія, гдѣ къ небу несется безсильное «Юмала», царитъ образъ Тю, таинственный и спокойный, вѣчно желающій «что-то сказать». Но никто не слышитъ предостерегающаго голоса. Въ бѣшеной гонкѣ кружатся міръ страстей и наживы» (Коганъ).

Послѣдняя драма Гамсуна—«Царица Тамара» явилась очевиднымъ отголоскомъ путешествія поэта на Кавказъ и тѣхъ легендъ, какія онъ тамъ узналъ. Драматургъ хочетъ вести ее въ фантастическихъ восточныхъ, экзотическихъ тонахъ. Творческое проникновеніе и догадка далеко не всегда выручаютъ Гамсуна, вовсе незнакомаго съ этой, столь для него чуждой жизнью, и справедливость требуетъ признать эту вещь самой слабой въ сокровищницѣ норвежскаго поэта.

Что любопытно здѣсь, это—вѣрность автора всегдашней своей темѣ любви-борьбы. Онъ раскрываетъ здѣсь трагедію принца-регента, на долю котораго выпадаетъ нелестная роль всегдашняго перваго раба у любимой жены. Онъ не останавливается передъ измѣной и отреченіемъ, лишь бы подойти къ ней властелиномъ. Холодная къ нему по началу, царица наконецъ убѣждается въ силѣ его души и покорно становится его рабой.

Самая натяжка такой психологii чрезвычайно характерна для Гамсуна.

Гамсунъ всегда тяготѣлъ и къ стихотворному жанру. Итогомъ этого влеченiя являются: его сборникъ стихотворенiй «Дикiй хоръ», сводъ лирическихъ элегiй и пѣсень, отмѣченныхъ обычною для него страстностью и импрессионизмомъ, и драматическая поэма «Мункенъ Вендтъ» (1902), написанная подъ видимымъ влiянiемъ «Пера Гюнта» Ибсена.

Герой, студентъ-теологъ, сбившiйся съ дороги, превращается въ живописнаго бродягу съ сильными страстями и дерзновенiемъ и избираетъ тотъ родъ жизни, къ какому его влечетъ природа. Въ книгѣ есть рѣзкiе выпады противъ религiознаго ханжества и лицемерiя, противъ кривой Фемиды и т. д.

Национальный колоритъ сгущенъ въ этой поэмѣ-драмѣ болѣе, чѣмъ въ какой-либо иной вещи Гамсуна. Отсюда относительная недоступность ея полному пониманiю иностранца и отсюда же — особенное предпочтенiе ея на родинѣ. «Норвежская критика отмѣтила эту вещь съ большою похвалою, признавъ ее самымъ крупнымъ произведенiемъ новѣйшей норвежской литературы» (Б. Каль).

XIX.

Особое мѣсто въ сочиненiяхъ Гамсуна занимаютъ его путешествiя. Не считая мелкихъ этнографическихъ разсказовъ, три большiя книги его посвящены впечатлѣнiямъ поѣздокъ. Это — «Духовная жизнь Америки», «Въ сказочной странѣ» (Путешествiе на Кавказъ) и «Въ странѣ полумѣсяца» — впечатлѣнiя поѣздки въ Турцiю.

«Тоску по путешествiямъ» Брандесъ объясняетъ въ Гамсунѣ страхомъ передъ банальностью. Вотъ строки въ биографiю поэта, написанныя знаменитымъ датскимъ критикомъ: «Не только одна нужда, хотя она, быть-можетъ, и была вѣдшимъ толчкомъ, — не только голодъ тѣла, но также и жаждущая фантазiя двинула Гамсуна въ путь. Въ немъ проявляется что-то «горьковское», что-то «босаяцкое»: голоданiе и одиночество, исполненiе низкихъ работъ, преданiе себя въ руки случая и всякихъ превратностей судьбы — кажутся ему такъ же заманчивы, какъ если бы онъ виталъ въ атмосферѣ чудной дали, и если бы его окружало что-то дикое и жгучее».

Нужно имѣть самое первоначальное представленiе о психикѣ норвежца и американца, чтобы предугадать, что Америка должна была произвести на Гамсуна отталкивающее впечатлѣнiе. Съ американской точки зрѣнiя эта книга, являющаяся болѣе рядомъ фельетоновъ философскаго оттѣнка на темы американской жизни, чѣмъ записью путевыхъ впечатлѣнiй, — должна бы быть сожжена рукой палача.

Гамсунъ вынесъ изъ страны янки глубокую и нескрываемую ненависть ко всему складу быта, строю души, всей философiи, всѣмъ вѣдшимъ мелочамъ жизни Новаго Свѣта. Онъ готовъ подписаться подъ

уничтожающимъ отзывомъ извѣстнаго американца Букенана, нѣсколько лѣтъ назадъ высказаннымъ печатно:

«Въ американской націи умеръ всякій художественный вкусъ. У нея, въ сущности, нѣтъ никакой литературы, она индифферентна ко всякой религіи, она извращена, начиная съ самыхъ высшихъ слоевъ общества до самыхъ низшихъ слоевъ народа. Она не выноситъ никакой критики и сама жадно критикуеть. Она преклоняется передъ властью доллара и матеріальнымъ могуществомъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Будучи рабой самыхъ ничтожныхъ условностей, она презираеть общепринятыя формы».

«Я не скажу, чтобы въ этихъ словахъ было какое-нибудь преувеличеніе»,—прибавилъ сюда Гамсунъ.

Собственныя заключенія Гамсуна объ американской культурѣ, можетъ быть, еще болѣе убійственны. «Американцы — люди предпріятій, а не искусства. Они ждутъ платы за искусство. Они не понимаютъ его, какъ не понимаютъ и литературы». «Ихъ литература безнадежно бѣдна талантами и игнорируетъ настоящую жизнь. Американское искусство — это плодъ, выросшій на почвѣ торговой страны, обвѣянной клерикальнымъ духомъ и патріотизмомъ сверхъ всякой мѣры». Гамсунъ зло издѣвается надъ стихами Уитмана и надъ содержаніемъ газеты, какое интересуеть янки. Онъ протестуеть всей силою своихъ выраженій противъ ходячаго восхваленія американской «свободы». «Если свободные американцы замѣчаютъ въ комъ-либо какія-нибудь идеи, они тотчасъ же вѣшаютъ такихъ людей!» Вотъ ихъ свобода.

И почти какъ проклятіе далекой и чуждой странѣ звучать строки, какими норвежскій романистъ заканчивалъ свою книгу:

«Во всей громадной странѣ не найдешь ни одного сомнѣвающегося, ни одного ищущаго свѣта и возмущеннаго духа, который бы сбился съ такта, внесъ бы сознательную дисгармонію въ плачевную музыку, исполняемую оловянными трубами. Всѣ живутъ въ согласіи... подъ громкіе крики «ура». Это страна крика, пара и огромныхъ стонущихъ чеканныхъ машинъ; міровое государство, въ которомъ сошлись люди всѣхъ поясовъ земнаго шара, начиная съ бѣлыхъ жителей сѣвера до обезьянъ тропиковъ и духовныхъ мулатовъ включительно. Страна съ мягкой плодородной почвой и нетронутыми первобытными лугами... Страна съ чернымъ небомъ...»

Если горьковская непосѣдливость закинула Гамсуна въ Америку, то въ Турцію, несомнѣнно, потянула его такъ свойственная ему жажда, живя на землѣ, увидѣть всѣ волшебныя земныя сказки. «Уже въ «Мистеріяхъ», — справедливо замѣтилъ Брандесъ: — Гамсунъ токуеть по сказкамъ изъ «1001 ночи» и презираеть тѣ сѣверныя сказки, которыя онъ, съ свойственной озлобленному человѣку несправедливостью, называетъ «неуклюжими порожденіями фантазіи въ

брюках», «высуженными въ высокихъ шляпахъ, изъ подкладки которыхъ свѣшивается шапка-невидимка». Онъ издѣвается надъ сказками, сложившимися въ родной ему долинь Гутбрандта, надъ этой печальной мужицкой поэзіей, этой «фантазіей въ ногу» въ то время, когда его собственные, столь глубокия и звучныя произведенія въ прозѣ и поэзіи, весь «Мункенъ Вендтъ», вся исторія объ Изелиндѣ, любящей молодого Дунверса, сами — сѣвернаго происхожденія».

Въ той же манерѣ, какая отличаетъ его книгу объ Америкѣ, Гамсунъ описываетъ въ «Странѣ полумѣсяца» свое передвиженіе по Босфору, Константинополь съ его мечетями и кофейнями, базарами и кладбищами, греками-проводниками и священниками, муллами на минаретахъ и султаномъ въ своемъ гаремѣ, правовѣрными турками, евреями и т. д., и т. д.

Гораздо менѣе сказалась здѣсь личность норвежскаго писателя. Эта та книга его, которую изучающій Гамсуна могъ бы справедливо отложить на дальнюю полочку.

Зато съ особеннымъ интересомъ русскій прочтетъ «Въ сказочной странѣ», — «пережитое и передуманное» Гамсуномъ во время поѣздки его черезъ Петербургъ и Москву на Кавказъ.

Вотъ книга, гдѣ, можетъ-быть, всего откровеннѣе сказался превосходный юморъ Гамсуна. Здѣсь нѣтъ и тѣни той враждебности, съ какою онъ отнесся къ Америкѣ. Предобродушно онъ описываетъ даже исторію своего ареста, безъ которой такъ-таки не могла обойтись въ Россіи даже поѣздка иностранца!

Гамсунъ почти плѣненъ своеобразіемъ славянскаго страны и расы, оригинальностью нашихъ красокъ, самобытностью культуры и искусства.

«Я могу сказать, — пишетъ онъ: — что побывалъ въ четырехъ изъ пяти частей свѣта. Правда, я не проникалъ въ нихъ довольно далеко, а въ Австраліи не былъ и вовсе, однако ноги мои изрядно постранствовали по свѣту, и я всего повидалъ, но никогда не видывалъ ничего хоть нѣсколько похожаго на московскій Кремль! Я видалъ прекрасные города. Прага и Будапештъ красивы, но Москва сказочно-хороша... Въ Москвѣ 450 церквей, и когда звонятъ колокола на всѣхъ колокольняхъ, воздухъ сотрясается надъ городомъ съ миллионнымъ населеніемъ. Съ высоты Кремля взоръ погружается внизъ въ цѣлое море великолѣпія. Я никогда не думалъ, чтобъ на свѣтѣ существовалъ такой городъ! Позолота и лазурь куполовъ затмеваютъ все, о чемъ я когда-либо мечталъ...»

Въ книгѣ, посвященной Кавказу, «какая-то чахоточная наблюдательность, нѣжно-сердечная терпимость наполняютъ Гамсуна, и сама иронія здѣсь уже — не бичующая фурія, но забавный, любезный придворный шутъ. Въ такомъ настроеніи Гамсунъ даетъ счастье

всѣмъ: лезгну въ фантастическомъ уборѣ съ саблями, кинжаломъ и пистолетами у пояса, продающему въ своей курной лавочкѣ папирсы; людямъ, сидящимъ подъ акаціями, разговаривающимъ или мечтающимъ про себя; балабачнику, сидящему предъ лавкой и наигрывающему на своемъ инструментѣ, просто и невнятно, мелодію обь устарѣлой жизни, отражающей въ себѣ любовь, волнующуюся степь и шелестящую листву акаціи...» (Брандесъ).

Гамсунъ преклоняется предъ русской литературой. Мы видѣли, какъ восторженно онъ говорилъ о Достоевскомъ. Приблизительно такъ же нравится ему и все иное въ русской жизни — русскія щи, которыя онъ ради проявленія своего каприза ѣсть... съ икрой, русская балалайка, эта «музыка изъ каменнаго вѣка». Безъ всякаго раздраженія онъ «подкупаетъ» кондуктора, чтобы ему дали поспокойнѣе купе, благодушно наблюдаетъ русскіе желѣзнодорожные порядки. На минуту онъ хочетъ напустить на себя «русачество» и принять все, что видятъ на нашей родинѣ.

Надо думать, извѣстная родственность души сѣверянина примирила Гамсуна со всею Россіей въ цѣломъ. Могло играть извѣстную роль и то, что жизнь въ Америкѣ была для Гамсуна эпохой уничтоженія и голоданія, — Россію онъ пересѣкалъ уже признаннымъ писателемъ на правительственную стипендію.

XX.

На всемъ писательскомъ трудѣ Гамсуна блистательно сказалась его творческая личность. Это — одинъ изъ самыхъ самобытныхъ и оригинальныхъ писателей послѣдней четверти вѣка. Знающій человекъ отгадаетъ Гамсуна по одной страницѣ его письма, — такъ онъ своеобразенъ. На всѣхъ его герояхъ лежитъ печать его психической особенности, и если о какомъ писателѣ справедливо сказать, — какъ о нашихъ Достоевскомъ и Толстомъ, — что они творятъ своихъ героевъ по образу своему и подобію, то для иноземнаго сѣвера послѣ Ибсена это всего справедливѣе о Гамсунѣ.

Своеобразнѣйшій талантъ, извивающійся какъ бы въ судорогахъ самоизмышленныхъ мученій любви, Гамсунъ — яркій представитель писательскаго импрессионизма. Весь міръ онъ пропускаетъ черезъ свой глазъ, все въ мірѣ окрашено его настроеніемъ. Онъ все одухотворяетъ и все въ природѣ облекаетъ въ образы. Кажется, онъ истиннѣ вѣрится въ душу дуба или сосны, въ душу воды или земли, какъ ихъ воплотилъ Метерлинкъ въ «Синей птицѣ». Онъ ловитъ въ сѣрой скалѣ «выраженіе дружескаго расположенія» и, когда настроенъ мрачно, чувствуетъ угрозу темныхъ деревьевъ въ лѣсу. Здѣсь Гамсунъ совсѣмъ близко подошелъ къ модернизму, даже къ капризу и излому декадентства, но отъ книжнаго, теоретическаго модернизма и декадентства онъ не взялъ ничего. Въ противоположность болѣзнен-

ному вычурю модернизма, онъ принесъ въ литературу удивительное здоровье, трезвость мысли, плѣнительную наивность глаза и уха человѣка земли.

Писательская манера Гамсуна, гибкая, разнообразная, всегда удивительно соответствующая предмету — такое же Божье чудо въ автодиактѣ Гамсунѣ, не вкусившемъ въ собственномъ смыслѣ никакой систематической образованности, какъ во всѣхъ писателяхъ-самоучкахъ.

У Гамсуна, — пишетъ Бальмонтъ, — нѣтъ философскихъ построеній Ибсена съ ихъ рѣзкими изломами, у него нѣтъ того толстовскаго реализма и той областной живописности, которые плѣняютъ въ творчествѣ Бьёрнсона, но у него есть свое царство, не менѣе богатое и вполне свое. Утонченный поэтъ сѣверныхъ настроеній, онъ такъ любитъ слово, что у него поразительно мало словъ. Южная душа въ минуту вдохновенности стремится вся выразиться во внѣ, она напоминаетъ вулканъ или водопадъ. Сѣверная душа въ заветный свой моментъ сжимается, она окована внутреннимъ своимъ блаженствомъ или внутреннимъ страданіемъ, она живетъ двойною жизнью, какъ снѣжная равнина, свѣтящаяся изнутри, и какъ бѣлая ночь, дѣлающая все реальное нереальнымъ. Образцомъ такой сѣверной души и является Гамсунъ.

У Гамсуна есть особый, специально имъ изысканный приемъ обрисовки лицъ. Извѣстный образъ, описанный въ объективной формѣ разказа или по его дневнику, Гамсунъ вдругъ повертываетъ передъ вами въ другой перспективѣ, — въ описаніи другого человѣка, въ чужомъ дневникѣ и т. д. Такъ, онъ даетъ удивительную яркость герою «Пана» Глану, когда, оборвавъ его дневникъ, въ «Смерти Глана» даетъ разказъ о немъ же, но уже подъ другимъ угломъ, со стороны, и притомъ пользуется дневникъ врага такъ, что личность Глана выступаетъ во всей своей мужской обаятельности. Такъ точно, кончивъ объективный разказъ о Розѣ въ «Бенони», Гамсунъ даетъ его продолженіе въ «Розѣ» подъ угломъ зрѣнія влюбленнаго въ нее неудачника-студента.

Гамсунъ, — закончимъ словами Куприна, — не создастъ школы. Онъ слишкомъ оригиналенъ, а подражатели его всегда будутъ смѣшны. Онъ пишетъ такъ же, какъ говорить, какъ думаетъ, какъ мечтаетъ, какъ поетъ птица, какъ растетъ дерево. Всѣ его отступленія, сказки, сны, восторги, бредъ, которые были бы нелѣпы и тяжелы у другого, составляютъ его тонкую и пышную прелесть. И самый языкъ его неподражаемъ — этотъ небрежный, интимный, съ грубоватымъ юморомъ, непринужденный и нѣсколько растрепанный разговорный языкъ, которымъ онъ какъ будто бы разказываетъ свои повѣсти, одинъ на одинъ, самому близкому человѣку и за которымъ такъ и чувствуется живой жестъ, презрительный блескъ глазъ и нѣжная улыбка.

XXI.

Родина Кнута Гамсуна—м. Лоэнъ, въ Гудбрандсталѣ, въ сѣверномъ департаментѣ Норвегіи, дикая мѣстность, лѣспстая и горная. Онъ родился здѣсь 4 августа 1860 г.

Это бѣдное мѣстечко, гдѣ кропа — большія деньги, гдѣ жители ѣдятъ мясо только по праздникамъ. Во времена дѣтства Гамсуна здѣсь, случалось, голодала вся община. Ей приходилось плохо, если промышленникъ не соглашался дать муки и соли въ счетъ охоты и улова.

Подлинное имя Гамсуна—Кнутъ Педерсенъ. Свой псевдонимъ «Гамсунъ» писатель взялъ отъ своей норвежской деревни (собственно «Гамсундъ»), вмѣсто «мужицкаго» Педерсенъ.

Маленькій Кнутъ, прожившій дѣтскіе годы на Лофотенскихъ островахъ, былъ мальчикомъ у сапожника въ Бодѣ, ходилъ одновременно въ школу учиться и къ сапожнику обучаться ремеслу. «Пожалуй, и теперь я былъ бы недурнымъ мастеромъ», — сказалъ онъ однажды интервьюеру.

Это было еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что пришлось ему пережить позже. Сбѣжавъ отъ сапожника, онъ много мытарствовалъ и, какъ высшій постъ въ жизни, занималъ должность писца у деревенскаго констебля.

Здѣсь-то, «будучи на государственной службѣ, въ качествѣ ближайшаго помощника сельской власти», онъ началъ писать.

Произведенія свои Гамсунъ долго пряталъ отъ нескромныхъ глазъ и отъ заслуженныхъ насмѣшекъ.

Въ этой выдержкѣ была своя хорошая сторона. Всякое тайное занятіе разжигаетъ творца. Если бъ Гамсунъ тогда же получилъ поощреніе, быть-можетъ, оно погубило бы его. Но тайное писаніе, дрожанье ночью надъ бумагой, рой мыслей, робкія начинанія — все это, по его словамъ, заставляло думать и... любить тотъ «порокъ», которому онъ предавался.

Разсказъ Р.-В. Андерсона изъ Мадисона (въ Америкѣ), помѣщенный въ газетѣ «Eidsvold», издающейся въ Америкѣ на норвежскомъ языкѣ, будто бы Кнутъ Педерсенъ, написавъ цѣлую кипу стиховъ, отправился въ Христіанію и тамъ, добившись ауденціи, представился королю Оскару, который «вынулъ 20 кропъ и далъ ихъ Педерсену въ видѣ какъ бы поощренія»,—есть чистый вымыселъ, вполнѣ опровергнутый самимъ авторомъ «Пана» *).

*) Нелишне предупредить читателя о крайне осторожномъ отношеніи его ко всему тому, что сообщаетъ Андерсонъ въ своей чрезвычайно интересной, но, къ сожалѣнію, наполовину вымышленной статьѣ, тѣмъ болѣе, что статья эта появилась и въ русскомъ переводѣ. Самъ Гамсунъ написалъ на нее довольно длинное возраженіе въ томъ, не скрывающемъ крайняго раздраженія. Какъ Андерсонъ не постѣснился говорить о какихъ-то заса-

Лишившись службы въ волости, Гамсунъ сдѣлался каменщикомъ. «Таскать булыжники и мостить улицы, — подлинныя слова писателя:—совсѣмъ уже не плохое занятіе... По крайней мѣрѣ честное. Но руки грубѣютъ отъ работы, невозможно держать перо въ рукахъ».

А бросить это перо онъ не хотѣлъ ни за что, видя въ этомъ свое назначеніе. Не безъ препятствій Педерсенъ разыскалъ Бьёрнстjerne Бьёрнсона. Знаменитый писатель, узнавъ, что молодой человѣкъ собирается въ Америку, далъ ему рекомендательное письмо къ капитану Моэстуэ.

Гамсунъ отправился въ Новый Свѣтъ на океанскомъ пароходѣ въ качествѣ кочегара. Въ Эльроѣ жилъ братъ Гамсуна, и будущій писатель пробылъ здѣсь два съ половиною года, пока не выучился болѣе или менѣе языку янки. Отсюда онъ направился на западъ, въ Маделию, а оттуда въ Миннеаполисъ.

Какъ ранѣе въ Христіаніи, такъ здѣсь, въ Америкѣ, молодому мечтателю пришлось пережить періоды остраго голоданія. Здѣсь онъ пережилъ лично многое изъ того, что записано въ «Голодѣ».

«Безуміе овладѣвало моимъ мозгомъ отъ недостатка пищи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подъ-рядъ».

«Прошло уже много времени, а еще до сихъ поръ я помню это, и меня тошнить, физически тошнить отъ этого ощущенія. Есть забываемыя вещи», — эти слова сказаны имъ позднѣе одному изъ норвежскихъ журналистовъ.

Въ Чикаго будущій писатель девять мѣсяцевъ исполнялъ обязанности кондуктора копки.

Въ Америкѣ же, на лугахъ Техаса, Гамсунъ, по разсказу Брандеса, былъ работникомъ на огромной паровой молотилкѣ, отъ которой по лугу неслись облака мякины, пыли и шелухи. На меляхъ Ньюфаундленда онъ стоялъ съ русскимъ кораблемъ и ловилъ треску.

«Лѣто и зима чередовались, а они все находились на томъ же мѣстѣ среди моря, на рубежѣ двухъ частей свѣта, Европы и Америки, и ловили треску. Ничего, кромѣ тумана и моря, ничего, кромѣ вѣтра и бурь или тупо-тихой жизни. Только изрѣдка показывался исчезающій далеко въ туманѣ корабль эмигрантовъ, могучій колоссъ, бросающій далекую тѣнь и гнавшій волны до стоявшихъ на якорѣ рыбачьихъ лодокъ. Въ этихъ краяхъ царилъ необъятная печаль тоскливаго одиночества, напоминающаго ту *grande monotonie de la mer*, то великое однообразіе моря, какое запечатлѣлъ Лоти».

ленныхъ листкахъ гамсуновскихъ рукописей, о почти босяческомъ положеніи будущаго писателя, объ его лѣности и нерадивости по службѣ, такъ Гамсунъ совершенно не церемонится съ своимъ непрошеннымъ «біографомъ» и даже не останавливается передъ титулами «старого шута» или «старого дурака» по его адресу. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ поправокъ и опроверженій поэта отъ показаній профессора (впослѣдствіи посланника) остается немного.

Отсюда у Гамсуна прекрасное знаніе быта рабочихъ прерій и «морскихъ волковъ», сказывающееся въ такихъ, напримѣръ, разсказахъ, какъ «Закхей» или «Шкиперъ Рейерсенъ».

Въ Миннеаполисѣ въ тѣ дни проживалъ Христофоръ Янсонъ, уни-тарскій священникъ и извѣстный писатель. Гамсунъ вскорѣ сталь его другомъ.

У Янсона въ «собраніи» онъ прочелъ двѣ лекціи. но невѣрно, будто бы онъ готовился къ пасторству и произносилъ даже проповѣди, когда Янсонъ бывалъ въ отсутствіи.

Въ 1885 г. Гамсунъ перенесъ тяжелую болѣзнь. Самъ онъ мечталъ только объ одномъ — уѣхать въ Норвегію. Съ трудомъ доставъ денегъ на билетъ, Гамсунъ уѣхалъ и скоро совсѣмъ поправился.

Нѣкоторое время по возвращеніи на родину онъ кормился мелкими художественными статейками и фельетонами въ газетахъ, перебиваясь, что называется, съ хлѣба на квасъ.

Въ 1886 г. онъ снова поѣхалъ въ Америку въ качествѣ фельетониста отъ газеты «Verdensgaang».

За этимъ послѣдовали (1889) очерки «Духовной жизни Америки», — злое сатирическое изображеніе американскихъ нравовъ.

Конечно, по началу путь Гамсуна къ успѣху былъ сплошь покрытъ терніями. Даже въ людяхъ, болѣе или менѣе знавшихъ его, онъ не нашелъ никакой вѣры въ себя.

Въ Копенгагенѣ Гамсунъ долго искалъ издателя для своей книги. Онъ обходилъ ихъ нѣсколько, — никто не заинтересовался его манускриптомъ.

Въ американское посольство доступа Гамсуну не было, да и самая книга, какъ извѣстно, была сплошнымъ поруганіемъ всего американскаго. Продать свою рукопись ему долго не удавалось, и въ концѣ концовъ онъ оказался безъ денегъ, крова и куска хлѣба.

Теперь ставшій посланникомъ, тотъ же самый проф. Андерсонъ, переславъ ему нѣсколько разъ письма, приходившія на его имя въ посольство, подъ конецъ черезъ ту же служанку объявилъ ему, что такое полученіе писемъ должно быть прекращено.

Забравшись въ рынокъ св. Іоны, онъ голодалъ. Но художникъ въ немъ не умеръ отъ голодовки: голодая, онъ описывалъ свои настроенія.

Вскорѣ у него написалась цѣлая глава книги, которую онъ назвалъ «Голодь». Съ этой главой онъ пошелъ къ редактору газеты «Ny Jord». Редакторъ взялъ рукопись и заплатилъ Гамсуну небольшой гонораръ.

Когда отрывокъ былъ напечатанъ въ газетѣ, онъ вызвалъ рѣдкую сенсацию. Весь литературный Копенгагенъ спрашивалъ: «Кто этотъ Гамсунъ? Гдѣ онъ живетъ?»

Когда узнали, что онъ живетъ на рынкѣ св. Іоны, —туда начались паломничества. Приходившіе къ нему заставляли «огромнаго верзилу, но безкровнаго и тощаго, какъ скелеть».

Съ этой минуты судьба, бывшая до сего времени для Гамсуна махехой, повернулась къ нему, какъ къ своему баловню.

«Гамсунъ,—признаётъ даже проф. Андерсонъ:—сдѣлался знаменитостью во всей Даніи, можно сказать, въ одинъ день. Его начали приглашать въ лучшіе дома. Сразу нашелся издатель и для его грязной рукописи «Духовная жизнь современной Америки».

Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Норвегію. Его уже ждалъ здѣсь большой успѣхъ. Онъ сталъ зарабатывать хорошія деньги. Горькіе дни для него навсегда миновали.

Въ 1890 г. вышелъ отдѣльной книгой переработанный «Голодъ», въ 1892 — большой романъ «Мистерія», въ 1893 г. два романа— «Редакторъ Люнге» и «Новь», въ 1894—«Панъ», въ 1895 — драма «У вратъ царства», въ 1896 — «Драма (игра) жизни», въ 1897 — серія рассказовъ «Сiesta», въ 1898—последняя часть драматической трилогіи «Вечерняя заря», въ 1899—«Викторія», въ 1902—«Мункенъ Вендтъ», въ 1903 — «Въ сказочной странѣ», серія рассказовъ «Поросль» и «Царица Тамара», въ 1904 — «Мечтатель» и стихи «Дикій хоръ», въ 1905—«Бродячая жизнь», въ 1906—«Подъ осенними звѣздами», въ 1907 — «Бенони», въ 1908 году — «Роза» и въ декабрѣ 1909 г. повѣсть «Путникъ, играющій подъ сурдинку», доселѣ являющаяся послѣднимъ его произведеніемъ.

Въ Норвегіи литературный заработокъ даже признанныхъ писателей далеко не грандіозенъ. Съ виѣшнею необезпеченностью очень долго приходилось считаться Гамсуну. Въ послѣдніе годы его заработокъ значительно увеличился полученіями за переводы.

Переведенъ онъ на четырнадцать языковъ. Извѣстность его должна быть признана міровою. Въ Россіи первая восторженная статья (по поводу «Пана») появилась въ «Сѣв. Вѣстникѣ» и принадлежитъ поэту К. Льдову.

Въ настоящее время Гамсунъ живетъ въ скромномъ, занесенномъ снѣгами, горномъ мѣстечкѣ, въ 5-ти миляхъ (55-ти верстахъ) отъ Христианіи. Онъ женатъ. Имя его маленькой дочери — Викторія.

Популярность его огромна у себя и за границей. Многіе ѣдутъ въ Норвегію только для того, чтобы побывать на родинѣ Гамсуна. Особенно любятъ его русскіе.

Самъ Гамсунъ рассказываетъ, что къ нему ѣздить изъ Россіи, чтобы побесѣдовать съ нимъ. Артистки, журналистки бомбардируютъ его письмами на розовой бумагѣ, портретами и сушеными цвѣтами. И при этомъ онъ выдвигаетъ ящикъ письменнаго стола и дѣйствительно показываетъ цѣлую кипу писемъ: «онъ вѣдь и прочесть-то ихъ не можетъ!»

И очень мало счастливицевъ, которымъ удастся добраться до Гамсуна. Любопытную характеристику его, какъ человѣка, даетъ одна русская переводчица автора «Голода».

«Существуеть.—пишетъ она:—собственно два Гамсуна. Одинъ— всецѣло поглощенный тѣмъ своимъ произведеніемъ, которое онъ въ данное время задумываетъ и пишетъ, крайне нелюдимый, живущій гдѣ-нибудь на чердакѣ, такъ, чтобы его невозможно было отыскать, и строго-настрого запрещающій своему издателю сообщать кому бы то ни было его адресъ.

«Другой Гамсунъ—по окончаніи работы—таковъ, какимъ онъ изобразилъ себя въ повѣсти «Подъ осенними звѣздами», ньющій вино, виски, — много виски.

«Въ это время Гамсуна можно встрѣтить во всѣхъ ресторанахъ въ компаніи мѣстной художественной и литературной богемы.

«Ни тотъ ни другой Гамсунъ не можетъ быть доступнымъ и общительнымъ собесѣдникомъ, тѣмъ больше для иностранной публики, такъ какъ онъ говоритъ почти исключительно на норвежскомъ языкѣ».

Своеобразная черта его — боязнь до болѣзненности всего, что походить на рекламу. Его біографическій очеркъ приходится съ большимъ трудомъ составлять по тамъ и сямъ разбросаннымъ мелкимъ замѣткамъ. Неоднократно онъ категорически отказывался дать составителямъ исторій литературъ хоть какія-либо свѣдѣнія о себѣ.

Характерны въ этомъ отношеніи шесть строкъ, посланныя имъ въ отвѣтъ на просьбу Альберта Лангена написать свою краткую автобіографію для его каталога изданій.

Гамсунъ написалъ:

«Прошу васъ, напишите біографію сами. Начните ее 4-мъ августа 1860 г., когда я родился, и продолжайте ее многими прекрасными словами далѣе до настоящаго года. Ибо что я долженъ собственно сказать? Я думаю, что люди смертельно устали отъ всякихъ біографій авторовъ всего міра. А насъ такъ много!»

Другому лицу Гамсунъ сказалъ:

«Теперь всѣ горятъ желаніемъ читать мою біографію. Я со всѣхъ сторонъ изъ Россіи получаю просьбы написать ее, особенно когда узнали, что въ будущемъ году мнѣ стукнетъ 50 лѣтъ. Но... *разказать о себѣ всю правду я рѣшился бы развѣ на смертномъ одрѣ».*

Къ исполняющемуся въ августѣ 1910 г. пятидесятилѣтію Гамсуна норвежскій писатель Нерунъ (Naegir), авторъ самаго обстоятельнаго въ норвежской литературѣ біографическаго очерка Гамсуна и его другъ, общается изданіе первой, подробной и серьезной біографіи талантливаго норвежца.

ПАНЪ.

Изъ записокъ лейтенанта Томаса Глана.

I.

Въ послѣдніе дни я все думалъ и думалъ о вѣчномъ днѣ сѣвернаго лѣта. Я сижу здѣсь и думаю о немъ и о домикѣ, въ которомъ я жилъ, и о лѣсѣ за домикомъ, и хочется мнѣ записать кое-что, чтобы скоротать время и доставить себѣ маленькое развлеченіе. Время тянется очень медленно. Я никакъ не могу заставить его итти такъ быстро, какъ мнѣ хочется, хотя у меня нѣтъ никакихъ заботъ и веду я самую веселую жизнь. Я всѣмъ доволенъ, а мои тридцать лѣтъ — не Богъ знаетъ какой возрастъ. Нѣсколько дней назадъ я получилъ издалека два птичьихъ пера, отъ человѣка, который вовсе не долженъ былъ посылать ихъ мнѣ, — два зеленыхъ пера въ листѣ почтовой бумаги съ короной, запечатанномъ облаткой. Я былъ радъ увидѣть два такихъ дьявольски-зеленыхъ пера. И вообще я совершенно здоровъ, если не считать изрѣдка легкой ломоты въ лѣвой ногѣ послѣ старой, давно зажившей огнестрѣльной раны.

Я вспоминаю, что два года назадъ время шло очень быстро, несравненно быстрѣе, чѣмъ теперь. Лѣто прошло такъ, что я не успѣлъ и оглянуться. Два года назадъ, въ 1855 году — я хочу написать объ этомъ ради собственнаго удовольствія — со мною случилось кое-что, или мнѣ это пригрезилось. Теперь я уже забылъ многое изъ того, что я переживалъ тогда, потому что почти не думалъ объ этомъ съ тѣхъ чоръ, но я помню, что ночи были очень свѣтлы. Многія вещи представлялись мнѣ также совсѣмъ въ превратномъ видѣ. Въ году было двѣнадцать мѣсяцевъ, но ночь превратилась въ день, и на небѣ никогда не было видно ни одной звѣзды. И люди, которыхъ я встрѣчалъ, были особенные, не такіе, какъ тѣ, какихъ

я зналъ раньше, и иногда довольно было одной ночи, чтобы они вдруг созрѣли, выросли и развернулись во всемъ своемъ великолѣпнн. Колдовства никакого тутъ не было, но я никогда не переживалъ этого раньше. О, нѣтъ, никогда!

Въ большомъ бѣломъ домѣ у моря я встрѣтилъ человѣка, на короткое время занявшаго мои мысли. Я уже не вспоминаю о немъ постоянно,—нѣтъ, я совсѣмъ забылъ его теперь. Зато я думаю обо всемъ другомъ,—о крикѣ морскихъ птицъ, объ охотѣ въ лѣсу, о моихъ ночахъ, о жаркихъ лѣтнихъ часахъ. Къ тому же и свель-то меня съ этимъ человѣкомъ случай, и не будь этого случая, онъ не занималъ бы моихъ мыслей ни одного дня.

Изъ моей избушки я видѣлъ множество разбросанныхъ острововъ, островковъ и шхеръ, кусочекъ моря, нѣсколько синѣющихъ горныхъ зубцовъ. За избушкой тянулся лѣсъ, огромный лѣсъ. Я преисполнялся радостью и благодарностью отъ запаха корней и листвы, жирнаго, чуть-чуть мозглаго запаха сосны. Только въ лѣсу все во мнѣ затихало, душа моя становилась спокойна и могуча. Каждый день я уходилъ въ горы съ Эзопомъ и ничего больше не желалъ, какъ только бы ходить такъ всегда изо дня въ день, хотя земля еще была наполовину покрыта снѣгомъ и мягкой грязью. Единственнымъ моимъ товарищемъ былъ Эзопъ. Теперь у меня Кора, но въ то время былъ Эзопъ, моя собака, которую я потомъ застрѣлилъ.

Часто по вечерамъ, когда я возвращался послѣ охоты въ свою хибарку, теплое чувство домашняго уюта проникало все мое тѣло, приводило мою душу въ сладкій трепеть, и я шелъ и говорилъ съ Эзопомъ о томъ, какъ намъ хорошо. «Ну вотъ, теперь мы разведемъ огонь и изжаримъ себѣ птицу,—говорилъ я:—что ты на это скажешь?» А когда все это было сдѣлано и ужинъ нашъ конченъ, Эзопъ заползалъ на свое мѣсто за очагомъ, а я зажигалъ трубку и ложился на часокъ на нары послушать глухой шелестъ лѣса. Въ воздухѣ чуть-чуть потягивало, вѣтеръ дулъ въ сторону избушки, и я ясно могъ слышать, какъ далеко въ горахъ токуетъ тетеревь. А то все было тихо.

И много разъ засыпалъ я такъ, совсѣмъ одѣтый, какъ былъ днемъ, и просыпался только тогда, когда начинали кричать морскія птицы. И когда, бывало, я выглядывалъ въ окошко, я могъ различить большія бѣлыя строенія торговаго мѣстечка, пристани Сирилунда и мелочную лавочку, гдѣ я покупалъ себѣ хлѣбъ. И я лежалъ нѣкоторое время, дивясь тому, что я вотъ здѣсь, въ хижинѣ, въ Норвегн, на опушкѣ лѣса.

Эзонъ потягивался своимъ длиннымъ тонкимъ туловищемъ за очагомъ. Ошейникъ его звенѣлъ, онъ зѣвалъ, вилялъ хвостомъ, а я вскакивалъ послѣ этихъ трехъ-четыреухъ часовъ сна, отдохнувшій и готовый радоваться — всему, всему.

Много было такихъ ночей.

II

Пускай идетъ дождь, востъ буря,—это неважно. Часто бываетъ, что такая вотъ маленькая радость овладѣваетъ тобой въ дождливый день, и ходишь ты одинъ со своимъ счастьемъ. Стоишь тогда и смотришь прямо передъ собой, изрѣдка тихонько посмѣиваешься и оглядываешься по сторонамъ. О чемъ тогда думаешь? О блестящемъ стеклѣ въ окнѣ, о солнечномъ лучѣ на стеклѣ, о видѣ на руческѣ, а можетъ, и на просвѣтѣ синяго неба. Только и всего. Но большаго и не нужно.

А въ другое время даже самыя необыкновенныя событія не могутъ вывести изъ безучастнаго и унылаго настроенія. Въ бальной залѣ можно сидѣть равнодушно, скучая и замкнуто. Это оттого, что источникъ радости или печали — въ самой душѣ человѣка.

Я вспоминаю одинъ день. Я сошелъ на берегъ. Меня захватилъ дождь. Я вошелъ въ открытый лодочный сарай и присѣлъ тамъ. Я напѣвалъ про себя вполголоса, но безъ радости, безъ всякаго удовольствія, — просто такъ, чтобы провести время. Со мной былъ Эзонъ, онъ сѣлъ и насторожилъ уши. Я пересталъ напѣвать и тоже прислушался,—снаружи слышались голоса, подходили люди. Случай, самый обыкновенный случай. Двое мужчинъ и дѣвушка шумно вѣбжали ко мнѣ. Они кричали, смѣясь, другъ другу:

— Скорѣе. Здѣсь мы можемъ спрятаться отъ дождя.

Я всталъ.

На одномъ изъ мужчинъ была бѣлая ненакрахмаленная манишка, которая теперь вдобавокъ намочла отъ дождя и обвисла. Въ этой мокрой манишкѣ торчала брильянтовая булавка. На ногахъ у него были длинные остроносые башмаки довольно франтовскаго вида. Я поклонился ему,—это былъ господинъ Макъ, торговецъ, я зналъ его по мелочной лавкѣ, гдѣ покупалъ себѣ хлѣбъ. Онъ даже какъ-то разъ приглашалъ меня къ себѣ въ домъ,—только я до сихъ поръ еще не побывалъ у него.

— А, знакомый народъ!—сказалъ онъ, увидѣвъ меня. — Мы собрались на мельницу, но должны были вернуться. Ну, и

погодка, а? А когда же вы пожалуете въ Сирилундъ, господинъ лейтенантъ?

Онъ представилъ мнѣ маленькаго чернобородаго господина, бывшаго съ ними, доктора, жившаго у сосѣдней церкви.

Дѣвушка подняла вуаль на носъ и вполголоса разговаривала съ Эзопомъ. Я обратилъ вниманіе на ея кофточку,—по петлямъ и подкладкѣ было видно, что она крашеная. Господинъ Макъ представилъ и ее. Она была его дочерью, и звали ее Эдвардой.

Эдварда бросила на меня взглядъ сквозь вуаль, потомъ опять пошенталась съ собакой и прочла надпись на ошейникѣ.

— Вотъ какъ, тебя зовутъ Эзопъ!.. Докторъ, кто былъ Эзопъ? Я помню только, что онъ сочинялъ басни. Онъ не фригіецъ? Нѣтъ, не знаю...

Ребенокъ, школьница! Я смотрѣлъ на нее, она была высока, но еще безъ формъ, лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, съ длинными смуглыми руками, безъ перчатокъ.

Можетъ-быть, въ этотъ самый день она справлялась въ лексиконѣ объ Эзопѣ, чтобы знать при случаѣ.

Господинъ Макъ спросилъ меня о моей охотѣ. Что я больше всего стрѣлялъ? Я могу когда угодно воспользоваться любой изъ его лодокъ, мнѣ стѣитъ только сказать. Докторъ не говорилъ ни слова. Когда компанія уходила, я замѣтилъ, что докторъ слегка прихрамываетъ и опирается на палку.

Я поплелся домой въ томъ же пустомъ настроеніи, что и раньше, и такъ же мурлыкая отъ скуки. Эта встрѣча въ лодочномъ сараѣ никакъ не подѣйствовала на мою душу, не произвела на меня никакого впечатлѣнія ни въ ту ни въ другую сторону. Лучше всего я запомнилъ промокшую манишку господина Мака, въ которой торчала брильянтовая булавка, тоже мокрая и почти безъ блеска.

III.

Передъ моимъ домикомъ стоялъ камень,—высокій, сѣрый камень. Въ немъ было выраженіе какого-то дружескаго отношенія ко мнѣ, точно онъ смотрѣлъ на меня, когда я подходилъ, и узнавалъ меня. Я охотно выбиралъ путь мимо этого камня, когда выходилъ по утрамъ изъ дому, и мнѣ казалось, будто я оставляю за собою добраго друга, который будетъ ждать меня, пока я не вернусь.

А наверху, въ лѣсу, начиналась охота. Иногда я убивалъ что-нибудь, иногда и нѣтъ...

За островами въ тяжеломъ покоѣ лежало море. Много разъ

я стоялъ и смотрѣлъ на него съ горнаго края, взобравшись на высоту. Въ тихіе дни суда почти не двигались. Нерѣдко я видѣлъ одинъ и тотъ же парусъ дня три подъ-рядъ, — маленькій, бѣлый, словно чайка на водѣ. Но когда налеталъ вѣтеръ, горы вдаль почти исчезали, поднималась буря, юго-западный штормъ, — зрѣлище, зрителемъ котораго былъ я. Все превращалось въ сплошной дымъ. Небо и земля сливались, море извивалось въ причудливыхъ воздушныхъ пляскахъ, образуя людей, лошадей и рваныя знамена. Я стоялъ, прижавшись подъ выступомъ скалы, и думалъ о многомъ. Душа моя волновалась. Богъ знаетъ, думалъ я, чему сегодня я являюсь свидѣтелемъ, и почему море такъ раскрывается передъ моими глазами? Можетъ-быть, я вижу въ эту минуту самый мозгъ земли,—какая въ немъ идетъ работа, какъ все кипитъ. Эзопъ тревожился, изрѣдка поднималъ морду и нюхалъ воздухъ, ежась отъ дождя, жалобно подрагивая на короткихъ ногахъ. Такъ какъ я не заговаривалъ съ нимъ, онъ ложился между моими ногами и такъ же, какъ и я, смотрѣлъ на море. И ни одного возгласа, ни слова человѣческаго не слышалось ни откуда, только тяжело гудѣло надъ моей головой. Далеко-далеко видѣлся маленькій островокъ, одинокій, оторванный отъ другихъ. Когда море набрасывалось на этотъ островокъ, онъ выскакивалъ какимъ-то сумасшедшимъ винтомъ,—нѣтъ, вздымался, какъ морской богъ, который приподнимался мокрый и смотрѣлъ вдаль на міръ, фыркая, такъ что волосы и борода колесомъ становились вокругъ его головы. Потомъ онъ снова погружался въ пучину.

И въ самый разгаръ бури съ моря показался маленькій, черный, какъ уголь, пароходъ...

Когда я подъ-вечеръ пришелъ на пристань, маленькій черный пароходъ уже былъ въ гавани. Это былъ почтовый пароходъ. Множество людей стояло на набережной, всѣ пришли посмотреть на рѣдкаго гостя. Я замѣтилъ, что у всѣхъ безъ исключенія были голубые глаза, какъ ни мало они были похожи другъ на друга. Молодая дѣвушка въ бѣломъ шерстяномъ платкѣ на головѣ стояла нѣсколько поодаль. У нея были очень темные волосы, и бѣлый платокъ странно выдѣлялся на волосахъ. Она съ любопытствомъ посмотрѣла на меня, на мою кожаную куртку, на мое ружье; когда я заговорилъ съ ней, она смутилась и отвернулась. Я сказалъ: тебѣ надо всегда носить бѣлый платокъ, онъ идетъ къ тебѣ. Въ эту минуту къ ней подошелъ коренастый мужчина въ исландской курткѣ и назвалъ ее Евой. Очевидно, это была его дочь. Я зналъ коренастаго человѣка,—онъ былъ кузнецъ, мѣстный кузнецъ. Нѣ-

сколько дней назадъ онъ придѣлалъ новый курокъ къ одному изъ моихъ ружей...

А дождь и вѣтеръ дѣлали свое дѣло и согнали весь снѣгъ. Нѣсколько дней надъ землей носилось холодное и непривѣтливое настроеніе, гнилыя вѣтки трещали, и вороны собирались стадами и кричали. Это продолжалось недолго. Солнце было близко. Разъ утромъ оно поднялось изъ-за лѣса. Полоса какого-то необыкновеннаго, нѣжнаго свѣта пронизываетъ меня съ головы до ногъ, когда я вижу, какъ восходитъ солнце. И я скидываю ружье на плечо въ молчаливой радости.

IV.

Въ то время я не испытывалъ недостатка въ дичи. Я стрѣлялъ, что хотѣлъ,—зайцевъ, тетеревовъ, бѣлыхъ куропатокъ, а когда мнѣ случалось быть на берегу и удавалось подойти на выстрѣлъ къ какой-нибудь морской птицѣ, я убивалъ и ее. Хорошія были времена,—дни становились длиннѣе и воздухъ прозрачнѣе. Я снаряжался дня на два и отправлялся въ горы, на зубчатыя вершины, встрѣчалъ лопарей и бралъ у нихъ сыръ,—маленькіе жирные сырки съ привкусомъ горныхъ травъ. Я бывалъ тамъ не разъ. По дорогѣ домой я всегда убивалъ какую-нибудь птицу и совалъ ее въ ягташъ. Я садился и бралъ Эзона на свору. Въ верстѣ подъ собою я видѣлъ море; стѣны утесовъ были мокры и черны отъ воды. Она струилась по нимъ, капая и стекая съ одной коротенькой мелодіей. Эти тихіе, слабыя напѣвы въ горахъ сокращали мнѣ много часовъ, когда, бывало, я сидѣлъ такъ, смотря вокругъ. Вотъ, думалъ я, эта слабая безконечная музыка журчитъ здѣсь цѣлую вѣчность, и никто не слышитъ ея и не думаетъ о ней, но все равно, она журчитъ себѣ здѣсь все время,—все время. И когда я слышалъ это журчаніе, мнѣ казалось, что горы уже не такъ пустынно. Изрѣдка случалось что-нибудь: громъ потрясалъ землю, кусокъ скалы отрывался и скатывался въ море, оставляя за собою дорожку каменной пыли. Въ ту же минуту Эзопъ вытягивалъ морду по вѣтру и удивленно внюхивался въ запахъ гари, котораго онъ не понималъ. Когда вода отъ талаго снѣга прорыла трещины въ скалахъ, достаточно было выстрѣла, даже громкаго крика, чтобы большія глыбы отрывались и скатывались внизъ...

Проходилъ часъ, можетъ-быть, больше. Время шло такъ быстро. Я спускалъ Эзона со своры, перекидывалъ ягташъ черезъ другое плечо и отправлялся домой. День былъ на исходѣ. Внизу, въ лѣсу, я неизмѣнно попадалъ на свою ста-

рую знакомую тропинку, — узенькую тропинку, извивавшуюся самымъ причудливымъ образомъ. Я слѣдовалъ за каждымъ зигзагомъ и не торопился, — спѣшить было некуда, дома никто не ждалъ меня. Свободный, какъ властелинъ, я шелъ по мирному лѣсу такъ тихо, какъ хотѣлось. Всѣ птицы молчали, только вдалькѣ токовалъ тетеревъ, токовалъ безъ перерыва.

Я вышелъ изъ лѣса и увидѣлъ впереди себя двоихъ идущихъ людей. Я нагналъ ихъ; то была юмфру Эдварда, я узналъ еѣ и поклонился. Съ ней былъ докторъ. Я долженъ былъ показать имъ свое ружье, они осмотрѣли мой компасъ, мой ягташъ. Я пригласилъ ихъ въ свою избушку, и они обѣщали притти какъ-нибудь на-дняхъ.

Вотъ ужъ и вечеръ. Я пришелъ домой, развелъ огонь, изжарилъ птицу и поѣлъ. Завтра тоже будетъ день...

Всюду тишина и безмолвіе. Я лежалъ подь-вечеръ и смотрѣлъ въ окно. Волшебный блескъ лежалъ въ тотъ вечеръ на землѣ и на лѣсѣ. Солнце зашло и окрасило горизонтъ жирнымъ, краснымъ свѣтомъ, который стоялъ неподвижно, какъ масло. Небо вездѣ было открыто и чисто, я смотрѣлъ въ это ясное море, и мнѣ чудилось, что я лежу лицомъ къ лицу съ дномъ міра, и что сердце мое трепещетъ, привѣтствуя это обнаженное дно, будто тамъ его родина. Богъ знаетъ, думалъ я, отчего горизонтъ разодѣлся сегодня въ пурпуръ и золото. Нѣтъ ли тамъ наверху, во вселенной, какого-нибудь праздника, торжества съ звѣздной музыкой и катаньемъ на лодкахъ по рѣкамъ? Похоже на то. Я закрылъ глаза, воображая себя на этомъ катаньи на лодкахъ, и мысли одна за другой проплывали въ моемъ мозгу...

Такъ прошло много дней.

Я бродилъ кругомъ и наблюдалъ, какъ снѣгъ превращался въ воду, и какъ таялъ ледъ. Нѣсколько дней я даже ни разу не выстрѣлилъ изъ ружья, когда у меня бывало достаточно ѣды въ хижинѣ, а просто бродилъ, наслаждаясь своей свободой, предоставляя времени итти своей чередой. Куда бы я ни обращался, всюду одинаково было что посмотреть и что послушать. Все понемножку измѣнялось съ каждымъ днемъ, даже можевельникъ и ивнякъ готовились встрѣчать весну. Я шелъ, напримѣръ, на мельницу, она еще была вся обледянѣлая, но земля вокругъ нея была истоптана за много-много лѣтъ и свидѣтельствовала о томъ, что люди приходили сюда съ мѣшками зерна на спинѣ, и здѣсь имъ его мололи. Я ходилъ тутъ словно среди людей. На стѣнахъ къ тому же было вырѣзано много буквъ и годовъ.

V.

Писать ли мнѣ дальше? Нѣтъ, нѣтъ. Развѣ только немножко, ради собственнаго удовольствія, и потому, что мнѣ пріятно рассказывать о томъ, какъ два года тому назадъ наступала весна, и какой видъ имѣла земля. Отъ почвы и моря начало слегка попахивать. Отъ прошлогодней перепрѣвшей въ лѣсу листвы тянуло сладковатымъ запахомъ сѣрководорода. Сороки летали, набравъ въ клювъ вѣтокъ, и строили гнѣзда. Еще два дня, и ручьи вздулись и заплѣнились, появились бабочки-крапивницы,—одна, другая. Рыбаки возвращались домой съ мѣстъ промысловъ. Двѣ купеческія яхты пришли биткомъ набитыя рыбой и причалили противъ своихъ сушилокъ; на самомъ большемъ изъ островковъ, гдѣ на горѣ должна была сушиться рыба, внезапно началось движеніе и оживленіе. Я видѣлъ все изъ своего окна.

Но до избушки шумъ не достигалъ, я попрежнему оставался одинъ. Изрѣдка проходилъ какой-нибудь человекъ. Я видѣлъ Еву, дочь кузнеца,—на переносицѣ у нея появились двѣ веснушки.

— Куда ты собралась?—спросилъ я.

— Въ лѣсъ, за дровами, — тихо отвѣчала она.

Въ рукахъ у нея была веревка для переноски дровъ, а на головѣ бѣлый платокъ. Я смотрѣлъ ей вслѣдъ, но она не оглянулась.

Такъ проходило много дней, и я больше не видѣлъ никого.

Весна надвигалась, и лѣсъ освѣтлѣлъ. Весело было наблюдать за дроздами, какъ они сидѣли на верхушкахъ деревьевъ, смотрѣли на солнце и кричали. Иногда я вставалъ въ два часа утра, чтобы пріобщиться къ тому радостному настроенію, которое исходило отъ птицъ и животныхъ при восходѣ солнца.

Весна пришла, должно-быть, и ко мнѣ. Кровь моя временами стучала такъ громко, точно я слышалъ шаги. Я сидѣлъ въ избушкѣ и думалъ, что надо бы осмотрѣть удочки и блесны, но не шевелилъ пальцемъ, чтобы сдѣлать что-нибудь. Радостная и смутная тревога то приливала, то отливала отъ моего сердца. Вдругъ Эзопъ вскочилъ, уперся на ногахъ и издалъ короткій лай. Кто-то шелъ къ избушкѣ. Я быстро сдернулъ шапку съ головы и въ ту же минуту услышалъ у дверей голосъ юмфру Эдварды. Дружески и просто, она и докторъ пришли навѣстить меня, какъ обѣщали.

— Ну да, онъ дома, — услышалъ я ея слова. Она вошла

и протянула мнѣ руку совершенно какъ дѣвочка.—Мы заходили и вчера, да васъ не было дома,—пояснила она.

Она сѣла на нары, поверхъ одѣяла, и стала осматриваться въ избѣ; докторъ сѣлъ рядомъ со мною, на длинной скамьѣ. Завязался разговоръ, даже довольно оживленный. Я рассказывалъ имъ, между прочимъ, какіе здѣсь въ лѣсу водятся звѣри, и какую дичь мнѣ больше нельзя стрѣлять, потому что она находится подъ охраной закона. Сейчасъ запретъ наложенъ на тетеревей.

Докторъ и теперь говорилъ немного; но, увидѣвъ на моей пороховницѣ фигуру Пана, онъ сталъ рассказывать мнѣ о Панѣ.

— А чѣмъ же вы питаетесь, когда вся дичь бываетъ подъ запретомъ?—вдругъ спросила Эдварда.

— Рыбой,—отвѣтилъ я. — Большею частью рыбой. Всегда можно найти что-нибудь для ѣды.

— Но вы можете же приходить обѣдать къ намъ,—сказала она.—Въ прошломъ году въ вашей избушкѣ жилъ англичанинъ, такъ онъ часто бывалъ у насъ и обѣдалъ.

Эдварда смотрѣла на меня, я смотрѣлъ на нее. Я почувствовалъ въ эти минуты, какъ что-то коснулось моего сердца, точно легкой, мимолетный дружескій привѣтъ. Это отъ весны и свѣтлаго дня,—подумалъ я потомъ, вспоминая объ этомъ. Кромѣ того я еще любовался ея изогнутыми бровями.

Она сказала нѣсколько словъ о моемъ жильѣ. Я завѣсилъ стѣны разными шкурами и птичьими крыльями, избушка внутри походила на косматую берлогу. Это ей понравилось.

— Да, это настоящая берлога,—сказала она.

Мнѣ нечѣмъ было угостить гостей, я придумалъ изжарить птицу, смѣха ради; они съѣдятъ ее по-охотничьи, руками. Все-таки это маленькая забава.

Я изжарилъ птицу.

Эдварда рассказывала объ англичанинѣ. Это былъ старій и чудаковатый господинъ, онъ разговаривалъ самъ съ собою. Онъ былъ католикъ и повсюду таскалъ съ собою въ карманѣ маленькій молитвенникъ съ красными и черными буквами.

— Такъ онъ, вѣроятно, былъ ирландецъ?—спросилъ докторъ.

— Развѣ онъ былъ ирландецъ?

— Надо полагать, если онъ былъ католикъ.

Эдварда покраснѣла, замаялась и отвернулась.

— Ну да, можетъ, и ирландецъ.

Съ этой минуты она утратила свое оживленіе. Мнѣ стало жаль ея, я хотѣлъ поправить дѣло и сказалъ:

— Нѣтъ, конечно, вы правы, онъ былъ англичанинъ. Ирландцы не ѣздятъ въ Норвегію.

Мы сговорились какъ-нибудь поѣхать на лодкѣ, осмотрѣть мѣста, гдѣ сушилась рыба.

Проводивъ немного гостей, я вернулся и сѣлъ чинить свои рыболовныя снасти. Сѣть моя висѣла у двери на гвоздѣ, и нѣкоторыя петли испортились отъ ржавчины. Я заострилъ нѣсколько крючковъ, загнулъ ихъ, осмотрѣлъ неводъ. Какъ плохо работалось сегодня. Неподходящія мысли бродили въ моей головѣ. Мнѣ казалось, что я сдѣлалъ ошибку, позволивъ юмфру Эдвардѣ сидѣть все время на нарахъ вмѣсто того, чтобы предложить ей мѣсто на скамьѣ. Я вдругъ увидѣлъ передъ собою ея смуглое лицо и смуглую шею. Передникъ она подвязала низко на животѣ, чтобы талія казалась длиннѣе, по тогдашней модѣ. Цѣломудренное дѣвичье выраженіе большого пальца вызывало во мнѣ нѣжность, положительно нѣжность, а двѣ морщинки надъ скулами были полны привѣтливости. У нея былъ большой, пламенѣющій ротъ.

Я всталъ, отворилъ дверь и прислушался. Не слышно было ничего, да и не къ чему мнѣ было прислушиваться. Я снова затворилъ дверь. Эзопъ, видя мое безпокойство, всталъ съ своего логова. Мнѣ пришло въ голову, что я могъ бы побѣждать за юмфру Эдвардой и попросить у нея немного шелку, чтобы починить неводъ. Это былъ не предлогъ, я могъ разостлать неводъ и показать ей проржавѣвшія петли. Я уже вышелъ за дверь, какъ вдругъ вспомнилъ, что у меня самого въ коробкѣ съ коллекціей мухъ есть шелкъ, даже больше, чѣмъ нужно. Обезкураженный, я тихонько вернулся. Шелкъ былъ у меня самого.

Чье-то постороннее дыханіе пахнуло на меня, когда я вошелъ въ избушку,—словно я былъ тамъ уже не одинъ.

VI.

Одинъ человекъ спросилъ меня, не бросилъ ли я охоту: онъ не слыхалъ ни одного моего выстрѣла въ горахъ, хотя цѣлыхъ два дня пробылъ въ бухтѣ, ловя рыбу. Нѣтъ, я не охотился за это время. Я сидѣлъ дома, въ своей избушкѣ, пока было чтò ѣсть.

На третій день я отправился на охоту. Лѣсъ слегка позеленѣлъ. Отъ земли и деревьевъ шелъ запахъ. Полевой чеснокъ началъ уже высовываться зелеными стрѣлками изъ пропи-таннаго водою мха. Я былъ полонъ разныхъ мыслей и нѣсколько разъ присаживался по пути. За три дня я видѣлъ

только одного человѣка, того рыбака, котораго встрѣтилъ вчера. Я думалъ: можетъ-быть, я натолкнуся на кого-нибудь сегодня, по пути домой, на опушкѣ, тамъ, гдѣ я встрѣтилъ доктора и юмфру Эдварду. Возможно, что они опять гуляютъ тамъ,—можетъ-быть, да, а можетъ-быть, и нѣтъ. Но почему я думалъ именно о нихъ двоихъ? Я убилъ пару бѣлыхъ куропатокъ и сейчасъ же приготовилъ одну изъ нихъ, потомъ взялъ Эзона на свору.

Я ѣлъ, лежа на обсохшей проталинкѣ. Надъ землей стояла тишина, только мягкій шелестъ вѣтра въ воздухѣ, да изрѣдка свистъ какой-нибудь птицы. Я лежалъ и смотрѣлъ на вѣтки, тихонько качавшіяся отъ движенія воздуха. Вѣтерокъ занимался своимъ дѣломъ и переносилъ цвѣточную пыльцу съ куста на кустъ, заполняя каждый невинный вѣщичикъ. Весь лѣсъ замеръ въ восторгѣ. Зеленая гусеница-пяденица ползетъ по вѣткѣ, ползетъ безъ остановки, какъ будто не можетъ отдохнуть ни на минуту. Она почти ничего не видитъ, хотя у нея есть глаза, часто она становится вертикально и какъ бы ощупываетъ воздухъ, ища за что ухватиться. Она похожа на копецъ зеленой нитки, которая медленными стежками прокладываетъ шовъ вдоль вѣтки. Къ вечеру, можетъ, она и доберется до цѣли своего путешествія.

Попрежнему тихо. Я встаю и иду, сажусь и опять встаю. Время подходит къ четыремъ. Въ шесть часовъ я поверну домой и посмотрю, не встрѣчу ли кого-нибудь. Мнѣ остается два часа, а я уже сейчасъ испытываю нѣкоторое безпокойство и страхиваю верескъ и мохъ съ своего платья. Я узнаю мѣста, по которымъ прохожу. Деревья и камни стоятъ попережнему въ одиночествѣ, листья шуршатъ подъ моими ногами. Однотонный шелестъ и знакомые деревья и камни много говорятъ моему сердцу. Я преисполняюсь какой-то особой благодарностью, все кажется мнѣ близкимъ, роднымъ, сливается со мною, я все люблю. Я поднимаю сухую вѣточку, держу ее въ рукѣ и смотрю на нее, думая о своихъ дѣлахъ; вѣточка почти истлѣла, ея жалкая кожица производитъ на меня впечатлѣніе, состраданіе закрадывается въ мое сердце, и, вставая, чтобы идти, я не бросаю эту вѣточку, а тихонько кладу ее на землю и нѣкоторое время смотрю на нее. Наконецъ, прежде чѣмъ оставить ее тамъ навсегда, я въ послѣдній разъ взглядываю на нее влажными глазами.

Вотъ уже и пять часовъ. Солнце невѣрно показываетъ мнѣ время, я шелъ цѣлый день на западъ и опередилъ, пожалуй, на полчаса свои солнечныя отмѣтки передъ избушкой. Все это я принимаю въ соображеніе, но все равно, — до шести

остается еще часъ. Поэтому я снова встаю и прохожу еще нѣкоторое разстояніе. И листья шуршатъ подь моими ногами. Такъ проходитъ часъ времени.

Я вижу внизу, подь собою, рѣчку и маленькую мельницу, что стояла зимой вся заледянялая, и останавливаюсь. Мельница работаетъ, гулъ ея пробуждаетъ меня, я останавливаюсь на мѣстѣ сразу, какъ вкопанный. «Я опоздалъ»,—говорю я вслухъ. Мгновенная боль пронизываетъ меня, я сейчасъ же поворачиваюсь и направляюсь къ дому, но самъ уже знаю, что опоздалъ. Я ускоряю шаги, пускаюсь бѣжать. Эзопъ понимаетъ, что дѣло важно, рвется на ремнѣ, тащитъ меня за собой, взвизгиваетъ и суетится. Сухая листва взлетаетъ изъ-подь нашихъ ногъ. Но, когда мы прибѣжали на опушку лѣса, тамъ никого не оказалось. Нѣтъ, все тихо, никого.

«Здѣсь никого нѣтъ»,—говорю я. Въ сущности, случилось только то, чего я ожидалъ.

Я простоялъ недолго и пошелъ, влекомый своими мыслями, прошелъ свою хибарку, спустился въ Сирилундъ, съ Эзопомъ, съ ягташемъ и ружьемъ, со всѣми своими принадлежностями.

Господинъ Макъ принялъ меня съ величайшей любезностью и пригласилъ провести у нихъ вечеръ.

VII.

Мнѣ кажется, что я могу немножко читать въ душахъ окружающихъ меня людей. Можетъ-быть, это и не такъ. А когда я въ духѣ, то мнѣ кажется, что я заглядываю глубоко въ чужія души, хотя я вовсе не какой-нибудь мудрецъ. Насъ сидитъ въ комнатѣ нѣсколько мужчинъ, нѣсколько женщинъ и я, и мнѣ кажется, что я вижу, что происходитъ въ душѣ этихъ людей и что они думаютъ обо мнѣ. Я отмѣчаю каждую искру, мелькнувшую въ ихъ глазахъ. Иногда кровь приливаетъ къ ихъ щекамъ и заставляетъ ихъ краснѣть, иногда они притворяются, будто смотрятъ въ другую сторону, а сами исподтишка косятся на меня. А я сижу и вижу все это, и никто изъ нихъ не подозреваетъ, что я вижу насквозь всѣ сердца. Нѣсколько лѣтъ я думалъ, что могу читать во всѣхъ человѣческихъ сердцахъ. Можетъ-быть, это и не такъ...

Я провелъ весь вечеръ въ домѣ господина Мака. Я могъ бы уйти сейчасъ же, какъ только пришелъ,—меня нисколько не интересовало сидѣть тамъ. Но развѣ я пришелъ сюда не потому, что всѣ мои мысли влекли меня туда? И развѣ я могъ уйти сразу? Мы играли въ вистъ и пили тогда послѣ ужина. Я сидѣлъ спиной къ комнатѣ, опустивъ голову. Позади

меня взадь и впередъ проходила Эдварда. Докторъ уѣхалъ домой.

Господинъ Макъ показалъ мнѣ устройство своихъ новыхъ лампъ, первыхъ керосиновыхъ лампъ, попавшихъ на сѣверъ, чудесныя штуки на тяжелыхъ свинцовыхъ ножкахъ. Онъ самъ зажигалъ ихъ каждый вечеръ, во избѣжаніе несчастья. Раза два онъ заговаривалъ о своемъ дѣдушкѣ, консулѣ: «Мой дѣдушка, консулъ Макъ, получилъ эту булавку изъ собственныхъ рукъ Карла-Йоганна»,—сказалъ онъ и показалъ пальцемъ на свою брильянтовую булавку. Жена его умерла, онъ показалъ мнѣ ея портретъ въ одной изъ боковыхъ комнатъ,—чопорнаго вида женщина, въ блондахъ, съ любезной улыбкой. Въ той же комнатѣ стоялъ и книжный шкафъ, въ которомъ были даже старыя французскія книги, надо думать, переходившія по наслѣдству. Переплеты были красивые, съ золотомъ, и порядочное количество владѣльцевъ начертали на нихъ свои имена. Въ числѣ книгъ было много сочиненій энциклопедистовъ,—господинъ Макъ былъ мыслящій человекъ.

Для виста пришлось позвать двоихъ его приказчиковъ; они играли медленно и неувѣренно, тщательно рассчитывали и все-таки дѣлали промахи. Одному изъ нихъ помогала Эдварда.

Я опрокинулъ свой стаканъ, почувствовалъ себя несчастнымъ и всталъ.

— Боже мой, я опрокинулъ свой стаканъ!—сказалъ я.

Эдварда расхохоталась и отвѣтила:

— Да, мы это, видимъ.

Всѣ, смѣясь, увѣряли меня, что это ничего. Мнѣ дали полотенце вытереться, и мы продолжали играть. Пробыло одиннадцать часовъ.

Смутное чувство неудовольствія закралось въ меня при смѣхѣ Эдварды. Я смотрѣлъ на нее и нашелъ, что лицо ея стало невыразительнымъ и почти некрасивымъ. Господинъ Макъ прекратилъ наконецъ игру подъ предлогомъ, что приказчикамъ пора ложиться спать, затѣмъ откинулся на спинку дивана и началъ говорить о вывѣскѣ, которую онъ хочетъ прибѣить къ лавкѣ со стороны пристани, и спрашивалъ моего совѣта. Какой краской ее выкрасить? Мнѣ было скучно, я отвѣтилъ — черной, — совершенно не думая объ этомъ,—и г. Макъ сейчасъ же поддакнулъ:

— Черной краской, какъ разъ то, что я самъ думалъ. «Складъ соли и боченковъ» крупными черными буквами, это благороднѣе всего... Эдварда, не пора ли тебѣ спать?

Эдварда встала, протянула намъ обоимъ на прощанье руку

и пошла. Мы остались сидѣть. Поговорили о желѣзной дорогѣ, проведенной въ прошломъ году, о первой телеграфной линіи. Богъ вѣсть, когда телеграфъ попадетъ сюда на сѣверъ. Пауза.

— Видите ли,—сказалъ господинъ Макъ:—незамѣтнымъ образомъ мнѣ стукнуло сорокъ шесть лѣтъ, волосы и борода у меня посѣдѣли. Я чувствую, что состарѣлся. Вы видите меня днемъ и думаете, что я молодъ; но когда наступаетъ вечеръ и я остаюсь одинъ, меня охватываетъ уныніе. Тогда я сижу здѣсь, въ комнатѣ, и раскладываю пасьянсы. Они почти всегда выходятъ, если немножко сплутовать. Ха-ха.

— Неужели пасьянсы выходятъ, если сплутовать немножко?—спросилъ я.

— Да.

Мнѣ показалось, что я читаю въ его глазахъ...

Онъ всталъ, подошелъ къ окну и посмотрѣлъ на улицу. Онъ стоялъ, сильно сторбившись, шея и затылокъ у него совсѣмъ заросли волосами. Я тоже всталъ. Онъ обернулся и пошелъ мнѣ навстрѣчу, въ своихъ длинныхъ остроносыхъ башмакахъ. Оба большихъ пальца его были засунуты въ карманы жилета, онъ слегка шевелилъ руками, словно крыльями, и въ то же время улыбался. Потомъ еще разъ предложилъ мнѣ пользоваться его лодкой и протянулъ мнѣ руку.

— Впрочемъ, пожалуй, я провожу васъ, — сказалъ онъ и задулъ лампы.—Мнѣ хочется пройтись немного, сейчасъ еще не поздно.

Мы вышли.

Онъ указалъ на дорогу мимо дома кузнеца и сказалъ:

— Пойдемте здѣсь. Здѣсь ближе.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я:—мимо пристаней ближе.

Мы поспорили еще нѣкоторое время, не приходя къ соглашенію. Я былъ совершенно убѣжденъ въ своей правотѣ и не понималъ его настойчивости. Въ концѣ концовъ онъ предложилъ, чтобы каждый изъ насъ шелъ своей дорогой; кто придетъ первымъ, пусть подождетъ у избушки.

Мы разошлись. Онъ быстро исчезъ въ лѣсу.

Я шелъ обычнымъ шагомъ и рассчитывалъ притти по крайней мѣрѣ минутъ на пять раньше. Но когда я подошелъ къ избушкѣ, онъ уже стоялъ тамъ. Онъ крикнулъ мнѣ:

— Вотъ видите. Нѣтъ, я всегда хожу этой дорожкой. Здѣсь гораздо ближе.

Я смотрѣлъ на него въ крайнемъ изумленіи. Онъ не былъ разгоряченъ, и непохоже было, чтобы онъ бѣжалъ. Онъ сей-

часть же простился, поблагодарилъ за проведенный вечеръ и пошелъ обратно по той же дорогѣ, по какой пришелъ.

Я стоялъ на томъ же мѣстѣ и думалъ: что за странность. Имѣю же я какое-нибудь представленіе о разстояніи, и я видѣ много разъ проходилъ по обѣимъ этимъ дорогамъ. Милый человѣкъ, ты и тутъ плутуешь. Можетъ, все это только предлогъ?

Я видѣлъ, какъ его спина снова исчезла въ лѣсу.

Въ слѣдующую же секунду я шелъ за нимъ, осторожно и торопливо; я видѣлъ, какъ всю дорогу онъ вытиралъ лицо, и уже не думалъ, что онъ не бѣжалъ. Онъ шелъ теперь крайне медленно, и я не выпускалъ его изъ виду. Онъ остановился у дома кузнеца.

Я притаился невдалекѣ и увидѣлъ, какъ дверь отворилась и господинъ Макъ вошелъ въ нее.

Быль часть ночи. Я видѣлъ это по морю и по травѣ.

VIII.

Кое-какъ прошло нѣсколько дней. Моимъ единственнымъ другомъ былъ лѣсъ и полное одиночество. Великій Боже, никогда я не ощущалъ до такой степени своего одиночества, какъ въ первый изъ этихъ дней. Весна была въ полномъ разгарѣ, я находилъ въ полѣ ромашку и тысячелѣтникъ, и уже прилетѣли зяблики и коноплянки. Я зналъ всѣхъ птицъ. Пзрѣдка я вынималъ изъ кармана двѣ мѣдныхъ монеты и позвякивалъ ими, чтобы нарушить уединеніе. Я думалъ: что, если бы сейчасъ пришли Дидерихъ и Изелинда!

Ночей какъ будто совсѣмъ и не бывало, солнце только окунало свой дискъ въ море на минутку и сейчасъ же снова поднималось, красное, помолодѣвшее, будто оно хотѣло напиться. Какія странныя вещи творились со мною по ночамъ! Ни одинъ человѣкъ не повѣритъ этому. Ужъ не Панъ ли это взобрался на дерево, чтобы посмотреть, что я буду дѣлать? И не былъ ли его животъ раскрытъ, и онъ такъ скорчился, что казалось, будто онъ сидитъ и пьетъ изъ своего живота? Но все это онъ дѣлалъ только для того, чтобы лучше присматривать за мною, исподтишка, и все дерево качалось отъ его затаеннаго смѣха, когда онъ видѣлъ, что всѣ мои мысли разбѣгаются. По всему лѣсу шелъ какой-то шопоть, звѣри фыркали, птицы перекликались, призывы ихъ наполняли воздухъ. Былъ годъ прилета майскихъ жуковъ, жужжаніе ихъ сливалось съ шелестомъ крыльевъ ночныхъ бабочекъ. Во всемъ лѣсу разносился точно шопоть вопросовъ и отвѣтовъ. Какъ много тутъ можно было услышать!

Я не спалъ три ночи, я все думалъ о Дидерихѣ и Изелиндѣ.

Вотъ, думалъ я, они придутъ. И Изелинда подзоветъ Дидериха къ дереву и скажетъ:

— Стань здѣсь, Дидерихъ, смотри, стереги Изелинду, — я дамъ этому охотнику завязать мнѣ шнурки отъ башмаковъ.

А охотникъ — это я, и она дѣлаетъ мнѣ знакъ глазами, чтобы я понималъ это. И когда она подходитъ, сердце мое все понимаетъ, и оно уже не бьется, а звонить въ колокола. И она — вся нагая подъ покрываломъ, отъ головы до ногъ, и я кладу свою руку на нее.

— Завяжи мнѣ шнурки на башмакѣ, — говорить она съ пылающими щеками.

И минуту спустя она шепчетъ, близко-близко отъ моего рта, отъ моихъ губъ:

— Ахъ, ты не завязываешь мнѣ башмакъ, милый, что же ты не завязываешь мнѣ... ты не завязываешь...

А солнце окунается лицомъ въ море и снова поднимается, красное, обновленное, точно ходило напиться. И воздухъ полонъ шопота.

Черезъ часъ она говоритъ, касаясь почти моихъ устъ:

— Ну, теперь мнѣ пора уходить отъ тебя.

И, уходя, она машетъ мнѣ рукой, и лицо ея еще пылаетъ. На лицѣ ея нѣжность и восторгъ. И опять она оборачивается ко мнѣ и машетъ мнѣ рукой.

А изъ-за дерева выходитъ Дидерихъ и говоритъ:

— Изелинда, что ты дѣлала? Я видѣлъ.

Она отвѣчаетъ:

— Дидерихъ, что ты видѣлъ? Я ничего не дѣлала.

— Изелинда, я видѣлъ, что ты дѣлала, — говорить онъ. — Я видѣлъ.

Тогда громкій и веселый смѣхъ ея разносится по всему лѣсу, и она уходитъ съ нимъ, ликующая и грѣховная съ головы до ногъ. Куда идетъ она? Къ слѣдующему молодцу, — какому-нибудь охотнику въ лѣсу.

Была полночь. Эзопъ отвязался и охотился самъ по себѣ, я слышалъ его лай наверху, на горномъ кряжѣ, и когда я наконецъ воротилъ его, былъ уже часъ.

Показалась пастушка, она вязала чулокъ, напѣвала про себя и оглядывалась по сторонамъ. Но гдѣ же ея стадо? И чего она бродитъ по лѣсу въ полночь? Такъ, просто такъ. Отъ безпокойства, а можетъ-быть, отъ радости, — почему знать?

Я подумалъ:

«Она слышала лай Эзона и знала, что я въ лѣсу».

Когда она подошла ближе, я всталъ и посмотрѣлъ на нее, какая она тоненькая и юная. Эзопъ тоже стоялъ и глядѣлъ на нее.

— Откуда ты идешь?—спросилъ я ее.

— Съ мельницы,—отвѣтила она.

Но что ей было дѣлать на мельницѣ такой поздней ночью?

— Какъ же ты не боишься ходить ночью одна по лѣсу, ты, такая тоненькая и молоденькая?

Она улыбнулась и отвѣтила:

— Я не такъ ужъ молода,—мнѣ девятнадцать лѣтъ.

Но ей не могло быть девятнадцати лѣтъ. Я убѣжденъ, что она прибавила два года, и что ей было всего семнадцать. Но зачѣмъ же она нарочно дѣлала себя старше?

— Присядь,—сказалъ я:—и скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ.

Краснѣя, она сѣла рядомъ со мной и сказала, что ее зовутъ Генриеттой.

Я спросилъ:

— Есть у тебя возлюбленный, Генриетта, и обнималъ ли онъ тебя когда-нибудь?

— Да,—отвѣтила она, смущенно улыбаясь.

— Сколько же разъ?

Она молчитъ.

— Сколько разъ?—повторяю я.

— Два раза,—тихонько говоритъ она.

Я притянулъ ее къ себѣ и спросилъ:

— Какъ же онъ это дѣлалъ? Можетъ быть, онъ дѣлалъ это вотъ такъ?

— Да,—отвѣтила она, дрожа.

Вотъ уже и четыре часа.

IX.

У меня былъ разговоръ съ Эдвардой.

— Скоро будетъ дождь,—сказалъ я.

— Который часъ?—спросила она.

Я посмотрѣлъ на солнце и отвѣтилъ:

— Около пяти.

Она спросила:

— Вы можете видѣть это такъ точно по солнцу?

— Да,—отвѣтилъ я:—я могу это видѣть.

Пауза.

— Но когда вы не видите солнца, какъ же вы узнаете время тогда?

— Я справляюсь тогда по другимъ примѣтамъ. По при-

ливу и отливу на морѣ, по травѣ, которая ложится въ известное время, по пѣнію птицъ, которое мѣняется; однѣ птицы начинаютъ пѣть, когда другія замолкаютъ. Потомъ я узнаю время по цвѣтамъ, которые закрываются подъ-вечеръ, по листьямъ, зелень которыхъ то свѣтлѣе, то темнѣе. Кромѣ того, я просто чувствую это.

— Вотъ какъ,—сказала она.

Я ожидалъ дождя и не хотѣлъ задерживать Эдварду посреди дороги, чтобы она не промокла; я взялся за фуражку.

Тогда она вдругъ остановила меня новымъ вопросомъ, и я остался. Она покраснѣла и спросила, зачѣмъ я, собственно, сюда прѣхалъ, почему я хожу на охоту, почему то, почему другое. Я стрѣлялъ вѣдь только то, что мнѣ было необходимо для пропитанія? Эзопу мало было работы?

Она покраснѣла и сконфузилась. Я понялъ, что кто-нибудь говорилъ обо мнѣ, и что она слышала это; она повторяла чужія слова. И вдругъ мнѣ стало жаль ее. Видѣ у нея былъ сиротливый, я вспомнилъ, что у нея нѣтъ матери. Тоненькія руки придавали ей какой-то оброшенный видъ. Что-то нахлынуло на меня.

Ну да, я охочусь не для того, чтобы убивать, я охочусь для того, чтобы жить. Мнѣ нуженъ сегодня одинъ глухарь, поэтому я убиваю не двухъ, а второго убиваю завтра. Зачѣмъ мнѣ убивать больше? Я живу въ лѣсу, я — сынъ лѣса. Съ перваго іюня налагался запретъ на куропатокъ и на зайцевъ, мнѣ почти нечего становилось стрѣлять, ну такъ что же, я ловлю тогда рыбу и питаюсь рыбой. Я хотѣлъ взять у ея отца лодку, чтобы выѣзжать въ море. Нѣтъ, разумѣется, я охотникъ вовсе не для того, чтобы убивать, но для того, чтобы жить въ лѣсу. Мнѣ хорошо тамъ, я ѣмъ, лежа на землѣ, а не сижу, вытянувшись на стулѣ; я не опрокидываю стакановъ. Въ лѣсу я позволяю себѣ все: я могу лечь на спину и закрыть глаза, если мнѣ такъ хочется, и говорить то, что хочу. Часто хочется сказать что-нибудь, говорить громко, и это звучитъ, какъ рѣчь самого сердца въ лѣсу...

Когда я спросилъ ее, понимаетъ ли она это, она отвѣтила: «да».

Я продолжалъ говорить, потому что глаза ея были устремлены на меня.

— Если бы вы знали, чего только я ни вижу въ природѣ,—сказалъ я.—Зимой я хожу и вижу иной разъ слѣды куропатокъ на снѣгу. Вдругъ слѣды пропадаютъ, — птицы снялись и улетѣли. Но по отпечатку ихъ крыльевъ я угадываю, въ какомъ направленіи полетѣла дичь, и въ короткое время

разыскиваю ее. Это всякій разъ представляетъ для меня нѣ-которую новизну. Осенью иногда можно наблюдать, какъ па-даютъ звѣзды. Вотъ, думаю я тогда въ своемъ одиночествѣ, можетъ-быть, это содрогнулся цѣлый міръ? Міръ, распавшійся на куски на моихъ глазахъ? И мнѣ—мнѣ!—дано было въ жизни моей увидѣть смерть звѣзды. А когда наступаетъ лѣто, чуть не на каждомъ листочкѣ сидитъ маленькое живое существо. И вижу, что нѣкоторые лишены крыльевъ и никуда не могутъ уйти. Они должны жить и умереть на томъ же маленькомъ листочкѣ, на которомъ появились на свѣтъ. Подумайте объ этомъ. Иногда я вижу синюю муху. Да, объ этомъ такъ рѣдко говорятъ. Я не знаю, понимаете ли вы меня?

— Да, да, я понимаю.

— Ну, вотъ. А иной разъ я смотрю на траву, и трава, можетъ-быть, смотритъ на меня,—почемъ знать? Я смотрю на простую былинку, можетъ-быть, она дрожитъ немножко, и мнѣ кажется, что въ этомъ что-то есть. Я думаю про себя: вотъ стоитъ эта маленькая былинка и дрожитъ. А если я смотрю на сосну, то бываетъ такъ, что какая-нибудь отдѣльная вѣтка заставитъ меня задуматься о ней. Но иногда я встрѣчаю на горахъ и людей,—случается и это...

Я смотрѣлъ на нее. Она стояла, склонившись впередъ, и слушала. И не узнавала ее. Она до такой степени вся пре-вратилась во вниманіе, что совершенно не слѣдила за собой. Лицо ея стало некрасиво и глуно, нижняя губа совсѣмъ отвисла.

— Н-да-а,—сказала она и выпрямилась.

Упали первые дождевыя капли.

— Дождь идетъ,—проговорилъ я.

— Да, подумайте, дождь! — сказала она и сейчасъ же пошла.

Я не сталъ провожать ее. Она пошла одна своей дордгой, а я заторопился домой, къ своей хибаркѣ. Прошло нѣсколько минутъ, дождь усилился. Вдругъ я слышу, что за мной кто-то бѣжитъ. Я останавливаюсь и вижу Эдварду. Она раскраснѣлась отъ бѣга и улыбалась.

— Совсѣмъ забыла,—выговорила она, запыхавшись.—На-счетъ поѣздки на сушильни, на мѣсто, гдѣ сушатъ рыбу. Докторъ пріѣзжаетъ завтра, можетъ, и вы свободны?

— Завтра? Конечно. Да, я свободенъ.

— Совсѣмъ забыла про это,—повторила она и улыбнулась.

Когда она пошла, я обратилъ вниманіе на ея тонкія, кра-сивыя ноги,—онѣ были мокры почти до колѣнъ. Башмаки у нея были стоптанные.

X.

Вспоминаю еще одинъ хорошій день. Это былъ тотъ день, когда наступило мое лѣто. Солнце начало свѣтитъ еще ночью и къ утру высушило мокрую землю. Воздухъ сталъ мягокъ и нѣжень послѣ вчерашняго дождя.

Послѣ обѣда я отиравился на пристань. Вода лежала совершенно неподвижная. Мы слышали смѣхъ и говоръ съ острова, гдѣ мужчины и дѣвушки разбирали рыбу. День былъ веселый.

И, правда, развѣ не веселый это былъ день? У насъ были съ собой корзины съ виномъ и ѣдой. Большая компанія людей, размѣстившаяся въ двухъ лодкахъ, молодые женщины въ свѣтлыхъ платьяхъ. Я былъ странно доволенъ, я напѣвалъ вполголоса.

А усѣвшись въ лодкѣ, я сталъ думать, откуда взялись всѣ эти молодые люди. Тутъ были дочери ленсманна и окружнаго врача, двѣ гувернантки, дамы изъ насторской усадьбы. Я раньше не встрѣчался съ ними, но все равно онѣ смотрѣли на меня доврчиво, словно мы были уже давно знакомы. Я сдѣлалъ нѣсколько неловкостей, я отвыкъ обходиться съ людьми и часто говорилъ молодымъ дѣвушкамъ «ты». Но онѣ не обидѣлись на меня. Разъ я сказала: «милая», или «моя милая», но мнѣ извинили и это—сдѣлали видъ, будто я этого не говорилъ.

Господинъ Макъ, по обыкновенію, былъ въ своей рубашкѣ съ мягкой манишкой и съ брильянтовой булавкой. Повидимому, онъ былъ въ великолѣпномъ настроеніи и то и дѣло кричалъ другой лодкѣ:

— Поглядывайте за корзинками съ бутылками, сумасшедшіе! Докторъ, вы отвѣчаете мнѣ за бутылки!

— Ладно,—отвѣчалъ докторъ.

И уже одни эти перекликанія изъ лодки въ лодку, на морѣ, звучали для меня празднично и бодро.

Эдварда была во вчерашнемъ платьѣ, словно у нея не было другого, или она не хотѣла надѣть другое. И башмаки были тѣ же самые. Мнѣ показалось, что руки ея не совсѣмъ чисты. На головѣ у нея была совсѣмъ новенькая шляпа съ перьями. Красненую жакетку она взяла съ собой и положила на сидѣнье.

По желанію господина Мака, я сдѣлалъ, когда мы высаживались на берегъ, два выстрѣла, изъ обоихъ стволовъ; потомъ прокричали «ура». Мы пошли по острову, сушильщики кланялись намъ. Господинъ Макъ поговорилъ съ своими рабочими.

Мы нашли иванъ-да-марью и куриную слѣпоту и воткнули ихъ въ петлицы. А кое-кто нашель и колокольчикъ.

И пропасть морскихъ птицъ гоготало и кричало въ воздухѣ и на обнаженномъ отливомъ берегу.

Мы расположились на лужайкѣ, гдѣ стояло нѣсколько искривленныхъ березъ съ бѣлой корой, развязали корзины, и господинъ Макъ откупорилъ бутылки. Свѣтлыя платья, голубые глаза, звонъ стакановъ, море, бѣлые паруса. Мы немножко попѣли.

И щеки покраснѣлись.

Часъ спустя мысли мои полны ликованья. Самый пустякъ дѣйствуетъ на меня. Вуаль развѣвается на шляпѣ, выбивается прядь волосъ, два глаза закрываются отъ смѣха, и это меня волнуетъ. О, этотъ день, этотъ день!

— Я слышала, что у васъ маленькая, интересная избушка, господинъ лейтенантъ?

— Да, гнѣздо. Боже мой, какъ оно мнѣ по душѣ! Приходите ко мнѣ когда-нибудь въ гости, фрѣкенъ. Другой такой избушки нѣтъ. А за избушкой большой лѣсъ.

Другая подходит и говорить привѣтливо:

— Вы не бывали раньше у насъ на сѣверѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчаю я.—Но я уже все знаю, сударыни. По ночамъ я стою лицомъ къ лицу съ горами, лѣсомъ и солнцемъ. Впрочемъ, не хочу ударяться въ высокопарность. Но и лѣто же у васъ здѣсь! Оно появляется внезапно, ночью, когда всѣ спятъ, а на утро, смотришь — оно ужъ тутъ. Я смотрѣлъ изъ своего окна и видѣлъ его. У меня два маленькихъ окошечка.

Третья подходит. Она прелестна. Милый голосокъ, маленькія ручки. Какъ онѣ всѣ были прелестны! Третья говоритъ:

— Давайте, помѣняемся цвѣтами. Это приноситъ счастье. Мѣняться цвѣтами—это у нихъ игра.

— Хорошо,—сказалъ я и протянулъ руку:—давайте, помѣняемся цвѣтами, и спасибо вамъ за это. Какъ вы хороши, у васъ очаровательный голосъ, я слушалъ его все время.

Но она прижимаетъ къ себѣ свои колокольчики и говоритъ сухо:

— Чтѣ съ вами? Это относилось совсѣмъ не къ вамъ.

Это относилось не ко мнѣ! Мнѣ стало больно, что я ошибся. Я пожелалъ быть дома, далеко, въ своей хибаркѣ, гдѣ только вѣтеръ говорить со мной.

— Извините,—говорю я:—простите меня.

Остальные дамы переглядываются и удаляются, чтобы не конфузить меня.

Въ эту минуту къ намъ быстро подходит человекъ. Всѣ видятъ его, это Эдварда. Она подходитъ прямо ко мнѣ, говоритъ что-то, бросается мнѣ на шею, крѣпко обвиваетъ руками мою шею и цѣлуетъ меня нѣсколько разъ въ губы. При каждомъ поцѣлуѣ она что-то приговариваетъ, но я не слышу, что. Я не понялъ сразу. Сердце мое остановилось. У меня было только впечатлѣніе отъ ея горящаго взгляда. Когда она отпустила меня, плоская грудь ея тяжело вздымалась и опускалась. Вотъ она стоитъ еще,—смуглое лицо и смуглая шея, высокая и тонкая, съ искрящимися глазами и позабывъ обо всемъ; всѣ смотрѣли на нее. Во второй разъ меня поразили ея темныя брови, высокой дугой изгибавшіяся на лбу.

Но, Господи Боже мой, вѣдь она поцѣловала меня на виду у всѣхъ!

— Что это значитъ, іомфру Эдварда?—спросилъ я.

Я слышу, какъ стучитъ моя кровь, слышу этотъ стукъ точно гдѣ-то въ горлѣ, онъ мѣшаетъ мнѣ говорить явственно.

— Ничего,—отвѣчаетъ она.—Просто мнѣ такъ захотѣлось. Это ничего не значитъ.

Я снимаю шапку и машинально провожу рукой по волосамъ. Я стою и смотрю на нее. «Это ничего не значитъ?»—думаю я.

Но тутъ раздается голосъ господина Мака съ другого конца острова. Онъ говоритъ что-то, чего мы не слышимъ; но я съ радостью соображаю, что господинъ Макъ ничего не видѣлъ, ничего не узналъ. Какъ хорошо, что онъ именно въ эту минуту находился на другомъ концѣ острова! Я вздыхаю съ облегченіемъ, подхожу къ компаніи и говорю, улыбаясь, притворяясь равнодушнымъ:

— Позвольте мнѣ попросить у васъ всѣхъ извиненія за мое неприличное поведеніе, которое я только-что позволилъ себѣ. Я самъ въ отчаяніи отъ того, что случилось. Я воспользовался минутой, когда іомфру Эдварда хотѣла обмѣняться со мной цвѣтами, и оскорбилъ ее. Я прошу за это прощенія у нея и у васъ. Поставьте себя на мое мѣсто: я живу одинъ, я не привыкъ обращаться съ дамами. Къ тому же я пилъ сегодня вино, къ чему тоже не привыкъ. Будьте снисходительны ко мнѣ.

Я смѣялся и притворялся равнодушнымъ къ этому пустяку, чтобы о немъ забыли, но въ глубинѣ души мнѣ было не до смѣха. Рѣчь моя, впрочемъ, не произвела никакого дѣйствія на Эдварду. Она не старалась скрыть что-либо или сгладить впе-

чатлѣніе отъ своей опрометчивости, наоборотъ, она сѣла рядомъ со мной и все время не спускала съ меня глазъ. Изрѣдка она заговаривала со мной. Когда потомъ мы стали играть въ свои сосѣди, она сказала во всеуслышаніе:

— Я хочу лейтенанта Глана. И не желаю бѣгать ни за кѣмъ другимъ.

— Чортъ возьми, да молчите же, сумасшедшая,— прошептала я и топнула ногой.

Удивленіе промелькнуло на ея лицѣ. Она страдальчески сморщила носъ и растерянно улыбулась. Я былъ глубоко взволнованъ и тронуть; я не могъ противостоятъ этому сиротливому выраженію въ ея взглядѣ и во всей ея тоненькой фигуркѣ. Я почувствовалъ, что влюбленъ въ нее, и взялъ ея длинную, тонкую руку въ свою.

— Потомъ,— сказалъ я.— Сейчасъ больше не нужно. Мы можемъ вѣдь видѣться завтра.

XI.

Ночью я слышалъ, какъ Эзонъ поднялся изъ своего угла и заворчалъ. Я слышалъ это сквозь сонъ; но такъ какъ именно въ эту минуту мнѣ снилось, что я на охотѣ, то это ворчанье подходило къ моему сну, и я не проснулся. Когда въ два часа утра я вышелъ изъ избы, на травѣ были слѣды двухъ человѣческихъ ногъ. Кто-то былъ здѣсь, подходилъ сначала къ одному моему окну, потомъ къ другому. Слѣды терялись внизу на дорогѣ.

Она шла мнѣ навстрѣчу съ разгорѣвшимися щеками, лицо ея сіяло.

— Вы ждали? — сказала она. — Я боялась, что вамъ придется ждать.

Я не ждалъ, она показалась на дорогѣ раньше меня

— Хорошо ли вы спали? — спросилъ я.

Я почти ничего не могъ сказать.

— Нѣтъ, я не спала, совсѣмъ не спала,—отвѣтила она.

И рассказала, что она не ложилась всю ночь, а просидѣла на стулѣ съ закрытыми глазами. И еще рассказала, что выходила прогуляться.

— Кто-то приходилъ нынче ночью къ моей избушкѣ,—сказалъ я.—Я видѣлъ утромъ слѣды на травѣ.

И лицо ея загорается, она беретъ меня за руку, посреди дороги, и не отвѣчаетъ. Я смотрю на нее и спрашиваю:

— Можетъ-быть, это были вы?

— Да,—отвѣтила она и прижалась ко мнѣ: — это была я. Вѣдь я не разбудила васъ. Я старалась ступать тихонько-тихонько, какъ можно тише. Да, это была я. Я еще разъ была вблизи васъ. Я люблю васъ.

XII.

Всякій день, всякій день я видѣлся съ нею.

Долженъ сказать правду, я видѣлся съ нею охотно, — да, сердце мое летѣло къ ней. Въ нынѣшнемъ году этому минуло два года. Теперь я думаю объ этомъ только тогда, когда хочу, и все это приключеніе просто забавляетъ и развлекаетъ меня. А что касается до двухъ зеленыхъ перьевъ, то я расскажу объ этомъ немного погодя.

У насъ было много мѣстъ для свиданій: у мельницы, на дорогѣ, даже въ моей избушкѣ. Она приходила, куда я хотѣлъ.

— Здравствуй!—кричала она всегда первая.

И я отвѣчалъ:

— Здравствуй!

— Ты весель сегодня, ты поешь, — говоритъ она, и глаза ея искрятся.

— Да, я весель, — отвѣчаю я. — У тебя здѣсь пятно на плечѣ, это пыль, можетъ-быть, грязь съ дороги. Я хочу поцѣловать это пятно, да, дай я поцѣлую его. Все въ тебѣ вызываетъ мою нѣжность, я такъ стосковался по тебѣ. Я не спалъ нынче ночью.

И это была правда,—не одну ночь пролежалъ я безъ сна.

Мы шли рядомъ по дорогѣ.

— Скажи мнѣ, такъ ли я себя веду, какъ тебѣ нравится?—говоритъ она. — Можетъ-быть, я слишкомъ много говорю? Нѣтъ, но ты скажи, какъ тебѣ кажется. Иногда я думаю сама съ собой, что это ни за что не кончится добромъ...

— Чтò не кончится добромъ? — спрашиваю я.

— Да вотъ съ нами. Что это не можетъ кончиться добромъ. Вѣришь ты или нѣтъ, а я вотъ иду сейчасъ и мерзну. Спина у меня словно ледянѣетъ, какъ только я подхожу къ тебѣ. Это отъ счастья.

— Да и со мною тоже, — отвѣчаю я: — я тоже холодѣю, какъ только увижу тебя. Нѣтъ, все обойдется благополучно. Дай-ка я похлопаю тебя по спинѣ, чтобъ ты согрѣлась.

Сопротивляясь, она позволяетъ мнѣ похлопать ее по спинѣ. Я хлопаю немножко сильнѣе, просто шутки ради, я смѣюсь и спрашиваю, помогло ли.

— О, нѣтъ, будь такой добренькій, не колоти меня больше по спинѣ!

Эти три слова! Такъ безпомощно они прозвучали: «будь такой добренькій».

Потомъ мы пошли дальше по дорогѣ. Можетъ-быть, она недовольна мною за эту шутку?—спросилъ я себя и подумалъ: посмотримъ. Я сказалъ:

— Я вспомнилъ одну вещь. Разъ я катался на санихъ съ одной молодой дамой. Она сняла съ шеи бѣлый шелковый платокъ и повязала его мнѣ. Вечеромъ я сказалъ этой дамѣ: «Вы получите свой платокъ завтра, и отдамъ его вымыть».— «Нѣтъ, отвѣчаетъ она, отдайте мнѣ его сейчасъ, я спрячу его такъ, какъ онъ есть, какимъ вы надѣвали его». Я отдалъ ей платокъ. Черезъ три года я снова встрѣтился съ этой молодой дамой. «А платокъ?»—сказалъ я. Она принесла платокъ. Онъ лежалъ въ бумагѣ, какъ и былъ, не вымытый, я самъ видѣлъ.

Эдварда покосилась на меня исподлобья.

— Ну, а потомъ что было?

— Нѣтъ, больше ничего не было, — сказалъ я. — Но я нахожу, что это прекрасная черта.

Пауза.

— А гдѣ эта дама теперь?

— За границей.

Мы больше не говорили объ этомъ. Но, собираясь идти домой, она сказала:

— Ну, покойной ночи. Ты не думай больше объ этой дамѣ, хорошо? Я не думаю ни о комъ, кромѣ тебя.

Я вѣрилъ ей, я видѣлъ, что она думала то, что говорила, и этого мнѣ было совершенно достаточно: лишь бы она думала только обо мнѣ. Я пошелъ за ней.

— Благодарю тебя, Эдварда, — сказалъ я.

А потомъ прибавилъ отъ всего сердца:

— Ты слишкомъ добра ко мнѣ, но я благодаренъ тебѣ за то, что ты полюбила меня; Богъ наградитъ тебя за это. Конечно, я не такъ хорошъ, какъ многіе изъ тѣхъ, которыхъ ты могла бы полюбить, но я такъ всецѣло твой, такъ безраздѣльно, всей моей безсмертной душой, я твой! О чемъ ты думаешь? У тебя слезы на глазахъ.

— Это ничего, — отвѣтила она. — Такъ странно ты сказалъ, что Богъ наградитъ меня за это. Ты говоришь это, словно... Я такъ люблю тебя.

Она вдругъ бросилась мнѣ на шею посреди дороги и страстно поцѣловала меня.

Когда она ушла, я свернулъ въ сторону и пошелъ въ лѣсъ,

чтобы скрыться отъ всѣхъ и побыть одному съ своей радостью. И, взволнованный, опять выбѣжалъ на дорогу, по-смотреть, не замѣтилъ ли кто-нибудь, куда я пошелъ... Но я ничего не увидѣлъ.

XIII.

Лѣтнія ночи, и тихая вода, и безконечно тихій лѣсъ! Ни крика, ни звука шаговъ съ дороги. Сердце мое было словно налито темнымъ виномъ.

Моль и ночныя бабочки беззвучно влетаютъ въ мое оконко, привлеченныя свѣтомъ огня и запахомъ жареной птицы. Онѣ съ глухимъ звукомъ ударяются о потолокъ, жужжать у моихъ ушей, такъ что меня пронизываетъ ознобъ, и садятся на мою бѣлую пороховницу на стѣнѣ. Я смотрю на нихъ, онѣ сидятъ, трепыхая крылышками, и тоже смотрятъ на меня, это шелко-пряды, древоотцы и моли. Мнѣ кажется, что нѣкоторыя изъ нихъ похожи на летающіе аютины глазки.

Я выхожу изъ своей хижины и прислушиваюсь. Ничего, ни малѣйшаго шума, все спитъ. Воздухъ свѣтится отъ летающихъ насѣкомыхъ, отъ мириадъ шелестящихъ крыльевъ. Тамъ, на опушкѣ лѣса стоятъ папоротникъ и борецъ, цвѣтутъ кусты боярышника, и я люблю его мелкіе цвѣтки. Боже, благодарю Тебя за каждый цвѣточекъ вереска, который я видѣлъ; они были какъ крошечныя розы на моемъ пути, и я плачу отъ любви къ нимъ. Гдѣ-то по близости цвѣтетъ дикая гвоздика. Я не вижу ея, но чувствую ея запахъ.

Но теперь, за ночь, въ лѣсу вдругъ распустились большіе бѣлые цвѣты. Вѣнчики ихъ открыты, они дышатъ. И мохнатыя сумеречницы опускаются на ихъ лепестки, сотрясая все растеніе. Я перехожу отъ одного цвѣтка къ другому, они пьяны, эти чувственно опьяненные цвѣты, и я вижу, какъ они хмѣлѣютъ.

Легкіе шаги, человѣческое дыханіе, веселый привѣтъ: «Добрый вечеръ!»

Я отвѣчаю, бросаюсь на дорогу и обнимаю оба ея колѣна и простенькое платье.

— Добрый вечеръ, Эдварда, — говорю я еще разъ, обезсиливъ отъ счастья.

— Какъ ты любишь меня! — шепчетъ она.

— Какъ я благодаренъ тебѣ, — отвѣчаю я. — Ты моя, и сердце мое цѣлый день тихо лежитъ во мнѣ и думаетъ о тебѣ. Ты — прекраснѣйшая дѣвушка на землѣ, и я цѣловать тебя.

Часто я красяю отъ радости при одномъ только воспоминаніи о томъ, что я цѣловаль тебя.

— Почему ты такъ любишь меня именно сегодня? — спрашиваетъ она.

Этому было безчисленное множество причинъ, мнѣ довольно было просто подумать о ней, чтобы придти въ такое состояніе. Этотъ взглядъ изъ-подъ высоко-изогнутыхъ на лбу бровей и эта смуглая, нѣжная кожа.

— Какъ же мнѣ не любить тебя, — говорю я. — Я хожу и благодарю всякое дерево за то, что ты бодря и здорова. Разъ на балу я видѣлъ молодую дѣвушку, которая просидѣла всѣ танцы, никто не приглашалъ ее. Я не былъ знакомъ съ ней, но лицо ея произвело на меня впечатлѣніе, и я подошелъ пригласить ее. Но она покачала головой. — «Фрѣкенъ не танцуетъ?» — сказала я. — «Можете вы себя представить, — отвѣтила она: — мой отецъ былъ очень красивъ, а мать совершенная красавица, и отецъ сразу покорила мою мать. А я вотъ родилась хромая».

Эдварда взглянула на меня.

— Давай сядемъ, — сказала она.

Мы сѣли на верескѣ.

— Знаешь, что моя подруга говоритъ про тебя? — начала она: — у тебя звѣринный взглядъ, говоритъ она, и когда ты смотришь на нее, она сходитъ съ ума. Ей кажется, точно ты прикасаешься къ ней, говоритъ она.

Какая-то особенная радость всколыхнулась во мнѣ, когда я услышалъ это, не за себя, но за Эдварду, и я подумалъ: мени интересуетъ только одна и то, что говоритъ эта одна о моемъ взглядѣ. Я спросилъ:

— Что же это за подруга?

— Этого я тебѣ не скажу, — отвѣтила она: — но одна изъ тѣхъ, что ѣздили съ нами на сушильни.

— Ага, — сказалъ я.

И мы заговорили о другихъ вещахъ.

— Мой отецъ уѣзжаетъ на - дняхъ въ Россію, — сказала она: — и тогда мы устроимъ пиръ. Ты не бывалъ на Курхольментѣ? Мы захватимъ съ собою двѣ корзины вина. Дамы изъ пасторской усадьбы тоже поѣдутъ, отецъ уже далъ мнѣ вино. Скажи, ты не будешь больше смотрѣть на мою подругу? Не будешь? А то я не приглашу ее съ нами.

И, не говоря болѣе ни слова, она порывисто бросилась мнѣ на шею и стала смотрѣть мнѣ въ лицо остановившимися глазами и тяжело дыша. Глаза ея совсѣмъ почернѣли.

Я быстро всталъ и въ смущеніи своемъ проговорилъ только:

— Вотъ какъ, твой отецъ уѣзжаетъ въ Россію?

— Почему ты всталъ такъ быстро? — спросила она.

— Потому что уже очень поздно, Эдварда, — сказала я. — Бѣлые цвѣты уже закрываются, солнце встаетъ, наступаетъ день.

Я проводилъ ее черезъ лѣсъ, остановился и долго-долго смотрѣлъ ей вслѣдъ. Дойдя до поворота, она обернулась и негромко крикнула:

— Покойной ночи!

Потомъ она исчезла.

Въ ту же минуту дверь въ домъ кузнеца растворилась. Вышелъ мужчина въ бѣлой манишкѣ, оглянулся по сторонамъ, надвинулъ шляпу ниже на лобъ и пошелъ по направленію къ Сприлунду.

Въ ухахъ моихъ еще звучалъ голосъ Эдварда: «покойной ночи!»

XIV.

Радость ошьяняетъ. Я разряжаю ружье, и неизмѣнное эхо отвѣчаетъ, передавая выстрѣлъ съ горы на гору, плыветъ надъ моремъ и гремитъ въ ухахъ безсоннаго рулевого.

Чему я радуюсь? Мелькнувшей мысли, воспоминанію, звуку въ лѣсу, человѣку? Я думаю о ней. Я закрываю глаза, стою неподвижно на дорогѣ и думаю о ней, я считаю минуты.

Мнѣ хочется пить, и я пью изъ ручья. Вотъ я отсчитываю сто шаговъ впередъ и сто шаговъ назадъ; теперь уже поздно, думаю я.

Произошло что-нибудь? Прошелъ мѣсяцъ, а одинъ мѣсяцъ срокъ небольшой. Нѣтъ, ничего не произошло. Богу извѣстно, что этотъ мѣсяцъ былъ коротокъ. Но ночи — онѣ порой бываютъ длинны, и я окунаю свою шапку въ ручей и потомъ сушу ее, чтобы скоротать время ожиданія.

Я считалъ время по ночамъ. Иногда наступала ночь, а Эдварда не приходила. Разъ она не пришла двѣ ночи подрядъ. Двѣ ночи! Ничего не произошло, но мнѣ казалось тогда, что счастье мое достигло, можетъ-быть, высшей точки.

И развѣ это было не такъ?

— Слышишь, Эдварда, какъ все безпокойно сегодня въ лѣсу? Что-то возится безостановочно на кочкахъ, и крупные листья дрожать. Что-то, можетъ-быть, затѣвается; но я не то хотѣлъ сказать. Я слышу, какъ наверху, въ горахъ, поетъ птица, это простая синица. Но она двѣ ночи сидитъ на томъ

же мѣстѣ и манить свою подругу. Слышишь ты однообразный-однообразный звукъ?

— Да, я слышу. Почему ты спрашиваешь меня объ этомъ?

— Такъ. Она сидитъ тамъ двѣ ночи. Я хотѣлъ только сказать тебѣ... Благодарю тебя, благодарю за то, что ты пришла сегодня, дорогая. Я сидѣлъ здѣсь и ждалъ тебя сегодня, или завтра вечеромъ, я радовался этому, когда ты подошла.

— И я тоже ждала. Я думаю о тебѣ. Я собрала и спрятала осколки отъ стакана, который ты когда-то разбилъ, помнишь? Отецъ мой уѣхалъ сегодня вечеромъ. Я не могла притти, нужно было уложить его вещи и о столькомъ ему напомнить. Я знала, что ты ходишь здѣсь по лѣсу и ждешь меня, я плакала и укладывалась.

«Но прошло вѣдь двѣ ночи,—подумалъ я:—что же она дѣлала въ первую ночь? И почему въ глазахъ ея уже не столько радости, какъ раньше?»

Прошелъ часъ. Сивница въ горахъ замолкла. Лѣсъ стоялъ, словно мертвый. Нѣтъ, нѣтъ, ничего не произошло, все было попрежнему, она протянула мнѣ руку на прощанье и смотрѣла на меня съ любовью.

— Завтра? — спросилъ я.

— Нѣтъ, не завтра, — отвѣтила она.

Я не спросилъ, почему.

— Завтра у насъ вѣдь будетъ пиръ,—сказала она, смѣясь.— Я хотѣла сдѣлать тебѣ сюрпризъ, но у тебя стало такое несчастное лицо, что пришлось сказать это сейчасъ. Я хотѣла послать тебѣ письменное приглашеніе.

У меня сразу отлегло отъ сердца.

Она пошла, кивнувъ на прощанье.

— Еще одно, — сказалъ я, стоя на томъ же мѣстѣ. — Сколько времени тому назадъ ты собрала осколки отъ стакана и спрятала?

— Сколько времени назадъ?

— Да. Недѣлю? Можетъ-быть, двѣ недѣли назадъ?

— Да, можетъ-быть, двѣ недѣли. Но почему ты спрашиваешь объ этомъ? Нѣтъ, ужъ я скажу тебѣ правду, я сдѣлала это вчера. Она сдѣлала это вчера!

Вчера,—значить, не далѣе, какъ вчера, она думала обо мнѣ! Ну, тогда все хорошо.

XV.

Двѣ лодки были спущены на воду, и мы размѣстились въ нихъ. Мы пѣли и разговаривали. Курхольмень находился за

островами. Чтобы доѣхать туда, нужно было порядочно времени, и мы переговаривались съ лодокъ. Докторъ тоже одѣлся въ свѣтлое, какъ дамы. Я никогда еще не видѣлъ его такимъ довольнымъ. Онъ принималъ участіе въ разговорѣ, онъ уже не былъ безмолвнымъ слушателемъ. У меня составилось впечатлѣніе, что онъ слегка подвышилъ и потому такъ веселъ. Когда мы высадились на берегъ, онъ попросилъ у общества минуту вниманія и привѣтствовалъ насъ съ прибытіемъ. Я подумалъ:

«Эге, Эдварда выбрала его хозяйномъ».

Съ величайшей любезностью онъ бесѣдовалъ съ дамами. По отношенію къ Эдвардѣ онъ былъ вѣжливъ и ласковъ, часто принималъ отеческій и, какъ много разъ раньше, поучительный тонъ. Она говорила о какомъ-то числѣ и сказала:

— Я родилась въ тридцать восьмомъ году.

А онъ спросилъ:

— Вы, навѣрно, хотите сказать: въ восемьсотъ тридцать восьмомъ?

И если бы она отвѣтила: — «нѣтъ, въ девятьсотъ тридцать восьмомъ», — онъ не выразилъ бы никакого замѣшательства, а просто поправилъ бы ее, сказавъ:

— Это, разумѣется, невѣрно.

Когда я говорилъ что-нибудь, онъ слушалъ вѣжливо и внимательно и не проявлялъ ко мнѣ пренебреженія.

Ко мнѣ подошла молодая дѣвушка и поздоровалась. Я ее не узналъ, я не могъ припомнить ее, и сказалъ нѣсколько удивленныхъ словъ, на которыя она засмѣялась. Это была одна изъ дочерей пастора. Я былъ вмѣстѣ съ нею тогда на сушильняхъ, приглашалъ ее въ свою избушку. Мы поговорили немножко.

Проходить часъ или два. Я скучаю, пью вино, которое мнѣ наливаютъ, вмѣшиваюсь въ компанію, болтаю со всѣми. Опять я совершаю нѣсколько неловкостей. Я попалъ на зыбкую почву и не всегда знаю, какъ мнѣ отвѣтить на любезность, то вдругъ начинаю говорить безсвязно, то молчу, какъ нѣмой, и терзаюсь этимъ. Тамъ, у большого камня, который служитъ намъ столомъ, сидитъ докторъ и жестикулируетъ.

— Душа, что такое душа? — говорилъ онъ.

Дочь пастора обвинила его въ вольнодумствѣ.

— Хорошо, а почему же не думать свободно? Обыкновенно представляютъ себѣ адъ, какъ домъ въ преисподней, а дьявола — какимъ-то столоначальникомъ, — нѣтъ, онъ — монархъ.

Онъ заговорилъ о запрестольномъ образѣ въ приходской церкви.

— Фигура Христа, нѣсколько іудеевъ и іудеекъ, превраще-
ніе воды въ вино,—великолѣпно. Но у Христа на головѣ сія-
ніе. Что такое сіяніе? Желтый обручъ съ бочки, который дер-
жится на трехъ волоскахъ.

Двѣ дамы въ ужасѣ всплеснули руками. Докторъ же вы-
прямился и сказалъ насмѣшливо:

— Не правда ли, это звучитъ страшно? Я признаю это.
Но если это повторить, и повторить такъ разъ семь или во-
семь про себя, да немножечко подумать, то оно звучитъ уже
гораздо лучше... Осмѣлюсь просить о чести выпить съ дамами.

Онъ опустился на колѣни на травѣ передъ обѣими дамами
и не положилъ передъ собою снятую шляпу, а высоко зама-
халъ ею въ воздухъ лѣвой рукой, и опорожнилъ стаканъ, за-
кинувъ далеко назадъ голову. Я самъ воодушевился его са-
моувѣренностью и охотно выпилъ бы съ нимъ, если бы онъ
уже не осушилъ своего стакана.

Эдварда слѣдила за нимъ глазами. Я сталъ по близости отъ
нея и сказалъ:

— А мы поиграемъ сегодня въ свои сосѣди?

Она слегка вздрогнула и поднялась.

— Смотри, какъ бы намъ не проговориться и не сказать
другъ другу «ты», — шепнула она.

Но я и не обратился къ ней на «ты». Я опять отошелъ.

Проходитъ еще часъ. День кажется мнѣ длиннымъ. Я давно
уѣхалъ бы одинъ домой, будь у меня третья лодка. Эзонгъ
лежитъ на привязи въ избушкѣ,—пожалуй, думаетъ обо мнѣ.
Мысли Эдварды были, очевидно, далеко отъ меня. Она гово-
рила о томъ, какое счастье уѣхать въ другія мѣста. Щеки ея
разгорѣлись, и въ увлеченіи она употребляла даже невѣрные
обороты рѣчи.

— Не будетъ человѣка болѣе счастливѣ меня въ тотъ день...

— Болѣе счастливѣ? — говоритъ докторъ.

— Что?—спросила она

— Болѣе счастливѣ.

— Я не понимаю.

— Вы сказали: болѣе счастливѣ, — больше ничего.

— Неужели? Извините. Не будетъ человѣка счастливѣ
меня въ тотъ день, когда я буду стоять на палубѣ корабля.
Иногда меня тянетъ уѣхать, сама даже не знаю, куда.

Она стремилась уѣхать,—она не думала обо мнѣ. Я стоялъ
тутъ и видѣлъ по ея лицу, что она забыла обо мнѣ. Ну, объ
этомъ нечего было говорить, но я самъ видѣлъ это по ея
лицу. И минуты тянулись томительно-медленно. Я спросилъ
нѣкоторыхъ, не пора ли домой.

— Уже поздно,—говорилъ я:— и Эзонъ лежитъ, привязанный, въ избушкѣ.

Но никто не хотѣлъ домой.

Я подошелъ въ третій разъ къ пасторской дочкѣ. Я думалъ: это она говорила о моемъ звѣриномъ взглядѣ. Мы вышли вмѣстѣ. У нея были бѣгающіе глаза, ни одной минуты они не были неподвижны. Она постоянно взглядывала на меня и сейчасъ же отворачивалась.

— Скажите мнѣ, фрѣкенъ, — началъ я: — не находите ли вы, что люди въ этихъ мѣстахъ похожи на свое короткое лѣто? Такъ же непостоянны и полны очарованія, какъ оно?

Я говорилъ громко, очень громко, и дѣлалъ это нарочно. Я продолжалъ говорить громко и снова попросилъ фрѣкенъ навѣститъ меня и полюбоваться моею хибаркой.

— Богъ благословитъ васъ за это,—сказалъ я, весь измученный, и самъ подумалъ тутъ же, что, вѣроятно, придется подарить ей что-нибудь, если она придетъ. — «Пожалуй, у меня не найдется ничего другого, кромѣ моей пороховницы», — подумалъ я.

Фрѣкенъ обѣщала притти.

Эдварда сидѣла, отвернувшись, и позволяла мнѣ говорить, сколько угодно. Она прислушивалась, впрочемъ, къ разговору и изрѣдка вставляла одно-другое слово. Докторъ гадалъ дамамъ по рукамъ и работалъ языкомъ. У него у самого были тонкія, маленькія руки, и на одномъ пальцѣ кольцо. Я почувствовалъ себя лишнимъ и нѣкоторое время сидѣлъ одинъ, въ отдаленіи, на камнѣ. Совсѣмъ уже за вечерѣло.

«Вотъ я сижу совсѣмъ одинъ на камнѣ, — говорилъ я себѣ: — и единственный человѣкъ, который могъ бы вызвать меня отсюда, не обращаетъ на меня вниманія. Впрочемъ, мнѣ это тоже совершенно безразлично».

Чувство полной оброченности овладѣло мною. Разговоръ позади меня звучалъ въ моихъ ушахъ. Я слышалъ, какъ Эдварда смѣется. При этомъ смѣхѣ я вдругъ вскочилъ и подошелъ къ компаніи. Возбужденіе мое должно было всѣмъ броситься въ глаза.

— Одну минуту,—сказалъ я.—Мнѣ пришло въ голову, пока я сидѣлъ тамъ одинъ, что вы, можетъ-быть, пожелали бы осмотрѣть мою коллекцію мухъ.—И я вытащилъ свою коробку съ мухами.—Простите, что я не вспомнилъ объ этомъ раньше. Не будете ли вы такъ добры просмотрѣть ее, вы доставите мнѣ удовольствіе. Вы можете смотрѣть все,—тутъ есть красныя и желтыя мухи.

Говоря, я держалъ въ рукахъ стою фуражку. Я самъ за-

мѣтилъ, что снялъ фуражку, и что это было глупо, поэтому я сейчас же опять надѣлъ ее.

Нѣсколько секундъ длилось глубокое молчаніе, и никто не бралъ коробки. Наконецъ докторъ протянулъ руку и сказалъ вѣжливымъ тономъ:

— Благодарствуйте. Позвольте намъ взглянуть на эти любопытныя штуки. Для меня всегда было загадкой, какъ это дѣлають такихъ мухъ.

— Я дѣлаю это самъ, — отвѣтилъ я, преисполняясь благодарностью къ нему. И сейчас же пустился объяснять, какъ я это дѣлаю. — Это очень просто, я покупалъ перьевъ и крючковъ. Онѣ были не особенно хорошо сдѣланы, но вѣдь это для собственнаго употребленія. Можно получать и готовыхъ мухъ. Онѣ очень красивы.

Эдварда бросила безразличный взглядъ на меня и на коллекцію и продолжала разговаривать съ своими пріятельницами.

— А вотъ и матеріалы, — сказалъ докторъ. — Посмотрите, какія красивыя перья.

Эдварда повернула голову.

— Зеленыя красивы, — сказала она: — покажите-ка ихъ мнѣ, докторъ.

— Возьмите ихъ себѣ, — воскликнулъ я. — Возьмите, я прошу васъ объ этомъ сегодня. Эти два зеленыхъ птичьихъ пера. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, — пусть это будетъ на память.

Она взглянула на нихъ и проговорила:

— Они зеленыя и золотыя, смотря по тому, какъ ихъ держать на солнцѣ. Ну, если вы хотите дать ихъ мнѣ, — спасибо.

— Да, я хочу дать ихъ вамъ, — сказалъ я.

Она заткнула перья за поясъ.

Немного погодя докторъ протянулъ мнѣ коробку и поблагодарилъ. Онъ всталъ и спросилъ, не пора ли намъ подумать объ обратномъ пути.

Я сказалъ:

— Да, ради Бога. У меня осталась дома собака. Видите ли, у меня есть собака. Она мой другъ. Она лежитъ и думаетъ обо мнѣ, и, когда я вернусь домой, она уже будетъ поджидать меня, стоя передними лапами на подоконникѣ. День былъ такъ прекрасенъ, онъ скоро кончится, — поѣдемте домой. Я благодарю всѣхъ васъ.

На берегу я дожидался въ отдаленіи, чтобы видѣть, какую Эдварда выберетъ лодку, и рѣшилъ самъ сѣсть въ другую. Вдругъ она подозвала меня. Я смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ. Лицо ея пылало. Она подошла ко мнѣ, протянула руку и сказала съ нѣжностью:

— Спасибо за перья... Послушайте, мы поѣдемъ вѣдь въ одной лодкѣ?

— Если вы хотите,—отвѣтилъ я.

Мы сѣли въ лодку. Она заняла мѣсто рядомъ со мной, на моей скамеечкѣ, и касалась меня однимъ колѣномъ. Я смотрѣлъ на нее, и она тоже на минутку взглянула на меня. Она дѣлала меня счастливымъ однимъ прикосновеніемъ своего колѣна, я начиналъ чувствовать себя вознагражденнымъ за весь этотъ горестный день. Радость уже возвращалась ко мнѣ, какъ вдругъ она неожиданно измѣнила позу, повернулась ко мнѣ спиной и начала разговаривать съ докторомъ, сидѣвшимъ на рулѣ. Цѣлую четверть часа я не существовалъ для нея.

Тогда я сдѣлалъ то, въ чемъ раскаиваюсь и чего не забылъ до сихъ поръ. Она уронила башмакъ съ ноги, я схватилъ его и бросилъ далеко въ воду,—отъ радости ли, что она возлѣ меня, или изъ потребности обратить на себя вниманіе и напомнить ей, что я здѣсь,—не знаю. Все произошло такъ быстро. Я не думалъ,—у меня просто явилось такое побужденіе.

Дамы подняли крикъ. Я самъ точно окаменѣлъ отъ ужаса передъ своимъ поступкомъ; но чтò въ этомъ толку? Дѣло было сдѣлано.

Докторъ пришелъ мнѣ на помощь. Онъ крикнулъ: «гребите сильнѣе!»—и сталъ править къ башмаку. Въ слѣдующую минуту гребцу удалось схватить его какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ онъ, наполнившись водой, сталъ-было погружаться. У гребца рукавъ намокъ до плеча. Тутъ съ обѣихъ лодокъ раздалось многоголосое «ура» по поводу спасенія башмака.

Я былъ совершенно пристыженъ, чувствовалъ, что лицо у меня совершенно измѣнилось, и въ смущеніи сталъ вытирать башмакъ носовымъ платкомъ. Эдварда взяла его молча. Только нѣсколько минутъ спустя она проговорила:

— Никогда не видала ничего подобнаго.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ и я.

Я бодрился и хорохорился. Я дѣлалъ видъ, будто выкинулъ свою штуку съ какимъ-то скрытымъ намѣреніемъ. Но какое же тутъ могло скрываться намѣреніе? Докторъ въ первый разъ посмотрѣлъ на меня пренебрежительно.

Прошло нѣкоторое время. Лодки скользили по направленію къ дому. Дурное настроеніе общества разсѣялось. Мы плѣли, мы подплывали къ пристани. Эдварда сказала:

— Послушайте, мы не донили вино. Осталось еще пропасть вина. Давайте устроимъ еще праздникъ, второй праздникъ немного погодя. Потанцуемъ, устроимъ балъ въ нашей большой залѣ.

Когда мы высадились на берегъ, я извинился передъ Эдвардой.

— Какъ я жажду вернуться въ свою избушку,—сказалъ я.— Это былъ мучительный день для меня.

— Неужели это былъ для васъ мучительный день, господинъ лейтенантъ?

— Я хочу сказать,—сказалъ я и отвернулся:—я хочу сказать, что испортилъ настроеніе и себѣ и другимъ. Я бросилъ вашъ башмакъ въ воду.

— Да, это была необыкновенная фантазія.

— Простите меня,—проговорилъ я.

XVI.

Могло ли быть еще хуже? Я рѣшилъ сохранять спокойствіе, что бы ни случилось,—Богъ мнѣ свидѣтель. Развѣ я первый навязался ей? Нѣтъ, нѣтъ, никогда; я просто стоялъ въ одинъ прекрасный день на дорогѣ, когда она проходила мимо.

Что за лѣто здѣсь на сѣверѣ! Майскіе жуки уже перестали летать, а люди становились все болѣе и болѣе непонятными для меня, хотя солнце освѣщало ихъ днемъ и ночью. Куда смотрѣли ихъ голубые глаза, и какія мысли таились за ихъ странными лбами? Впрочемъ, всѣ они были мнѣ глубоко безразличны. Я забиралъ свои рыболовныя снасти и ловилъ рыбу два дня, четыре дня, а по ночамъ лежалъ, не смыкая глазъ, въ своей избушкѣ...

— Я не видѣлъ васъ четыре дня, Эдварда!

— Четыре дня, — совершенно вѣрно. Мнѣ было некогда. Пойдемте, я вамъ покажу.

Она ввела меня въ залу. Столы изъ нея были вынесены, стулья разставлены по стѣнамъ, всѣ вещи убраны. Люстра, печка и стѣны были фантастически декорированы верескомъ и черной матеріей изъ лавки. Рояль стоялъ въ углу.

Это она приготовилась къ «балу».

— Нравится вамъ?—спросила она.

— Изумительно,—отвѣчалъ я.

Мы вышли изъ залы.

Я сказалъ:

— Послушайте, Эдварда, вы совсѣмъ забыли меня?

— Я васъ не понимаю,—изумленно отвѣтила она.—Развѣ вы не видѣли, сколько у меня было дѣла? Могла ли я при всемъ этомъ притти къ вамъ?

— Нѣтъ,—согласился я:—пожалуй, при такихъ условіяхъ вы и не могли притти ко мнѣ.

Я былъ измученъ бессонницей и истомленъ. Рѣчь моя стала безсвязна и несдержанна. Я чувствовалъ себя несчастнымъ весь день.

— Нѣтъ, при такихъ условіяхъ вы, пожалуй, дѣйствительно не могли притти ко мнѣ. Что я хотѣлъ сказать? Однимъ словомъ, произошла перемѣна,—что-то стало между нами. Да. Но я не могу прочесть по вашему лицу, въ чемъ дѣло. Какой у васъ странный лобъ, Эдварда! Я только сейчасъ вижу это.

— Но я вовсе не забыла васъ!—воскликнула она, краснѣя, и вдругъ продѣла свою руку подъ мою.

— Ну, да, да, можетъ-быть, вы и не совсѣмъ забыли меня. Но тогда я не знаю самъ, что я говорю. Одно изъ двухъ.

— Завтра вы получите приглашеніе. Вы должны танцовать со мной. Какъ славно мы потанцуемъ!

— Вы не хотите проводить меня немножко?—спросилъ я.

— Сейчасъ? Нѣтъ, не могу,—отвѣтила она.—Сейчасъ долженъ пріѣхать докторъ. Онъ хотѣлъ помочь мнѣ, осталось еще кое-что сдѣлать. Такъ вы находите, что комната ничего себѣ? А вамъ не кажется...

У крыльца останавливается экипажъ.

— Что это, докторъ нынче разъѣзжаетъ? — спрашиваю я.

— Я послала за нимъ лошадей, я хотѣла...

— Побережь его больную ногу. Нѣтъ, позвольте мнѣ обратиться во-свояси... Здравствуйте, здравствуйте, докторъ. Радъ васъ видѣть. Все такъ же здоровы и бодры? Надѣюсь, вы извините, что я исчезаю.

Сойдя съ лѣстницы, я обернулся еще разъ. Эдварда стояла у окна и смотрѣла мнѣ вслѣдъ, раздвинувъ гардину обѣими руками, чтобы она не мѣшала ей смотрѣть. Выраженіе ея лица было задумчиво. Нелѣпная радость охватываетъ меня, я быстро удаляюсь отъ дома, я не слышу подъ собою ногъ. Въ глазахъ туманъ, ружье въ моихъ рукахъ кажется легче тросточки.

Если бы она стала моею, я сдѣлался бы хорошимъ человѣкомъ,—думалъ я. Я дошелъ до лѣсу и продолжалъ думать. Если бы она стала моею, я служилъ бы ей неутомимѣ всякаго другого. И если бъ даже она оказалась недостойной меня, если бъ вздумала требовать отъ меня невозможнаго, я сдѣлалъ бы все, что въ моихъ силахъ, даже больше, чѣмъ могъ бы, и радовался бы тому, что она моя... Я остановился, упалъ на колѣни и въ порывѣ смиренія и надежды поцѣловалъ нѣсколько былиннокъ придорожной травы, потомъ всталъ и пошелъ дальше.

Мало-по-малу спокойствіе и увѣренность снова вернулись ко мнѣ. Перемѣна въ ея поведеніи за послѣднее время— просто ея манера. Она стояла и смотрѣла мнѣ вслѣдъ, когда я уходилъ, стояла у окна и слѣдила за мной глазами, пока я не скрылся изъ виду, что же еще она могла бы сдѣлать? Восторгъ совсѣмъ сбилъ меня съ толку. Я былъ голоденъ, но уже не чувствовалъ этого.

Эзопъ бѣжалъ вперед и вдругъ залаялъ. Я поднялъ голову,—женщина въ бѣломъ платкѣ на головѣ стояла у угла моего домика. Это была Ева, дочь кузнеца.

— Здравствуй, Ева!—крикнуть я.

Она стояла возлѣ высокаго сѣраго камня, раскраснѣвшаяся, и сосала палецъ.

— Это ты, Ева? Что съ тобой?—спросилъ я.

— Эзопъ укусилъ меня,—отвѣтила она и смущенно опустила глаза.

Я осмотрѣлъ ея палецъ. Она сама укусила его. Догадка мелькаетъ у меня въ головѣ, и я спрашиваю:

— Ты давно стоишь здѣсь и ждешь меня?

— Нѣтъ, недавно,—отвѣтила она.

И, не обмѣнявшись съ нею больше ни словомъ, я взялъ ея за руку и ввелъ въ избушку.

XVII.

Вернувшись, по обыкновенію, съ рыбной ловли, я явился на «балъ» съ ружьемъ и ягашемъ. Я только надѣлъ свою лучшую кожаную куртку. Было уже поздно, когда я пришелъ въ Сирилундъ. Слышно было, что въ домѣ идутъ танцы, немного спустя раздались возгласы:

— Вотъ и охотникъ, лейтенантъ!

Нѣсколько молодыхъ людей окружили меня, чтобы видѣть мою добычу. Я застрѣлилъ двухъ морскихъ птицъ и поймалъ нѣсколько штукъ пикши. Эдвардъ поздоровалась со мной, улыбаясь, вся раскраснѣвшаяся отъ танцевъ.

— Первый танецъ со мной!—сказала она.

И мы стали танцовать. Все сошло благополучно. У меня закружилась голова, но я не упалъ. Мои высокіе сапоги порядочно стучали, я самъ слышалъ ихъ стукъ и рѣшилъ не танцовать больше. Въ тому же я испарялъ крашеный полъ. Слава Богу, что я не надѣлалъ еще большихъ бѣдъ!

Оба приказчика господина Мака были налицо и танцовали основательно и серьезно. Докторъ принималъ ревностное участіе въ кадрилихъ. Кромѣ этихъ кавалеровъ было еще че-

тверо совсѣмъ молодыхъ людей, сыновья мѣстнаго пастора и окружнаго врача. Провѣзкій комми-волжеръ тоже попалъ въ компанію. Онъ отличался красивымъ голосомъ и подиѣвалъ въ тактъ музыкѣ; отъ времени до времени онъ смѣнялъ дамъ за роялемъ.

Я уже не помню, какъ прошли первые часы, но помню все, что касается послѣдней части ночи. Солнце всю ночь заливало окна багровымъ свѣтомъ, и морскія птицы спали. Подавали вино и печенье, мы пѣли и громко говорили. Смѣхъ Эдварды, звонкій и беззаботный, разносился по комнатамъ. Но почему со мной она не сказала больше ни слова? Я подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ она сидѣла, и хотѣлъ сказать ей какую-нибудь любезность, какъ умѣлъ. На ней было черное платье, можетъ-быть, сшитое для конфирмаціи. Оно стало ей слишкомъ коротко, но это шло къ ней, когда она танцевала, и я хотѣлъ сказать ей это.

— Какъ это черное платье...— началъ я.

Но она поднялась, обняла одну изъ подругъ за талію и отошла съ ней прочь. Это повторилось еще раза два.

«Хорошо, — подумалъ я: — что же съ этимъ дѣлать! Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ она стоитъ и печально смотритъ на меня изъ оконъ, когда я ухожу отъ нея? Кто ее знаетъ?!»

Одна дама пригласила меня танцевать, Эдварда сидѣла неподалеку, и я отвѣтилъ громко:

— Нѣтъ, я сейчасъ ухожу.

Эдварда бросила на меня вопросительный взглядъ и сказала:

— Уходите? О, нѣтъ, вы не уйдете.

Я опѣшилъ и почувствовалъ, что зубы мои вонзились въ губу. Я всталъ.

— То, что вы только-что сказали, кажется мнѣ весьма многозначительнымъ, юмфру Эдварда, — выговорилъ я мрачно и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери.

Докторъ перерѣзалъ мнѣ дорогу, и Эдварда сама поспѣшно нагнала меня.

— Не перетолковывайте моихъ словъ, — горячо сказала она. — Я хотѣла сказать, что вы уйдете, я надѣюсь, послѣднимъ, — самымъ послѣднимъ. Кромѣ того, еще нѣтъ и часа... Послушайте, — прибавила она, съ сіяющими глазами: — вы дали нашему гребцу пять талеровъ за то, что онъ спасъ мой башмакъ отъ потопленія. Это слишкомъ высокая цѣна. — И, смѣясь отъ всего сердца, она обернулась къ остальнымъ.

Я стоялъ, разинувъ ротъ, обезоруженный и сбитый съ толку.

— Вы изволите шутить, — сказалъ я. — Я вовсе не давалъ вашему гребцу пяти талеровъ.

— Вот какъ, вы не давали? — Она отворила дверь въ кухню и позвала рабочаго. — Ты помнишь, какъ мы ѣздили въ Курхольмень, Якобъ? Ты снасъ мой башмакъ, который уналь въ воду?

— Да, — отвѣтилъ Якобъ.

— Ты получилъ пять талеровъ за то, что снасъ башмакъ?

— Да, вы дали мнѣ...

— Хорошо, можешь итти.

«Что такое она затѣвастъ, къ чему эта выдумка?—думалъ я.—Хочетъ она осрамить меня? Это ей не удастся, я не покраснѣю отъ этого».

Я сказалъ громко и отчетливо:

— Я долженъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что это или недоразумѣнїе, или ложь. Мнѣ даже и не приходило въ голову давать гребцу пять талеровъ за вашъ башмакъ. Можетъ-быть, мнѣ и слѣдовало бы это сдѣлать, но до сихъ поръ этого не случилось.

— Ну, будемъ продолжать танцы, — проговорила она, нахмуривъ лобъ. — Почему же мы не танцуемъ?

«Это она должна мнѣ объяснить», — сказалъ я себѣ и настойчиво сталъ ловить случай, чтобы переговорить съ ней.

— Ваше здоровье! — сказалъ я и хотѣлъ чокнуться съ ней.

— У меня пустой стаканъ, — коротко отвѣтила она.

Однако передъ ней стоялъ полный стаканъ

— Я думалъ, что это вашъ стаканъ?

— Нѣтъ, это не мой, — отвѣтила она и обернулась съ запятымъ видомъ къ своему сосѣду.

— Въ такомъ случаѣ, извините, — проговорилъ я.

Многіе изъ гостей замѣтили эту маленькую сцену.

Сердце мое кипѣло, я сказалъ, оскорбленный:

— Но все же вы должны дать мнѣ объясненіе...

Она встала, взяла меня за обѣ руки и сказала проникновеннымъ голосомъ:

— Только не сегодня, не сейчасъ. Мнѣ такъ грустно. Боже мой, какъ вы смотрите на меня! Мы были вѣдь когда-то друзьями..

Побѣжденный, я сдѣлалъ поворотъ направо и вернулся къ танцующимъ.

Немного погодя вошла и Эдварда. Она стала возлѣ рояля, на которомъ комми-воаяжеръ игралъ какой-то танецъ. Лицо ея въ эту минуту было преисполнено тайной печали.

— Я никогда не училась играть, — говорить она и смотреть на меня потемнѣвшими глазами. — О, если бъ я умѣла играть!

На это я ничего не могъ отвѣтить. Но сердце мое снова рванулось къ ней, и я спросилъ:

— Почему вы стали вдругъ такъ печальны, Эдварда? Если бы вы знали, какъ я страдаю отъ этого!

— Я не знаю, почему,—отвѣтила она.—Можетъ-быть, отъ всего. Ахъ, если бѣ всѣ эти люди ушли сейчасъ, всѣ до одного. Нѣтъ, не вы; помните, вы должны уйти послѣднимъ.

И снова я ожилъ при этихъ словахъ, и глаза мои увидѣли свѣтъ въ залитой солнцемъ комнатѣ. Дочь пастора подошла ко мнѣ и пустилась въ разговоръ со мной. Я желалъ, чтобы она была гдѣ-нибудь далеко-далеко отъ меня, и давалъ ей краткіе, односложные отвѣты.

Я умышленно не смотрѣлъ на нее, такъ какъ это она говорила о моемъ звѣриномъ взглядѣ. Она обернулась къ Эдвардѣ и стала рассказывать ей, какъ однажды за границей, кажется, въ Ригѣ, на улицѣ ее преслѣдовалъ какой-то господинъ.

— Онъ шелъ за мной изъ улицы въ улицу и улыбался мнѣ,—сказала она.

— Такъ, можетъ, это былъ слѣпой,—воскликнулъ я, чтобы сдѣлать пріятное Эдвардѣ. И пожалъ плечами.

Молодая дѣвушка вдругъ поняла мои грубые слова и отвѣтила:

— Да, должно-быть, разъ онъ могъ преслѣдовать такую старую и безобразную женщину, какъ я.

Но я не добился благодарности Эдварды. Она увлекла свою подругу за собой. Онѣ шептались, качая головой. Съ этой минуты я былъ предоставленъ исключительно самому себѣ.

Проходить еще часъ. Морскія птицы начинаютъ просыпаться въ шхерахъ. Крики ихъ врываются въ наши открытыя окна. Порывъ радости охватываетъ меня при этихъ первыхъ птичьихъ крикахъ. Меня страстно тянетъ туда, въ шхеры..

Докторъ снова пришелъ въ хорошее настроеніе и привлекъ къ себѣ общее вниманіе. Дамы не отходили отъ него.

«Не это ли мой соперникъ?»—думалъ я, и я думалъ также объ его хромои ногѣ и всей жалкой фигурѣ. Онъ приду-малъ новую остроумную клятву. Онъ говорилъ: «клянусь смертью и вѣчной мукой», и всякій разъ, какъ онъ произносилъ эту забавную клятву, я громко смѣялся. Я былъ совершенно измученъ, и мнѣ пришло въ голову надѣлать этого человѣка всѣми преимуществами, разъ ужъ онъ былъ мой соперникъ. Я старался выдвинуть его всячески на передній планъ, кричалъ: «да слушайте же, что говоритъ докторъ!», и заставлялъ себя громко хохотать надъ его изреченіями.

— Я люблю этотъ міръ,—говорилъ докторъ:—я цѣпляюсь за жизнь руками и ногами. А когда я умру, то надѣюсь получить мѣстечко въ вѣчности гдѣ-нибудь надъ Лондономъ или Парижемъ, чтобы я могъ все время,—все время слышать шумъ человѣческаго канкана!

— Изумительно! — крикнулъ я и закашлялся отъ смѣха, хотя нисколько не былъ пьянъ.

Эдварда, повидимому, тоже была въ полномъ восторгѣ.

Когда гости разошлись, я забрался въ сосѣдную комнату и усѣлся ждать. Я слышалъ, какъ гости одинъ за другимъ прощались на лѣстницѣ. Докторъ тоже простился и ушелъ. Скоро всѣ голоса замерли вдали. Сердце мое сильно билось отъ ожиданія.

Наконецъ вошла Эдварда. Увидѣвъ меня, она на минуту остановилась въ изумленіи, потомъ сказала, улыбаясь:

— Ага, вы здѣсь! Это мило съ вашей стороны, что вы захотѣли дождаться, пока всѣ разойдутся. Охъ, я до смерти устала!

Она продолжала стоять и не садилась.

Я сказалъ, тоже вставая:

— Да, конечно, вамъ нужно отдохнуть хорошенько. Надѣюсь, что ваше дурное настроеніе прошло, Эдварда? Вы были такъ печальны недавно, и это мучило меня.

— Пройдетъ, когда я высплюсь.

Мнѣ нечего было больше прибавить, я пошелъ къ двери.

— Да, спасибо за сегодняшній вечеръ, — сказала она и протянула мнѣ руку.

И такъ какъ она хотѣла проводить и меня на лѣстницу, я воспротивился этому.

— Не нужно,—сказалъ я:—не беспокойтесь, я и самъ...

Но она все-таки вышла за мной на лѣстницу. Она стояла въ сѣняхъ и терпѣливо ждала, пока я нашелъ свою фуражку, ружье и лѣсташъ. Въ углу стояла трость, я сразу замѣтилъ ее. Всмотрѣвшись, я узналъ ее, это была палка доктора. Прослѣдивъ, куда смотрятъ мои глаза, она вся покраснѣла отъ смущенія. Ясно было по ея лицу, что она была невинна и ничего не знала о палкѣ. Прошла цѣлая минута. Наконецъ бѣшеное нетерпѣніе вспыхнуло въ ней, и она сказала дрожа:

— Ваша палка. Не забудьте вашу палку.

И протянула мнѣ палку доктора.

Я смотрѣлъ на нее, она еще держала передъ собой палку, рука ея дрожала. Чтобы положить этому конецъ, я взялъ палку и поставилъ ее обратно въ уголъ. Я сказалъ:

— Это палка доктора. Не понимаю, какъ это хромоу чловѣкъ могъ позабыть свою палку.

— Чтѣ вы мнѣ все тычете, что онъ хромоу! — озлобленно воскликнула она и подошла еще на шагъ ко мнѣ. — Вы не хромаете, — о, нѣтъ! Но если бы вы и хромали, все равно, вамъ не сравняться съ нимъ, — не сравняться, не сравняться. Вотъ!

Я поискалъ отвѣта, — все вылетѣло у меня изъ головы. Я молчалъ.

Съ глубокимъ поклономъ я вышелъ, пятясь, изъ двери и спустился съ лѣстницы. Здѣсь я постоялъ минуту, смотря прямо передъ собой, потомъ побрелъ домой.

«Ага, онъ забылъ палку, — думалъ я: — и онъ, навѣрное, вернется за нею. Онъ пойдетъ по этой дорожкѣ. Онъ не желаетъ допустить, чтобы я вышелъ послѣднимъ изъ этого дома».

Я тихонько плелся по дорогѣ, всматриваясь направо и налево. На опушкѣ лѣса я остановился. Наконецъ, послѣ полу- часового ожиданія, навстрѣчу мнѣ появился докторъ. Онъ увидѣлъ меня и ускорилъ шагъ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь сказать, я снялъ шляпу, чтобы испытать его. Онъ тоже снялъ шляпу. Я подошелъ прямо къ нему и сказалъ:

— Я не кланялся.

Онъ отступилъ на шагъ и вытаращилъ на меня глаза.

— Вы не поклонились?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я.

Пауза.

— Ну, да мнѣ, впрочемъ, совершенно безразлично, чтѣ вы сдѣлали, — произнесъ онъ, блѣднѣя. — Я шелъ за своей палкой, которую позабылъ.

На это мнѣ нечего было сказать; но я отплатилъ ему по-другому. Я протянулъ передъ нимъ ружье, словно онъ былъ собака, и сказалъ:

— Гопъ!

Я свистѣлъ и побуждалъ его перепрыгнуть, какъ дѣлають съ дрессированной собакой.

Нѣсколько секундъ онъ боролся съ самимъ собой. Лицо его принимало самыя необыкновенныя выраженія, губы были сжаты, а глаза упорно смотрѣли въ землю. Вдругъ онъ пронизательно посмотрѣлъ на меня. Слабая усмѣшка озарила его лицо, и онъ сказалъ:

— Зачѣмъ, собственно, вы все это дѣлаете?

Я не отвѣчалъ, но слова его подѣйствовали на меня.

Онъ протянулъ мнѣ вдругъ руку и проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Съ вами что-то неладно. Если вы мнѣ скажете, въ чемъ дѣло, можетъ-быть...

Тутъ стыдъ и отчаяніе овладѣли мною. Эти спокойныя слова вывели меня изъ равновѣсія. Я хотѣлъ загладить свой поступокъ, схватилъ его за талію и воскликнулъ:

— Простите меня за это, слышите. Нѣтъ, что же можетъ быть со мною неладнаго? Ничего нѣтъ неладнаго, мнѣ не пужна ваша помощь. Вы ищете, можетъ-быть, Эдварду? Она дома. Но поторопитесь, а то она ляжетъ, прежде чѣмъ вы придете; она очень устала, она сама сказала мнѣ. Я говорю вамъ все, что знаю. Это правда, вы найдете ее дома, только ступайте скорѣе.

И я повернулся и поспѣшилъ прочь отъ него, шагая крупными шагами по лѣсу, пока не добрался до своей избушки.

Нѣкоторое время я просидѣлъ на нарахъ совершенно въ томъ же видѣ, какъ вошелъ, съ ягташемъ за плечами и съ ружьемъ въ рукѣ. Удивительныя мысли рождались въ моей головѣ. Къ чему это я такъ разоткровенничался съ докторомъ? Меня сердило то, что я держалъ его за талію и смотрѣлъ на него мокрыми глазами. Навѣрное; онъ радуется этому, думалъ я. Можетъ-быть, въ эту самую минуту онъ сидитъ и потѣшается надо мной вмѣстѣ съ Эдвардой. Онъ оставилъ свою палку въ прихожей. Не правда ли, если бы даже я и хромалъ, все равно я не могъ бы сравняться съ докторомъ, и совершенно не могъ бы сравняться съ нимъ, это ся собственныя слова...

Я становлюсь посреди комнаты, поднимаю курокъ на ружьѣ, приставляю дуло къ подъему лѣвой ноги и нажимаю собачку. Пуля проходитъ сквозь ступню и застрѣваетъ въ полу. Эзонъ издаетъ отрывистый, испуганный лай.

Немного погодя въ дверь раздается стукъ.

Это пришелъ докторъ.

— Извините, если я побеспокоилъ васъ, — началъ онъ. — Вы ушли такъ поспѣшно, мнѣ казалось, что не вредно бы намъ съ вами поточковать немножко. Что это, тутъ, кажется, пахнетъ порохомъ?

Онъ былъ совершенно трезвъ.

— Застали вы Эдварду? Получили вы свою палку?—спросилъ я.

— Я получилъ свою палку. А Эдварда уже легла... Что это? Господи Боже мой, да у васъ кровь?

— Нѣтъ, это пустяки. Я хотѣлъ отставить ружье, а оно печально выстрѣлило; это вздоръ. Чортъ бы васъ побралъ, обязанъ я, что ли, объяснять вамъ, какъ это случилось?... Ага, такъ вы получили свою палку?

Онъ смотрѣлъ, не отрываясь, на мой прострѣленный сапогъ и на струившуюся кровь. Быстрымъ движеніемъ онъ положилъ на полъ палку и снялъ перчатки.

— Сидите смирно, сапогъ надо снять. То-то мнѣ показалось, будто я слышалъ выстрѣлъ.

XVIII.

Какъ я раскаивался послѣ въ этомъ безумномъ выстрѣлѣ! Все это былъ совершенный вздоръ, да и не привело ни къ чему, а только привязало меня на нѣсколько недѣль къ дому. Всѣ неприятности и огорченія этого времени до сихъ поръ еще живы передо мною. Прачка моя должна была приходиться ко мнѣ каждый день и почти все время находилась при мнѣ, закушала провизію, занималась моимъ хозяйствомъ. Прошло нѣсколько недѣль. Ну, что же было дѣлать!

Однажды докторъ заговорилъ объ Эдвардѣ. Я слышалъ ея имя, слышалъ, что она говорила и дѣлала, и это не имѣло для меня уже особаго значенія, словно онъ говорилъ о какомъ-то далекомъ, не относящемся ко мнѣ предметѣ. «Какъ быстро можно забывать»,—думалъ я съ изумленіемъ.

— Ну, а что вы сами думаете объ Эдвардѣ, разъ вы спрашиваете? По правдѣ сказать, я не думалъ о ней нѣсколько недѣль. Постоите-ка, мнѣ кажется, между вами было что-то, вы такъ часто были вмѣстѣ, и во время одной экскурсіи на острова вы были хозяиномъ, а она хозяйкой. Не, отрицайте, докторъ, было что-то, какое-то взаимное пониманіе. Нѣтъ, ради Бога, не отвѣчайте мнѣ. Я не въ правѣ просить у васъ никакого объясненія, я спрашиваю не для того, чтобы узнать что-нибудь. Давайте поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ, если хотите. Когда мнѣ можно будетъ начать ходить?

Я сидѣлъ и думалъ о томъ, что сказала. Почему въ глубинѣ души я боялся дать доктору высказаться? Что мнѣ за дѣло до Эдварды? Я забылъ ее.

Еще разъ рѣчь зашла объ Эдвардѣ, и опять я прервалъ доктора. Богъ знаетъ, что я боялся услышать.

— Почему вы прерываете меня?—спросилъ онъ. — Вы совершенно не можете выносить, чтобы я произносилъ ея имя?

— Скажите мнѣ, — попросилъ я: — какого вы, собственно, мнѣнія о юмфру Эдвардѣ? Мнѣ интересно знать это.

Онъ подозрительно взглянулъ на меня.

— Какого я, собственно, мнѣнія о ней?

— Можетъ-быть, вы можете сообщить мнѣ что-нибудь новенькое сегодня? Можетъ-быть, вы таки-посватались къ ней

и получили согласіе? Можно васъ поздравить? Нѣтъ? Ну, да, пусть чортъ вѣритъ вамъ, ха-ха-ха.

— Ага, такъ вотъ чего вы боялись?

— Боялся? Милѣйшій докторъ!

Пауза.

— Нѣтъ, я не сватался и не получалъ согласія,—заговорилъ онъ.—Можетъ, это васъ можно поздравить? Къ Эдвардѣ не сватаются, она беретъ сама, кого вздумаетъ. Вы думаете, это простая деревенская дѣвушка? Вы встрѣтились съ ней здѣсь, на самомъ сѣверѣ Норвегіи, и сами видѣли, что это такое. Она дитя, которое слишкомъ мало сѣкли, и женщина со множествомъ капризовъ. Холодна она? Не бойтесь этого. Страшна? Ледь, говорю вамъ. Что же она такое? Дѣвочка пятнадцати-шестнадцати лѣтъ, не правда ли? Но попробуйте только повліять на эту дѣвочку, и она насмѣется надъ всѣми вашими стараніями. Самъ отецъ не можетъ съ ней справиться; внѣшне она какъ будто подчиняется ему, но на самомъ дѣлѣ дѣлаетъ все по-своему. Она говоритъ, что у васъ звѣриный взглядъ...

— Вы ошибаетесь. Это кто-то другой говорилъ, что у меня звѣриный взглядъ.

— Другой? Кто же другой?

— Этого я не знаю. Одна изъ ея подругъ. Нѣтъ, это не Эдварда сказала. Постойте-ка, а можетъ-быть, это дѣйствительно сама Эдварда...

— Когда вы смотрите на нее, это производитъ на нее такое-то и такое-то дѣйствіе, говоритъ она. Но вы думаете, это хоть на волосъ приближаетъ васъ къ ней? Ничуть не бывало. Смотрите на нее хорошенько, не жалѣйте своихъ глазъ; но какъ только она замѣтитъ, что вы пріобрѣтаете надъ ней нѣкоторую власть, она сейчасъ же скажетъ себѣ: берегись, вонъ стоитъ мужчина, смотритъ на тебя и думаетъ, что взялъ свое и выигралъ игру. И однимъ взглядомъ или холоднымъ словомъ она отдалитъ васъ на цѣлыхъ десять миль. Вы думаете, я не знаю ее? Сколько, по-вашему, ей лѣтъ?

— Она родилась вѣдь въ тридцать восьмомъ году?

— Ложь. Она шутила,—я навель справки объ этомъ. Ей двадцать лѣтъ. Хотя, впрочемъ, она могла бы сойти за пятнадцатилѣтнюю. Я бы не сказалъ, что она счастлива, въ маленькой головѣ ея постоянная борьба. Когда она стоитъ и смотритъ на горы и на море, у рта ея образуется особая складочка, какое-то выраженіе страданія. Она несчастлива, но она слишкомъ горда и слишкомъ упряма, чтобы заплакать. Она порядочная любительница приключеній, фантазія у нея

пылкая, она ждетъ принца. Чтѣ это такое за исторія съ пятью талерами, которые вы будто бы дали кому-то?

— Шутка. Нѣтъ, это просто такъ, пустяки...

— И это было не просто. Она и со мной продѣлала разъ нѣчто подобное. Это было годъ назадъ. Мы были на палубѣ почтового парохода, когда онъ стоялъ здѣсь въ гавани. Шелъ дождь и было холодно. Женщина съ маленькимъ ребенкомъ сидитъ на палубѣ и трясется отъ холода. Эдварда спрашиваетъ ее: — «Вамъ не холодно?» Конечно, женщина было холодно. — «А маленькому не холодно?» И маленькому тоже холодно. — «Почему же вы не пойдете въ каюту?» — спрашиваетъ Эдварда. — «У меня палубный билетъ», — отвѣчаетъ женщина. Эдварда смотритъ на меня. — «У женщины палубный билетъ», — говоритъ она. — «Чтѣ же съ этимъ подѣлаешь?» — отвѣчаю я про себя. Но я понимаю взглядъ Эдварды. Я не родился богачомъ, я самъ выбился изъ ничтожества, и считаю деньги, которые трачу. Поэтому я отхожу отъ женщины и думаю: «если за нее надо заплатить, то пусть Эдварда заплатитъ сама, у нея и у отца ея средства побольше, чѣмъ у меня». И Эдварда, разумѣется, платитъ сама. Въ этомъ отношеніи она дѣйствительно великодушна, въ сердечности ей никакъ нельзя отказать. Впрочемъ, по совѣсти сказать, я объ этомъ ничего не знаю. Но такъ же вѣрно, какъ то, что я сижу здѣсь, она ожидала, что я заплачу за классный билетъ для женщины и ея ребенка, я видѣлъ это по ея глазамъ. Чтѣ же дальше? Женщина встала и стала благодарить за щедрую помощь. — «Благодарите не меня, а вотъ этого господина», — отвѣчаетъ Эдварда и съ безмятежнымъ видомъ указываетъ на меня. Какъ вамъ это покажется? Я слышу, что женщина благодаритъ и меня, и не могу ничего отвѣтить на это, предоставляю дѣлу итти своимъ чередомъ. Ну, вотъ, это одна черта, а я могъ бы рассказать вамъ еще многое. Что же касается этихъ пяти талеровъ гребцу, такъ это она сама дала эти деньги. Если бы это сдѣлали вы, она кинулась бы вамъ на шею, она произвела бы васъ тутъ же въ принцы за способность къ такимъ пласкимъ выходкамъ ради стоптаннаго башмака. Это подходитъ къ ея представленіямъ о барствѣ, такимъ рисуется ей ея герой въ мечтахъ. Такъ какъ вы не догадались этого сдѣлать, она продѣлала это отъ вашего имени сама. Она именно такова, — безразсудна и расчетлива въ одно и то же время.

— Неужели же никто не можетъ побѣдить ее? — спросилъ я.

— Ее слѣдовало бы хорошенько проучить, — отвѣтилъ докторъ уклончиво. — Плохо то, что ей предоставляется полная сво-

бода. Она слишком избалована, может дѣлать, что захочется, и побѣждать, кого ни вздумается. Ею занимаются, она ни въ комъ не встрѣчаетъ равнодушнаго отношенія. Всегда есть кто-нибудь подъ рукой, надъ кѣмъ можно проявлять свою силу. Замѣтили вы, какъ я обращаюсь съ ней? Какъ со школьницей, съ маленькой дѣвочкой. Я пробираю ее, смѣюсь надъ ея рѣчью, слѣжу за ней и ничего ей не спускаю. Вы думаете, она этого не понимаетъ? О, она горда и упряма, это постоянно оскорбляетъ ее. Но она слишкомъ горда и для того, чтобы показать, что это ее оскорбляетъ. Такъ ей и слѣдуетъ. Когда вы пріѣхали, я муштровалъ ее уже цѣлый годъ, и это начало дѣйствовать. Она плакала отъ огорченія и отъ досады и сдѣлалась болѣе сноснымъ человѣкомъ. Но тутъ появились вы и все испортили. Такъ оно и идетъ: одинъ бросаетъ ее, другой беретъ; послѣ васъ явится, вѣроятно, третій. — почему знать.

«Ага, доктору есть за что отмстить», — подумалъ я и сказалъ:

— Скажите мнѣ воть что, докторъ, почему вы взяли на себя такой трудъ и сообщили мнѣ все это? Ужъ не долженъ ли я помочь вамъ муштровать Эдварду?

— Вдобавокъ она горяча, какъ вулканъ, — продолжалъ онъ, не обративъ вниманія на мой вопросъ. — Вы спросили, можетъ ли кто-нибудь овладѣть ею. Конечно, почему же не такъ? Она ждетъ своего принца, онъ еще не пришелъ, она все ошибается и ошибается, она думала и о васъ, что вы принцъ, особенно потому, что у васъ звѣриный взглядъ, ха-ха. Послушайте, г-нъ лейтенантъ, вамъ бы слѣдовало захватить съ собой на всякій случай мундиръ. Онъ бы могъ сыграть нѣкоторую роль. Почему же кому-нибудь и не овладѣть ею? Я видѣлъ, какъ она ломала руки, призывая человѣка, который могъ бы притти и взять ее, увезти, владѣть ея тѣломъ и душой. Да. Но онъ долженъ появиться извнѣ, вынырнуть въ одинъ прекрасный день и предстать, какъ совершенно особое существо. Я предполагаю, что г-нъ Макъ снова отправился въ экспедицію. Не проста затѣялъ онъ это путешествіе. Г-нъ Макъ уже отправлялся одинъ разъ путешествовать и вернулся тогда въ сопровожденіи одного господина.

— Въ сопровожденіи господина?

— Увы, онъ не годился, — продолжалъ докторъ съ страдальческой усмѣшкой. — Это былъ человѣкъ моихъ лѣтъ, и вдобавокъ немножко хромой, какъ и я. То былъ не принцъ.

— Куда же онъ уѣхалъ? — спросилъ я, пристально глядя на доктора.

— Куда онъ уѣхалъ? Отсюда? Этого я не знаю,—отвѣтилъ онъ въ замѣшательствѣ. — Ну, мы слишкомъ много удѣлили этому вниманія. Черезъ недѣлю вы сможете ступать на больную ногу. До свиданія!

XIX.

Я слышу женскій голосъ у моего домика. Кровь бросается мнѣ въ голову. Это голосъ Эдварды.

— Гланъ, Гланъ боленъ, говорятъ?

Прачка моя отвѣчаетъ за дверью:

— Онъ уже почти выздоровѣлъ.

Это «Гланъ, Гланъ» пронизало меня до мозга костей. Она два раза повторила мое имя. Это подѣйствовало на меня. Голосъ ея былъ звонокъ и слегка дрожалъ.

Она отворила мою дверь, не постучавъ, вошла поспѣшно и глянула на меня. И предо мною сразу воскресли былые дни. Она была въ своей крашеной жакеткѣ и низко подвязала фартукъ на животѣ, чтобы талія казалась длиннѣе. Я увидѣлъ все сразу, и взглядъ, и смуглое лицо съ высоко изогнутыми на лбу бровями, и странно-нѣжное выраженіе ея рукъ,—все это съ такой силой хлынуло на меня, что я пришелъ въ полное смущеніе. «Я цѣловалъ ее!»—думалъ я. Я всталъ и остался стоять.

— Вы встаете, вы стоите, — заговорила она. — Сядьте же скорѣе. У васъ болитъ нога, вы прострѣлили ее. Боже мой, какъ это произошло? Я узнала объ этомъ только теперь. Я все время думала: куда дѣвался Гланъ? Онъ совсѣмъ пересталъ къ намъ ходить. Я ничего не знала. Вы ранили себя, говорятъ, уже нѣсколько недѣль назадъ, а я ничего объ этомъ не знала. Какъ вы теперь чувствуете себя? Вы стали поразительно блѣдны, я не узнаю васъ. А нога? Вы будете хромать? Докторъ говоритъ, что вы не будете хромать, я благодарю Бога за это. Надѣюсь, вы извините, что я такъ просто пришла сюда. Я прямо бѣжала, а не шла...

Она наклонилась ко мнѣ, она была близко отъ меня. Я чувствовалъ на лицѣ ея дыханіе, я потянулся къ ней руками. Тогда она отодвинулась подальше. Глаза ея еще были влажны.

— Это произошло такъ, — пробормоталъ я: — я хотѣлъ поставить ружье вотъ сюда, въ уголъ. Я неправильно держалъ его, вотъ такъ, дуломъ внизъ. И вдругъ услышалъ выстрѣлъ. Да, это несчастный случай.

— Несчастный случай,— задумчиво повторила она и кивнула головой. — Покажите-ка, это лѣвая нога. Но почему же именно лѣвая? Такъ это случайность...

— Да, случайность, — прервалъ я. — Какъ я могу знать, почему пострадала именно лѣвая нога? Вы видите сами, я держалъ ружье такъ,— значить, въ правую ногу выстрѣлъ никакъ не могъ понасть. Да, не могу сказать, чтобъ это было особенно пріятно.

Она смотрѣла на меня, какъ бы соображая что-то.

— Ну, значить, вы поправляетесь, — сказала она и обвела взглядомъ комнату. — Почему вы не прислали къ намъ вашу прислугу за обѣдомъ? Чѣмъ же вы питались?

Мы поговорили еще нѣсколько минутъ. Я спросилъ:

— Когда вы пришли, лицо ваше было взволновано и глаза ваши сіяли, вы протянули мнѣ руку. Теперь ваши глаза снова стали равнодушны. Я не ошибся?

Пауза.

— Нельзя всегда быть одинаковой...

— Скажите мнѣ только на этотъ одинъ разъ, — проговорилъ я: — что, напримѣръ, въ данномъ случаѣ я сказалъ или сдѣлалъ такого, что возбудило ваше неудовольствіе? Я могъ бы принять это къ свѣдѣнію на будущее время.

Она смотрѣла въ окно, на далекій горизонтъ, стояла и задумчиво смотрѣла прямо передъ собой, потомъ отвѣтила, не оборачиваясь:

— Ничего, Главъ. У всякаго могутъ быть свои мысли. Вотъ теперь вы недовольны мною? Помните: одни даютъ мало, но для нихъ это много, другіе даютъ все, и это имъ ничего не стоить, имъ не приходится дѣлать никакихъ усилій. Кто же далъ больше? Вы стали мрачны послѣ болѣзни. Какъ это вышло, что мы заговорили объ этомъ?

И вдругъ она взглядываетъ на меня, радость озаряетъ румянцемъ ея лицо, она говоритъ:

— Но только выздоравливайте скорѣе. Мы еще увидимся.

Съ этими словами она протянула мнѣ руку.

И вотъ тутъ-то мнѣ пришло въ голову не взять ея руки. Я всталъ, заложилъ руки за спину и низко поклонился. Этимъ я хотѣлъ поблагодарить ее за любезное посѣщеніе.

— Извините, что не могу проводить васъ, — сказалъ я.

Когда она ушла, я сѣлъ, чтобы еще разъ хорошенько обдумать все. Я написалъ письмо съ просьбой выслать мнѣ мундиръ.

XX.

Первый день въ лѣсу.

Я былъ веселъ, но чувствовалъ нѣкоторую истому. Всѣ звѣри приближались ко мнѣ и осматривали меня. На листьяхъ сидѣли жуки, по дорогамъ ползали жужелицы. «Счастливая встрѣча», — думалъ я. Настроеніе лѣса, то приливая, то отливая, передавалось моимъ чувствамъ. Я плакалъ отъ любви и безумно радовался этому. Я весь растворился въ благодарности. Милый, добрый лѣсъ, мой домъ, мирная обитель Божья! Я скажу тебѣ отъ полноты души... Я останавливаюсь, оглядываюсь во всѣхъ направленіяхъ и, плача, называю по именамъ птицъ, деревья, камни, траву и муравьевъ, смотрю во всѣ стороны и называю всѣхъ поочереды. Я смотрю вверхъ, на горы, и думаю: «Да, да, сейчасъ я приду», будто отвѣчаю на зовъ. Высоко-высоко, тамъ высиживали птенцовъ сокола, я зналъ ихъ гнѣзда. Но мысль о соколахъ, гнѣздящихся высоко въ горахъ, далеко завела мою фантазію.

Около полудня я выѣхалъ въ море и присталъ къ маленькому островку за гаванью. Тамъ росли лиловые цвѣты на длинныхъ стебляхъ, достигавшихъ мнѣ до колѣнъ. Я путался среди необыкновенныхъ растеній, кустовъ малины и морошки, колючаго чертополоха. Тамъ не было никакихъ животныхъ, да и людей, должно-быть, тоже не было. Море мягко пѣнилось вокругъ острова и окутывало меня какой-то шуршащей пеленой. Дальше, вокругъ другихъ острововъ кричали и летали береговые птицы. А море заключало меня со всѣхъ сторонъ точно въ объятія. Благословенна жизнь, и море, и небо! Благословенны мои враги! Въ эту минуту я хочу быть милостивъ къ самому злѣйшему моему врагу и готовъ развязать ремень его обуви...

Громкая матросская пѣсня доносится ко мнѣ съ одной изъ яхтъ господина Мака, и душа моя заливается солнечнымъ свѣтомъ при знакомыхъ звукахъ. Я гребу къ пристани, прохожу мимо рабочихъ хижинъ и отправляюсь домой. День склоняется къ вечеру. Я обѣдаю, дѣлю свою пипу съ Эзопомъ и снова отправляюсь въ лѣсъ. Мягкій вѣтеръ беззвучно плыветъ, касаясь моего лица. «Будь благословенъ, — говорю я вѣтру за то, что онъ касается моего лица: — будь благословенъ, кровь моя смиренно склоняется въ жилахъ отъ благодарности къ тебѣ». Эзопъ кладетъ одну лапу на мое колѣно.

Усталость охватываетъ меня, и я засыпаю.

Люль-люль!.. Чтò это, звонять колокольчики? За нѣсколько миль, въ морѣ, стоитъ гора. Я читаю двѣ молитвы, одну за мою собаку, другую за себя самого, и мы входимъ внутрь, въ гору. Ворота захлопываются за нами. Я вздрагиваю и просыпаюсь.

Пылающее красное небо... Солнце стоитъ неподвижно передъ моими глазами, попирая землю. Ночь, горизонтъ дрожать отъ свѣта. Мы съ Эзопомъ переходимъ въ тѣнь. Кругомъ тишина. «Нѣтъ, я больше не хочу спать,—говорю я Эзопу:—завтра мы пойдемъ на охоту. Красное солнце свѣтитъ на насъ, мы не внутри горы...» И странныя настроенія рождаются во мнѣ, кровь бросается мнѣ въ голову. Я чувствую, разгоряченный и еще слабый, какъ кто-то цѣлуетъ меня, и поцѣлуй еще лежитъ на моихъ губахъ. Я оглядываюсь, никого не видно. «Изелинда», — говорю я. Въ травѣ шуршитъ. «Можетъ-быть, это упалъ листъ съ дерева, а можетъ-быть, это чьи-то шаги». Дуновение проносится по лѣсу. «Можетъ-быть, это дыханіе Изелинды», — думаю я. Въ этихъ лѣсахъ гуляла Изелинда, здѣсь слышала она мольбы охотниковъ въ желтыхъ сапогахъ и зеленыхъ плащахъ. Она жила въ своей усадьбѣ, въ полумилѣ отсюда. Она сидѣла у своего окошка, — четыре поколѣнія смѣнились съ тѣхъ поръ, — сидѣла и слушала, какъ охотничьи рога гремѣли по всему лѣсу. Здѣсь водились олени, волки и медвѣди, а охотниковъ было много. Она росла у нихъ на глазахъ, и всѣ они дожидались ея. Одинъ видѣлъ ея глаза, другой слышалъ ея голосъ. Но разъ одинъ молодецъ безсонной ночью всталъ и просверлилъ дырочку въ комнату Изелинды и увидѣлъ ея бѣлый бархатный животъ. Когда ей пошелъ двѣнадцатый годъ, пріѣхалъ Дундасъ. Онъ былъ шотландецъ, торговалъ рыбой и имѣлъ много судовъ. У него былъ сынъ. Когда Изелиндѣ минуло шестнадцать лѣтъ, она впервые увидѣла молодого Дундаса. Онъ былъ ея первой любовью...

И странныя-странныя настроенія смѣняются въ моей душѣ, голова моя становится такой тяжелой, пока я сижу тамъ. Я закрываю глаза и снова чувствую поцѣлуй Изелинды.

— Изелинда, это ты здѣсь, вѣчная любовница жизни? — говорю я: — а Дидериха ты опять оставила за деревомъ?..

Все тяжелѣе и тяжелѣе становится моя голова, и я погружаюсь въ волны сна.

Люль-люль, чей-то голосъ говоритъ, словно Большая Медвѣдица поетъ въ моей крови,—это голосъ Изелинды!

— Спи, спи! Я расскажу тебѣ о моей любви, пока ты спишь, и расскажу тебѣ о моей первой ночи. Я помню, я за-

была запереть свою дверь. Мнѣ было шестнадцать лѣтъ. Стояла весна и теплая погода. Пришелъ Дундасъ. Словно орелъ, прилетѣлъ онъ, шелестя крыльями. Я встрѣтила его разъ утромъ, передъ охотой. Ему было двадцать пять лѣтъ, онъ прѣхалъ изъ далекихъ краевъ. Онъ гулялъ рядомъ со мной по саду, и когда онъ коснулся меня своей рукой, я почувствовала, что люблю его. У него были два ярко-красныхъ пятна на лбу, и мнѣ хотѣлось поцѣловать эти два пятна.

«Вечеромъ послѣ охоты я пошла посмотреть, нѣтъ ли его въ саду, и такъ боялась, что найду его. Я потихоньку шептала его имя и боялась, какъ бы онъ не услышалъ. И вдругъ онъ выходитъ изъ-за кустовъ и шепчетъ: «Сегодня ночью, въ часъ». И исчезаетъ.

«Сегодня ночью, въ часъ»,—повторяю я про себя.—Что онъ хотѣлъ сказать этимъ? Я ничего не понимаю. Вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать, что уѣзжаетъ нынче въ часъ ночи. Но что мнѣ за дѣло до того, что онъ уѣзжаетъ?

«И случилось такъ, что я забыла замкнуть свою дверь...

«Въ часъ онъ входитъ.

«— Развѣ дверь моя была не заперта? — спрашиваю я.

«— Я запру ее, — отвѣчаетъ онъ.

«И запираетъ дверь, запираетъ насъ вдвоемъ въ моей комнатѣ.

«Я такъ боялась стука его большихъ сапогъ.

«— Не разбуди мою служанку, — сказала я.

«Я боялась также треска стула и сказала:

«— Нѣтъ, нѣтъ, не садись на этотъ стулъ, — онъ трещить.

«— Можно мнѣ сѣсть рядомъ съ тобой на диванъ? — спросилъ онъ.

«— Да, — сказала я.

«Но я сказала это потому, что стулъ трещалъ.

«Мы сидѣли на моемъ диванѣ. Я отодвинулась, онъ придвинулся ближе. Я опустила глаза.

«— Ты озябла, — сказалъ онъ и взялъ мою руку.

«Немного погодя онъ сказалъ:

«— Какъ ты озябла, — и обнялъ меня одной рукой.

«Я согрѣлась въ его объятіи. Такъ мы посидѣли немножко. Прокричалъ пѣтухъ.

«— Слышишь, — сказалъ онъ: — пѣтухъ кричитъ, скоро утро.

«И коснулся меня и смутилъ меня.

«— Вполнѣ ли ты увѣренъ, что прокричалъ пѣтухъ? — проворкотала я.

«Я опять увидѣла два красныхъ пятна на его лбу и хотѣла естать. Но онъ удержалъ меня, я поцѣловала два милыхъ пятна и закрыла глаза передъ его взглядомъ...

«И насталь день, стало совсѣмъ свѣтло. Я проснулась и не узнавала стѣнъ въ моей комнатѣ, встала и не узнала своихъ маленькихъ башмачковъ. Что-то переливалось и струилось во мнѣ. «Что это такое переливается во мнѣ?—подумала я, улыбаясь.—И который это пробило часъ?» Ничего я не знала, помнила только, что забыла запереть свою дверь.

«Приходить моя служанка.

«— Твои цвѣты стоять безъ воды,—говорить она.

«Я позабыла о своихъ цвѣтахъ.

«— Ты измяла свое платье,—продолжаетъ она.

«Гдѣ же я могла измять свое платье?—думаю я, а сердце мое смѣется:—должно-быть, я измяла его сегодня ночью».

«Къ садовой оградѣ подѣвжастъ телѣжка.

«— И конка твоя не накормлена,—говорить мнѣ служанка.

«Но я забываю цвѣты, платье, конку и спрашиваю:

«— Это не Дундасъ подѣвхаль? Попроси его сейчасъ же притти ко мнѣ, я жду его, мнѣ нужно что-то... что-то...—А сама думаю: «можетъ-быть, онъ опять запретъ дверь на ключъ, когда придетъ?»

«Онъ стучитъ въ дверь. Я отворяю ему и сама запираю дверь на замѣкъ, чтобы не затруднять его.

«— Изелинда! —воскликаетъ онъ и цѣлую минуту цѣлуетъ меня въ губы.

«— Я не посылала за тобою,—шепчу я.

«— Ты не посылала за мною?—спрашиваетъ онъ.

«Я опять сильно смущаюсь и отвѣчаю:

«— Нѣтъ, я послала за тобой, я такъ страшно стосковалась по тебѣ. Побудь со мной немножко.

«И я закрыла глаза руками отъ любви. Онъ не выпускалъ меня, я опустила голову и спряталась у него на груди.

«— Кажется, опять кричить пѣтухъ? —сказаль онъ и прислушался.

«Но когда я услышала, что онъ сказаль, я быстро прервала его и сказала:

«— Нѣтъ, какъ ты можешь думать, что пѣтухъ кричить. Никто не кричаль.

«Онъ поцѣловаль мою грудь.

«— Это курица закудахтала,—сказала я въ послѣднее мгновіе.

«— Подожди минутку, я запру дверь,—сказаль онъ и хотѣль встать.

«Я удержала его и прошептала:

«— Она заперта...

«Настунилъ снова вечеръ, и Дундасъ уѣхаль. Что-то золо-

тое струилось и переливалось во мнѣ. Я стала передъ зеркаломъ. Два влюбленныхъ глаза глянули прямо на меня. Что-то шевельнулось во мнѣ при этомъ взглядѣ, и все что-то струилось и струилось вокругъ моего сердца. Боже мой, никогда я не смотрѣла на себя раньше такими глазами, и я поцѣловала отъ любви собственный ротъ въ зеркалѣ...

«Ну вотъ, я рассказала тебѣ свою первую ночь, и утро и вечеръ послѣ нея. Потомъ когда-нибудь я расскажу тебѣ объ охотникѣ Герлуфсенѣ. Его я тоже любила, онъ жилъ въ милѣ отсюда, на островѣ, видишь, вонъ тамъ, и я ѣздила къ нему одна, въ лодкѣ, тихими лѣтними ночами, потому что любила его. Я расскажу тебѣ и о Стамерѣ. Онъ былъ священникъ, я любила его. Я люблю всѣхъ...»

Сквозь сонъ я слышу, какъ внизу въ Сирилундѣ кричить пѣтухъ.

— Слышишь, Изелинда, пѣтухъ прокричалъ и для насъ,— радостно восклицаю я и простираю руки. Я просыпаюсь. Эзопъ уже на ногахъ.

— Ушла,—говорю я въ жгучей скорби и оглядываюсь по сторонамъ.—Никого, никого нѣтъ.

Весь въ жару, взволнованный, я иду домой. Утро, пѣтухъ въ Сирилундѣ продолжаетъ кричать.

У избушки стоитъ женщина, стоитъ Ева. У нея въ рукахъ перевка, она идетъ въ лѣсъ за дровами. Она стоитъ, какъ утро самой жизни, грудь ея тяжело вздымается и опускается, солнце золотитъ ее.

— Не думайте...—лепечетъ она.

— Чего мнѣ не думать, Ева?

— Я пришла сюда не для того, чтобы встрѣтить васъ, я просто проходила мимо...

И лицо ея темнѣетъ отъ заливающего его румянца.

XXI.

Нога моя попрежнему причиняла мнѣ хлопоты и боль. Часто по ночамъ она ныла и не давала мнѣ спать, то вдругъ ее начинало колоть, а при перемѣнѣ погоды поднималась сильная ломота. Такъ продолжалось много дней. Но я не охромѣлъ.

Дни шли.

Господинъ Макъ вернулся, и я сейчасъ же узналъ объ его возвращеніи. Онъ отобралъ у меня лодку и поставилъ меня этимъ въ затрудненіе. Охотничій сезонъ еще не начался; я не могъ

охотиться. Но почему онъ такъ, ни слова не говоря, отобралъ у меня лодку? Двое рабочихъ съ пристани господина Мака утромъ провезли на лодкѣ какого-то приѣзжаго.

Я встрѣтилъ доктора.

— У меня отобрали лодку,—сказалъ я.

— Приѣхалъ гость, — отвѣтилъ онъ. — Его возятъ въ море каждое утро, а по вечерамъ привозятъ обратно. Онъ изслѣдуетъ морское дно.

Приѣзжій былъ финляндецъ. Господинъ Макъ познакомился съ нимъ случайно на пароходѣ. Онъ ѣхалъ съ Шпицбергена съ коллекціями раковинъ и мелкихъ морскихъ животныхъ. Его величали барономъ. Ему отвели большую залу и еще одну комнату въ домѣ господина Мака. Онъ возбуждалъ большое вниманіе.

«У меня нѣтъ мяса, я могъ бы попросить у Эдварды чего-нибудь на ужинъ», — подумалъ я — и отправился въ Сирилундъ. Я сейчасъ же замѣтилъ, что Эдварда въ новомъ платьѣ, — она какъ будто выросла, платье ея очень длинно.

— Простите, что я не встаю, — кратко сказала она и протянула мнѣ руку.

— Да, къ сожалѣнію, дочь моя нездорова, — сказалъ господинъ Макъ. — Простудилась. Она совсѣмъ не бережется... Вы пришли, по всѣмъ вѣроятіямъ, узнать о вашей лодкѣ? Я вынужденъ предложить вамъ другую, яликъ. Онъ не новъ, но если вы хорошенько будете вычерпывать его... Дѣло въ томъ, что у насъ гоститъ ученый, и вы сами понимаете, что для такого человѣка... У него совершенно нѣтъ свободнаго времени, работаетъ цѣлый день и возвращается домой только вечеромъ. Не уходите, пока онъ не вернется, тогда вы увидите его. Вамъ будетъ интересно познакомиться. Вотъ его карточка, корона, — онъ баронъ. Очень любезный человѣкъ. Я встрѣтился съ нимъ совершенно случайно.

«Ага, — подумалъ я: — тебя не приглашаютъ остаться на вечеръ». Слава Богу, вѣдь и я тоже пришелъ сюда только для пробы, посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Я могу опять уйти домой, у меня еще есть немножко рыбы въ хижинѣ. Какъ-нибудь да разбуду ѣды. Баста!

Вошелъ баронъ, — маленький человѣчекъ, лѣтъ около сорока. Длинное, узкое лицо съ выдающимися скулами и рѣденькой черной бородкой. Взглядъ у него былъ острый и пронзительный, но онъ носилъ сильныя очки. На запонкахъ у него тоже была пятиконечная корона, какъ и на визитной карточкѣ. Онъ былъ слегка сутуловатъ, и на худыхъ рукахъ его выступали синія жилы; ногти же были словно изъ желтаго металла.

— Весьма радъ, господинъ лейтенантъ. Господинъ лейтенантъ уже давно здѣсь?

— Нѣсколько мѣсяцевъ.

Пріятный человекъ. Господинъ Макъ вызвалъ его на разговоръ объ его раковинахъ и морскихъ животныхъ, и онъ охотно сталъ рассказывать, объясняя, какіе сорта глины вокругъ Курхольмена, пошелъ въ залу и принесъ образцы водорослей изъ Блага моря. Онъ постоянно поднималъ правый указательный палецъ и передвигалъ толстыя золотыя очки на носу. Господинъ Макъ былъ заинтересованъ въ высшей степени. Прошелъ часть.

Баронъ заговорилъ о моемъ несчастіи, о моемъ неудачномъ выстрѣлѣ. Совсѣмъ ли я поправился? Въ самомъ дѣлѣ? Это весьма его радуетъ.

«Кто ему рассказалъ о моемъ приключеніи?»—подумалъ я и спросилъ:

— Отъ кого господинъ баронъ слышалъ о моемъ несчастіи?

— Отъ кого... да, отъ кого же? Отъ фрѣкенъ Макъ, кажется. Не правда ли, фрѣкенъ Макъ?

Эдварда вспыхнула, какъ огонь.

Я пришелъ такой удрученный,—вотъ уже нѣсколько дней мрачное отчаяніе подавляло меня. Но при послѣднихъ словахъ пріѣзжаго радость мгновенно скользнула въ мое сердце. Я не смотрѣлъ на Эдварду, но думалъ:

«Благодарю тебя за то, что ты хоть говорила обо мнѣ, произнесла мое имя своимъ языкомъ, хотя оно навѣки лишено значенія для тебя. Покойной ночи».

Я простился. Эдварда продолжала сидѣть попрежнему, она извинилась изъ вѣжливости нездоровьемъ. Равнодушно она подала мнѣ руку.

А господинъ Макъ стоялъ, поглощенный оживленной бесѣдой съ барономъ. Онъ говорилъ о своемъ дѣдушкѣ, консулѣ:

— Не знаю, рассказывалъ ли я уже господину барону, что эту булавку король Карлъ-Юганнъ собственноручно прикололъ къ груди моего дѣдушки.

Я вышелъ на лѣстницу. Никто не провожалъ меня. Проходя, я бросилъ взглядъ на окна въ большой комнатѣ. Тамъ стояла Эдварда, высокая, прямая, держа обѣими руками край гардины, и смотрѣла на улицу. Я позабылъ поклониться, я забылъ все. Какой-то смутный потокъ подхватилъ меня и быстро понесъ прочь.

«Постой, остановись на минуту, — сказалъ я себѣ, подойдя къ лѣсу. — Клянусь Богомъ, этому долженъ быть положенъ конецъ!»

Меня вдругъ кинуло въ жаръ отъ злобы, и я застоналъ. О, у меня нѣтъ въ груди чести! Самое большее я пользовался благосклонностью Эдварда одну недѣлю, теперь все-давно уже кончилось, а я не считаюсь съ этимъ. Отнынѣ пусть сердце мое будетъ взывать къ ней: пыль, воздухъ, прахъ на моемъ пути. Клянусь всемогущимъ Богомъ!..

Я добрался до избушки, досталъ свою рыбу и поужиналъ.

— Вотъ, ты ходишь здѣсь и сжигаешь жизнь свою изъ-за ничтожной школьницы, и ночи твои полны безплодныхъ сновъ. А знойный вѣтеръ неподвижно стоитъ надъ твоей головой, ароматный, предвѣчный вѣтеръ! А небо зыбится чудеснѣйшей синевою, и горы зовутъ и манятъ!

— Эй, Эзопъ, идемъ, живѣе!

XXII.

Прошла недѣля. Я взялъ лодку у кузнеца и ловилъ себѣ на обѣдъ рыбу. Эдварда и пріѣзжій баронъ были всегда вмѣстѣ по вечерамъ, когда онъ возвращался съ моря. Я видѣлъ ихъ разъ возлѣ мельницы. Разъ вечеромъ они прошли мимо моей хижины, я отошелъ отъ окна и тихонько затворилъ дверь на всякій случай. То, что я видѣлъ ихъ вмѣстѣ, не произвело на меня рѣшительно никакого впечатлѣнія; я пожалъ плечами. Въ другой вечеръ я встрѣтилъ ихъ на дорогѣ, и мы обмѣнялись поклонами. Я нарочно заставилъ барона поклониться первымъ, а самъ поднесъ къ фуражкѣ два пальца, чтобы подчеркнуть свою невѣжливость. Я медленно прошелъ мимо, все время равнодушно поглядывая на нихъ.

Прошелъ еще день.

Сколько ужъ прошло такихъ длинныхъ дней! Подавленное настроеніе овладѣло мною; сердце мое безцѣльно размышляло о разныхъ предметахъ. Даже привѣтливый сѣрый камень возлѣ моей избушки смотрѣлъ на меня точно съ выраженіемъ муки и отчаянія, когда я проходилъ мимо него. Собирался дождь, жара стояла нестерпимая и дышала на меня огнемъ, куда бы я ни обращался. Лѣвую ногу ломило. Утромъ я видѣлъ, какъ одна изъ лошадей господина Мака брыкалась въ оглобляхъ: все это имѣло для меня значеніе, какъ указанія на перемену погоды. «Надо запастись вѣдой, пока стоитъ хорошая погода», — подумалъ я.

Я привязалъ Эзопъ, забралъ свои рыболовные снасти и ружье и пошелъ на пристань. Я былъ въ необыкновенно угнетенномъ настроеніи.

— Когда придет почтовый пароходъ?—спросилъ я одного рыбака.

— Почтовый пароходъ? Придетъ черезъ три недѣли, — отвѣтилъ онъ.

— Миѣ должны прислать мундиръ, — сказалъ я.

Потомъ я встрѣтилъ одного изъ приказчиковъ господина Мака. Я взялъ его за руку и сказалъ:

— Скажите миѣ, Христа ради, развѣ вы уже больше не играете въ вистъ въ Сирилундѣ?

— Какъ же, часто!—отвѣтилъ онъ.

Пауза.

— Последнее время я не могъ побывать тамъ,—сказалъ я.

Я поплылъ къ мѣсту моей рыбной ловли. Погода стала душливой. Комары собирались тучами, и, чтобы спастись отъ нихъ, миѣ приходилось все время курить. Треска клевала, я ловилъ на двѣ удочки и взялъ хорошій уловъ. На обратномъ пути я застрѣлилъ двухъ гагаръ.

Когда я причалилъ къ пристани, тамъ стоялъ кузнецъ. Онъ работалъ. У меня мелькнула мысль, я сказалъ ему:

— Пойдемъ вмѣстѣ домой?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ: — господинъ Макъ задалъ миѣ работу до самой полуночи.

Я кивнулъ и подумалъ про себя, что это хорошо.

Я забралъ свой удочъ и пошелъ, путь я выбралъ мимо дома кузнеца. Ева была дома одна.

— Я такъ страшно стосковался по тебѣ, — сказалъ я ей. И я дѣйствительно взволновался при видѣ ея, она же едва могла взглянуть на меня отъ изумленія.—Я люблю твою юность и твои добрые глаза,—сказалъ я.—Накажи меня сегодня за то, что я больше думалъ о другой, чѣмъ о тебѣ. Послушай, я пришелъ къ тебѣ только для того, чтобы взглянуть на тебя. Миѣ хорошо съ тобой, я люблю тебя. Слышала ты, какъ я звалъ тебя сегодня ночью?

— Нѣтъ,—отвѣтила она въ ужасѣ.

— Я звалъ Эдварду, юмфру Эдварду, но я думалъ о тебѣ. Я проснулся отъ этого. Да, я подразумѣвалъ тебя. Это нечаянно, я обмолвился, когда звалъ Эдварду. Но не будемъ больше говорить о ней. Боже, что ты за милая у меня дѣвушка, Ева. У тебя такія красныя губы сегодня. У тебя ноги красивѣе, чѣмъ у Эдварды,—посмотри сама.

Я приподнялъ ея юбку и показалъ ей ея же ноги.

Радость, которой я никогда не видѣлъ въ ней, озарила ея лицо. Она хочеть отвернуться, но раздумываетъ и обвиняетъ одной рукой мою шею.

Проходитъ нѣкоторое время. Мы говоримъ, сидимъ все время на длинной скамейкѣ и говоримъ другъ съ другомъ обо всемъ. Я сказалъ:

— Повѣришь ли, юмфру Эдварда до сихъ поръ не научилась говорить какъ слѣдуетъ. Она говоритъ, какъ ребенокъ, напримѣръ, «болѣе счастливѣе», я самъ слышалъ. Ты находишь, что у нея красивый лобъ? По-моему, нѣтъ. Она даже не моетъ себѣ рукъ.

— Мы не хотѣли вѣдь больше говорить о ней?

— Правда. Я просто позабылъ.

Опять проходитъ нѣкоторое время. Я думаю о чемъ-то, я молчу.

— Почему у тебя слезы на глазахъ?—спрашиваетъ Ева.

— У нея, впрочемъ, красивый лобъ,—говорю я:—и руки всегда чисты. Это простая случайность, что онѣ были у нея одинъ разъ грязны. Я ничего больше и не хотѣлъ сказать.

Но я опять продолжаю горячо и стиснувъ зубы:

— Я сижу и все время думаю о тебѣ, Ева; но мнѣ приходитъ сейчасъ въ голову, что ты не слышала того, что я расскажу тебѣ сейчасъ. Въ первый разъ, что Эдварда увидѣла Эзопъ, она сказала: «Эзонъ, это вѣдь былъ мудрецъ, онъ былъ фригiецъ?». Развѣ это не глупо? Она вычитала это въ книгѣ въ тотъ самый день,—я увѣренъ въ этомъ.

— Да,—говоритъ Ева:—пу, такъ что же?

— Насколько я помню, она сказала, кажется, что учителемъ Эзопъ былъ Ксанъ? Ха-ха-ха!

— Вотъ какъ!

— За какимъ чортомъ нужно было рассказывать въ обществѣ, что у Эзопъ былъ учителемъ Ксанъ? Я спрашиваю просто. Ахъ, ты не расположена смѣяться сегодня, Ева, а то ты заболѣла бы отъ смѣха.

— Нѣтъ, я тоже нахожу, что это забавно,—говоритъ Ева и начинаетъ натянуто и удивленно смѣяться. — Только я это не такъ хорошо понимаю, какъ ты.

Я молчу и думаю, молчу и думаю.

— Хочешь, мы лучше посидимъ молча и ничего не будемъ говорить?—тихонько спрашиваетъ Ева.

Доброта сіяла въ ея глазахъ, она погладила меня рукой по волосамъ.

— Добрая, добрая душа!—восклицаю я и порывисто прижимаю ее къ себѣ.—Я увѣренъ, что погибаю отъ любви къ тебѣ, я люблю тебя все больше и больше, я возьму тебя съ собой, когда буду уѣзжать. Ты увидишь! Поѣхала ли бы ты со мною?

— Да,—отвѣчаетъ она.

Я почти не слышу этого «да», но я чувствую его по ея дыханію, замѣчаю по всему ея виду; мы страстно обнимаемъ другъ друга, и она отдается мнѣ беззавѣтно.

Черезъ часъ я цѣлую Еву на прощанье и ухожу. Въ дверяхъ я сталкиваюсь съ господиномъ Макомъ.

Съ самимъ господиномъ Макомъ!

Онъ вздрагиваетъ и смотритъ въ комнату, останавливается на порогѣ и смотритъ неподвижно.

— Ну-ну,—говоритъ онъ и не можетъ выговорить ничего больше,—онъ точно громомъ пораженъ.

— Вы не ожидали найти меня здѣсь? — говорю я съ поклономъ.

Ева не двигается.

Господинъ Макъ приходитъ въ себя. Необыкновенная увѣренность проникаетъ все его существо, онъ отвѣчаетъ:

— Вы ошибаетесь, я искалъ именно васъ. Я долженъ обратить ваше вниманіе на то, что съ перваго апрѣля по пятнадцатое августа запрещено стрѣлять на разстояніи восьмой части мили отъ мѣста, гдѣ гнѣздятся гагары. Сегодня вы застрѣлили двухъ птицъ на самомъ островѣ,—васъ видѣли.

— Я застрѣлилъ двухъ гагарокъ,—сказалъ я, сбитый съ толку.

Мнѣ вдругъ стало ясно, что человѣкъ этотъ въ своемъ правѣ.

— Двухъ гагарокъ или двухъ гагаръ, это совершенно все равно. Вы были въ области, находящейся подъ запретомъ.

— Я признаю это,—сказалъ я.— Но мнѣ это раньше не приходило въ голову.

— Однако это должно было бы притти вамъ въ голову раньше.

— Но я и въ маѣ мѣсяцѣ выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Это было во время поѣздки на острова. И сдѣлалъ я это по вашей собственной просьбѣ.

— Это другое дѣло,—коротко сказалъ господинъ Макъ.

— Ну, такъ, чортъ возьми, тогда вы, навѣрное, знаете, что вамъ дѣлать?

— Очень хорошо знаю,—отвѣтилъ онъ.

Ева была наготовѣ. Когда я вышелъ, она послѣдовала за мной, на голову она накинула платокъ и вышла изъ дома. Я видѣлъ, что она пошла по направленію къ пристанямъ. Господинъ Макъ побрелъ домой.

Я обдумывалъ это происшествіе. Сколько самообладанія, и какая находчивость. Какой пронзительный у него былъ взглядъ!

Выстрѣлъ, два выстрѣла, пара гагарокъ, штрафъ, платежъ. И вотъ все, все кончено съ господиномъ Макомъ и его домомъ. Все сошло, въ сущности, такъ прекрасно и быстро...

Уже начинался дождь, упали первыя крупныя, теплыя капли. Сороки летали низко надъ землей, и когда я, придя домой, выпустилъ Эзопа, онъ сталъ ѣсть траву. Зашумѣлъ вѣтеръ.

XXIII.

Въ милѣ подь собою я вижу море. Идетъ дождь. Я наверху, въ горахъ. Выступъ скалы защищаетъ меня отъ дождя. Я курю свою носогрѣйку, курю одну трубку за другой, и всякій разъ, какъ зажигаю ее, табакъ извивается, какъ маленькіе тлѣющіе червячки въ золѣ. Такъ же точно копошатся и мысли въ моей головѣ. Передо мною на землѣ лежитъ комокъ сухихъ вѣтокъ отъ разореннаго птичьяго гнѣзда. И такъ же, какъ это гнѣздо, смята, разорена и растоптана моя душа.

Я припоминаю малѣйшій пустякъ изъ того, что я пережилъ въ этотъ день и въ слѣдующій. Ухъ, какъ плохо мнѣ приходилось!..

Я сижу здѣсь, въ горахъ, а море и воздухъ гудятъ. Въ ухахъ моихъ жутко завываетъ и жалуется вѣтеръ и непогода. Яхты и шхуны виднѣются вдали съ зарифленными парусами. На нихъ люди, они куда-то направляются. «Богъ вѣсть, куда занесетъ всѣ эти жизни», — думаю я. Море, пѣнясь, вздымается и ворочается - ворочается. Оно словно населено огромными, бѣшенными призраками, которые размахиваютъ руками и ногами и ревутъ другъ на друга. Нѣтъ, это праздникъ десяти тысячъ воющихъ дьяволовъ, которые, зажавъ голову въ плечи, кружатся, хлещутъ море концами своихъ крыльевъ, взбивая его въ бѣлую пѣну. Совсѣмъ вдали лежитъ подводный камень. На этотъ подводный камень поднимается бѣлый морской король и, качая головой, смотритъ вслѣдъ утлону суденышку, которое, убравъ паруса отъ вѣтра, выходитъ въ море, — въ море, въ пустынное море!..

Я радуюсь тому, что я одинъ, что никто не можетъ видѣть моихъ глазъ. Я довѣрчиво прислоняюсь къ стѣнѣ утеса и знаю, что никто не можетъ подойти и наблюдать меня сзади. Съ рѣзкимъ крикомъ надъ горой пролетаетъ птица. Въ ту же минуту неподалеку отрывается кусокъ скалы и скатывается въ море. А я сижу нѣкоторое время тихо, погруженный въ покой. Теплое чувство уюта наполняетъ меня оттого, что я могу сидѣть подь такимъ вѣрнымъ прикрытіемъ, въ то время

какъ тамъ, снаружи, все льетъ дождь. Я застегнулъ куртку и поблагодарилъ Бога за то, что она такая у меня теплая. Прошло еще нѣкоторое время. Я заснулъ.

Подъ-вечеръ я иду домой, дождь все еще не пересталъ. Тутъ происходитъ нѣчто необыкновенное: Эдварда стоитъ передо мной на тропинкѣ. Она промокла насквозь, словно долго пробыла на дождѣ, но она улыбается.

«Ну да»,—думаю я сейчасъ же, и злость охватываетъ меня, я бѣшено впиваюсь пальцами въ рубашку и иду ей такъ навстрѣчу, хотя она и улыбается.

— Здравствуй!—кричитъ она первая.

Я выжидаю, пока не подхожу къ ней еще на нѣсколько шаговъ ближе, и говорю тогда:

— Привѣтствую васъ, прекрасная дѣва!

Она вздрагиваетъ отъ моей шутки. Ахъ, я самъ не зная, что говорилъ! Она робко улыбается и смотритъ на меня.

— Вы были сегодня въ горахъ?—спрашиваетъ она.—Такъ вы промокли? У меня есть платокъ, если хотите, возьмите, онъ мнѣ не нуженъ.. Нѣтъ, вы меня не узнаете...

И она опускаетъ глаза и качаетъ головой, когда я не беру платка.

— Платокъ?—отвѣчаю я, кривя ротъ отъ злости и удивленія.—Но у меня самого есть куртка, не угодно ли вамъ взять ее? Она у меня лишняя, я все равно отдамъ ее первому встрѣчному, такъ что вы совершенно спокойно можете взять ее. Какая-нибудь рыбачка съ удовольствіемъ возьметъ ее.

Я видѣлъ, что она напряженно старается вникнуть въ то, что я хотѣлъ сказать. Она наклонилась впередъ и слушала съ такимъ волненіемъ и ожиданіемъ, что стала безобразна и даже забыла закрыть ротъ. Она стояла съ платкомъ въ рукѣ, это былъ бѣлый шелковый платокъ, она сняла его съ шеи. Я тоже сдираю съ себя куртку.

— Ради Бога, надѣньте ее скорѣе!—восклицаетъ она.—Не дѣлайте этого. Неужели вы такъ сердиты на меня? Нѣтъ, Господи, да надѣньте же куртку,—вы совсѣмъ промокнете!

Я надѣлъ куртку.

— Куда вы шли?—глухо спросилъ я.

— Никуда... Я не понимаю, какъ вы могли снять куртку...

— Куда вы дѣвали сегодня барона?—продолжалъ я спрашивать.—По такой погодѣ графъ едва ли на морѣ...

— Глупъ, я хотѣла сказать вамъ только кое-что...

Я прерываю ее:

— Осмѣлюсь ли просить васъ передать мое почтеніе герцогу?

Мы смотримъ другъ на друга. Я стою, готовый сейчасъ же прервать ее, если она раскроетъ ротъ. Наконецъ страдальческое выраженіе мелькаетъ на ея лицѣ, я отворачиваюсь и говорю:

— Откровенно говоря, натяните вы этому принцу ность, іомфру Эдварда. Это не мужъ для васъ. Увѣряю васъ, онъ всѣ эти дни ходитъ и размышляетъ, взять ему васъ себѣ въ жены или нѣтъ, а это вамъ вовсе не большая честь.

— Нѣтъ, не будемъ говорить объ этомъ, хорошо? Глазъ, я думала о васъ, вы могли снять съ себя куртку и промокнуть ради другого. Я пришла къ вамъ...

Я пожимаю плечами и продолжаю:

— Я предлагаю вамъ замѣнъ доктора. Чтò вы можете возразить противъ него? Мужчина въ цвѣтѣ силъ и умница, замѣчательная голова. Подумайте объ этомъ.

— Выслушайте меня одну минуту...

— Эзопъ, моя собака, ждетъ меня дома.

Я снялъ шляпу, поклонился и снова сказалъ:

— Привѣтствую васъ, прекрасная дѣва.

Съ этими словами я двинулся впередъ.

Она вдругъ вскрикнула:

— О, нѣтъ, не разрывай мнѣ сердце. Я пришла къ тебѣ сегодня, я поджидала тебя здѣсь и улыбалась, когда ты показался на дорогѣ. Вчера я чуть съ ума не сошла, потому что все время думала объ одномъ. Всѣ предметы кружились передъ моими глазами, и я все думала о тебѣ. А сегодня я сидѣла въ комнатѣ, входитъ человекъ, я не подняла головы, но знала, кто это.—«Я гребъ вчера цѣлую четверть мили»,—сказалъ онъ.—«Вы не устали?»—спросила я.—«Ахъ, ужасно усталъ и натеръ мозоли на рукахъ»,—сказалъ онъ и съ огорченіемъ посмотрѣлъ на свои руки. Я подумала: «Вотъ нашелъ чѣмъ огорчаться!». Черезъ минуту онъ сказалъ:—«Я слышалъ нынче ночью шопотъ подъ моими окнами, это ваша горничная и одинъ изъ вашихъ приказчиковъ вели между собою интимную бесѣду».—«Да, они собираются жениться»,—сказала я.—«Но вѣдь было два часа ночи».—«Такъ что жъ?»—спросила я и потомъ прибавила:—ночь принадлежитъ имъ». Тогда онъ сдвинулъ свои золотыя очки на лобъ и замѣтилъ:—«Но развѣ вы не находите, что такъ поздно ночью это все-таки неприлично, не правда ли?» Я все не поднимала головы, и мы просидѣли такъ десять минутъ.—«Не принесли ли вамъ шаль на плечи?»—спросилъ онъ.—«Нѣтъ, благодарю

вась»,—отвѣтила я. — «Кому-то достанется ваша маленькая ручка?»—сказалъ онъ. Я не отвѣтила, мои мысли были заняты другимъ. Онъ положилъ мнѣ на колѣни маленькую коробочку, я открыла коробочку и увидала брошку. Брошка была съ короной, я насчитала въ ней десять камней... Гланъ, брошка здѣсь, со мной, хочешь посмотреть ее? Я растоптала ее; подойди, посмотри, и ты увидишь, что она совсѣмъ раздавлена...—«Что это, зачѣмъ вы даете мнѣ эту брошку?»—спросила я.—«Это вамъ для украшенія»,—отвѣтилъ онъ. Но я протянула ему брошку обратно и сказала:— «Оставьте меня въ покоѣ, я думаю о другомъ».—«О комъ другомъ?»—спросилъ онъ.—«Объ одномъ охотникѣ»,—отвѣтила я:—онъ подарилъ мнѣ только два чудесныхъ пера на память. Возьмите же вашу брошку обратно». Я въ первый разъ взглянула на него, глаза у него были какіе-то пронизывающіе.—«Я не возьму назадъ брошку, дѣлайте съ ней, что хотите, сломайте ее»,—сказалъ онъ. Я встала, положила брошку подъ каблукъ и наступила на нее... Это было сегодня утромъ... Четыре часа цѣлыхъ я ждала, а послѣ обѣда отправилась сюда. Онъ встрѣтилъ меня на дорогѣ.—«Куда вы идете?»—спросилъ онъ.—«Къ Глану,—отвѣтила я:—я хочу попросить, чтобы онъ не забывалъ меня...» Съ часу я ждала тебя здѣсь. Я стояла подъ деревомъ и видѣла, какъ ты шелъ. Ты былъ точно богъ. Я любила твою фигуру, твою бороду, твои плечи, все въ тебѣ я любила... А теперь вотъ ты стоишь и слушаешь меня съ нетерпѣніемъ. Ты хочешь уйти, поскорѣе уйти. Я тебѣ совершенно безразлична,—ты не смотришь на меня...

Я стоялъ. Когда она замолчала, я опять пошелъ. Я былъ обезсиленъ отчаяніемъ и улыбался. Сердце мое ожесточилось.

— Ахъ, да,—сказалъ я и снова остановился:—вы вѣдь, кажется, что-то хотѣли сказать мнѣ?

Эта насмѣшка обезкуражила ее и оттолкнула ее отъ меня.

— Развѣ я хотѣла что-то сказать? Ахъ, да! Но я уже сказала; развѣ вы не слышали? Нѣтъ, больше мнѣ нечего, нечего сказать вамъ...

Голосъ ея странно вздрагиваетъ, но это меня не трогаетъ.

XXIV.

На слѣдующее утро, когда я выхожу, Эдварда стоитъ передъ моей избушкой.

За ночь я все взвѣсилъ и принялъ рѣшеніе. Нѣтъ, зачѣмъ мнѣ попрежнему слѣпо подчиняться этому капризному существу, какой-то рыбакѣ, невѣжественной дѣвчонкѣ! Развѣ имя

ея не довольно уже сидѣло въ моемъ сердцѣ и высасывало изъ него кровь? Будетъ! Мнѣ пришло даже въ голову, что, можетъ-быть, я сталъ ей ближе именно потому, что выказывалъ къ ней равнодушіе и издѣвался надъ ней. Ахъ, но какъ же чудесно я посмѣялся надъ нею! Послѣ того, какъ она говорила нѣсколько минутъ, я спокойно спрашиваю: «ахъ, да, вы, кажется, что-то хотѣли сказать мнѣ»...

Она стояла возлѣ камня. Она была въ высшей степени взволнована и хотѣла побѣжать мнѣ навстрѣчу. Она уже готова была обнять меня, но осталась на мѣстѣ и заломила руки. Я приподнял фуражку и молча поклонился.

— Сегодня я хочу узнать отъ васъ только одну единственную вещь, Гланъ,—сказала она горячо.

Но я не двинулся даже, чтобы услышать, что она скажетъ.

— Я слышала, что вы были въ домѣ у кузнеца. Разъ вечеромъ. Ева одна была дома.

Я опѣшилъ и спросилъ;

— Отъ кого это вы получили такія свѣдѣнія?

— Я не шпіону,—воскликнула она:—я слышала это вчера вечеромъ. Отецъ рассказалъ мнѣ. Когда я вернулась вчера, вся промокшая, домой, отецъ сказалъ мнѣ:—«Ты сегодня оскорбила барона».—«Нѣтъ»,—отвѣчала я.—«Гдѣ ты была сейчасъ?»—спросилъ онъ. Я отвѣчала:—«У Глана». Тогда отецъ рассказалъ мнѣ.

Я стараюсь побороть свое отчаяніе и говорю:

— Ева бывала и здѣсь.

— Она бывала и здѣсь? У васъ?

— Много разъ. Я заставлялъ ее приходиться. Мы съ ней разговаривали.

— И здѣсь!

Молчаніе.

«Держись!»—думаю я и говорю:

— Такъ какъ вы такъ любезны, что входите въ мои дѣла, то и я не хочу отставать отъ васъ. Я предложилъ вамъ вчера доктора; вы не подумали объ этомъ? Принцъ, въ сущности, совершенно никуда не годится.

Гнѣвъ вспыхиваетъ въ ея глазахъ.

— А знаете, онъ вовсе не такъ плохъ,—рѣзко говоритъ она.—Нѣтъ, онъ лучше васъ! Онъ можетъ бывать въ гостяхъ, не разбивая чашекъ и стакановъ, моимъ башмакамъ не грозитъ отъ него никакой опасности. Да, онъ умѣетъ обходиться съ людьми. Вы же,—вы смѣшны, я стыжусь за васъ, вы невыносимы,—понимаете, невыносимы!..!

Слова ея глубоко задѣли меня, я опустилъ голову и отвѣтилъ:

— Вы правы въ томъ, что я разучился обходиться съ людьми. Будьте сострадательны, вы не понимаете меня. Я люблю жить въ лѣсу, это моя радость. Здѣсь въ одиноществѣ никому не мѣшаетъ, что я таковъ, каковъ есть; но когда я попадаю въ общество другихъ людей, мнѣ приходится употреблять странныя усилія, чтобы быть такимъ, какимъ полагается. За два года я такъ мало бывалъ въ обществѣ людей...

— Каждую минуту отъ васъ можно ожидать какой-нибудь ужасной выходки,—продолжала она.—Въ концѣ концовъ становится утомительнымъ слѣдить за вами.

Съ какою жестокостью она говорила это! Острая боль вливается мнѣ въ сердце, я еле держусь на ногахъ и отступаю передъ порывомъ ея раздраженія. Эдварда все не замолкаетъ, она прибавляетъ:

— Вотъ, можетъ-быть, Ева послѣдитъ за вами. Жаль только, что она замужемъ.

— Ева? Вы говорите, Ева замужемъ?—спросилъ я.

— Да, замужемъ.

— За гѣмъ же она замужемъ?

— Вы и сами знаете. Ева замужемъ за кузнецомъ.

— Развѣ она не дочь кузнеца?

— Нѣтъ, она его жена. Ужъ не думаете ли вы, что я лгу?

Я не думалъ этого, просто изумленіе мое было очень велико. Я стоялъ и думалъ: «Неужели Ева замужемъ?»

— Такъ что вы сдѣлали весьма удачный выборъ,—произнесла Эдварда.

Ну, этому конца не будетъ! Дрожа отъ ожесточенія, я сказалъ:

— А вы возьмите все-таки доктора, какъ я совѣтую. Послушайтесь совѣта друга; вашъ принцъ просто старый дуралей.

И видѣ себя я сталъ издѣваться надъ нимъ, преувеличилъ его возрастъ, сказалъ, что онъ плѣшивъ, что онъ почти слѣпъ; я утверждалъ, что онъ носить корону на запонкахъ единственно для того, чтобы кичиться своимъ баронствомъ.

— Впрочемъ, я не желалъ съ нимъ знакомиться,—сказалъ я.—Въ немъ нѣтъ ничего, чтò выдвигало бы его надъ другими. Ему недостаетъ характерныхъ чертъ, — онъ просто ничтожество.

— Нѣтъ, онъ не ничтожество, не ничтожество!—закричала она, и голосъ ея срывался и звенѣлъ отъ гнѣва.—Онъ гораздо больше, чѣмъ ты воображаешь, ты, лѣсной житель! Но подожди, онъ поговоритъ съ тобой, я попрошу его! Ты думаешь, что я не люблю его, но ты ошибаешься. Я выйду за него замужемъ, я буду думать о немъ днемъ и ночью. Помни, чтò я говорю: я люблю его! Пусть Ева приходитъ, ха-ха-ха, Господи Боже

мой, пусть ее приходит! Мнѣ это до того безразлично, что я даже не могу сказать! Ну, мнѣ надо уходить отсюда.

Она пошла къ тропинкѣ отъ избушки, быстрыми, мелкими шагами, потомъ обернулась, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, и протонала:

— И никогда больше не попадайся мнѣ на глаза!

XXV.

Листва желтѣла. Картофельная ботва разрослась въ вышину и стояла въ цвѣту. Наступила пора охоты. Я стрѣлялъ куропатокъ, тетеревовъ и зайцевъ. Разъ застрѣлилъ орла. Тихое, высокое небо, прохладныя ночи, множество звонкихъ шумовъ и милыхъ звуковъ въ лѣсу и въ полѣ. Величественный и благодатный мѣръ отдыхалъ...

— Господинъ Макъ ничего больше не говорилъ мнѣ относительно той пары гагарокъ, которыхъ я застрѣлилъ,—сказалъ я доктору.

— Можете за это поблагодарить Эдварду,—отвѣтилъ онъ.— Я знаю, я слышалъ, какъ она воспротивилась этому.

— Я вовсе не благодаренъ ей,—сказалъ я.

Бабѣ мѣто, бабѣ мѣто! Тропинки лежали, словно пояса, среди желтѣвшаго лѣса. Съ каждымъ днемъ прибавлялось по новой звѣздѣ. Мѣсяцъ мерцалъ, какъ тѣнь,—золотая тѣнь, погруженная въ серебро...

— Богъ съ тобой, ты, оказывается, замужемъ, Ева?

— Развѣ ты не зналъ?

— Нѣтъ, я не зналъ этого.

Она молча пожимала мою руку.

— Богъ съ тобой, дитя,—что же намъ теперь дѣлать?

— Что ты хочешь. Можетъ-быть, ты еще не сейчасъ уйдешь,—я буду счастлива, пока ты здѣсь.

— Нѣтъ, Ева.

— Да, да, хоть пока ты здѣсь!

Она смотритъ сиротливо и все время жметъ мою руку.

— Нѣтъ, Ева, иди. Никогда больше!

И проходятъ ночи, и наступаютъ дни. Уже третій день со времени этого разговора. Ева идетъ по дорогѣ съ ношей. Сколько дровъ переносило это дитя изъ лѣсу за лѣто!

— Положи свою вязанку, Ева, и покажи мнѣ твои глаза, все такіе же ли они синіе?

Глаза ея были красны.

— Нѣтъ, улыбнись опять, Ева. Я больше не противлюсь тебѣ,—я твой, я твой...

Вечеръ. Ева поетъ. Я слышу ея пѣніе, и горячая струя приливаетъ къ моему сердцу.

— Ты поешь сегодня, Ева?

— Да, я рада.

И такъ какъ она ниже меня ростомъ, она слегка подпрыгиваетъ, чтобы достать до моей шеи.

— Но, Ева, ты расцарапала себѣ руки? Боже мой, какъ это ты такъ исцарапала ихъ?

— Это ничего.

И лицо ея странно сіяетъ.

— Ева, ты говорила съ господиномъ Макомъ?

— Одинъ разъ.

— Чтò же сказалъ онъ, и чтò ты сказала?

— Онъ сталъ очень суровъ къ намъ. Заставляетъ мужа работать день и ночь на пристани, мнѣ тоже даетъ всякую работу. Онъ заставляетъ меня дѣлать мужскую работу.

— Зачѣмъ же онъ это дѣлаетъ?

Ева опускаетъ глаза.

— Почему онъ дѣлаетъ такъ, Ева?

— Потому что я люблю тебя.

— Но откуда же онъ знаетъ это?

— Я сама сказала ему.

Молчаніе.

— Дай Богъ, чтобы онъ не былъ такъ суровъ къ тебѣ, Ева!

— Это ничего. Теперь все ничего!

И голосъ ея прозвучалъ, словно робкая, переливчатая пѣсенка.

А листва все больше желтѣетъ, близится осень. На небѣ выступило еще нѣсколько новыхъ звѣздъ, и луна уже похожа на серебряную тѣнь, купающуюся въ золотѣ. Еще не было холода, нисколько, просто прохладная тишина и кипучая жизнь въ лѣсу. Каждое дерево стояло и думало. Ягоды поспѣли.

И вотъ наступило двадцать второе августа, а съ нимъ и три желѣзные ночи, предвѣстницы зимнихъ оковъ.

XXVI.

Первая желѣзная ночь.

Въ девять часовъ солнце заходитъ. На землю ложится бѣлесоватая мгла. Мерцаютъ нѣсколько звѣздъ. Черезъ два часа

показывается серпъ луны. Я бреду въ лѣсъ съ ружьемъ и собакой, я развожу огонь, и свѣтъ моего костра поблескиваетъ среди сосновыхъ стволовъ. Мороза нѣтъ.

«Первая желѣзная ночь!»—говорю я. И безумная страстная радость пронизываетъ меня страннымъ трепетомъ при мысли о мѣстѣ и времени.

Вы, люди, звѣри и птицы! Я поднимаю стаканъ за одинокую ночь въ лѣсу,—въ лѣсу! За тьму и шопотъ Бога среди деревьевъ, за простыя, нѣжныя созвучія безмолвія, звенящія въ моихъ ушахъ! За зеленую листву и за желтую листву! Я пью за звукъ жизни, который слышу, за морду, фыркающую въ травѣ, за собаку, обнюхивающую землю! Бурный тостъ— за дикую кошку, припавшую грудью къ землѣ и готовую ринуться на воробья во мракѣ,—во мракѣ! За кроткую тишину въ земномъ царствѣ, за звѣзды и за полумѣсяцъ, да, — за нихъ и за него!

Я встаю и прислушиваюсь. Никто не слыхалъ меня. Я снова сажусь.

Благодареніе за одинокую ночь, за горы, мракъ и шорохъ моря, — онъ звучитъ въ моемъ сердцѣ! Благодареніе за мою жизнь, за мое дыханіе, за счастье, что я живу этой ночью, я благодарю за это отъ всего сердца! Послушай на востокъ и послушай на западъ,—нѣтъ, послушай! Это вѣчный Богъ. Эта тишина, что шепчетъ мнѣ на ухо—это кипучая кровь самой великой природы, Богъ, дыханьемъ Своимъ обвѣвающий міръ и меня! При свѣтѣ своего костра я вижу блестящую паутинку, слышу плывущую по морю лодку, отблескъ сѣвернаго сіянія скользить вверхъ по небу на сѣверѣ. О, клянись безсмертной душой моей, я благодаренъ и за то, что это я сижу здѣсь!..

Тихо. Сосновая шишка глухо ударяется о землю. «Унала сосновая шишка!»—думаю я. Луна высоко, огонь вспыхиваетъ на полуобгорѣвшихъ головешкахъ и собирается погаснуть. Поздно ночью я отправляюсь домой.

Вторая желѣзная ночь. Та же тишина и мягкая погода. Душа моя мыслить и созерцаетъ. Я машинально подхожу къ дереву, надвигаю фуражку низко на лобъ, прислоняюсь спиной къ этому дереву, заложивъ руки за голову. Я смотрю и думаю. Пламя отъ костра слѣпнитъ мои глаза, но я этого не чувствую. Я стою въ этомъ безчувственномъ состояніи довольно долго и смотрю на огонь; ноги мои сдаются первыми и устаютъ. Совершенно оцѣпенѣлый, я сажусь на землю.

Только теперь я думаю о томъ, что дѣлалъ. Къ чему было однако такъ долго смотрѣть на огонь?

Эзопъ поднимаетъ голову и прислушивается, онъ слышитъ шаги. Ева показывается между деревьями.

— Я сегодня почему-то очень задумчивъ и печаленъ,—говорю я.

Она ничего не отвѣчаетъ изъ сочувствія.

— Я люблю три вещи,—говорю я опять.—Я люблю грезу любви, которая приснилась мнѣ однажды, люблю тебя и люблю этотъ клочокъ земли.

— Что же ты любишь больше всего?

— Грезу.

Снова все стихло. Эзопъ знаетъ Еву, онъ кладетъ голову набокъ и смотритъ на нее. Я бормочу:

— Я видѣлъ сегодня на дорогѣ дѣвушку, она шла подъ руку съ своимъ возлюбленнымъ. Дѣвушка указала на меня глазами и съ трудомъ удержалась отъ смѣха, проходя мимо.

— Чего же она смѣялась?

— Этого я не знаю. Смѣялась, навѣрное, надо мною. Почему ты спрашиваешь меня объ этомъ?

— Ты зналъ ее?

— Да. Я поклонился.

— А она не знала тебя?

— Нѣтъ, она сдѣлала видъ, будто не знаетъ меня... Но зачѣмъ ты выпрашиваешь меня? Это нехорошо съ твоей стороны. Ты не заставишь меня сказать ея имя.

Пауза.

Я бормочу опять:

— Чего она смѣялась? Она кокетка: но надъ чѣмъ она смѣялась? Господи Иисусе Христе, что я сдѣлалъ ей?

Ева отвѣчаетъ:

— Нехорошо съ ея стороны смѣяться надъ тобой.

— Нѣтъ, это не плохо,—кричу я.—Не смѣй осуждать ее. Она не дѣлаетъ ничего дурного. Она права, что смѣялась надо мной. Молчи, чортъ возьми, и оставь меня въ покоѣ, слышишь?

И Ева, испуганная, оставляетъ меня въ покоѣ. Я смотрю на нее и въ ту же минуту раскаиваюсь въ своихъ грубыхъ словахъ. Я падаю предъ ней на колѣни и ломаю руки.

— Иди домой, Ева. Больше всего я люблю тебя. Какъ могъ бы я любить сонъ? Я просто пошутилъ, я люблю тебя. Но иди теперь домой, я приду къ тебѣ завтра; помни, я твой, смотри, не забывай, что я твой! Покойной ночи.

И Ева уходитъ домой.

Третья желѣзная ночь, ночь, проведенная въ величайшемъ волненіи. Хоть бы какой-нибудь морозъ! Въмѣсто мороза—неподвижное тепло послѣ дневного солнца. Ночь была словно парное болото. Я развелъ костеръ...

— Ева, иногда есть наслажденіе въ томъ, что тебя тянутъ за волосы. До какого извращенія могутъ дойти человѣческія чувства. Тебя будутъ тащить за волосы вверхъ и внизъ, по горамъ и долинамъ, и если спросить кто-нибудь, что же это, собственно, происходитъ, то отвѣтишь въ полномъ восторгѣ: «Меня тащатъ за волосы». И если спросятъ:—«Не помочь ли, не освободить ли тебя?»—отвѣчаешь: «Нѣтъ». И если спросятъ: «Но выдержишь ли ты?»—отвѣчаешь: «Да, я выдержу, потому что люблю руку, которая тащитъ меня...» Знаешь ли ты, Ева, что значитъ надѣяться?

— Да, мнѣ кажется.

— Видишь ли, Ева, надежда—это нѣчто весьма удивительное, да, да, нѣчто весьма странное. Выходишь утромъ на дорогу и надѣешься встрѣтить человѣка, который тебѣ дорогъ. Что же, встрѣчаешь ты этого человѣка? Нѣтъ. Почему же нѣтъ? Потому что человѣкъ этотъ занятъ въ то утро и находится совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ... Въ горахъ я встрѣтилъ разъ стараго слѣпого лопаря. Пятьдесятъ восемь лѣтъ онъ былъ слѣпъ, а теперь ему за семьдесятъ. Ему казалось, что онъ видитъ все лучше и лучше съ теченіемъ времени. Зрѣніе его постоянно улучшалось, говорилъ онъ. Если ничего не случится, такъ онъ будетъ различать солнце черезъ нѣсколько лѣтъ. Волосы у него были еще черные, но глаза совершенно бѣлы. Пока мы сидѣли въ его землянкѣ и курили, онъ рассказывалъ мнѣ обо всемъ, что онъ видѣлъ до того, какъ ослѣпъ. Онъ былъ крѣпокъ и здоровъ, ничего у него не болѣло, онъ былъ непоколебимъ и сохранялъ свою надежду. Когда я собрался идти, онъ проводилъ меня и сталъ указывать пальцемъ въ разныхъ направленіяхъ. «Вонъ тамъ югъ,—сказалъ онъ:—а тутъ сѣверъ. Теперь ты пойдешь сначала въ эту сторону, и когда спустишься нѣсколько съ горы, то свернешь вонъ туда»,—сказалъ онъ. «Совершенно вѣрно»,—отвѣтилъ я. И лопарь засмѣялся, довольный, и сказалъ:—«Вотъ видишь, я не зналъ этого сорокъ пять лѣтъ назадъ, стало-быть, теперь я вижу лучше, чѣмъ тогда, глаза мои поправляются». Потомъ онъ согнулся и поползъ обратно въ свою нору, въ вѣчную землянку, его обитель на землѣ. И слѣлъ передъ огнемъ, опять полный надежды, что черезъ нѣсколько лѣтъ, навѣрное,

увидить солнце... Ева, ужасно странная вещь надежда. Вотъ я, напримѣръ, хожу теперь и все надѣюсь забыть человѣка, котораго не встрѣтилъ на дорогѣ сегодня утромъ.

— Ты такъ странно говоришь.

— Это третья желѣзная ночь. Я обѣщаю тебѣ стать завтра другимъ человѣкомъ, Ева. Только оставь меня теперь одного. Ты не узнаешь меня завтра, когда я приду къ тебѣ, я буду смѣяться и цѣловать тебя, милая моя, моя красавица! Подумай, у меня остается одна только эта ночь, а потомъ я стану другимъ человѣкомъ, еще нѣсколько часовъ — и я буду другимъ. Покойной ночи, Ева.

— Покойной ночи.

Я ложусь ближе къ костру и разсматриваю пламя. Еловая шишка падаетъ на меня съ сили, за нею падаютъ одна-другая сухая вѣтка. Ночь—словно бездонная пучина. Я закрываю глаза.

Черезъ часъ чувства мои начинаютъ колебаться въ опредѣленномъ ритмѣ, я звучу въ унисонъ съ безграничной тишиной, звучу въ унисонъ. Я смотрю на мѣсяць, онъ стоитъ на небѣ, какъ бѣлая скорлупка, и мнѣ кажется, что я люблю его, чувствую, какъ я краснѣю. «Это мѣсяць,—говорю я тихо и страстно:—это мѣсяць!» И сердце мое рвется къ нему слабыми толчками. Такъ продолжается нѣсколько минутъ. Легкое дуновение, незнакомый вѣтеръ доносится до меня, какое-то странное движеніе воздуха. Что это? Я оглядываюсь и никого не вижу. Вѣтеръ зоветъ меня, и душа моя съ готовностью склоняется на призывъ. Я чувствую, какъ меня поднимаетъ, словно я отдѣляюсь отъ себя самого, прижимаетъ къ чьей-то невидимой груди. Глаза мои влажны, я трепещу, — Богъ стоитъ невдалекѣ и смотритъ на меня. Это длится тоже нѣсколько минутъ. Я поворачиваю голову. Невѣдомое дуновение исчезаетъ, и я вижу нѣчто въ родѣ спины духа, беззвучно удаляющагося въ глубь лѣса...

Нѣсколько минутъ я борюсь съ тяжелымъ оцѣпенѣніемъ. Я изнемогъ отъ душевнаго потрясенія, испытываю смертельную усталость и засыпаю.

Когда я проснулся, ночь уже миновала. Ахъ, я давно уже находился въ плачевномъ состояніи, въ вѣчной лихорадкѣ, ожидая, что слягу отъ какой-нибудь болѣзни. Предметы кружились передо мной. Я смотрѣлъ на все воспаленными глазами. Глубокое уныніе овладѣло мною.

Теперь все прошло.

XXVII.

Осень. Лѣто кончилось. Оно исчезло такъ же быстро, какъ наступило. Ахъ, какъ быстро оно прошло! Теперь стоятъ холодные дни, я охочусь, ловлю рыбу и пою пѣсни въ лѣсу. Бываютъ дни съ густымъ туманомъ, который плыветъ съ моря и заволакиваетъ все мракомъ. Въ одинъ такой день случилось вотъ что. Я забрелъ въ своихъ скитаньяхъ въ лѣсъ, сосѣдній церковный лѣсъ, и вышелъ прямо къ дому доктора. У него были гости, молодыя дамы, съ которыми я раньше встрѣчался, танцующая молодежь,—настоящіе сорванцы.

Подъѣзжаетъ экипажъ и останавливается у садовой ограды; въ экипажѣ сидѣла Эдварда. Она вздрогнула, увидѣвъ меня.

— Прощайте,—сказалъ я тихонько.

Но докторъ удержалъ меня. Эдварда вначалѣ была угнетена моимъ присутствіемъ и опускала глаза, когда я что-нибудь говорилъ. Потомъ она какъ будто нѣсколько примирилась со мной и даже задала мнѣ два незначительныхъ вопроса. Она была страшно блѣдна. Туманъ ложился, холодный и сѣрый, на ея лицо. Она не вышла изъ экипажа.

— Я пріѣхала по дѣлу,—сказала она, смѣясь.—Я ѣду изъ церковной усадьбы, гдѣ васъ никого не оказалось; мнѣ сказали, что вы здѣсь. Я проѣздила цѣлые часы, ища васъ... У насъ собирается маленькое общество завтра вечеромъ, — по случаю того, что баронъ на будущей недѣлѣ уѣзжаетъ,—и мнѣ поручили пригласить всѣхъ васъ. Будутъ и танцы. Завтра вечеромъ.

Всѣ поклонились и поблагодарили.

Мнѣ она сказала:

— Смотрите же, приходите, будьте милый. Не вздумайте въ послѣднюю минуту прислать записку съ извиненіемъ.

Этого она не говорила никому другому. Вскорѣ послѣ этого она уѣхала.

Я былъ такъ взволнованъ этой необычайной любезностью, что на минуту отошелъ отъ всѣхъ, чтобы скрыть свою радость. Потомъ я простился съ докторомъ и его гостями и отправился домой. Какъ она была ласкова со мной! Чѣмъ бы мнѣ отблагодарить ее? Руки мои ослабѣли, сладкій холодокъ пробѣгалъ по моимъ пальцамъ. «Господи Боже мой, вотъ я иду и чуть не шатаюсь отъ радости,—думалъ я:—и не могу сжать руки въ кулакъ, и глаза у меня наполняются слезами отъ безпомощности; что мнѣ дѣлать?..»

Я вернулся домой только поздно вечеромъ. Я пошелъ мимо

пристани и спросилъ рыбака, не придетъ ли почтовый пароходъ завтра вечеромъ. О, нѣтъ, почтовый пароходъ придетъ только на будущей недѣлѣ. Я поторопился къ себѣ и занялся осмотромъ своего лучшаго костюма. Я вычистилъ его. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ оказались дыры, и я плакалъ и чинилъ дыры.

Когда все было готово, я легъ на нары. Съ минуту продолжается этотъ покой, потомъ вдругъ у меня мелькаетъ мысль, я вскакиваю и, пораженный, стою посреди комнаты.

— Все это опять какая-нибудь ловушка, — шепчу я. — Развѣ я былъ бы приглашенъ, если бѣ случайно не оказался при томъ, какъ приглашали другихъ? А мнѣ она ясно намекнула, чтобы я не приходилъ, чтобы я прислалъ записку съ извиненіемъ...

Я не спалъ всю ночь, а когда наступило утро, ушелъ въ лѣсъ, иззябшій, измученный бессонницей, въ лихорадкѣ. Ага, въ Сирилундѣ теперь готовятся къ приему гостей! Такъ что же? Я не пойду туда и не пошлю никакого извиненія. Господинъ Макъ глубокомысленный человекъ. Вотъ теперь онъ устраиваетъ пиръ для барона, но я не пойду туда, понимаете вы?..

Туманъ густой пеленой лежалъ надъ долиною и горами, сырая изморозь осѣдала на мое платье и оно сдѣлалось тяжелымъ, лицо мое коченѣло и было мокро. Только изрѣдка налеталъ вѣтеръ и колыхалъ этотъ спящій туманъ, и онъ поднимался и опускался, поднимался и опускался.

Было уже близко къ вечеру. Темнѣло. Туманъ скрывалъ все отъ моихъ глазъ, и я не могъ угадывать направленіе по солнцу. Я шуталъ нѣсколько часовъ на обратномъ пути, но мнѣ некуда было торопиться. Съ величайшимъ спокойствіемъ я бралъ невѣрные направленія и приходилъ на незнакомыя мѣста въ лѣсу. Наконецъ я снимаю ружье, прислоняю его къ стволу дерева и справляюсь съ своимъ компасомъ. Я тщательно опредѣляю направленіе и снова пускаюсь въ путь. Времени могло быть часовъ восемь или девять.

Тутъ произошло вотъ что.

Черезъ полчаса я слышу музыку сквозь туманъ, еще черезъ нѣсколько минутъ я узнаю мѣсто. Я стою прямо у главнаго зданія Сирилунда. Неужели компасъ невѣрно показываетъ направленіе и привелъ меня какъ разъ къ тому мѣсту, котораго я хотѣлъ избѣжать? Знакомый голосъ окликаетъ меня. И вскорѣ вслѣдъ затѣмъ меня вводятъ въ домъ.

Ахъ, ружейный стволъ, должно-быть, дѣйствовалъ на компасъ, отклоняя стрѣлку, и сбилъ меня съ толку. Это случилось со мной еще одинъ разъ впоследствии, теперь, въ этомъ году. Я не знаю, что мнѣ думать. А можетъ-быть, то была и судьба.

XXVIII.

Весь вечеръ у меня было горькое чувство, что мнѣ не слѣдовало приходиться на эту вечеринку. Прибытіе мое прошло почти незамѣченнымъ, всѣ были такъ заняты другъ другомъ. Эдварда едва поздоровалась со мной. Я сталъ много пить, потому что понималъ, что я нежеланный гость, и все-таки не уходилъ.

Господинъ Макъ усиленно улыбался и дѣлалъ самое любезное лицо. Онъ нарядился во фракъ и былъ очень представительнъ. Онъ былъ то здѣсь, то тамъ въ комнатахъ, сновалъ среди этой полсотни гостей, изрѣдка танцевалъ какой-нибудь танецъ, шутилъ и смѣялся. Въ глазахъ его насторожилась тайна.

Шумъ музыки и голосовъ разносился по всему дому. Пять комнатъ было занято гостями, и кромѣ того танцевали въ большой залѣ. Когда я пришелъ, уже поужинали. Служанки торопливо бѣгали назадъ и впередъ съ стаканами и виномъ, съ блестящими мѣдными кофейниками, сигарами, трубками, печеньемъ и фруктами. Пиръ былъ на славу. Въ люстры вставили необычайно толстыя свѣчи, специально отлитыя для этого случая; кромѣ того, горѣли новыя керосиновыя лампы.

Ева помогала на кухнѣ, я видѣлъ ее мелькомъ. Подумать только, и Ева тоже здѣсь!

Баронъ былъ предметомъ большого вниманія, хотя держалъ себя тихо и скромно и не совался впередъ. Онъ тоже былъ во фракѣ, фалды его были страшно измяты отъ укладки. Онъ постоянно разговаривалъ съ Эдвардой, слѣдилъ за ней глазами, чокался съ ней и называлъ ее «фрѣкенъ», какъ дочерей настора и окружнаго врача. Я испытывалъ къ нему упорную вражду и не могъ взглянуть на него, чтобы не отвернуться сейчасъ же съ огорченной и глупой гримасой. Когда онъ разговаривалъ со мной, я отвѣчалъ кратко и потомъ поджималъ губы.

Припоминаю кое-что изъ этого вечера. Я стоялъ и разговаривалъ съ молодой дѣвушкой, блондинкой, и что-то сказалъ, или рассказалъ ей какую-то исторію, которая разсмѣшила ее. Едва ли это была какая-нибудь замѣчательная исторія, можетъ-быть, въ томъ состояніи нѣкотораго оупьяненія, въ которомъ я находился, я только рассказалъ ее нѣсколько забавнѣе, чѣмъ мнѣ теперь представляется. Во всякомъ случаѣ, она ускользнула изъ моей памяти. Но только, когда я обернулся, за мною стояла Эдварда. Она бросила на меня прищелкательный взглядъ.

Потомъ я замѣтилъ, что она отвела блондинку въ сторону, чтобы узнать, что я ей говорилъ. Не могу сказать, до чего взглядъ Эдварды подѣйствовалъ на меня благотворно, послѣ того какъ цѣлый вечеръ я ходилъ, какъ отщепенецъ, изъ комнаты въ комнату. Я сразу повеселѣлъ, сталъ разговаривать со многими и былъ довольно интересенъ. Насколько знаю, я не совершилъ никакой безтактности или неловкости...

Я стоялъ снаружи, на лѣстницѣ. Ева прошла, неся что-то изъ комнаты. Она увидѣла меня, вышла на лѣстницу и быстро провела рукой по моимъ рукамъ, потомъ улыбнулась и опять ушла въ комнаты. Никто изъ насъ не произнесъ ни слова. Когда я повернулся, чтобы тоже пойти въ комнаты, Эдварда стояла въ дверяхъ и смотрѣла на меня. Она смотрѣла прямо на меня. Она тоже не сказала ни слова. Я вошелъ въ залу.

— Представьте себѣ, лейтенантъ Гланъ для развлечения устраиваетъ себѣ свиданья съ прислугой на лѣстницахъ,— вдругъ громко сказала Эдварда.

Она стояла въ дверяхъ. Многіе слышали, что она сказала. Она смѣялась, словно шутила, но лицо ея было очень блѣдно.

Я ничего не отвѣтилъ на это, только пробормоталъ:

— Это совершенно случайно,—она просто вышла, мы встрѣтились въ передней...

Прошло нѣкоторое время, можетъ-быть, часъ. Одна дама опрокинула себѣ стаканъ на платье. Въ ту же минуту Эдварда воскликнула:

— Что такое случилось? Разумѣется, это опять Гланъ.

Это сдѣлалъ вовсе не я. Я стоялъ на другомъ концѣ залы, когда произошло это несчастье. Съ этого момента я опять принялся пить и все время держался около двери, чтобы не мѣшать танцующимъ.

Около барона собралось нѣсколько дамъ. Онъ сожалѣлъ, что его коллекціи уже запакованы, такъ что онъ не могъ показать имъ ничего,—ни образцовъ водорослей изъ Бѣлаго моря, ни глины съ Курхольмена, ни чрезвычайно интересныхъ окаменѣлостей съ морского дна. Дамы съ любопытствомъ смотрѣли на его запонки, на эти пятиконечныя короны, которыя обозначали баронское достоинство. А доктору не везло, даже его остроумная клятва: «клянусь смертью и вѣчной мукой»—не производила больше впечатлѣнія. Но когда Эдварда говорила, онъ все время былъ на чеку, поправлялъ ея рѣчь, осаживалъ мелкими придирками, унижалъ своимъ спокойнымъ превосходствомъ.

Она сказала:

— ...До тѣхъ поръ, пока я не спущусь въ долину смерти.

И докторъ сейчасъ же спросилъ:

— Куда вы спуститесь?

— Въ долину смерти. Развѣ это называется не «долиной смерти»?

— Мнѣ приходилось слышать о рѣкѣ смерти. Я полагаю, вы именно это имѣли въ виду.

Нѣсколько позже она заговорила о какой-то вещи, которую она велѣла стеречь, какъ стережеть...

— Драконъ, — вмѣшался докторъ.

— Ну да, какъ драконъ, — отвѣтила она.

Но докторъ сказалъ:

— Ну, благодарите же меня за то, что я васъ спасъ. Я увѣренъ, что вы хотѣли сказать — Аргусъ.

Баронъ поднялъ брови и бросилъ на него изумленный взглядъ сквозь толстыя стекла своихъ очковъ. Такихъ дерзостей онъ, пожалуй, никогда не слышалъ. Но докторъ былъ совершенно спокоенъ, — какое ему было дѣло до барона!

Я продолжалъ стоять возлѣ двери. Въ залѣ танцовали такъ, что пыль стояла столбомъ. Мнѣ удалось разговаривать съ приходской учительницей. Мы говорили о войнѣ, о дѣлахъ въ Крыму, о событіяхъ во Франціи, о Наполеонѣ, какъ императорѣ, о его покровительствѣ туркамъ. Молодая дѣвушка читала лѣтомъ газеты и могла сообщить мнѣ кое-какія новости. Мы садимся въ концѣ концовъ на диванъ и продолжаемъ разговаривать.

Проходить Эдварда, останавливается передъ нами. Вдругъ она говоритъ:

— Вы извините, господинъ лейтенантъ, что я помѣшала вамъ на лѣстницѣ, — я больше никогда не буду этого дѣлать.

Она смѣялась и теперь, и не смотрѣла на меня.

— Юмфру Эдварда, перестаньте! — сказалъ я.

Она говорила со мной подчеркнуто-вѣжливымъ тономъ. Это было не къ добру, и лицо у нея было злое. Я подумалъ о докторѣ и съ видомъ превосходства пожалъ плечами, какъ сдѣлалъ бы онъ. Она продолжала:

— Но почему же вы не идете на кухню? Ева тамъ. Мнѣ кажется, вамъ слѣдовало бы находиться тоже тамъ.

При этихъ словахъ она съ ненавистью взглянула на меня.

Я мало бывалъ въ обществѣ, но никогда не слышалъ такого тона въ тѣхъ домахъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать. Я сказалъ:

— Вы рискуете быть превратно понятой, юмфру Эдварда.

— Неужели? Какъ такъ? Впрочемъ, можетъ-быть; но какимъ образомъ?

— Вы иногда говорите очень необдуманно. Сейчасъ, на-примѣръ, мнѣ показалось, что вы форменно выслали меня на кухню, и, разумѣется, это недоразумѣніе. Я вѣдь прекрасно знаю, что вы не желали быть грубой.

Она отходитъ отъ насъ на нѣсколько шаговъ. Я видѣлъ по ней, что она все время думала о моихъ словахъ. Она обращивается, снова подходитъ къ намъ и говорить, зады-хаясь:

— Тутъ вовсе не было никакого недоразумѣнія, господинъ лейтенантъ. Вы слышали совершенно правильно, я, дѣйстви-тельно, послала васъ на кухню.

— Эдварда, да что съ тобой?— воскликнула перепуганная учительница.

Я снова заговорилъ о войнѣ и о крымскихъ дѣлахъ. Но мысль моя была далеко. Я уже не былъ пьянъ, только совсѣмъ сбѣить съ толку. Почва ускользала изъ-подъ моихъ ногъ. Я опять, какъ, къ несчастью, столько разъ раньше, потерялъ равновѣсіе. Я поднялся съ дивана и хотѣлъ уйти. Докторъ остановилъ меня.

— Я только-что слышалъ хвалебную рѣчь по вашему адресу, — сказалъ онъ.

— Хвалебную рѣчь? Отъ кого?

— Отъ Эдварды. Вонъ она еще стоитъ въ дверяхъ и смотритъ на васъ. Я никогда не забуду этого, глаза у нея были совершенно влюбленные, и она во всеуслышаніе сказала, что въ восхищеніи отъ васъ.

— Это хорошо, — отвѣтилъ я со смѣхомъ.

Въ головѣ моей не было ни одной ясной мысли.

Я подошелъ къ барону, нагнулся къ нему, словно желая сказать ему что-то по секрету, и, когда очутился совсѣмъ близко отъ него, плюнулъ ему въ ухо. Онъ вскочилъ и съ идиотскимъ видомъ уставился на меня. Потомъ я видѣлъ, какъ онъ рассказывалъ Эдвардѣ объ этомъ происшествіи, и какъ она опечалилась. Она вспомнила, навѣрное, о своемъ башмакѣ, который я бросилъ въ воду, о чашкахъ и стаканахъ, которые я на несчастье свое перебилъ, о всѣхъ преступленіяхъ, совершенныхъ мною противъ хорошаго тона, — все это, конечно, снова ожило въ ея воспоминаніи. Мнѣ стало стыдно, я чувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ. Куда я ни обращался, всюду встрѣчалъ я боязливые и изумленные взгляды. И я потихоньку улизнулъ изъ Сирилунда, не простившись, не поблагодаривъ.

XXIX.

Баронъ уѣзжаетъ. Великолѣпно! Я заряджу ружье, заберусь на горы и дамъ хорошій залпъ въ честь его и Эдварды. Я просверлю глубокую дыру въ скалѣ и взорву гору въ честь его и Эдварды. И огромная глыба оторвется отъ скалы и тяжело рухнетъ въ море, когда будетъ проходить его судно. Я знаю одно мѣсто, промоину въ скалѣ, по которой камни скатывались и раньше и продѣлали открытый путь къ морю. Глубоко подъ нею устроены сарай для лодокъ.

— Два бура! — говорю я кузнецу.

И кузнецъ отгачиваетъ мнѣ два бура.

Еву заставили разѣзжать отъ мельницы къ пристани на лошади господина Мака. Она должна исполнять мужскую работу и перевозить мѣшки съ зерномъ и мукой. Я встрѣчаю ее. Она прелестна, лицо такое свѣжее. Боже милостивый, какой нѣжностью дышитъ ея улыбка! Я видѣлся съ нею каждый вечеръ.

— У тебя такой видъ, Ева, словно у тебя нѣтъ никакихъ заботъ. Ева, дорогая, возлюбленная моя!

— Ты называешь меня своей возлюбленной. Я необразованная женщина, но я останусь тебѣ вѣрна. Я останусь тебѣ вѣрна, хотя бы мнѣ пришлось умереть изъ-за этого. Господинъ Макъ становится все строже и строже съ каждымъ днемъ, но я объ этомъ не думаю. Онъ злится, но я не отвѣчаю ему. Онъ схватилъ меня за руку и почернѣлъ отъ злости. У меня только одна забота.

— Что же это за забота?

— Господинъ Макъ грозитъ тебѣ. Онъ говоритъ мнѣ:—«Ага, это лейтенантъ засѣлъ тебѣ въ голову!» Я отвѣчаю:—«Да, я принадлежу ему». Тогда онъ говоритъ:—«Ну, подожди же, я ужъ спроважу его!» Онъ сказалъ это вчера.

— Это пустяки; пусть его грозится... Ева, можно мнѣ по-смотреть, все такія же ли у тебя крошечныя ножки? Закрой глаза, дай мнѣ посмотреть.

И она бросается съ закрытыми глазами мнѣ на шею. Дрожь охватываетъ ее. Я несу ее въ лѣсъ. Лошадь стоитъ и ждетъ.

XXX.

Я сижу въ горахъ и работаю буромъ. Надо мной кристально-чистый осенній воздухъ. Удары моего бура раздаются равномерно и твердо. Эзонъ смотритъ на меня изумленными

глазами. Чувство удовлетворенія временами струей вливается въ мою грудь. Никто не знаетъ, что я здѣсь, въ этихъ пустынныхъ горахъ.

Перелетныя птицы уже улетѣли. Счастливаго пути и добро пожаловать къ намъ обратно! Обыкновенныя и черныя синицы да нѣсколько славокъ однѣ еще живутъ въ кустахъ шиповника надъ обрывомъ: пи-и, пи-и! Все такъ странно измѣнилось, карликовая береза рдѣетъ, какъ кровь, на сѣрыхъ камняхъ. Здѣсь синій колокольчикъ, тамъ ландышъ поднимаются изъ вереска и качаются и шепчуть тихонько свою пѣсенку. Слышишь? А надо всѣмъ парить, вытянувъ шею, орланъ,—онъ держитъ путь въ горы.

Подходитъ вечеръ, я кладу свои буры и топоръ подъ камень и отдыхаю. Все дремлетъ. Мѣсяцъ скользитъ по небу на сѣверѣ, горы отбрасываютъ гигантскія тѣни. Полнолуние. Луна похожа на пылающій островъ, на круглую загадку изъ красной мѣди, а я иду подъ нею и дивуюсь. Эзопъ встаетъ и проявляетъ беспокойство.

— Чего ты, Эзопъ? Что касается меня, то я усталъ отъ своего горя, я хочу забыть его, утопить! Я приказываю тебѣ лежать спокойно, Эзопъ, я не хочу, чтобы меня беспокоили. Ева спрашиваетъ: «думаешь ли ты иногда обо мнѣ?» Я отвѣчаю: «все время о тебѣ». Она опять спрашиваетъ: «и тебѣ доставляетъ радость думать обо мнѣ?» Я отвѣчаю: «только радость, ничего, кромѣ радости». Тогда Ева говоритъ: «твои волосы сѣдѣютъ». И я отвѣчаю: «да, я начинаю сѣдѣть». Но она говоритъ: «они сѣдѣютъ отъ того, о чемъ ты думаешь». На это я отвѣчаю: «можетъ-быть». Тогда Ева говоритъ: «значитъ, ты думаешь не обо мнѣ одной...» Эзопъ, лежи смиренно, я расскажу тебѣ лучше что-нибудь другое.

Но Эзопъ встаетъ и напряженно внюхивается въ воздухъ, въ сторону долины. Онъ взвизгиваетъ и тащитъ меня за платье. Когда я наконецъ встаю и иду за нимъ, онъ бросается со всѣхъ ногъ. За лѣсомъ на небѣ показывается зарево. Я иду быстро, передъ моими глазами огонь, огромный костеръ. Я останавливаюсь и смотрю, дѣлаю нѣсколько шаговъ и смотрю— моя хижина въ огнѣ!

XXXI.

Пожаръ былъ дѣломъ господина Мака,—я понялъ это въ ту же минуту. Я лишился своихъ звѣриныхъ шкуръ и птичьихъ крыльевъ, сгорѣло и чучело орла. Все сгорѣло. Что же дальше? Я спалъ двѣ ночи подъ открытымъ небомъ, но не пошелъ въ

Сирилундъ просить пристанища. Въ концѣ концовъ я нанялъ заброшенную рыбацью хижину возлѣ пристаней и законопатилъ ее сухимъ мхомъ. Я спалъ на охапкѣ краснаго вереска съ горь. У меня снова былъ кровъ.

Эдварда прислала мнѣ сказать, что она слышала о моемъ несчастіи и предлагаетъ мнѣ отъ имени отца комнату въ Сирилундѣ. Эдварда растрогана? Эдварда великодушна? Я ничего не отвѣтилъ. Слава Богу, у меня снова было пристанище, и я испытывалъ гордую радость оттого, что отвѣтилъ молчаніемъ на приглашеніе Эдварды. Я встрѣтилъ ее на дорогѣ вмѣстѣ съ барономъ. Они шли подъ руку. Я посмотрѣлъ имъ обомъ въ лицо и, проходя, поклонился. Она остановилась и спросила:

— Вы не хотите поселиться у насъ, господинъ лейтенантъ?

— У меня уже есть новое жилище,—отвѣтилъ я, тоже оставливаясь.

Она смотрѣла на меня, грудь ея тяжело дышала.

— Васъ никто не беспокоилъ бы и у насъ,—сказала она.

Въ сердцѣ моемъ шевельнулась благодарность; но я былъ не въ состояніи сказать что-либо.

Баронъ потихоньку отошелъ.

— Можетъ-быть, вы больше не хотите меня совсѣмъ видѣть?

— Я благодаренъ вамъ, юмфру Эдварда, за то, что вы предложили мнѣ ваше гостепримство, когда сгорѣла моя хижина,—сказалъ я.—Это было тѣмъ благороднѣе, что едва ли было сдѣлано съ согласія вашего отца.

И я благодарилъ ее, обнаживъ голову, за приглашеніе.

— Боже мой, неужели вы совсѣмъ не хотите меня видѣть, Главъ?—вдругъ сказала она.

Баронъ позвалъ ее.

— Баронъ зоветъ, — сказалъ я съ низкимъ поклономъ и снова снялъ шапку.

И я побрелъ въ горы къ своей минѣ. Ничто, ничто не выведетъ меня больше изъ равновѣсія. Я встрѣтилъ Еву.

— Вотъ видишь!—крикнулъ я.—Господинъ Макъ не можетъ выгнать меня. Онъ сжегъ мою избушку, а у меня уже другая избушка...

Она несла кисть и ведро съ дегтемъ.

— Это еще что такое, Ева?

Господинъ Макъ вытащилъ лодку изъ сарая подъ горой и приказалъ ей осмолить ее. Онъ слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, она должна была повиноваться.

— Но почему же именно тамъ? Почему не у пристани?

— Господинъ Макъ такъ приказалъ...

— Ева, Ева, дорогая, тебя превратили въ рабу, а ты не жалуешься. Ну, вотъ, ты опять улыбаешься, и жизнь брызжетъ въ твоей улыбкѣ, хотя ты и раба.

Когда я пришелъ къ своей минѣ, меня ожидалъ сюрпризъ. Кто-то приходилъ на это мѣсто. Я изслѣдовалъ слѣды на гравіи и узналъ отпечатокъ длинныхъ, острыхъ башмаковъ господина Мака.

«Чего онъ тутъ ходитъ и вывухиваетъ?» — подумалъ я и осмотрѣлъ все кругомъ.

Ничего не было видно. У меня не зародилось никакого подозрѣнія.

Я сѣлъ и началъ колотить по своему буру, не предчувствуя, какое безумство я совершалъ.

XXXII.

Пришелъ почтовый пароходъ, онъ привезъ мнѣ мундиръ и долженъ былъ увезти барона и всѣ его ящики съ ракушками и разными видами водорослей. Теперь онъ грузился боченками съ селедкой и ворванью у пристани. Подъ-вечеръ онъ уйдетъ.

Я беру ружье и набиваю порохомъ оба его ствола. Сдѣлавъ это, я киваю самому себѣ головою. Я иду въ горы и набиваю порохомъ и свою мину, и опять киваю. Теперь все готово. Я ложусь и жду.

Я ждалъ нѣсколько часовъ. Я слышалъ все время, какъ пароходъ, качаясь, гремѣлъ цѣпами у пристани. Начинало уже смеркаться. Наконецъ раздается свистокъ, грузъ взятъ, пароходъ отходить. Мнѣ остается ждать нѣсколько минутъ. Луна еще не взошла, и я смотрю, какъ безумный, въ вечернюю мглу.

Когда носъ парохода показался изъ-за острова, я поджегъ фитиль и быстро отскочилъ. Проходитъ минута. Вдругъ раздается трескъ, взрывъ. Столбъ каменныхъ осколковъ взлетаетъ вверхъ, гора содрогается, и каменная глыба, оторвавшись, съ грохотомъ катится въ бездну. Горы кругомъ грохочутъ. Я хватаю ружье и стрѣляю изъ одного ствола. Эхо отвѣчаетъ мнѣ сотней выстрѣловъ. Черезъ минуту я разряжаю и второй стволъ. Воздухъ дрожалъ отъ моего салюта, и эхо разнесло громъ его по всему міру. Точно всѣ горы соединились, чтобы громкимъ крикомъ проводить уходящее судно. Проходитъ нѣсколько мгновений, воздухъ утихаетъ, эхо умол-

каетъ всюду въ горахъ, и земля снова лежитъ безмолвная. Судно исчезаетъ во мглѣ.

Я еще весь дрожу отъ страшнаго волненія. Я беру свои буры и ружье подъ мышку и спускаюсь съ горы; колѣнки у меня подгибаются. Я выбираю кратчайшую дорогу и все время не спускаю глазъ съ дымящихся слѣдовъ, которые оставилъ послѣ себя мой взрывъ. Эзопъ идетъ, мотая головой, и чихаетъ отъ запаха гари.

Когда я спустился къ лодочному сараю, передо мною предстало зрѣлище, которое привело меня въ сильнѣйшее волненіе. Валялась лодка, раздавленная обрушившейся глыбой скалы, и Ева — Ева! — лежала возлѣ нея, разбитая и изуродованная, вся сплюснутая, съ истерзаннымъ до неузнаваемости бокомъ и животомъ. Ева умерла на мѣстѣ.

XXXIII.

Что же еще остается мнѣ написать? Я не сдѣлалъ ни одного выстрѣла въ теченіе многихъ дней. У меня не было пищи, да я и не ѣлъ, я сидѣлъ въ своей берлогѣ. Еву повезли въ церковь на собственной бѣлой лодкѣ господина Мака. Я переправился на ту сторону и былъ у могилы...

Ева умерла. Помнишь ты ея маленькую дѣвическую головку, съ волосами, какъ у монахини? Она приходила такая тихая, клала на землю свою вязанку и улыбалась. А видѣлъ ты, какъ эта улыбка кипѣла жизнью? Молчи, Эзопъ, я припоминаю странное преданіе, изъ временъ Изелинды, за четыре поколѣнія назадъ, когда Стамеръ былъ священникомъ.

Сидѣла дѣвушка въ плѣну, въ замурованной башнѣ. Она любила одного господина. За что? Спроси вѣтеръ и звѣзды, спроси бога жизни, — потому что никто другой не сумѣетъ тебѣ отвѣтить. И господинъ былъ ея другомъ и возлюбленнымъ. Но время шло, и въ одинъ прекрасный день онъ увидѣлъ другую, и чувства его измѣнились.

Какъ юноша, любилъ онъ дѣвушку. Онъ часто называлъ ее своимъ благословіемъ, своей голубкой. У ней была горячая и пышная волнующаяся грудь. Онъ сказалъ: «Дай мнѣ твое сердце». И она отдала ему. Онъ сказалъ: «Могу я попросить тебя о чемъ-то, дорогая?» И она въ восторгѣ отвѣтила: «да!». Она отдала ему все, но онъ все же не благодарилъ ее.

Другую онъ любилъ, какъ рабъ, какъ безумецъ и какъ ничій. За что? Спроси пыль на дорогѣ и падающій листъ, спроси загадочнаго бога жизни, — потому что никто иной этого не знаетъ. Она ничего не давала ему, о, нѣтъ, ничего! И онъ

все же благодарилъ ее. Она сказала: «Отдай мнѣ твой разумъ и твое спокойствіе». И онъ пожалѣлъ только о томъ, что она не потребовала у него жизни.

А его дѣвушку посадили въ башню...

— Что ты дѣлаешь, дѣвушка, ты сидишь и улыбаешься?

— Я думаю о чемъ-то, что было десять лѣтъ назадъ. Тогда я встрѣтилась съ нимъ.

— Ты еще помнишь его?

— Я еще помню его.

А время идетъ...

— Что ты дѣлаешь, дѣвушка? И почему ты сидишь и улыбаешься?

— Я вышиваю его имя на платкѣ.

— Чье имя? Того, кто заперъ тебя здѣсь?

— Да, того, кого я встрѣтила двадцать лѣтъ назадъ.

— Ты еще помнишь его?

— Я помню его, какъ и раньше.

А время идетъ...

— Что ты дѣлаешь, узница?

— Я старѣю, я плохо вижу и уже не могу шить, я выскребываю известъ со стѣны. Изъ извести я сдѣлаю ему кружку, въ подарочекъ отъ меня.

— О комъ ты говоришь?

— О моемъ возлюбленномъ, о томъ, кто заперъ меня въ башнѣ.

— Ты улыбаешься тому, что онъ заперъ тебя въ башнѣ?

— Я думаю о томъ, что онъ теперь скажетъ. Смотрите-ка, скажетъ онъ, моя милая прислала мнѣ кружечку, она не забыла меня за тридцать лѣтъ.

А время идетъ...

— Какъ, плѣнница, ты все еще сидишь и ничего не дѣлаешь, и ты улыбаешься?

— Я старѣю, я старѣю, глаза мои слѣпы, я только думаю.

— О немъ, котораго ты встрѣтила сорокъ лѣтъ назадъ?

— О томъ, кого я встрѣтила, когда была молода. Можетъ-быть, это было сорокъ лѣтъ назадъ.

— Да развѣ ты не знаешь, что онъ умеръ? Ты блѣднишь, старая, ты не отвѣчаешь, губы твои бѣлы, ты не дышишь...

Вотъ оно, это странное преданіе о дѣвушкѣ въ башнѣ. Постоитъ-ка, Эзопъ, я забылъ одну вещь: разъ она услышала голосъ своего возлюбленнаго въ саду, она упала на колѣни и покраснѣла. Ей было тогда сорокъ лѣтъ...

Я погребаю тебя, Ева, и униженно цѣлую песокъ на твоей могилѣ. Буйное, ярко-алое воспоминаніе охватываетъ мою

душу, когда я думаю о тебѣ, на меня точно изливается благодать, когда я вспоминаю твою улыбку. Ты давала все, все отдала ты, и это не стоило тебѣ никакого усилія, потому что ты сама была—опьяненное дитя жизни. И все же другія, которыя скупо высчитываютъ всякій взглядъ, владѣютъ всѣми моими мыслями. Почему это такъ? Спроси у двѣнадцати мѣсяцевъ и у кораблей въ морѣ, спроси таинственного, загадочнаго бога сердца...

XXXIV.

Одинъ человекъ сказалъ:

— Вы больше не стрѣляете. Эзонъ бѣгаетъ по лѣсу, опъ гонить зайца.

Я отвѣчалъ:

— Подите и застрѣлите его за меня.

Прошло нѣсколько дней. Господинъ Макъ пришелъ ко мнѣ, глаза у него ввалились, лицо посѣрѣло. Я подумалъ: «могу я читать въ людскихъ сердцахъ или не могу?» Я самъ не знаю.

Господинъ Макъ заговорилъ объ обвалѣ, о катастрофѣ. Это было несчастье, печальная случайность, я не виноватъ въ ней.

Я сказалъ:

— Если кому-нибудь во что бы то ни стало нужно было разлучить Еву и мсня, такъ онъ достигъ своего. Пусть Богъ проклянетъ его!

Господинъ Макъ подозрительно покосился на меня. Онъ пробормоталъ что-то о пышныхъ похоронахъ, онъ ничего не пожалѣлъ.

Я сидѣлъ и удивлялся его страшной изворотливости.

Онъ не хотѣлъ никакого вознагражденія за лодку, которую раздавило моимъ обваломъ.

— Вотъ какъ, — сказалъ я: — такъ вы дѣйствительно не желаете получить за лодку, за ведро съ дегтемъ, за кисть...

— Нѣтъ, милѣйшій лейтенантъ, — отвѣтилъ онъ: — какъ вы можете думать такое?

И онъ посмотрѣлъ на меня полными ненависти глазами.

Три недѣли я не видѣлъ Эдварды. Впрочемъ, одинъ разъ я встрѣтилъ ее въ лавкѣ, куда пришелъ купить хлѣба. Она стояла за прилавкомъ и рылась въ разныхъ матеріяхъ. Кромѣ нея были только два приказчика.

Я громко поздоровался, она подняла голову, но не отвѣтила. Мнѣ вдругъ показалось, что я не могу спросить при

ней хлѣба. Я обратился къ приказчикамъ и попросилъ пороку и дрови. Пока мнѣ отвѣщивали, я смотрѣлъ на нее.

Сѣрое и слишкомъ узкое платье съ отрепанными петлями, плоская грудь тяжело дышала. Какъ она выросла за лѣто! Лобъ ея думалъ. Эти странно изогнутыя брови чернѣлись на лицѣ ея, какъ двѣ загадки. Всѣ движенія ея стали болѣе зрѣлы. Я смотрѣлъ на ея руки, выраженіе длинныхъ тонкихъ пальцевъ властно подѣйствовало на меня и привело въ трепетъ. Она попрежнему разбиралась въ матеріяхъ.

Я стоялъ и желалъ, чтобы Эзопъ забѣжалъ за прилавокъ, къ ней, и узналъ ее. Тогда я сейчасъ же кликнулъ бы его и попросилъ извиненія; что бы она тогда отвѣтила?

— Извольте!—говоритъ приказчикъ.

Я заплатилъ, забралъ свои пакеты и опять поклонился. Она подняла глаза, но не отвѣтила и на этотъ разъ.

«Это хорошо,—подумалъ я:—можетъ-быть, она уже невѣста барона».

И я ушелъ безъ хлѣба.

Выйдя на улицу, я бросилъ взглядъ въ окно. Никто не смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ.

XXXV.

И вотъ однажды ночью выпалъ снѣгъ. Въ хижинѣ моей становилось холодно. Въ ней былъ очагъ, на которомъ я готовилъ себѣ пищу, но дрова плохо горѣли, и въ стѣны сильно дуло, хотя я законопатилъ ихъ, насколько было возможно. Осень прошла, и дни стали короче. Первый снѣгъ все же растаялъ отъ солнца, и земля снова обнажилась; но ночи были очень холодны, и вода замерзала. Вся трава и всѣ насѣкомыя умерли.

И люди какъ-то таинственно притихли, они думали и молчали, глаза ихъ ожидали зимы. Ни одного возгласа не доносилось уже съ рыбныхъ сушилень, и гавань лежала спокойная. Все готовилось къ вѣчной ночи сѣвернаго сіянія, когда солнце спитъ въ морѣ. Глухо-глухо раздавались удары весель одинокой лодки.

Въ лодкѣ плыветъ дѣвушка.

— Гдѣ ты была, красавица?

— Нигдѣ.

— Нигдѣ? Послушай, я узнаю тебя, я видѣлъ тебя лѣтомъ.

Она пристала къ берегу, вышла изъ лодки и привязала ее.

— Ты была пастушкой и вязала чулокъ, я встрѣтился съ тобой разъ ночью.

Легкій румянецъ окрашиваетъ ея щеки, и она смущенно улыбается.

— Милая моя гордая красавица, войди ко мнѣ въ хижину, дай мнѣ посмотрѣть на тебя. Тебя зовутъ Генриетта.

Но она молча проходитъ мимо. Осень, зима охватили ее, уже спали ея чувства.

Солнце уже ушло въ море.

XXXVI.

Я надѣлъ въ первый разъ мундиръ и пошелъ въ Сирилундъ. Сердце мое сильно билось.

Я вспомнилъ все съ перваго дня, когда Эдварда подбѣжала ко мнѣ и поцѣловала меня у всѣхъ на виду. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, она бросала меня то туда, то сюда и довела меня до того, что я началъ сѣдѣть. Я самъ виноватъ? Да, звѣзда моя завела меня на невѣрный путь. Я думалъ: какъ она обрадуется, если я брошусь передъ ней сегодня на колѣни и выскажу тайну своего сердца. Она предложитъ мнѣ стулъ и прикажетъ принести вина, поднесетъ стаканъ къ губамъ и скажетъ: «Господинъ лейтенантъ, я благодарю васъ за то время, что мы провели вмѣстѣ, я никогда не забуду его». Но какъ только я обрадуюсь и надежда снова проснется во мнѣ, она сдѣлаетъ видъ, что выпила, и отставитъ стаканъ нетронутымъ. И она не скроетъ отъ меня, что только притворилась, будто пьетъ. Она именно нарочно покажетъ мнѣ это. Такова она.

Хорошо, теперь ужъ скоро пробьетъ послѣдній часъ!

И, идя внизъ по дорогѣ, я продолжалъ думать:

«Мундиръ произведетъ на нее впечатлѣніе. Галуны на немъ пылые и красивые, а сабля будетъ звенѣть по полу». Нервная радость струится во мнѣ, и я шепчу про себя:

— Почему знать, что еще можетъ случиться?

Я поднялъ голову и взмахнулъ рукой. Довольно униженія, побольше достоинства и самоуваженія! Все равно, что бы ни произошло, я не стану дѣлать больше попытокъ къ сближенію. Извините, что я не прошу вашей руки, красавица!

Господинъ Макъ встрѣтилъ меня на дворѣ, еще болѣе поспѣвшій, съ еще болѣе ввалившимися глазами.

— Убъязаете? Вотъ какъ. Да, въ послѣднее время вамъ, правда, не такъ ужъ было пріятно; что? Вашъ дѣмокъ сгорѣлъ.

И господинъ Макъ улыбнулся.

Мнѣ вдругъ представилось, что я вижу предъ собой умнѣйшаго человѣка въ мірѣ.

— Войдите, господинъ лейтенантъ, Эдварда дома. Да, такъ прощайте, прощайте. Мы еще увидимся на пристани, когда пароходъ будетъ отходить.

Онъ удалился, повѣсивъ голову, насвистывая въ задумчивости.

Эдварда сидѣла въ комнатѣ, она читала. Когда я вошелъ, она на минуту удивилась моему мундиру, глянула на меня сбоку, какъ птица, и покраснѣла. Она раскрыла ротъ.

— Я пришелъ проститься,—наконецъ выговорилъ я.

— Она вдругъ встала, и я увидѣлъ, что мои слова произвели на нее нѣкоторое дѣйствіе.

— Гланъ, вы уѣзжаете? Сейчасъ?

— Какъ только придетъ пароходъ.

Я беру ее за руку, за обѣ руки. Безотчетный восторгъ охватываетъ меня, я восклицаю:—Эдварда! — и впиваюсь въ нее глазами.

И въ ту же минуту она снова холодна, холодна и упряма. Все въ ней возставало противъ меня, она выпрямилась. Я стоялъ передъ ней, словно нищій, я выпустилъ ея руки и далъ ей отойти. Я помню, что послѣ этой минуты я стоялъ и машинально повторялъ:—Эдварда! Эдварда!—нѣсколько разъ, не думая объ этомъ, и когда она спросила:—«Да? Что вы хотѣли сказать?»—я не могъ произнести ни слова въ объясненіе.

— Подумать только, вы уже уѣзжаете,—повторила она.— Кто-то прѣдетъ на будущій годъ?

— Другой,—отвѣтилъ я.— Домикъ, вѣрно, отстроятъ заново.

Пауза. Она уже взялась за свою книгу.

— Жаль, что отца нѣтъ дома,—сказала она.— Но я передамъ ему привѣтъ отъ васъ.

Я не отвѣтилъ на это. Я подошелъ, взялъ еще разъ ея руку и сказалъ:

— Такъ прощайте, Эдварда!

— Прощайте,—отвѣтила она.

Я отворилъ дверь и сдѣлалъ видъ, что ухожу. Она уже сидѣла съ книгой въ рукѣ и читала, дѣйствительно читала и перевертывала страницы. Никакого впечатлѣнія не произвело на нее мое прощаніе,—никакого!

Я каплянулъ.

Она обернулась и сказала съ изумленіемъ:

— Развѣ вы не ушли? Миѣ казалось, вы ушли?

Одному Богу извѣстно, но ея удивленіе было слишкомъ велико. Она не слѣдила за собой, она преувеличила свое изумленіе, и у меня явилась мысль, что, можетъ-быть, она все время знала, что я стою за ея спиной.

— Ну, я пойду,—сказалъ я.

Тогда она встала и подошла ко мнѣ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось имѣть что-нибудь на память о васъ, когда вы уѣдете,—сказала она.— Я хотѣла у васъ попросить кое-что, но это, конечно, слишкомъ смѣло. Не подарите ли вы мнѣ Эзопа?

Я не раздумывалъ и отвѣтилъ:

— Хорошо.

— Такъ, можетъ, вы придете съ нимъ завтра? — сказала она.

Я пошелъ.

Я взглянулъ на окно. Въ немъ никого не было.

Ну, вотъ—все кончено...

Послѣдняя ночь въ рыбацкѣй хижинѣ. Я думалъ, я считалъ часы. Когда настало утро, я приготовилъ свою послѣднюю трапезу. Былъ холодный день.

«Почему она просила, чтобы я самъ привелъ ей собаку? Хотѣла она поговорить со мной, сказать мнѣ что-нибудь на послѣдокъ? Мнѣ нечего было больше ждать. И какъ она будетъ обращаться съ Эзопомъ? Эзонъ, Эзонъ, она станетъ мучить тебя! Изъ-за меня она будетъ бить тебя, можетъ-быть, станетъ и ласкать, но бить будетъ непременно, за дѣло и не за дѣло, и въ конецъ испортитъ тебя...»

Я подозвалъ Эзона, погладилъ его, положилъ его голову рядомъ съ своей и взялъ ружье. Онъ уже началъ визжать отъ радости, думая, что мы пойдемъ на охоту. Я опять положилъ его голову рядомъ съ своей, приложилъ дуло къ затылку Эзона и спустилъ курокъ.

Я нанялъ человѣка отнести Эдвардѣ трупъ Эзона.

XXXVII.

Пароходъ уходилъ вечеромъ.

Я отправился на пристань, вещи мои уже были на палубѣ. Господинъ Макъ пожалъ мнѣ руку, поздравилъ меня съ хорошей погодой,—приятная погода, онъ самъ съ удовольствіемъ прокатился бы по такой погодѣ. Подошелъ докторъ, за нимъ Эдварда. Я почувствовалъ, какъ колѣни мои задрожали.

— Намъ хотѣлось видѣть, благополучно ли вы уѣхали,—сказалъ докторъ.

Я поблагодарилъ.

Эдварда посмотрѣла мнѣ прямо въ лицо и сказала:

— Я должна поблагодарить господина лейтенанта за подарокъ.

Она сжала ротъ, губы ея были совершенно бѣлы. Опять она говорила со мной подчеркнуто-вѣжливымъ тономъ.

— Когда отходить пароходъ?—спросилъ докторъ какого-то человѣка.

— Черезъ полчаса.

Я ничего не говорилъ.

Эдварда возбужденно вертѣлась во все стороны.

— Докторъ, не пора ли намъ домой?—спросила она. — Я сдѣлала то, что мнѣ было нужно.

— Вы исполнили свою обязанность, — сказали докторъ.

Она покорно улыбнулась его вѣчнымъ поправкамъ и спросила:

— Да развѣ я сказала не то же самое?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ коротко.

Я взглянулъ на него. Маленькій человѣчекъ стоялъ холодный и рѣшительный. Онъ начерталъ себѣ планъ и слѣдовалъ ему до мельчайшей подробности. А если онъ все равно проиграетъ? Такъ онъ все-таки не покажетъ этого, его лицо никогда не выдавало его.

Темнѣло.

— Ну, прощайте, — сказалъ я. — И благодарю васъ за каждый день, проведенный здѣсь.

Эдварда молча смотрѣла на меня. Потомъ отвернулась и стала смотрѣть на пароходъ.

Я вошелъ въ лодку. Эдварда еще стояла на набережной. Когда я поднялся на палубу парохода, докторъ крикнулъ: «Прощайте!» Я посмотрѣлъ на берегъ. Эдварда какъ разъ въ ту минуту повернулась и быстро пошла отъ набережной къ дому. Докторъ далеко отсталъ отъ нея. Такъ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ...

Волна печали хлынула въ мое сердце...

Пароходъ тронулся. Я еще видѣлъ вывѣску господина Мака: «Складъ соли и пустыхъ боченковъ». Но вскорѣ она стерлась. Показались луна и звѣзды, вокругъ вздымались горы, и я видѣлъ безконечный лѣсъ. Тамъ стояла мельница, а тамъ, тамъ мой сгорѣвшій домикъ; высокій сѣрый камень одинъ остался на пожарницѣ. Изелинда, Ева...

Полярная ночь распростерлась надъ горами и долинами.

XXXVIII.

Я написалъ все это, чтобы скоротать время. Мнѣ доставляло удовольствіе вспоминать то лѣто въ Норвегіи, когда я много разъ считалъ часы, но время все же летѣло. Теперь все измѣнилось, дни уже не хотятъ больше проходить.

У меня еще бывают веселыя минуты, но время стоитъ на мѣстѣ, и я не понимаю, какъ оно можетъ стоять такъ неподвижно. Я бросилъ военную службу и свободенъ, какъ монархъ. Все хорошо. Я встрѣчаюсь съ людьми, ѣзжу въ экипажахъ. И изрѣдка я закрываю одинъ глазъ, пишу указательнымъ пальцемъ въ небѣ, щекочу луну подъ подбородкомъ, и мнѣ кажется, что она смѣется, хохочетъ отъ глухой радости, что ее щекочутъ подъ подбородкомъ. Все улыбается. Я съ трескомъ откупориваю бутылку и созываю веселыхъ гостей.

Что касается Эдварды, то я о ней не думаю. Почему бы мнѣ не забыть ее за такой долгой срокъ? У меня есть самолюбие. И если кто-нибудь меня спроситъ, есть у меня какія-нибудь заботы или горе, я отвѣчу сразу, безъ колебанія: — нѣтъ, у меня нѣтъ ни горя ни заботъ...

Кора лежитъ и смотритъ на меня. Раньше былъ Эзопъ, а теперь Кора лежитъ и смотритъ на меня. Часы тикаютъ на каминѣ, за моими открытыми окнами шумитъ городъ. Стучать въ дверь, и почтальонъ подаетъ мнѣ письмо. Письмо съ короной. Я знаю, отъ кого оно, я понимаю это мгновенно, а можетъ-быть, это и снилось мнѣ въ какую-нибудь бессонную ночь. Но въ письмѣ ничего не написано,—въ немъ лежатъ только два зеленыхъ птичьихъ пера.

Ледянищій ужасъ пронизываетъ меня, я весь холодѣю.

«Два зеленыхъ пера, — говорю я себѣ. — Ну, что же съ этимъ дѣлать! Но почему я такъ похолодѣлъ? Ну, да тутъ и дуетъ же дьявольски отъ оконъ!»

И я закрываю окна.

«Вотъ лежатъ тутъ два зеленыхъ птичьихъ пера,—продолжаю я думать:—мнѣ кажется, я узнаю ихъ. Они напоминаютъ мнѣ маленькую шутку на сѣверѣ Норвегіи, такъ, пустякъ, маленькое событіе среди многихъ другихъ, пережитыхъ мною. Пріятно снова увидѣть эти два пера».

И мнѣ представляется вдругъ, что я вижу лицо и слышу голосъ, и голосъ говорить:

— Будьте любезны, господинъ лейтенантъ, вотъ ваши птичьи перья!

Ваши птичьи перья...

— Кора, лежи смирно, слышишь, я застрѣлю тебя, если ты шевельнешься!

Погода теплая, невыносимая жара. Съ чего я вздумалъ закрыть окна? Скорѣе открыть окна, двери, сюда, веселые люди, входите! Эй, посыльный, сходите, позовите ко мнѣ побольше гостей...

И дни идутъ, но время стоитъ неподвижно.

Ну вотъ, я написалъ это ради собственнаго удовольствія и позабавился, насколько могъ. Никакое горе не гнететъ меня. Мнѣ просто хочется уѣхать. Куда—не знаю, но только прочь отсюда, подальше, можетъ-быть, въ Африку, въ Индію,—потому что я принадлежу лѣсамъ и одиночеству.

СМЕРТЬ ГЛАНА.

Записки 1861 года.

I.

Семейство Гланъ можетъ еще долго публиковать въ газетахъ о пропавшемъ лейтенантѣ Томасѣ Гланѣ. Но онъ уже никогда болѣе не вернется. Онъ умеръ, и я даже знаю, какъ онъ умеръ.

Разъ ужъ я заговорилъ объ этомъ, то долженъ признаться, что меня не удивляетъ, что его семья такъ настойчива въ своихъ розыскахъ. Томасъ Гланъ во многихъ отношеніяхъ былъ необыкновеннымъ человѣкомъ, и его вообще любили. Я отмѣчаю это ради справедливости, несмотря на то, что Гланъ до сихъ поръ противенъ моей душѣ, и воспоминаніе о немъ пробуждаетъ во мнѣ ненависть. Онъ былъ очень красивъ, въ расцвѣтѣ молодости и былъ очарователемъ въ обращеніи. Когда онъ смотрѣлъ на кого-нибудь своимъ горячимъ звѣринымъ взглядомъ, человѣкъ этотъ невольно чувствовалъ его силу. Даже я чувствовалъ это. Одна дама будто бы сказала о немъ: «Когда онъ смотритъ на меня, я пропала. Я испытываю при этомъ такое волненіе, будто онъ прикасается ко мнѣ».

Но у Томаса Глана были и недостатки, и я вовсе не намѣренъ скрывать ихъ, такъ какъ я ненавижу его. Онъ бывалъ временами наивенъ, какъ дитя, до того онъ былъ добродушенъ, и, можетъ-быть, этимъ-то онъ такъ и очаровывалъ женщинъ,— Богъ знаетъ. Онъ могъ болтать съ женщинами и смѣяться ихъ бессмысленному лепету, поэтому онъ производилъ на нихъ впечатлѣніе. Онъ сказалъ однажды объ одномъ очень толстомъ человѣкѣ въ городѣ, что у него такой видъ, будто бриuki у него набиты саломъ, и самъ хототалъ надъ этой остротой, хотя я на его мѣстѣ устыдился бы ея. Впослѣдствіи, когда

намъ случилось жить вмѣстѣ въ одномъ домѣ, онъ еще разъ обнаружилъ свою ребячливость самымъ нагляднымъ образомъ: моя хозяйка пришла ко мнѣ разъ спросить, что мнѣ дать на завтракъ, и, въ поспѣшности, я отвѣтилъ: «одинъ яйцо и кусокъ хлѣба». Томасъ Гланъ какъ разъ сидѣлъ въ моей комнатѣ, — онъ жилъ наверху, на чердакѣ, совсѣмъ подъ крышей, — онъ началъ хохотать, какъ ребенокъ, надъ моей обмолвкой и ужасно потѣшался надъ ней. «Одинъ яйцо и кусокъ хлѣба!» — повторялъ онъ безостановочно, пока наконецъ я не посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и этимъ не заставилъ его замолчать.

Можетъ-быть, я припомню и еще какія-нибудь смѣшныя его черты, въ такомъ случаѣ я запишу и ихъ, и не поощажу его, такъ какъ онъ и до сихъ поръ мой врагъ. Съ какой стати мнѣ великодушничать? Но я долженъ отмѣтить, что онъ дурчился такъ, только когда бывалъ пьянъ, а въ обоихъ упомянутыхъ случаяхъ онъ былъ здорово-таки пьянъ. Но развѣ самое пьянство не порокъ?

Когда я встрѣтился съ нимъ осенью 1859 года, ему было тридцать два года, — столько же, сколько и мнѣ. Онъ носилъ въ то время бороду и одѣвался въ шерстяныя охотничьи куртки съ чрезмѣрно вынутымъ воротомъ, да иногда еще забывалъ застегнуть верхнюю пуговицу. Шея его вначалѣ показалась мнѣ необычайно красивой, но вскорѣ онъ приобрѣлъ во мнѣ смертельнаго врага, и я уже не находилъ, что шея его красивѣе моей, хотя я и не выставлялъ свою такъ на показъ. Я встрѣтился съ нимъ впервые на рѣчномъ суднѣ. Я ѣхалъ на охоту въ то же мѣсто, куда и онъ, и мы тотчасъ же рѣшили отправиться вмѣстѣ въ глубь страны на водахъ, если нельзя будетъ проѣхать по желѣзной дорогѣ. Я умышленно избѣгаю называть мѣсто, куда мы ѣхали, чтобы не навести кого-нибудь на слѣдъ. Но семейство Гланъ спокойно можетъ перестать печатать объявленія о своемъ родственникѣ. Онъ умеръ въ томъ мѣстѣ, куда мы ѣхали и которое я не желаю назвать.

Впрочемъ, я слышалъ о Гланѣ раньше, чѣмъ встрѣтился съ нимъ. Его имя не было для меня незнакомымъ. Я слышалъ, что онъ былъ въ связи съ одной молодой норвеженкой изъ высокопоставленной семьи и что онъ какимъ-то образомъ компрометировалъ ее, послѣ чего она порвала съ нимъ. Тогда, въ глупомъ своемъ упрямствѣ, онъ поклялся выместить это на самомъ себѣ, а дама спокойно предоставила ему безумствовать, это до нея не касалось. Съ этого времени Томасъ Гланъ собственно и прославился. Онъ сталъ совершенно невмѣняемъ, пилъ, устраивалъ скандалъ за скандаломъ и вышелъ въ от-

ставку изъ военной службы. Тоже странный способъ мстить за отвергнутую любовь!

Но ходилъ и другой разсказъ объ его отношеніяхъ къ этой молодой дамѣ: будто бы онъ вовсе не компрометировалъ ее, но семья ея отказала ему отъ дома, и она сама содѣйствовала этому, такъ какъ къ ней посватался шведскій графъ, имени котораго я тоже не хочу называть. Но этому разсказу я меньше придаю вѣры и считаю болѣе соответствующимъ истинѣ первый, потому что я ненавижу Томаса Глана и считаю его способнымъ на все дурное. Однако, такъ оно было или иначе, самъ онъ никогда не говорилъ объ этой связи съ высокопоставленной дамой. Я тоже, разумѣется, не спрашивалъ. Мнѣ то что было за дѣло!

Пока мы плыли на рѣчномъ пароходѣ, я не помню, чтобы мы говорили о чемъ-нибудь, кромѣ маленькой деревушки, куда мы направлялись и гдѣ ни одинъ изъ насъ до того не былъ.

— Говорятъ, тамъ есть пѣчто въ родѣ отеля, — сказалъ Гланъ, разсматривая карту. — Если намъ повезетъ, мы можемъ поселиться тамъ. Хозяйка — старая англичанка, «полукровка», какъ мнѣ разсказывали. А вождь живетъ въ сосѣднемъ селеніи. У него много женъ, нѣкоторымъ не больше десяти лѣтъ.

Ну, я не зналъ, что у вождя много женъ, и есть ли въ деревушкѣ отель, поэтому я ничего не сказалъ; но Гланъ улыбался, и улыбка его показалась мнѣ прекрасной.

Я забылъ, впрочемъ, что его никакъ нельзя было назвать идеаломъ мужчины, хотя онъ и былъ очень красивъ. Онъ самъ разсказывалъ, что на лѣвой ногѣ у него была старая огнестрѣльная рана, и что эта рана сильно ныла при всякой переменѣ погоды.

II.

Недѣлю спустя мы уже расположились въ большой хижинѣ, слывшей подъ названіемъ «отеля», у старой «англичанки». Боже мой, что это былъ за отель! Стѣны изъ глины, вперемежку съ рѣдкими бревнами, и эти бревна были насквозь изѣдены термитами, которые всюду ползали подъ ногами. Я жилъ въ комнатѣ рядомъ съ залой, въ ней было одно окно, выходившее на улицу, съ зеленымъ, довольно мутнымъ стекломъ. Гланъ выбралъ маленькую каморку наверху, на чердакѣ, откуда у него былъ тоже видъ на улицу, но только тамъ было еще хуже и темнѣе. Солнце пекло сквозь соломенную крышу, и въ комнатѣ его днемъ и ночью стояла почти

невыносимая жара; къ тому же вела въ нее не обыкновенная лѣстница, а почти отвѣсная приставная лѣсенка въ четыре ступеньки. Но что же я могъ подѣлать? Я предоставилъ выборъ Глану,—я сказалъ:

— Здѣсь двѣ комнаты, одна наверху, другая внизу, выбирайте!

И Гланъ осмотрѣлъ обѣ комнаты и выбралъ верхнюю, можетъ-быть, для того, чтобы уступить мнѣ лучшую. Но вѣдь я же и былъ ему благодаренъ за это. Я ничѣмъ ему не обязанъ.

Пока стояла самая сильная жара, мы не ходили на охоту, а мирно проводили время въ своей хижинѣ. Жара, дѣйствительно, была невѣроятная. Мы завѣшивали на ночь постели кисеей отъ насѣкомыхъ. Но все же случалось, что слѣпяя летучія мыши, безшумно влетая, съ размаху натыкались на наши сѣтки и прорывали ихъ. У Глана это случалось чрезвычайно часто, потому что ему постоянно приходилось держать открытымъ окошечко на крышу отъ жары; со мной же этого не бывало. Днемъ мы лежали на цыновкахъ передъ хижинкой, курили и наблюдали жизнь въ другихъ хижинахъ. Туземцы были темнокожій народъ, съ толстыми губами, всѣ съ кольцами въ ушахъ и мертвенными карими глазами; они ходили почти голые, развѣ съ полоской бумажной матеріи или плетеніемъ изъ листьевъ вокругъ пояса, а женщины, кромѣ того, носили короткія бумажныя юбки. Дѣти и днемъ и ночью были совершенно голыя, огромные, выпяченные животы ихъ блестяли отъ масла.

— Женщины слишкомъ жирны, — сказалъ Гланъ.

Я тоже находилъ, что женщины слишкомъ жирны, и, можетъ-быть, вовсе не Гланъ, а я первый подумалъ это; но я не стану съ нимъ соперничать и охотно предоставляю ему пальму первенства въ этомъ. Впрочемъ, женщины не всѣ были некрасивы, хотя лица у нихъ были жирныя и обрюзглыя. Я встрѣтилъ въ деревнѣ молодую дѣвушку, метиску, тамулійку, съ длинными волосами и бѣлоснѣжными зубами,—она была очень красива. Я натолкнулся на нее разъ вечеромъ, на краю рисоваго поля, она лежала на животѣ въ высокой травѣ и болтала ногами. Она могла говорить со мной, и мы проболтали столько, сколько мнѣ хотѣлось. Было ужъ почти утро, когда мы разстались, и она пошла не сразу домой, будто ночевала въ сосѣднемъ селеніи. Гланъ сидѣлъ въ тотъ вечеръ въ деревушкѣ, передъ хижинкой, съ двумя совсѣмъ молоденькими дѣвочками, врядъ ли имъ было больше десяти лѣтъ. Онъ болталъ и пилъ съ ними рисовую водку. Это было въ его вкусѣ!

Дня черезъ два мы отправились на охоту. Мы прошли чайныя плантаціи, рисовыя поля, луга, и миновали деревушку, повернули вдоль рѣки и вошли въ лѣсъ изъ удивительныхъ, незнакомыхъ деревьевъ, бамбуковъ, тамариндовъ, манговыхъ, камедныхъ,—да, Богъ вѣсть, какихъ только тамъ ни было деревьевъ, мы оба мало въ нихъ смыслили. Въ рѣкѣ было мало воды и никогда не бывало больше, вплоть до поры дождей. Мы застрѣлили двухъ дикихъ голубей и подъ вечеръ видѣли двухъ пантеръ; а надъ нашими головами летали попугаи. Гланъ стрѣлялъ ужасно мѣтко; онъ никогда не дѣлалъ промаха. Положимъ, ружье его было гораздо лучше моего, я тоже иной разъ стрѣлялъ ужасно мѣтко. Но я никогда этимъ не хвастался, Гланъ же часто говорилъ: «Этой я цѣлю въ хвостъ, а этой всыплю въ голову». Онъ говорилъ это прежде, чѣмъ спустить курокъ, и когда птица падала, то оказывалось, что дѣйствительно пуля попала ей въ хвостъ или въ голову. Когда мы наткнулись на этихъ двухъ пантеръ, Гланъ обязательно хотѣлъ выпалить по нимъ изъ своего дробовика, но я отговорилъ его, потому что уже темнѣло, а у насъ оставалось всего два патрона. И тутъ онъ тоже хотѣлъ порисоваться, что онъ такой храбрецъ и не боится стрѣлять по пантерамъ дробью.

— Досадно, что я все-таки не выстрѣлилъ, — сказалъ онъ мнѣ. — Почему вы такъ чертовски осторожны? Хотите жить подольше?

— Меня радуетъ, что вы находите, что я благоразумнѣе васъ, — отвѣтилъ я.

— Ну, не будемъ ссориться изъ-за такихъ пустяковъ, — сказалъ онъ.

Это были его слова, а не мои. Если бъ онъ захотѣлъ поссориться со мной,—на здоровье! Я началъ испытывать къ нему недоброежелательство за его легкомысленное поведеніе и за донжуанскія манеры. Вчера вечеромъ я шелъ совершенно спокойно съ Магги, тамулійкой, моей подругой, и оба мы были въ прекрасномъ настроеніи. Гланъ сидитъ передъ хижиной, кланяется и улыбается намъ, когда мы проходимъ. Магги увидѣла его тутъ въ первый разъ и съ любопытствомъ стала о немъ спрашивать. Онъ произвелъ на нее такое сильное впечатлѣніе, что, когда надо было разставаться, мы разошлись каждый въ свою сторону, и она не проводила меня до дому.

Когда я заговорилъ объ этомъ съ Гланомъ, онъ постарался змять разговоръ, какъ будто это не имѣло никакого значенія. Но я не забылъ этого. Не мнѣ же онъ кланялся и улыбался, когда мы проходили мимо хижины, а Магги.

— Что это она все жуесть? — спросил онъ меня.

— Не знаю, — отвѣтилъ я: — на то ей и даны зубы, чтобы жевать.

Для меня вовсе не было новостью, что Магги постоянно жуесть что-то, я давно замѣтилъ это. Но она жевала не бетель, потому что зубы ея были совершенно бѣлы, — просто у нея была привычка жевать что-нибудь, она совала въ ротъ и жевала, словно что-нибудь вкусное, все равно что: деньги, лоскутки бумаги, перья, — все, что попало. Это ничуть не унижало ее, она все-таки была первой красавицей въ деревнѣ; а Гланъ завидовалъ мнѣ, — въ этомъ вся и штука.

На слѣдующій вечеръ, впрочемъ, мы опять помирились съ Магги и позабыли о Гланѣ.

III.

Прошла недѣля. Мы ходили каждый день на охоту и истребляли пропасть всякой дичи. Разъ утромъ, едва мы вступили въ лѣсъ, Гланъ схватилъ меня за руку и шепнулъ: «Стойте!». Въ ту же минуту онъ вскидываетъ винтовку къ щекамъ и стрѣляетъ. Онъ застрѣлилъ молодого леопарда. Я тоже могъ бы застрѣлить его, но Гланъ забралъ честь себѣ и выстрѣлилъ первый. «Вотъ пойдете теперь хвастаться!» — подумалъ я. Мы подошли къ мертвому звѣрю, — онъ былъ убитъ на мѣстѣ. Пуля разорвала лѣвый бокъ и застряла въ спинѣ.

Я не люблю, чтобы меня хватали за руки, поэтому я сказалъ:

— Этотъ выстрѣлъ и я могъ бы сдѣлать.

Гланъ посмотрѣлъ на меня.

Я говорю опять:

— Вы, можетъ-быть, думаете, что не могъ бы?

Гланъ и тутъ ничего не отвѣчаетъ. Въмѣсто этого онъ снова проявляетъ свою ребячливость и стрѣляетъ вторично въ мертваго леопарда, на этотъ разъ въ голову. Я смотрю на него, ошеломленный.

— Я не могу допустить, — говоритъ онъ въ поясненіе: — чтобы узнали, что я выстрѣлилъ леопарду въ бокъ.

Слишкомъ велико было его тщеславіе, чтобы примириться съ такимъ простымъ выстрѣломъ, во всемъ онъ желалъ быть первымъ! До чего онъ былъ глупъ! Но это меня не касалось, я не собирался выдавать его.

Вечеромъ, когда мы пришли въ деревню съ мертвымъ леопардомъ, туземцы сбѣжались посмотреть его. Гланъ ска-

заль просто, что мы застрѣлили его утромъ, и не вдавался ни въ какія подробности. Пришла ц Магги.

— Кто его застрѣлил? — спросила она.

Гланъ отвѣтилъ:

— Сама видишь, двѣ раны. Мы застрѣлили его утромъ, только-что вышли изъ дому. — Онъ повернулъ звѣря и показалъ ей обѣ раны, на боку и на головѣ. — Вотъ сюда попала моя пуля, — сказалъ онъ и показалъ на рану въ боку, потому что въ глупости своей хотѣлъ предоставить выстрѣлъ въ голову мнѣ.

Мнѣ не хотѣлось поправлять его, да я и не сталъ. Потомъ Гланъ началъ угощать туземцевъ рисовой водкой и поилъ всѣхъ, безъ разбору.

— Такъ вы застрѣлили его оба вмѣстѣ, — сказала Магги, какъ бы про себя, но все время смотрѣла на Глана.

Я отвелъ ее въ сторону и сказалъ:

— Зачѣмъ ты все время смотришь на него? Я вѣдь тоже стою совсѣмъ близко.

— Да, да, — отвѣтила она. — Послушай: я приду сегодня вечеромъ.

Какъ разъ на слѣдующій день Гланъ получилъ письмо. Письмо пришло съ нарочнымъ, съ рѣчной станци, и сдѣлало крякъ въ сто восемьдесятъ миль. Письмо было написано женскимъ почеркомъ, и я подумалъ про себя, что, можетъ, оно отъ его бывшей пріятельницы, высокопоставленной дамы. Гланъ нервно расхохотался, прочитавъ его, и далъ посыльному кредитку на чай за то, что тотъ принесъ его. Но веселость его продолжалась недолго, и вскорѣ онъ сдѣлался мраченъ и молчаливъ и только и дѣлалъ, что сидѣлъ, уставившись неподвижнымъ взглядомъ въ пространство. Вечеромъ онъ напился съ однимъ туземцемъ-карликомъ и его сыномъ, обнимался и со мной, и во что бы то ни стало хотѣлъ заставить пить и меня.

— Чтò это вы такъ любезны сегодня вечеромъ? — сказалъ я.

Тогда онъ громко захохоталъ и сказалъ:

— Вотъ мы сидимъ тутъ въ глубинѣ Индіи и стрѣляемъ дичь. Развѣ это не ужасно забавно? А? Да здравствуютъ всѣ страны и царства міра, да здравствуютъ всѣ красивыя женщины, замужнія и незамужнія, ближнія и далекія! Хо-хо! Представьте себѣ: мужчина, и вдругъ женщина дѣлаетъ ему предложеніе, — замужняя женщина!

— Графиня! — сказалъ я насмѣшливо.

Я сказалъ это очень язвительно, и это задѣло его за живое. Онъ завылъ, какъ собака, потому что это причинило ему

боль. Потомъ онъ вдругъ наморщилъ лобъ и сталъ сверкать глазами и раздумывать, не сказалъ ли онъ чего лишняго, такъ онъ носился съ своей незначительной тайвой. Но въ это время приближало нѣсколько дѣтей къ нашей хижинѣ съ крикомъ: — «Тигры, ой-ой, тигры!» Тигръ утѣшилъ ребенка почти у самой деревни, въ заросли между рѣкой и деревней.

Этого было достаточно для Глана, пьянаго и разстроеннаго. Онъ схватилъ винтовку и мигомъ кинулся въ рощу къ заросли, даже шляпу не надѣлъ. Но почему же онъ теперь взялъ винтовку вмѣсто дробовика, если ужъ онъ такой храбрець? Ему надо было перейти рѣку вбродъ, что представляло нѣкоторую опасность, но рѣка, впрочемъ, была почти суха вплоть до дождей. Немного погодя я услышалъ два выстрѣла и вслѣдъ затѣмъ еще третій выстрѣлъ. «Три выстрѣла по одному звѣрю! — подумалъ я:— левъ и тотъ свалился бы отъ двухъ выстрѣловъ, а это вѣдь только тигръ!» Но даже и эти три выстрѣла были совершенно бесполезны, ребенокъ все равно былъ растерзанъ и наполовину съѣденъ, когда Гланъ приближалъ. Не будь онъ такъ пьянъ, онъ, разумѣется, не сталъ бы и пытаться спасти его.

Ночь онъ провелъ въ пьянствѣ и разгулѣ въ сосѣдней хижинѣ съ одной вдовой и ея двумя дочерьми, — Богъ вѣсть, съ которой изъ нихъ.

Въ теченіе двухъ дней Гланъ не былъ трезвъ ни на одну часть и приобрѣлъ зато многихъ товарищей для выпивки. Онъ тщетно уговаривалъ меня принять участіе въ попойкѣ. Онъ не слѣдилъ уже за своими словами и упрекалъ меня въ томъ, что я ревную къ нему.

— Ревность ослѣпляетъ васъ, — сказалъ онъ.

Ревность! Я ревную къ нему!

— Ну, знаете что, — сказалъ я: — ревновать къ вамъ! Съ чего бы это я сталъ ревновать къ вамъ!

— Ну, да, конечно, — отвѣтилъ онъ: — такъ вы не ревнуете ко мнѣ? А я видѣлъ сегодня вечеромъ Магги, она, по обыкновенію, жевала.

Я закусилъ губу и отошелъ.

IV.

Мы снова стали ходить на охоту. Гланъ чувствовалъ, что оскорбилъ меня, и просилъ у меня извиненія.

— А впрочемъ, мнѣ все это чертовски надоѣло, — сказалъ онъ: — я хотѣлъ бы, чтобы вы какъ-нибудь промахнулись и всадили мнѣ пулю въ шею.

Вотъ съ какими мыслями онъ носился — чтобы я всадила ему пулю въ шею! Можетъ-быть, письмо графини опять помутило ему рассудокъ, и я отвѣтилъ:

— Что поѣшь, то пожнешь.

Онъ становился съ каждымъ днемъ все мрачнѣе и молчаливѣе. Онъ пересталъ пить и не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова. Щеки его ввалились.

Однажды я вдругъ услышалъ разговоръ и смѣхъ подъ моимъ окномъ. Я выглянулъ. Главъ снова, съ самымъ веселымъ лицомъ, стоялъ и громко разговаривалъ съ Магги. Онъ пускалъ въ ходъ всѣ свои соблазнительные приемы. Магги, навѣрно, пришла прямо изъ дому, и Главъ поджидалъ ее. Они даже не постѣснились остановиться и любезничать прямо подъ моимъ окномъ.

Я почувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ и взвелъ курокъ на своей винтовкѣ, но потомъ опять спустилъ его. Я вышелъ изъ комнаты и взялъ Магги за руку. Мы молча пошли по деревнѣ. Главъ сейчасъ же исчезъ въ хижинѣ.

— Зачѣмъ ты опять съ нимъ разговариваешь? — спросилъ я Магги.

Она не отвѣчала.

Я былъ въ смертельномъ отчаяніи. Сердце мое колотилось такъ сильно, что я едва переводилъ духъ. Никогда Магги не казалась мнѣ такой красавицей, какъ въ эту минуту, я никогда не видалъ бѣлой дѣвушки, которая была бы такъ хороша, какъ она, и я забылъ, что она тамулійка, забылъ все ради нея.

— Отвѣчай мнѣ, — сказалъ я: — зачѣмъ ты разговариваешь съ нимъ?

— Онъ мнѣ больше нравится, — отвѣтила она.

— Онъ тебѣ больше нравится, чѣмъ я?

— Да.

Ага, — онъ нравится ей больше, чѣмъ я, хотя я отлично могъ бы потягаться съ нимъ! Развѣ я не давалъ ей всегда деньги и подарки? А онъ, что онъ дѣлалъ?

— Онъ насмѣхается надъ тобой, онъ говоритъ, что ты все время жуешь, — сказалъ я.

Она не поняла, и я объяснилъ ей, что у нея была привычка совать все, что ни попало, въ ротъ и жевать, и что Главъ поэтому смѣялся надъ ней. Это произвело на нее больше впечатлѣнія, чѣмъ всѣ остальные мои слова.

— Послушай, Магги, — продолжалъ я: — ты будешь моей навсегда. Хочешь? Я думаю объ этомъ, ты поѣдешь со мной, когда я буду уѣзжать отсюда, я женюсь на тебѣ, слышишь, мы поѣдемъ на мою родину и станемъ тамъ жить. Хочешь?

Это тоже произвело впечатлѣніе. Магги оживилась и много разговаривала со мной во время прогулки. Только разъ она назвала Глана. Она спросила:

— А Гланъ тоже поѣдетъ съ нами, когда мы будемъ уѣзжать?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я: — онъ не поѣдетъ. Ты огорчена этимъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, — быстро отвѣтила она: — я рада этому.

Больше она о немъ не заговаривала, я почувствовалъ себя спокойнѣе. Магги пошла со мной ко мнѣ, когда я попросилъ ее.

Когда черезъ два часа она ушла отъ меня, я вскарабкался наверхъ къ каморкѣ Глана и постучалъ въ тонкую тростниковую дверь. Онъ былъ дома.

Я сказалъ:

— Я пришелъ сказать вамъ, что, пожалуй, лучше не ходить намъ завтра на охоту.

— Почему? — спросилъ Гланъ.

— Потому что я не ручаюсь, что не промахнусь и не всажу вамъ пулю въ шею.

Гланъ не отвѣтилъ, и я сошелъ внизъ. Послѣ этого предупрежденія ему слѣдовало бы, конечно, не ходить завтра на охоту. Но зачѣмъ же онъ заманилъ Магги подъ мое окно и громко болталъ съ ней? Зачѣмъ онъ не уѣзжалъ домой, если въ письмѣ его дѣйствительно звали? вмѣсто этого онъ ходилъ, часто стискивалъ зубы и восклицалъ въ пространство:

— Никогда, никогда! Скорѣе я дамъ четверговать себя!

Но на слѣдующее утро послѣ моего предупрежденія Гланъ все-таки стоялъ у моей постели и кричалъ:

— Вставайте, товарищъ! Чудеснѣйшая погода, мы, навѣрное, что-нибудь подстрѣлимъ. А то, что вы сказали вчера — вздоръ.

Было не больше четырехъ часовъ, но я сейчасъ же всталъ и собрался идти, разъ онъ пренебрегалъ моимъ предостереженіемъ. Я зарядилъ ружье передъ уходомъ и сдѣлалъ это при немъ, чтобы онъ видѣлъ, что я дѣлаю. Вдобавокъ погода во все не была такая чудесная, какъ онъ говорилъ. Шелъ дождь, и этимъ онъ еще подчеркнулъ свое издѣвательство надо мной, но я сдѣлалъ видъ, будто ничего не замѣчаю, и молча пошелъ съ нимъ.

Весь день мы бродили по лѣсу, каждый съ своими мыслями. Мы ничего не застрѣлили. Мы то и дѣло пропускали дичь, потому что думали о другихъ вещахъ, а не объ охотѣ. Около полудня Гланъ сталъ заходить впереди меня, словно желая дать мнѣ случай сдѣлать то, что я хотѣлъ. Онъ шелъ какъ

разъ передъ дуломъ моего ружья, но и эту насмѣшку я стерпѣлъ. Мы вернулись вечеромъ, и ничего не случилось. Я думалъ: «Можетъ, теперь онъ побережется и оставитъ Магги въ покоѣ!»

— Это былъ самый длинный день въ моей жизни, — сказалъ Гланъ вечеромъ, когда мы стояли у хижины.

Больше между нами не было никакого разговора.

Слѣдующіе дни онъ былъ въ мрачнѣйшемъ настроеніи, навѣрное, все изъ-за того же письма. «Я этого не вынесу, нѣтъ, я совершенно не могу этого вынести!»—говорилъ онъ иногда по ночамъ; это слышно было по всему дому. Его раздражительность дошла до того, что онъ не отвѣчалъ на самые любезные вопросы нашей хозяйки и стоналъ даже во снѣ. «Много, должно-быть, лежитъ на его совѣсти!»—думалъ я. Но чего ради, чортъ возьми, онъ не ѣдетъ домой? Навѣрно, гордость мѣшала ему, онъ не хотѣлъ возвращаться, разъ ему отказали.

Я видѣлся съ Магги каждый вечеръ, и Гланъ больше съ ней не разговаривалъ. Я обратилъ вниманіе, что она уже не жевала. Она совсѣмъ перестала жевать, и я радовался этому и думалъ: «Она больше не жуетъ, однимъ недостаткомъ меньше, и я люблю ее вдвое больше!» Одинъ разъ она спросила про Глана. Здоровъ ли онъ? Ужъ не уѣхалъ ли онъ?

— Если онъ не умеръ или не уѣхалъ,—отвѣчалъ я:—такъ, навѣрное, онъ лежитъ у себя. Мнѣ это совершенно безразлично. Онъ положительно невыносимъ.

Но, подходя къ хижинѣ, мы увидѣли Глана. Онъ лежалъ на циновкѣ на землѣ, заложивъ руки подъ голову, и смотрѣлъ въ небо.

— Да, впрочемъ, вонъ онъ лежитъ,—сказалъ я.

Магги сейчасъ же подошла къ нему, такъ что я не успѣлъ остановить ее, и сказала радостнымъ голосомъ:

— Я больше не жую, посмотри самъ! Ни перьевъ, ни денегъ, ни бумажекъ,—ничего больше не жую!

Гланъ едва взглянулъ на нее и продолжалъ неподвижно лежать; а мы съ Магги ушли. Когда я сталъ упрекать ее за то, что она нарушила свое обѣщаніе и опять заговорила съ Гланомъ, она сказала, что хотѣла осадить его.

— Да, это отлично, — сказалъ я: — осади его хорошенько. Но развѣ ты ради него перестала жевать?

Она не отвѣчала. Чтò? Она не хочетъ отвѣтить?

— Отвѣчай, слышишь, ради него или нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтила она тогда:—ради тебя.

И я не могъ ей не повѣрить. Съ какой стати стала бы она дѣлать что-нибудь ради Глана?

Вечеромъ Магги обѣщала притти ко мнѣ и пришла.

V.

Она пришла въ десять часовъ, я слышалъ ея голосъ на улицѣ. Она громко говорила съ ребенкомъ, котораго вела за руку. Почему же она не входила, и зачѣмъ съ ней былъ ребенокъ? Я наблюдаю за ней, у меня является предчувствіе, что, говоря громко съ ребенкомъ, она какъ бы даетъ сигналъ. Я вижу также, что взглядъ ея направленъ вверхъ на крышу, къ окну Глана. Можетъ-быть, онъ кивнулъ ей или поманилъ изъ окна, когда услышалъ ея голосъ? Во всякомъ случаѣ, я отлично понималъ, что не зачѣмъ смотрѣть такъ высоко вверхъ, когда разговариваешь съ ребенкомъ, стоящимъ на землѣ.

Я намѣревался выйти къ ней и взять ее за руку; но въ эту самую минуту она выпустила руку ребенка, оставила его на улицѣ и сама вошла въ дверь хижины, вошла въ сѣни. Ну, наконецъ-то она идетъ, проберу же я ее, когда она придетъ!

И вотъ я стою и слышу, какъ Магги входитъ въ сѣни. Я не ошибаюсь, она уже у самой моей двери. Но вмѣсто того, чтобы ей войти ко мнѣ, я слышу, она идетъ по лѣстницѣ, на чердакъ Глана; я слышу это совершенно ясно. Я распахиваю настежь свою дверь, такъ что она ударяется объ стѣну, но Магги уже наверху. Дверь за ней затворяется, и я больше ничего не слышу. Это произошло въ десять часовъ.

Я возвращаюсь въ свою комнату и сажусь. Беру ружье и заряжаю его, хотя на дворѣ уже ночь. Въ двѣнадцать часовъ я взбираюсь по лѣстницѣ, я слышу, что Магги еще тамъ. Я слышу, какъ она ласкаетъ Глана, и опять ухожу внизъ. Въ часъ я опять иду наверхъ. Тамъ все тихо. Я жду у двери, пока они проснутся. Три часа, четыре, и только въ пять часовъ они проснулись. «Это хорошо!» — подумалъ я, и думалъ только о томъ, что они проснулись, и что это очень хорошо. Но немного спустя я услышалъ шумъ и движеніе внизу, въ комнатѣ хозяйки, и долженъ былъ поспѣшно удалиться, чтобы она не застала меня. Гланъ и Магги, очевидно, проснулись, и я могъ бы послушать еще дольше, но пришлось уйти.

Въ сѣняхъ я сказалъ себѣ:

«Вотъ тутъ она прошла, она задѣла рукой мою дверь, но не отворила двери. Она пошла наверхъ по лѣсенкѣ. А вотъ и лѣсенка. Вотъ четыре ступеньки. Она прошла по нимъ».

Постель моя стояла нетронутой, я и теперь не легъ на нее, а сѣлъ у окна и сталъ вертѣть ружье. Сердце мое не билось, оно дрожало.

Черезъ полчаса я слова слышу шаги Магги по лѣстницѣ. Я приникаю къ стеклу и вижу, какъ она выходитъ изъ хижины. Она была въ коротенькой бумажной юбочкѣ, которая не достигала ей даже до колѣнъ, а на плечи накинула шерстяной платокъ, который взяла у Глана. За исключеніемъ этого, она была совершенно голая, и коротенькая юбка была сильно измята. Она шла медленно, по своему всегдашнему обыкновенію, и даже не взглянула на мое окно. Вскорѣ она исчезла за хижинами.

Немного спустя сошелъ внизъ Гланъ, съ винтовкой подъ мышкой, совсѣмъ готовый на охоту. Онъ былъ мраченъ и не поздоровался. Впрочемъ, онъ принарядился и вообще отнесся съ необыкновеннымъ тщаніемъ къ своему туалету. «Нарядился, словно женихъ!»—подумалъ я.

Я сейчасъ же собрался и пошелъ съ нимъ,—никто изъ насъ не сказалъ ни слова. Первыхъ двухъ курочекъ, которыхъ мы застрѣлили, мы совершенно разорвали, потому что стрѣляли изъ винтовокъ. Но мы все-таки изжарили ихъ подъ деревьями и съѣли въ полномъ молчаніи. Такъ прошло время до двѣнадцати часовъ.

Гланъ крикнулъ мнѣ:

— Увѣрены вы въ томъ, что зарядили ружье? Можетъ, мы наткнемся на что-нибудь необыкновенное. Зарядите на всякій случай.

— Я зарядилъ,—отвѣтилъ я.

Онъ исчезъ на минуту за кустомъ. Съ какой радостью я убью его, застрѣлю, какъ собаку! Торопиться некуда, пусть его наслаждается этой мыслью, а онъ очень хорошо понималъ, что у меня на умѣ, поэтому и спросилъ, зарядилъ ли я. Даже сегодня онъ не могъ отбросить своей гордости, нарядился и надѣлъ новую рубашку! Выраженіе его лица было въ высшей степени высокомерно.

Въ часъ онъ останавливается передо мной, блѣдный и злой, и говоритъ:

— Нѣтъ, я этого не выдержу! Посмотрите же, чортъ васъ возьми, заряжено ли у васъ ружье, положенъ ли у васъ зарядъ?

— Будьте любезны, смотрите лучше за вашимъ собственнымъ ружьемъ,—отвѣчалъ я.

Но я очень хорошо зналъ, почему онъ все спрашиваетъ меня о моемъ ружьѣ.

Онъ опять отошелъ отъ меня. Отвѣтъ мой ловко осадилъ его. Онъ притихъ и отошелъ, повѣсивъ голову.

Немного погодя я застрѣдилъ голубя и опять вложилъ зарядъ. Пока я заряжалъ, Гланъ стоялъ за деревомъ и смотрѣлъ

на меня. Онъ видѣлъ, что я дѣйствительно вложилъ зарядъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ громко и торжественно пѣть псаломъ, да еще свадебный псаломъ. «Онъ поетъ свадебные псалмы и надѣлъ свое лучшее платье, — подумалъ я:—этимъ онъ думаетъ быть особенно обольстительнымъ сегодня». Еще не допѣвъ до конца, онъ тихонько пошелъ передо мной, съ опущенной головой, и пока я шелъ, онъ все пѣлъ. Онъ опять шелъ подъ самымъ дуломъ моего ружья, словно думалъ: «Ну вотъ, сейчасъ это случится, поэтому я и пою этотъ свадебный псаломъ!» Но ничего не случилось и на этотъ разъ, и, замолчавъ, онъ обернулся ко мнѣ.

— Этакъ мы не много убьемъ сегодня, — сказалъ онъ и улыбнулся, извиняясь за то, что пѣлъ на охотѣ.

Но даже и въ эту минуту улыбка его была прекрасна, словно въ душѣ онъ плакалъ, и губы его дѣйствительно дрожали, хотя онъ и рисовался тѣмъ, что можетъ улыбаться въ такой серьезный часъ.

Я не женщина, и онъ ясно видѣлъ, что не производитъ впечатлѣнiя на меня. Онъ сталъ нетерпѣливъ, поблѣднѣлъ, кружилъ вокругъ меня быстрыми шагами, заходилъ то справа, то слѣва, изрѣдка останавливался и поджидалъ меня. Въ пять часовъ я вдругъ услышалъ выстрѣлъ, и пуля просвистѣла прямо надъ моимъ лѣвымъ ухомъ. Я поднялъ голову, Гланъ стоялъ неподвижно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня и смотрѣлъ на меня. Дымящееся ружье лежало на его рукѣ. Ужъ не хотѣлъ ли онъ застрѣлить меня?—Я сказалъ:

— Вы промахнулись, вы стали плохо стрѣлять въ послѣднее время.

Но онъ стрѣлялъ не плохо, онъ никогда не давалъ промаха, онъ просто хотѣлъ подразнить меня.

— Такъ что же вы не мстите, дьяволъ васъ возьми! — крикнулъ онъ.

— Въ свое время,—сказалъ я и стиснулъ зубы.

Мы стоимъ и смотримъ другъ на друга, и вдругъ Гланъ пожимаетъ плечами и кричитъ мнѣ:

— Трусъ!

Ну, и лучше бы ему не называть меня трусомъ! Я вскинулъ ружье, приложился, прицѣлился ему прямо въ лицо и спустилъ курокъ.

Что посѣешь, то пожнешь...

Теперь семейству Гланъ не зачѣмъ уже искать этого чловѣка. Меня раздражаетъ, что я постоянно натываюсь на это

дурацкое объявленіе о такомъ-то и такомъ-то вознагражденіи за какое-нибудь сообщеніе о мертвецѣ. Томасъ Гланъ умеръ отъ несчастнаго случая, отъ случайнаго выстрѣла на охотѣ въ Индіи. Судъ занесъ его имя и обстоятельства его смерти въ протоколъ съ прошнурованными листами, и въ протоколѣ этомъ сказано, что онъ умеръ,—говорю я вамъ, да!—и даже, что онъ умеръ отъ случайнаго выстрѣла.

ВИКТОРІА.

Исторія одной любви.

I.

Сынъ мельника шелъ и думалъ. Это былъ здоровый подростокъ лѣтъ четырнадцати, съ загорѣлой, обвѣтренной головой, полной всевозможныхъ фантазій.

Когда онъ вырастетъ, онъ сдѣлается пиротехникомъ. Это такъ красиво и опасно. На пальцахъ у него будетъ сѣра, такъ что никто не станетъ пожимать ему руку. Зато товарищи будутъ очень уважать его страшное ремесло.

Онъ посматривалъ на своихъ птицъ въ лѣсу. Вѣдь онъ зналъ ихъ всѣхъ, зналъ, гдѣ находятся ихъ гнѣзда, понималъ ихъ крики и перекликался съ ними на разные голоса. Не разъ кормилъ онъ ихъ мучными шариками съ отцовской мельницы.

Всѣ эти деревья вдоль тропинки были его добрыми знакомыми. Весной онъ выцѣживалъ изъ нихъ сокъ, а зимой былъ для нихъ настоящимъ маленькимъ отцомъ, отряхалъ съ нихъ снѣгъ, расправлялъ мимоходомъ ихъ сучья. Да и тамъ, наверху, въ заброшенной гранитной каменоломнѣ, ни одинъ камень не былъ ему чужой. Онъ выбилъ на нихъ разные буквы и знаки, втащилъ ихъ наверхъ и разставилъ ихъ, словно прихожанъ вокругъ пастора. Въ этой старой каменоломнѣ происходили настоящія чудеса.

Онъ свернулъ въ сторону и спустился къ плотинѣ. Мельница работала. Его обдало тяжелымъ, невообразимымъ шумомъ. Онъ привыкъ бродить тутъ и велухъ разговаривать самъ съ собою. Здѣсь каждая жемчужинка пѣны словно хотѣла рассказать маленькую исторію своей жизни, а вода, падавшая у шлюза, похожа была на бѣлый холстъ, развѣшанный для про-

сушки. У плотины, ниже водопада, водилась рыба. Много разъ стоялъ онъ тамъ со своей удочкой.

Когда онъ вырастетъ, онъ сдѣлается водолазомъ. Это ужъ непрѣмѣнно. Тогда онъ будетъ спускаться въ море съ палубы корабля и очутится въ невѣдомыхъ странахъ и царствахъ, гдѣ стоятъ и качаются большіе дивные лѣса и со дна поднимаются коралловые замки. А изъ окна кивнетъ ему принцесса и скажетъ: «Войди!»

Тутъ онъ услыхалъ за собой свое имя. За нимъ стоялъ отецъ и звалъ его:

— Иоганнесь! За тобой прислали изъ замка. Тебѣ придется перевезти молодыхъ господъ на островъ.

Онъ быстро повернулся и пошелъ обратно. Новая и большая честь оказана была сыну мельника.

Господская усадьба, вся въ зелени, имѣла видъ маленькаго замка, да, видъ фантастическаго уединеннаго дворца. Домъ былъ деревянный, окрашенный въ бѣлую краску, со многими круглыми окнами въ стѣнахъ и на крышѣ, а надъ круглой башней развѣвался флагъ, когда въ замкѣ бывали гости. Народъ называлъ его замкомъ. Съ одной стороны усадьбы лежалъ заливъ, съ другой тянулись обширные лѣса. Вдали видѣлось нѣсколько маленькихъ поселковъ.

Иоганнесь встрѣтилъ молодежь на пристани и посадилъ всѣхъ въ лодку. Онъ зналъ ихъ и раньше: это были дѣти владѣльца замка и ихъ товарищи изъ города. Всѣ они были въ высокихъ салогахъ, чтобы переходить вбродъ; но Викторію, которая была только въ маленькихъ туфелькахъ и которой при томъ же было не болѣе десяти лѣтъ, пришлось нести на рукахъ, когда подѣхали къ острову.

— Снести тебя? — спросилъ Иоганнесь.

— Я снесу! — сказалъ городской щеголь Отто, юноша въ конфирмаціонномъ возрастѣ, и взялъ ее на руки.

Иоганнесь стоялъ и смотрѣлъ, какъ ее внесли на высокій берегъ, и слышалъ, какъ она поблагодарила. Отто сказалъ, оглянувшись:

— Да, такъ ты вѣдь присмотришь за лодкой?.. Какъ его звать-то?

— Иоганнесь, — отвѣчала Викторія. — Да, онъ присмотритъ за лодкой.

Онъ остался. Другіе пошли бродить по острову съ корзиночками въ рукахъ, для сбора птицѣихъ яицъ. Онъ стоялъ нѣкоторое время въ раздумѣ. Ему очень бы хотѣлось идти

вмѣстѣ съ ними, а лодку они свободно могли бы вытащить на берегъ. Слишкомъ тяжело? Нѣтъ, она не слишкомъ тяжела. Онъ схватился руками за лодку и подтащилъ ее на берегъ.

Онъ слышалъ смѣхъ и болтовню маленькой удалявшейся компаніи. Хорошо же, такъ до свиданья! Однако они отлично могли бы взять его съ собою. Онъ зналъ гнѣзда, къ которымъ могъ бы сводить ихъ, таинственные невѣдомыя ущелья въ горахъ, въ которыхъ живутъ хищныя птицы съ мохнатыми хохолками надъ клювами. Онъ даже разъ увидалъ тамъ горностаю.

Онъ столкнулъ лодку въ воду и рѣшилъ подѣхать къ острову съ другой стороны. Онъ проплылъ уже порядочный кусокъ, какъ вдругъ ему крикнули:

— Возвращайся обратно. Ты пугаешь птицъ.

— Я только хотѣлъ показать вамъ, гдѣ живутъ горностаи,— отвѣчалъ онъ. — Онъ подождалъ немножко. — А то мы могли бы выкуривать змѣй изъ норъ. У меня есть и лучинки съ собою.

Отвѣта не послѣдовало. Тогда онъ повернулъ лодку и причалилъ опять къ прежнему мѣсту. Онъ вытащилъ лодку на берегъ.

Когда онъ вырастетъ, онъ купитъ островъ у султана и всѣмъ запретитъ причаливать къ нему. Военное судно будетъ охранять его берега. «Ваше величество,—доложить ему рабы:—вотъ мчится лодка, она несется на рифъ, она разбилась, и молодые люди на ней гибнутъ». — «Пусть гибнутъ!»—отвѣчаетъ онъ.— «Ваше величество, они зовутъ на помощь, мы еще можемъ спасти ихъ, а среди нихъ есть женщина въ бѣломъ платьѣ». — «Спасти ихъ!»—приказываетъ онъ громовымъ голосомъ. Тутъ онъ видитъ опять дѣтей изъ замка послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, и Викторія падаетъ къ его ногамъ и благодаритъ за спасеніе.—«Не за что благодарить меня: я исполнилъ только свой долгъ,—отвѣчаетъ онъ:—вся страна моя къ вашимъ услугамъ». И онъ велитъ отворить для нихъ ворота своего замка и будетъ угощать ихъ кушаньями на золотыхъ блюдахъ, и триста темнокожихъ рабынь будутъ пѣть и плясать имъ всю ночь. Но, когда дѣти изъ замка соберутся уѣзжать, Викторія не въ состояніи будетъ слѣдовать за ними. Она разразится рыданіями и признается, что любитъ его. «Позвольте мнѣ остаться здѣсь, не гоните меня, ваше величество, сдѣлайте меня одной изъ рабынь вашихъ»...

Онъ сталъ быстро взбираться на островъ, весь охваченный волненіемъ. Разумѣется, онъ спасетъ дѣтей изъ замка. Какъ знать, можетъ-быть, они заблудились на островѣ, можетъ-быть,

Викторія повисла гдѣ-нибудь между двухъ скалъ и не можетъ высвободиться? Ему стѣдуетъ только протянуть руку, чтобы спасти ее.

Но, когда онъ пришелъ, дѣти посмотрѣли на него съ удивленіемъ. А лодку онъ оставилъ?

— Я на твою отвѣтственность сдалъ лодку, — сказалъ Отто.

— Я могъ бы показать вамъ, гдѣ здѣсь есть малина, — говоритъ Іоганнесъ.

Въ обществѣ молчаніе. Только Викторія ухватилась за это.

— Неужели? Гдѣ же это?

Но городской щеголь тотчасъ спохватился и сказалъ:

— Теперь намъ некогда этимъ заняться.

Іоганнесъ сказалъ:

— Я знаю также, гдѣ найти раковинокъ.

Новое молчаніе.

— А жемчужины есть въ нихъ? — спросилъ Отто.

— Ахъ, вотъ кабы были! — воскликнула Викторія.

Іоганнесъ отвѣчалъ, что — нѣтъ, этого онъ не знаетъ; но что раковины лежатъ далеко въ морѣ на бѣломъ пескѣ; туда надо доѣхать на лодкѣ и нырнуть за ними.

Тогда эта идея была совершенно отвергнута, и Отто сказалъ:

— Ты что: за водолаза меня принимаешь, что ли?

Іоганнесъ началъ тяжело дышать.

— Если хотите, я могу подняться на ту скалу и сброшу оттуда тяжелый камень въ море, — сказалъ онъ.

— Зачѣмъ?

— Ни за чѣмъ. Такъ, вы бы посмотрѣли.

Однако и это предложеніе не было принято, и Іоганнесъ замолкъ, угнетенный. Тогда онъ пошелъ за яйцами, вдали отъ другихъ, по другому краю острова.

Когда все общество снова собралось внизу у лодки, у Іоганнеса было гораздо больше яицъ, чѣмъ у другихъ; онъ осторожно несъ ихъ въ шапкѣ.

— Какъ это ты нашелъ такъ много? — спросилъ горожанинъ.

— Я знаю, гдѣ гнѣзда, — отвѣчалъ ошачливленный Іоганнесъ. — Теперь я сложу ихъ вмѣстѣ съ твоими, Викторія.

— Постой, — воскликнулъ Отто: — это зачѣмъ?

Всѣ оглянулись на него. Отто указалъ на шапку пальцемъ и спросилъ:

— Кто мнѣ поручится, что твоя шапка чиста?

Іоганнесъ ничего не отвѣтилъ. Его счастье совершенно разсѣялось. Онъ повернулся и пошелъ обратно въ глубь острова.

— Куда это онъ? Куда онъ пошелъ? — сказалъ съ нетерпѣніемъ Отто.

— Куда ты идешь, Иоганнесъ? — закричала Викторія и бросилась за нимъ.

Онъ остановился и отвѣчалъ съ трудомъ:

— Я положу ихъ обратно въ гнѣзда.

Они нѣкоторое время стояли и смотрѣли другъ на друга.

— А потомъ я пойду въ каменоломню послѣ обѣда, — сказалъ онъ.

Она не отвѣтила.

— Я тогда могъ бы показать тебѣ пещеру.

— Да, только я такъ боюсь! — отвѣчала она. — Ты говорилъ, что тамъ такъ темно.

Тутъ Иоганнесъ улыбнулся, несмотря на все свое огорченіе, и сказалъ мужественно:

— Да, но вѣдь я же буду съ тобою.

Онъ проводилъ всѣ свои дни наверху въ старой каменоломнѣ. Люди слышали, что онъ тамъ работаетъ и говоритъ, хотя онъ былъ тамъ одинъ; иногда онъ изображалъ священника и служилъ обѣдню.

Мѣсто это давно уже было заброшено. Теперь камни заросли мохомъ, и всякіе слѣды рукъ человѣческихъ заглохли. Но внутри, въ таинственной пещерѣ сынъ мельника убралъ и украсилъ все съ большимъ вкусомъ и жилъ здѣсь атаманомъ самой храброй въ мѣрѣ разбойничьей шайки.

Онъ звонитъ въ серебряный колокольчикъ. Выскакиваетъ маленькій человѣчекъ, карликъ съ брильянтовой пряжкой на пальчкѣ, и повергается ницъ. — «Когда придетъ принцесса Викторія, введи ее сюда», — говоритъ громкимъ голосомъ Иоганнесъ. Карликъ снова повергается въ прахъ и исчезаетъ. Иоганнесъ съ наслажденіемъ вытягивается на мягкомъ диванѣ и думаетъ. Вотъ тутъ онъ предложитъ ей сѣсть и станетъ подносить ей тончайшія яства на золотыхъ и серебряныхъ блюдахъ. Пылающій костеръ освѣтитъ пещеру; за тяжелой, вышитой золотомъ занавѣсью въ глубинѣ пещеры воздвигнутъ ей ложе, и двѣнадцать рыцарей станутъ на стражѣ...

Иоганнесъ вскочилъ, выползъ изъ пещеры и прислушался. Внизу на тропинкѣ послышался шелестъ вѣтвей и листьевъ.

— Викторія? — окликнулъ онъ.

— Да! — отвѣчала она.

Онъ пошелъ ей навстрѣчу.

— Я не рѣшаюсь, — говорятъ она.

Онъ пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ:

— Я только-что тамъ былъ. Я прямо оттуда.

Они входятъ въ пещеру. Онъ предлагаетъ ей мѣсто на камнѣ и говоритъ:

— На этомъ камнѣ сидѣлъ великанъ.

— Ахъ, молчи, молчи, не рассказывай больше. Ты не боялся?

— Нѣтъ.

— Да, но ты говорилъ, что у него былъ только одинъ глазъ, а вѣдь это бываетъ у тролльдовъ.

Иоганнесъ задумался.

— У него было два глаза, но одинъ изъ нихъ слѣпой. Онъ самъ сказалъ.

— А что онъ еще сказалъ? Нѣтъ, нѣтъ, не рассказывай!

— Онъ спросилъ, не желаю ли я поступить къ нему на службу.

— Да, но ты, конечно, не согласился? Боже тебя сохрани!

— Ну вотъ еще! Я не отказался.

— Да ты съ ума сошелъ! Или ты хочешь, чтобы тебя замуровали въ скалѣ?

— Да не знаю, право. Вѣдь и на землѣ тоже скверно.

Пауза.

— Съ тѣхъ поръ, какъ эти горожане прѣхали, ты постоянно съ ними, — говоритъ онъ.

Новая пауза.

Иоганнесъ продолжаетъ:

— А вѣдь я сильнѣе любого изъ нихъ, чтобы поднять тебя и вынести изъ лодки. Я убѣжденъ, что могу продержать тебя на рукахъ цѣлый часъ. Вотъ посмотри.

Онъ взялъ ее на руки и поднялъ. Она охватила его шею руками.

— Хорошо, ну, теперь больше не надо.

Онъ спустилъ ее на землю. Она сказала:

— Да, но и Отто тоже сильный. Онъ боролся и съ взрослыми.

Иоганнесъ переспросилъ съ сомнѣніемъ:

— Съ взрослыми?

— Да, боролся. Въ городѣ.

Пауза. Иоганнесъ въ раздумьѣ.

— Такъ-то. Ну, значить, нечего больше и толковать, — говоритъ онъ. — Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать.

— Что ты сдѣлаешь?

— Я наймусь къ великану.

— Нѣтъ, слушай, вѣдь ты сумасшедшій! — восклицаетъ Викторія.

— Ну вот еще! Все нѣтъ. Я даже почти радъ этому. Я непремѣнно это сдѣлаю.

Викторія задумывается, ища выхода.

— Да, но вѣдь онъ, можетъ-быть, больше и не придетъ сюда?

Иоаннесъ отвѣчаетъ:

— Придетъ.

— Сюда?—спрашиваетъ Викторія съ тревогой.

— Да.

Викторія встаетъ и направляется къ выходу.

— Пойдемъ, будемъ лучше на волѣ.

— Это не къ спѣху,—говоритъ Иоаннесъ, который и самъ побѣднѣлъ.—Потому что вѣдь онъ не придетъ раньше ночи. Въ полночь.

Викторія успокаивается и хочетъ снова занять свое мѣсто. Но Иоаннесу и самому становится трудно побѣдить страхъ, его тоже пробираетъ дрожь, оставаться въ пещерѣ слишкомъ опасно, и онъ говоритъ:

— Если ты непремѣнно хочешь выйти, то у меня есть тамъ камень съ твоимъ именемъ. Хочешь, я покажу тебѣ?

Они вылѣзли изъ пещеры и нашли камень. Викторія горда и довольна имъ. Иоаннесъ тронуть, онъ чуть не плачетъ и говоритъ:

— Когда ты будешь смотрѣть на него, то иногда вспомнишь обо мнѣ, когда меня ужъ не будетъ здѣсь. Ты тогда подумай обо мнѣ что-нибудь хорошее.

— Да, да,—отвѣчаетъ Викторія:—но вѣдь ты вернешься?

— Ну, это Богъ знаетъ. Нѣтъ, я, пожалуй, не вернусь.

Они направились къ дому. Иоаннесъ близокъ къ тому, чтобы расплакаться.

— Ну, до свиданья,—говоритъ Викторія.

— Нѣтъ, я могу проводить тебя еще немножко.

То, что она такъ безсердечно можетъ сказать ему «до свиданья», чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, подымаетъ горечь и обиду въ его уязвленной душѣ. Онъ вдругъ останавливается и говорить съ праведнымъ гнѣвомъ:

— Только вотъ что я скажу тебѣ, Викторія: ты не найдешь больше никого, кто былъ бы такъ добръ къ тебѣ, какъ я. Одно только это я и скажу тебѣ.

— Да, но и Отто тоже очень добръ,—возражаетъ она.

— Ну что жь, и бери его.

Они дѣлаютъ нѣсколько шаговъ молча.

— А я еще отлично могу устроиться. Объ этомъ ты не безпокойся. Потому что ты даже представить себѣ не можешь, что получу я за службу.

— Нѣтъ. А что ты получишь?

— Полцарства. Это во-первыхъ.

— Неужели полцарства?

— А еще получу я принцессу.

Викторія останавливается.

— Это, навѣрно, неправда?

— Отчего же, онъ такъ сказалъ.

Пауза. Викторія замѣчаетъ какъ бы про себя:

— А интересно: какая-то она?

— О, Господи помилуй! Да она красивѣе всѣхъ людей на землѣ. Вѣдь это же давно всѣмъ извѣстно.

Викторія смущена.

— А тебѣ хочется, чтобы тебѣ ее отдали?—спрашиваетъ она.

— Да,—отвѣчаетъ онъ:—оно такъ и будетъ навѣрно.—Но, видя, что Викторія дѣйствительно взволнована, онъ прибавляетъ:—Однако можетъ случиться, что я еще вернусь когда-нибудь, что я выговорю себѣ право прогуляться когда-нибудь по землѣ.

— Да, только не бери ее съ собою,—проситъ она.—Зачѣмъ она тебѣ здѣсь?

— Нѣтъ, я могу притти одинъ.

— Обѣщай мнѣ это.

— Ну что жъ, я могу это обѣщать. Только что тебѣ за дѣло до меня! Я никакъ не ожидалъ, что ты заботишься обо мнѣ.

— Нѣтъ, послушай, этого ты не долженъ говорить,—отвѣчаетъ Викторія:—я увѣрена, что она не такъ любитъ тебя, какъ я.

Теплая радость заливаетъ его юное сердце. Изъ-за этихъ словъ онъ готовъ упасть на землю отъ радости и смущенія. Онъ не смѣетъ взглянуть на нее и смотреть въ сторону. Потомъ онъ подымаетъ вѣточку съ земли, обгрызаетъ ея кору и хлещетъ себя ею по рукѣ. Наконецъ въ замѣшательствѣ своемъ онъ начинаетъ свистать.

— Ну, теперь мнѣ надо идти домой,—произноситъ онъ рѣшительно.

— Прощай,—отвѣчаетъ она и протягиваетъ ему руку.

II.

Сынъ мельника уѣхалъ. Онъ долго оставался вдали. Онъ ходилъ въ школу, выросъ, сталъ большимъ и сильнымъ, и верхняя губа его покрылась пушкомъ. До города было далеко; путешествіе туда и обратно стоило дорого; многіе годы рас-

четливый мельник держалъ сына въ городѣ и лѣто и зиму. Тотъ все время читалъ.

Но теперь онъ сталъ взрослымъ человѣкомъ: ему было лѣтъ восемнадцать-двадцать.

Такимъ-то причалилъ онъ однажды къ родному берегу весною, послѣ полудня. Надъ замкомъ поднять былъ флагъ по случаю прїѣзда сына. Тотъ также вернулся домой съ тѣмъ же пароходомъ; за нимъ посланъ былъ къ пристани экипажъ. Иоганнесь поклонился владѣльцу замка, его женѣ и Викторіи. Какая большая, высокая стала Викторія! Она не отвѣтила на его поклонъ. Онъ вторично снялъ шляпу и слышалъ, какъ она спросила у брата:

— Дитлефъ, кто это кланяется?

Братъ отвѣтилъ:

— Это Иоганнесь, Иоганнесь Мёллеръ.

Она снова посмотрѣла на него; однако онъ не считъ нужнымъ кланяться нѣсколько разъ. Такъ и уѣхала коляска.

Иоганнесь отправился домой.

О, Боже мой, какимъ смѣннымъ и маленькимъ сталъ его домикъ! Онъ не могъ войти въ двери, не нагибаясь. Родители встрѣтили его подаркомъ. Его охватило сильное волненіе. Всякая вещь здѣсь была такъ дорога и трогательна. Родители стали такіе сѣдые и ласковые; они поочередно протянули ему руку и сказали:

— Добро пожаловать!

Въ тотъ же вечеръ обошелъ и осмотрѣлъ онъ все. Побывалъ у мельницы, въ каменоломнѣ, на мѣстахъ, гдѣ когда-то удилъ рыбу. Съ грустью прислушался къ знакомымъ голосамъ птицъ, которыя уже свили себѣ гнѣзда въ вѣтвяхъ, и навѣдался къ огромному муравейнику въ лѣсу. Муравьевъ не было, муравейникъ вымеръ. Онъ раскопалъ его; жизнь въ немъ уже прекратилась. Бродя всюду, онъ замѣтилъ, что господскій лѣсъ сильно повyrубленъ.

— Узнаешь ты тутъ все? — спросилъ отецъ въ шутку. — Встрѣтилъ ты своихъ старыхъ прїятелей?

— Я не все узнаю. Лѣсъ вырубленъ.

— Это господскій лѣсъ, — отвѣчалъ отецъ. — Не намъ считать его деревья. Деньги каждому нужны, а господамъ и по-давно.

Дни наступали и отходили, — кроткіе, милые дни, чудные часы покоя и одиночества, полные чистыхъ воспоминаній дѣтскихъ лѣтъ, возвратъ къ землѣ и къ небу, къ горамъ и къ воздуху...

Онъ шелъ вдоль дороги къ замку. Утромъ его ужалила оса, и верхняя губа его подпухла. Если онъ кого-нибудь встрѣтитъ, онъ поклонится и поспѣшно пройдетъ мимо. Онъ никого не встрѣтилъ. Въ замкѣ увидалъ онъ одну даму; подойдя ближе, онъ сдѣлалъ глубокой поклонъ и прошелъ. Это была сама хозяйка. У него и теперь такъ же забилося сердце, какъ прежде, когда онъ проходилъ мимо замка. И теперь все еще сидѣло въ крови его уваженіе къ большому дому, къ многочисленнымъ окнамъ, къ строгой, изящной особѣ владѣльца.

Онъ пошелъ къ пристани.

Тутъ онъ неожиданно встрѣтилъ Дитлефа и Викторію. Иоганнеса бросило въ краску. Они, пожалуй, подумаютъ, что онъ гоняется за ними. Къ тому же у него губа распухла. Онъ убавилъ шагъ въ нерѣшимости, итти ли ему дальше. Однако пошелъ. Еще издали онъ поклонился и, проходя, несъ свою шляпу въ рукахъ. Оба молча отвѣтили на его поклонъ и медленно прошли мимо. Викторія прямо посмотрѣла на него; она слегка измѣнилась въ лицѣ.

Иоганнесъ продолжалъ спускаться къ пристани. Безпокойство овладѣло имъ, походка его стала нервной. Нѣтъ, до чего выросла Викторія, она совсѣмъ взрослая и прелестнѣе, чѣмъ когда-либо. Брови ея почти сошлись надъ переносицей, онъ словно двѣ полоски бархата. Глаза потемнѣли, стали темно-синими.

Идя домой, онъ выбралъ тропинку, пролегающую лѣсомъ, далеко отъ усадьбы замка. По крайней мѣрѣ никто не посмѣетъ сказать, что онъ по пятамъ ходитъ за господами. Онъ вошелъ на холмъ, выбралъ себѣ камень и сѣлъ. Птицы наполняли воздухъ безыскусственной и оживленной музыкой, онѣ манили другъ друга, гонялись другъ за другомъ, летали съ вѣточками въ клювахъ. Въ воздухѣ стоялъ сладостный запахъ земли, распускающейся зелени и гнѣющаго дерева.

И что же? Онъ какъ разъ попалъ на дорогу Викторіи: она шла прямо къ нему, съ противоположнаго конца лѣса.

Безильная досада овладѣла имъ. Ему хотѣлось очутиться какъ можно дальше отсюда. Разумѣется, на этотъ разъ она рѣшитъ, что онъ шелъ по ея слѣдамъ. Нужно ли ему опять поклониться ей? Можетъ-быть, ему лучше смотрѣть въ другую сторону? Къ тому же и этотъ укусъ на губѣ!

Но когда она подошла къ нему ближе, онъ всталъ и снялъ шляпу. Она улыбнулась и кивнула ему.

— Здравствуйте. Поздравляю съ прїѣздомъ,—сказала она.

Губы ея какъ будто опять дрогнули, но она тотчасъ же овладѣла собой.

Онъ сказалъ:

— Это можетъ показаться страннымъ, но я не зналъ, что ты тутъ.

— Нѣтъ, вы, конечно, не знали. Это мнѣ пришла фантазія пройти здѣсь.

Ай-ай-ай! Онъ сказалъ: «ты».

— А надолго ли вы теперь пріѣхали домой?—спросила она.

— На всѣ вакаціи.

Онъ отвѣчалъ ей съ усиленіемъ: она была такъ далека ему. Но зачѣмъ она тогда съ нимъ заговорила?

— Дитлефъ говорить, что вы такой способный, Иоганнестъ. Вы такъ хорошо сдали экзамены. А еще онъ говорилъ, что вы пишете стихи. Это правда?

Онъ отвѣчалъ отрывисто и вспылчиво:

— Само собой разумѣется. Кто этого не дѣлаетъ?

Теперь она, вѣрно, сейчасъ уйдетъ, потому что она ужъ ничего больше не говорить.

— Можете себѣ представить, меня сегодня укусила оса,—сказалъ онъ и указалъ на свой ротъ. — Вотъ отчего у меня такой видъ.

— Васъ тутъ слишкомъ долго не было,—вотъ здѣшнія осы и не узнаютъ васъ больше.

Ей было, видимо, все равно, укусила ли его оса или нѣтъ. Конечно. Она стояла и вертѣла на плечѣ своемъ красный зонтикъ съ ручкой, отдѣланной золотомъ, и ни до чего больше ей дѣла не было. А вѣдь онъ не разъ носилъ на рукахъ эту высокородную барышню!

— Да и я не узнаю больше здѣшнихъ осъ, — отвѣчалъ онъ:—онѣ были моими друзьями когда-то.

Но она не поняла глубокаго значенія этого замѣчанія, она ничего не отвѣтила. Тогда онъ продолжалъ:

— Я ничего больше не узнаю здѣсь. Даже лѣсъ вырубленъ.

Легкая судорога пробѣжала по ея лицу.

— Такъ вы, пожалуй, не станете писать стиховъ здѣсь,—сказала она. — А что, если бы вы когда-нибудь написали стихи мнѣ? Нѣтъ, что я говорю! Ну, вотъ вы теперь сами видите, какъ мало я въ этомъ смыслу.

Онъ смотрѣлъ въ землю, взволнованный и молчаливый. Она очень любезно его дурачить, обдумываетъ свои слова и слѣдить за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое они производятъ. Извините, онъ вовсе не все время писалъ, онъ и читалъ больше другихъ...

— Ну, мы, навѣрно, еще увидимся. А пока до свиданья.

Онъ снялъ шляпу и ушелъ, ничего не отвѣчая.

Если бь она только знала, что именно ей, а не кому другому, писалъ онъ свои стихи, говорилось ли въ нихъ о ночи или о русалкѣ! Ей этого никогда не узнать!

Въ воскресенье пришелъ Дитлефъ и попросилъ перевезти его на островъ. «Опять буду я перевозчикомъ», — подумалъ онъ. Онъ пошелъ. У пристани гуляло нѣсколько человѣкъ по случаю воскреснаго дня, но въ общемъ все было тихо, и солнце ярко сіяло на небѣ. Вдругъ вдали слышались звуки музыки, они доносились съ моря, изъ-за острововъ. Почтовый пароходъ, описывая широкую дугу, подходилъ къ пристани, на палубѣ его играла музыка.

Иоганнесь отвязалъ лодку и сѣлъ на весла. Онъ былъ въ странномъ, возбужденномъ настроеніи. Этотъ сіяющій день и музыка на пароходѣ выткали занавѣсъ изъ цвѣтовъ и золотыхъ колосьевъ передъ его глазами.

Отчего это Дитлефъ не идетъ? Онъ стоитъ на берегу и смотритъ на людей и на пароходъ, словно никуда и не собирався. Иоганнесь подумалъ: «Сидѣть здѣсь цѣлые часы я не намѣренъ, я сойду на берегъ». Онъ началъ уже поворачивать лодку.

Тутъ внезапно что-то бѣлое мелькнуло въ его глазахъ, и онъ услышалъ всплески воды. Отчаянный многоголосый крикъ поднялся на пароходѣ и съ берега, и множество рукъ и глазъ устремилось къ тому мѣсту, гдѣ исчезло это бѣлое. Въ то же время музыка сразу умолкла.

Во мгновение ока Иоганнесь былъ уже на мѣстѣ. Онъ дѣйствовалъ совершенно инстинктивно, безъ размышленій, безъ расчета. Онъ не слышалъ криковъ матери съ парохода: «Дочь моя! дочь моя!» Онъ не видалъ и людей. Не теряя ни секунды, выпрыгнулъ онъ изъ лодки и нырнулъ.

Одно мгновение его не было. Съ минуту видно было только, какъ вода кипитъ на томъ мѣстѣ, куда онъ спрыгнулъ, и всѣ понимали, что онъ тамъ работаетъ. Вопли на пароходѣ продолжались.

Потомъ онъ вынырнулъ немножко дальше, за нѣсколько сажень отъ мѣста катастрофы. Ему кричали и яростно указывали пальцами: «Нѣтъ, вотъ гдѣ, вотъ гдѣ!»

Онъ снова погрузился.

Еще одна мучительная минута, непрерывный крикъ отчаянія на палубѣ женщины и мужчины, ломавшего руки. Еще одинъ человѣкъ спрыгнулъ съ парохода: штурманъ, безъ блузы и башмаковъ. Онъ сталъ тщательно изслѣдовать мѣсто паденія дѣвочки. И всѣ возлагали надежды на него.

Тутъ снова показалась на поверхности голова Іоганнеса, только на этотъ разъ еще дальше, за много саженой. Онъ потерялъ шляпу. Голова его блестяла на солнцѣ, словно голова тюленя. Видно было, что онъ съ чѣмъ-то боролся. Онъ плылъ съ трудомъ, одна рука его была занята. Мгновеніе спустя ему удалось перехватить что-то зубами, нѣчто въ родѣ большого узла. Это была утопающая. Восторженные крики раздались съ парохода и съ берега, даже штурманъ, должно-быть, услыхалъ этотъ новый шумъ, потому что онъ поднялъ голову изъ воды и оглянулся.

Наконцѣ Іоганнесъ нагналъ лодку, которую успѣло отнести теченіемъ. Онъ положилъ въ нее дѣвочку и вскочилъ въ нее самъ. Все это сдѣлалъ онъ безсознательно. Всѣ видѣли, какъ онъ наклонился надъ дѣвочкой и буквально разорвалъ ее платье на спинѣ, потомъ сѣлъ на весла и изъ всѣхъ силъ сталъ грести къ пароходу. Когда спасенную втащили на пароходъ, раздалось всеобщее, ликующее «ура» въ честь спасителя.

— Отчего вы стали искать ее такъ далеко?—спрашивали его.

Онъ отвѣчалъ:

— Я знаю здѣсь дно. И потомъ тутъ теченіе. Я это зналъ.

Какой-то господинъ протѣснился къ борту. Онъ былъ смертельно блѣденъ, онъ улыбался растерянно, и на рѣсницахъ его повисли слезы.

— Войдите сюда на минуточку! — крикнулъ онъ внизъ. — Мнѣ хочется поблагодарить васъ. Мы вамъ такъ страшно обязаны. Только на минутку!

И человѣкъ снова отошелъ отъ перилъ, блѣдный и плачущій и улыбающійся.

Спустили трапъ, Іоганнесъ поднялся на налубу.

Онъ оставался здѣсь недолго. Онъ только назвалъ себя и далъ свой адресъ. Какая-то женщина обняла его, мокраго съ головы до пятъ. Растерянный господинъ сунулъ ему въ руку свои часы. Потомъ Іоганнесъ побывалъ въ каютѣ, гдѣ два человѣка хлопотали надъ утопленницей. Они говорили: «Теперь-то она оживетъ! Пульсъ бьется!» Іоганнесъ взглянулъ на несъ: маленькая бѣлокурая дѣвочка въ коротенькомъ платьицѣ; платье было совершенно разорвано. Тутъ какой-то человѣкъ надѣлъ ему на голову шапку, и онъ ушелъ.

Онъ не сознавалъ хорошенькс, какъ сошелъ на берегъ и привязалъ лодку. Онъ слышалъ, какъ еще разъ прокричали «ура», и какъ музыка снова торжественно заиграла, когда пароходъ отошелъ. Съ головы до ногъ обдавали его волны блаженства, прохладныя и сладкія. Онъ улыбался, онъ шевелилъ губами, но ничего не говорилъ.

— Итакъ, наша прогулка сегодня не состоится,—сказалъ Дитлефъ.

Онъ казался разочарованнымъ

Викторія направила къ нимъ. Подойдя ближе, она горячо воскликнула:

— Нѣтъ, да ты съ ума сошелъ! Ему же нужно домой, переодѣться.

Иоганнесъ пошелъ домой пѣшкомъ. Въ ухахъ его все еще стояла музыка и громкое «ура». Сильное волненіе вызывало жажду движенія. Онъ прошелъ мимо дома, свернулъ на дорогу въ лѣсъ и наверхъ, въ каменоломню. Здѣсь онъ выбралъ славный камень на самомъ солнпекъ. Паръ такъ и валилъ отъ его платья. Онъ сѣлъ. Порывъ безумной радости заставилъ его снова вскочить и пройтись. Какъ переполненъ былъ онъ счастьемъ! Онъ упалъ на колѣни и съ горячими слезами благодарилъ Бога за этотъ день. Она была тамъ, она слышала это «ура». «Ийти домой и переодѣться»,—сказала она.

Онъ сѣлъ и нѣсколько разъ принимался смѣяться отъ восторга. Да, она видѣла, какъ онъ все это сдѣлалъ, она съ гордостью слѣдила за нимъ, когда онъ вернулся съ утопающей, которую несъ въ зубахъ. Викторія, Викторія! Если бы она знала, какъ всецѣло принадлежитъ онъ ей каждую минуту своей жизни! Онъ хотѣлъ бы быть ея слугой, ея рабомъ и своей грудью прокладывать ей путь. И цѣловать ея маленькіе башмачки, и тащить ея коляску, и въ холодные дни топить ея печку! И топилъ бы онъ эту печь золочеными дровами, Викторія!

Онъ оглядѣлся. Никто его не слышалъ, онъ былъ одинъ, самъ съ собою. Драгоцѣнные часы онъ все еще держалъ въ рукахъ,—они тикали, они шли.

Благодареніе, благодареніе Богу за этотъ день! Онъ погладилъ мохъ на камнѣ и обвалившіяся вѣточки. Викторія не улыбулась ему. Нѣтъ, это было ей несвойственно. Она только стояла на пристани, легкій румянецъ залилъ ея щеки. Можетъ-быть, она захотѣла бы принять отъ него эти часы, если бы онъ отдалъ ихъ ей.

Солнце садилось, стало свѣжѣе. Онъ почувствовалъ сырость. Тогда онъ вскочилъ, легкій, какъ перышко, и помчался домой.

Въ замкѣ собрались праздничные гости. Пріѣхали знакомые изъ города. Была музыка, танцы. Цѣлую недѣлю, день и ночь развѣвался флагъ надъ круглой башней.

А нужно было убраться сѣно. Но лошади были заняты ради

увеселенія гостей, и сѣно стояло. Обширные покосы еще не были скошены. Но рабочіе были заняты, то въ качествѣ кучеровъ, то въ качествѣ гребцовъ, и луга стояли и увядали.

А музыка все играла въ желтой залѣ...

Старый мельникъ останавливалъ свою мельницу и зашпираль домъ въ такіе дни. Онъ сталъ умнѣе: часто, бывало, случилось, что развеселившіеся горожане толпой врывались на мельницу и устраивали разныя шалости съ его мѣшками. По ночамъ было такъ тепло и свѣтло, а выдумокъ являлось такъ много. Богатый камергеръ въ молодые свои годы своими собственными благородными руками притащилъ цѣлый муравейникъ въ мѣшкѣ и высыпалъ его въ зерно. Теперь камергеръ слишкомъ старъ для этого, но Отто, его достойный сынъ, вѣдъ тоже прѣхалъ въ замокъ и забавлялся престранными венцами. Много чего рассказывали о немъ...

Въ лѣсу послышался топотъ копытъ и голоса. Это молодые господа ѣдутъ верхомъ, а лошади въ замкѣ выхоленныя и горячія. Всадники подѣхали къ дому мельника, хлопали бичами и хотѣли вѣхатъ въ домъ. Дверь была совсѣмъ низенькая, а они все-таки хотѣли вѣхатъ.

— Здравствуйте, здравствуйте!—кричали они:—мы хотимъ поздороваться съ вами.

Мельникъ снисходительно улыбался этой выходкѣ.

Потомъ они спѣшились, привязали лошадей и пустили мельницу въ ходъ.

— Мельница пустая, — закричалъ мельникъ: — вы ее не портите.

Но никто не слышалъ его въ поднявшемся шумѣ.

— Иоганнесъ!—крикнулъ изъ всѣхъ силъ мельникъ вверхъ, къ каменоломнѣ.

Пришелъ Иоганнесъ.

— Они изломаютъ мнѣ всю мельницу!—воскликнулъ отецъ, указывая на то, что тамъ происходитъ.

Иоганнесъ медленно направился къ обществу. Онъ былъ страшно блѣденъ, и жилы на вискахъ у него надулись. Онъ узналъ Отто, сына камергера, въ кадетской формѣ. Кромѣ него было еще двое. Одинъ изъ нихъ смѣялся и кланялся, чтобы загладить эту выходку.

Иоганнесъ не кричалъ, не подавалъ никакого знака, но шелъ своей дорогой. Шелъ онъ прямо на Отто. Въ эту минуту увидалъ онъ двухъ всадницъ, выѣзжавшихъ изъ лѣса, одна изъ нихъ Викторія. На ней была зеленая амазонка, а лошадь ея была бѣлая кобыла изъ замка. Она не сошла съ нея, а сидѣла и смотрѣла на все испытующимъ взглядомъ.

Тогда Иоганнесь измѣнилъ свой путь, повернулся, прошелъ къ плотинѣ и открылъ шлюзъ. Шумъ мало-по-малу утихъ, мельница стала.

Отто крикнулъ:

— Нѣтъ, оставь. Зачѣмъ ты это дѣлаешь? Пусти мельницу, говорятъ тебѣ!

— Это ты пустилъ мельницу?—спросила Викторія.

— Да,—отвѣчалъ онъ, смѣясь. — Зачѣмъ она стоитъ? Отчего ей нельзя работать?

— Потому что она пустая,—отвѣчалъ Иоганнесь, задыхаясь, и посмотрѣлъ на него.—Понимаете? Мельница пуста.

— Она пустая, слышишь ты,—повторила Викторія.

— Почему я зналъ?—спросилъ Отто и засмѣялся.— А зачѣмъ она пустая, позвольте спросить? Развѣ въ ней не было зерна?

— Ну, садись на лошадей!—прервалъ его одинъ изъ товарищей, чтобы положить этому конецъ.

Они сѣли на лошадей. Одинъ изъ нихъ извинился, уѣзжая.

Викторія оставалась послѣдней. Отѣхавъ немного, она повернула лошадь и снова подѣхала.

— Будьте такъ добры, извинитесь передъ вашимъ отцомъ,—сказала она.

— Было бы справедливѣе, если бы кадетъ самъ это сдѣлалъ,—отвѣчалъ Иоганнесь.

— Ну, конечно, разумѣется, но... У него вѣчно фантазіи... Когда это я васъ видѣла въ послѣдній разъ, Иоганнесь?

Онъ посмотрѣлъ на нее, не вѣря своимъ ушамъ. Неужели она забыла воскресенье, его великій день!.. Онъ отвѣтилъ:

— Я видѣлъ васъ на пристани въ воскресенье.

— Ахъ, да,—сказала она быстро.— Подумайте, какъ это славно, что вамъ удалось помочь штурману спасти дѣвочку! Вѣдь вы вытащили дѣвочку?

Онъ отвѣтилъ коротко и сухо:

— Да. Мы вытащили дѣвочку.

— Или вотъ чтó,—продолжала она, словно вспомнивъ о чемъ-то:—вотъ чтó: вы одни... Ну, да это все равно. И такъ, я надѣюсь, вы передадите поклонъ вашему батюшкѣ. Спокойной ночи.

Она поклонилась съ улыбкой, собрала поводья и уѣхала.

Когда Викторія исчезла изъ вида, Иоганнесь углубился въ лѣсъ, огорченный и взволнованный. Онъ наткнулся на Викторію, которая, совершенно одна, стояла у дерева. Она приникла къ стволу и рыдала.

Не упала ли она? Не расшиблась ли?

Онъ прямо подошелъ ней и спросилъ:

— Съ вами что-нибудь случилось?

Она сдѣлала къ нему одинъ шагъ. Она протянула къ нему руки и посмотрѣла на него сіяющими глазами. Потомъ она остановилась, опустила руки и отвѣтила:

— Нѣтъ, со мной ничего не случилось. Я сошла съ лошади и пустила ее впередъ... Иоганнесь, вы не должны такъ смотрѣть на меня. Вы стояли тамъ на плотинѣ и смотрѣли на меня. Чего вы хотите?

— Чего я хочу? Я не понимаю...

— Какъ у васъ тутъ широко,—сказала она и вдругъ положила свою руку на его.—Какъ широко тутъ въ суставѣ. И потому какъ вы загорѣли отъ солнца... Совсѣмъ оливковаго цвѣта.

Онъ сдѣлалъ движеніе, онъ хотѣлъ взять ее за руку. Тогда она собрала шлейфъ своей амазонки и сказала:

— Нѣтъ, ничего, со мной ничего не случилось. Я просто хотѣла вернуться домой пѣшкомъ. Прощайте.

III.

Иоганнесь опять уѣхалъ въ городъ. И вотъ потекли часы и дни, долгое, суровое время въ трудѣ и мечтахъ, въ ученьи и сочетаніи риемованныхъ строфъ. Онъ вышелъ на хорошую дорогу, ему удалось написать стихи объ Эсеири, «еврейской дѣвушкѣ, ставшей царицей въ Персіи», — работа, которую напечатали и за которую заплатили. Другое произведеніе: «Лабиринтъ любви», вложенное въ уста Мункена Вендта, сдѣлало имя его извѣстнымъ.

Да, что такое любовь? Вѣтерокъ, шелестящій въ розахъ; нѣтъ, золотое свѣщеніе крови. Любовь—это адская музыка, заставляющая плясать даже сердца стариковъ. Она словно маргаритка, распускающаяся у дороги съ наступленіемъ ночи, и она словно анемонъ, закрывающійся отъ дыханія и умирающій отъ прикосновенія.

Вотъ какова любовь.

Она можетъ погубить человѣка, вознести и снова заклеить его. Она можетъ сегодня обратиться ко мнѣ, завтра къ тебѣ, а ночью къ нему,—такъ она непостоянна. Но она можетъ также держать крѣпко, словно несокрушимая печать, и пылать неугасимо до самого смертнаго часа, такъ вѣчна она. Такъ что же такое любовь?

О, любовь—это лѣтняя ночь со звѣздами въ небѣ и благоуханіемъ на землѣ. Но отчего же юноша изъ-за нея идетъ

крадучись, и отчего старикъ изъ-за нея горько плачетъ въ своемъ одинокомъ углу? Ахъ, любовь превращаетъ сердце человѣческое въ запущенный и унавоженный парникъ, тучное и позорное мѣсто, усѣянное ядовитыми и наглыми грибами.

Не она ли заставляетъ монаха подглядывать черезъ заборы по дворамъ и по ночамъ закидывать глаза въ окна спаленъ? И не она ли сводитъ съ ума монахинь и затмеваетъ разумъ царевенъ? Она клонитъ голову короля къ самой землѣ, такъ что волосы его метутъ прахъ на дорогѣ, между тѣмъ какъ про себя шепчетъ онъ безстыжя рѣчи и смѣется, и кажетъ языкъ.

Вотъ какова любовь.

Нѣтъ, нѣтъ, она нѣчто совершенно иное, она непохожа ни на одну вещь во всемъ мѣрѣ. Была весенняя ночь на землѣ, когда юноша встрѣтилъ два глаза,—два глаза! Онъ широко открылъ глаза и смотрѣлъ. Онъ поцѣловалъ одинъ ротъ, и вотъ словно два свѣта встрѣтились въ его сердцѣ: солнце сверкнуло навстрѣчу звѣздѣ. Онъ падаетъ въ объятія и тогда уже не видитъ и не слышитъ ничего въ цѣломъ мѣрѣ.

Любовь — первое слово Бога, первая мысль, пронизавшая Его сердце. Когда Онъ сказалъ: «Да будетъ свѣтъ!» — явилась любовь. И все, что Онъ сотворилъ, было слишкомъ прекрасно, и Онъ ничего не пожелалъ передѣлывать. И любовь стала первоисточникомъ и владычицей міра; но всѣ пути ея полны цвѣтовъ и крови,—цвѣтовъ и крови!

Сентябрьскій день.

Эта пустынная улица служила ему мѣстомъ прогулки. Онъ шагаль по ней, словно по своей комнатѣ, потому что никогда никого не встрѣчалъ здѣсь. По обѣ стороны ея тянулись заборы, за которыми стояли деревья въ красныхъ и желтыхъ листьяхъ.

Какъ это Викторія попала на эту улицу? Куда могла она идти этой дордгой? Онъ не ошибся,—это была она и, можетъ-быть, это она же проходила вчера вечеромъ, когда онъ смотрѣлъ въ свое окно.

Сердце его сильно забилося. Онъ зналъ, что Викторія въ городѣ, онъ слышалъ объ этомъ. Но она вращалась въ такихъ кругахъ, гдѣ не бывалъ сынъ мельника. Съ Дитлефомъ онъ также не былъ знакомъ.

Онъ овладѣлъ собой и пошелъ ей навстрѣчу. Узнаетъ ли она его? Она шла, серьезная и задумчивая, гордо неся голову на своей длинной шейкѣ.

Онъ поклонился.

— Здравствуйте,—отвѣчала она совсѣмъ тихо.

Она не сдѣлала даже движенія, чтобы остановиться, и онъ молча прошелъ мимо. Ноги его дрожали. Въ концѣ маленькой улицы онъ повернулъ назадъ, какъ дѣлалъ это обыкновенно. «Я устремлю взглядъ на заборъ и не стану смотрѣть вверхъ», подумалъ онъ. Не пройдя и десяти шаговъ, онъ поднялъ глаза.

Она остановилась у витрины.

Не лучше ли ему свернуть въ сторону ближайшей улицы? Зачѣмъ она стоитъ здѣсь? Это было жалкое окно, витрина маленькой лавочки, въ которой виднѣлось нѣсколько крестообразно сложенныхъ брусковъ краснаго мыла, банка съ крупой и старыя почтовые марки.

Пожалуй, ему лучше пройти еще шаговъ десять и потомъ повернуть обратно.

Тутъ она взглянула на него и вдругъ снова пошла ему навстрѣчу. Она шла быстро, словно рѣшившись на что-то, а когда заговорила, ей трудно было сдерживать дыханіе. Она нервно улыбалась.

— Здравствуйте. Какъ это забавно, что я васъ встрѣтила.

Боже, какъ взбунтовалось его сердце! Оно не билось, оно колотилось. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но это ему не удавалось, только губы шевелились. Отъ одежды ея доносился ароматъ,—отъ ея желтаго платья, а можетъ-быть, и изъ ея усть. Въ это мгновеніе лицо ея не произвело на него впечатлѣнія, но онъ замѣтилъ ея изящныя плечи и длинную тонкую руку на ручкѣ зонтика: это была правая рука. На ручкѣ было кольцо.

Въ первую секунду онъ не задумался надъ этимъ, и у него не явилось предчувствія горя. Но рука ея была изумительно прекрасна.

— Я цѣлую недѣлю провела въ городѣ,—продолжала она:—но я не видала васъ. Впрочемъ, я разъ видѣла васъ на улицѣ. Кто-то сказалъ мнѣ, что это вы. Вѣдь вы стали такимъ знаменитымъ!

Онъ пробормоталъ:

— Я зналъ, что вы въ городѣ. Долго ли вы здѣсь останетесь?

— Нѣсколько дней. Нѣтъ, недолго. Пора ѣхать домой.

— Благодарю васъ, что вы дали мнѣ возможность побесѣдовать съ вами,—сказалъ онъ.

Пауза.

— Да при томъ же я еще заблудилась,—снова заговорила она.—Я остановилась у камергера. Какъ туда пройти?

— Я провожу васъ, если позволите.

Они пошли.

— Отто дома?—спросилъ онъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Да, дома,—отвѣчала она кратко.

Нѣсколько человѣкъ выносили изъ дверей рояль и загородили тротуаръ. Викторія отступила влѣво. Бокомъ она прислонилась къ своему спутнику.

Иоганнесъ взглянулъ на нее.

— Извините,—сказала она.

Его пронизало блаженство отъ этого прикосновенія, — на мгновеніе ея дыханье скользнуло по его щекѣ.

— Я вижу, у васъ кольцо,—сказалъ онъ. Онъ улыбался и казался равнодушнымъ. — Васъ, можетъ-быть, можно поздравить?

Что она отвѣтитъ? Онъ не смотрѣлъ на нее, но сдерживалъ дыханіе.

— А вы? — отвѣчала она: — развѣ у васъ нѣтъ кольца? Нѣтъ, нѣту... А между тѣмъ кто-то говорилъ... О васъ такъ много говорятъ съ нѣкоторыхъ поръ, пишутъ въ газетахъ.

— Я написалъ кое-какіе стихи,—отвѣчалъ онъ. — Но вы, навѣрно, ихъ не читали?

— А развѣ не цѣлую книгу? Мнѣ казалось...

— Ну да, маленькую книжку.

Они дошли до площади. Она не торопилась, хотя ей нужно было итти къ камергеру. Она сѣла на скамейку. Онъ стоялъ передъ ней.

Вдругъ она взяла его за руку и сказала:

— Сядьте и вы.

И только тогда, когда онъ сѣлъ, она оставила его руку.

«Теперь или никогда!» — думалъ онъ. Онъ опять попробовалъ принять шутливый и равнодушный тонъ, онъ улыбался, улыбался просто такъ, на воздухъ.—«Отлично!»

— Такъ вотъ какъ: вы обречены и даже не хотите сказать мнѣ объ этомъ. Мнѣ, вашему сосѣду!

Она задумалась.

— Сегодня я не объ этомъ хотѣла бы поболтать съ вами,—отвѣчала она.

Тогда онъ сталъ серьезенъ и сказалъ тихо;

— Ну, конечно, я это отлично понимаю.

Пауза.

Онъ опять началъ:

— Я, разумѣется, все время зналъ, что это не про меня... да, что мнѣ же... Конечно, это такъ. Вѣдь я былъ только сыномъ мельника, а вы... И я даже не понимаю, какъ это я теперь осмѣливаюсь сидѣть рядомъ съ вами. Потому что мнѣ бы

слѣдовало стоять передъ вами или упасть на колѣни. Это бы такъ и слѣдовало. Но теперь какъ будто... И всѣ эти годы, которые я провелъ вдали отъ васъ, сдѣлали свое. Теперь я чувствую себя смѣлѣе. Потому что я понимаю, что я ужъ не ребенокъ, а также знаю, что вы уже не можете засадить меня въ тюрьму, если бы и захотѣли. Вотъ почему я осмѣливаюсь говорить. Только вы не должны на меня сердиться за это, не то я ужъ лучше не скажу.

— Нѣтъ, пожалуйте. Скажите то, что вы хотѣли сказать.

— Можно? То, что я хотѣлъ? Но тогда вѣдь и кольцо ваше не должно на меня наложить какого-нибудь запрета.

— Нѣтъ,—отвѣчала она тихо:—оно не налагаетъ на васъ никакого запрета. Нѣтъ.

— Что? Да, но что же это значитъ? Да благословить васъ Богъ, Викторія, вѣдь я не ошибся?—Онъ вскочилъ и наклонился надъ ней, чтобы заглянуть ей въ лицо.—Я хочу сказать, это кольцо ничего не означаетъ?

— Сядьте.

Онъ сѣлъ.

— Ахъ, нѣтъ, вы должны знать, какъ я думалъ о васъ все это время. Боже мой, да была ли еще какая-нибудь другая, хоть маленькая мысль въ моемъ сердцѣ! Изъ всѣхъ, кого я видѣлъ, изъ всѣхъ, кого я зналъ, не было для меня на свѣтѣ никого, кромѣ васъ. Я не въ состояніи былъ думать иначе: Викторія красивѣе и прекраснѣе всѣхъ, и я ее знаю! Я всегда думалъ: «фрѣкенъ» Викторія. Конечно, я при этомъ всегда понималъ, что я отъ васъ дальше кого бы то ни было. Но я зналъ васъ—да, это было для меня вовсе не мало,—зналъ, что вы живете и, можетъ-быть, иногда вспоминаете обо мнѣ. Разумѣется, вы обо мнѣ не вспоминали; но я долгіе часы проводилъ, сидя на своемъ стулѣ и думая, что, можетъ-быть, вы иногда меня вспоминаете. Знаете, фрѣкенъ Викторія, словно небо тогда разверзлось надо мною, и я писалъ тогда стихи вамъ и покупалъ вамъ цвѣты на все, что у меня было, и приносилъ ихъ домой и ставилъ въ стаканъ съ водой. Всѣ мои стихи написаны для васъ. Есть всего только нѣсколько, писанныхъ не для васъ, да и тѣ не напечатаны. Впрочемъ, вы, навѣрно, не читали и напечатанныхъ. Теперь я началъ писать большую книгу. О, Господи, какъ я вамъ благодаренъ за то, что я полонъ вами. Въ этомъ вся моя радость. Постоянно слушалъ я и смотрѣлъ на все, что мнѣ напоминаетъ о васъ,—цѣлые дни и цѣлыя ночи. Я написалъ ваше имя на потолокъ и, лежа, смотрѣлъ на него. Служанка, убиравшая мою комнату, не видала его,—я написалъ малень-

кими буквами, чтобы оно видно было мнѣ одному. И это доставляет мнѣ нѣкоторую отраду.

Она отвернулась, разстегнула свой лифъ на груди и вынула оттуда бумажку.

— Посмотрите!—сказала она, тяжело дыша.—Я вырѣзала это и спрятала. Знайте, что я читаю ихъ каждый вечеръ. Въ первый разъ папа показалъ мнѣ, я подошла къ окну и прочла. «Гдѣ же это? Я не нахожу»,—сказала я и протянула ему газету. А сама уже все прочла и была такъ рада.

Отъ бумаги, лежавшей на ей груди, шло благоуханіе. Она сама развернула ее и показала ему. Это было одно изъ его первыхъ стихотвореній,—четыре коротенькихъ куплета, посвященныхъ амазонкѣ на бѣлой лошади. Это было безхитрое и горячее признаніе, взрывъ чувства, котораго сердце уже не въ силахъ сдерживать, которое било изъ каждой строки, словно горящія звѣзды.

— Да, — сказалъ онъ: — это я написалъ. Это было такъ давно, ночью. Тополя такъ и шумѣли за моимъ окномъ, когда я писалъ это. Неужели вы снова ихъ прячете? Благодарю васъ! Вы ихъ спрятали. О!—воскликнулъ онъ въ восторгѣ, и голосъ его звучалъ совсѣмъ тихо.—Подумать только, что вы сидите вотъ тутъ, такъ близко, отъ васъ исходитъ тепло! Много разъ, когда я бывалъ одинъ и думалъ о васъ, я дрожалъ отъ волненія, но теперь мнѣ тепло. Въ послѣдній разъ, когда я ѣздилъ домой, вы тоже были прекрасны. Но теперь вы еще прекраснѣе. Эти глаза, эти брови, ваша улыбка, — нѣтъ, я самъ не знаю, что говорю... Все это вмѣстѣ, все въ васъ дивно!..

Она улыбнулась и посмотрѣла на него полузакрытыми глазами, темнѣвшими синевою изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. У нея выступилъ горячій румянецъ. Повидимому, ею овладѣла сильнѣйшая радость. Безсознательнымъ движеніемъ ухватила она за него руками.

— Благодарю васъ!—сказала она.

— Нѣтъ, Викторія, не благодарите меня, — отвѣчалъ онъ. Вся душа его устремила къ ней, и ему хотѣлось говорить, говорить. Это былъ безудержный порывъ, онъ былъ какъ въ бреду.—Да, Викторія, если вы немножко меня любите... я не знаю, но скажите, что это такъ, даже если бы это и не было такъ. Пожалуйста! О, я общалъ бы вамъ тогда сдѣлаться чѣмъ-нибудь, сдѣлаться чѣмъ-нибудь больше, гораздо больше теперешняго! Вы не знаете, чѣмъ я могъ бы быть тогда. Я иногда думаю объ этомъ и знаю, что весь полонъ еще не совершенныхъ дѣяній. Часто это такъ и брызжетъ изъ меня;

ночью я спую взадъ и впередъ по своей комнатѣ, потому что я переполненъ грезами. Въ сосѣдней комнатѣ лежитъ человекъ. Онъ не можетъ заснуть, онъ стучитъ въ мою стѣну. Когда занимается утро, онъ врывается ко мнѣ, разъяренный. Это ничего, я не обращаю на него вниманія, потому что, когда я такъ долго думаю о васъ, мнѣ представляется, что вы тутъ, со мною. Я подхожу къ окну и пою, начинается свѣтать, тополя шумятъ за окномъ. «Спокойной ночи», — говорю я восходящему дню. Это я вамъ говорю. «Теперь она спитъ, — думаю я: — спокойной ночи, благослови ее Господи!» Потомъ я ложусь. Такъ проходитъ вечеръ за вечеромъ. Но я никогда не воображалъ васъ такой прекрасной, какъ вы есть на самомъ дѣлѣ, Викторія. Теперь я буду представлять себѣ васъ такою, когда вы уѣдете, — такой, какой вижу васъ теперь. Я буду представлять себѣ васъ такъ ясно...

— А вы не поѣдете домой?

— Нѣтъ. Я еще не собираюсь. Да, да, я поѣду, Я теперь же поѣду. Я еще не готовъ, но я сдѣлаю все на свѣтѣ. Вы иногда катаетесь? Гуляете иногда по вечерамъ, Викторія? Я могу видѣть васъ. Я, можетъ-быть, иногда обмѣняюсь съ вами привѣтомъ, я поѣду только ради этого. Но если вы немножко меня любите, если вы меня терпите, выносите меня, то скажите... доставьте мнѣ эту радость... Знаете, есть такая пальма, которая цвѣтетъ только разъ во всю свою жизнь, хотя ей бываетъ и семьдесятъ лѣтъ. Талипотовая пальма. Она цвѣтетъ только разъ. Теперь я цвѣту. Да, я достану денегъ и поѣду домой. Я продамъ то, что я написалъ. Я пишу большую книгу, а теперь я ее продамъ, завтра же продамъ все, что уже написано. Я получу за это порядочно. Такъ вы хотите, чтобы я ѣхалъ домой?

— Да.

— Благодарю, благодарю васъ! Простите, если я слишкомъ многого хочу, слишкомъ много надѣюсь. Такъ чудно вѣрить невозможному. Это самый чудный день, когда-либо пережитый мною!..

Онъ снялъ шляпу и положилъ ее рядомъ съ собою.

Викторія оглянулась. По улицѣ шла какая-то дама, а дальнѣе женщина съ корзинкой. Викторія съ безпокойствомъ взглянула на часы.

— Вамъ уже нужно итти? — спросилъ онъ. — Скажите мнѣ что-нибудь прежде, чѣмъ уходить, дайте мнѣ услышать вашъ... Я люблю васъ и вотъ говорю вамъ это. Отъ вашего отвѣта будетъ зависѣть, чтобы я... Я весь въ вашей власти. Что вы мнѣ скажете?

Пауза.

Онъ опустилъ голову.

— Нѣтъ, лучше не говорите!—попросилъ онъ.

— Не здѣсь,—отвѣчала она.—Я скажу это тамъ.

Они пошли.

— Говорятъ, будто вы женитесь на той дѣвочкѣ, на барышнѣ, на той, которую вы спасли. Какъ ее звать?

— На Камиллѣ, вы хотите сказать?

— На Камиллѣ Сейеръ. Говорятъ, вы на ней женитесь?

— Такъ. Зачѣмъ вы объ этомъ спрашивали? Вѣдь она еще маленькая. Я бывалъ у нея въ домѣ. Онъ такой же большой и богатый, настоящій замокъ, какъ и у васъ. Я былъ тамъ нѣсколько разъ. Нѣтъ, она еще совсѣмъ дѣвочка.

— Ей пятнадцать лѣтъ. Я встрѣчала ее у общихъ знакомыхъ. Она мнѣ очень понравилась. Она такая миленькая!

— Я не женюсь на ней,—сказалъ онъ.

— Вотъ какъ?

Онъ взглянулъ на нее. По лицу его пробѣжала судорога.

— Но зачѣмъ вы говорите мнѣ объ этомъ теперь? Вы хотите направить мое вниманіе на другую?

Она шла впередъ быстрыми шагами и ничего не отвѣтила. Они уже подошли къ дому камергера. Она взяла его за руку и увлекла за собою на входную лѣстницу.

— Я не пойду къ нимъ,—сказалъ онъ, удивленный.

Она надавила звонокъ и повернулась къ нему, грудь ея волновалась.

— Я люблю васъ, — сказала она. — Понимаете? Я васъ люблю,—васъ.

Вдругъ она быстро потащила его обратно съ лѣстницы три-четыре ступеньки, обвила его шею руками и поцѣловала его. Она прижалась къ нему.

— Я васъ, васъ люблю,—повторила она, задыхаясь. Взоръ ея выражалъ опьяненіе.

Входная дверь отворилась. Она оторвалась отъ него и побѣжала вверхъ по лѣстницѣ.

IV.

Свѣтаетъ. Занимается день,—голубоватый, тусклый сентябрьскій день.

Тополя тихо шепчутся на дворѣ. Одно изъ оконъ отворяется, изъ него высовывается человѣкъ и начинается пѣть. Онъ безъ сюртука, онъ глядитъ на свѣтъ, словно полуодѣтый безумецъ, который ночью упился, опьянѣлъ отъ счастья.

Вдругъ онъ оглядывается на свою дверь, кто-то постучался къ нему. Онъ кричитъ:

— Войдите!

Входитъ человѣкъ.

— Съ добрымъ утромъ! — говоритъ онъ вошедшему.

Это пожилой господинъ, онъ блѣденъ и разгнѣванъ и несетъ лампу въ рукахъ, потому что еще не совсѣмъ разсвѣло.

— Я еще разъ принужденъ сдѣлать вамъ замѣчаніе, господинъ Мёллеръ, господинъ Иоганнесь Мёллеръ, — неужто вы думаете, что это прилично?—замѣчаетъ вошедшій съ горечью.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Иоганнесь.—Вы правы. Я кое-что написалъ, это шло у меня такъ свободно. Смотрите, все это я исписалъ, у меня была счастливейшая ночь. Но теперь я готовъ. Я только открылъ окно и пѣлъ немножко.

— Вы орали,—говоритъ господинъ. — Это самое неистовое пѣніе, какое я когда-либо слышалъ, понимаете ли. И это посреди ночи!

Иоганнесь хватается со своего стола бумагу, набираетъ цѣлую охапку крупныхъ и мелкихъ листовъ.

— Посмотрите!—восклицаетъ онъ.—Увѣряю васъ, мнѣ еще никогда не было такъ хорошо. Это была словно продолжительная молнія. Я разъ видѣлъ молнію, ударившую въ телеграфную проволоку.— Господи помилуй, это было словно царство огня! Вотъ такъ и во мнѣ было эту ночь. Чтò же мнѣ дѣлать? Я не думаю, чтобы вы что-нибудь имѣли противъ меня, если вы узнаете, какъ все это произошло. Я сидѣлъ тутъ и писалъ, понимаете ли, я не шевелился. Я помнилъ о васъ и сидѣлъ смирно. Но вотъ пришла минута, когда я уже не могъ объ этомъ помнить. Грудь моя готова была разорваться. Можетъ-быть, я тогда вскочилъ, а можетъ-быть, я и нѣсколько разъ вскакивалъ въ продолженіе ночи и ходилъ нѣсколько разъ вокругъ комнаты. Я былъ такъ счастливъ.

— Я васъ меньше обыкновеннаго слышалъ эту ночь. Но это съ вашей стороны непростительно—открывать окно теперь, въ такое время, и орать во все горло.

— Разумѣется. Да, это непростительно. Но вѣдь я объяснилъ вамъ теперь. Я провелъ прямо неподобную ночь, доложу я вамъ. Вчера со мною нѣчто случилось. Я шелъ по улицѣ и вдругъ встрѣтилъ свое счастье, ахъ, послушайте, я встрѣтилъ свою звѣзду и свое счастье! Знаете, она поцѣловала меня! Губы у нея были алыя, и я люблю ее, она поцѣловала и опьянила меня. Случалось ли вамъ, чтобы ротъ у васъ былъ словно такъ сильно стянуть, что вы не въ состояніи говорить? Я не могъ говорить, мое сердце колотилось такъ, что встря-

живало все мое тѣло. Я пошелъ домой и заснулъ; я сидѣлъ вотъ тутъ на стулѣ и спалъ. Когда наступилъ вечеръ, я проснулся. Душа моя отъ счастья точно качалась на качеляхъ, вверхъ и внизъ, вверхъ и внизъ, и я началъ писать. Чтѣ писалъ? Вотъ оно! Мною овладѣли избранныя и чудныя мысли, небо разверзлось, для души моей насталъ какъ бы теплый лѣтній день. Ангель далъ мнѣ вина, я его выпилъ; это было упоительное вино, я пилъ его изъ гранатнаго кубка. Слышалъ ли я, какъ били часы? Видѣлъ ли я, какъ лампа погасла? Дай Богъ вамъ понять это! Я еще разъ снова все это пережилъ: я опять шелъ со своей возлюбленной по улицѣ, и всѣ оглядывались на нее. Мы шли вдоль парка, мы встрѣтили короля. Отъ счастья я снялъ шляпу и опустилъ ее до самой земли, а король оглянулся на нее, на мою возлюбленную, потому что она такъ стройна и прекрасна. Мы опять пошли въ городъ, и всѣ дѣти, шедшія изъ школы, оглядывались на нее, потому что она такъ молода и на ней свѣтлое платье. Подойдя къ красному каменному дому, мы вошли. Я шелъ за ней по лѣстницѣ и хотѣлъ упасть передъ ней на колѣни. И вдругъ она обняла меня и поцѣловала. Это случилось со мною вчера вечеромъ, не далѣе. Если вы спросите меня, чтѣ я написалъ, такъ это только неудержимый гимнъ радости, счастью, вотъ чтѣ я написалъ. Словно само счастье, обнаженное, смѣющееся, лежало передо мною со своей длинной шейкой и манило меня.

— Однако я, право, больше не желаю слушать вашу болтовню,—сказалъ сосѣдъ, раздраженный и усталый.—Я въ послѣдній разъ разговариваю съ вами.

— Подождите немножко. Нѣтъ, видѣли бы вы, какъ ваше лицо сейчасъ освѣтилось точно солнышкомъ. Я увидалъ это, когда вы оглянулись, это лампа бросила какъ бы отблескъ солнца на вашу лобъ. Вы уже были не такъ сердиты, какъ раньше, я это видѣлъ. Я отворилъ окно, это правда, я пѣлъ слишкомъ громко. Я былъ братомъ всѣхъ счастливецевъ. И вотъ изъ-за этого случилось то, что разсудокъ у меня испарился. Конечно, мнѣ бы слѣдовало помнить, что вы теперь спите...

— Теперь весь городъ спитъ.

— Да, теперь еще рано. Мнѣ хочется подарить вамъ что-нибудь. Не хотите ли принять отъ меня вотъ это? Это серебряное. Одна дѣвочка, которую я спасъ, подарила мнѣ это. Пожалуйста! Здѣсь помѣщается двадцать папиросъ. Вы не хотите принять? Ахъ, вы не курите. А можно мнѣ зайти завтра къ вамъ извиниться? Мнѣ бы очень хотѣлось сдѣлать что-нибудь, выпросить у васъ прощенье...

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. Теперь я лягу. Общаю вамъ. Вы больше не услышите отсюда ни звука. А на будущее время я буду строже слѣдить за собой.

Сосѣдъ ушелъ.

Вдругъ Иоганнесъ открылъ дверь и закричалъ ему вслѣдъ:

— Ахъ, да, вѣдь я теперь уѣзжаю. Я уже не буду беспокоить васъ больше, я завтра уѣду. Я и забылъ сказать вамъ объ этомъ.

Онъ не уѣхалъ. Разныя причины задержали его: ему пришлось устроить кое-какія дѣла, кое-что купить, кое-что уплатить, такъ прошли и еще утро и вечеръ. Онъ суетился въ какомъ-то безсознательномъ состояніи.

Наконецъ онъ позвонилъ у дверей камергера.

— Викторія дома?

— Викторія ушла по дѣламъ.

Онъ объяснилъ, что фрёкенъ Викторія и онъ — сосѣди въ деревнѣ, что онъ хотѣлъ только повидать ее, если бы засталъ ее, позволилъ себѣ навѣстить ее. Ему хотѣлось послать черезъ нее поклоны домой. Вотъ и все.

Потомъ онъ пошелъ бродить по городу. Можетъ-быть, онъ встрѣтитъ ее, увидитъ ее гдѣ-нибудь, она, можетъ-быть, пройдетъ въ коляскѣ. Онъ бродилъ до самаго вечера. Онъ увидалъ ее у театра и поклонился. Улыбнулся и поклонился, и она отвѣтила на его поклонъ. Онъ хотѣлъ подойти къ ней, между ними было всего нѣсколько шаговъ, — тутъ онъ замѣтилъ, что она не одна: Отто былъ съ ней, сынъ камергера. Онъ былъ въ формѣ лейтенанта.

Иоганнесъ подумалъ:

«Можетъ-быть, она подастъ мнѣ какой-нибудь знакъ, чуть замѣтно, хоть глазами?»

Она поспѣшно прошла въ театръ, вся красная, съ опущенной головой, словно хотѣла спрятаться.

Нельзя ли ему будетъ видѣть ее въ театрѣ? Онъ купилъ билетъ и вошелъ.

Онъ зналъ, что у камергера есть ложа, — конечно, у всѣхъ этихъ богатыхъ господъ бываютъ ложи. И дѣйствительно: вотъ сидитъ она во всей своей лучезарной красотѣ и оглядывается. Взглянетъ ли она на него? Никогда!

По окончаніи акта онъ прошелъ въ коридоръ и дождался ея. Онъ поклонился; она посмотрѣла на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ и кивнула.

— Вотъ тутъ можно достать воды, — сказалъ Отто, указывая впередъ.

Они прошли мимо.

Иоганнесь посмотрѣлъ имъ вслѣдъ. Какой-то туманъ разстилался передъ его глазами. Всѣ эти люди какъ будто сердились на него и толкали его. Онъ машинально извинялся и продолжалъ стоять. Тутъ она исчезла.

Когда она проходила обратно, онъ низко поклонился и сказалъ:

— Извините, фрѣкенъ...

— Это Иоганнесь, — сказала она, представляя его. — Ты знаешь его?

Отто отвѣтилъ и усмѣхнулся.

— Вы, навѣрно, хотите узнать, что дѣлается у васъ дома? — продолжала она, и лицо ея было прекрасно и спокойно: — я, право, не знаю, но, вѣрно, все благополучно. Навѣрно. Я буду кланяться вашимъ родителямъ.

— Благодарю васъ. Вы скоро уѣзжаете?

— На-дняхъ. Я непременно передамъ вашъ поклонъ.

Она кивнула головой и ушла.

Иоганнесь смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не исчезла, потомъ вышелъ на улицу. Онъ убилъ время въ тяжеломъ, грустномъ настроеніи, непрерывно бродя по улицамъ то туда, то сюда. Въ десять часовъ онъ остановился передъ домомъ камергера и сталъ ждать. Теперь представленіе окончилось; она сейчасъ пріѣдетъ. Можетъ-быть, ему удастся открыть дверцу кареты, снять шляпу, отпереть дверь и поклониться до земли.

Не раньше, какъ черезъ полчаса, она подѣхала. Хорошо ли ему стоять здѣсь у двери и снова напоминать о себѣ? Онъ поспѣшно пошелъ вдоль по улицѣ, не оглядываясь. Онъ слышалъ, какъ отворились ворота въ домъ камергера, какъ карета въѣхала во дворъ и ворота снова закрылись. Тогда онъ вернулся обратно.

Тутъ онъ снова сталъ бродить взадъ и впередъ передъ домомъ. Онъ ничего не ждалъ и не имѣлъ ничего въ виду. Вдругъ дверь отворилась, и Викторія вышла на улицу. На ней не было шляпы, она только накинула на плечи шаль. Она улыбалась полузастѣнчиво, полусмущенно и спросила для начала:

— Вы здѣсь ходите и размышляете?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ. — Размышляю? Нѣтъ, я только ходилъ.

— Я видѣла, что вы ходите тутъ взадъ и впередъ, и хотѣла... Я видѣла васъ изъ моего окна. Миѣ сейчасъ же надо будетъ вернуться.

— Благодарю васъ, что вы пришли, Викторія. Я былъ только-что въ такомъ отчаяніи, а теперь это прошло. Простите, что я подошелъ къ вамъ въ театрѣ. Я еще, къ сожалѣнію, заходилъ и сюда, къ камергеру, и спрашивалъ васъ, я хотѣлъ застать васъ и узнать, что вы подразумѣвали, что вы хотѣли сказать?

— Да вѣдь вы же знаете, — сказала она. — Я такъ много сказала третьяго-дня, что вы не могли не понять меня.

— А все-таки я ни въ чемъ не увѣренъ.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ. Я сказала достаточно, я слишкомъ много высказала, а теперь я вамъ дѣлаю больно. Я васъ люблю. Я не лгала вамъ третьяго-дня и теперь не лгу. Но насъ раздѣляетъ такъ многое! Я высоко васъ ставлю, я съ удовольствіемъ говорю съ вами, съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было, но... Да, я не рѣшаюсь дольше стоять здѣсь, насъ могутъ увидеть изъ окна. Иоганнесъ, есть такъ много причинъ, которыхъ вы не знаете, что вы не должны больше разспрашивать меня, что именно я подразумѣваю. Я объ этомъ думала день и ночь; я чувствую то самое, что я вамъ говорила. Но это стало невозможнымъ.

— Что стало невозможнымъ?

— Все. Все вообще. Послушайте, Иоганнесъ, позвольте мнѣ быть гордой за насъ обоихъ.

— Хорошо. Разумѣется. Это вы можете, конечно. Но, значитъ, вы дурачили меня третьяго-дня? Значитъ, вы случайно встрѣтили меня на улицѣ, были въ хорошемъ настроеніи, и вамъ...

Она повернулась и хотѣла уйти.

— Я, можетъ-быть, сдѣлалъ что-нибудь дурное? — спросилъ онъ. Лицо его было блѣдно и неузнаваемо. — Я хочу сказать, изъ-за чего-нибудь да лишился же я вашего..? Можетъ-быть, за эти два дня и двѣ ночи я въ чемъ-нибудь провинился?

— Нѣтъ, не то. Я только обсудила это все; а вы развѣ не обсуждали? Это и всегда было невозможнымъ, знаете ли. Я высоко васъ ставлю, я очень цѣню васъ...

— И уважаю.

Она посмотрѣла на него. Его улыбка оскорбила ее, она продолжала съ возбужденіемъ:

— Господи Боже, неужто вы сами не понимаете, что папа откажетъ вамъ? Зачѣмъ вы заставляете меня говорить вамъ это? Вѣдь вы сами понимаете. Ну, что изъ этого вышло бы? Развѣ я не права?

Пауза.

— Да, — отвѣчалъ онъ.

— Да и помимо этого, — продолжала она: — есть много причинъ... Нѣтъ, право, не ходите больше за мной въ театръ. Вы даже прямо испугали меня. Не дѣлайте этого больше никогда.

— Никогда, — повторилъ онъ.

Она взяла его за руку.

— А вы не можете съѣздить домой на побывку? Я была бы такъ рада этому. Какая у васъ теплая рука. Мнѣ холодно. Ну, теперь мнѣ надо идти. Покойной ночи.

— Покойной ночи, — отвѣчалъ онъ.

Улица, холодная и сѣрая, тянулась черезъ весь городъ; она казалась песчанымъ поясомъ, безконечной дорогой куда-то. Онъ наткнулся на мальчика, продававшего старыя, поблекшія розы. Онъ окликнулъ его, выбралъ розу, далъ ему золотую монету въ пять кронъ и пошелъ дальше. Немного пройдя, увидалъ онъ группу дѣтей, игравшихъ у воротъ. Мальчикъ лѣтъ десяти сидѣлъ смиренно и смотрѣлъ на нихъ. У него были стариковскіе голубые глаза, слѣдившіе за игрою, ввалившіяся щеки и четырехугольный подбородокъ, а на головѣ холщевая фуражка. Это была просто подкладка отъ фуражки. Этотъ ребенокъ носилъ парикъ, какая-то болѣзнь волосъ навсегда обезобразила его голову. Можетъ-быть, и душа его окончательно увяла.

Все это замѣтилъ онъ, хотя у него не было яснаго представленія, на какомъ краю города онъ находится, или куда онъ идетъ. Пошелъ дождь, а онъ не открывалъ своего зонтика, хотя носилъ его съ собою весь день.

Дойдя наконецъ до какой-то площади, гдѣ стояли скамьи, онъ сѣлъ. Дождь шелъ все сильнѣе и сильнѣе, онъ безсознательно открылъ зонтикъ и продолжалъ сидѣть. Вскорѣ его стала одолѣвать непреоборимая апатія. Туманъ застлалъ его мозгъ, онъ сомкнулъ глаза, опустилъ голову и заснулъ.

Немного спустя его разбудилъ громкій говоръ прохожихъ. Онъ всталъ и побрелъ дальше. Умъ его прояснѣлъ, онъ отдавалъ себѣ отчетъ во всемъ, что произошло, вспомнилъ каждую мелочь, даже мальчика, которому далъ пять кронъ за одну розу. Онъ представилъ себѣ восторгъ этого маленькаго человѣчка, когда онъ увидитъ чудную монету посреди своихъ шиллинговъ и пойметъ, что это не двадцать пять эре, а золотой въ пять кронъ. Христосъ съ нимъ!

А тѣ, другія дѣти, вѣроятно, спрятались отъ дождя и играютъ въ подворотнѣ, прыгаютъ на одной ногѣ, бросаютъ мячикъ. А убогій десятилѣтній старичокъ сидитъ и смотритъ. Какъ знать, можетъ-быть, онъ сидитъ и радуется на что-нибудь, можетъ-быть, у него въ комнатѣ на заднемъ дворѣ есть кукла, или волчокъ, или паяцъ. Онъ, можетъ-быть, еще не все потерялъ въ жизни, надежда еще живетъ въ его увядшей душѣ.

Передъ нимъ мелькнула изящная стройная дама. Онъ вздрогнулъ и остановился. Нѣтъ, онъ ея не знаетъ. Она появилась изъ-за угла и спѣшила куда-то. Зонтика у нея не было, а дождь такъ и лилъ. Онъ нагналъ ее, посмотрѣлъ и прошелъ мимо. Какая она тоненькая и молодая! Она промокла, она простудится, а ему нельзя подойти къ ней. Онъ сложилъ свой зонть, чтобы она, по крайней мѣрѣ, мокла не одна. Когда онъ вернулся домой, было уже за полночь.

На столѣ его лежало письмо, приглашительная карточка. Сейеры будутъ очень рады, если онъ придетъ къ нимъ завтра вечеромъ. Между прочимъ, онъ встрѣтитъ и старыхъ знакомыхъ, — какъ бы онъ думалъ, кого? — Викторію, его сосѣдку. Сердечный привѣтъ.

Онъ заснулъ въ своемъ креслѣ. Часа два спустя онъ проснулся, ему было холодно. Полусонный, содрогаясь отъ озноба, изнеможенный отъ всѣхъ волненій этого дня, сѣлъ онъ къ столу, желая отвѣтить на приглашеніе, котораго не хотѣлъ принять.

Онъ написалъ отвѣтъ и собрался отнести его въ почтовый ящикъ. Вдругъ онъ вспомнилъ, что и Викторія будетъ тамъ. Да, а между тѣмъ она ничего не сказала ему объ этомъ. Она боялась, какъ бы онъ не пришелъ, она хотѣла быть ему чужой при постороннихъ людяхъ.

Онъ разорвалъ свое письмо, написалъ другое: онъ очень благодаренъ, онъ придетъ. Его руки дрожали отъ внутренняго волненія, злорадное чувство охватило его. Почему бы ему не прийти? Зачѣмъ ему прятаться? Довольно!

Сильнѣйшее возбужденіе такъ и подталкивало его. Однимъ движеніемъ сорвалъ онъ цѣлую горсть листовъ со своего стѣннаго календаря и перенесся на цѣлую недѣлю впередъ. Онъ представилъ себѣ, что у него какая-то радость, что онъ въ сильнѣйшемъ восторгѣ, ему хочется воспользоваться даннымъ моментомъ, онъ хочетъ выкурить трубочку, сѣсть въ кресло и наслаждаться. Трубка оказалась въ безпорядкѣ. Онъ тщетно поискалъ перочиннаго ножа, какого-нибудь скребочка, и вдругъ бросился къ стѣннымъ часамъ и выломалъ одну изъ стрѣлокъ

на циферблатѣ, чтобы ею вычистить трубку. Ему было приятно смотрѣть на это разрушеніе, онъ посмѣивался про себя и поглядывалъ, что бы ему еще разрушить.

Время шло. Наконецъ онъ бросился на кровать, какъ былъ, въ мокромъ платьѣ и заснулъ.

Когда онъ проснулся, былъ давно уже день. Дождь все еще шелъ, и улицы были мокры. Въ головѣ была какая-то путаница: остатки видѣнныхъ сновъ перемѣшивались со всѣмъ пережитымъ наканунѣ. Лихорадки онъ не чувствовалъ. Наоборотъ: жаръ спалъ, его охватила прохлада, словно онъ всю ночь блуждалъ въ душномъ лѣсу, а теперь подошелъ къ водѣ.

Постучали. Почтальонъ принесъ ему письмо. Онъ распечаталъ, посмотрѣлъ на него, прочелъ, но ему трудно было понять его. Это отъ Викторіи; записочка, исписанный клочокъ бумаги: она забыла сообщить ему, что будетъ у Сейеровъ вечеромъ; она хотѣла бы встрѣтить его тамъ, хотѣла бы лучше объясниться съ нимъ, попросить его забыть ее, сдѣлать это, какъ подобаетъ мужчинѣ. Она проситъ извиненія за скверную бумагу. Сердечный привѣтъ.

Онъ отправился въ городъ, пообедалъ, вернулся домой и наконецъ написалъ отказъ Сейерамъ; онъ не можетъ притти, онъ проситъ позволенія сдѣлать это въ другой разъ,—напримѣръ, завтра вечеромъ.

V.

Настала осень. Викторія уѣхала домой, а маленькая, отдаленная улица стояла попрежнему со своими домиками и со своей тишиной. Въ комнатѣ Іоганнеса по ночамъ виднѣлся свѣтъ. Онъ загорался вечеромъ вмѣстѣ со звѣздами и гасъ, когда занимался день. Онъ трудился усердно, онъ писалъ. Онъ работалъ надъ своей большой книгой.

Шли недѣли и мѣсяцы. Онъ былъ одинъ и не посѣщалъ никого. Къ Сейерамъ онъ не ходилъ больше. Часто его воображеніе играло съ нимъ плохія шутки и порождало въ его книгѣ ни къ чему не относящіяся выдумки, которыя онъ принужденъ былъ послѣ вычеркивать и выбрасывать. Это очень затягивало работу. Внезапный шумъ среди ночной тишины, стукъ экипажа на улицѣ тотчасъ давали толчокъ его мыслямъ и направляли ихъ на другой путь.

Прочь съ дороги, берегись этой кареты!

Зачѣмъ? Зачѣмъ, собственно говоря, слѣдуетъ беречься этой кареты? Она прокатила мимо, она сейчасъ, можетъ-быть, уже размозжитъ кому-нибудь голову. Можетъ-быть, гдѣ-нибудь

стоитъ человекъ безъ пальто и безъ шляпы; онъ стоитъ, нагнувшись, и подставляетъ голову навстрѣчу экипажу. Ему хочется, чтобы его переѣхали, безпощадно искалѣчили, раздавили. Человекъ хочетъ умереть, вотъ въ чемъ дѣло. Онъ уже не застегиваетъ пуговицъ на своей рубашкѣ и по утрамъ пересталъ завязывать шнурки на своихъ башмакахъ. Онъ идетъ себѣ нараспашку, грудь у него обнаженная и худая; вѣдь онъ умретъ... Одинъ человекъ лежитъ при послѣднемъ издыханіи; онъ написалъ письмо своему другу, записочку, маленькую просьбу. Человекъ умеръ и оставилъ послѣ себя это письмо, на немъ была даже и надпись. Оно было написано большими и маленькими буквами, несмотря на то, что писавшій его долженъ былъ умереть не далѣе какъ черезъ часъ. Это такъ странно. Онъ даже сдѣлалъ обычный росчеркъ подъ своимъ именемъ. А черезъ часъ его уже не было въ живыхъ... А вотъ еще человекъ. Онъ лежитъ одинъ въ маленькой комнаткѣ, съ деревянной панелью и голубыми обоями. Ну, и что же? Ничего. Во всемъ обширномъ мірѣ именно онъ долженъ теперь умереть. Это поглощаетъ его, онъ думаетъ объ этомъ до изнеможенія. Онъ видитъ, что теперь вечеръ, что часы на стѣнѣ показываютъ восемь, и не понимаетъ, отчего они не бьютъ. Часы не бьютъ. Прошло уже нѣсколько минутъ девятаго, а они продолжаютъ тикать, но не бьютъ. Несчастный, его мозгъ уже цѣпенѣтъ навсегда, часы *били*, а онъ этого не замѣтилъ. Потомъ онъ протыкаетъ дыру на портретѣ своей матери на стѣнѣ,—что ему теперь до этого портрета, и зачѣмъ тому оставаться цѣлымъ, разъ его не будетъ? Его слабый взоръ падаетъ на вазу съ цвѣтами на столѣ. Онъ протягиваетъ руку и медленно и обдуманно сдергиваетъ большую вазу съ цвѣтами на полъ, такъ что она разбивается вдребезги. Потомъ онъ швыряетъ свой янтарный мундштукъ за окно. На что онъ ему теперь? Ему кажется такъ ясно, что послѣ него все это не должно оставаться. А черезъ недѣлю человекъ этотъ умретъ...

Иоаннесь вскакиваетъ и мечется взадъ и впередъ по комнатѣ. Да, его сосѣдъ по ту сторону стѣны! Его храпъ прекратился, и оттуда послышался вздохъ, жалобный стонъ. Иоаннесь на цыпочкахъ возвращается къ столу и садится снова. Вѣтеръ шелеститъ въ тополяхъ за окномъ и заставляетъ его содрогнуться. Старые тополя опали. У нихъ видъ какихъ-то грустныхъ уродовъ. Ихъ узловатыя вѣтви трутся о стѣну дома и производятъ скрипъ, напоминающій звукъ пилы или разохшагося машиннаго станка. Этотъ звукъ не смолкаетъ и не смолкаетъ.

Онъ бросилъ взглядъ на свои рукописи и перечелъ ихъ. Конечно, воображеніе опять унесло его, куда не слѣдовало. Къ чему тутъ эти умирающіе и проѣзжающая карета? Онъ писалъ объ усадьбѣ, объ одной зеленой и роскошной усадьбѣ, какая есть тамъ, по сосѣдству отъ его домика. Вотъ что онъ описывалъ. Теперь она замерла подъ снѣжнымъ покровомъ, но описывалъ онъ именно ея. Только тамъ вовсе не зима, и снѣга тамъ нѣтъ, а, наоборотъ, весна, благоуханія и нѣжные вѣтерки. Теперь вечеръ. Внизу разстилается водное пространство, безмятежное и глубокое, какъ свинцовое море. Сирень благоухаетъ, одна живая изгородь тянется за другою въ бутонахъ и зеленыхъ листьяхъ, а воздухъ такъ ясенъ, что слышно бормотаніе тетерева на той сторонѣ, за заливомъ. Въ одной изъ аллей сада стоитъ Викторія. Она одна, вся въ бѣломъ, ей двадцать лѣтъ. Вотъ она стоитъ. Весь образъ ея стройнѣе самаго высокаго куста штамповой розы. Она смотритъ вдаль, на воду, на лѣсъ, на спящія горы. Она кажется бѣлымъ безплотнымъ духомъ среди этого зеленого сада. Снизу, съ дороги слышатся шаги; она дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, къ укромной бесѣдкѣ у дороги, облокачивается на ограду и смотритъ внизъ. Человѣкъ на дорогѣ снимаетъ шляпу и, кланаясь, опускаетъ ее почти до земли. Въ отвѣтъ она киваетъ головою. Человѣкъ оглядывается; на дорогѣ нѣтъ никого, кто бы могъ слѣдить за нимъ, и онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ вверхъ, къ оградѣ. Тогда она отступаетъ назадъ и кричитъ: «Нѣтъ, нѣтъ!». При этомъ она машетъ на него руками.—«Викторія,—говоритъ онъ:—вы сказали тогда святую истину, говоря, что я не долженъ воображать себѣ этого, потому что это невозможно».—«Да,—отвѣчаетъ она:—но чего же вы тогда хотите?» Онъ подошелъ къ ней совсѣмъ близко, только ограда раздѣляетъ ихъ, и вотъ раздается его отвѣтъ:—«Чего я хочу? Видите ли, я хочу только постоять здѣсь минутку. Это въ послѣдній разъ. Я хочу подойти къ вамъ какъ можно ближе; теперь я стою недалеко отъ васъ!» Она молчитъ. Такъ проходитъ минута.—«Спокойной ночи»,—говоритъ онъ и снова опускаетъ шляпу почти до земли.—«Спокойной ночи»,—отвѣчаетъ она. И онъ уходитъ, не оглядываясь...

Что ему за дѣло до умирающихъ? Онъ мнетъ исписанную бумагу и бросаетъ ее въ печку. Тамъ лежатъ и другія рукописи, которыя слѣдуетъ сжечь,—пустая игра крылатой фантазіи, нерешедней всякіе предѣлы! И онъ снова пишетъ о человѣкѣ на дорогѣ, о странникѣ, поклонившемся и простившемся, какъ только истекла его минута. А за нимъ въ саду стояла юная дѣвушка, одѣтая въ бѣлое и пережившая

двадцать весень. Онъ ей не нуженъ, пусть. Онъ все же достоялъ у ограды, за которой живетъ она. Вотъ какъ близокъ былъ онъ отъ нея хоть однажды!

Протекли еще недѣли и мѣсяцы, и пришла весна. Снѣгъ совершенно исчезъ. Воздухъ насыщенъ былъ шумомъ, словно отъ водопада, который протянулся отъ солнца до самаго мѣсяца. Прилетѣли ласточки, а въ лѣсу, за городомъ разыгрывалась кипучая жизнь снующихъ повсюду всевозможныхъ звѣрковъ и птицъ съ ихъ чуждыми другъ другу нарѣчїями. Съ земли подымался свѣжій, прїятный аромат.

Работа всю зиму поглощала его. Словно припѣвъ рабочей пѣсни, день и ночь скрипѣли сухіе сучья тополей, царапаясь о стѣну дома. Теперь настала весна, бури миновали, и скрипъ машиннаго станка прекратился.

Онъ открылъ окно и выглянулъ. На улицѣ совершенно тихо, хотя нѣтъ еще и полуночи, звѣзды мерцаютъ на безоблачномъ небѣ, все предрекаетъ на завтра теплый и ясный день. До него доносится гулъ города, перемѣшанный съ вѣчнымъ шумомъ дѣлей. Вдругъ раздается желѣзнодорожный свистокъ, это сигналъ ночного поѣзда: онъ звучитъ, какъ одинокій крикъ пѣтуха въ ночной тиши. Ну, пора приниматься за работу,—этотъ свистокъ всю зиму служилъ ему призывомъ къ работѣ.

-Вотъ онъ закрываетъ окно и снова садится къ столу. Онъ откладываетъ въ сторону книги, которыя мелькомъ читалъ, придвигаетъ къ себѣ бумагу. Онъ беретъ въ руку перо.

Его большой трудъ теперь почти законченъ, не хватаетъ только заключительной главы, какъ послѣдняго привѣта съ удаляющагося корабля, да и та совершенно готова въ его головѣ.

На станціи у большой дороги сидитъ господинъ; онъ здѣсь проѣздомъ, и путь его лежитъ далеко-далеко. Волосы и борода у него полусѣдые, и много лѣтъ жизни уже насчитываетъ онъ за своей спиной. Однако онъ все же высокъ и силенъ, и на самомъ дѣлѣ онъ моложе, чѣмъ кажется. На дворѣ стоитъ его экипажъ, лошади отдыхаютъ, кучеръ весель и доволенъ, потому что этотъ чужой господинъ угостилъ его и виномъ и обѣдомъ. Когда проѣзжіи написали свое имя въ книгѣ, хозяинъ низко поклонился ему и оказалъ ему всевозможную честь. «Кто теперь живетъ въ замкѣ?»—спросилъ господинъ. Хозяинъ отвѣтилъ: — «Капитанъ; онъ очень богатъ; его жена очень добра ко всѣмъ». — «Къ всѣмъ? — спрашиваетъ господинъ,

обращаясь къ самому себѣ, и странно улыбается.—И ко мнѣ также?» И господинъ садится и пишетъ что-то на бумагѣ, а написавъ до конца, перечитываетъ написанное. Это стихи, грустные и спокойные, но въ нихъ кроется много горечи. Однако въ концѣ концовъ онъ рветъ бумагу въ куски и, продолжая сидѣть, разрываетъ ее все мельче и мельче. Вдругъ раздается стукъ въ его дверь, и входитъ женщина въ желтомъ платьѣ. Она откидываетъ вуаль, — это хозяйка замка, фру Викторія. Она прекрасна, какъ королева. Господинъ вскакиваетъ съ мѣста, въ то же мгновеніе мрачную душу его словно пронизываетъ лучъ свѣта.—«Вы такъ добры во всѣмъ,— говоритъ онъ съ горечью: — вотъ и ко мнѣ пришли». Она ничего не отвѣчаетъ, она только глядитъ на него, и лицо ея густо краснѣетъ.—«Что вамъ угодно?—спрашиваетъ онъ съ тою же горечью.— Не затѣмъ ли вы пришли, чтобы напомнить мнѣ о прошедшемъ? Въ такомъ случаѣ вѣдь это въ послѣдній разъ, милостивая государыня, потому что я теперь уѣзжаю навѣки». Но молодая владѣтельница замка и тутъ ничего не отвѣчаетъ, только губы ея дрожатъ. Онъ говоритъ:— «Неужто вамъ мало того, что я однажды уже признался вамъ въ своемъ безуміи? Такъ слушайте же, я это сдѣлаю вторично: я всей душой любилъ васъ, я былъ васъ недостойнъ,—довольно ли съ васъ теперь?» Онъ продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ: — «Вы сказали мнѣ «нѣтъ»; я былъ мужикъ, медвѣдь, варваръ, затесавшійся въ юности случайно въ королевскій поѣздъ; вы выбрали другого». Но съ этими словами господинъ падаетъ въ кресло, рыдаетъ и проситъ:—«Ахъ, уйдите! Пошадите меня! Идите своей дорогой!» Теперь въ лицѣ хозяйки замка не остается ни кровинки. Она говоритъ, медленно и ясно произнося каждое слово: — «Я люблю васъ; не заблуждайтесь же больше, я только васъ и люблю, прощайте!» И вотъ молодая женщина исчезаетъ, она закрываетъ лицо руками и послѣшно уходитъ...

Онъ кладетъ перо и откидывается на спинку стула. Такъ-то, точка, конецъ. Вотъ она—его книга, всѣ эти исписанные листы, девять мѣсяцевъ работы. Теплое чувство удовлетворенія проникаетъ въ его душу, потому что работа его доведена до конца. А пока онъ сидитъ и смотритъ въ окно, за которымъ занимается день, въ головѣ его опять что-то гудитъ и бьется, и душевная работа подымается снова. Его охватываетъ странное настроеніе. Его сердце словно запущенный дикій лѣсъ, насыщенный земнымъ испареніемъ.

Какимъ-то таинственнымъ путемъ попалъ онъ въ глубокую, мертвенную долину, гдѣ нѣтъ ничего живого. Вдали стоитъ одинокій, забытый органъ и играетъ. Онъ подходитъ ближе, онъ осматриваетъ его; изъ органа течетъ кровь, течетъ эта кровь съ одной стороны, а между тѣмъ онъ играетъ. Онъ идетъ дальше и приходитъ на площадь. Здѣсь все вымерло; не видно ни деревца, не слышно ни звука. Просто пустая площадь. Однако на песокъ видны слѣды человѣческихъ ногъ, а въ воздухѣ словно стоятъ еще послѣднія слова, произнесенныя здѣсь, такъ недавно покинули это мѣсто люди. Особое, жуткое чувство охватываетъ его; эти слова, еще висящія въ воздухѣ надъ площадью, наводятъ на него ужасъ, преслѣдуютъ, хватаютъ его. Онъ отмахивается отъ нихъ, а они приближаются снова. Это уже не слова, это старики, толпа стариковъ, которые пляшутъ; теперь онъ ихъ видитъ. Зачѣмъ они пляшутъ, и отчего нѣтъ въ нихъ ни малѣйшей радости, когда они пляшутъ? Холодное вѣяніе исходитъ отъ этой группы стариковъ. Они не видятъ его, они слѣпы, а когда онъ окликаетъ ихъ, они не слышатъ, потому что мертвы. Онъ обращается на востокъ, идетъ къ солнцу и подходитъ къ горѣ. Слышится голосъ:—«Ты подошелъ къ горѣ?»—«Да,—отвѣчаетъ онъ:—я стою у горы». Тогда голосъ говоритъ:—«Гора, у которой стоишь ты, это моя нога; я лежу прикованный на томъ свѣтѣ, приди и освободи меня». Тогда онъ идетъ на тотъ свѣтъ. У моста на пути его стоитъ человѣкъ и подкарауливаетъ его. Онъ собираетъ тѣни; человѣкъ этотъ изъ мускуса. Ледянищій ужасъ обнимаетъ его при видѣ этого человѣка, стремящагося схватить его тѣнь. Онъ плюетъ на него и грозитъ ему сжатыми кулаками, но человѣкъ стоитъ неподвижно и выжидаетъ его.—«Вернись!» — кричитъ за нимъ чей-то голосъ. Онъ оглядывается и видитъ голову, которая катится вдоль дороги, указывая ему путь. Голова человѣческая, и изрѣдка она улыбается тихо и молча. Онъ слѣдуетъ за нею. Она катится дни и ночи. а онъ все слѣдуетъ за нею. У берега моря она проваливается сквозь землю и исчезаетъ. Онъ погружается въ воду и ныряетъ. Онъ стоитъ у громадныхъ воротъ и встрѣчаетъ большую, ходячую рыбу. На шеѣ у нея грива, и идетъ она къ нему, какъ собака. За рыбой стоитъ Викторія. Онъ тянетъ къ ней руки. На ней нѣтъ никакой одежды, она ему улыбается, буря треплетъ ея волосы. Тогда онъ громко зоветъ ее, онъ самъ слышитъ свой крикъ—и просыпается.

Иоганнесъ вскакиваетъ и подходитъ къ окну. Ужъ почти совсѣмъ свѣтло, а въ маленькомъ зеркалѣ на подоконникѣ онъ

видить, что виски его красны. Онъ гаситъ лампу и еще разъ, при сѣромъ свѣтѣ дня, перечитываетъ послѣднія страницы своей книги. Потомъ ложится.

Послѣ полудня въ тотъ же день Іоганнесъ уплатилъ за свою комнату, сдалъ свою рукопись и оставилъ городъ. Онъ уѣхалъ за границу, но никто не зналъ, куда именно.

VI.

Большая книга Іоганнеса появилась въ печати, — цѣлое царство, маленькій трепетный мірокъ настроеній, душевныхъ движеній и грезъ. Ее покупали, читали и откладывали. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Съ наступленіемъ осени Іоганнесъ выпустилъ еще одну книгу. И что же? Имя его теперь было у всѣхъ на устахъ, усміхъ былъ полный; эта книга написана была вдали отъ родины, далеко отъ событій и людей отчизны, а потому была ароматична и крѣпка, какъ выдержанное вино.

Дорогой читатель, вотъ рассказъ о Дидерихѣ и Изелиндѣ. Онъ написанъ въ доброе время, во дни малыхъ скорбей, когда все переносится легко, написанъ съ искреннѣйшимъ сочувствіемъ къ Дидериху, котораго Богъ поразилъ любовью...

Іоганнесъ былъ въ чужихъ краяхъ, никто не зналъ, гдѣ именно. И прошло больше года прежде, чѣмъ кто-либо узналъ объ этомъ.

— Мнѣ кажется, кто-то постучался, — сказала однажды старый мельникъ.

И онъ и жена его притихли, прислушиваясь.

— Нѣтъ, это только такъ показалось, — сказала она наконецъ. — Теперь уже десять часовъ, время слишкомъ позднее.

Прошло нѣсколько минутъ.

Вдругъ въ дверь постучали громко и отчетливо, словно кто-то заставилъ себя рѣшиться на это. Мельникъ отворилъ дверь. На крыльцѣ стояла фрѣкенъ изъ замка.

— Не бойтесь, это только я, — сказала она, робко улыбаясь.

Она вошла. Ей придвинули стулъ, но она не сѣла. На головѣ ея была только накинута шаль, а на ногахъ были маленькія, тонкія туфельки, хотя весна еще не наступала, и на дорогѣ не было сухо.

— Я только хотѣла предупредить васъ, что этой весной прѣдетъ лейтенантъ, — сказала она: — лейтенантъ, мой же-

нихъ... Можетъ-быть, ему вздумается погонять здѣсь дичь въ лѣсу, такъ я только хотѣла предупредить васъ, чтобы вы не испугались.

Мельникъ и жена его съ удивленіемъ глядѣли на фрѣкенъ изъ замка. Раньше ихъ никогда не предупреждали, когда гости, пріѣзжавшіе въ замокъ, охотились по лѣсамъ и лугамъ въ окрестностяхъ. Они смиренно поблагодарили ее.

Викторія снова направилась къ двери.

— Я только это и хотѣла сказать. Я подумала: они люди старые, недурно будетъ предупредить ихъ.

Мельникъ отвѣчалъ:

— Вотъ какъ! И изъ-за этого вы промочили ваши маленькія туфельки, фрѣкенъ.

— Нѣтъ, дорога сухая, — сказала она отрывисто. — Я все равно хотѣла сюда прогуляться. Покойной ночи.

— Покойной ночи.

Она взялась за ручку двери и вышла. Потомъ оглянулась на порогъ и спросила:

— Ахъ, да, скажите: имѣли ли вы извѣстія о Іоганнесѣ?

— Нѣтъ, никакихъ. Спасибо за память. Никакихъ извѣстій.

— Онъ, вѣрно, скоро пріѣдетъ. Я думала, онъ писалъ вамъ.

— Нѣтъ, онъ не писалъ съ прошлой весны. Іоганнесъ долженъ быть теперь за границей.

— Да, за границей. Ему тамъ хорошо. Онъ самъ пишетъ, что переживаетъ дни малыхъ скорбей. Значитъ, ему хорошо.

— Да, да, конечно, давай Богъ. Мы его поджидаемъ; но онъ не пишетъ намъ да и никому другому. Мы просто ждемъ его.

— Ему, видимо, лучше тамъ, гдѣ онъ теперь, разъ скорби его такъ малы. Да, такъ онъ написалъ. Я только хотѣла узнать, пріѣдетъ ли онъ домой этой весною. Еще разъ: спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Мельникъ и жена его вышли вслѣдъ за нею. Они видѣли, какъ она возвращалась въ замокъ, высоко поднявъ голову, шагая своими маленькими туфельками прямо по оттаявшимъ лужамъ на грязной дорогѣ.

Дня два спустя пришло отъ Іоганнеса письмо. Онъ вернется домой не далѣе какъ черезъ мѣсяць, какъ только окончитъ еще одну новую книгу. За все это долгое время ему жилось хорошо. Новая его работа будетъ скоро закончена. Кипучая жизнь вокругъ захватила и его...

Мельникъ отправился въ замокъ. На дорогѣ нашелъ онъ

посовой платокъ, помѣченный инициалами Викторіи, она, очевидно, выронила его тогда.

Фрѣкенъ оказалась наверху, но горничная предложила ему передать ей о дѣлѣ,—что именно ему нужно?

Мельникъ отклонилъ это предложеніе. Онъ предпочитаетъ ждать.

Наконецъ фрѣкенъ пришла.

— Я слышала, что вы желаете говорить со мной?—спросила она и открыла дверь въ сосѣдную комнату.

Мельникъ вошелъ, подалъ ей платокъ и сказалъ:

— А мы теперь получили письмо отъ Іоганнеса.

Радостное волненіе отразилось на ея лицѣ на мгновенье,—на одно краткое мгновенье. Она отвѣтила:

— Благодарю васъ. Да, это мой платокъ.

— Теперь онъ опять скоро пріѣдетъ,—продолжалъ мельникъ почти шопотомъ.

Лицо ея приняло холодное выраженіе.

— Скажите громче, Мѣллеръ,—кто именно пріѣдетъ?

— Іоганнесъ.

— Іоганнесъ? Ну, и что же?

— Ничего, такъ только... Мы думали, что мнѣ слѣдуетъ сообщить вамъ объ этомъ. Мы объ этомъ поговорили съ женой, и она тоже такъ думала. Вы на-дняхъ спрашивали, не пріѣдетъ ли онъ весной. Такъ вотъ онъ пріѣдетъ.

— Такъ вы, навѣрно, теперь очень рады? — сказала фрѣкенъ.—Когда онъ пріѣдетъ?

— Черезъ мѣсяць.

— Вотъ какъ. Да, такъ вамъ больше ничего не нужно?

— Нѣтъ. Мы только думали, что разъ вы спрашиваете... Нѣтъ, больше мнѣ ничего не надо. Это все.

Мельникъ опять понизилъ голосъ.

Она проводила его. Въ коридорѣ они встрѣтили ея отца, и она мимоходомъ сказала ему громко и равнодушно:

— Мельникъ говоритъ, что скоро Іоганнесъ пріѣдетъ домой. Ты помнишь Іоганнеса?

И мельникъ, выходя изъ воротъ замка, обѣщалъ себѣ никогда, никогда больше не играть дурака и не слушать своей жены, которая воображаетъ, будто понимаетъ всѣ эти тонкости. Такъ онъ ей и скажетъ.

VII.

Ту стройную рябину у мельничной плотины хотѣлъ онъ когда-то срѣзать себѣ на удочку. Теперь прошло много лѣтъ,

и дерево стало толще его руки. Онъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и пошелъ дальше.

По берегу рѣки теперь тянулись непроходимыя заросли тростниковъ, цѣлый лѣсъ, съ протоптанными въ немъ скотомъ твердыми тропинками, надъ которыми снова сомкнулись тростниковыя листья. Онъ сталъ прокладывать себѣ дорогу въ этихъ заросляхъ, какъ бывало въ дѣтствѣ, разводя руками и помогая себѣ ногами, какъ бы плавая. Насѣкомыя и гады разбѣгались при видѣ такого большого человѣка.

Наверху, въ каменоломнѣ разрослись шиповники, подснежники, фіалки. Онъ нарвалъ ихъ немного. Родное благоуханіе опять говорило ему о прошлыхъ дняхъ. Вдали синѣли сошедшіе холмы, а по другую сторону залива куковала кукушка.

Онъ сѣлъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ сталъ напѣвать какую-то пѣсенку. Вдругъ вблизи на тропинкѣ послышались шаги.

Быль вечеръ, солнце стояло уже низко, тепло еще оставалось и струилось въ воздухѣ. Надъ лѣсомъ, холмами и заливомъ лежалъ несказанный покой. Какая-то женщина подымалась вверхъ, къ каменоломнѣ. Это была Викторія. Она несла корзину.

Юганнесъ вскочилъ, поклонился и хотѣлъ уйти.

— Я не хотѣла мѣшать вамъ,—сказала она.—Мнѣ только хотѣлось собрать здѣсь кое-какіе цвѣты.

Онъ не отвѣтилъ. Онъ даже не подумалъ о томъ, что у нея есть всевозможные цвѣты въ саду.

— Я захватила съ собою корзину, чтобы собирать въ нее цвѣты,—продолжала она.—Да можетъ-быть, здѣсь и нѣтъ цвѣтовъ. Мнѣ они нужны для гостей. У насъ будутъ гости.

— Здѣсь есть подснежники и фіалки,—сказалъ онъ.—Тамъ, выше, бывало, росъ хмель. Но теперь для него еще, пожалуй, слишкомъ рано.

— Вы стали блѣднѣе, чѣмъ прежде, — замѣтила она.—Это было два года назадъ. Вы уѣзжали, я слышала. Я читала ваши книги.

Онъ опять ничего не отвѣтилъ. Ему подумалось, что, быть-можетъ, ему слѣдуетъ сказать ей: — «Да, до свиданія, фрѣкенъ!»—и уйти. Отъ мѣста, на которомъ онъ стоялъ, былъ всего одинъ шагъ книзу, до перваго камня, отъ этого камня одинъ шагъ до нея, а потомъ онъ могъ бы отступить такъ, какъ будто это случилось само собою. Она стояла прямо посреди на дорогѣ. На ней было желтое платье и красная шляпа, она была своеобразна и очаровательна; шея у нея была открыта.

— Я загораживаю вамъ путь,—пробормотала она и отступила. Онъ старался владѣть собой, чтобы не выказать никакого волненія.

Теперь между ними былъ всего одинъ шагъ. Она остановилась и не давала ему пройти. Они посмотрѣли другъ другу въ лицо. Вдругъ она сильно покраснѣла, опустила глаза и отошла въ сторону. Лицо ея приняло безпомощное выраженіе, но она улыбалась.

Онъ прошелъ мимо нея и остановился. Ея печальная улыбка поразила его. Его сердце опять рванулось къ ней, и онъ сказалъ какъ-то бессознательно:

— Да, вы, навѣрное, не разъ побывали въ городѣ съ тѣхъ поръ? Съ того раза?.. Теперь я знаю, гдѣ всегда бывали цвѣты прежде: на лугу, у вашего флагштока.

Она обернулась къ нему, и онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что лицо ея стало блѣдно и выражало волненіе.

— Не придете ли вы къ намъ на вечеръ?—сказала она.— Если вы не прочь побывать въ обществѣ? У насъ скоро будутъ гости,—продолжала она, и лицо ея начало снова покрываться румянцемъ.— Придетъ кое-кто изъ города. Это будетъ скоро, но я все же дамъ вамъ знать точнѣе. Что вы скажете?

Онъ не отвѣтилъ. Это общество было не для него, онъ не принадлежалъ къ числу посѣтителей замка.

— Вы не должны отказываться. Вамъ не будетъ скучно. Я уже позаботилась объ этомъ и приготовила вамъ неожиданный сюрпризъ, который очень удивитъ васъ.

Пауза.

— Вы уже не можете удивить меня никакой неожиданностью.

Она закусилла губы. Растерянная улыбка снова пробѣжала по ея лицу.

— Что вы противъ меня имѣете?—спросила она глухо.

— Я ничего противъ васъ не имѣю, фрѣкенъ Викторія. Я сидѣлъ здѣсь на камнѣ, я собираюсь уйти.

— Ну, да, а я гуляла тутъ по нашимъ владѣніямъ, бродила цѣлый день и наконецъ попала сюда. Я могла бы пойти и вдоль рѣки, по другой дорогѣ, тогда, по крайней мѣрѣ, я не пришла бы..

— Дорогая фрѣкенъ, это мѣсто ваше, а не мое.

— Я когда-то сдѣлала вамъ зло, Юганнесь. Теперь мнѣ хочется это поправить, загладить. Я въ самомъ дѣлѣ приготовила вамъ сюрпризъ, который, я думаю... т.-е. я хочу сказать, который, я надѣюсь, обрадуетъ васъ. Больше мнѣ нельзя сказать. Но мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы исполнили мою просьбу на этотъ разъ и пришли къ намъ.

— Если это может доставить вамъ хоть какое-нибудь удовольствіе, я приду.

— Придете?

— Да, благодарю васъ за любезность.

Спустившись въ лѣсъ, онъ оглянулся назадъ. Она сѣла. Корзина лежала возлѣ нея въ сторонѣ. Онъ не ушелъ домой, а продолжалъ бродить вдоль дороги то туда, то обратно. Тысячи мыслей пронеслись въ его головѣ. Сюрпризъ? Она сказала это сейчасъ, только-что. Ея голосъ дрожалъ. Горячая, порывистая радость охватила его, заставила сердце его биться успленно, и онъ почувствовалъ, словно его подняло кверху надъ дорогой, по которой онъ шелъ. А была ли это только случайность, что на ней сегодня опять желтое платье? Онъ посмотрѣлъ на ея руку, на которой было когда-то кольцо,— кольца не было.

Прошло около часа. Испаренія земли и лѣса струились вокругъ него, проникали въ душу, въ сердце. Онъ сѣлъ, потомъ легъ на спину, подложивъ руки подъ голову, и сталъ прислушиваться къ крику кукушки за заливомъ. Страстный птичій щебетъ такъ и дрожалъ въ воздухѣ.

Итакъ, онъ опять это пережилъ! Когда она появилась передъ нимъ въ каменоломнѣ въ своемъ желтомъ платьѣ и кроваво-красной шляпѣ, она похожа была на бабочку, перепархивающую съ камня на камень и остановившуюся передъ нимъ. «Я не хотѣла мѣшать вамъ», — сказала она и улыбнулась; улыбка у нея была алая, она освѣтила все лицо, отъ нея сыпались звѣзды. На шеѣ ея выступило нѣсколько тонкихъ голубыхъ жилокъ, а нѣсколько веснушекъ подъ глазами придавали теплый колоритъ ея лицу. Ей шелъ двадцатый годъ.

Сюрпризъ? Чтò она подъ этимъ подразумѣвала? Можетъ-быть, она покажетъ ему его книги, положить передъ нимъ эти два-три тома и порадуетъ его тѣмъ, что она все это купила и разрѣзала? Вотъ, извольте, это маленькое вниманіе и утѣшеніе вамъ! Не взывайте!

Онъ быстро вскочилъ и остановился. Викторія опять подходила къ нему. Корзина ея была пуста.

— Вы не нашли цвѣтговъ?—спросилъ онъ разсѣяннò.

— Нѣтъ, я это оставила. Я и не искала больше, я только сидѣла тамъ.

Онъ сказалъ:

— Кстати, пока я не забылъ: вамъ вовсе нѣтъ надобности думать, что вы причинили мнѣ какое-то зло. Вамъ нечего поправлять какимъ бы то ни было утѣшеніемъ.

— Вотъ какъ,—отвѣчала она, пораженная. Она задумалась

надъ этимъ и посмотрѣла на него, что-то соображая. — Вотъ какъ. А я думала, что тогда... Мнѣ не хотѣлось, чтобы вы все время питали на меня зло за то, что случилось.

— Я не питаю зла къ вамъ.

Она еще нѣсколько времени стояла, задумавшись. Вдругъ она выпрямилась.

— Вотъ и прекрасно, — сказала она. — Конечно, я и сама должна была знать. Вѣдь это не можетъ оставить такого сильнаго впечатлѣнія. Да, такъ не будемъ же больше говорить объ этомъ.

— Не будемъ, конечно. Мои впечатлѣнія такъ же безразличны для васъ, какъ и прежде.

— До свиданья, — сказала она. — Пока до свиданья.

— До свиданья, — отвѣчалъ онъ.

Они пошли каждый своей дорогой. Онъ остановился и обернулся. Вотъ она тамъ идетъ. Онъ протянулъ руки впередъ и прошепталъ, говоря про себя слова, полныя нѣжности: — «Нѣтъ, я не питаю къ вамъ злобы, о, нѣтъ, конечно, нѣтъ; я все еще люблю васъ, люблю васъ...»

— Викторія! — крикнулъ онъ.

Она услышала. Она вздрогнула и оглянулась, но продолжала идти.

Прошло нѣсколько дней. Иоганнесъ былъ въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ. Онъ ничего не дѣлалъ, не спалъ. Почти весь день проводилъ онъ въ лѣсу. Онъ поднялся въ высокую сосновую рощу, гдѣ стоялъ флажокъ обитателей замка. Здѣсь вывѣшенъ былъ флагъ. Развѣвался флагъ и надъ круглой башней замка.

Странное напряженіе овладѣло имъ. Значить, въ замокъ пріѣхали гости. Тамъ готовится праздникъ.

День былъ тихій и теплый. Рѣка струилась вдоль всего ландшафта, словно быющая жила. Пароходъ направился къ берегу, оставляя за собою на водѣ глѣдъ изъ бѣлыхъ бороздокъ. Теперь со двора замка выѣхали четыре экипажа и спустились къ пристани.

Пароходъ причалилъ, мужчины и дамы сошли на землю и заняли мѣста въ экипажахъ. Тогда грянулъ въ замкѣ рядъ выстрѣловъ. Два человѣка стояли наверху на круглой башнѣ, заряжали и стрѣляли, заряжали и стрѣляли изъ охотничьихъ ружей. Когда они разстрѣляли двадцать одинъ патронъ, экипажи въѣхали въ ворота замка, и выстрѣлы прекратились.

Итакъ, въ замкѣ будетъ праздникъ. Пріѣзжіе встрѣчены

флагами и салютомъ. Въ экипажахъ сидѣло нѣсколько военныхъ. Быть-можетъ, былъ тамъ и Отто, лейтенантъ.

Иоганнесъ спустился внизъ съ холма и отправился домой. Его нагналъ посланный изъ замка и остановилъ его. Человѣкъ этотъ несъ въ шапкѣ письмо, его послала фрѣкенъ Викторія и велѣла получить отвѣтъ.

Иоганнесъ прочиталъ письмо съ бьющимся сердцемъ. Викторія все же приглашала его; писала ему въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ и просила его прійти. Именно на этотъ разъ она просить его. Отвѣта ждутъ съ посланнымъ.

Сильная, внезапная радость пронизала его. Кровь бросилась ему въ голову, и онъ отвѣтилъ посланному, что придетъ, да, что онъ очень благодаренъ и вскорѣ явится. Пожалуйста!

Онъ при этомъ подаль ему до смѣнного крупную монету и поспѣшилъ домой переодѣться.

VIII.

Въ первый разъ въ жизни вошелъ онъ въ двери замка и поднялся вверхъ по лѣстницѣ во второй этажъ. Изъ комнатъ до него доносились голоса. Сердце его усиленно билось. Онъ постучался и вошелъ.

Хозяйка замка, еще нестарая женщина, пошла къ нему навстрѣчу, ласково поздоровалась съ нимъ и протянула ему руку. Она рада его видѣть. Она помнитъ его съ давнихъ поръ, когда онъ былъ еще вотъ какой. Теперь онъ сталъ большимъ человѣкомъ... И, словно желая сказать этимъ нѣчто большее, она долго держала его руку, испытующе глядя на него.

Хозяинъ замка также подошелъ, протягивая ему руки. Какъ сказала уже его жена, онъ сталъ большимъ человѣкомъ, иначе, нежели это обыкновенно принято понимать, большимъ человѣкомъ. Знаменитымъ человѣкомъ. Онъ очень радъ...

Его представили мужчинамъ и дамамъ, камергеру, украшенному орденами, его супругѣ, сосѣднему помѣщику, Отто — лейтенанту. Викторіи онъ не видалъ среди нихъ.

Прошло нѣсколько времени. Вошла Викторія, блѣдная, смущенная. Она вела за руку молодую дѣвушку. Онѣ обошли залу, здороваясь и говоря понемногу со всѣми. Передъ Иоганнесомъ онѣ остановились.

Викторія улыбулась и сказала:

— Посмотрите, вѣдь это Камилла. Развѣ это не сюрпризъ? Вѣдь вы знакомы, не такъ ли?

Она немножко постояла, глядя на обоихъ, потомъ вышла изъ залы.

Въ первую минуту Іоганнесъ стоялъ ошеломленный и пораженный, не двигаясь съ мѣста. Вотъ онъ—сюрпризъ,—Викторія весьма любезно подыскала себѣ замѣстительницу. Слушайте вы, люди, идите сюда и отдайтесь другъ другу! Весна цвѣтетъ, солнце сіяетъ. Откройте окно, если хотите, потому что на дворѣ благоуханіе, и скворцы тоже спариваются въ верхушкахъ березъ. Отчего вы ничего не говорите другъ другу? Улыбнитесь же!

— Да, мы знакомы,—сказала Камилла просто.—Вѣдь вы именно здѣсь вытащили меня когда-то изъ воды.

Она была юна, свѣтла, жизнерадостна, одѣта въ розовомъ, ей шелъ семнадцатый годъ. Іоганнесъ сжалъ зубы, засмѣялся, сталъ шутить. Мало-по-малу ея веселая болтовня дѣйствительно стала освѣжать его. Они долго говорили другъ съ другомъ, его сердцебіеніе утихло. У нея все еще сохранилась дѣтская привычка наклонять голову набокъ и выжидательно прислушиваться, когда онъ что-либо говорилъ. Онъ узналъ ее, ея появленіе его не удивило.

Викторія снова вошла, держа лейтенанта подъ руку, подвела его и сказала Іоганнесу:

— Узнаёте вы Отто, моего жениха? Вы, вѣрно, его помните?

Молодые люди помнили другъ друга. Они обмѣнялись необходимыми привѣтствіями, поклонами и разошлись. Викторія и Іоганнесъ опять очутились рядомъ одни. Онъ сказалъ:

— Не это ли вашъ сюрпризъ?

— Да,—отвѣчала она съ мучительнымъ нетерпѣніемъ.—Я поступила, какъ могла лучше. Я не знала, чтѣ еще сдѣлать, не будьте же несправедливы, лучше поблагодарите меня. Вѣдь я видѣла, что вы обрадовались.

— Да, благодарю васъ. Да, я очень радъ.

Безиредѣльное отчаяніе овладѣло имъ. Онъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ. Если она когда-либо причинила ему зло, то теперь все это такъ царственно поправлено и заглажено. Онъ былъ ей искренно благодаренъ.

— Итакъ, я замѣчаю, что вы сегодня опять надѣли свое колечко,—сказалъ онъ глухо:—смотрите же, не снимайте его больше.

Пауза.

— Нѣтъ, я больше ужъ не сниму его,—отвѣчала она.

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза. Губы его дрожали, онъ указалъ ей головой на лейтенанта и сказалъ отрывисто и грубо:

— У васъ есть вкусъ, фрѣкентъ Викторія. Онъ красивый мужчина. И какой бравый у него видъ съ эполетами.

Она отвѣчала очень спокойно:

— Нѣтъ, онъ не красивъ. Но онъ благороденъ. Это тоже чего-нибудь да стѣить.

— Это вы на мой счетъ? Спасибо!—Онъ громко захохоталъ и сказалъ съ беззащитной откровенностью:—А главное, карманы у него туго набиты,—это стѣить еще больше!

Она тотчасъ отошла отъ него.

Онъ сталъ шагать отъ стѣны до стѣны, какъ потерянный. Камилла заговаривала съ нимъ, спрашивала о чемъ-то, онъ не слыхать и не отвѣчалъ. Она еще что-то сказала, даже тронула его за руку и снова спросила о чемъ-то напрасно.

— Нѣтъ, онъ теперь ходитъ и мечтаетъ,—воскликнула она, смѣясь:—онъ мечтаетъ, онъ мечтаетъ!

Викторія услышала это и сказала:

— Онъ хочетъ остаться одинъ. Онъ и меня прогналъ.

Вдругъ она подошла къ нему вплотную и сказала громко:

— Вы, вѣрно, ходите и обдумываете, какъ бы извиниться передо мной? Не заботьтесь объ этомъ. Наоборотъ, мнѣ слѣдуетъ извиниться передъ вами, что я такъ поздно послала вамъ приглашеніе. Это было большимъ невниманіемъ съ моей стороны. Я забыла объ этомъ почти до конца, я чуть-было совсѣмъ не забыла объ этомъ. Но я надѣюсь, вы простите меня, у меня было такъ много заботъ.

Онъ онѣмѣлъ, не сводя съ нея глазъ. Камилла переводила взглядъ съ одного на другого и была, видимо, озадачена. Викторія стояла передъ ними съ холоднымъ и блѣднымъ лицомъ и казалась довольной. Она отместила.

— Вотъ они, наши кавалеры,—продолжала она, обращаясь къ Камиллѣ:—что намъ ждять отъ нихъ? Тамъ сидитъ мой нареченный и рассказываетъ объ охотѣ на лосей, а тутъ поэтъ стоитъ и мечтаетъ... Скажите же что-нибудь, поэтъ!

Онъ вздрогнулъ. Жилы на вискахъ его посинѣли.

— Хорошо. Вы просите меня сказать что-нибудь? Извольте!

— О, нѣтъ, не невольте себя, пожалуйста!

Она хотѣла уйти.

— Ну, чтобы ближе подойти къ дѣлу,—сказалъ онъ медленно и улыбаясь, хотя голосъ его дрожалъ.—Чтобы начать съ самой сути: не были ли вы влюблены за послѣднее время, фрѣкенъ Викторія?

На нѣсколько мгновеній наступила тишина. Всѣ трое слышали бѣненіе собственныхъ сердецъ. Камилла робко замѣтила:

— Разумѣется, Викторія влюблена въ своего жениха. Вѣдь она только-что помолвлена, развѣ вы не знали?

Двери въ столовую въ эту минуту отворились.

Иоганнесъ нашелъ свое мѣсто и остановился за своимъ стуломъ. Столъ такъ и ходилъ въ его глазахъ. Онъ видѣлъ множество людей и слышалъ гулъ ихъ голосовъ.

— Да, пожалуйста, это ваше мѣсто,—любезно сказала хозяйка.—Вотъ только бы всѣ усѣлись скорѣе.

— Извините!—вдругъ раздался за нимъ голосъ Викторіи. Онъ отступилъ въ сторону.

Она взяла билетикъ съ его именемъ и отнесла его на нѣсколько мѣстъ дальше, рядомъ съ мѣстомъ пожилого господина, бывшаго когда-то учителемъ въ замкѣ и про котораго говорили, что онъ не прочь выпить. Она принесла взамѣнъ того билетика другой и сѣла на свое мѣсто.

Онъ стоялъ и слѣдилъ за ней. Хозяйка сдѣлала видъ, будто очень занята по другую сторону стола, и избѣгала смотрѣть на него.

Онъ почувствовалъ себя въ еще большемъ смятеніи, чѣмъ прежде, и рванулся къ своему новому мѣсту. Первое мѣсто его занялъ одинъ изъ товарищей Дитлефа, молодой человекъ съ брильянтовыми запонками на груди. Налѣво отъ него сидѣла Викторія, направо Камилла.

Обѣдъ начался.

Старый учитель помнилъ Иоганнеса съ дѣтскихъ лѣтъ, и между ними тотчасъ же завязалась бесѣда. Онъ объявилъ, что и онъ въ юные годы занимался поэзіей, рукописи его сохранились, Иоганнесъ свободно можетъ получить и прочесть ихъ. Теперь его пригласили на это домашнее торжество, чтобы дать ему возможность принять участіе въ семейной радости — помолвкѣ Викторіи. Хозяинъ и хозяйка замка оказали ему это вниманіе изъ старой дружбы.

— Я не читалъ ничего изъ вашихъ сочиненій,—сказалъ онъ:—я читаю свои собственныя, когда мнѣ хочется почитать. Мои стихи и рассказы лежатъ у меня въ столѣ. Послѣ моей смерти они будутъ напечатаны. Я все-таки желаю, чтобы публика увидѣла, что я былъ за человекъ. Да, да, мы, старые служители искусства, не такъ торопились все тащить въ типографію, какъ это дѣлается теперь. Ваше здорověе!

Обѣдъ продолжался. Хозяинъ замка постучалъ о свой бокалъ и всталъ. Его благородное, художавое лицо выражало волненіе, и онъ казался очень радостно настроеннымъ. Иоганнесъ низко опустилъ голову. Въ стаканѣ его нѣтъ ничего, и никто не предлагасть налить ему вина. Онъ самъ наполнилъ свой бокалъ до красвъ и снова опустилъ голову. Вотъ оно, вотъ оно!

Рѣчь была длинная, красивая, и встрѣчена она была радостнымъ шумомъ. Помолвка была оглашена. Множество добрыхъ пожеланій посыпались со всѣхъ концовъ стола на дочь хозяйевъ дома и на сына камергера.

Юганнесъ выпилъ свой стаканъ.

Черезъ нѣсколько минутъ его смятеніе стало утихать, покой его возвращался; шампанское успокоительнымъ тепломъ заструилось въ его жилахъ. Онъ слышалъ, какъ камергеръ произнесъ тостъ, послѣ котораго всѣ опять кричали «браво» и «ура» и чокались. Разъ онъ взглянулъ на Викторію. Она блѣдна и, повидимому, измучена, она не подымаетъ глазъ. Камилла, наоборотъ, киваетъ ему и улыбается, и онъ киваетъ ей въ отвѣтъ.

Учитель рядомъ съ нимъ продолжаетъ говорить:

— Какъ это прекрасно, какъ прекрасно, когда два любящихъ сердца соединяются. Этого не выпало на мою долю. Я былъ юнымъ студентомъ, съ большими надеждами, большими дарованіями. Отецъ мой былъ стариннаго рода, у него былъ большой домъ, богатство, много судовъ. Я, со своей стороны, осмѣлюсь сказать, подавалъ *очень* большія надежды. Она также была молода и дочь высокопоставленныхъ родителей. Я открылъ ей свое сердце. *Нѣтъ*,—отвѣчала она. Понимаете вы ее или нѣтъ? Нѣтъ, она несогласна,—сказала она. Мнѣ ничего не оставалось, какъ продолжать работать и перенести этотъ ударъ, какъ подобаеиъ мужчинѣ. Но вотъ счастье отвернулось отъ моего отца, пошли неудачи, долги, короче сказать, разореніе. Чтѣ же я сдѣлалъ тогда? Я опять перенесъ и это, какъ подобаеиъ мужчинѣ. И чтѣ же вы думаете? Тутъ-то она снова и является на сцену, та дѣвушка, о которой я упоминалъ. Она прѣзжаетъ, разыскиваетъ меня въ городѣ. Чего ей отъ меня нужно?—спросите вы. Я сталъ бѣднякомъ, я получилъ жалкое мѣсто учителя на почтѣ, всѣ мои надежды рухнули, а произведенія мои брошены въ столъ,—и вотъ теперь она является и объявляетъ, что согласна. Она согласна!

Учитель посмотрѣлъ на Юганнеса и спросилъ:

— Понимаете вы ее или нѣтъ?

— Но теперь ужъ, навѣрно, вы не согласились?

— *Могъ* ли я согласиться, спрошу я васъ? Убитый, всѣми оставленный, нищій, почтовый учитель, курящій трубку только по праздникамъ,—какъ вы хотите? Я не могъ причинить ей такое зло. Но я васъ только спрашиваю: понимаете вы ее или нѣтъ?

— Ну, а чтѣ же было съ ней послѣ?

— Ахъ, ты, Господи, вы все не отвѣчаете на мой вопросъ!

Она вышла замужъ за капитана. Это было годъ спустя. За капитана артиллеріи. Ваше здорье!

Иоганнесъ замѣтилъ:

— Говорятъ, есть женщины, ищущія только предмета состраданія. Если человѣку хорошо, онѣ готовы его ненавидѣть и не обращаютъ на него никакого вниманія. Какъ только надъ нимъ стряется бѣда, подъ которой спина его согнется, онѣ сейчасъ же являются и говорятъ: «а вотъ и я».

— Но почему же она не согласилась, когда все улыбалось мнѣ? Вѣдь я подавалъ блестящія надежды, какъ юный богъ.

— Богъ знаетъ. Она ждала, пока васъ не пригнетъ къ землѣ.

— Но меня не пригнуло къ землѣ. Никогда! Я сохранилъ свою гордость и отказался отъ нея. Что вы на это скажете?

Иоганнесъ молчалъ.

— Но вы, можетъ-быть, и правы,—продолжалъ старый учитель.—Клянусь Богомъ и всѣми Его ангелами, вы совершенно правы!—воскликнулъ онъ вдругъ съ оживленіемъ и снова выпилъ.—Въ концѣ концовъ она вышла за стараго капитана. Она ухаживаетъ за нимъ, кормитъ его и командуетъ всѣмъ домомъ. Капитанъ артиллеріи!

Иоганнесъ поднялъ глаза. Викторія сидѣла со своимъ бокаломъ въ рукахъ и пристально смотрѣла на него. Она приподняла свой бокалъ высоко надъ столомъ. Онъ почувствовалъ, словно кто-то толкнулъ его, и также взялся за бокалъ. Рука его дрожала.

Вдругъ она громко произнесла тостъ за здорье его со сѣда и засмѣялась. Она назвала имя учителя, а не его имя.

Иоганнесъ покорно поставилъ свой бокалъ на мѣсто, все еще безпомощно улыбаясь кому-то въ пространство. Всѣ оглянулись на него.

Старый учитель былъ до слезъ тронутъ этимъ милымъ вниманіемъ со стороны своей ученицы. Онъ успѣшилъ осушить свой бокалъ.

— И вотъ теперь я живу старикомъ,—продолжалъ онъ:—живу и бремению землю, одинокій и безвѣстный. Такова моя доля. Никто не знаетъ, что таится во мнѣ, но никто не слышалъ и моего ропота. Какъ быть? Знаете вы про горлицу? Вѣдь это, кажется, горлица, эта великая печальница, сначала замутитъ чистую, прозрачную воду, а ужъ потомъ пьетъ ее?

— Не знаю.

— Не знаете, конечно. Но это именно она. То же самое дѣлаю и я. Я не взялъ той, съ которой могъ бы раздѣлить свою жизнь. И все же жизнь моя ужъ не такъ бѣдна rado-

стями. А я мучу ее. Я непрерывно мучу ее. Таким образом разочарованіе не может застать меня врасплохъ. Вотъ, напримѣръ, Викторія. Она сейчасъ выпила за мое здоровье. Я былъ ся учителемъ. Теперь она выходитъ замужъ, и это меня радуетъ, я испытываю чисто личную радость отъ этого, словно бы она была моей родной дочерью. Теперь я, быть-можетъ, сдѣлаюсь учителемъ ся дѣтей. Да, право, въ жизни все-таки есть неоспоримыя радости. Однако то, что вы сказали о состраданіи и о женщинѣ и о согнутой спинѣ,—да, чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ больше вижу, что вы правы. Богъ свидѣтель, вы... Извините на минуточку.

Онъ всталъ, взялъ свой бокаль и направился къ Викторіи. Онъ уже немножко пошатывался и шелъ, сильно согнувшись впередъ.

Произнесено было еще нѣсколько рѣчей. Говорилъ лейтенантъ. Помѣщикъ поднималъ бокаль свой за женщинѣ, за хозяйку замка. Вдругъ всталъ господинъ съ брильянтовыми запонками и называлъ имя Іоганнеса. Онъ получилъ разрѣшеніе на то, что онъ дѣлаеть: онъ желаетъ привѣтствовать молодого поэта отъ лица молодежи. Это было чисто-дружеское слово, слово искренней благодарности отъ лица сверстниковъ, полное поклоненія и восторга.

Іоганнесъ въ первую минуту не вѣрилъ своимъ ушамъ. Онъ шепнулъ учителю:

— Это онъ обо мнѣ говоритъ?

Учитель отвѣтилъ:

— Да. Это онъ опередилъ меня. Это мнѣ слѣдовало сдѣлать: Викторія просила меня объ этомъ непременно еще утромъ.

— Кто просилъ васъ объ этомъ, вы сказали?

Учитель вытаращилъ на него глаза.

— Никто,—отвѣчалъ онъ.

Во время рѣчи всѣ глаза направились на Іоганнеса. Даже хозяинъ замка кивалъ ему, а камергерша подняла лорнетъ къ глазамъ, чтобы взглянуть на него. По окончаніи рѣчи всѣ выпили.

— Теперь отвѣтите ему, — сказалъ учитель. — Вѣдь онъ вставалъ и говорилъ въ вашу честь. Это должно бы было относиться къ старшему собрату по искусству. Къ тому же я съ нимъ отнюдь не согласенъ. Отнюдь нѣтъ.

Іоганнесъ посмотрѣлъ черезъ столъ на Викторію. Это она побудила господина съ брильянтовыми запонками сказать рѣчь. Зачѣмъ она это сдѣлала? Раньше она обращалась съ этимъ къ другому. Съ самаго утра она обдумывала это. Зачѣмъ это ей? Теперь она сидитъ, ошустивъ глаза, и ни одна черточка не выдастъ ее.

И вдругъ глубокое и горячее волненіе вызвало слезы на глазахъ его. Онъ готовъ былъ броситься къ ея ногамъ и благодарить, благодарить ее. Онъ это и сдѣлаетъ потомъ, послѣ обѣда.

Камилла сидѣла, болтая и направо и налѣво и улыбаясь всѣмъ своимъ свѣжимъ личикомъ. Она была довольна. Ея семнадцать лѣтъ ничего не доносили до нея, кромѣ чистой радости. Она безчисленное множество разъ кивала Иоганнесу и знаками показывала ему, что онъ теперь долженъ встать.

Онъ всталъ.

Онъ говорилъ кратко, голосъ его звучалъ глубокимъ чувствомъ: на этомъ торжествѣ, когда въ домѣ празднуется счастливое событіе, присутствуетъ и онъ, — человѣкъ совершенно посторонній, — удостоенный вниманія при всей своей незамѣтности. Онъ выражаетъ благодарность тому, кому первому пришла въ голову эта милая мысль, а также тому, кто сказалъ ему столько лестнаго. Но онъ не можетъ также не оцѣнить той благосклонности, съ которою все собравшееся общество выслушало эти похвалы ему — совершенно постороннему человѣку. Единственнымъ объясненіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ можетъ служить, по его мнѣнію, лишь то, что онъ — сынъ сосѣда замка, тамъ въ лѣсу...

— О! — воскликнула вдругъ Викторія съ пылающимъ взоромъ.

Всѣ оглянулись на нее, ея щеки горѣли, а грудь волновалась, то подымаясь, то опускаясь. Иоганнесъ остановился. Водворилось мучительное молчаніе.

— Викторія? — произнесъ съ удивленіемъ хозяинъ замка.

— Продолжайте! — крикнула она опять. — Это, по-вашему, единственное объясненіе; ну, что же дальше?

Тутъ глаза ея мгновенно погасли, на лицѣ появилась безпомощная улыбка, она покачала головой. Потомъ она обернулась къ отцу и сказала:

— Я только остановила его, чтобы онъ не преувеличивалъ. Вѣдь онъ же преувеличиваетъ. Нѣтъ, я не хотѣла мѣшать...

Иоганнесъ слушалъ это объясненіе и искалъ выхода. Сердце его билось такъ, что онъ его слышалъ. Онъ замѣтилъ, что хозяйка наблюдаетъ за Викторіей со слезами на глазахъ и съ безпредѣльной жалостью.

Да, онъ преувеличилъ, — сказалъ онъ: — фрѣкенъ Викторія права. Она любезно напомнила ему, что онъ былъ не только сыномъ сосѣда, но и товарищемъ дѣтскихъ игръ ихъ, дѣтей изъ замка, и что этому послѣднему обстоятельству обязанъ онъ своимъ присутствіемъ здѣсь теперь. Онъ благода-

рить ее, — она совершенно права. Эти мѣста — его родина: когда-то весь свѣтъ заключался для него въ лѣсу замка, за которымъ синѣлъ мѣръ невѣдомый, полный опасностей. Въ тѣ годы часто получалъ онъ предложеніе отъ Дитлефа и Викторіи принять участіе въ какой-нибудь прогулкѣ или въ игрѣ, — это были самыя крупныя событія его дѣтства. Позже, вспоминая объ этомъ, онъ долженъ былъ признать, что это время имѣло для всей жизни его значеніе большее, чѣмъ что бы то ни было иное. Если дѣйствительно — какъ это только-что было сказано — въ произведеніяхъ его иногда вспыхиваетъ священный огонь, то происходитъ это оттого, что его зажигали воспоминанія тѣхъ дней. Это отблескъ того счастья, которое доставляли ему двое его товарищей въ дѣтствѣ. Вотъ почему имъ принадлежитъ значительная доля всего созданнаго имъ. Къ наилучшимъ пожеланіямъ, приносимымъ имъ по случаю обрученія, присоединяетъ онъ и личную благодарность брату и сестрѣ за счастливые годы дѣтства, когда ни время ни обстоятельства не становились между ними, — за тѣ радостныя, быстротечныя лѣтніе дни...

Рѣчь была кончена, все общество выпило, продолжало трапезу, и болтовня возобновилась. Дитлефъ сухо замѣтилъ матери:

— Я никогда не зналъ о томъ, что это, собственно говоря, я писалъ его книги. А?

Но хозяйка замка не засмѣялась. Она чокнулась съ сыномъ и сказала:

— Скажи, скажи ему спасибо. Это такъ понятно: онъ такъ одинокъ былъ въ дѣтствѣ... Чтò это ты дѣлаешь, Викторія?

— Я хотѣла послать ему съ горничной вѣточку сирени въ благодарность. Можно?

— Нѣтъ, — отвѣчала лейтенантъ.

Послѣ обѣда общество разсыпалось по комнатамъ, по обширной террасѣ и даже по саду. Иоганнесъ спустился въ нижній этажъ и пошелъ на крытую веранду. Здѣсь уже было нѣсколько человѣкъ: двое - трое курящихъ мужчинъ, помѣщикъ и еще какой-то господинъ, говорившій вполголоса о финансовомъ положеніи хозяина. Все имѣніе его запущено, заросло сорными травами, заборы повалены, лѣса вырублены; послѣ всего этого, надо думать, ему весьма трудно уплачивать страховыя по неслыханно-крупной оцѣнкѣ дома.

— А за сколько онъ застрахованъ?

Помѣщикъ назвалъ очень значительную сумму.

Впрочемъ, въ замѣкъ никогда не считали денегъ, расходы здѣсь всегда были крупныя. Вотъ хоть бы сегодняшній обѣдъ,— чего онъ долженъ былъ стоить! Зато теперь всюду, должно-быть, пусто стало, даже въ нѣкоей шкатулкѣ съ драгоценностями самой хозяйки дома. Зато денежки зятя возстановятъ прежній блескъ.

— А сколько же у него-то капитала?

— О! фью-ю!.. У него такъ много, что и не перечесть.

Иоганнесъ всталъ и спустился въ садъ. Сирень была въ цвѣту. Его обдало волнами аромата бѣлыхъ лилій, ландышей, жасмина и медвѣжьяго ушка. Онъ выбралъ себѣ уголокъ у ограды и сѣлъ на камень. Здѣсь кустарникъ совершенно скрывалъ его отъ всѣхъ. Онъ усталъ отъ пережитыхъ волненій, усталъ, какъ измученный рабъ, его сознаніе помутилось. Онъ ужъ подумывалъ про себя, не уйти ли домой, а самъ продолжалъ сидѣть, отупѣвшій и безсильный. Вдругъ онъ слышитъ неясный говоръ на дорожкѣ. Кто-то подходитъ сюда. Онъ узнаётъ голосъ Викторіи. Онъ задерживаетъ дыханіе и ждетъ; вотъ и мундиръ лейтенанта блеститъ сквозь листву. Обрученные прогуливаются.

— Я не думаю, чтобы все это такъ и слѣдовало, — говорить онъ. — Ты вслушивалась во все, что бы онъ ни говорилъ, ты волновалась изъ-за его рѣчи и даже вскрикнула. Что это, собственно, значитъ?

Она останавливается передъ нимъ и выпрямляется.

— Ты хочешь знать? — спрашиваетъ она.

— Да.

Она молчитъ.

— Мнѣ, пожалуй, и все равно, если это ничего не значитъ, — продолжаетъ онъ. — Въ такомъ случаѣ и не говори мнѣ.

Она сразу какъ-то вся опускается.

— Нѣтъ, это ничего не значитъ, — отвѣчаетъ она.

Они двигаются дальше. Лейтенантъ нервно передергиваетъ эполетами и произноситъ громко:

— Ему не мѣшаетъ быть осторожнѣе, а то какъ бы офицерская рука не погладила его по щекѣ.

Они направились по дорожкѣ къ бесѣдкѣ.

Иоганнесъ еще нѣсколько времени просидѣлъ на камнѣ, отяжелѣвшій и измученный. Ему все становилось безразлично. Лейтенантъ приревновалъ къ нему свою невѣсту, но та тотчасъ же разсѣяла всѣ его подозрѣнія. Она сказала то самое, что было нужно, успокоила офицерское сердце и пошла съ нимъ дальше. А звѣзды мерцали сквозь зелень надъ ихъ го-

ловами. Такъ-то. Пусть же Господь Богъ даруетъ имъ долгую жизнь... Онъ за обѣдомъ говорилъ для нея и вырвалъ ради нея свое сердце. Ему дорого стоило поправить и покрыть ея дерзкую выходку, а она даже не поблагодарила его за это. Она взяла бокалъ и выпила. Вотъ, моль, посмотри на меня, посмотри, какъ я изящно пью... Вообще: посмотри только на женщину сбоку, когда она пьетъ. Пьетъ ли она изъ чашки, изъ стакана или изъ чего бы то ни было, посмотри только на нее сбоку. Она дѣлается просто отвратительна. Она складываетъ ротъ сердечкомъ и обмакиваетъ въ жидкость только самые кончики губъ, при этомъ она смущается, если обращаютъ вниманіе на ея руку. Вообще лучше не смотрѣть на руки женщины. Она не въ силахъ этого вынести, она сдается. Она тотчасъ отдергиваетъ руку, она придаетъ ей все болѣе и болѣе красивое положеніе, въ то же время стараясь скрыть какую-нибудь морщинку или некрасивый ноготь. Наконецъ она не выдерживаетъ и вѣтъ себя спрашиваетъ: «что вы смотрите?»... Она однажды поцѣловала его. Это было ужъ давно, Богъ вѣсть даже, было ли это въ дѣйствительности? Какъ это было? Развѣ они не сидѣли вмѣстѣ на скамейкѣ? Они долго разговаривали, потомъ пошли вмѣстѣ, а пока шли, онъ былъ отъ нея такъ близко, что касался ея руки. Передъ входомъ на лѣстницу она поцѣловала его. «Я васъ люблю!» сказала она... А теперь они только-что прошли мимо него, они теперь, вѣрно, сидятъ въ бесѣдкѣ. Лейтенантъ сказалъ, что хочетъ дать ему пощечину. Онъ это отлично слышалъ, онъ не спалъ, однако же не всталъ и не выступилъ впередъ. Офицерская рука,— сказалъ онъ. Ну, да, впрочемъ, не все ли ему равно...

Онъ всталъ съ камня и направился къ бесѣдкѣ. Она была пуста. Наверху, у террасы дома стояла Камилла и звала его: «пожалуйте, кофе поданъ на крытой верандѣ». Онъ пошелъ за нею. Обрученные сидѣли на крытой верандѣ. Здѣсь было и много другихъ людей. Онъ взялъ чашку кофе и нашелъ себѣ мѣсто.

Камилла заговорила съ нимъ. Лицо ея такъ и сіяло, и смотрѣла она на него такими ясными глазами, что онъ не могъ устоять передъ ней. Онъ сталъ говорить съ ней, отвѣчалъ на ея вопросы и смѣялся. Гдѣ онъ былъ? Въ саду? Это совсѣмъ неправда, она искала его въ саду и не нашла; не можетъ быть, въ саду его не было.

— Правда ли, что онъ былъ въ саду, Викторія? — спрашиваетъ она.

Викторія отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я его тамъ не видала.

Лейтенантъ бросаетъ на нее взглядъ, полный укоризны, и, какъ бы въ видѣ угрозы своей невѣстѣ, говоритъ излишне громко, обращаясь черезъ всю комнату къ помѣщику:

— Вѣдь вы предлагали мнѣ поѣхать съ вами на лосиную охоту?

— Какъ же, — отвѣчаетъ помѣщикъ: — прошу покорно.

Лейтенантъ смотритъ на Викторію. Та ничего не отвѣчаетъ и сидитъ попрежнему, вовсе не отговаривая его отъ лосиной охоты у помѣщика. Лицо его все сильнѣе и сильнѣе передергивается, онъ нервнымъ движеніемъ разглаживаетъ усы.

Камилла опять обращается съ вопросомъ къ Викторіи.

Тогда лейтенантъ порывисто встаетъ и говоритъ помѣщику:

— Хорошо, такъ я съ вами уѣзжаю сегодня же, сейчасъ же.

Съ этими словами онъ выходитъ изъ комнаты.

Помѣщикъ и нѣкоторые другіе идутъ вслѣдъ за нимъ.

Наступаетъ короткая пауза.

Вдругъ дверь отворяется, и лейтенантъ снова входитъ. Онъ въ сильнѣйшемъ возбужденіи.

— Ты что-нибудь забылъ? — спрашиваетъ Викторія, вставая.

Онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ отъ двери, какъ-то подскакивая, словно не будучи въ состояніи стоять смирно, потомъ направляется къ Іоганнесу, котораго словно мимоходомъ ударяетъ рукой. Послѣ этого онъ опять бросается къ двери, продолжая подскакивать.

— Эй, вы, божій человекъ, будьте-ка поосторожнѣе, вы ударили меня въ глазъ, — сказалъ Іоганнесъ и добродушно засмѣялся.

— Ошибаетесь, — отвѣчаетъ лейтенантъ: — я далъ вамъ пощечину. Понимаете? Понимаете?

Іоганнесъ досталъ носовой платокъ, вытеръ себѣ глазъ и сказалъ:

— Вы шутите. Вѣдь вы же знаете, что я могу сложить васъ пополамъ и засунуть въ карманъ.

Съ этими словами онъ всталъ.

Тутъ лейтенантъ торопливо отворилъ дверь и переступилъ черезъ порогъ.

— Я не шутилъ! — крикнулъ онъ, обернувшись. — Я не шутилъ, олухъ!

И онъ съ шумомъ захлопнулъ дверь.

Іоганнесъ опять сѣлъ.

Викторія все еще стояла неподвижно посреди веранды. Она не сводила съ него глазъ, блѣдная, какъ смерть.

— Онъ васъ ударилъ? — спросила Камила въ величайшемъ изумленіи.

— Нечаянно. Онъ попалъ мнѣ въ глазъ. Посмотрите:

— Господи, да глазъ совсѣмъ красный, изъ него кровь течетъ! Нѣтъ, не трите его, дайте я промою. Вашъ платокъ слишкомъ грубъ, посмотрите, возьмите его; я намочу мой. Вѣдь надо же было ему прямо въ глазъ!

Викторія тоже подала-было свой платокъ. Она ничего не сказала, только губы ея трепетали. Потомъ она очень медленно подошла къ стеклянной двери веранды и остановилась у этой двери спиной къ комнатѣ. Она на мелкіе куски разорвала свой носовой платокъ. Черезъ нѣсколько минутъ она открыла дверь и спустилась съ веранды молча и тихо.

IX.

Камилла шла къ мельницѣ веселая и беззаботная. Она была одна. Она вошла прямо въ маленькую избушку и сказала, улыбаясь:

— Извините, что я не постучала. Здѣсь такой шумъ отъ воды, что мнѣ думалось, все равно не услышать.—Она оглянулась и перебила себя:—Нѣтъ, до чего здѣсь уютно! До чего мило! Гдѣ Іоганнесъ? Я знакома съ Іоганнесомъ. Какъ его глазъ?

Ей подали стулъ, и она сѣла.

Іоганнеса позвали съ мельницы. Глазъ его гноился, и подъ нимъ оставался кровоподтекъ.

— Я пришла сама по себѣ, — сказала Камила, встрѣчая его:—мнѣ очень хотѣлось сюда прійти. Вамъ слѣдуетъ продолжать прикладывать къ глазу холодные компрессы.

— Это пустяки,—отвѣчалъ онъ.—Нѣтъ, скажите мнѣ лучше, зачѣмъ вы пришли, Господь благослови васъ за это! Хотите видѣть мельницу? Спасибо вамъ, что вы пришли.

Онъ обнялъ свою мать, подвелъ ее къ Камиллѣ и сказалъ:

— А вотъ моя мать.

Они пришли къ мельницѣ. Старый мельникъ снялъ шапку, низко поклонился и что-то сказалъ. Камила не слышала, но улыбнулась и отвѣтила наудачу:

— Спасибо, спасибо. Да, я бы очень хотѣла видѣть ее.

Шумъ пугалъ ее, она держала Іоганнеса за руку и широко открытыми глазами искоса слѣдила за обоими мужчинами, прислушиваясь, не говорятъ ли они чего-нибудь. Она казалась глухою. Множество колесъ и приспособленій на мельницѣ приводили ее въ изумленіе, она смѣялась, трясла въ восторгѣ свою руку Іоганнеса и указывала пальцемъ въ разныхъ направленіяхъ. Мельницу остановили и потомъ опять

пустили въ ходъ, чтобы она посмотрѣла, какъ это дѣлается.

Съ добрый часъ послѣ того, какъ они ушли съ мельницы, Камилла продолжала говорить до смѣшного громко, словно мельничный шумъ все еще продолжался у нея въ ушахъ.

Иоганнесь на обратномъ пути проводилъ ее до замка.

— Вѣдь подумать только! Какъ онъ посмѣлъ ударить васъ въ глазъ?—сказала она. — Зато онъ сейчасъ же исчезъ: онъ уѣхалъ на охоту съ помѣщикомъ. Это была ужасно неприятная исторія. Викторія не спала всю ночь, какъ она говорила.

— Она можетъ выспаться въ эту ночь, — отвѣчалъ онъ. — Когда вы уѣзжаете домой, какъ вы думаете?

— Завтра. А вы когда пріѣдете въ городъ?

— Осенью. Можно прійти къ вамъ сегодня?

Она воскликнула:

— Да, благодарю васъ, пожалуйста! Вы мнѣ рассказывали о какой-то пещерѣ, которую вы устроили, вы должны показать мнѣ ее.

— Я приду за вами, — сказалъ онъ.

Возвращаясь домой, онъ долго сидѣлъ на камнѣ, задумавшись.

Теплыя, радостныя мечты осѣнили его.

Днемъ отправился онъ въ замокъ, остановился внизу и послалъ доложить о себѣ Камиллѣ. Пока онъ стоялъ въ ожиданіи, Викторія на мгновенье показалась у окна во второмъ этажѣ; она пристально посмотрѣла на него, потомъ отвернулась и исчезла въ глубинѣ комнаты.

Камилла явилась, и онъ повелъ ее въ каменоломню къ пещерѣ. Онъ былъ въ непривычномъ ему, спокойномъ и счастливымъ настроеніи. Молодая дѣвушка развлекала его. Ея ясныя, легкія рѣчи обвѣвали его словно благодатью. Сегодня добрые духи были близко...

— Я помню, что вы разъ подарили мнѣ кинжалъ, Камилла. Онъ былъ въ серебряныхъ ножнахъ. Я его положилъ въ ящикъ вмѣстѣ съ другими вещами, потому что вѣдь я не употреблялъ его.

— Конечно, онъ не былъ вамъ нуженъ. Ну такъ что же?

— Такъ вотъ, я его потерялъ теперь.

— Вотъ какъ. Какая жалость! Но я, можетъ-быть, найду для васъ другой такой же кинжалъ. Я постараюсь.

Они шли по дорогѣ къ дому.

— А помните тотъ тяжелый медальонъ, который вы мнѣ

разъ подарили? Онъ былъ массивный, толстый, изъ чистаго золота и стоялъ на подставкѣ. Въ этотъ медальонъ вы вписали нѣсколько дружескихъ словъ.

— Да, помню.

— Въ этомъ году я его отдалъ за границей, Камилла.

— Какъ, неужели? Вы его отдали? Зачѣмъ же?

— Я его отдалъ на память одному юному товарищу. Это былъ русскій. Онъ на колѣняхъ благодарилъ меня за это.

— Неужели онъ такъ обрадовался? Впрочемъ, я увѣрена и такъ, что онъ обезумѣлъ отъ радости, разъ онъ благодарилъ васъ на колѣняхъ. вмѣсто того медальона вы получите другой, — уже для васъ одного.

Они дошли до дороги между мельницей и замкомъ.

Иоганнесь остановился и сказалъ:

— На этомъ мѣстѣ со мной разъ нѣчто случилось. Я пришелъ сюда однажды вечеромъ, какъ я часто въ тѣ времена это дѣлалъ въ своемъ одиночествѣ. Было лѣто, и погода стояла ясная. Я легъ подъ кустами и задумался. Вдругъ по дорожкѣ тихо подошло ко мнѣ двое людей. Дама остановилась. Ея спутникъ спросилъ:—«Отчего вы остановились?» Но такъ какъ она не отвѣтила, онъ опять сталъ спрашивать:—«Тамъ что-нибудь есть на дорогѣ?» — «Нѣтъ»,—отвѣчала она:— только не смотрите на меня такими глазами». — «Я только шелъ и смотрѣлъ на васъ»,—сказалъ онъ. — «Да»,—отвѣчала она:— я отлично знаю, что вы меня любите, но папа никогда не согласится на это, понимаете? Это невозможно». Онъ пробормоталъ:— «Да, правда, это невозможно». Тогда она сказала:—«Какая у васъ широкая рука. У васъ замѣчательно широкая рука вотъ здѣсь». И она при этомъ взяла его руку выше кисти.

Пауза.

— А почему же это все было?—спросила Камилла.

— Этого я не знаю, —отвѣчалъ Иоганнесь. — Зачѣмъ она это сказала о его рукѣ?

— Онъ, можетъ-быть, были красивы, его руки? А выше у него виднѣлась бѣлая сорочка, о, да, я это отлично понимаю. Она, вѣрно, тоже была влюблена въ него?

— Камилла!—сказалъ онъ:—если бы я былъ въ васъ очень влюбленъ и если бы я подождалъ нѣсколько лѣтъ, я вѣдь только спрашиваю... Однимъ словомъ, я недостоинъ васъ; но какъ вы думаете, согласитесь ли вы быть моею когда-нибудь, если я буду васъ просить объ этомъ черезъ годъ или черезъ два года?

Пауза.

Камилла вдругъ багрово покраснѣла и смутилась. Она за-

вертѣлась то туда, то сюда всѣмъ своимъ тонкимъ тѣльцемъ и сложила руки. Онъ обнялъ ее за талию и спросилъ:

— Какъ вы думаете? Согласились ли бы вы?

— Да,—отвѣчала она, прижимаясь къ нему.

День спустя онъ провожаетъ ее на пристани. Онъ цѣлуетъ ее маленькія ручки съ ихъ дѣтскимъ, невиннымъ выраженіемъ и полонъ чувства благодарности и радости.

Викторіи не было.

— Отчего никто не провожаетъ тебя?

Камилла, съ ужасомъ въ глазахъ, рассказываетъ, что въ замкѣ разразилось страшнѣйшее горе. Утромъ пришла телеграмма; хозяинъ замка поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, старый камергеръ и его жена закричали отъ горя,—Отто вчера вечеромъ на-смерть убить на охотѣ выстрѣломъ.

Иоганнесь схватилъ Камиллу за руку.

— Убить? Лейтенантъ?

— Да. Теперь его трупъ везутъ сюда. Это ужасно!

Они пошли дальше, погруженные каждый въ свои думы; только люди на пристани, пароходъ, крики команды заставили ихъ опомниться. Камила робко протянула ему свою руку, онъ поцѣловалъ ее и сказалъ:

— Да, да, я недостойнъ тебя, Камила, нѣтъ, ни въ коемъ случаѣ недостойнъ. Но я постараюсь сдѣлать все возможное, чтобы тебѣ было хорошо, если ты станешь моею.

— Я буду твоею. Я всегда этого хотѣла. Всегда!

— Я приѣду черезъ нѣсколько дней,—сказалъ онъ.—Черезъ недѣлю я опять тебя увижу.

Она была уже на палубѣ. Онъ махалъ ей платкомъ и продолжалъ махать, пока она еще видна была ему. Обернувшись назадъ, чтобы итти домой, онъ увидалъ за собою Викторію. Она также держала платокъ въ рукѣ и привѣтствовала Камиллу.

— Я немножко опоздала,—сказала она.

Онъ не отвѣтилъ. Чтѣ, собственно, могъ онъ сказать? Утѣшать ее въ ея потерѣ? Поздравить ее? Пожать ея руку? Голось ея былъ такъ беззвученъ, въ лицѣ ея было столько смятенія, она, видимо, пережила крупное потрясеніе.

Пристань опустѣла.

— Вашъ глазъ все еще красенъ,—сказала она и въ то же время двинулась впередъ.

Онъ стоялъ.

Тогда она вдругъ обернулась и подошла къ нему.

— Отто умеръ, — сказала она жестко, и глаза ея загорѣлись. — Вы не говорите ни слова, вы такъ высокоумѣры. Онъ во сто тысячъ разъ былъ лучше васъ, слышите? Вы знаете, отчего онъ умеръ? Его убили выстрѣломъ, вся голова его была разорвана на куски, вся его маленькая, глупая головка. Онъ былъ во сто тысячъ разъ...

Она разразилась рыданіями и пошла по направленію къ дому тихими, невѣрными шагами.

Поздно вечеромъ въ дверь мельника постучались; Іоганнесь открылъ дверь и выглянулъ. Викторія стояла за порогомъ и манила его къ себѣ. Онъ вышелъ къ ней. Она порывисто схватила его за руку и увлекла его за собой на дорогу; руки у нея были холодны, какъ ледъ.

— Сядьте лучше, — сказалъ онъ. — Сядьте и отдохните; вы такъ взволнованы.

Они сѣли.

Она пробормотала:

— Чтò вы должны обо мнѣ думать: я никогда не даю вамъ покоя.

— Вы очень несчастны, — отвѣчалъ онъ. — Теперь вы должны меня послушать и успокоиться, Викторія. Чѣмъ бы мнѣ помочь вамъ?

— Ради всего святого, простите мнѣ то, чтò я сказала вамъ сегодня! — умоляла она. — Да, я очень несчастна, я была несчастна долгіе годы. Я сказала, что онъ во сто тысячъ разъ былъ лучше васъ, — это неправда, простите меня! Онъ умеръ, а онъ былъ моимъ женихомъ, вотъ и все. Неужто вы думаете, что это по моей доброй волѣ? Іоганнесь, посмотрите! Это мое обручальное кольцо, я уже давно получила его, давно, очень давно. Теперь я бросаю его — бросаю. — И она швырнула кольцо въ лѣсъ; оба слышали, какъ оно упало. — Этого папа хотѣлъ. Папа теперь бѣденъ, онъ совсѣмъ нищій, а у Отто когда-нибудь было бы такъ много денегъ. — «Ты должна это сдѣлать», — говорилъ мнѣ папа. — «Я не хочу», — отвѣчала я. — «Подумай о своихъ родителяхъ», — говорилъ онъ: — подумай о замкѣ, о нашемъ древнемъ имени, о моей чести». — «Ну, хорошо, я это сдѣлаю», — отвѣчала я: — подождите три года, я тогда это сдѣлаю». Папа поблагодарилъ меня и сталъ ждать. Отто ждалъ, всѣ они ждали; но кольцо я получила тогда же. Такъ прошло много времени, и я поняла, что мнѣ ничто не поможетъ. — «Чего намъ еще ждать?» — сказала я папѣ: — зови его сюда, зови моего мужа». — «Господь да благословить тебя», — сказалъ онъ и опять

благодарилъ меня за то, что я готова была сдѣлать. И вотъ Отто прѣѣхалъ. Я не встрѣтила его на пристани, я стояла у своего окна и смотрѣла, какъ онъ подъѣзжалъ и правилъ. Тутъ я бросилась къ мамѣ и упала къ ея ногамъ.—«Что съ тобою, дитя мое?»—спросила она.—«Я не могу,—сказала я:—нѣтъ, я не въ силахъ выйти за него замужъ, онъ прѣѣхалъ, онъ стоитъ тамъ внизу. Но пусть лучше застрахуютъ мою жизнь, и я брошусь въ море или въ водопадъ, мнѣ это легче». Мама поблѣднѣла, какъ смерть, и заплакала надо мной. Пришелъ папа.—«Послушай, дорогая Викторія, ты должна теперь идти внизъ и дать ему свое согласіе»,—сказалъ онъ.—«Я не могу, не могу»,—отвѣчала я и повторила, чтобы онъ лучше застраховалъ мою жизнь. Папа не отвѣтилъ ни слова. Онъ только сѣлъ на стулъ, весь дрожа, и задумался. Увидавъ это, я сказала:—«Ну, пойдемъ къ моему мужу, я согласна».

Викторія замолкла. Она трепетала. Иоганнесъ взялъ обѣ ея руки и сталъ грѣть ихъ.

— Спасибо,—сказала она:—Иоганнесъ, пожалуйста, держите мои руки покрѣпче. Будьте такъ добры, поддержите! Боже, какой вы теплый! Я вамъ такъ благодарна! Только вы должны простить мнѣ то, что я сказала на пристани.

— Да, да, это уже давно забыто. Хотите, я принесу вамъ шаль?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Только я не могу понять, почему это я дрожу, между тѣмъ какъ голова у меня совсѣмъ горячая. Иоганнесъ, мнѣ нужно просить у васъ прощенія за многое...

— Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлайте этого. Полно! Теперь будьте только спокойнѣе. Сидите смиренно.

— Вы говорили для меня, вы сказали рѣчь. Я сама себя не помнила съ того момента, какъ вы встали, и до самой той минуты, когда вы опять опустились на стулъ. Но я только слушала вашъ голосъ. Онъ звучалъ, какъ органъ, и меня приводило въ отчаяніе то, что онъ меня такъ очаровываетъ. Папа спросилъ меня, отчего я вскрикнула и прервала васъ. Онъ очень пенялъ мнѣ за это. Но мама ничего не сказала, она все поняла. Я все рассказала мамѣ, много лѣтъ тому назадъ я сказала ей все, а два года тому назадъ я опять съ ней говорила, вернувшись изъ города. Это было тогда, когда я встрѣтила васъ.

— Не будемте говорить объ этомъ.

— Нѣтъ, не будемъ, только простите меня, слышите? Будьте милосердны! Ну, что мнѣ было дѣлать? Теперь папа ходитъ тамъ дома взадъ и впередъ, въ конторѣ, это все для него такъ ужасно. Завтра воскресенье. Онъ рѣшилъ дать въ этотъ

день свободу всей прислугѣ. Это единственное его рѣшеніе сегодня. Лицо у него стало какое-то сѣрое, и не говоритъ онъ ни слова. Такъ подѣйствовало на него то, что зять его умеръ. Я сообщила мамѣ, что хочу итти къ вамъ.—«Намъ обѣимъ, и тебѣ и мнѣ, слѣдуетъ ѣхать завтра вмѣстѣ съ камергеромъ въ городъ»,—отвѣчала она.—«Я иду къ Іоганнесу»,—повторила я.—«Папѣ негдѣ достать денегъ на насъ троицхъ, онъ самъ хочетъ остаться здѣсь»,—отвѣчала она и все заговаривала о чемъ-нибудь другомъ. Я направилась къ двери. Мама посмотрѣла на меня.—«Теперь я иду къ нему»,—сказала я въ послѣдній разъ. Мама тогда тоже подошла къ двери, поцѣловала меня и сказала:—«Да, да, Господь съ тобою!»

Іоганнесъ выпустилъ ея руки и сказалъ:

— Ну, вотъ теперь вы согрѣлись.

— Очень вамъ благодарна, да, мнѣ теперь очень тепло... «Господь съ тобой»,—она сказала. Я все рассказала мамѣ, она все время знала обо всемъ.—«Кого же именно ты любишь, дорогое дитя мое?»—спросила она.—«Ты еще спрашиваешь?—отвѣчала я:—Іоганнеса люблю я, только его одного любила я всю мою жизнь, любила, любила...»

Онъ сдѣлалъ движеніе.

— Уже поздно. Не беспокоятся ли тамъ за васъ, какъ вы думаете?

— Нѣтъ,—отвѣчала она.—Вѣдь вы же знаете, что я васъ люблю, Іоганнесъ, навѣрно, вы это видѣли? Я такъ тосковала по васъ всѣ эти годы, что никто, никто не можетъ себѣ представить. Я ходила здѣсь по дорогѣ и думала: теперь я лучше немножко отклонюсь отъ дороги въ глубь лѣса; потому что онъ тоже такъ дѣлалъ. Вотъ какъ было. Въ день, когда я услышала, что вы пріѣхали, я одѣлась въ свѣтлое свѣтло-желтое платье, я была больна отъ тоски и ожиданія и ходила отъ одной двери къ другой.—«Какъ ты сіяешь сегодня!»—сказала мама. А я ходила и все время говорила сама себѣ: теперь онъ вернулся домой! Онъ великолѣпный и онъ пріѣхалъ, эти двѣ вещи можно сказать съ увѣренностью о немъ! На другой день я уже не выдержала, я опять одѣлась въ свѣтлое и пошла въ каменоломню, чтобы встрѣтить васъ тамъ. Помните вы это? Я васъ и встрѣтила, только я не собирала цвѣтовъ, какъ я вамъ тогда сказала, и вовсе не за этимъ я и пришла туда. Вы уже не были рады видѣть меня; а все же спасибо вамъ за то, я тогда встрѣтила васъ. А это было больше двухъ лѣтъ назадъ: у васъ въ рукахъ былъ прутикъ, вы сидѣли и хлопывали имъ, когда я пришла. Когда вы ушли, я подняла этотъ прутикъ, спрятала его и принесла домой...

— Да, но, Викторія, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — теперь вамъ больше не слѣдуетъ говорить мнѣ подобныхъ вещей.

— Нѣтъ, — отвѣчала она тревожно и взяла его за руку. — Нѣтъ, мнѣ не слѣдуетъ. Нѣтъ, вы, конечно, не хотите этого. — Она стала нервно похлопывать его по рукѣ. — Нѣтъ, потому что я и ожидать не могу, чтобы вы этого хотѣли. Притомъ же я вамъ причинила столько зла. Но какъ вы думаете, не будете ли вы въ состояніи со временемъ простить меня?

— Да, да, конечно! Все простилъ! Это не то.

— Ну, такъ что же?

Пауза.

— Я помолвленъ, — отвѣчалъ онъ.

X.

На другой день, въ воскресенье, владѣлецъ замка собственной своей особой явился къ мельнику и просилъ его къ полудню прійти и отвезти тѣло лейтенанта Отто на пароходъ. Мельникъ не понялъ его и слушалъ, уставившись на него глазами. Но владѣлецъ замка вкратцѣ объяснилъ, что всю прислугу онъ сегодня отпустилъ, всѣ ушли въ церковь, и никого изъ служащихъ нѣтъ дома.

Владѣлецъ замка, очевидно, не спалъ эту ночь, онъ былъ похожъ на мертвеца и къ тому же не брился. Тѣмъ не мене онъ помахивалъ тросточкой на свой особый ладъ и держался прямо.

Мельникъ надѣлъ свое лучшее платье и отправился. Когда онъ подалъ лошадей, хозяинъ самъ помогъ ему вынести тѣло. Все это совершилось тихо, почти таинственно, никого не было, и никто не видалъ ихъ.

Мельникъ отправился къ пристани. Вслѣдъ за нимъ явились камергеръ, его жена, хозяйка замка и Викторія. Всѣ они пришли пѣшкомъ. Хозяинъ замка видѣлся одинъ на крыльцѣ и много разъ кланялся имъ. Его сѣдые волосы развѣвались по вѣтру.

Когда тѣло внесли на пароходъ, вошли и провожающіе. Хозяйка замка крикнула мельнику съ палубы, чтобы онъ поклонился ей мужу, и Викторія попросила о томъ же.

Пароходъ отчалилъ. Мельникъ долго стоялъ и смотрѣлъ ему вслѣдъ. Дулъ сильный вѣтеръ, и волны вздымались. Не раньше какъ черезъ четверть часа исчезъ пароходъ изъ виду. Мельникъ направился къ дому.

Онъ поставилъ лошадей въ конюшню, далъ имъ корму и

отправился къ замку, передать хозяину поклоны. Дверь въ кухню оказалась запертой. Онъ обошелъ кругомъ и хотѣлъ войти черезъ переднюю; но и эта дверь была заперта. «Теперь полдень, хозяинъ, навѣрно, спитъ»,—подумалъ онъ. Однако, будучи человѣкомъ исполнительнымъ и дорожа тѣмъ, чтобы передать полученное порученіе, онъ пошелъ къ службамъ, надѣясь встрѣтить кого-нибудь, черезъ кого онъ могъ бы довести поклоны до хозяина. Но и въ службахъ не было ни души. Онъ опять вернулся, обошелъ замокъ кругомъ и наконецъ проникъ въ дѣвичью. Здѣсь также не было никого. Вся усадьба словно вымерла.

Онъ уже хотѣлъ выйти, какъ вдругъ замѣтилъ отблескъ свѣта въ подвалѣ замка. Онъ остановился. Сквозь маленькое рѣшетчатое оконце ему ясно виденъ былъ человѣкъ, вошедшій въ подвалъ со свѣчкой въ одной рукѣ и со стуломъ, обитымъ красной шелковой матеріей, въ другой. Это былъ хозяинъ замка. Онъ былъ выбритъ и одѣтъ въ черный сюртукъ, словно собрался на праздникъ. «Не постучать ли мнѣ ему въ окошечко, да и передать поклоны?»—подумалъ мельникъ, однако не двинулся съ мѣста.

Владѣлецъ замка оглянулся, посвѣтилъ вокругъ себя и опять осмотрѣлся. Онъ притащилъ мѣшокъ, въ которомъ, повидимому, было сѣно или солома, и положилъ этотъ мѣшокъ у порога. Потомъ онъ облилъ мѣшокъ какой-то жидкостью изъ кружки. Онъ принесъ еще какіе-то ящики, солому и поломанную подставку для цвѣточныхъ горшковъ къ дверямъ и все это также полилъ изъ кружки; мельникъ замѣтилъ, что онъ при этомъ былъ озабоченъ тѣмъ, какъ бы не запачкать себѣ рукъ или платья. Онъ поставилъ огарокъ свѣчки на мѣшокъ, потомъ обложилъ его осторожно соломой. Затѣмъ сѣлъ на стулъ.

Мельникъ, не отрывая глазъ, положительно ошеломленный; глаза его были какъ будто прикованы къ окну въ подвалъ, и мрачное подозрѣніе закрадывалось въ его душу. Владѣлецъ замка совершенно неподвижно сидѣлъ на своемъ стулѣ и глядѣлъ на свѣчку, которая постепенно сгорала. Онъ сидѣлъ, сложивъ руки. Мельникъ видѣлъ, какъ онъ страхнулъ соринку со своего рукава и снова сложилъ руки.

Наконецъ старый, перепуганный мельникъ издаетъ крикъ.

Владѣлецъ замка поворачиваетъ голову и заглядываетъ въ окно. Вдругъ онъ вскакиваетъ и подбѣгаетъ къ самому окошку, у котораго останавливается, и глядитъ на мельника вытаращенными глазами. Это взглядъ, въ которомъ написана несказанная мука. Его ротъ ужасно искаженъ, онъ молча, угрожающе вытянулъ обѣ руки, сжатые въ кулаки, къ окну. На-

конецъ онъ грозитъ уже только одной рукой и, пятясь, отступаетъ въ глубь подвала. Когда онъ натывается на стулъ, свѣчка падаетъ. Въ то же мгновеніе вспыхиваетъ яркое пламя.

Мельникъ кричитъ и выбѣгаетъ. Одну минуту онъ носится по усадьбѣ, потерявъ голову отъ ужаса и не зная, что дѣлать. Онъ бѣжитъ къ окну въ подваль, бьетъ стекла и зоветъ; онъ наклоняется къ окну, хватаетъ желѣзную рѣшетку, трясетъ ее, распатываетъ, вырываетъ ее.

Тутъ до него доносится изъ подвала голосъ, нечленораздѣльный крикъ, стонъ, словно стонъ мертвеца изъ-подъ земли; стонъ этотъ раздается два раза, и мельникъ, пораженный ужасомъ, бѣжитъ отъ окна, черезъ усадьбу, внизъ на дорогу и домой. Онъ ни разу не посмѣлъ оглянуться.

Когда онъ черезъ нѣсколько минутъ пришелъ туда же вмѣстѣ съ Иоганнесомъ, весь замокъ, большой, старый деревянный замокъ, объятъ былъ пламенемъ. Пришло еще нѣсколько человѣкъ съ пристани, но и они тоже ужъ ничего не могли сдѣлать. Все погибло.

А мельникъ былъ безмолвенъ, какъ могила.

XI.

Если кто-либо спроситъ, что такое любовь, такъ это не что иное, какъ вѣтерокъ, шелестящій въ розахъ и потомъ затихающій. Однако часто она бываетъ и несокрушимой печатью, налагаемой на всю жизнь, до самой смерти. Богъ сотворилъ любовь разныхъ видовъ и слѣдилъ, какъ она остается или какъ проходить.

Двѣ матери идутъ по дорогѣ и разговариваютъ. Одна одѣта въ свѣтлое голубое платье, потому что ея возлюбленный вернулся домой изъ путешествія. Другая одѣта въ трауръ. У нея были три дочери, двѣ темноволосыя, а третья бѣлокурая, и бѣлокурая умерла. Это было уже десять лѣтъ тому назадъ, цѣлыхъ десять лѣтъ, а мать все еще носитъ по ней трауръ.

— Какой сегодня чудный день!—ликуетъ мать, одѣтая въ голубое, и всплескиваетъ руками.—Тепло опьяняетъ меня, любовь меня опьяняетъ, я переполнена счастьемъ. Я готова была бы раздѣться донага здѣсь, на дорогѣ, и протянуть руки къ солнцу и посылать ему поцѣлун.

Но мать въ траурѣ безмолвствуетъ, она не улыбается и не отвѣчаетъ.

— Ты все еще грустишь о своей дочкѣ?—спрашиваетъ голубая въ невинности души.— Не десять ли лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она умерла?

Черная отвѣчаетъ:

— Да. Теперь ей было бы пятнадцать лѣтъ.

Тогда голубая говоритъ въ утѣшеніе:

— Но вѣдь у тебя есть другія дочери, у тебя осталось двѣ дѣвочки.

Черная рыдаетъ.

— Да. Но ни одна изъ нихъ не бѣлокурая. Та, которая умерла, была такая свѣтленькая.

И обѣ матери разстаются и идутъ каждая своей дорогою, каждая со своей любовью...

А у тѣхъ двухъ темноволосыхъ дочерей тоже есть своя любовь у каждой, и любятъ онѣ одного и того же мужчину.

Онѣ приходятъ къ старшей и говорятъ:

— Я пришелъ просить у васъ помощи, потому что я люблю вашу сестру. Сегодня я измѣнилъ ей, она застала меня въ коридорѣ, когда я цѣловалъ вашу служанку. Она слегка вскрикнула, жалобно вскрикнула и прошла мимо. Что мнѣ теперь дѣлать? Я люблю вашу сестру, поговорите съ ней, ради самого Бога, и помогите мнѣ!

И старшая сестра поблѣднѣла и прижала руки къ сердцу; но она улыбнулась, словно благословляя его, и отвѣтила:

— Я помогу вамъ.

На другой день онѣ пошелъ къ младшей и упалъ передъ ней на колѣни и увѣрялъ ее въ своей любви.

Она смѣрила его съ головы до ногъ взглядомъ и отвѣтила:

— Я не могу, къ сожалѣнію, подать вамъ больше десяти кропъ, если вы, собственно, обѣ этомъ просите. Обратитесь къ моей сестрѣ, она подастъ больше.

Съ этими словами она оставила его, гордо выпрямившись.

Но, войдя въ свою комнату, она бросилась на полъ и ломала руки отъ любви.

Зима. На улицѣ холодъ, туманъ, и пыль, и вѣтеръ. Иоганнесъ опять въ городѣ, въ прежней своей комнаткѣ, въ которой онѣ прислушивается къ тому, какъ сучья тополей трутся о деревянную стѣну, и изъ окна которой онѣ не разъ привѣтствовалъ зарождающійся день. Солнца теперь не видно.

Работа все время поглощала его, эти большіе листы, которые онѣ исписывалъ. И по мѣрѣ того, какъ проходила зима, накоплялось ихъ все больше и больше. Это была вереница приключеній изъ міра его фантазіи, безконечная свѣтозарная ночь.

Впрочемъ, дни бывали разные, хорошіе смѣнялись для него дурными, и порою, въ самомъ разгарѣ работы, какая-нибудь

мысль, два глаза, какое-нибудь слово изъ прошлаго настигали его и тотчасъ поглощали все его вдохновеніе. Тогда онъ вставалъ и начиналъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ отъ одной стѣны до другой. Это бывало часто. На полу его образовался бѣлый слѣдъ, который съ каждымъ днемъ становился бѣлѣе...

«Сегодня, когда я не въ состояніи работать, не въ состояніи думать и не могу успокоиться отъ осаждающихъ меня воспоминаній, я сажусь и буду описывать то, что я пережилъ въ одну ночь. Дорогой читатель, сегодня для меня ужасно грустный день. Идетъ снѣгъ, проѣзжихъ на улицѣ почти нѣтъ, все кругомъ печально, и на душѣ у меня жутко и пусто. Я прошелся по улицѣ и потомъ въ моей комнатѣ прохаживался цѣлые часы, стараясь немножко собраться съ мыслями. Но вотъ теперь уже полдень прошелъ, а мнѣ все не легче. Мнѣ бы нужно было согрѣться, а я холоденъ и блѣденъ, какъ угасшій день. Дорогой читатель, въ такомъ настроеніи попытаюсь я описать одну свѣтлую, волнующую ночь. Потому что работа успокоительно дѣйствуетъ на меня, а когда пройдетъ нѣсколько часовъ, я, быть-можетъ, опять почувствую себя счастливымъ...»

Раздается стукъ въ дверь, и входитъ Камилла Сайеръ, его молоденькая невѣста, съ которой онъ тайно обрученъ. Онъ кладетъ перо и встаетъ. Оба они улыбаются и здороваются.

— Ты не спрашиваешь меня про балъ,—тотчасъ же говорить она, бросаясь въ кресло.—Я танцевала всѣ танцы. Это продолжалось до трехъ часовъ. Я танцевала съ Ричмондомъ.

Онъ отвѣчалъ:

— Тысячу разъ спасибо тебѣ за то, что пришла, Камилла. Мнѣ сегодня такъ грустно, а ты такая веселая; это поможетъ мнѣ. Спасибо! А какъ ты была одѣта на балу?

— Разумѣется, въ красномъ... Ахъ, Боже мой, я не помню хорошенько, но я, должно-быть, очень много болтала и много смѣялась. Это было такъ увлекательно! Да, я была въ красномъ, безъ рукавовъ, безъ всякаго признака рукавовъ. Ричмондъ состоитъ при посольствѣ въ Лондонѣ.

— Та-а-къ.

— Его родители англичане, но онъ здѣсь родился. Что это сдѣлалось съ твоими глазами? Они совсѣмъ красные. Развѣ ты плакалъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, смѣясь:—я только всматривался въ свои приключенія, а въ нихъ такъ много солнца. Камилла, если ты дѣйствительно хочешь быть умной дѣвочкой, то не рви больше на куски эту бумагу, какъ ты это дѣлаешь.

— О, Господи, какъ это я такъ забылась! Прости, Иоганнесъ.

— Это ничего; это только нѣсколько замѣточекъ. Слушай лучше: у тебя навѣрно была роза въ волосахъ?

— Конечно. Красная роза; почти черная. Знаешь что, Иоганнесъ? Мы могли бы нашу свадебную поѣздку совершить въ Лондонъ. Это совсѣмъ не такъ страшно, какъ говорить, и это все только выдумки, будто тамъ такъ туманно.

— Кто это сказалъ?

— Ричмондъ. Онъ это говорилъ на балу, а ужъ онъ-то знаетъ. Да, ты знакомъ съ Ричмондомъ?

— Нѣтъ, я его не знаю. Онъ разъ сказалъ рѣчь въ мою честь; у него на груди были брильянтовые запонки. Вотъ все, что я о немъ помню.

— Онъ такой славный. Нѣтъ, когда онъ подошелъ ко мнѣ, поклонился и сказалъ:—«Фрѣкенъ, вы, быть-можетъ, не узнаете меня больше?..» Знаешь, я дала ему розу.

— Отдала? Какую же розу?

— Ту, которая была у меня въ волосахъ. Я отдала ее ему.

— Значить, ты таки-порядочно влюбилась въ Ричмонда?

Она покраснѣла и отвѣчала съ горячностью:

— Вовсе нѣтъ, ничего подобнаго! Кто-нибудь можетъ очень нравиться, можно о немъ думать очень хорошо вовсе безъ того, чтобы... Фу, Иоганнесъ! Ты съ ума сошелъ! Я никогда больше не произнесу его имени.

— Господь съ тобою, Камилла, я вовсе не думалъ... право, тебѣ совсѣмъ не слѣдуетъ думать... наоборотъ, я поблагодарю его за то, что онъ такъ занималъ тебя.

— Да, недостаетъ только, чтобы ты это сдѣлалъ — осмѣлился сдѣлать! Я же съ своей стороны никогда больше не вымолвлю съ нимъ ни одного слова во всю жизнь.

Пауза.

— Ну-ну, давай помиримся,—говорить онъ.—Ты уже уходишь?

— Да, я не могу дольше остаться. Много ли ты подвинулъ свою работу? Мама объ этомъ спрашивала. Подумай: я уже нѣсколько недѣль не видала Викторіи, и вдругъ встрѣтила ее.

— Сейчасъ?

— Когда шла сюда. Она улыбнулась мнѣ. Но, Боже мой, до чего она измѣнилась! Послушай, скоро ли ты придешь къ намъ?

— Да, скоро,—отвѣчаетъ онъ и вскакиваетъ съ мѣста. По лицу его разлился румянецъ. — Можетъ-быть, на этихъ же

дняхъ. Мнѣ только нужно сначала написать еще кое-что, я какъ разъ обдумываю это,—окончаніе моихъ «Приключеній». О, я напишу это, непременно напишу! Вообрази себѣ землю съ высоты въ видѣ великолѣпной и чудной папской мантіи. Въ складкахъ ея ходятъ люди повсюду, попарно. Наступилъ вечеръ, стало тихо, настала часъ любви. Это будетъ названо: «Сродство». Мнѣ кажется, это будетъ великолѣпно. Я такъ часто воображаю себѣ эту картину, и каждый разъ при этомъ грудь у меня готова разорваться на части, и мнѣ хочется обнять землю. Тамъ ходятъ и люди, и звѣри, и птицы, и у всѣхъ у нихъ есть свой часъ любви, Камилла. Волна блаженства приближается, взгляды становятся проникновеннѣе, перси трепещутъ. Тутъ отъ земли исходитъ красноватая дымка: это румянецъ блаженства всѣхъ этихъ обнаженныхъ сердецъ, и ночь окрашивается розовымъ цвѣтомъ. Вдали же, на заднемъ планѣ лежатъ высокія, спящія горы. Онѣ ничего не видали, ничего не слышали. А утромъ Господь Богъ пошлетъ на все это Свое теплое солнышко. «Сродство»,—вогъ какъ это будетъ называться.

— Вотъ какъ?

— Да. Такъ вотъ, я приду, когда это у меня будетъ окончено. Очень благодаренъ, что ты пришла сюда, Камилла. И забудь, пожалуйста, то, что я говорилъ тебѣ. Я ничего особеннаго не подразумѣвалъ подъ этимъ.

— Я и забыла, совершенно забыла объ этомъ. Только я больше никогда не стану произносить его имени. Этого я никогда не сдѣлаю.

На слѣдующее утро Камилла снова приходитъ. Она блѣдна и, противъ обыкновенія, неспокойна.

— Что съ тобой?—спрашиваетъ онъ.

— Со мной? Ничего, — отвѣчаетъ она быстро. — Я люблю тебя. Право, ты не долженъ думать, что со мной что-нибудь есть, или что я не люблю тебя. Нѣтъ, теперь ты только послушай, что я придумала: мы не поѣдемъ въ Лондонъ. Что намъ тамъ дѣлать? Онъ и самъ не знаетъ, что говорить, тотъ человѣкъ. Тамъ гораздо больше тумановъ, чѣмъ онъ думаетъ. Ты на меня смотришь, зачѣмъ ты смотришь? Вѣдь я не назвала его имени. Такой пустой болтунъ, онъ все навралъ мнѣ. Мы не поѣдемъ въ Лондонъ.

Онъ смотритъ на нее, становится внимательнѣе.

— Нѣтъ, мы не поѣдемъ въ Лондонъ, — говоритъ онъ задумчиво.

— Не правда ли? Итакъ, рѣшено! Написалъ ли ты свою вещичку,—«Сродство»? Господи, какъ это мнѣ интересно! Ты теперь долженъ поскорѣе кончить ее и прійти къ намъ, Иоганнесь. Частъ любви? вѣдь такъ, не правда ли? И великолѣпная папская мантия вся въ складкахъ, ярко-розовая ночь, если я вѣрно помню то, что ты говорилъ мнѣ. За послѣднее время я не часто бывала здѣсь у тебя. Но теперь я буду приходиться каждый день и буду спрашивать, не готово ли у тебя.

— У меня скоро будетъ готово,—говорить онъ, продолжая смотрѣть на нее.

— Сегодня я взяла твои книги и перенесла ихъ въ мою комнату. Я хочу перечитать ихъ. Это меня ничуть не утомить, я это сдѣлаю съ удовольствіемъ. Послушай, Иоганнесь, будь такъ добръ, проводи меня сегодня домой; потому что я не знаю, дойду ли я спокойно до дому. Я не увѣрена въ этомъ. Очень можетъ быть, что кто-нибудь и дожидается меня на улицѣ; кто-нибудь ходитъ и ждетъ, можетъ-быть. Я почти увѣрена въ этомъ...—Вдругъ она разразилась слезами и залепетала:—Я назвала его болтуномъ, я бы очень хотѣла, чтобы этого не было. Мнѣ больно, что я это сдѣлала. Онъ ничего не вралъ мнѣ, наоборотъ, онъ все время... У насъ соберутся въ четвергъ кое-кто изъ знакомыхъ, но онъ не долженъ приходиться, а ты долженъ прійти, слышишь? Общаешься? Но я ни за что не хотѣла бы сказать о немъ ничего дурного. Я не знаю, что ты обо мнѣ думаешь...

Онъ отвѣчалъ:

— Я начинаю понимать тебя.

Она бросилась къ нему на шею, спрятала лицо на его груди, дрожащая и взволнованная

— Да, но я и тебя тоже люблю, — продолжала она. — Ты не долженъ сомнѣваться въ этомъ. Я не его одного люблю, такъ что оно еще не такъ гадко. Когда ты спросилъ меня тогда, весной, я такъ обрадовалась! Но вотъ явился онъ. Я этого сама не понимаю. Вѣдь это ужасно съ моей стороны, Иоганнесь? Я люблю его, можетъ-быть, чуточку больше, чѣмъ тебя. Я не могу этому помочь, это пришло помимо меня. О, Господи, я много ночей не спала съ тѣхъ поръ, какъ увидела его, и я люблю его все больше и больше. Что мнѣ дѣлать? Ты гораздо старше меня, скажи мнѣ! Вотъ теперь онъ проводилъ меня сюда, онъ стоитъ на улицѣ и ждетъ, чтобы проводить меня обратно домой, и, можетъ-быть, мерзнетъ. Ты презираешь меня, Иоганнесь? Я не цѣловалась съ нимъ, нѣтъ, не цѣловалась, повѣрь мнѣ. Я только отдала ему свою розу. Отчего ты не отвѣчаешь, Иоганнесь? Ты долженъ сказать,

что мнѣ дѣлать, потому что я не могу этого выдержать дольше.

Иоганнесъ сидѣлъ молча и слушалъ ее. Онъ сказалъ:

— Мнѣ нечего отвѣчать на это.

— Благодарю, благодарю тебя, милый Иоганнесъ, что ты на меня не сердисься,—сказала она и отерла слезы.—Только ты не думай, что я не люблю и тебя тоже. Господи Боже мой, я буду приходить къ тебѣ гораздо чаще прежняго и буду дѣлать все, что ты пожелаешь. Все дѣло только въ томъ, что его я люблю побольше. Я вѣдь этого не хотѣла. Это не моя вина.

Онъ молча всталъ и сказалъ, надѣвъ шляпу:

— Что же, пойдешь?

Они спустились съ лѣстницы.

На улицѣ у дверей стоялъ Ричмондъ. Это былъ молодой человѣкъ, темноволосый, съ карими глазами, сверкающими жизнью и молодостью. Морозъ разрумянилъ его щеки.

— Вамъ холодно?—сказала Камилла, подбѣгая къ нему.

Голосъ ея дрожалъ отъ волненія. Вдругъ она поспѣшно возвратилась къ Иоганнесу, взяла его подъ руку и сказала:

— Извини, что я не спросила и тебя тоже, не холодно ли тебѣ. Ты безъ пальто, не пойти ли мнѣ за нимъ? Нѣтъ? Такъ, по крайней мѣрѣ, застегни пиджакъ на всѣ пуговицы.

Онъ застегнулся.

Иоганнесъ пожалъ руку Ричмонда. Онъ былъ въ какомъ-то странномъ, разсѣянномъ настроеніи, словно все происходившее вовсе его не касалось. Онъ чуть-чуть улыбался неопредѣленной улыбкой и пробормоталъ:

— Очень радъ снова встрѣтиться съ вами.

На лицѣ Ричмонда не замѣтно было ни признанія вины ни притворства. Когда онъ, здороваясь съ Иоганнесомъ, узналъ его, на лицѣ его мелькнуло выраженіе довольства, и онъ низко опустилъ свою шляпу.

— Я недавно видѣлъ въ Лондонѣ одну изъ вашихъ книгъ въ витринѣ книжнаго магазина. Она переведена на англійскій языкъ. Такъ пріятно было видѣть ее тамъ, это было мнѣ привѣтомъ съ родины.

Камилла шла въ серединѣ между ними и поочередно смотрѣла на обоихъ. Наконецъ она сказала:

— Итакъ, Иоганнесъ, я жду тебя въ четвергъ. Да, прости, что я думаю только о себѣ,—прибавила она и засмѣялась. Но, тотчасъ раскаявшись, она обернулась къ Ричмонду и пригласила также и его.—Будутъ все знакомые, Викторія и ея мать тоже приглашены, и еще нѣсколько человѣкъ.

Вдругъ Иоганнесь остановился и сказалъ:

— Въ сущности, мнѣ лучше вернуться домой.

— До свиданья, въ четвергъ,—отвѣчала Камилла.

Ричмондъ искренно и крѣпко пожалъ его руку.

И вотъ они, оба юные и счастливые, пошли своей дорогой вдвоемъ.

XII.

Мать, одѣтая въ голубое, была въ ужаснѣйшей тревогѣ: каждую минуту ждала она изъ сада условнаго знака, а путь черезъ садъ не будетъ свободенъ, пока мужъ ея не уйдетъ изъ дому. Ахъ, этотъ мужъ, этотъ мужъ, которому уже сорокъ лѣтъ и у котораго плѣшь! Подъ вліяніемъ какой мысли, мучительной и тяжелой, онъ такъ блѣденъ сегодня вечеромъ и сидитъ въ креслѣ, уставившись въ свою газету, суровый и неподвижный?

У нея не было ни минуты покоя. Теперь уже одиннадцать часовъ. Дѣтей она давно уложила спать, а мужъ все не уходитъ. Что, если раздастся условный сигналъ, дверь отворится съ помощью милаго маленькаго ключика, и эти два человѣка встрѣтятся лицомъ къ лицу и посмотрятъ прямо въ глаза другъ другу? Она не осмѣливалась довести эту мысль до конца.

Она отошла въ самый темный уголь комнаты, ломая руки, и наконецъ прямо спросила:

— Теперь уже одиннадцать часовъ. Если ты *пойдешь* въ клубъ, то тебѣ пора.

Онъ всталъ при этихъ словахъ, блѣднѣе прежняго, вышелъ изъ комнаты и ушелъ изъ дому.

За садомъ онъ остановился и прислушался къ свисту, къ тихому сигналу. На дорожкѣ раздались шаги, слышно было, какъ всовываютъ ключикъ въ замѣкъ двери и какъ поворачиваютъ его; а затѣмъ, немного спустя, въ комнатѣ за занавѣской обрисовались двѣ тѣни.

Онъ уже и раньше зналъ и сигналъ, и шаги, и обѣ тѣни за занавѣской, все это уже было ему знакомо.

Онъ направился къ клубу. Клубъ еще открытъ, въ окнахъ свѣтло; но онъ не вошелъ туда. Цѣлыхъ полчаса бродилъ онъ по улицамъ и передъ своимъ садомъ, цѣлыхъ безконечныхъ полчаса. «Подожду еще четверть часа»,—думаетъ онъ и продолжаетъ ждать до трехъ четвертей. Затѣмъ онъ входитъ въ садъ, подымается по лѣстницѣ и звонитъ у своей собственной двери.

Приходитъ горничная, открываетъ дверь, высовываетъ на всякій случай голову изъ-за двери и говоритъ:

— Фру уже давно...

— Да, да, не беспокойтесь, — отвѣчаетъ онъ. — Доложите, пожалуйста, фру, что ея мужъ вернулся.

И горничная уходитъ. Она стучится въ дверь фру и передаетъ полученное порученіе черезъ запертую дверь.

— Позвольте доложить вамъ, фру, что вашъ мужъ вернулся.

Фру спрашиваетъ изнутри:

— Что ты говоришь? Мужъ вернулся? Кто тебѣ это сказалъ?

— Онъ самъ. Онъ стоитъ у наружныхъ дверей.

Тутъ изъ комнаты фру слышится жалобный стонъ. Потомъ горячій шопотъ. Слышно, какъ отпирается и запирается дверь. Потомъ все стихаетъ.

Мужъ входитъ въ спальню. Жена встрѣчаетъ его, и въ сердцѣ ея сама смерть.

— Клубъ былъ уже запертъ, — тотчасъ же говоритъ онъ изъ состраданія и жалости. — Я послалъ къ тебѣ, чтобы ты не испугалась.

Она падаетъ въ кресло, освобожденная, успокоенная, спасенная. Въ этомъ блаженномъ состояніи доброта ея сердца переливается черезъ край, и она начинаетъ разспрашивать мужа о томъ, какъ онъ себя чувствуетъ.

— Ты такъ блѣденъ. Что съ тобой, милый?

— Мнѣ не холодно, — отвѣчаетъ онъ.

— Но съ тобой что-нибудь да случилось? У тебя такой разстроенный видъ.

Мужъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я улыбаюсь. Отнынѣ я буду всегда улыбаться именно такимъ образомъ. Я хочу, чтобы эта гримаса разъ навсегда осталась на моемъ лицѣ.

Она прислушивается къ этой отрывистой, хриплой рѣчи и не понимаетъ, совсѣмъ не можетъ понять ея. Что онъ хочетъ сказать?

Но вдругъ онъ охватываетъ ее руками, словно желѣзомъ, съ ужающей силой, и шепчетъ ей прямо въ лицо:

— А какъ ты думаешь, не наставить ли намъ рога ему... тому, что ушелъ... не наставить ли намъ ему рога?

Она вскрикиваетъ и зоветъ горничную. Онъ выпускаетъ ее съ тихимъ, сухимъ смѣхомъ, при чемъ разѣваетъ ротъ, словно пасть, и бьетъ себя по обѣимъ ляжкамъ.

Поутру доброе сердце фру снова беретъ верхъ, и она говорить мужу:

— У тебя былъ престранный припадокъ вчера вечеромъ. Теперь, кажется, это прошло, но ты и сегодня такъ же блѣденъ.

— Да, — отвѣчаетъ онъ: — увлеченіе въ моемъ возрастѣ утомительно. На будущее время этого не будетъ.

Разсказавъ о многихъ видахъ любви, Мункенъ Вендтъ приводитъ еще одинъ случай и говоритъ:

— Потому что есть особый родъ любви, — любви упоительной до самозабвенія.

Молодая пара новобрачныхъ только-что вернулась домой; ихъ долгое свадебное путешествіе окончено, и они могутъ предаваться отдыху.

Надъ крышей ихъ горятъ и падаютъ звѣзды.

Лѣтомъ молодые гуляли вмѣстѣ, не отходя другъ отъ друга. Они рвали желтые, красные и голубые цвѣты, которые отдавали другъ другу. Они смотрѣли, какъ вѣтеръ колышетъ траву, и слушали, какъ птицы поютъ въ лѣсу, и каждое слово, сказанное ими, было выраженіемъ любви. Зимой они катались въ саняхъ, и небо было сине, и далеко въ вышинѣ звѣзды мерцали на его вѣчной равнинѣ.

Такъ прошло много-много лѣтъ. У молодой пары родилось трое дѣтей, а сердца ихъ любили другъ друга такъ же, какъ и въ первый день, при первомъ поцѣлуѣ.

Но вотъ мужъ, крѣпкій мужчина, заболѣваетъ болѣзнью столь опасной, что эта болѣзнь надолго приковываетъ его къ постели, а терпѣніе жены его подвергается тяжкому испытанію. Когда онъ выздоровѣлъ и всталъ съ постели, онъ самъ не узнавалъ себя: болѣзнь искалѣчила его и унесла всѣ его волосы.

Онъ страдалъ и все думалъ объ этомъ. Разъ утромъ онъ сказалъ:

— Ты, навѣрно, уже не любишь меня больше?

Но жена его, краснѣя, обвила его шею руками и поцѣловала его такъ же страстно, какъ и въ весну ихъ юношеской любви, и отвѣтила:

— Я люблю, люблю тебя постоянно. Я никогда не забываю того, что ты меня, а не кого-либо другого, выбралъ и сдѣлалъ такой счастливой.

И она пошла въ свою комнату и остригла всѣ свои золотистые волосы, чтобы уподобиться своему мужу, котораго такъ любила.

Прошло еще много-много лѣтъ, мужъ и жена состарились, а дѣти ихъ выросли. Они были такъ же счастливы, какъ и прежде. Лѣтомъ они ходили по лугамъ и смотрѣли, какъ волновалась

трава, а зимою закутывались въ шубы и катались подъ звѣд-нымъ небомъ. И сердца ихъ оставались все такъ же горячи и полны радости, словно упоенныя волшебнымъ напиткомъ.

Но вотъ жена лишилась ногъ. Старая фру уже не могла ходить, ее пришлось катать въ креслѣ на колесахъ, и старый мужъ самъ каталъ ее. Однако фру невыразимо страдала отъ этого несчастья, и лицо ея покрылось глубокими морщинами скорби.

Однажды она сказала:

— Я бы теперь хотѣла лучше умереть. Я разбита параличомъ и отвратительна, а твое лицо такъ красиво, ты уже не станешь цѣловать меня и не можешь такъ же любить меня, какъ прежде.

Но мужъ обнялъ ее, покраснѣвъ отъ волненія, и отвѣчалъ:

— Я люблю тебя больше жизни, моя ненаглядная, люблю тебя, какъ и въ первый день, въ первый часъ любви нашей, когда ты подарила мнѣ розу. Помнишь? Ты протянула мнѣ розу и посмотрѣла на меня своими чудными глазами. Роза благоухала, какъ и ты, и ты краснѣла, какъ она, и я словно опьянѣлъ всѣмъ существомъ своимъ. Но я еще больше люблю тебя теперь, ты теперь прекраснѣе, чѣмъ была въ юности, и сердце мое благодаритъ и благословляетъ тебя за каждый день, проведенный съ тобою.

Мужъ ушелъ въ свою комнату, облилъ лицо свое сѣрной кислотой, чтобы обезобразить его, и сказалъ женѣ:

— Я, по несчастной случайности, обжегъ лицо свое сѣрной кислотой, щеки мои покрыты пятнами, и ты ужъ не любишь меня больше?

— О, мой женихъ, мой возлюбленный! — воскликнула жена и стала цѣловать его руки. — Ты красивѣе всѣхъ людей на землѣ, твой голосъ еще и до сего дня согрѣваетъ мое сердце, и люблю я тебя до смерти.

XIII.

Иоганнесъ встрѣтилъ Камиллу на улицѣ; она была съ матерью, отцомъ и Ричмондомъ. Они остановили свою коляску и ласково поговорили съ нимъ.

Камилла схватила его за руку и сказала:

— Ты не пришелъ къ намъ. У насъ былъ большой вечеръ, представь себѣ. Мы до конца ждали тебя, а ты не пришелъ.

— Мнѣ помѣшали, — отвѣчалъ онъ.

— Извини, что я ни разу не была у тебя съ тѣхъ поръ, — продолжала она. — Теперь я приду на-дняхъ, навѣрно, какъ

только Ричмондъ уѣдетъ. Ахъ, какой у насъ былъ вечеръ! Викторія захворала, ее увезли домой, ты слышалъ? Теперь я скоро поѣду навѣстить ее. Ей, навѣрно, гораздо лучше, можетъ-быть, она теперь ужъ совсѣмъ поправилась. Я подарила Ричмонду медальонъ почти такой же, какъ твой. Послушай, Иоганнесъ, ты долженъ обѣщать мнѣ приглядывать за своей печкой: когда ты пишешь, ты все забываешь, и у тебя становится страшно холодно. Звони горничную.

— Да, я буду звонить горничную, — отвѣчалъ онъ.

Фру Сейеръ тоже поговорила съ нимъ, спросила о его работѣ, о разказѣ подъ заглавiемъ «Сродство», — какъ онъ у него подвигается? Она съ нетерпѣнiемъ ждетъ его появленiя въ самомъ скоромъ времени.

Иоганнесъ далъ необходимые отвѣты, низко поклонился и посмотрѣлъ на отъѣзжающую коляску. Какъ все это чуждо ему, эта коляска, эти люди, эта болтовня! Ощущенiе пустоты и холода охватило его и не оставляло до самаго дома. У дверей его взадъ и впередъ ходилъ по улицѣ человекъ, старый его знакомый, бывшiй домашнiй учитель замка.

Иоганнесъ поклонился ему.

Онъ одѣтъ былъ въ длинное, теплое пальто, тщательно вычищенное, и видъ у него былъ отважный и рѣшительный.

— Вы видите вашего друга и коллегу, — сказалъ онъ. — Дайте мнѣ вашу руку, молодой человекъ. Богъ чудеснымъ образомъ направилъ меня на новую стезю съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами видѣлись: я женатъ, у меня есть домъ, маленькiй садикъ, жена. Въ жизни еще встрѣчаются чудеса. Замѣчаете вы что-нибудь по моему внѣшнему виду?

Иоганнесъ съ удивленiемъ смотрѣлъ на него.

— Итакъ, дѣло сдѣлано! Я, видите ли, училъ ее сына. У нея есть сынъ, отпрыскъ отъ перваго брака. Она, какъ видите, уже была замужемъ, она вдова. И такъ, я женился на вдовѣ. Вы можете возразить, что, значить, пѣсенка моя тогда еще не была спѣта. Но вѣдь я женился на вдовѣ. У нея былъ отпрыскъ отъ перваго брака. Я сталъ ходить туда и присматриваться къ домику и къ вдовѣ, и нѣкоторое время жилъ исключительно этой мыслью. Вдругъ меня осѣнило, и я сказалъ себѣ: разумѣется, пѣсенка твоя еще не спѣта, и такъ далѣе. Во всякомъ случаѣ я это сдѣлалъ, я бросилъ жребiй, потому что поистинѣ это была моя звѣзда. Видите ли, такъ оно и пошло.

— Поздравляю! — сказалъ Иоганнесъ.

— Тсс! Ни слова болѣе. Я знаю, что вы хотите сказать. А та, первая, хотите вы, конечно, сказать, развѣ вы забыли

вашу юношескую вѣчную любовь? Вы именно это хотѣли сказать. Осмѣлюсь со своей стороны спросить васъ, милостивый государь, что случилось съ моей единственной вѣчной любовью? Развѣ она не вышла замужъ за артиллерійскаго капитана? А кромѣ того я предложу вамъ и еще одинъ маленькій вопросъ: видали ли вы когда-нибудь, когда-нибудь, чтобы человѣкъ женился на той, на которой ему бы хотѣлось жениться? Случилось однажды съ однимъ человѣкомъ, что онъ, по милости Божьей, женился на предметѣ своей первой и единственной любви. И тѣмъ не менѣе это отнюдь не составило его счастья. Почему же?—хотите вы спросить, и вотъ я отвѣчу вамъ: по той простой причинѣ, что она тотчасъ послѣ этого умерла—*тотчасъ* послѣ этого, слышите? Ха-ха-ха—мгновенно. Такъ-то вотъ бываетъ всегда. Само собою разумѣется, никто не получаетъ въ жены той женщины, къ которой стремится, но если и случается это по какой-то проклятой случайности одинъ единственный разъ, то она умираетъ тотчасъ же. Это вѣчное разочарованіе. Такимъ образомъ человѣкъ обреченъ искать себѣ другой любви, болѣе доступной, и ему, право, нѣтъ нужды умирать изъ-за подобной переменны. Увѣряю васъ, такъ ужъ премудро устроена природа человѣка, что онъ незамѣтнымъ образомъ выдерживаетъ это. Вы только посмотрите на меня.

Иоганнесъ сказалъ:

— Я вижу, что вамъ хорошо живется.

— Отмѣнно хорошо. Слушайте, почувствуйте и глядите! Развѣ цѣлый потокъ непрерывныхъ заботъ не изливается на мою особу? Я одѣтъ, обутъ, у меня есть домъ, супруга, ребенокъ—ну, отпрыскъ, однимъ словомъ. Что я хотѣлъ сказать? Да, что касается моей поэзіи, то на этотъ счетъ я тотчасъ разрѣшу вамъ этотъ вопросъ: о, мой юный коллега, я старше васъ и, можетъ-быть, немного болѣе одаренъ отъ природы. Поэзія моя лежитъ въ столѣ. Она появится въ печати послѣ моей смерти. Какая же вамъ радость отъ этого?—хотите вы спросить. Но и тутъ вы не угадали: пока ея наслаждается моя семья. Вечеромъ, когда зажигается лампа, я открываю столъ, вынимаю мои стихи и читаю ихъ вслухъ моей супругѣ и мальчику. Одной сорокъ лѣтъ, другому двѣнадцать, и оба въ восторгѣ. Если вы когда-нибудь заглянете къ намъ, то мы васъ угостимъ ужиномъ и тодди. Итакъ, вы приглашены. Желаю вамъ всего наилучшаго.

Онъ протянулъ Иоганнесу руку. Вдругъ онъ спросилъ:

— Вы слышали про Викторію?

— Про Викторію? Нѣтъ. То-есть я только-что слышалъ о ней сейчасъ...

— Вы не замѣчали, что она хвораетъ, что подъ глазами у нея становится все темнѣе и темнѣе?

— Я не видалъ ее съ самой весны. Она все еще больна?

Учитель отвѣчалъ съ комической твердостью и топнувъ ногою:

— Да.

— Я только-что слышалъ... Нѣтъ, я совсѣмъ не видалъ ее больною, я не встрѣчался съ нею. Она очень больна?

— Очень. Возможно, что она и совсѣмъ умерла, понимаете ли.

Юганнесъ, пораженный, смотрѣлъ на него, на свою дверь, не зная, уйти ли ему туда или остаться, потомъ опять на учителя, на его длинное пальто, на его шляпу. Онъ улыбался растерянно и страдальчески, какъ улыбаются нищіе.

Старый учитель продолжалъ грозно:

— Вотъ еще примѣръ: станете ли вы отрицать это? Она тоже не вышла за того, за кого хотѣла, кого любила почти съ дѣтскихъ лѣтъ, за молодого, славнаго лейтенанта. Въ одинъ прекрасный вечеръ онъ уѣхалъ на охоту, выстрѣлъ поразилъ его прямо въ лобъ и раскрылъ ему голову пополамъ. И вотъ онъ лежитъ мертвый, жертвою маленькаго испытанія, которое Господу Богу угодно было послать ради нея. Викторія, его нареченная, начинаетъ хворать. Змѣя гложетъ ее, грызетъ ея сердце, не оставляя живого мѣста. Мы, ея друзья, это видимъ. И вотъ на-дняхъ она пошла на вечеръ въ одно семейство—къ Сейерамъ. Она, между прочимъ, говорила мнѣ, что и вы должны были прійти туда, но не пришли. Однимъ словомъ, на этомъ вечерѣ она напрягалась свыше силъ. Воспоминанія о женихѣ нахлынули на нее, и она оживилась наперекоръ всему. Она танцевала, танцевала весь вечеръ, словно безумная. Вдругъ она упала, и на полу тотчасъ образовалась цѣлая лужа крови. Ее подняли, вынесли и отвезли домой. Ее быстро скрутило.

Учитель подошелъ къ Юганнесу вплотную и сказалъ твердо:

— Викторія умерла.

Совершенно какъ слѣпой, Юганнесъ началъ водить передъ собой руками.

— Умерла? Когда она умерла? Какъ же это? Умерла Викторія?

— Умерла, — отвѣчалъ учитель. — Она умерла сегодня утромъ, вотъ теперь, до полудня.—Онъ опустилъ руку въ карманъ и досталъ оттуда толстое письмо.—Это письмо она поручила мнѣ передать вамъ. Вотъ оно. «Послѣ моей смерти», — сказала она. Она умерла. Я передаю вамъ письмо. Моя миссія окончена.

И учитель, не кланяясь, ничего не сказавъ больше, повернулся, медленно пошелъ вдоль улицы и исчезъ.

Юганнесъ остался съ письмомъ въ рукахъ. Викторія умерла.

Онъ разъ за разомъ вслухъ произнесъ ея имя, и голосъ у него былъ деревянный, бездушный. Онъ взглянулъ на письмо и узналъ почеркъ. На немъ были и большія и маленькія буквы, линіи были прямы, а она, написавшая все это, умерла!

Затѣмъ онъ вошелъ въ свой подъѣздъ, поднялся на лѣстницу, досталъ тотъ самый ключикъ, который былъ нуженъ, засунулъ его въ замѣкъ и вошелъ. Въ комнатѣ у него было темно и холодно. Онъ сѣлъ у окна и при послѣднемъ свѣтѣ дня прочелъ письмо Викторіи.

«Дорогой Иоганнесъ!—писала она.—Когда вы будете читать это письмо, меня уже не будетъ въ живыхъ. Все кажется мнѣ теперь такимъ страннымъ, мнѣ уже не стыдно больше передъ вами, и я снова пишу вамъ, словно между нами ничего и не произошло. А между тѣмъ, когда я еще была въ самомъ разгарѣ живой жизни, я лучше готова была страдать день и ночь, чѣмъ написать вамъ; но теперь я уже начинаю отрѣшаться отъ жизни и уже не думаю объ этомъ такъ, какъ думала раньше. Посторонніе люди видѣли, какъ я исходила кровью, докторъ изслѣдовалъ меня и увидѣлъ, что у меня остается только кусочекъ одного легкаго, на что же мнѣ еще надѣяться?»

«Я лежала тутъ на кровати и обдумывала послѣднія слова, которыя я сказала вамъ. Это было вечеромъ, въ лѣсу. Я тогда не думала, что это будутъ мои послѣднія слова, иначе я бы простилась съ вами и поблагодарила бы васъ тогда. Теперь я больше васъ уже не увижу, а потому жалѣю, что не бросилась тогда къ вашимъ ногамъ и не поцѣловала ваши слѣды, землю, по которой вы ходили, и не показала вамъ, какъ я невыразимо люблю васъ. Я лежала здѣсь и все мечтала и день и ночь о томъ, какъ было бы хорошо, если бы я не была больна, а могла бы ѣхать домой, пойти въ лѣсъ и найти то мѣсто, гдѣ мы сидѣли, когда вы грѣли мои руки; потому что тогда я могла бы лечь и осмотрѣть, не осталось ли тамъ хоть какого-нибудь слѣда отъ васъ, и исцѣловать каждую травку. Но теперь мнѣ уже нельзя будетъ ѣхать домой, если мнѣ не станетъ лучше, какъ надѣется мама.

«Дорогой Иоганнесъ! Какъ странно подумать, что я появилась на свѣтъ единственно только для того, чтобы любить васъ, а теперь проститься съ жизнью. Вы сами можете представить, какъ странно лежать здѣсь и ждать дня и часа. Я шагъ за шагомъ удаляюсь отъ жизни и людей на улицѣ и уличнаго шума. Придетъ весна, которой я уже никогда не увижу, а эти дома, и улицы, и деревья въ паркѣ останутся послѣ меня. Я немножко посидѣла сегодня на постели и

смотрѣла въ окно. На углу двое встрѣтились, поздоровались за руку и засмѣялись тому, что сказали другъ другу. А мнѣ было такъ странно, что я, которая лежу и смотрю на это, должна умереть. Я подумала: они не знаютъ, что я лежу и жду моего часа. Но если бы они и знали, они все равно такъ же поздоровались бы и поговорили бы между собою, какъ и теперь. Сегодня ночью, когда было темно, я думала, что уже настала мой послѣдній часъ: мое сердце начало останавливаться, и мнѣ казалось, что я уже слышу гдѣ-то вдали передъ собою гулъ вѣчности, но въ слѣдующее мгновенье я опять была далеко отъ этого и снова начала дышать. Это было совершенно неопишное чувство. Но мама полагаетъ, что я просто вспомнила, можетъ-быть, рѣку и водопадъ у насъ дома.

«О, Боже милосердный, если бы вы знали, какъ я любила васъ, Иоганнесь! Мнѣ не пришлось показать вамъ это, слишкомъ многое мѣшало мнѣ, а прежде всего моя собственная натура. Папа тоже самъ приносилъ себѣ много вреда, а я его дочь. Но теперь, когда я все равно умру, и когда уже поздно, я еще разъ пишу вамъ и говорю вамъ это. Я спрашиваю себя, зачѣмъ я это дѣлаю, разъ вамъ вѣдь все равно это будетъ безразлично, если мнѣ ни въ коемъ случаѣ не суждено больше жить. Но мнѣ такъ хочется напослѣдокъ быть какъ можно ближе къ вамъ, такъ я во всякомъ случаѣ уже не чувствую себя больше такой покинутой, какъ прежде. Когда я представляю себѣ, что вы будете это читать, я какъ будто вижу ваши плечи и руки и всѣ ваши движенія, какъ вы держите письмо передъ собою и читаете его. Такъ мы все-таки ближе другъ къ другу, думаю я. Я не могу послать за вами, у меня нѣтъ права на это. Мама хотѣла послать за вами уже два дня тому назадъ, но я рѣшила лучше написать вамъ. Мнѣ къ тому же хотѣлось, чтобы вы помнили меня такою, какъ я была прежде, когда еще была здорова. Я помню, что вы... (здѣсь нѣсколько словъ было пропущено)... мои глаза и брови. Но даже и они уже не тѣ, что прежде. Вотъ и по этой причинѣ мнѣ не хочется, чтобы вы пришли. Я прошу васъ также не смотрѣть на меня, когда я буду лежать въ гробу. Я буду, конечно, почти такая же, какъ была при жизни, только поблѣднѣе, и лежать я буду въ желтомъ платкѣ. Но все-таки вы пожалѣли бы, если бы пришли посмотрѣть на меня.

«Я уже много разъ принималась за это письмо сегодня, а между тѣмъ не сказала и тысячной доли того, что мнѣ хотѣлось сказать. Для меня такъ ужасно умереть, я не хочу умирать, я изъ самой глубины души молю Бога, чтобы мнѣ

пожить еще хоть немножко, не дольше, какъ до весны. Дни тогда будутъ свѣтлѣе, а на деревьяхъ будутъ листья. Если бы я выздоровѣла, я никогда не была бы въ отношеніи къ вамъ злая, Іоганнесъ. Какъ я думала, какъ я плакала надъ этимъ! О, я пошла бы на улицу и ласкала бы каждый камешекъ на мостовой и благодарила бы каждую ступеньку, по которой проходила бы, и была бы добра со всѣми. Все равно, какъ бы мнѣ ни было плохо, только бы жить. Я бы никогда ни на что больше не жаловалась, нѣтъ, я улыбалась бы тому, кто бранилъ и билъ бы меня, и благодарила бы и прославляла бы Бога, если бы осталась жива. Моя жизнь еще такъ не изжита, мнѣ ничего и ни для кого не удалось сдѣлать, и вотъ эта неудачная жизнь должна теперь кончиться. Если бы вы только знали, какъ тяжело мнѣ умирать, вы бы сдѣлали что-нибудь, вы бы сдѣлали все, что только есть въ вашей власти. Вы, конечно, ничего не можете сдѣлать, но мнѣ думалось, что если бы вы и весь свѣтъ просили за меня и не хотѣли отпускать меня, то, можетъ-быть, Богъ даровалъ бы мнѣ жизнь. О, какъ бы я была благодарна тогда, я никогда больше не сдѣлала бы никому дурного, а улыбалась бы всему, что мнѣ было бы ниспослано, только бы мнѣ позволено было жить.

«Мама сидитъ здѣсь и плачетъ. Она сидѣла здѣсь и всю ночь и плакала обо мнѣ. Это меня облегчаетъ немножко, это смягчаетъ мнѣ горечь разлуки. Сегодня мнѣ пришло въ голову: что бы вы подумали, если бы я въ одинъ прекрасный день прямо подошла къ вамъ на улицѣ, нарядно одѣтая, и не сказала бы вамъ больше ничего обиднаго, а подала бы вамъ розу, которую я могла бы купить заранѣе? Потомъ я тотчасъ же вспомнила, что мнѣ уже никогда не удастся больше сдѣлать то, что мнѣ хочется, потому что я ужъ, навѣрно, никогда не выздоровлю, потому что я умру. Я такъ часто плачу, я лежу тихо и плачу непрерывно и безутѣшно. Это не вредно для моей груди, если я не рыдаю. Іоганнесъ, дорогой, дорогой мой другъ, единственная любовь моя на землѣ, приди ко мнѣ и побудь со мной хоть немножко теперь, когда начинается смеркаться. Я тогда не буду плакать, я буду улыбаться, какъ только умѣю лучше, изъ-за одной только радости, что вы пришли.

«Нѣтъ, гдѣ моя гордость и мое мужество! Я уже не дочь своего отца. Только это происходитъ оттого, что силы меня оставляютъ. Я долго страдала, Іоганнесъ, задолго до этихъ послѣднихъ дней. Я страдала, когда вы были за границей, и послѣ, когда я пріѣхала въ городъ весною, я каждый день

все только страдала и страдала. Я прежде никогда не знала, до чего бесконечно-длинна можетъ быть ночь. Я за это время два раза видѣла васъ на улицѣ. Одинъ разъ вы напѣвали, идя мимо меня, но вы на меня не смотрѣли. У меня была надежда увидеть васъ у Сейеровъ, но вы не пришли. Я бы не стала говорить съ вами и не подошла бы прямо къ вамъ, но я была бы благодарна ужъ и за то, что мнѣ можно было бы посмотрѣть на васъ издали. Но вы не пришли. Я тогда подумала, что вы, можетъ-быть, не пришли изъ-за меня. Въ одиннадцатъ часовъ я стала танцовать, потому что я больше не въ силахъ была выносить ожиданія. Да, Іоганнесъ, я любила васъ, любила только васъ всю мою жизнь. Это пишетъ Викторія, а Господь Богъ читаетъ это изъ-за моего плеча.

«А теперь я должна проститься съ вами: стало почти темно, и я ужъ больше ничего не вижу. Прощайте, Іоганнесъ, благодарю васъ за каждый день. Когда я буду отлетать отъ земли, я все-таки до конца буду всю дорогу повторять ваше имя для себя самой. Будьте счастливы всю жизнь, Іоганнесъ, и простите мнѣ все, что я сдѣлала вамъ наперекоръ, и простите, что я не могла упасть къ вашимъ ногамъ и просить вашего прощенія. Теперь я это дѣлаю въ своемъ сердцѣ. Будьте счастливы, Іоганнесъ, и прощайте навсегда. И еще разъ благодарю за каждый день и часъ. Не могу больше.

«Ваша Викторія».

«Теперь у меня зажгли лампу, и стало гораздо свѣтлѣе. Я опять лежала въ забытьѣ и опять была далеко отъ земли. Слава Богу, это уже не было такъ тяжело мнѣ, какъ прежде, я даже слышала слабую музыку, а главное, уже не было такъ темно. Я такъ благодарна. Но теперь у меня уже нѣтъ силъ писать. Прощай, мой любимый...»

Переводъ А. Соколовой.

МИСТЕРІИ.

Романъ.

Переводъ М. П. Благовѣщенской.

I.

Въ прошломъ году въ серединѣ лѣта одинъ маленькій норвежскій приморскій городокъ сдѣлался театромъ нѣсколькихъ въ высшей степени странныхъ событій. Въ городѣ вдругъ появился незнакомецъ, нѣкій Нагель, замѣчательный и оригинальный шарлатанъ, который натворилъ массу самыхъ удивительныхъ поступковъ и затѣмъ исчезъ такъ же неожиданно, какъ и появился. Къ этому человѣку приходила также какая-то таинственная дама. Богъ ее знаетъ, по какимъ дѣламъ она къ нему приходила, но почему-то она не могла оставаться въ этомъ мѣстѣ болѣе двухъ часовъ, послѣ чего она снова уѣхала. Но все это не начало...

Начало было вотъ какое: однажды вечеромъ, когда пароходъ присталъ къ набережной около шести часовъ, на палубѣ показалось трое пассажировъ и среди нихъ одинъ человѣкъ въ бросающемся въ глаза гороховомъ костюмѣ и въ широкой бархатной фуражкѣ. Это было вечеромъ 12-го іюня; въ этотъ день въ городкѣ во многихъ мѣстахъ были подняты флаги въ ознаменованіе обрученія фрѣкенъ Кьелландъ, которое огласили именно 12-го іюня. Служащій изъ гостиницы «Централь» сейчасъ же вошелъ на пароходъ, и человѣкъ въ гороховомъ костюмѣ передалъ ему свои вещи; онъ отдалъ также свой билетъ одному изъ штурмановъ. Послѣ этого онъ началъ ходить взадъ и впередъ по палубѣ, какъ будто бы не намѣревался сойти на берегъ. Повидимому, онъ находился въ сильномъ волненіи. Когда на пароходѣ раздался третій звонокъ, то оказалось, что онъ не успѣлъ даже уплатить свой счетъ въ буфетѣ парохода.

И вотъ какъ разъ въ ту минуту, когда онъ собирался

сдѣлать это, онъ вдругъ остановился и замѣтилъ, что пароходъ уже отчаливаетъ. Въ первое мгновеніе онъ былъ нѣсколько ошеломленъ, но потомъ онъ сдѣлалъ знакъ рукой служащему изъ гостиницы и крикнулъ ему, подойдя къ борту:

— Послушайте, отнесите мои вещи въ гостиницу и приготовьте для меня комнату.

И онъ отправился на пароходъ дальше въ фьорды.

Этотъ человекъ былъ Іоганъ-Нильсенъ Нагель.

Слуга изъ гостиницы повезъ его вещи въ ручной телѣжкѣ; багажъ состоялъ только изъ двухъ небольшихъ чемодановъ и шубы,—да, и шубы, несмотря на то, что дѣло происходило въ самый разгаръ лѣта,—кромѣ того, былъ еще ручной саквояжъ и футляръ отъ скрипки. Инициаловъ ни на чемъ не было.

На слѣдующій день около полудня Іоганъ Нагель подѣхалъ къ гостиницѣ въ коляскѣ, запряженной парой лошадей. Онъ могъ бы съ такимъ же удобствомъ, и даже съ бѣльшимъ, пріѣхать моремъ, но онъ все-таки пріѣхалъ на лошадяхъ. Съ нимъ были еще кое-какія вещи: на переднемъ сидѣннн стоялъ чемоданъ, а рядомъ съ нимъ лежала дорожная сумка, пальто и перетянутый ремнями пледъ, въ которомъ были еще какія-то вещи. На чехлѣ, въ которомъ былъ завернутъ пледъ, были вышиты инициалы: I. N. N.

Не выходя изъ коляски, онъ спросилъ хозяина о своей комнатѣ; а когда его отвели въ комнату во второмъ этажѣ, принялся изслѣдовать толщину стѣнъ, соображая, доносятся ли черезъ нихъ звуки изъ сосѣднихъ комнатъ. Потомъ онъ вдругъ спросилъ служанку:

— Какъ васъ зовутъ?

— Сара.

— Сара. Да, кстати: нельзя ли мнѣ чего-нибудь поѣсть? Такъ васъ зовутъ Сара? Послушайте, не было ли когда-нибудь аптеки въ этомъ домѣ?

Сара отвѣтила съ удивленіемъ:

— Да, но съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ.

— Вотъ какъ, много лѣтъ. Это поразило меня сейчасъ же, какъ только я вошелъ въ переднюю; я почувствовалъ это не по запаху, нѣтъ, у меня явилось какое-то безотчетное сознаніе, что это такъ. Да, да.

Къ обѣду онъ сошелъ въ столовую, сидѣлъ все время молча и не произнесъ ни одного слова. Оба его попутчика, пріѣхавшіе съ нимъ вмѣстѣ наканунѣ, сидѣли у другого конца стола; они перемигнулись, когда онъ вошелъ, и чуть ли не

открыто смѣялись надъ его разсѣянностью, которая сыграла съ нимъ наканунѣ такую шутку. Но онъ сдѣлалъ видъ, словно ничего не слышитъ. Онъ быстро поѣлъ, движеніемъ головы отказался отъ десерта и всталъ, какъ-то вдругъ повернувшись на стулѣ. Онъ сейчасъ же закурилъ сигару и вышелъ на улицу.

Онъ пропадалъ далеко за полночь и возвратился только незадолго до того, какъ пробило три часа. Гдѣ онъ былъ? Потомъ оказалось, что онъ ходилъ въ сосѣдній городъ, прошелъ пѣшкомъ всю длинную дорогу туда и обратно, ту самую дорогу, по которой онъ пріѣхалъ въ экипажѣ утромъ. Повидимому, у него было тамъ какое-то неотложное дѣло. Когда Сара открыла ему дверь, онъ обливался потомъ; но онъ все-таки нѣсколько разъ улыбнулся служанкѣ и былъ вообще въ прекраснѣйшемъ настроеніи духа.

— Боже, чтò у васъ за великолѣпная шея, милая! — сказала онъ. — Не пришло ли что-нибудь по почтѣ на мое имя во время моего отсутствія? Вы знаете, Нагелю, Иогану Нагелю? Ухъ, цѣлыхъ три телеграммы! Ахъ, послушайте, сдѣлайте мнѣ одолженіе и уберите со стѣны эту картину, пожалуйста. Тогда она по крайней мѣрѣ не будетъ мнѣ колоть глаза. Это было бы невыносимо лежать здѣсь въ постели и все время имѣть ее передъ глазами. Дѣло, видите ли, въ томъ, что у Наполеона III не было такой зеленой бороды. Благодарю васъ.

Когда Сара вышла, Нагель остался стоять посреди комнаты; онъ стоялъ совсѣмъ неподвижно. Онъ началъ пристально смотрѣть въ одну точку на стѣнѣ какимъ-то отсутствующимъ взглядомъ, и если не считать, что его голова опускалась все ниже и ниже, склоняясь въ то же время на сторону, то онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія. Это продолжалось довольно долго.

Онъ былъ ниже средняго роста, у него было смуглое лицо съ какимъ-то страннымъ темнымъ взоромъ и изящнымъ женственнымъ ртомъ. На одномъ изъ пальцевъ онъ носилъ простое кольцо изъ олова или желѣза. Плечи у него были очень широкия, и на видъ ему было лѣтъ двадцать восемь—тридцать, во всякомъ случаѣ ему было не болѣе тридцати лѣтъ. Волосы его начали сѣдѣть на вискахъ.

Онъ очнулся отъ своей задумчивости и сильно вздрогнулъ, — вздрогнулъ такъ сильно, что это могло казаться дѣланымъ. Можно было подумать, что онъ стоялъ и обдумывалъ, какъ бы лучше вздрогнуть, хотя онъ былъ совсѣмъ одинъ въ комнатѣ. Послѣ этого онъ вынулъ изъ кармановъ брюкъ нѣсколько ключей, немного мелкихъ денегъ и какую-то ме-

даль, напоминавшую медаль за спасеніе погибающихъ; она была на ленточкѣ, до невозможности потертой и истрепанной; всѣ эти вещи онъ положилъ на столикъ у кровати. Послѣ этого онъ сунулъ свой бумажникъ подъ подушку и вынулъ изъ кармана жилета часы и пузырекъ, маленькій аптекарскій пузырекъ съ изображеніемъ черепа и костей на этикеткѣ, указывавшимъ на то, что это ядъ. На мгновеніе онъ подержалъ часы въ рукѣ, прежде чѣмъ положить ихъ на столъ, но пузырекъ сунулъ сейчасъ же обратно въ карманъ. Послѣ этого онъ снялъ съ пальца кольцо и вымылся; свои волосы онъ привелъ въ порядокъ пальцами, зеркала у него вовсе не было.

Онъ лежалъ уже въ постели, когда вдругъ вспомнилъ про кольцо, которое оставилъ на умывальникѣ; и онъ сейчасъ же всталъ и взялъ его, словно не могъ жить безъ этого жалкаго желѣзнаго кольца. Наконецъ онъ распечаталъ три телеграммы, но едва успѣлъ прочесть первую изъ нихъ, какъ разразился короткимъ тихимъ смѣхомъ. Онъ лежалъ и смѣялся одинъ на одинъ съ собой; у него были необыкновенно красивые зубы. Но мало-по-малу его лицо снова стало серьезнымъ, и немного спустя онъ отбросилъ телеграмму въ сторону съ величайшимъ равнодушіемъ. Однако дѣло, повидимому, касалось большого и важнаго предпріятія; рѣчь шла о шестидесяти двухъ тысячахъ кронъ, которыя предлагали за имѣніе, и предлагали эту сумму наличными деньгами, если только соглашеніе состоится сейчасъ же. Это были сухія, короткія дѣловыя телеграммы, и смѣшного въ нихъ ровно ничего не было; но онѣ были безъ подписи. Нѣсколько минутъ спустя Нагель заснулъ. Двѣ свѣчи, которыя горѣли на столѣ и которыя онъ забылъ погасить, освѣщали его чисто выбритое лицо и грудь и бросали ровный свѣтъ на телеграммы, лежавшія на столѣ развернутыми...

На слѣдующее утро Іоганъ Нагель отправилъ на почту посыльнаго, принесшаго ему нѣсколько газетъ, среди которыхъ были также и заграничныя, — но писемъ онъ не получилъ. Свой футляръ со скрипкой онъ поставилъ на стулъ посреди комнаты, какъ будто бы хотѣлъ выставить его на показъ, но онъ не открывалъ его и не вынималъ инструмента.

Все утро онъ былъ занятъ только писаніемъ двухъ г-семь, а потомъ читалъ какую-то книгу и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Кромѣ того, онъ ходилъ въ городъ и купилъ себѣ пару перчатокъ, а немного позже пошелъ на рыночную площадь и купилъ маленькаго рыжаго щенка за

десять кронъ, и этого щенка сейчас же подарилъ хозяину гостиницы. Щенка онъ на потѣху всѣмъ окрестилъ Якобсе-номъ, несмотря на то, что это была сука.

Итакъ, во весь день онъ ничего путнаго не сдѣлалъ. Дѣлъ у него никакихъ въ городѣ не было, визитовъ онъ не дѣлалъ, по конторамъ не ходилъ, и знакомыхъ у него не было ни души во всемъ городѣ. Въ гостиницѣ немного удивлялись его необыкновенному равнодушію ко всему рѣшительно и даже къ своимъ собственнымъ дѣламъ. Такъ, его три телеграммы валялись въ комнатѣ на столѣ раскрытыми, и каждый могъ заглянуть въ нихъ; онъ такъ и не дотрагивался до нихъ съ того вечера, какъ ихъ получилъ. У него была также странная привычка оставлять безъ отвѣта прямые вопросы. Раза два хозяинъ пытался вывѣдать у него, кто онъ такой и зачѣмъ пріѣхалъ въ городъ, но онъ оба раза перемѣнялъ разговоръ. Въ теченіе дня въ немъ открыли еще одну странность: несмотря на то, что онъ никого не зналъ въ этомъ мѣстѣ и ни съ кѣмъ не говорилъ, онъ все-таки остановился у входа на кладбище передъ одной молодой дѣвушкой, остановился, посмотрѣлъ на нее и поклонился ей очень низко, не говоря ни слова въ объясненіе своего поступка. Молодая дѣвушка покраснѣла до корней волосъ. Послѣ этого дерзкій человѣкъ отправился по большой дорогѣ по направленію къ усадьбѣ священника и прошелъ дальше мимо нея. Эту прогулку онъ повторялъ также и въ слѣдующіе дни. Служанкѣ постоянно приходилось отпирать ему дверь поздно вечеромъ уже послѣ того, какъ гостиница запиралась, — такъ поздно онъ возвращался со своихъ странствованій.

На третье утро въ ту минуту, когда Нагель выходилъ изъ своей комнаты, съ нимъ заговорилъ хозяинъ; онъ поклонился ему и сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ. Они вышли на веранду и сѣли, и хозяинъ обратился къ нему за совѣтомъ относительно пересылки одного ящика со свѣжей рыбой.

— Не можете ли вы мнѣ посовѣтовать, какъ отослать этотъ ящикъ?

Нагель посмотрѣлъ на ящикъ, улыбнулся и покачалъ головой.

— Нѣтъ, въ этомъ я ничего не смыслю, — отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ? А я думалъ, что вы, можетъ-быть, много путешествовали, и вамъ приходилось видѣть, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ.

— О, нѣтъ, я путешествовалъ немного.

Пауза.

— Ну, да, вы, конечно, имѣли дѣла—вы занимались чѣмъ-нибудь другимъ. Можетъ-быть, вы коммерсантъ?

— Нѣтъ, я не коммерсантъ.

— Такъ, значить, вы пріѣхали сюда не по дѣламъ?

Никакого отвѣта. Нагель закурилъ сигару и медленно сталъ выпускать дымъ, устремивъ взоръ въ пространство. Хозяинъ сбоку наблюдалъ за нимъ.

— Не поиграете ли вы намъ какъ-нибудь на скрипкѣ? Вѣдь вы привезли съ собой скрипку,—началъ хозяинъ снова.

Нагель отвѣтилъ равнодушно:

— Ахъ, нѣтъ, я это давно бросилъ.

Немного погодя онъ всталъ и, не сказавъ больше ни слова, вышелъ. Но черезъ мгновеніе онъ снова возвратился и сказалъ:

— Послушайте... чтобы не забыть... вы можете подать мнѣ счетъ, когда вамъ угодно. Для меня совершенно безразлично, когда платить.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ хозяинъ: — спѣшить не къ чему. Если вы намѣреваетесь остаться здѣсь на болѣе продолжительное время, то мы возьмемъ съ васъ дешевле. Но я вѣдь не знаю, собираетесь ли вы остаться здѣсь на болѣе долгій срокъ.

Нагель вдругъ оживился и отвѣтилъ сейчасъ же; и при этомъ безъ всякой видимой причины у него на лицѣ выступила краска.

— Да, это весьма вѣроятно, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, что я останусь здѣсь на болѣе продолжительное время, — сказалъ онъ. — Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Кстати, я, можетъ-быть, не говорилъ вамъ этого: я агрономъ, землевладѣлецъ, я возвращаюсь изъ путешествія, и теперь дѣйствительно мнѣ не мѣшало бы пожить здѣсь нѣкоторое время. Но, можетъ-быть, я забылъ вамъ сказать... Мое имя Нагель, Иоганъ-Нильсенъ Нагель.

Съ этими словами онъ подошелъ къ хозяину и сердечно пожалъ ему руку, извиняясь, что не представился ему раньше. Въ выраженіи его лица не было и слѣда ироніи.

— Мнѣ приходитъ въ голову, что мы могли бы, быть-можетъ, предложить вамъ комнату получше и поспокойнѣе, — сказалъ хозяинъ. — Теперь ваша комната выходитъ на лѣстницу, а это не всегда пріятно.

— Нѣтъ, благодарю васъ, это совершенно лишнее; комната у меня прекрасная, я ею вполнѣ доволенъ. Кромѣ того, изъ моихъ оконъ открывается видъ на весь рынокъ, а это такъ развлекаетъ.

Немного погодя хозяинъ продолжалъ:

— Такъ вы, значить, на нѣкоторое время устроили себѣ

отдыхъ? Вы, вѣроятно, во всякомъ случаѣ проведете часть лѣта здѣсь?

Нагель отвѣтилъ:

— Да, я останусь здѣсь мѣсяца два или три, а можетъ-быть, и больше. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Будущее покажетъ.

Въ эту минуту мимо нихъ прошелъ какой-то человѣкъ, который поклонился хозяину. Это былъ невзрачный мужчина, маленькаго роста, крайне бѣдно одѣтый; онъ шелъ съ такимъ трудомъ, что это бросалось въ глаза; и все-таки онъ подвигался впередъ довольно быстро. Несмотря на то, что онъ поклонился очень низко, хозяинъ даже не снялъ шляпы; но Нагель, напротивъ, совсѣмъ снялъ съ головы свою бархатную фуражку.

Хозяинъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Этого человѣка мы прозвали Минутой. Онъ не совсѣмъ-то въ своемъ умѣ, но онъ такой жалкій, и сердце у этого бѣдняги очень доброе.

Вотъ все, что было сказано про Минуту.

— Нѣсколько дней тому назадъ, — говорить вдругъ Нагель: — я прочелъ въ газетахъ объ одномъ человѣкѣ, котораго нашли мертвымъ гдѣ-то въ лѣсу въ этихъ мѣстахъ; что это былъ за человѣкъ? Его звали, кажется, Карльсеномъ. Онъ былъ здѣшній?

— Да, — отвѣтилъ хозяинъ: — онъ былъ сыномъ одной женщины, которая ставитъ банки и живетъ здѣсь; вы можете видѣть ея домъ отсюда, вонъ тамъ, съ красной крышей. Онъ прѣхалъ домой только на каникулы и тутъ же и покончилъ съ своей жизнью. Его очень жалко, это былъ способный юноша и скоро долженъ былъ сдѣлаться священникомъ. Да, трудно сказать что-нибудь про это; но тутъ дѣло нечисто; вѣдь у него были перерѣзаны обѣ артеріи на рукахъ, а потому это едва ли могло быть несчастнымъ случаемъ. Къ тому же былъ найденъ также и ножикъ, маленькій перочинный ножичекъ съ бѣлой ручкой. Этотъ ножичекъ полиція нашла вчера поздно вечеромъ. По всей вѣроятности, тутъ замѣшана какая-нибудь любовная исторія.

— Вотъ какъ! Но развѣ вообще можно было сомнѣваться въ томъ, что онъ самъ наложилъ на себя руки?

— Да, надо надѣяться, что это не такъ; есть люди, которые думаютъ, что онъ шелъ съ ножомъ въ рукахъ, споткнулся и упалъ такъ несчастливо, что заразъ порѣзалъ себя обѣ руки. Ха-ха, мнѣ кажется, что это невѣроятно, совсѣмъ невѣроятно. Но его, конечно, похоронятъ въ освященной землѣ. Нѣтъ, къ сожалѣнію, онъ не споткнулся.

— Говорятъ, что ножикъ нашли только вчера вечеромъ, но развѣ ножикъ не лежалъ рядомъ съ нимъ?

— Нѣтъ, онъ лежалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Послѣ того, какъ онъ порѣзалъ себѣ артерію, онъ отбросилъ его въ глубь лѣса; и ножикъ нашли совершенно случайно.

— Вотъ какъ! Но какой смыслъ былъ въ томъ, что онъ отбросилъ ножъ, разъ онъ лежалъ съ открытыми ранами? Для всѣхъ было все равно ясно, что онъ пустилъ въ дѣло ножъ.

— Да, Богъ его знаетъ, съ какой цѣлью онъ это сдѣлалъ; но, какъ я уже вамъ сказалъ, тутъ замѣшана какая-нибудь любовная исторія. Никогда я ничего подобнаго не слыхалъ! Чѣмъ больше я объ этомъ думаю, тѣмъ болѣе страннымъ все это мнѣ представляется.

— Но почему вы думаете, что здѣсь замѣшана любовная исторія?

— По разнымъ причинамъ. А впрочемъ, очень трудно сказать что-нибудь опредѣленное по этому поводу.

— Но развѣ не могло случиться, что онъ упалъ нечаянно? Вѣдь онъ лежалъ въ такой странной позѣ: не лежалъ ли онъ на животѣ, уткнувшись лицомъ въ лужу?

— Да, и онъ ужасно выпачкался; но это ровно ничего не доказываетъ, онъ и это могъ устроить нарочно. Можетъ-быть, онъ желалъ скрыть на своемъ лицѣ слѣды предсмертной борьбы. Кто знаетъ?

— Онъ не оставилъ послѣ себя никакой записки?

— Говорятъ, будто онъ шелъ и писалъ что-то на бумажѣ: у него вообще было обыкновеніе ходить и писать. Думаютъ, что онъ употреблялъ ножикъ для того, чтобы очинить карандашъ, или для чего-нибудь въ этомъ родѣ, и при этомъ онъ будто бы упалъ и проткнулъ себѣ ножикомъ сперва артерію на одной рукѣ, а потомъ и на другой рукѣ какъ разъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, и все это во время паденія. Ха-ха-ха! Но онъ дѣйствительно оставилъ какую-то записку, онъ держалъ въ рукахъ клочокъ бумажки, на которомъ были написаны слѣдующія слова: «Пусть твоя сталь будетъ такъ же остра, какъ твое послѣднее «нѣтъ»».

— Что за вздоръ! А ножикъ былъ тупой?

— Да, онъ былъ тупой.

— Неужели же онъ не могъ отточить его предварительно?

— Это былъ не его ножъ.

— Чей же онъ былъ?

Хозяинъ задумывается на мгновеніе и затѣмъ говоритъ:

— Этотъ ножъ принадлежалъ фрѣкенъ Кьелландъ.

— Онъ принадлежалъ фрѣкенъ Кьелландъ?—спрашиваетъ

Нагель. И немного погода продолжаетъ: — Ну, а кто же эта фрѣкенъ Кьелландъ?

— Дагни Кьелландъ, она дочь священника.

— Вотъ какъ! Какъ это все странно. Слыханное ли это дѣло! Такъ молодой человекъ былъ влюбленъ въ нее?

— Да, конечно, онъ былъ влюбленъ. А впрочемъ, надо вамъ сказать, что всѣ влюблены въ нее, такъ что онъ былъ не единственнымъ.

Нагель глубоко задумывается и ничего больше не говоритъ. Но хозяинъ прерываетъ молчаніе:

— Но все, что я вамъ сказалъ, тайна, и я прошу васъ...

— Ахъ, вотъ какъ?—отвѣтилъ Нагель.—Ну, конечно, вы можете быть совершенно спокойны.

Когда Нагель немного спустя послѣ этого появился къ завтраку, то хозяинъ стоялъ уже въ кухнѣ и рассказывалъ, что онъ наконецъ поговорилъ какъ слѣдуетъ съ господиномъ въ гороховомъ костюмѣ изъ номера седьмого.

— Онъ агрономъ,—сказалъ хозяинъ:—и онъ только-что приѣхалъ изъ-за границы. Онъ говоритъ, что пробудетъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ. Богъ его знаетъ, что это за человекъ.

II.

Въ тотъ же день вечеромъ случилось такъ, что Нагель вдругъ встрѣтился съ Минутой. Все кончилось скучнымъ и безконечнымъ разговоромъ между ними,—разговоромъ, который продолжался добрыхъ три часа.

Вотъ какъ все это произошло съ самаго начала до конца:

Иоганъ Нагель сидѣлъ въ кафе гостиницы съ газетой въ рукахъ, когда вошелъ Минута. Тамъ сидѣло еще нѣсколько человекъ за столиками, среди нихъ находилась также толстая крестьянка съ вязанымъ изъ красной и черной шерсти платкомъ на плечахъ. Повидимому, всѣ знали Минуту: онъ вѣжливо поклонился направо и налево, когда вошелъ. Но ему отвѣтили громкими возгласами и смѣхомъ. Даже крестьянка встала съ мѣста и предложила потанцевать съ нимъ.

— Только не сегодня, только не сегодня,—уклончиво отвѣчаетъ онъ женщинѣ; онъ идетъ прямо къ хозяину и, стоя передъ нимъ съ непокрытой головой, говоритъ ему:

— Я отнесу уголь на кухню. А другого дѣла сегодня нѣтъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ хозяинъ:—какое же можетъ быть еще другое дѣло?

— Ну, конечно,—говоритъ Минута и робко отступаетъ назадъ.

Онъ былъ необыкновенно безобразенъ. У него были крот-

кіе голубые глаза, но отвратительные, торчалці впередъ зубы, и при этомъ какая-то развинченнаѣ, вслѣдствіе физическаго недостатка, походка. На головѣ у него волосы были почти совсѣмъ сѣдые, а борода была темная, но зато такая рѣдкая, что сквозь нее всюду просвѣчивала кожа. Минута былъ когда-то морякомъ, но теперь онъ жилъ у своего родственника, державшаго небольшую торговлю углемъ у пристани. Говоря съ кѣмъ-нибудь, онъ почти никогда не поднималъ глазъ.

Его окликнули съ одного столика, одинъ господинъ въ сѣромъ лѣтнемъ костюмѣ выразительно махалъ ему рукой и показывалъ бутылку съ пивомъ.

— Подите-ка сюда и выпейте стаканчикъ грудного молока. Кромѣ того, я хочу посмотрѣть, идетъ ли вамъ, когда вы безъ бороды,—говоритъ онъ,

Почтительно, все еще держа шляпу въ рукѣ и съ согнутой спиной, Минута приближается къ столу. Проходя мимо Нагеля, онъ дѣлаетъ ему отдѣльный поклонъ и шевелитъ губами едва замѣтно. Онъ останавливается передъ господиномъ въ сѣромъ костюмѣ и шепчетъ:

— Не такъ громко, повѣренный, прошу васъ. Развѣ вы не видите, что здѣсь есть посторонніе?

— Но, Боже мой,—говоритъ повѣренный:—вѣдь я хотѣлъ вамъ только предложить стаканъ пива. А вы приходите и бранитесь за то, что я громко говорю.

— Нѣтъ, вы не поняли меня, и я прошу извиненія. Но когда здѣсь есть посторонніе, то мнѣ не хотѣлось бы показывать старыхъ шутокъ. Да и пива я не могу пить,—во всякомъ случаѣ, теперь я не могу.

— Вотъ какъ? Вы не можете пить? Вы не можете пить пива?

— Нѣтъ, благодарю васъ, не теперь.

— Вотъ какъ, вы благодарите меня не теперь? Такъ когда же въ такомъ случаѣ вы благодарите меня? Ха-ха-ха! Развѣ вы не сынъ священника? Не мѣшало бы вамъ побольше обращать вниманія на то, какъ вы выражаетесь.

— О, вы просто не поняли меня. Ну, и пусть такъ будетъ.

— Ну, ну, безъ глупостей! Что на васъ нашло?

Повѣренный заставилъ Минуту насильно сѣсть на стулъ, и тотъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, но потомъ снова поднялся.

— Нѣтъ, ужъ вы лучше оставьте меня,—говоритъ онъ:—я вообще не могу пить; а за послѣднее время я еще хуже переносу это,—Богъ знаетъ, отчего это. Я и опомниться не успѣю, какъ уже пьянъ, и тогда несую всякую чепуху.

Повѣренный поднимается, суетъ Минутѣ въ руку стаканъ, смотритъ пристально ему прямо въ глаза и говоритъ:

— За ваше здоровье!

Пауза. Минута подымаетъ глаза, откидываетъ волосы со лба и молчитъ.

— Ну, чтобы доставить вамъ удовольствіе; но только нѣсколько капель,—говоритъ онъ наконецъ.—Чуть-чуть, чтобы только имѣть честь чокнуться съ вами.

— Выпейте все,—кричитъ повѣренный и отворачивается, чтобы не расхохотаться.

— Нѣтъ, не все, только не все. Зачѣмъ я буду пить все, разъ мнѣ это противно? Пожалуйста, не обижайтесь на меня за это и не хмурьтесь; ужъ лучше я на этотъ разъ исполню ваше желаніе, если вамъ этого непременно хочется. Надѣюсь, что это не бросится мнѣ въ голову: это смѣшно, но я совсѣмъ не переношу спиртныхъ напитковъ. За ваше здоровье!

— Все, все!—кричитъ повѣренный снова:—все до дна! Ну, вотъ, такъ. А теперь мы сядемъ и будемъ строить гримасы. Сперва вы будете скрежетать зубами, потомъ я отрѣжу вамъ бороду и сдѣлаю васъ на десять лѣтъ моложе. Итакъ, мы начнемъ съ того, что вы будете скрежетать зубами.

— Нѣтъ, я не буду этого дѣлать, ни за что не буду дѣлать въ присутствіи всѣхъ этихъ чужихъ людей. Не требуйте этого, — увѣряю васъ, я этого не сдѣлаю, — отвѣчаетъ. Минута и хочетъ уйти.—Да мнѣ и некогда,—прибавляетъ онъ.

— Некогда? Какая досада! Ха-ха, ужасно досадно! Вамъ даже некогда, а?

— Да, сейчасъ у меня нѣтъ времени.

— Послушайте-ка, что, если я вамъ скажу, что я уже давно подумываю о другомъ сюртукѣ для васъ вмѣсто того, который на васъ надѣтъ?.. А впрочемъ, дайте-ка взглянуть! Да вѣдь онъ истлѣлъ, вотъ посмотрите сами! Онъ не выдерживаетъ даже прикосновенія пальцевъ.—И повѣренный находитъ въ сюртукѣ Минуты маленькую дырочку, въ которую засовываетъ палецъ.—Сукно такъ и разлѣзается, оно ничего не выдерживаетъ больше, смотрите, да посмотрите же!

— Оставьте меня ради Бога! Что я вамъ сдѣлалъ? И оставьте въ покоѣ мой сюртукъ!

— Да говорятъ же вамъ, что я общаю вамъ другой сюртукъ завтра же, общаю вамъ это въ присутствіи,—дайте-ка посмотрѣть: разъ, два, четыре, семь,—итакъ, общаю вамъ это въ присутствіи семи свидѣтелей. Но что съ вами сегодня? Вы горячитесь и злитесь и готовы растоптать насъ всѣхъ. Да, да, это именно такъ. И все это только изъ-за того, что я осмѣлился дотронуться до вашего сюртука.

— Простите, пожалуйста, я вовсе не хотѣлъ сердиться, —

вы знаете, что я готовъ сдѣлать для васъ все, что вы хотите, но...

— Ну, въ такомъ случаѣ, я хочу, чтобы вы сѣли.

Минута отбрасываетъ со лба свои сѣдые волосы и садится.

— Прекрасно, а теперь сдѣлайте мнѣ удовольствіе и поскрежете зубами.

— Нѣтъ, я этого не сдѣлаю.

— Такъ вы не хотите этого сдѣлать, а? Да или нѣтъ?

— Господи Боже ты мой, да что я вамъ сдѣлалъ? Неужели вы не можете оставить меня въ покоѣ? Почему именно я долженъ быть шуткомъ для всѣхъ! Вонъ тотъ посторонній смотритъ сюда; я замѣтилъ это, онъ не сводитъ съ насъ глазъ и, конечно, тоже смѣется. Такъ всегда бываетъ: въ первый день, какъ вы пріѣхали сюда, докторъ Стенерсенъ поймалъ меня и сейчасъ же научилъ васъ потѣшаться надо мной, а теперь вы учите этому вонъ того чужого господина. Такъ одинъ у другого и учатся.

— Ну, ладно. Да или нѣтъ?

— Да развѣ вы не слышали, что я вамъ сказалъ!—кричитъ Минута и вскакиваетъ со стула. Но, какъ будто испугавшись своей рѣзкости, онъ снова садится и прибавляетъ:— Я даже не умѣю скрежетать зубами, вѣрьте мнѣ.

— Вы не *умѣете*? Ха-ха, дудки, вы умѣете. Вы великолепно скрежете зубами.

— Богъ свидѣтель, я не умѣю.

— Ха-ха-ха! Но вы это дѣлали раньше!

— Да, но тогда я былъ пьянъ, я ничего не помню, все у меня тогда перепуталось въ головѣ. Послѣ этого я былъ боленъ два дня.

— Совершенно вѣрно,—говоритъ повѣренный.—Вы были тогда пьяны, съ этимъ я согласенъ. Но къ чему вы болтаете объ этомъ въ присутствіи всѣхъ этихъ людей? Этого я никогда бы не сдѣлалъ.

Въ эту минуту хозяинъ вышелъ изъ кафе. Минута молчать; повѣренный смотритъ на него и говоритъ:

— Ну, на чемъ же вы порѣшили? Не забывайте скюртука.

— Я помню его,—отвѣчаетъ Минута:—но я не хочу и не могу пить больше. Такъ и знайте.

— Вы хотите и можете! Слышите, что я сказалъ? Вы хотите и можете, сказалъ я. И если бы мнѣ даже пришлось насильно влить въ васъ...—И при этихъ словахъ повѣренный встаетъ со стаканомъ Минуты въ рукахъ.—Ну, развѣвайте ротъ!

— Нѣтъ, клянусь вамъ Господомъ Богомъ, я не дотронусь

больше до пива!—воскликает Минута, блѣдный отъ волненія.—И никакія силы земныя не заставятъ меня сдѣлать это! Вы должны извинить меня, но это дѣйствуетъ на меня очень скверно, вы не можете себѣ представить, какъ я страдаю отъ этого. Сжальтесь надо мною, прошу васъ всѣмъ сердцемъ. Ужъ лучше я... лучше я буду скрежетать зубами, только не заставляйте меня пить пива.

— Ну, это другое дѣло, чортъ возьми, это совсѣмъ другое дѣло, разъ вы хотите сдѣлать это безъ пива.

— Да, ужъ лучше я это сдѣлаю безъ пива.

И Минута начинаетъ скрежетать зубами. Онъ скрежещетъ своими ужасными зубами при всеобщемъ хохотѣ присутствующихъ. Нагель, повидимому, продолжаетъ читать свою газету. Онъ сидитъ неподвижно на своемъ мѣстѣ у окна.

— Громче! громче! — кричитъ повѣренный: — скрежещите громче, а то мы ничего не слышимъ.

Минута сидитъ прямо и неподвижно, онъ держится обѣими руками за стулъ, словно боится упасть, и изо всѣхъ силъ скрежещетъ зубами, такъ что голова у него трясется. Всѣ смѣются, крестьянка хохочетъ такъ, что вытираетъ слезы; она не знаетъ, куда ей дѣваться отъ неудержимаго хохота, и въ концѣ концовъ плюетъ два раза на полъ, внѣ себя отъ восторга.

— Господи помилуй, этакій шутникъ!—оретъ она, помирая со смѣху.—Ахъ, ужъ этотъ повѣренный!

— Ну, вотъ! Громче я скрежетать не могу,—говоритъ Минута:—право, не могу, видитъ Богъ, повѣрьте мнѣ, больше я не могу.

— Ну, хорошо, хорошо, въ такомъ случаѣ отдохните немного, а потомъ опять принимайтесь за дѣло. Но скрежетать вы будете непременно. А потомъ мы отрѣжемъ вамъ бороду. Да выпейте же пива: да, вы должны выпить, вонъ оно уже приготовлено для васъ.

Минута качаетъ головой и молчитъ. Повѣренный вынимаетъ свой кошелекъ и кладетъ на столъ монету въ двадцать пять эре. При этомъ онъ говоритъ:

— Обыкновенно вы это дѣлаете за десять эре, но я не пожалѣю для васъ двадцать пять, я повышаю вамъ плату. Ну!

— Не мучьте меня больше, я этого не сдѣлаю.

— Не сдѣлаете? Вы отказываетесь?

— Боже милосердный, да перестаньте же наконецъ и оставьте меня въ покоѣ! Я не буду больше покоряться вамъ изъ-за скрутка, вѣдь я тоже человѣкъ. Что вамъ надо отъ меня?

— Ну, теперь слушайте, что я вам скажу: как вы видите, я стряхиваю эту маленькую кучку сигарного пепла в ваш стакан, вы видите? Затѣмъ я беру эту крошечную спичку и еще вотъ эту небольшую спичку также, и бросаю обѣ спички въ стаканъ, который стоитъ передъ вашими глазами. Такъ! И теперь я ручаюсь вамъ за то, что вы все-таки выпьете весь вашъ стаканъ до послѣдней капли. Да, вы его выпьете во что бы то ни стало.

Минута вскопчилъ. Видно было, какъ онъ весь дрожалъ, его сѣдые волосы снова упали ему на лобъ, и онъ въ упоръ смотрѣлъ прямо въ глаза повѣренному. Прошло нѣсколько секундъ.

— Нѣтъ, это слишкомъ, это слишкомъ!—крикнула даже крестьянка.—Не дѣлайте этого! Ха-ха-ха! Помилуй меня Богъ!

— Такъ вы не хотите? Вы отказываетесь?—спрашиваетъ повѣренный.

Онъ тоже встаетъ съ мѣста и стоитъ не двигаясь.

Минута дѣлаетъ надъ собой усиліе, чтобы сказать что-то, но голосъ измѣняется ему. Всѣ взоры устремлены на него.

Тогда Нагель вдругъ поднимается изъ-за своего стола у окна, кладетъ газету на столъ и идетъ черезъ комнату. Онъ не спѣшитъ и не производитъ никакого шума, и несмотря на это привлекаетъ на себя всеобщее вниманіе. Онъ останавливается возлѣ Минуты, кладетъ свою руку ему на плечо и говоритъ громкимъ, яснымъ голосомъ:

— Если вы возьмете вашъ стаканъ и швырнете его въ голову вонъ тому щенку, то я вамъ дамъ наличными десять кронъ и избавлю васъ отъ всякихъ послѣдствій этого поступка.—Онъ указываетъ пальцемъ прямо на лицо повѣреннаго и повторяетъ:—Я говорю вонъ про того щенка.

Въ комнатѣ вдругъ наступила полная тишина. Пораженный ужасомъ Минута переводилъ глаза съ одного на другого и повторялъ:

— Да что же это?..

Больше онъ ничего не могъ сказать, но эти слова онъ повторялъ дрожащимъ голосомъ, какъ бы ожидая отвѣта на нихъ. Никто не произносилъ ни слова. Ошеломленный повѣренный отступилъ назадъ и ухватился за свой стулъ, онъ поблѣднѣлъ и тоже не произносилъ ни слова. Ротъ у него былъ разинуть.

— Я повторяю,—продолжалъ Нагель громко и медленно:—что дамъ вамъ десять кронъ, если вы швырнете вашъ стаканъ этому щенку въ голову. Вотъ у меня въ рукѣ деньги. И послѣдствій вамъ также бояться нечего.

И Нагель дѣйствительно протянулъ Минутѣ десять кронъ, чтобы онъ могъ видѣть ихъ.

Но Минута удивилъ всѣхъ своимъ страннымъ поведеніемъ. Онъ вдругъ бросился въ уголь кафе, побѣжалъ, сѣменя своими кривыми ногами, въ противоположный уголь и усѣлся тамъ, ничего не отвѣчая. Онъ сидѣлъ съ опущенной головой, со страхомъ озираясь исподлобья кругомъ, и нѣсколько разъ поджималъ подъ себя ноги, какъ бы боясь чего-то.

Въ эту минуту дверь отворилась, и въ комнату вошелъ хозяинъ. Онъ началъ возиться съ чѣмъ-то у стойки, не обращая вниманія на то, что происходитъ вокругъ него. Только послѣ того, какъ повѣренный, испустивъ бѣшеный, хриплый крикъ, бросился на Нагеля со сжатыми кулаками, хозяинъ сдѣлался внимательнымъ и спросилъ:

— Да что тутъ такое происходитъ?..

Но никто ему не отвѣчалъ. Повѣренный два раза набрасывался на Нагеля, но оба раза наталкивался на его сжатые кулаки. Онъ ничего не могъ подѣлать; неудача окончательно вывела его изъ себя, и онъ началъ безъ толку наносить удары въ воздухъ, словно желая уничтожить все вокругъ себя. Наконецъ, все продолжая пятиться, онъ дошелъ до стола, наткнулся на табуретъ и упалъ на колѣни. Онъ громко и тяжело дышалъ, и его бессильная ярость придавала ему жалкій видъ. Къ тому же онъ больно обколотилъ себѣ руки объ эти костлявые кулаки, которые встрѣчалъ повсюду, куда ни направлялъ ударъ. Въ кафе поднялся всеобщій переполохъ, крестьянка и ея спутники обратились въ бѣгство, а остальные кричали, перебивая другъ друга и стараясь прекратить ссору. Но вотъ повѣренный снова поднимается съ пола и снова подходит къ Нагелю; онъ останавливается передъ нимъ съ вытянутыми впередъ руками, кричить, задыхается и приходитъ въ отчаяніе оттого, что не находитъ словъ:

— Чортъ проклятый!.. Проваль тебя возьми, болванъ ты этакій!

Нагель посмотрѣлъ на него и улыбнулся. Онъ подошелъ къ столу, взявъ шляпу повѣренного и съ поклономъ протянулъ ее ему. Повѣренный рванулъ шляпу къ себѣ и въ своемъ бѣшенствѣ хотѣлъ-было швырнуть ее обратно, но потомъ одумался и рѣзкимъ движеніемъ надѣлъ ее себѣ на голову, такъ что раздался стукъ. Потомъ онъ повернулся и вышелъ изъ двери. Шляпа его была въ двухъ мѣстахъ продавлена, и это придавало ему комичный видъ.

Тутъ наконецъ хозяинъ выступилъ впередъ и потребовалъ

объясненія. Онъ обратился къ Нагелю, схватилъ его за руку и спросилъ:

— Что все это означаетъ? Что здѣсь произошло?

Нагель отвѣтилъ:

— Пожалуйста, отпустите мою руку, я не убѣгу. Долженъ вамъ сказать, что особеннаго здѣсь ничего не случилось; я оскорбилъ этого человѣка, который только-что вышелъ отсюда, а онъ хотѣлъ защищаться, такъ что разсуждать тутъ не о чемъ,—все въ порядкѣ.

Но хозяинъ вышелъ изъ себя и топнулъ ногой.

— Чтобы у меня здѣсь не было скандаловъ! — крикнулъ онъ: — я не потерплю скандаловъ! Если хотите затѣвать свару, то отправляйтесь на улицу; но здѣсь я и слышать не хочу о чемъ-либо подобномъ. Съ ума вы всѣ тутъ, что ли, сошли!

— Все это прекрасно,—прерываютъ его нѣсколько посѣтителей:—но мы все видѣли.

И со свойственной людямъ склонностью поддерживать въ данный моментъ того, на чьей сторонѣ побѣда, они всецѣло берутъ сторону Нагеля. Они подробно разсказываютъ хозяину, какъ все случилось.

Самъ Нагель пожалъ только плечами и подошелъ къ Минутѣ. Безъ всякихъ предисловіи онъ спросилъ маленькаго сѣдого шута:

— Въ какихъ отношеніяхъ вы находитесь съ повѣреннымъ, разъ онъ позволяетъ себѣ такъ обращаться съ вами?

— Что за глупости, — отвѣчаетъ Минута: — я не нахожусь съ нимъ ни въ какихъ отношеніяхъ, онъ мнѣ совершенно чужой. Разъ только я танцевалъ передъ нимъ на базарной площади за десять эре. А кромѣ того, онъ всегда смѣется надо мной.

— Такъ, значить, вы танцуете на улицахъ за деньги?

— Да, время отъ времени. Но это бываетъ очень рѣдко, только когда я очень нуждаюсь въ этихъ десяти эре и не имѣю возможности раздобыть ихъ инымъ способомъ.

— А на что вамъ нужны деньги?

— Мало ли на что мнѣ нужны деньги? Во-первыхъ, я Богомъ обиженный человѣкъ, я ни на что неспособенъ, и мнѣ приходится иногда очень туго. Когда я былъ морякомъ, то мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ жилось лучше; но потомъ со мной случилось несчастье, я упалъ съ мачты, и у меня сдѣлалась грыжа. И вотъ съ тѣхъ поръ мнѣ трудно пробиваться. Дядя кормитъ меня и вообще даетъ мнѣ все необходимое. Я живу у него и ни въ чемъ не нуждаюсь, можно даже сказать, у меня во всемъ излишекъ, потому что мой дядя живетъ тѣмъ,

что торгуетъ углемъ. Но я и самъ немного зарабатываю на свое содержаніе, особенно теперь, въ лѣтнюю пору, когда мы совсѣмъ почти не продаемъ угля. Все это истинная правда, какъ то, что я сижу здѣсь и говорю вамъ все это. Бываютъ такіе дни, когда десять эре для меня очень кстати, я покупаю на нихъ что-нибудь необходимое и приношу домой. А что касается повѣреннаго, то ему доставляетъ большое удовольствіе смотрѣть, какъ я танцую, и именно потому, что у меня грыжа, и я не могу танцовать, какъ слѣдуетъ.

— Такъ, значить, вы съ вѣдома и согласія вашего дяди танцуете за деньги на площади?

— Нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ, не думайте такъ. Дядя часто говоритъ мнѣ:—«Не надо этихъ шутовскихъ денегъ!» Да, онъ часто называетъ эти деньги шутовскими, когда я возвращаюсь домой съ десятию эре, онъ страшно бранитъ меня за то, что люди потѣшаются надо мной.

— Ну, это было первое. А теперь второе.

— Что такое?

— А теперь второе.

— Я не понимаю васъ.

— Вы сказали, что, *во-первыхъ*, вы Богомъ обиженный человекъ; ну, а теперь *во-вторыхъ*?

— Въ такомъ случаѣ я долженъ попросить у васъ извиненія.

— Такъ, значить, вы только Богомъ обиженный человекъ?

— Да, я отъ всего сердца прошу васъ извинить меня.

— Вашъ отецъ былъ священникомъ?

— Да, мой отецъ былъ священникомъ.

Пауза.

— Послушайте, — говоритъ Нагель:— если вамъ некуда спѣшить, то пойдете ко мнѣ въ комнату на минутку, хотите? Вы курите? Хорошо! Пожалуйста, я живу наверху. Я буду вамъ очень благодаренъ, если вы зайдете ко мнѣ.

Къ величайшему изумленію всѣхъ присутствующихъ, Нагель съ Минутой пошли во второй этажъ, гдѣ и провели вдвоемъ весь вечеръ.

III.

Минута взялъ стулъ и закурилъ сигару.

— Вы ничего не пьете? — спросилъ Нагель.

— Да, я почти ничего не пью; у меня сейчасъ же начинается головокруженіе, и въ глазахъ рябитъ, — отвѣтилъ гость.

— А шампанское вы пили когда-нибудь? Ну, конечно, пили.

— Да, много-много лѣтъ назадъ, на серебряной свадьбѣ моихъ родителей, я пилъ шампанское.

— Вкусное оно было?

— Да, я помню, что оно мнѣ очень понравилось.

Нагель позвонилъ и велѣлъ подать шампанскаго.

Они попиваютъ шампанское и курятъ. Вдругъ Нагель устремляетъ на Минуту пристальный взглядъ и говоритъ:

— Скажите, пожалуйста... я хочу предложить вамъ одинъ маленькій вопросъ, который, можетъ-быть, покажется вамъ смѣшнымъ: скажите, могли бы вы за известное вознагражденіе записаться отцомъ ребенка, которому вы не приходитесь отцомъ? Это пришло мнѣ въ голову такъ, случайно.

Минута посмотрѣлъ на него широко раскрытыми глазами, но ничего не сказалъ.

— За небольшую сумму, за пятьдесятъ кронъ, или, скажемъ, кронъ за двѣсти? — спросилъ Нагель. — Сумма не играетъ особой роли.

Минута качаетъ головой и долго молчитъ.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ онъ наконецъ.

— Такъ вы не могли бы этого сдѣлать? А то, въ случаѣ вашего согласія, я уплатилъ бы вамъ сейчасъ же наличными.

— Это все равно. Нѣтъ, этого я не могу сдѣлать. Этимъ я не могу вамъ служить.

— Но почему же, собственно?

— Довольно! Не говорите больше ничего и не просите, оставьте меня въ покоѣ. Вѣдь я тоже человѣкъ.

— Ну, можетъ-быть, это дѣйствительно слишкомъ грубо; съ какой стати вамъ оказывать кому-нибудь подобную услугу? Но мнѣ вдругъ захотѣлось сдѣлать вамъ еще одинъ вопросъ: не согласитесь ли вы... не можете ли вы за пять кронъ обойти весь городъ съ газетой или бумажнымъ мѣшкомъ на спинѣ?.. Начать отсюда съ гостиницы и пройти черезъ площадь, и затѣмъ пойти вдоль набережной?.. Могли бы вы это сдѣлать? И за это вы получите пять кронъ.

Минута смущенно опускаетъ голову и повторяетъ механически: «пять кронъ». Больше онъ ничего не отвѣтилъ.

— Ну, да, пять или десять кронъ, если хотите. Такъ вы могли бы это сдѣлать за десять?

Минута откидываетъ волосы со лба.

— Не понимаю, какимъ образомъ всѣ люди, которые сюда прѣзжаютъ, уже заранѣе знаютъ, что я для всѣхъ здѣсь служу шутомъ? — говоритъ онъ.

— Какъ вы сами видите, я могу отдать вамъ деньги сейчасъ же, — продолжаетъ Нагель: — все зависитъ только отъ васъ самихъ.

Минута смотритъ на ассигнаціи, нѣсколько мгновений онъ

растерянно смотритъ на эти бумажки и даже по-настоящему облизывается на нихъ, и наконецъ говоритъ:

— Да, я...

— Извините! — говоритъ Нагель быстро: — извините, что я васъ прерываю, — говоритъ онъ, чтобы помѣшать другому продолжать. — Какъ васъ зовутъ? Я не знаю вашего имени, и, кажется, вы мнѣ его даже не говорили.

— Меня зовутъ Грѣгордь.

— Ага, Грѣгордь. Вы не родственникъ того Грѣгорда, который участвовалъ въ Эйдсвольдскомъ сѣздѣ?

— Да, я съ нимъ въ родствѣ.

— Да, о чемъ мы съ вами говорили? Такъ васъ зовутъ Грѣгордь? Ну, да, вы, конечно, не захотите заработать эти десять кронъ такимъ способомъ?

— Нѣтъ, — прошепталъ Минута.

— Теперь слушайте, что я вамъ скажу, — говоритъ Нагель, и онъ произноситъ слова очень медленно: — я съ радостью дамъ вамъ эти десять кронъ за то, что вы не согласились на мое предложеніе. А кромѣ того, я вамъ дамъ сверхъ этого еще десять кронъ, если вы захотите доставить мнѣ удовольствіе и примете ихъ. Да не вскакивайте же съ мѣста; это одолженіе ничуть меня не стѣсняетъ, у меня деньги есть, у меня очень много денегъ; такіе пустяки не имѣютъ ровно никакого значенія. — Вынувъ деньги, Нагель прибавилъ: — Вы этимъ доставите мнѣ только удовольствіе, пожалуйста!

Но тутъ Минута онѣмѣлъ отъ радости, счастье охватило его, и онъ борется со слезами. Съ полминуты онъ молча моргаетъ глазами и глотаетъ слезы. Наконецъ Нагель говоритъ:

— Вамъ, должно-быть, лѣтъ сорокъ, или около того?

— Сорокъ три, мнѣ пошелъ сорокъ четвертый годъ.

— Да положите же деньги въ карманъ. На здоровье!.. Какъ зовутъ того повѣреннаго, съ которымъ мы разговаривали?

— Право, не знаю, мы просто называемъ его повѣреннымъ; онъ повѣренный въ канцеляріи окружнаго судьи.

— Да, да, въ сущности, это безразлично. Скажите, пожалуйста...

— Извините! — Минута не можетъ больше сдерживаться, сердце его преисполнено благодарности, и онъ хочетъ во что бы то ни стало высказаться, хотя у него ничего не выходитъ, и онъ безсвязно лепечетъ что-то, какъ дитя. — Извините и простите меня! — говоритъ онъ. И долго онъ не можетъ произнести ничего другого.

— Что вы хотѣли сказать?

— Я хотѣлъ только поблагодарить васъ, поблагодарить отъ всего... отъ искренняго...

Пауза.

— Ну, объ этомъ не стоить больше говорить.

— Нѣтъ, погодите! — воскликнулъ Минута. — Извините, но мы вовсе не покончили съ этимъ. Вы подумали, что я не хочу сдѣлать того, о чемъ вы просили меня, только изъ-за упорства съ моей стороны, и что я наслаждаюсь тѣмъ, что имѣю возможность стать на дыбы; но клянусь вамъ Богомъ... И развѣ мы можемъ покончить съ этимъ? Развѣ мы можемъ сказать, что покончили съ этимъ, разъ вы, можетъ-быть, получили такое впечатлѣнiе, что я принялъ въ расчетъ плату и не захотѣлъ этого сдѣлать за пять кронъ? Увѣряю васъ, что я колебался вовсе не изъ-за платы; надѣюсь, вы этого не думаете? И вотъ это-то только я и хотѣлъ сказать.

— Да, все это хорошо, и мы объ этомъ больше не будемъ говорить. Вѣдь человекъ съ вашимъ именемъ и вашимъ воспитанiемъ не можетъ согласиться на такiя некрасивыя продѣлки, не правда ли? А мнѣ пришло въ голову... вы, конечно, знаете очень хорошо всѣ условiя жизни въ этомъ городѣ? Дѣло, видите ли, въ томъ, что я хотѣлъ поселиться здѣсь на нѣкоторое время, провести здѣсь нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ, — что вы на это скажете?.. Вы здѣшнiй?

— Да, я родился здѣсь; мой отецъ былъ здѣсь священникомъ, и я уже тринадцать лѣтъ живу здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ со мной случилось несчастье.

— Вы разносите уголь? Мнѣ показалось, будто вы упоминали о томъ, что приносите уголь сюда въ гостиницу?

— Да, я разношу уголь по домамъ. Если вы думаете, что это мнѣ неприятно, то вы ошибаетесь. Я уже привыкъ къ этому, и это мнѣ ничуть не вредить, если только я осторожно поднимаюсь по лѣстницѣ. Но въ прошломъ году зимой я упалъ съ лѣстницы, и это паденiе настолько повредило мнѣ, что я долго долженъ былъ ходить съ палкой.

— Неужели? Какъ это случилось?

— Я поднимался по лѣстницѣ банка, а на ступенькахъ былъ ледъ. Я тащу довольно тяжелый мѣшокъ и успѣлъ уже подняться до половины лѣстницы, какъ вдругъ вижу, что навстрѣчу мнѣ спускается консуль Андресенъ. И вотъ я хочу повернуть и спуститься внизъ, чтобы дать консулу дорогу; онъ не говорилъ, чтобы я сдѣлалъ это, но вѣдь это само собой разумѣлось, и я, конечно, и не ждалъ, чтобы онъ просилъ меня объ этомъ. Но тутъ мнѣ не повезло, я поскользнулся и упалъ. Я упалъ на правое плечо, это странно, но я упалъ

именно на правое плечо, предварительно перевернувшись нѣсколько разъ.—«Какъ вы себя чувствуете? — спрашиваетъ меня консуль:—вы не кричите, значить, вы не ушиблись?»— «Нѣтъ, — отвѣчаю я: — кажется, все благополучно». Но не прошло и пяти минутъ, какъ я два раза подъярь упалъ въ обморокъ; кромѣ того, у меня вздулась нижняя часть живота, вслѣдствіе моей старой болѣзни. Но надо сказать, что консуль щедро вознаградилъ меня потомъ, хотя онъ ни въ чемъ не былъ виноватъ.

— Больше вы себѣ ничего не повредили? Вы не ударились головой?

— О, да, я ударился немного также и головой. Нѣкоторое время я харкалъ даже кровью.

— И консуль помогаль вамъ, пока вы были больны?

— Да, и очень щедро. Онъ посылаль мнѣ и то и другое, онъ ни на одинъ день не забываль обо мнѣ. Но лучше всего было то, что, когда я поправился и пошелъ къ консулу поблагодарить его, то онъ велѣлъ поднять флагъ. Онъ самымъ настоятельнымъ образомъ отдалъ приказаніе поднять флагъ въ мою честь, несмотря на то, что въ этотъ день было рожденіе фрѣкенъ Фредерика.

— А кто это фрѣкенъ Фредерика?

— Это его дочь.

— Вотъ какъ. Да, это было очень мило съ его стороны... Ахъ, да, послушайте, не знаете ли вы, по какому случаю городъ былъ разукрашенъ флагами нѣсколько дней назадъ?

— Нѣсколько дней назадъ? Дайте вспомнить... Не было ли это съ недѣлю назадъ? Ну, да, конечно, это было обрученіе фрѣкенъ Кьелландъ, обрученіе Дагни Кьелландъ. Да, да, одинъ за другимъ обручаются, женятся и уѣзжаютъ. У меня есть друзья и знакомые чуть ли не во всѣхъ странахъ, и всѣхъ ихъ я охотно желаль бы видѣть снова. Я любовался ими, когда они играли, будучи дѣтьми, я видѣлъ, какъ они ходили въ школу, а потомъ подтвервались и вырастали. А Дагни всего двадцать три года, и она любимица всего города. Она очень красива. Она обручилась съ лейтенантомъ Хансеномъ, который когда-то подарилъ мнѣ вотъ эту самую фуражку. Онъ тоже здѣшній.

— У этой фрѣкенъ Кьелландъ волосы бѣлокурые?

— Да, у нея бѣлокурые волосы. Она необыкновенно красива, и не удивительно, что всѣ въ нее здѣсь влюблены.

— Должно-быть, я ее видѣлъ возлѣ усадьбы священника. Не ходитъ ли она съ краснымъ зонтикомъ?

— Вотъ именно! Да здѣсь никто больше и не ходитъ съ

краснымъ зонтикомъ, насколько я знаю. Это, навѣрное, была она, если только у той дѣвушки, которую вы встрѣтили, была толстая бѣлокурая коса; она непохожа ни на кого другого здѣсь. Не пришлось ли вамъ также поговорить съ ней?

— Да, можетъ-быть, я и говорилъ съ ней. — И Нагель задумчиво говоритъ про себя:—Такъ это была фрѣкенъ Кьелландъ.

— Да, но вы не говорили съ ней, какъ слѣдуетъ. Наврядъ ли вамъ пришлось имѣть съ ней болѣе продолжительную бесѣду. Это удовольствіе вамъ еще предстоитъ. Она смѣется довольно громко, когда находитъ что-нибудь забавнымъ, и часто она смѣется надъ пустяками, потому что она очень веселая. Если вамъ придется говорить съ ней, то вы увидите, какъ она внимательно прислушивается къ вашимъ словамъ, пока вы не кончите говорить, и только тогда она отвѣчаетъ. А когда она отвѣчаетъ, то вся вспыхиваетъ, я это не разъ замѣчалъ, когда она съ кѣмъ-нибудь разговариваетъ, — и тогда она становится еще красивѣе. Но со мной совсѣмъ другое дѣло, со мной она болтаетъ безъ всякаго стѣсненія, когда придется. Я могу, на-примѣръ, подойти къ ней на улицѣ, и она всегда протягиваетъ мнѣ руку, если даже торопится. Если вы этому не вѣрите, то при случаѣ обратите на это вниманіе.

— Я этому охотно вѣрю. Такъ, значитъ, въ лицѣ фрѣкенъ Кьелландъ вы имѣете хорошаго друга?

— Въ томъ смыслѣ, конечно, что она всегда добра и снисходительна ко мнѣ; иначе и быть не можетъ, это ясно. Время отъ времени меня приглашаютъ въ домъ священника, и, насколько я замѣтилъ, я не являюсь нежеланнымъ гостемъ, если даже мнѣ случится зайти туда безъ приглашенія. Фрѣкенъ Дагни давала мнѣ читать книги, когда я былъ боленъ, она сама приносила ихъ подъ мышкой.

— Что это были за книги?

— Вы хотите спросить, что это за книги, еоторыя я могу читать и понимать?

— На этотъ разъ вы меня не поняли; вашъ вопросъ очень тонокъ, но вы не поняли меня. А вы очень интересный человекъ! Нѣтъ, я хотѣлъ спросить: что за книги имѣть у себя эта молодая дѣвушка и что она сама читаетъ? Вотъ что мнѣ хотѣлось бы знать.

— Помню, что она мнѣ принесла какъ-то «Студентъ-крестьянинъ» Гарборга, а потомъ давала мнѣ «Рудина» Тургенева. Въ другой разъ она мнѣ читала вслухъ «Непримимаго» Гарборга.

— И это были ея собственныя книги?

— Да, ея отца,—на книгахъ было имя ея отца.

— Вотъ какъ... Да выпейте же еще немного; давайте, выпьемте за чье-нибудь здоровье, напимѣрь, за здоровье семьи Кьелландъ,—хотите?

Когда они выпили, Нагель сказалъ:

— Кстати, когда вы пришли къ консулу Андресену, чтобы поблагодарить его, какъ вы рассказывали...

— Да, я хотѣлъ поблагодарить его за его помощь.

— Ну, да. Такъ флагъ былъ вывѣшенъ уже до вашего прихода?

— Да, онъ велѣлъ его вывѣсить въ мою честь; онъ это мнѣ самъ сказалъ.

Пауза.

— Да, подумайте! Но не подняли ли флагъ по случаю дня рожденія фрёкенъ Фредерики?

— Да, конечно, и по этому случаю также; это весьма возможно, и это очень хорошо. Было бы позорно, если бы въ день рожденія фрёкенъ Фредерики не былъ поднятъ флагъ.

— Вы совершенно правы... Однако поговоримъ о другомъ: сколько лѣтъ вашему дядѣ?

— Ему около семидесяти лѣтъ. Нѣтъ, пожалуй, я хватилъ слишкомъ много, но ему во всякомъ случаѣ за шестьдесятъ. Онъ очень старъ, но для своего возраста онъ еще довольно бодрый; въ случаѣ необходимости онъ можетъ читать безъ очковъ.

— Какъ его зовутъ?

— Его зовутъ также Грёгордъ. Насъ обоихъ зовутъ Грёгордъ.

— У вашего дяди есть свой собственный домъ, или онъ нанимаетъ помѣщеніе?

— Онъ нанимаетъ комнату, въ которой мы живемъ, но сарай для угля принадлежитъ ему. Намъ нетрудно платить за квартиру, если вы это подумали, мы платимъ углемъ, а иногда я выплачиваю кое-что небольшой работой.

— Вашъ дядя, вѣроятно, не разноситъ угля?

— Нѣтъ, эта обязанность падаетъ на меня. Онъ распределяетъ уголь и отмѣриваетъ его, и вообще всѣмъ распоряжается, а я только разношу уголь. Вѣдь для меня это легче, а сильнѣе его.

— Ну, конечно. И у васъ, конечно, есть женщина, которая готовить на васъ?

Пауза.

— Извините, — отвѣтилъ наконецъ Минута: — не разсердитесь на меня; но я готовъ сейчасъ же уйти, если вы только

этого пожелаете. Пусть будет такъ, какъ вы хотите. Можетъ-быть, вы удерживаете меня здѣсь только для того, чтобы сдѣлать мнѣ пріятное, хотя вамъ самимъ не доставляетъ никакого удовольствія слушать о томъ, какъ я живу. Весьма возможно также, что вы говорите со мной изъ какихъ-нибудь побужденій, которыхъ я не знаю, въ такомъ случаѣ это очень хорошо. Но если я темеръ и уйду отъ васъ, то меня никто не обидитъ, этого вамъ нечего бояться; я не встрѣчусь ни съ какимъ злымъ человѣкомъ. Повѣренный не будетъ стоять у двери и поджидать меня, чтобы отомстить мнѣ, если вы этого боитесь; а если бы даже онъ и стоялъ тамъ, то онъ во всякомъ случаѣ не сдѣлаетъ мнѣ ничего дурного,—я въ этомъ увѣренъ.

— Вы, конечно, можете поступать такъ, какъ вамъ пріятнѣе, но если вы останетесь, то вы доставите мнѣ этимъ большое удовольствіе; однако вы вовсе не должны считать себя обязаннымъ рассказывать мнѣ что-нибудь только изъ-за того, что я ссудилъ вамъ пару кронъ на табакъ. Вы можете поступать такъ, какъ вамъ угодно.

— Я остаюсь! Я остаюсь!—восклицаетъ Минута.—Да благословить васъ Богъ!—восклицаетъ онъ.—Я счастливъ, что мое общество хоть сколько-нибудь разсѣиваетъ васъ, хотя мнѣ стыдно за себя самого и за то, что я сижу здѣсь въ этомъ скверномъ платьѣ. Я все-таки могъ бы имѣть болѣе приличный видъ, если бы у меня было время подготовиться; на мнѣ надѣтъ одинъ изъ старыхъ дядиныхъ скуртуковъ, и онъ совершенно износился, это правда, до него дотронуться нельзя. А тутъ еще повѣренный продралъ мнѣ большую дыру; надѣюсь, что вы меня простите... Нѣтъ, что касается женщины, которая бы готовила на насъ, то мы обходимся безъ нея. Мы готовимъ и моемъ на себя сами. Это ужъ не такъ трудно, да къ тому же мы упрощаемъ все это до послѣдней возможности. Если мы утромъ варимъ кофе, то вечеромъ пьемъ остатки, не разогревая его; съ обѣдомъ то же самое,—мы варимъ его, такъ сказать, разъ навсегда. Чего же намъ желать лучшаго въ нашемъ положеніи? Ну, а стирка выпадаетъ на мою долю; и это даже маленькое развлеченіе для меня, когда я не занятъ другимъ дѣломъ.

Въ эту минуту въ гостиницѣ раздается звонокъ, и слышно, какъ живущіе въ гостиницѣ спускаются внизъ къ ужину.

— Это звонили къ ужину,—говоритъ Минута.

— Да,—отвѣчаетъ Нагель.

Но онъ и не думаетъ вставать и не проявляетъ ни малѣйшаго нетерпѣнія; напротивъ, онъ усаживается поудобнѣе и спрашиваетъ:

— Вы, можетъ-быть, знали этого Карльсена, котораго надняхъ нашли въ лѣсу мертвымъ? Не правда ли, какой печальный случай?

— Да, очень печальный случай. Ну, какъ мнѣ его не знать? Это былъ прекрасный человекъ и благородная натура. Знаете, что онъ мнѣ сказалъ какъ-то? Разъ, рано утромъ въ воскресенье, меня позвали къ нему, это было около года тому назадъ, въ маѣ. Онъ попросилъ меня снести одно письмо.— «Хорошо,—сказалъ я:—съ удовольствіемъ сдѣлаю это; но на мнѣ сегодня такіе неприличные башмаки,—неловко показываться въ нихъ людямъ. Если хотите, то я пойду домой и достану гдѣ-нибудь пару другихъ башмаковъ».—«Нѣтъ, это не надо,—отвѣчаетъ онъ:—я думаю, что это ничего, если вы только не промочите себѣ ногъ». Онъ даже подумалъ о томъ, не промочу ли я себѣ ногъ! Потомъ онъ потихоньку сунулъ мнѣ въ руку крону и далъ письмо. Не успѣлъ я выйти въ сѣни, какъ онъ снова отворилъ дверь и нагналъ меня, лицо его сіяло, и я остановился и посмотрѣлъ на него: глаза у него были полны слезъ. Онъ обнялъ меня, крѣпко прижалъ къ себѣ и сказалъ:—«Ну, отправляйтесь съ письмомъ, старый другъ, я не забуду васъ. Когда я сдѣлаюсь священникомъ и получу мѣсто, вы должны пріѣхать ко мнѣ и навсегда остаться у меня. Ну, ступайте, дай Богъ вамъ счастья». Да, такъ онъ и не получилъ никакого мѣста; но если бы онъ остался живъ, то онъ сдержалъ бы свое слово.

— Ну, и что же, вы отнесли письмо?

— Да.

— И фрѣкенъ Кьелландъ очень обрадовалась этому письму?

— Но откуда вы знаете, что письмо было къ фрѣкенъ Кьелландъ?

— Откуда я знаю? Да вѣдь вы сами сказали.

— Развѣ я говорилъ вамъ? Это неправда.

— Хе-хе, это неправда? Ужъ не думаете ли вы, что я сижу здѣсь и лгу вамъ?

— Простите, пожалуйста, очень можетъ быть, что вы правы; но, во всякомъ случаѣ, я не долженъ былъ говорить этого. Это случилось нечаянно. Но развѣ я это говорилъ?

— Но почему бы вамъ этого и не говорить? Развѣ онъ запретилъ вамъ это?

— Нѣтъ, онъ не запрещалъ.

— Такъ, значитъ, она?

— Да.

— Ну, хорошо, отъ меня, во всякомъ случаѣ, никто не

узнаеть этого. Но понимаете ли вы, почему онъ умеръ именно теперь?

— Нѣтъ, я этого не понимаю. Случилось несчастье.

— Несчастье? Ахъ, да, правда! Вѣдь онъ упалъ и накололся на ножъ.

— Да, по всей вѣроятности, онъ шелъ задумавшись, споткнулся и упалъ такъ, что ножикомъ проткнулъ себѣ артерію. Ужасное несчастье.

— Не знаете ли, когда его будутъ хоронить?

— Завтра въ полдень.

Больше они объ этомъ не говорили. Нѣкоторое время оба молчали. Сара просунула голову въ пріотворенную дверь и доложила, что ужинъ поданъ; немного погодя Нагель сказалъ:

— Итакъ, фрѣкенъ Кьелландъ обручена. Какой же у нея женихъ?

— Бя женихъ, лейтенантъ Хансенъ, бравый мужчина и прекрасный человекъ. Съ нимъ она не будетъ нуждаться ни въ чемъ.

— Что же, онъ богатъ?

— Да, его отецъ очень богатъ.

— Онъ купецъ?

— Нѣтъ, онъ владѣлецъ корабля. Онъ живетъ дома за два отсюда; но у него небольшой домъ, да большаго ему и не нужно; когда его сынъ уѣзжаетъ, то дома остаются одни старики. У нихъ есть еще дочь, но она замужемъ въ Англіи.

— А какъ вы думаете, сколько денегъ у старика Хансена?

— Можетъ-быть, миллионъ. Но никто этого достовѣрно не знаетъ.

Пауза.

— Да,—говоритъ Нагель послѣ нѣкотораго молчанія:—несправедливо все устроено на этомъ свѣтѣ. Что, если бы у васъ была хоть маленькая частица этихъ денегъ, Грегордъ?

— Богъ съ вами, на что мнѣ это? Ахъ, нѣтъ, мы должны быть довольны тѣмъ, что у насъ есть.

— Да, такъ говорятъ... Но я вспомнилъ кое-что. У васъ, вѣроятно, остается не много времени для другой работы, если вамъ приходится всюду разносить уголь, не правда ли? Ну, конечно, это такъ. Но я слышалъ, какъ вы спрашивали хозяина, нѣтъ ли у него еще какого-нибудь дѣла для васъ на сегодня; вы это помните?

— Нѣтъ.

— Это было внизу, въ кафе. Вы сказали хозяину, что снесли уголь на кухню, и тутъ же спросили, нѣтъ ли на сегодня еще какого-нибудь дѣла; развѣ вы этого не помните?

— Ахъ, да, но это совсѣмъ не то... А развѣ вы это замѣтили? Дѣло, видите ли, въ томъ, что я надѣялся получить деньги за уголь сейчасъ же; но мнѣ неловко было просить денегъ, а потому я и спросилъ, нѣтъ ли еще какого-нибудь дѣла. Вотъ и все. Мы находимся какъ разъ теперь въ затруднительномъ положеніи и очень разсчитывали на эту плату.

— Сколько вамъ могло бы понадобиться, чтобы выйти изъ этого затрудненія?—спросилъ Нагель.

— Боже васъ упаси!—воскликаетъ громко Минута.—И не говорите больше объ этомъ: вы уже помогли намъ болѣе, чѣмъ надо. Все сводилось къ какимъ-нибудь шести кронамъ, а теперь я сижу тутъ, и въ карманѣ у меня ваши двадцать кронъ,—да воздастъ вамъ Господь за это! А эти шесть кронъ мы должны были лавочнику за картофель и прочее. Онъ прислалъ намъ счетъ, и мы оба ломали себѣ голову, какъ выйти изъ затрудненія; но теперь все уладилось, и мы можемъ спокойно проспять эту ночь и завтра встать безъ заботъ.

Пауза.

— Ну, а теперь намъ лучше всего допить вино и затѣмъ разстаться,—говоритъ Нагель, вставая съ мѣста. — За ваше здоровье! Надѣюсь, что мы видимся не въ послѣдній разъ. Вы должны непременно обѣщать, что опять придете ко мнѣ; я живу въ седьмомъ номерѣ, какъ видите. Очень, очень вамъ благодаренъ за то, что посѣтили меня!

Нагель сказалъ это съ самымъ искреннимъ выраженіемъ и крѣпко пожалъ руку Минуты. Онъ проводилъ своего гостя до наружной двери; тутъ онъ снялъ свою бархатную фуражку, какъ сдѣлалъ это раньше, и низко поклонился.

Минута ушелъ. Онъ кланялся не переставая, пока переходилъ черезъ улицу, пятясь задомъ. Онъ не былъ въ состояніи произнести ни слова, несмотря на всѣ усилія сказать хоть что-нибудь.

Войдя въ столовую, Нагель вѣжливо извинился передъ Сарой въ томъ, что опоздалъ къ ужину.

IV.

На слѣдующее утро Иогана Нагеля разбудила Сара, которая постучала въ дверь и вошла съ газетами. Онъ наскоро просматривалъ ихъ и бросалъ на полъ одну за другой; телеграмму относительно того, что Гладстонъ долженъ былъ два дня не покидать постели вслѣдствіе простуды, но теперь всталъ, онъ прочелъ два раза и громко расхохотался послѣ

этого. Потомъ онъ лежалъ, закинувъ руки за голову, и отдался слѣдующему теченію мыслей, прерывая ихъ время отъ времени громкимъ разговоромъ съ самимъ собой:

«Какъ опасно ходить съ раскрытымъ перочиннымъ ножомъ по лѣсу. Ничего не стѣдуетъ спотыкнуться такъ неловко, что лезвее ножа перерѣжетъ заразы артеріи на обѣихъ рукахъ. Вотъ хотя бы взять Карльсена, какъ это плохо кончилось для него...

«Впрочемъ, не менѣе опасно разгуливать съ пузырькомъ яда въ карманѣ. Можетъ случиться, что упадешь на дорогѣ, пузырекъ разлетится въ дребезги, осколокъ воткнется въ несчастнаго человѣка, и ядъ попадетъ въ кровь. Развѣ есть такія дороги, по которымъ было бы безопасно ходить? Такъ что же? А впрочемъ, есть безопасная дорога—это дорога, по которой идетъ Гладстонъ. Я такъ и вижу практическое, умное выраженіе на лицѣ Гладстона, когда онъ идетъ по дорогѣ: какъ онъ тщательно избѣгаетъ возможности оступиться, въ какомъ согласіи Провидѣніе и онъ самъ заботятся о томъ, чтобы охранять его. А теперь, слава Богу, и послѣдствія его простуды прошли. Гладстонъ будетъ жить до тѣхъ поръ, пока не умретъ отъ здоровья.

«Пасторъ Карльсенъ, почему ты утнулся лицомъ въ лужу? Неужели этотъ вопросъ такъ навсегда и останется открытымъ: сдѣлалъ ли ты это сознательно для того, чтобы скрыть предсмертную судорогу, или ты сдѣлалъ это невольно, въ предсмертной борьбѣ? Ты выбралъ время, какъ дитя, которое боится мрака, ты выбралъ свѣтлый день, полуденный часъ, и ты лежалъ съ прощальнымъ привѣтомъ въ рукѣ. Бѣдняжка Карльсенъ, бѣдняжка Карльсенъ!

«И почему ты выбралъ лѣсъ для своего маленькаго остроумнаго предпріятія? Можетъ-быть, ты хорошо зналъ лѣсъ и ты понималъ его голосъ лучше, нежели голосъ поля, моря или дороги? По темному лѣсу шель мальчикъ весь день, тра-ла-ла-ла-ла... Вотъ хотя бы взять Вардадьскіе лѣса, которые лежатъ по дорогѣ въ Гіевикъ. Что за блаженство лежать тамъ въ полузабытьѣ, устремивъ взоръ вверхъ, чортъ возьми, проникая взоромъ въ самую глубину небесъ, хе-хе! Лежа такъ, въ концѣ концовъ начинаешь слышать, какъ тамъ наверху перешептываются и шушукуются о тебѣ самомъ:—«И этотъ сюда же!—говоритъ покойная мама:—нѣтъ, если онъ только осмѣлится сунуться сюда, то я сейчасъ же ухожу отсюда»,—говоритъ она и дѣлаетъ изъ этого государственннй вопросъ.—«Хе-хе!—отвѣчаю я:—ты не мѣшай мнѣ, не мѣшай!» И я произношу это настолько громко, что обращаю на себя

вниманіе двухъ ангеловъ женскаго пола, досточтимой дочки Гаира и Саввы Бьёрнсонъ. Хе-хе-хе!

«Но на кой чортъ я здѣсь валяюсь и надъ чѣмъ смѣюсь? Ужъ не изъ чувства ли превосходства? Нѣтъ, смѣяться должны были бы только дѣти, да еще совсѣмъ молоденькія дѣвушки, и больше никто. Смѣхъ — это рудиментъ, который перешелъ къ намъ отъ обезьянъ, отвратительный, безстыжій звукъ, исходящій изъ гортани. Этотъ звукъ исходитъ изъ меня, когда меня пощекочутъ подъ подбородкомъ. Кстати, что сказали мнѣ однажды мясникъ Хауге, который самъ смѣялся очень громко и очень гордился своимъ смѣхомъ? Онъ говорилъ, что ни одинъ человѣкъ, который еще вполне владѣетъ своими пятью...

«Нѣтъ, что за очаровательная дочка была у него! Въ тотъ день, когда я встрѣтилъ ее на улицѣ, шелъ дождь; она шла съ ведромъ въ рукахъ и плакала; оказалось, что она потеряла деньги, на которыя должна была купить обѣдъ въ паровой кухнѣ. Покойная мама, ты видѣла съ неба, что у меня не было ни единого шиллинга, которымъ я могъ бы порадовать бѣдное дитя, что я рвалъ на себѣ волосы тутъ же на улицѣ съ отчаянія, такъ какъ у меня не было ни единого эре? Въ это время прошла мимо насъ музыка; красивая дьяконисса обернулась и сверкнула на меня глазами; потомъ она медленно пошла домой, понуривъ голову, скорбя, вѣроятно, надъ самой собой и надъ тѣмъ, что она бросила на меня блестящій взглядъ. Но въ ту минуту какой-то длиннородый человѣкъ въ мягкой фетровой шляпѣ дернулъ меня за рукавъ, — оказалось, что я чуть не попалъ подъ экипажъ. Да, видитъ Богъ, меня чуть не раздавили...

«Шш! Разъ... два... три; какъ они медленно бьютъ! Четыре... пять... шесть... семь... восемь; неужели уже восемь часовъ? Девять... десять. Уже десять часовъ! Ну, пора вставать. Но гдѣ это бьютъ часы? Наврядъ ли въ кафе. Ну, это все равно, все равно. А какой смѣшной скандалъ былъ вчера въ кафе. Вѣдь Минута весь дрожалъ; я подоспѣлъ какъ разъ въ - время. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ въ концѣ концовъ выпилъ бы это пиво съ пепломъ отъ сигаръ и обломками спичекъ. Такъ что же изъ этого? Осмѣлюсь ли я спросить тебя, любопытный болванъ ты этакій: что же изъ этого? Съ какой стати суюсь я въ чужія дѣла? Да и вообще зачѣмъ я пріѣхалъ сюда, въ этотъ городъ? Или это случилось вслѣдствіе какой-нибудь катастрофы во вселенной, напримѣръ, вслѣдствіе простуды Гладстона? Хе-хе-хе! Скажи-ка лучше истинную правду, дитя мое: скажи, что ты былъ уже на пути

домой, и что тебя до такой степени тронулъ видъ этого города, — несмотря на то, что онъ такой крошечный и жалкій, — что ты чуть не расплакался отъ какого-то радостнаго и таинственнаго чувства, увидя всѣ эти флаги. Кстати: это было 12-го іюня, а городъ разукрасили флагами по случаю помолвки фрёкенъ Кьелландъ. А два дня спустя я встрѣтился съ ней самой.

«И надо же было мнѣ встрѣтиться съ ней какъ разъ въ тотъ вечеръ, когда я былъ въ такомъ растерзанномъ душевномъ состояніи и не сознавалъ того, что дѣлалъ. Теперь, когда я вспоминаю все это, то не знаю, куда дѣваться отъ стыда.

«— Добрый вечеръ, фрёкенъ! Я здѣсь чужой, извините, пожалуйста, я вышелъ прогуляться и не знаю, куда попать.

«Минута правъ, она моментально вспыхиваетъ, а когда отвѣчаетъ, то краснѣетъ еще больше.

«— А куда вамъ надо? — говоритъ она, мѣряя меня взглядомъ.

«Я снимаю фуражку, держу ее въ рукахъ и стою передъ ней съ непокрытой головой. Я сейчасъ же нахожусь, что ей отвѣтить въ то время, какъ стою передъ ней, держа фуражку въ рукахъ:

«— Не будете ли вы такъ любезны сказать мнѣ, далеко ли отсюда до города, но совершенно точно.

«— Этого я не знаю, — говоритъ она: — я не знаю, на какомъ разстояніи отсюда находится городъ; но первая усадьба, которая вамъ попадется на этой дорогѣ, это усадьба священника, а оттуда до города четверть мили. — И, сказавъ это, она хочетъ продолжать свой путь.

«— Очень вамъ благодаренъ, — говорю я: — если усадьба священника находится по ту сторону этого лѣса, то позвольте мнѣ проводить васъ, если вы идете туда, или куда-нибудь дальше въ этомъ направленіи. Солнце уже сѣло, позвольте, я понесу вашу зонтикъ. Я не буду вамъ надобдвать, я не буду даже говорить, если вы этого не пожелаете, мнѣ хочется только итти рядомъ съ вами и слушать щебетанье птицъ. Нѣтъ, не уходите, не уходите сейчасъ же! Почему же вы убѣгаете?

«Но такъ какъ она все-таки убѣжала, не желая меня больше слушать, то я бросился вслѣдъ за ней, чтобы заставить ее выслушать мои извиненія:

«— Чортъ меня побери, если ваше ясное лицо не произвело на меня самага глубокаго впечатлѣнія!

«Но тутъ она бросилась бѣжать съ такой быстротой, что

минуты через двѣ исчезла изъ вида. Свою тяжелую бѣлокурую косу она при этомъ взяла въ руки. Никогда не видалъ я ничего подобнаго!

«Вотъ какъ все произошло. Я вовсе не хотѣлъ ее оскорблять, у меня и на умѣ ничего дурного не было; я готовъ держать пари, что она влюблена въ своего лейтенанта, мнѣ и въ голову не приходило навязываться ей въ этомъ смыслѣ. Но это хорошо, все это хорошо. Ея лейтенантъ вызоветъ меня, можетъ-быть, на дуэль, хе-хе, онъ стоворится съ повѣреннымъ, съ повѣреннымъ изъ канцеляріи окружнаго судьи, и вызоветъ меня...

«А хотѣлось бы мнѣ знать, дастъ ли повѣренный Минутѣ новый сюртукъ? Подождемъ одинъ день, можно подождать и два дня; но если онъ этого не сдѣлаетъ въ теченіе двухъ дней, то придется сдѣлать ему маленькое напоминаніе. Точка. Нагель.

«Впрочемъ, не лучше ли держать языкъ за зубами? Спокойнѣе всего держать гастрономическій магазинъ, дѣлать колбасы, раскладывать шпикъ, глотать сало и цитировать Гюго. Можно имѣть также лошадь и коляску, а также контору въ городѣ; однимъ словомъ, жить по-человѣчески, имѣть хорошія связи, принимать у себя членовъ стортинга, вести открытый образъ жизни, имѣть свой домъ, жену и собаку. Точка. Нагель. А кромѣ того, по мѣрѣ силъ давать благостыню бѣднымъ.

«Я знаю одну бѣдную женщину здѣсь,—когда я проходилъ мимо нея, то она такъ смущенно смотрѣла на меня, словно хотѣла попросить меня о чемъ-нибудь, но не осмѣлилась этого сдѣлать. Ея глаза преслѣдуютъ меня все время, а между тѣмъ она совсѣмъ сѣдая; я четыре раза дѣлалъ крюкъ, чтобы обойти ее и не встрѣчаться съ ней. Она еще не старая, она посѣдѣла не отъ старости; а рѣсницы у нея совсѣмъ черныя, страшно черныя, такъ что глаза подъ ними какъ будто тлѣютъ. Она почти всегда ходитъ съ корзинкой, которую прикрываетъ фартукомъ, и видно, что она стыдится этой корзинки. Когда она прошла мимо меня, то я обернулся и увидалъ, что она пошла на рынокъ; тамъ она вынула изъ корзинки нѣсколько яицъ и продала ихъ первому попавшемуся, послѣ чего снова прикрыла корзинку своимъ фартукомъ и отправилась домой. Она живетъ въ крошечномъ домикѣ у набережной. Домикъ этотъ въ одинъ этажъ и даже не выкрашенъ. Я видѣлъ ее разъ въ окно; на окнѣ нѣтъ занавѣсокъ, но на немъ стоятъ нѣсколько горшковъ съ бѣлыми цвѣтами. Когда я проходилъ мимо, она стояла въ глубинѣ комнаты и смотрѣла на меня. Богъ ее знаетъ, чтѣ это за женщина; но руки у нея очень

маленькія. Я могъ бы дать тебѣ милостыню, сѣдая дѣвушка, но я предпочелъ бы оказать тебѣ помощь.

«А впрочемъ, я знаю, почему твои глаза такъ преслѣдуютъ меня. Я догадался объ этомъ съ первой же минуты. Какъ это странно, что молодая любовь такъ долго сохраняется въ сердцѣ и потомъ вдругъ громко заявляетъ о себѣ! Но все-таки у тебя не ея милое лицо, и ты гораздо старше ея. Увы, въ концѣ концовъ она вышла замужъ за телеграфиста и уѣхала въ Кабельвогъ!

«Ну, чтѣ же, сколько головъ, столько умовъ. Я и не ожидалъ, чтобы она полюбила меня, да этого и не случилось. Съ этимъ ничего не подѣлаешь... Вотъ какъ, часы пробили половину одиннадцатаго... Да, да, на нѣтъ и суда нѣтъ. Но если бы ты только знала, съ какой безграничной любовью я думалъ о тебѣ всѣ эти десять лѣтъ, я никогда не забывалъ тебя!.. Хе-хе-хе, но вѣдь въ этомъ виноватъ только я одинъ, она тутъ не при чемъ. Другіе не забываютъ только одинъ годъ и потомъ баста, а я помню цѣлыхъ десять лѣтъ.

«Я окажу сѣдой торговкѣ яйцами помощь, да, я дамъ ей милостыню и окажу помощь, и все это только ради ея глазъ. Вѣдь у меня денегъ куры не клюютъ, я только-что получилъ шестьдесятъ двѣ тысячи чистоганомъ за имѣніе. Хо-хо, стѣнитъ мнѣ только посмотреть на столъ, какъ я вижу на немъ три телеграфныхъ документа величайшей цѣнности... Ай-ай, чтѣ за остроумная выдумка! Ты и агрономъ и капиталистъ, притомъ ты не торопишься сейчасъ же продавать послѣ перваго предложенія, а спокойно высыпаешься и обдумываешь все основательно. Да, вотъ именно, ты обдумываешь. А между тѣмъ никто даже и не удивляется этому, хотя все продѣлано грубо и такъ, чтобы по возможности бросалось въ глаза. Человѣкъ, имя тебѣ осель! Тебя можно провести за носъ послиному куда угодно.

«Вотъ, напримѣръ, изъ кармана моего жилета, который виситъ тамъ, торчитъ горлышко пузырька; это ядъ, это синильная кислота, я держу ее у себя ради курьеза, и у меня не хватаетъ мужества выпить ее. Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ я ее ношу съ собой, и зачѣмъ вообще я ее приобрѣлъ? Все это одно только шарлатанство и ничего больше, модное декадентское шарлатанство, реклама, фатовство. Тьфу!.. Она нѣжна, какъ майскій цвѣтъ, завноба сердца моего...

«Или возьмемъ хотя бы такую невинную вещь, какъ моя медаль за спасеніе погибающихъ. Чтѣ называется, я заслужить ее честнымъ образомъ,—чего только ни приходится дѣлать! Случается, что спасаешь даже человѣческую жизнь. Но

одному Богу извѣстно, была ли въ этомъ дѣйствительно какая-нибудь заслуга съ моей стороны. Вотъ судите сами, милостивыя государыни и милостивые государи: у борта стоитъ молодой человѣкъ и плачетъ, его плечи вздрагиваютъ отъ рыданій; когда я заговариваю съ нимъ, онъ растерянно смотритъ на меня и затѣмъ стремглавъ спускается въ салонъ. Я слѣдую за нимъ, но онъ уже скрылся у себя въ каютѣ. Я беру списокъ пассажировъ, нахожу его имя и узнаю, что онъ направляется въ Гамбургъ. Это было въ первый вечеръ. Съ этой минуты я не спускаю съ него глазъ. Я наталкиваюсь на него въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ и смотрю ему прямо въ глаза. Зачѣмъ я это дѣлаю? Милостивые государи и милостивыя государыни, судите сами. Я вижу, какъ онъ плачетъ, что-то мучить его невыразимо, и онъ часто всматривается безумнымъ взоромъ въ темную пучину. А мнѣ-то что за дѣло до этого? Ну, конечно, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до этого, а потому судите сами и, пожалуйста, не стѣсняйтесь! Проходитъ дня два, дуетъ противный вѣтеръ, и море въ волненіи. Въ два часа ночи онъ выходитъ на корму, я уже лежу тамъ, притаившись, и наблюдаю за нимъ, лунный свѣтъ дѣлаетъ его лицо желтымъ. Ну, дальше? Онъ въ безпокойствѣ ходитъ туда и сюда, наконецъ вытягиваетъ руки вверхъ и прыгаетъ черезъ бортъ ногами впередъ. Однако онъ не въ состояніи удержать крика, который вырывается у него. Пожалѣлъ онъ о своемъ рѣшеніи? Или его охватилъ страхъ въ послѣднюю минуту? Если нѣтъ, то почему же онъ крикнулъ? Милостивые государи и милостивыя государыни, что сдѣлали бы вы на моемъ мѣстѣ? Я вполне предоставляю вамъ самимъ рѣшить этотъ вопросъ. Очень можетъ быть, что вы отнеслись бы съ уваженіемъ къ благородному, хотя и поколебавшемуся въ послѣдній моментъ мужеству этого несчастнаго и остались бы спокойно сидѣть въ своемъ углу; я же заоралъ, что было мочи, капитану, который стоялъ на своемъ мостикѣ, и затѣмъ я тоже перепрыгнулъ черезъ бортъ, да еще впопыхахъ бросился внизъ головой. Я плескаю въ водѣ, какъ сумасшедшій, плаваю по всѣмъ направленіямъ и въ то же время слышу, какъ на кораблѣ кричатъ громовымъ голосомъ. Но вдругъ я натыкаюсь на его руку съ растопыренными пальцами, она вытянута и какъ бы закоченѣла. Онъ еще слегка болтаетъ ногами. Ну, ладно, я хватаю его за шиворотъ, тащу его и въ то же время чувствую, что онъ становится все тяжелѣе и тяжелѣе. Вотъ онъ становится неподвижнымъ и перестаетъ болтать ногами; но въ концѣ концовъ онъ все-таки дѣлаетъ еще рѣзкое движеніе, чтобы освободиться изъ моихъ рукъ. Я кружусь съ

нимъ, какъ въ водоворотѣ, волны то и дѣло окатываютъ насъ, и мы сталкиваемся лбами, и въ глазахъ у меня темнѣеть. Что мнѣ было дѣлать? Я скрежещу зубами и ругаюсь на чемъ свѣтъ стоитъ, и въ то же время я крѣпко и добросовѣстно держу парня за шиворотъ все это бесконечно долгое время, пока наконецъ не подають лодку. Что бы вы сдѣлали? Я спасъ его, какъ грубый, неразумный медвѣдь, а потому что? Но развѣ я уже не предоставилъ вамъ самимъ, милостивыя государыни и милостивые государи, судить? Вамъ вовсе не зачѣмъ стѣсняться: меня это ничуть не касается. Но предположите, говорю я, что для этого человѣка было бы очень важно не приѣзжать въ Гамбургъ, — вотъ въ этомъ-то и вся штука. Можетъ-быть, онъ тамъ долженъ былъ встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь, а ему этого не хотѣлось. А медаль эта за похвальный поступокъ, и я ношу ее въ карманѣ. И я вовсе не думаю бросать ее свиньямъ. И объ этомъ также вы можете судить, судите себѣ не стѣняясь, — чортъ ли мнѣ въ этомъ? Все это такъ мало заинтересовало меня, что я не помню даже имени этого несчастнаго человѣка, хотя увѣренъ, что онъ здравствуетъ и по сей день. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Можетъ-быть, отъ безнадежной любви, — вѣроятно, тутъ дѣйствительно была замѣшана какая-нибудь женщина, но я этого не знаю. А кромѣ того, это для меня въ высшей степени безразлично. Баста!..

«Ахъ, ужъ эти женщины! Вотъ, на примѣръ, Камма, маленькая датчанка Камма. Да хранить тебя Богъ! Нѣжна, какъ горлица, предана душой и тѣломъ, и въ то же время способна выжать изъ человѣка послѣдній шиллингъ, — да, высосать изъ него все и чуть ли не пустить по міру; и для этого ей стоить только склонить свою хитрую головку набокъ и прошептать: «Симонсенъ, миленькій Симонсенъ!». Богъ съ тобой, Камма! Ты была полна преданности, а теперь можешь убираться къ чорту, мы съ тобой квиты...

«Но теперь я наконецъ встаю...

«Нѣтъ, подобныхъ женщинъ надо остерегаться. «Сынъ мой, берегись женской любви», — говоритъ великій писатель, — или что онъ тамъ такое говоритъ, этотъ великій писатель? Карльсенъ былъ слабый человѣкъ, идеалистъ, который умеръ изъ-за своихъ великихъ чувствъ, или, вѣрнѣе, изъ-за своихъ слабыхъ нервовъ, что въ свою очередь означаетъ недостатокъ питанія и работы на свѣжемъ воздухѣ... Хе-хе, и работы на свѣжемъ воздухѣ. «Пусть твоя сталь будетъ такъ же остра, какъ твое послѣднее «нѣтъ». Онъ испортилъ всю свою земную репутацію цитатой изъ Виктора Гюго. Предположимъ,

что я во-время встрѣтился бы съ Карльсеномъ хотя бы въ послѣдній день, но за полчаса до катастрофы, и онъ разска- залъ бы мнѣ, что хочеть цитировать Виктора Гюго въ свой смертный часъ, тогда я сказалъ бы ему такъ:—«Посмотрите на меня, я обладаю всѣми моими пятью...—«моими пятью», сказалъ бы я ему...—Посмотрите на меня, я обладаю всѣми моими пятью чувствами, и во имя человѣчества я немного заинтересованъ въ томъ, чтобы вы не замарали своей послѣдней минуты жизни цитатой изъ великаго поэта. Знаете ли вы, что такое великій писатель? Великій писатель—это человѣкъ, который ничего не стыдится, который совершенно утратилъ чувство стыда. У другихъ шутовъ есть мгновенія, когда они наединѣ съ самими собой краснѣютъ за себя, но великій поэтъ—ни- когда. Берите примѣръ съ меня: если ужъ вы непременно хотите цитировать кого-нибудь, то цитируйте географа и не выдавайте себя. Викторъ Гюго... Способны ли вы понимать комизмъ? Баронъ Леденъ разговаривалъ какъ-то съ Викто- ромъ Гюго. Во время бесѣды хитрый баронъ Леденъ спро- силъ: «Кто, по вашему мнѣнью, величайшій поэтъ Франціи?» — Викторъ Гюго скорчилъ гримасу, сталъ кусать себѣ губы и наконецъ сказалъ:—«Альфредъ де-Мюссе—второй по величинѣ». Хе-хе-хе! Но, можетъ-быть, вы не понимаете комизма? А знаете ли вы, что сдѣлалъ Викторъ Гюго въ 1870 году? Онъ напи- салъ воззваніе, обращенное ко всѣмъ обитателямъ земли, въ этомъ воззваніи онъ строжайшимъ образомъ запрещалъ нѣ- мецкимъ войскамъ осаждать и бомбардировать Парижъ. «Вѣдь у меня въ Парижѣ живутъ внуки и другіе родственники, и у меня нѣтъ никакого желанія видѣть, какъ ихъ разорветъ гра- натой»,—заявилъ Викторъ Гюго. Хе-хе-хе! Ахъ, да, вѣдь вы не- способны понимать комизмъ...

«Ну, да, такъ и есть, башмаковъ у меня еще нѣтъ. Куда же дѣвалась Сара съ башмаками? Скоро одиннадцать часовъ, а она до сихъ поръ не несетъ мнѣ башмаковъ.

«Итакъ, мы будемъ цитировать географа...

«А какая чертовски-красивая фигура у этой Сары! Бедро у нея такъ и раскачиваются на ходу, совсѣмъ какъ ляжки у очень жирной кобылы. Это прямо великолѣпно! Хотѣлось бы мнѣ знать, была ли она замужемъ? Во всякомъ случаѣ, она не очень громко визжитъ, когда ей ущипнешь бокъ, и она, конечно, пойдетъ на что угодно... Ахъ, да, пришлось мнѣ какъ-то видѣть одну свадьбу, такъ сказать, присутствовать на ней. Гм! Милостивыя государыни и милостивые государи, это было однажды вечеромъ въ воскресенье на одной желѣзно- дорожной станціи въ Швеціи, на станціи Кунгсбакка. Но,

пожалуйста, запомните хорошенько, что это было въ воскресенье вечеромъ. У нея были большія бѣлыя руки, а на немъ былъ новешенькій кадетскій мундиръ, и онъ былъ такой молодой, что у него не было даже усовъ. Они ѣхали вмѣстѣ изъ Гётенборга. Она также была совсѣмъ молоденькая, оба они были совсѣмъ дѣти. Я сидѣлъ и поглядывалъ на нихъ изъ-за своей газеты; мое присутствіе очень стѣсняло ихъ, и они чувствовали себя совсѣмъ безпомощными; все время они не сводили глазъ другъ съ друга. Глаза у молодой дѣвушки такъ и сіяли, и она не могла спокойно сидѣть на мѣстѣ. Вдругъ локомотивъ засвистѣлъ, и поѣздъ остановился у станціи Кунгсбакка; онъ схватилъ ее за руку, они поняли другъ друга и, какъ только поѣздъ остановился, поспѣшно выскочили изъ вагона. Она быстро бѣжитъ къ двери, надъ которой написаны два слова, онъ слѣдуетъ за ней по пятамъ. Но, Боже мой, онъ ошибается и входитъ въ ту же дверь, надъ которой написаны два слова! И они быстро запираютъ за собой дверь. Въ ту же минуту въ городѣ раздается колокольный звонъ, — вѣдь это былъ воскресный вечеръ. Они сидятъ въ домикѣ подъ громкій колокольный звонъ; проходитъ три минуты, четыре, пять минутъ. Куда же они дѣвались? Они все еще тамъ за запертой дверью, а колокола продолжаютъ звонить; Боже упаси, если они опоздають на поѣздъ! Но вотъ онъ пріотворяетъ наконецъ дверь и выглядываетъ изъ-за нея. У него непокрытая голова, она стоитъ сейчасъ же позади него и одѣваетъ на него фуражку, и онъ оборачивается къ ней и улыбается. Потомъ онъ однимъ прыжкомъ сбѣгаетъ съ крыльца, она слѣдуетъ за нимъ, продолжая еще приводить въ порядокъ свой туалетъ; и они вошли въ вагонъ и снова сѣли на свои мѣста, незамѣченные никѣмъ, — нѣтъ, никто не наблюдалъ за ними, кромѣ меня. Когда молодая дѣвушка съ улыбкой взглянула на меня, то я замѣтилъ, что глаза ея искрились золотомъ, а ея худенькая грудь высоко поднималась и опускалась, поднималась и опускалась. Нѣсколько минутъ спустя оба они заснули; они тутъ же на мѣстѣ погрузились въ глубокой сонъ, — такъ дивно они устали.

«Какъ вамъ это нравится? Милостивыя государыни и милостивые государи, мой рассказъ оконченъ. Я обхожу вонъ ту почтенную даму съ лорнеткой и стоячимъ мужскимъ воротничкомъ, или, точнѣе, «синій чулокъ»: я обращаюсь къ тѣмъ тремъ изъ дамъ, которыя не проводятъ свои дни со стиснутыми зубами за работой на пользу общественную. Простите, если я кого-нибудь обидѣлъ, особенно я прошу прощенія у уважительной дамы съ лорнеткой и съ синими

чулками. Ну, такъ и есть, она встаетъ, она встаетъ! Клянусь, она или собирается уходить, или хочетъ цитировать кого-то. А если она хочетъ кого-нибудь цитировать, то сдѣлаетъ это для того, чтобы опровергнуть меня. Если же она хочетъ опровергнуть меня, то она скажетъ слѣдующее: — «Гм! — скажетъ она: — у этого господина самое грубое мужское представленіе о жизни. И это жизнь? Вотъ какъ, онъ это называетъ жизнью! Неужели же этому господину совершенно неизвѣстно, что сказалъ объ этомъ одинъ изъ величайшихъ мыслителей міра? Жизнь — это борьба съ трольдами въ нашемъ сердцѣ и мозгу, говорить онъ...»

«Ди-де-ли, де-я!

«Жизнь — это борьба съ трольдами, — да. Въ сердцѣ и въ мозгу. Правильно. Милостивыя государыни и милостивые государи, норвежець Перъ, почтовый возница, везъ однажды великаго поэта. Во время пути наивный возница говорить: — «Съ вашего разрѣшенія, что такое собственно означаетъ творить — по вашему мнѣнію?» Великій писатель поджимаетъ губы, выпячиваетъ свою птичью грудь настолько, насколько только это возможно, и произноситъ слѣдующія слова: — «Творить — это судить самого себя». И норвежець Перъ былъ потрясенъ этими словами съ головы до ногъ...»

«Одиннадцать часовъ. Башмаки... Чортъ возьми, да куда же дѣвались мои башмаки?.. Но, если принять во вниманіе несчастную привычку, присущую бульдогамъ, щетиниться на все и на всѣхъ — да еще въ такое время, когда никто не имѣетъ возможности колоть кого-нибудь или что-нибудь, будь онъ чертополохомъ или шиповникомъ, дикобразомъ или Рошфоромъ...»

«Высокая, блѣдная дама вся въ черномъ съ самой очаровательной алой улыбкой на устахъ подходитъ ко мнѣ; она хочетъ мнѣ добра, беретъ меня за рукавъ и останавливается. «Если вамъ удастся вызвать такое умственное движеніе, какое вызвалъ Викторъ Гюго, — сказала она: — тогда вы еще можете имѣть право судить», — такъ она сказала.

«— Хе-хе, — отвѣтилъ я. — И это вы говорите мнѣ! Да вѣдь я не знаю ни одного писателя, и мнѣ не приходилось даже разговаривать ни съ однимъ изъ нихъ; вѣдь я агрономъ и съ малыхъ лѣтъ только и зналъ гуано да зерно, и я не былъ бы даже въ состояніи сочинить двухъ словъ про дождевой зонтикъ, не говоря уже о смерти, жизни и вѣчномъ мирѣ!

«— Ну, да, возьмемъ какого-нибудь другого великаго человека, — говоритъ она: — вы тутъ важничаете и обливаете грязью всѣхъ великихъ людей. Но великіе-то люди такъ и остаются

великими, и вы увидите, что они останутся великими въ продолженіе всей вашей жизни.

«— Сударыня,—отвѣтилъ я и почтительно склонилъ голову:— сударыня, великій Боже, какой низкій уровень образованія, какое умственное убожество сквозить въ вашихъ словахъ! Впрочемъ, извините, что я говорю съ вами такъ откровенно; но если бы вы были мужчиной, а не женщиной, то я готовъ былъ бы поклясться чѣмъ угодно, что вы придерживаетесь лѣвой партіи. Я и не думаю обливать грязью всѣхъ великихъ людей, но я не сужу о величій челоуѣка по большому или меньшему движенію, которое онъ вызвалъ, я сужу о немъ чисто субъективно, при помощи моего бѣднаго мозга и моихъ критическихъ способностей. Я сужу о немъ, такъ сказать, по привкусу, который остается у меня во рту послѣ его дѣятельности. И это вовсе не важничанье, это результатъ субъективной логики моей крови и плоти. Важно вовсе не то, чтобы вызвать первымъ дѣломъ движеніе и замѣнить Кинго въ общинѣ Хейвогъ—Лиллесандомъ. Дѣло вовсе не въ томъ, чтобы на шумѣть въ кучкѣ адвокатовъ, учительницъ, журналистовъ или галилейскихъ рыбаковъ, или выпустить брошюру о Наполеонѣ маленькомъ. Нѣтъ, дѣло въ томъ, чтобы вліять и воспитывать власть, избранныхъ и высоко стоящихъ людей, властелиновъ челоуѣчества, великихъ міра сего, Каиафъ, Пилатовъ и кесарей. Къ чему повело бы, если бы мнѣ удалось вызвать движеніе среди черни, если я въ концѣ концовъ буду распятъ на крестѣ? Можно собрать такую многочисленную толпу, что она въ состояніи будетъ оторвать себѣ ногтями кусочекъ власти; можно дать ей большой ножъ и заставить ее колоть, рубить и рѣзать, и ее можно провести настолько, что она сдѣлается слѣпымъ орудіемъ и возьметъ верхъ при голоуованіи; но выиграть *nobly*, выиграть духовныя цѣнности, подвинуть міръ впередъ по пути прогресса хотя бы на одну пядь—нѣтъ, это невозможно, этого не сдѣлаетъ толпа. Великіе люди—прекрасная тема для разговоровъ, но люди, стоящіе выше толпы, властелины, міровые геніи, должны еще очень призадуматься надъ тѣмъ, кто такіе тѣ люди, которыхъ называютъ великими. Въ концѣ концовъ оказывается, что великіе люди остаются позади съ толпой и съ ничѣго не стоящимъ большинствомъ, адвокатами, учительницами, журналистами и императоромъ бразильскимъ въ качествѣ почитателей.

«— Ну, такъ что же?—говоритъ иронически дама... Предсѣдатель стучитъ по столу и проситъ быть потише, но дама настаиваетъ на своемъ и говоритъ:—Ну, разъ вы не нападаете на всѣхъ великихъ людей, то назовите хоть кого-нибудь, на-

зовите хоть одного, который заслуживалъ бы пощады въ вашихъ глазахъ. Это было бы интересно услышать.

«Я отвѣчаю:

«— Съ удовольствіемъ сдѣлалъ бы это. Но дѣло въ томъ, что въ такомъ случаѣ вы поймали бы меня на словѣ. Если бы я назвалъ одного, или двухъ, или десять человѣкъ, то вы вывели бы изъ этого заключеніе, что я не знаю больше никого. А кромѣ того, зачѣмъ мнѣ это дѣлать? Если бы я предоставилъ вамъ выбирать, напримѣръ, между Львомъ Толстымъ, Иисусомъ Христомъ и Иммануиломъ Кантомъ, то вы все-таки призадумались бы, прежде чѣмъ остановиться на комъ-нибудь изъ нихъ. Вы сказали бы, что все это великіе люди, каждый въ своемъ родѣ, и въ этомъ отношеніи вся либеральная и передовая пресса согласилась бы съ вами...

«— Однако кто же изъ всѣхъ нихъ самый великій, по вашему мнѣнію?—перебываетъ она меня.

«— По моему мнѣнію, сударыня, не тотъ самый великій, кто быстрѣ всего вызываетъ движеніе, хотя надо сказать, что такіе люди всегда шумятъ больше другихъ. Нѣтъ, внутренний голосъ говоритъ мнѣ, что тотъ самый великій, кто обогатилъ жизнь истинными цѣнностями съ наибольшей положительной выгодой для людей. Великій террористъ—величайшій изъ всѣхъ, это рычагъ, сдвигающій міры.

«— Но изъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ мы называли, конечно, Христось...

«— Ну, да, конечно, Христось,—спѣшу я отвѣтить.—Вы совершенно правы, сударыня, и я очень радъ, что мы въ этомъ отношеніи сходимся съ вами... Нѣтъ, вообще я очень мало придаю значенія способности вызывать движеніе и дару проповѣдничества, этому чисто-внѣшнему дарованію никогда не лѣзть за словомъ въ карманъ. Чтò такое проповѣдникъ, профессиональный проповѣдникъ? Это человѣкъ, который въ качествѣ посредника приноситъ только отрицательную пользу, это торговый агентъ, продающій товары. И чѣмъ больше онъ продаетъ товаровъ, тѣмъ большей славой онъ пользуется. Хе-хе, чѣмъ больше онъ будетъ выкрикивать свой товаръ, тѣмъ больше онъ расширитъ дѣло. Но какой толкъ объяснять моему доброму сосѣду Ола Нордистуэну взглядъ Фауста на жизнь! Ужъ не измѣнить ли это образъ мысли грядущаго поколѣнія?

«— Но чтò же будетъ съ Ола Нордистуэномъ, если никто...

«— Пусть Ола Нордистуэнь провалится въ преисподнюю! — прерываю я ее. — Ола Нордистуэну нечего больше дѣлать на этомъ свѣтѣ, какъ только ждать смерти, или, вѣрнѣе, поста-

ратся убраться отсюда какъ можно скорѣе. Ола Нордистуэну суждено удобрить землю. Онъ представляетъ собою одного изъ тѣхъ солдатъ, которыхъ Наполеонъ попираетъ копытами своей лошади, вотъ что такое Ола Нордистуэнь,—если хотите знать это. Ола Нордистуэнь, пусть чортъ пляшетъ на мнѣ, даже не начало и ужъ никоимъ образомъ не результатъ чего бы то ни было; онъ даже не запятая въ великой книгѣ рока, а просто пятно на бумагѣ. Вотъ что такое Ола Нордистуэнь!..

«— Тише, ради Бога, успокойтесь!—говоритъ дама, совершенно перепуганная, и въ недоумѣннн смотритъ на предсѣдателя, не укажетъ ли онъ мнѣ на дверь.

«— Хорошо,—отвѣчаю я:—хе-хе-хе, хорошо, больше я не скажу ни слова.—Но въ эту минуту взглядъ мой падаетъ на ея очаровательный ротъ, и я говорю:—Извините, сударыня, что я задержалъ васъ такъ долго своей болтовней. Позвольте поблагодарить васъ за ваше вниманіе. У васъ необыкновенно очаровательный ротъ, когда вы улыбаетесь,—прощайте!

«Но тутъ все ея лицо заливаешь яркая краска, и она приглашаетъ меня къ себѣ домой. Такъ-таки къ себѣ домой, туда, гдѣ она живетъ. Хе-хе! Живетъ она тамъ-то и тамъ-то, на такой-то улицѣ, въ домѣ номеръ такой-то; ей очень хотѣлось бы побесѣдовать со мной еще относительно всего этого; она вовсе несогласна со мной и хотѣла бы многое возразить мнѣ. Если я приду завтра вечеромъ, то застаю ее совершенно одну. Такъ приду ли я завтра вечеромъ? Благодарю. До свиданья!

«Въ концѣ концовъ оказалось, что ей надо было только показать мнѣ новое одѣяло съ національнымъ рисункомъ, сшитое въ Халлингдалѣ.

«Де-я! А солнце свѣтитъ на меня!..»

Онъ вскочилъ съ кровати, поднялъ штору и выглянулъ въ окно. Яркое солнце заливало всю площадь, стояла прекрасная погода. Онъ рѣшилъ воспользоваться небрежностью Сары, которую она проявила, не подавъ ему во-время башмаковъ, и быть съ ней нѣсколько пофамиллярнѣе. Посмотримъ, что она собою представляетъ, эта деревенская дѣвушка, у которой такіе лукавые глаза?

Когда она вошла, онъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій обнялъ ее за талію.

— Отстаньте! — сказала она сердито и оттолкнула его отъ себя. Тогда онъ спросилъ очень холодно:

— Почему вы мнѣ до сихъ поръ не приносили моихъ башмаковъ?

— Простите, пожалуйста, — отвѣтила Сара. — Но у насъ

сегодня стирка, а въ такіе дни у насъ всегда очень много работы.

До двѣнадцати часовъ онъ никуда не выходилъ, а потомъ отправился на кладбище, чтобы присутствовать на похоронахъ Карльсена. По обыкновенію, онъ былъ въ своемъ гороховомъ костюмѣ.

V.

Когда Нагель пришелъ на кладбище, то тамъ еще никого не было. Онъ подошелъ къ вырытой могилѣ и заглянулъ въ нее; на самомъ днѣ лежали два бѣлыхъ цвѣтка. Кто бросилъ ихъ туда и съ какой цѣлью? «Эти бѣлые цвѣты я гдѣ-то уже раньше видѣлъ», — подумалъ онъ. Вдругъ онъ вспомнилъ, что еще не брился. Онъ посмотрѣлъ на часы, съ минуту задумался и затѣмъ быстро пошелъ въ городъ. На площади онъ увидалъ повѣреннаго изъ канцеляріи окружнаго судьи, онъ шелъ къ нему навстрѣчу. Нагель пошелъ прямо на него, глядя ему въ глаза, но никто изъ нихъ ничего не сказалъ и не поклонился. Нагель пошелъ въ парикмахерскую. Въ эту минуту слышался похоронный звонъ.

Нагель вовсе не торопился, онъ ни съ кѣмъ не заговорилъ, не произнесъ ни одного слова, но началъ разсматривать картинки, развѣшенные на стѣнахъ, переходя отъ одной къ другой и подробно разглядывая каждую отдѣльно. Наконецъ очередь дошла до него, и онъ сѣлъ въ кресло.

Выйдя на улицу, онъ снова увидалъ повѣреннаго изъ канцеляріи окружнаго судьи; повѣренный какъ будто поджидалъ кого-то. Въ лѣвой рукѣ у него была палка, но едва онъ увидалъ Нагеля, какъ взялъ ее въ правую руку и началъ размахивать ею. Оба медленно шли другъ другу навстрѣчу. «А у него не было палки, когда я его только-что встрѣтилъ», — сказалъ Нагель самому себѣ. — Она не новая, онъ не купилъ ее только-что, а навѣрное взялъ у кого-нибудь. Это испанская тросточка».

Когда они поровнялись другъ съ другомъ, повѣренный остановился; оба они остановились почти сразу. Нагель сдвинулъ на лобъ свою бархатную фуражку, какъ бы желая почесать себѣ затылокъ, и потомъ снова поправилъ ее; а повѣренный энергично стукнулъ палкой о землю и оперся о нее. Такъ стоялъ онъ нѣсколько секундъ, продолжая упорно молчать. Потомъ онъ вдругъ выпрямился, повернулся къ Нагелю спиной и пошелъ своей дорѣгой. Минуту спустя Нагель увидалъ, какъ его спина исчезла за угломъ парикмахерской.

Эта нѣмая сцена разыгралась въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей. Среди нихъ былъ человекъ, продававшій лотерейные билеты и видѣвшій все это. Въ нѣкоторомъ отдаленіи сидѣлъ торговецъ гипсовыми издѣліями, и онъ также наблюдалъ эту сцену. Нагель узналъ въ этомъ продавцѣ одного изъ почитателей кафе, присутствовавшихъ наканунѣ при его столкновении съ повѣреннымъ; это онъ-то и вступился за него во время объясненія съ хозяиномъ.

Когда Нагель во второй разъ пришелъ на кладбище, то священникъ говорилъ уже надгробное слово. На кладбищѣ собралась масса народу. Нагель не подошелъ къ могилѣ и усѣлся на большой новой мраморной плитѣ со слѣдующей надписью: «Вильгельмина Меекъ. Родилась 20-го мая 1873 года, скончалась 16-го февраля 1891 года». Больше ничего не было написано. Плита была совершенно новая, и видно было, что земля вокругъ нея была недавно насыпана.

Нагель подозвалъ къ себѣ маленькаго мальчика.

— Видишь вонъ того человекъ въ коричневомъ сюртукѣ?— спросилъ онъ.

— Да, того, въ фуражкѣ? Это Минута.

— Поди и попроси его сюда.

Мальчикъ пошелъ.

Когда Минута подошелъ къ Нагелю, тотъ всталъ, подаль ему руку и сказалъ:

— Здравствуйте, мой другъ. Очень радъ снова видѣть васъ. А вы получили сюртукъ?

— Сюртукъ? Нѣтъ еще. Но я навѣрное его получу, — отвѣтилъ Минута. — Позвольте отъ всего сердца поблагодарить васъ за вчерашній вечеръ. Спасибо вамъ за все! Да, да, вотъ мы и хоронимъ Карльсена! Да, Боже мой, надо съ этимъ примириться!

Они оба усѣлись на мраморной плитѣ и стали разговаривать. Нагель вынулъ изъ кармана карандашъ и сталъ имъ писать что-то на плитѣ.

— Кто здѣсь похороненъ?—спросилъ онъ.

— Вильгельмина Меекъ. А впрочемъ, мы называли ее просто Мина Меекъ, для краткости. Она была почти ребенкомъ: я думаю, ей не было еще и двадцати лѣтъ.

— Нѣтъ, ей не было и восемнадцати лѣтъ, судя по надписи. Это была тоже хорошая дѣвушка?

— Какъ вы странно это спрашиваете, но...

— Я обратилъ вниманіе на прекрасную способность, которой вы обладаете. Вы обо всѣхъ людяхъ отзываетесь хорошо.

— Если бы вы только знали Мину Меекъ, то вы были бы

вполнѣ согласны со мной, — я въ этомъ увѣренъ. Это была необыкновенно добрая душа. Если кого-нибудь Господь и сдѣлалъ ангеломъ, то именно ее.

— Она была обручена?

— Обручена? Нѣтъ, ничего подобнаго. По крайней мѣрѣ, я про это ничего не знаю. Конечно, она не была обручена; она постоянно молилась и часто громко разговаривала съ Господомъ даже на улицахъ во всеуслышаніе. И тогда люди останавливались и слушали ее; всѣ любили Мину Меекъ.

Нагель сунулъ карандашъ въ карманъ. На плитѣ было что-то написано, какое-то стихотвореніе, и черныя строки некрасиво выдѣлялись на бѣломъ мраморѣ.

Минута сказала:

— Вами очень интересуются. Я стоялъ тамъ и слушалъ надробное слово; но я замѣтилъ, что большая часть присутствующихъ на похоронахъ была больше занята вами.

— Мною?

— Да. Многие перешептывались и спрашивали, кто вы такой. Вонъ они стоятъ и смотрятъ сюда.

— Кто эта дама съ большимъ чернымъ перомъ на шляпѣ?

— Та, у которой зонтикъ съ бѣлой ручкой? Это Фредерика Андресенъ, фрѣкенъ Фредерика, о которой я вамъ говорилъ. А вонъ та, что стоитъ рядомъ съ ней и какъ разъ сюда смотреть, это дочка полицеймейстера; ее зовутъ фрѣкенъ Ольсенъ, Гудрунъ Ольсенъ. Я всѣхъ ихъ знаю. Дагни Кьелландъ также здѣсь; на ней сегодня черное платье, оно, пожалуй, идетъ ей больше всѣхъ другихъ; вы видѣли ее? А впрочемъ, всѣ сегодня на черномъ, такъ это и должно быть; а я сажу тутъ и болтаю глупости. Вы видите этого господина въ синемъ пальто и очкахъ? Это докторъ Стенерсенъ, но онъ не уѣздный врачъ, онъ занимается частной практикой и только въ прошломъ году женился. Его жена стоитъ вонъ тамъ подальше; не знаю, видите ли вы маленькую смуглую даму съ шелковой отдѣлкой на пальто? Да, это его жена. Она немного болѣзненна и потому всегда должна тепло одѣваться. А вонъ идетъ и повѣренный...

Нагель спросилъ:

— Не можете ли вы мнѣ показать жениха фрѣкенъ Кьелландъ?

— Нѣтъ, ея женихъ лейтенантъ Хансенъ. Его здѣсь нѣтъ, онъ въ плаваніи; онъ уѣхалъ нѣсколько дней назадъ, сейчасъ же послѣ обрученія.

Послѣ короткаго молчанія Нагель спросилъ:

— На днѣ могилы лежали два цвѣтка, два бѣлыхъ цвѣтка, — не знаете ли вы, откуда они?

— Какъ вамъ сказать? — отвѣтилъ Минута. — То-есть... вы спрашиваете? Это вопросъ?.. Право, мнѣ совѣстно это разсказывать: можетъ-быть, лучше было бы прикрѣпить ихъ къ крышкѣ гроба, я могъ бы попросить объ этомъ и не швырять цвѣтовъ такимъ образомъ; но что такое два несчастныхъ цвѣточка? И куда бы я ихъ ни положилъ, ихъ не стало бы больше отъ этого. А потому я всталъ сегодня рано утромъ, въ началѣ четвертаго часа, вѣрнѣе даже сказать, ночью, и положилъ ихъ на дно могилы. Я самъ спустился въ могилу и положилъ ихъ тамъ, и два раза громко попрощался съ нимъ, пока стоялъ въ его могилѣ. Это произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я потомъ пошелъ въ лѣсъ и ходилъ тамъ, закрывъ лицо руками отъ горя. Какъ странно разставаться съ кѣмъ-нибудь навсегда; и хотя Іенсъ Карльсенъ былъ гораздо выше меня во всѣхъ отношеніяхъ, но онъ былъ все-таки моимъ хорошимъ другомъ.

— Такъ, значить, цвѣты были отъ васъ?

— Да, отъ меня. Но я сдѣлалъ это вовсе не для того, чтобы потомъ хвастать этимъ. Богъ свидѣтель. Да и стоить ли говорить о такихъ пустякахъ? Я купилъ ихъ вчера вечеромъ послѣ того, какъ возвратился домой отъ васъ. Вышло такъ, что дядя далъ мнѣ полкроны на мои собственные расходы изъ тѣхъ денегъ, которыя я получилъ отъ васъ; онъ такъ обрадовался этимъ деньгамъ, что чуть не сшибъ меня съ ногъ. Да онъ еще придетъ васъ благодарить за нихъ: да, да, придетъ, я въ этомъ увѣренъ. И вотъ, когда я получилъ полкроны, то вдругъ вспомнилъ, что у меня не приготовлено для похоронъ цвѣтовъ, и я пошелъ на набережную...

— Вы пошли на набережную?

— Да, къ одной дѣвушкѣ, которая тамъ живетъ.

— Въ одноэтажномъ домѣ?

— Да.

— У этой дѣвушки сѣдые волосы?

— Да, совсѣмъ бѣлые; а вы видѣли ее? Она дочь капитана корабля, но она очень бѣдна. Она сперва ни за что не хотѣла брать полкроны, которыя я ей давалъ, но я положилъ деньги на стулъ, несмотря на то, что она протестовала и нѣсколько разъ отказывалась. Она такая робкая и, навѣрное, часто страдаетъ отъ своей скромности.

— Вы знаете, какъ ее зовутъ?

— Марта Гуде.

— Марта Гуде?

Нагель вынулъ свою записную книжку и, записавъ ея имя, сказалъ:

— Вѣдь она не была замужемъ?

— Нѣтъ. Она долго путешествовала съ отцомъ, пока онъ былъ капитаномъ; но послѣ его смерти она живетъ здѣсь.

— А родственниковъ развѣ у нея нѣтъ?

— Право, не знаю. Кажется, что нѣтъ.

— Чѣмъ же она живетъ?

— Богъ ее знаетъ, чѣмъ она живетъ. Никто этого не знаетъ. Впрочемъ, она навѣрное получаетъ нѣкоторую помощь отъ благотворительнаго общества.

— Такъ вы, значить, были у этой дѣвушки, у Марты Гуде; какъ у нея все устроено въ квартирѣ?

— Чтò же можетъ быть особеннаго въ старой, бѣдной хижинѣ? Тамъ стоитъ кровать, столъ и два стула; а впрочемъ, я припоминаю теперь, что тамъ три стула, такъ какъ одинъ стоитъ въ углу у кровати: это, собственно, кресло, обтянутое краснымъ плюшемъ, но оно можетъ стоять только у стѣны, такое оно поломанное и ветхое, а больше, кажется, тамъ ничего нѣтъ.

— Неужели тамъ дѣйствительно ничего больше нѣтъ? А часовъ на стѣнѣ нѣтъ, или картинокъ какихъ-нибудь, или чего-нибудь подобнаго?

— Нѣтъ, ничего нѣтъ; но почему вы спрашиваете?

— Ну, а это кресло, которое можетъ стоять только у стѣны, — я хочу сказать, кресло, обтянутое краснымъ плюшемъ, какой видъ оно имѣетъ? Оно очень старое? И почему оно стоитъ именно у кровати? На немъ нельзя сидѣть? Это кресло съ высокой спинкой?

— Да, съ высокой спинкой, а впрочемъ, я не помню.

У могилы раздалось пѣніе. Бросать землю въ могилу кончили. А когда прекратилось пѣніе, то на нѣкоторое время наступила полная тишина; потомъ толпа начала расходиться въ разныя стороны. Большая часть провожавшихъ направилась къ большимъ воротамъ кладбища, но многіе остановились и разговаривали другъ съ другомъ. Группа мужчинъ и дамъ пошла въ томъ направленіи, гдѣ стояли Минута и Нагель; все это были молодые люди и молодыя дѣвушки, которые блестящими удивленными глазами оглядывали обоихъ мужчинъ. Дагни Кьелландъ вся вспыхнула, она смотрѣла прямо передъ собой, не глядя ни направо ни налево; повѣренный также не поднималъ глазъ и разговаривалъ съ одной изъ молодыхъ дѣвушекъ.

Въ ту минуту, когда это общество проходило мимо Нагеля и Минуты, докторъ Стенерсенъ вдругъ остановился. Онъ сдѣлалъ знакъ Минутѣ, и тотъ подошелъ къ нему. Нагель остался сидѣть на плитѣ.

— Не можете ли вы попросить этого господина... — сказал доктор; больше ничего не было слышно. Но, немного спустя, доктор громко произнес имя Нагеля, и тотъ всталъ. Онъ снялъ фуражку и низко поклонился.

Докторъ извинился: ему дано неприятное порученіе, — одна изъ дамъ, съ которыми онъ теперь шель, фрёкенъ Меекъ, проситъ его быть поосторожнѣе съ надгробной плитой и не сидѣть на ней. Эту плиту только-что положили, фундаментъ еще совсѣмъ свѣжій, а земля такая рыхлая, что тяжелый камень можетъ неравномѣрно осѣсть. Объ этомъ проситъ сестра покойной, погребенной подъ этой плитой.

Нагель нѣсколько разъ извинился. Съ его стороны это была непростительная разсѣянность, небрежность, и онъ вполнѣ понимаетъ безпокойство фрёкенъ относительно надгробной плиты. Онъ также поблагодарилъ доктора за предупрежденіе.

Между тѣмъ они пошли впередъ. Когда они дошли до воротъ, Минута распрощался съ ними, и докторъ остался съ Нагелемъ вдвоемъ. Только теперь они представились другъ другу.

Докторъ спросилъ:

— А вы собираетесь на нѣкоторое время поселиться здѣсь?

— Да, — отвѣтилъ Нагель. — Надо слѣдовать доброму обычаю, проводить лѣто въ деревнѣ, отдыхать и подкрѣпляться къ зимѣ, чтобы потомъ съ новыми силами приниматься за работу... А какой это славный городокъ.

— Откуда вы? Я прислушиваюсь къ вашему говору и стараюсь опредѣлить, изъ какой вы мѣстности.

— Родомъ я изъ Финмаркена, я — квець. Но я жилъ въ разныхъ мѣстахъ, и тутъ и тамъ.

— Вы теперь пріѣхали изъ-за границы?

— Да, не издалека, изъ Гельсингфорса.

Нѣкоторое время они говорили о разныхъ пустякахъ, но вскорѣ перешли на другіе вопросы, заговорили о выборахъ, о неурожаѣ въ Россіи, о литературѣ и о покойномъ Карльсенѣ.

— Какъ вы думаете, вы хоронили сегодня самоубійцу? — спросилъ Нагель.

Докторъ не могъ этого сказать или не хотѣлъ. Это его не касалось, и онъ не желалъ вмѣшиваться въ подобныя дѣла. Мало ли о чемъ болтають. А впрочемъ, почему бы этому молодому человѣку и не быть самоубійцей? Собственно, всѣ теологи должны были бы наложить на себя руки.

— Но почему же?

— Почему? Потому что роль ихъ окончена, и въ нашъ

вѣкъ они сдѣлались лишними. Люди начали думать самостоятельно, и религиозное чувство все болѣе и болѣе сглаживается въ нихъ.

«Лѣвый!» — подумалъ Нагель. Онъ не могъ понять, какая выгода будетъ людямъ въ томъ, что будутъ уничтожены всѣ символы, вся поэзія. Впрочемъ, это еще вопросъ, сдѣлались ли теологи лишними въ нашъ вѣкъ, тѣмъ болѣе, что религиозное чувство вовсе не уменьшается.

— Конечно, я не говорю о низшихъ слояхъ народа, — сказалъ докторъ: — хотя и тамъ это замѣчается все больше и больше; но у образованныхъ людей это чувство несомнѣнно ослабѣваетъ... А впрочемъ, не будемъ говорить объ этомъ, мы придерживаемся слишкомъ различныхъ точекъ зрѣнія.

Докторъ былъ свободомыслящій, онъ такъ часто слышалъ эти возраженія, что уже забылъ и счетъ имъ. А развѣ это измѣнило его образъ мыслей? Въ продолженіе двадцати лѣтъ онъ оставался все тѣмъ же. Въ качествѣ врача онъ помогалъ людямъ освобождаться отъ души. Нѣтъ, изъ суевѣрія онъ уже давно выросъ...

— Что вы думаете о выборахъ? — спросилъ онъ Нагеля.

— О выборахъ? — Нагель засмѣялся. — Я жду самыхъ неблагоприятныхъ результатовъ, — сказалъ онъ.

— И я также, — сказалъ докторъ. — Это было бы позоромъ, если бы министерство не получило большинства при такой безусловно демократической программѣ.

Докторъ былъ лѣвымъ и радикаломъ, и онъ сталъ имъ съ тѣхъ поръ, какъ приобрѣлъ способность думать. Все дѣло въ томъ, увѣрялъ онъ, что у нихъ, лѣвыхъ, слишкомъ мало средствъ.

— Вы и другіе люди со средствами должны были бы поддерживать насъ, — прибавилъ онъ. — Вѣдь теперь дѣло идетъ о будущемъ всей страны.

— Я со средствами? — спросилъ Нагель. — Увы, съ моими средствами дѣло обстоитъ очень плохо.

— Ну, да, если даже вы и не миллионеръ, то все-таки... Кто-то рассказывалъ, будто вы настоящій богачъ, что вы владеете помѣстьемъ въ шестьдесятъ двѣ тысячи кронъ.

— Хе-хе-хе, вотъ такъ потѣха! Все дѣло ограничивается тѣмъ, что я на этихъ дняхъ получилъ маленькое наслѣдство послѣ матери въ нѣсколько тысячъ кронъ. Вотъ и все. Помѣстья у меня нѣтъ никакого, это какая-то мистификація.

Между тѣмъ они незамѣтно дошли до дома доктора, двухъ-этажнаго, желтаго дома съ верандой. Краска во многихъ мѣстахъ облупилась, крыша была по краямъ поломана. Въ

верхнемъ этажѣ въ одномъ изъ оконъ не хватало стекла, занавѣси были далеко не первой чистоты. На Нагеля неприятно подѣйствовалъ внѣшній безпорядочный видъ дома, и онъ хотѣлъ сейчасъ же идти дальше, но докторъ сказалъ:

— А вы не зайдете къ намъ? Нѣтъ? Но я надѣюсь, что мы еще будемъ имѣть удовольствіе видѣть васъ въ нашемъ домѣ въ другой разъ. Вы доставите большое удовольствіе какъ моей женѣ, такъ и мнѣ. Но, можетъ-быть, вы зайдете сейчасъ познакомиться съ моей женой?

— Но вѣдь ваша жена была на кладбищѣ; она едва ли успѣла возвратиться домой.

— Вы правы, она возвращалась съ кладбища съ другими. Въ такомъ случаѣ, загляните къ намъ въ другой разъ, когда будете проходить мимо.

Нагель пошелъ въ гостиницу; онъ уже входилъ въ дверь, какъ вдругъ вспомнилъ что-то. Онъ щелкнулъ пальцами, разсмѣялся короткимъ смѣхомъ и сказалъ громко:

— Интересно было бы посмотрѣть, остались ли тамъ стихи?

И онъ снова пошелъ на кладбище и остановился передъ надгробнымъ камнемъ Мины Меекъ. Нигдѣ не было видно ни одного человѣка. Но стихи были стерты. Кто это сдѣлалъ? Отъ стиховъ не осталось ни единого слѣда и ни одной буквы.

VI.

На слѣдующее утро Нагель всталъ въ благодушномъ и радостномъ настроеніи. Послѣ того, какъ онъ проснулся, и пока онъ лежалъ въ постели, въ немъ мало-по-малу произошла перемѣна: ему казалось, что потолокъ его комнаты поднимается все выше и выше до безконечности и наконецъ превратился въ безпредѣльный голубой небесный сводъ. И въ то же время онъ почувствовалъ, будто его обвѣваетъ мягкій ласкающій вѣтерокъ, какъ если бы онъ лежалъ на зеленой травѣ. Въ комнатѣ раздавалось жужжаніе мухи; было теплое лѣтнее утро.

Онъ одѣлся въ одну минуту, вышелъ изъ гостиницы, не позавтракавъ, и сталъ бродить по городу. Было 11 часовъ.

Изъ cadaго дома уже доносились звуки рояля; въ каждомъ кварталѣ въ открытыя окна вырывались самыя разнообразныя мелодіи, а гдѣ-то на улицѣ нервная собака вторила этимъ звукамъ протяжнымъ воемъ. На душѣ у Нагеля стало радостно и свѣтло, онъ невольно сталъ напѣвать что-то про себя, а проходя мимо одного старика, который поклонился ему, онъ воспользовался случаемъ и сунулъ ему въ руку шиллингъ.

Онъ дошелъ до большого бѣлаго дома. Во второмъ этажѣ

открывается окно, бѣлая тонкая рука надѣваетъ крючокъ. Занавѣска еще колыхнется, рука еще лежитъ на крючкѣ, и Нагель догадывается, что кто-то стоитъ за занавѣской и наблюдаетъ за нимъ. Онъ остановился и сталъ пристально смотрѣть вверхъ; онъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста, больше минуты; но никто такъ и не появился. Онъ посмотрѣлъ на дощечку на дверяхъ и прочелъ: «Ф. М. Андресенъ, датское консульство».

Нагель хотѣлъ уже уходить, но въ эту минуту фрѣкенъ Фредерика высунула изъ окна свое продолговатое аристократическое лицо, и ея удивленные глаза устремились на него. Онъ остановился, взгляды ихъ встрѣтились, и щеки фрѣкенъ Фредерики начали медленно покрываться румянцемъ; но, какъ бы бравируя, она потянула слегка вверхъ свои рукава и облокотилась о подоконникъ, положивъ на него свои локти. Она долго лежала такъ, не мѣняя позы, и Нагель долженъ былъ положить конецъ этой сценѣ и пойти дальше. Станный вопросъ мелькнулъ въ его головѣ: не стояла ли молодая дѣвушка передъ окномъ на колѣняхъ? «Въ такомъ случаѣ, — подумалъ онъ: — комнаты въ квартирѣ консула очень низкія, потому что окно было едва ли выше шести футовъ, а отъ верхняго края окна до крыши было не болѣе одного фута». Ему самому стало смѣшно, что его занимаютъ такіе пустяки; на кой чортъ ему было интересоваться квартирой консула? И онъ пошелъ дальше.

На пристани работа была въ полномъ разгарѣ. Нагрузчики, служащіе въ таможнѣ и рыбаки суетились, смѣшавшись въ общую кучу, и каждый былъ поглощенъ своимъ собственнымъ дѣломъ; цѣпи на кранахъ гремѣли, пароходы подавали сигналы, и два парохода засвистѣли почти одновременно, готовясь отчалить отъ пристани. Поверхность моря была зеркальная, солнце щедро обливало его своими лучами и превращало въ золотую массу, въ которую были какъ бы впаяны корабли и лодки. Съ одного громаднаго трехмачтоваго судна, стоявшаго вдали, доносились звуки маленькой шарманки, и когда пароходные свистки и лязгъ цѣпей умолкали на мгновение, то эта печальная мелодія производила впечатлѣніе дрожащаго, замирающаго голоса молодой дѣвушки. На трехмачтовомъ суднѣ дурачились и принялись даже отплясывать польку, подъ звуки печальной пѣсенки.

Взглядъ Нагеля упалъ на крошечную дѣвочку, стоявшую у пристани и прижимавшую къ себѣ кошку; кошка терпѣливо переносила это и безъ всякаго сопротивленія висѣла на рукахъ дѣвочки, при чемъ заднія ея ноги почти касались земли. Нагель погладилъ дѣвочку по щекѣ и заговорилъ съ ней:

— Это твоя кошка?

— Да. Два, четыре, шесть, семь...

— А, да ты умѣешь считать!

— Да. Семь, восемь, одиннадцать, два, четыре, шесть, семь...

Онъ пошелъ дальше. Въ той сторонѣ, гдѣ находилась усадьба священника, вдругъ снизу стрѣлой взлетѣлъ опьяненный солнечными лучами бѣлый голубь, потомъ понесся въ сторону и исчезъ за верхушками деревьевъ. Онъ сверкнулъ въ воздухѣ, словно серебряная стрѣла, и исчезъ безслѣдно. Гдѣ-то въ отдаленіи раздался короткій, почти беззвучный выстрѣлъ, и вслѣдъ за этимъ по другую сторону залива поднялось легкое синеватое облачко дыма. Когда онъ дошелъ до послѣдней пристани, то прошелъ еще нѣсколько разъ взадъ и впередъ по пустынной набережной, а потомъ машинально поднялся на гору и пошелъ въ лѣсъ. Онъ шелъ, все болѣе и болѣе углубляясь въ лѣсъ, съ добрыхъ полчаса и наконецъ остановился на узенькой тропинкѣ. Вокругъ него царила мертвая тишина, не видно было даже ни одной птички, а небо было ясное и безоблачное. Онъ сошелъ съ тропинки и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону; тамъ онъ нашелъ сухое мѣстечко и легъ на спину, вытянувшись во всю длину. Направо отъ него находилась усадьба священника, налѣво городъ, а надъ нимъ разстилался безпредѣльный океанъ лазурнаго неба.

Что, если бы очутиться тамъ, въ вышинѣ, бродить между солнцами и чувствовать, какъ кометы обвѣвають тебѣ лицо своими хвостами! Какъ мала земля и какъ ничтожны люди; стоить ли вообще быть человѣкомъ! Трудишься въ потѣ лица своего, тянешь ляжку изъ года въ годъ, и для чего? Для того, чтобы въ концѣ концовъ все-таки исчезнуть, — да, несмотря ни на что, все-таки исчезнуть! Нагель схватился за голову. О, да, дѣло кончится тѣмъ, что и самъ онъ уберется со свѣта и положить этому конецъ. Хватить ли у него когда-нибудь духу дѣйствительно рѣшиться на это? Да. И, видитъ Богъ, онъ не отступится отъ своего рѣшенія въ послѣднюю минуту. И его вдругъ охватилъ восторгъ при мысли о томъ, что у него есть еще въ запасѣ этотъ простой выходъ; на глазахъ у него выступили слезы, и онъ громко дышалъ отъ волненія. Ему уже казалось, что онъ сидитъ въ ладѣ, которая тихо колыхнется посреди безбрежнаго небеснаго океана, что въ рукахъ у него серебряная удочка, и что онъ удитъ, тихо напѣвая. А ладья была изъ благоухающаго дерева, и весла сверкали наподобіе бѣлыхъ, распростертыхъ крыльевъ; парусъ же былъ изъ голубого шелка, въ видѣ полумѣсяца.

Онъ весь трепеталъ отъ радостнаго чувства, онъ забылся,

охваченный восторгомъ, и душа его растворилась въ жгучихъ солнечныхъ лучахъ. Мертвая тишина навѣяла на него состояніе опьяняющаго блаженства, ничто не нарушало его настроенія, лишь высоко въ воздухѣ раздавались глухіе звуки, исходящіе отъ гигантской малины, — это Богъ вертѣлъ Свое колесо. Лѣсъ застылъ, ни одинъ листъ не шелохнулся, не двигалась ни одна игла на хвойныхъ деревьяхъ. Нагель весь съежился отъ блаженства, подобралъ подъ себя колѣни и трепеталъ всѣмъ тѣломъ, — такъ все было прекрасно вокругъ него. Кто-то позвалъ его, онъ откликнулся: «да!». Онъ приподнялся на локтѣ и осматрѣлся кругомъ. Никого не было видно. Онъ крикнулъ еще разъ: «да!», и сталъ прислушиваться. Но никто не показывался. Какъ странно, вѣдь онъ ясно слышалъ, какъ его позвали; но онъ и не думалъ больше объ этомъ. Можетъ-быть, ему только почудилось, во всякомъ случаѣ это не могло ему помѣшать. Онъ находился въ какомъ-то загадочномъ состояніи, его наполняло душевное блаженство; въ немъ трепеталъ каждый нервъ, внутри его раздавалась музыка, онъ чувствовалъ свое близкое родство со всей природой, съ солнцемъ, съ горами и со всѣмъ, что его окружало, его охватывала атмосфера, насыщенная его собственнымъ «я», и ему ясно говорили объ этомъ каждое дерево, каждая кочка и каждая былинка. Душа его вырастала и стала полнозвучной; какъ органъ, — и онъ никогда уже больше не забывалъ этой сладостной музыки, которая переливалась волной въ его крови.

Такъ онъ лежалъ еще нѣкоторое время, наслаждаясь одиночествомъ. Вдругъ онъ услышалъ съ тропинки шаги, настоящіе шаги, онъ въ этомъ не ошибался. Онъ вытянулъ шею и увидалъ человѣка, идущаго изъ города. Человѣкъ этотъ несъ подъ мышкой длинный хлѣбъ и вель за собой на веревкѣ корову: онъ поминутно вытиралъ потъ съ лица и, вслѣдствіе жары, снялъ съ себя куртку, но шея у него была все-таки дважды обмотана краснымъ шерстянымъ шарфомъ. Нагель лежалъ тихо и наблюдалъ за крестьяниномъ. Да, вотъ онъ каковъ, этотъ настоящій поселянинъ-норвежецъ, хе-хе, да, — вотъ онъ, прирожденный крестьянинъ, съ ковригой хлѣба подъ мышкой и съ коровой, которая слѣдуетъ за нимъ по пятамъ. О, что за зрѣлище! Хе-хе-хе-хе-хе, да поможетъ тебѣ Богъ, благонамѣренный норвежскій викингъ! Распустилъ бы ты хоть немного свой шарфъ и выпустилъ бы изъ него вшей! Но, чего добраго, на тебя пахнуло бы тогда свѣжимъ воздухомъ, и ты умеръ бы отъ этого. А печать оплакивала бы твою безвременную кончину, и этотъ сюжетъ заполнилъ бы цѣлый номеръ газеты; но для того, чтобы предотвратить повтореніе чего-либо

подобнаго, либеральный членъ стортинга Ветле Ветлесенъ внесетъ предложеніе о строгой охранѣ національныхъ паразитовъ.

Въ головѣ Нагеля проносилаь одна горькая саркастическая мысль за другой. Онъ всталъ, недовольный и возбужденный, и пошелъ. Нѣтъ, въ концѣ концовъ всегда оказывалось, что онъ правъ,—повсюду одни лишь вши, старый сыръ и катехизисъ Лютера. А люди—это мѣщане средней величины, живущіе въ трехъэтажныхъ хижинахъ; они не дождають и не допивають, ублажаютъ себя тодди и выборной политикой и изо дня въ день торгуютъ зеленымъ мыломъ, мѣдными гребнями и рыбой. А по ночамъ, когда гремитъ громъ и сверкаетъ молнія, они лежатъ, трясутся отъ страха и бормочутъ молитвы Йогана Арендта. Да, да, укажите хоть на одно единственное исключеніе, на выдающееся преступленіе, на грѣхъ совершенно необычайный. Но не говорите про эти смѣшныя и жалкія азбучныя прегрѣшенія, — нѣтъ, покажите рѣдкій, ужащающій развратъ, отъ котораго становятся волосы дыбомъ, небывалое злодѣйство, королевскій грѣхъ, полный грубой красоты ада. А это все—одна мелочь!.. Какозво ваше мнѣніе о выборахъ, милостивый государь? Исходъ ихъ внушаетъ мнѣ величайшее опасеніе...

Но когда онъ потомъ снова проходилъ мимо пристани и увидалъ сутолоку и оживленіе, царившія тамъ, то мало-по-малу у него стало легче на душѣ, онъ развеселился и принялся напѣвать что-то про себя. Противъ такой погоды невозможно было устоять, она была слишкомъ хороша въ этотъ солнечный іюньскій день. Весь маленькій городокъ утопалъ въ солнечныхъ лучахъ и сверкалъ, словно онъ находился въ сказочномъ царствѣ.

Когда онъ входилъ въ гостиницу, вся его недавняя горечь была уже забыта имъ; въ его сердцѣ не было злобы, и ему снова казалось, что онъ покачивается въ ладѣ изъ благоухающаго дерева съ голубымъ шелковымъ парусомъ въ видѣ полумѣсяца.

Это настроеніе не покидало его весь день. Вечеромъ онъ снова вышелъ, снова направился къ морю и приходилъ въ восторгъ отъ всякихъ пустяковъ. Солнце садилось. Ослѣпительные жгучіе лучи его уже утратили свою силу и мягко освѣщали поверхность моря; даже шумъ, доносившійся съ кораблей, утихъ. Нагель замѣтилъ, что на берегу залива тутъ и тамъ стали подниматься флаги, въ городѣ также появилось нѣсколько флаговъ, и немного спустя работа на пристани прекратилась.

Онъ не обратилъ вниманія на это и снова отправился въ лѣсъ, гдѣ бродилъ нѣкоторое время, потомъ пошелъ къ усадьбѣ священника, подошелъ къ службамъ и заглянулъ во дворъ. Затѣмъ онъ опять углубился въ лѣсъ, зашелъ въ самое темное мѣсто, какое только могъ найти, и усѣлся на камнѣ. Онъ сидѣлъ, подперевъ голову одной рукой, а другой барабанилъ по колѣну. Долго не двигался онъ съ мѣста, можетъ-быть, цѣлый часъ, а когда онъ наконецъ всталъ, чтобы уйти, солнце уже успѣло закатиться. Первая дымка сумерекъ уже опустилась на городъ.

Когда онъ вышелъ изъ лѣсу, то былъ пораженъ неожиданностью. Онъ увидалъ повсюду кругомъ на возвышенностяхъ множество костровъ, онъ насчиталъ ихъ не менѣе двадцати, они пылали во всѣхъ направленіяхъ, словно маленькія солнца. Заливъ былъ усянъ лодками, въ которыхъ то и дѣло вспыхивали красные и зеленые огоньки, — это жгли бенгальскія спички. Съ одной лодки, въ которой пѣлъ квартетъ, было пущено даже нѣсколько ракетъ. По всѣмъ направленіямъ двигались толпы народа, пароходная пристань чернѣла людьми, которые сидѣли и ходили.

У Нагеля невольно вырвался крикъ изумленія. Онъ обратился къ одному человѣку и спросилъ, чтѣ значать эти костры и флаги. Человѣкъ посмотрѣлъ на него, сплюнулъ въ сторону, снова посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ, что сегодня двадцать третье іюня, канунъ Иванова дня. Вотъ какъ, канунъ Иванова дня! А впрочемъ, это совершенно вѣрно, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и число соответствуетъ этому. Подумать только, канунъ Иванова дня! Одна радость слѣдуетъ за другой, оказалось, что сегодня канунъ Иванова дня! Нагель радостно потеръ руки и также пошелъ къ пароходной пристани, и все время онъ повторялъ про себя, что ему необыкновенно повезло сегодня.

Въ кучкѣ дамъ и мужчинъ онъ издалека увидѣлъ кроваво-красный зонтикъ Дагни Кьелландъ, а когда онъ замѣтилъ въ этой группѣ также и доктора Стенерсена, то онъ, недолго думая, подошелъ къ нему. Онъ поклонился, пожалъ доктору руку и продолжалъ стоять довольно долго съ непокрытой головой. Докторъ представилъ его обществу; фру Стенерсенъ протянула ему руку, и онъ сѣлъ рядомъ съ ней. У нея было блѣдное лицо съ землистымъ стѣнкомъ, и это придавало ей болѣзненный видъ; но она была очень молода, едва ли ей было больше двадцати лѣтъ. Она была очень тепло одѣта.

Нагель надѣлъ свою фуражку и сказалъ, обращаясь ко всѣмъ:

— Прошу извинить меня, что я врываюсь въ ваше общество, что я явился незваннымъ.

— Ахъ, что вы, намъ только приятно, — прервала его любезно фру Стенерсенъ. — Можетъ-быть, вы даже споете намъ что-нибудь?

— Нѣтъ, пѣть я не могу, — отвѣтилъ онъ: — я не одаренъ никакими музыкальными способностями.

— Напротивъ, очень хорошо, что вы пришли; мы какъ разговаривали о васъ, — замѣтилъ докторъ. — Вѣдь вы играете на скрипкѣ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Нагель, отрицательно качая головой, и при этомъ онъ улыбнулся. — Нѣтъ, я не играю. — И вдругъ безъ всякаго повода онъ встаетъ и говоритъ съ блестящими глазами: — А у меня сегодня такъ радостно на душѣ. Весь день я чувствовалъ себя необыкновенно хорошо, съ самаго утра, съ той минуты, какъ открылъ глаза; я ходилъ въ продолженіе десяти часовъ какъ въ какомъ-то блаженномъ сновидѣніи. Представьте себѣ, меня все время преслѣдуетъ такое чувство, будто я сижу въ ладѣ изъ благоухающаго дерева, съ голубымъ шелковымъ парусомъ въ видѣ полумѣсяца. Развѣ это не прекрасно? Благоуханія, которое распространяетъ лодка, я не могу описать, я не могъ бы описать его при всей моей способности находить подходящія слова. Но вы представьте себѣ только: мнѣ кажется, что я сижу въ этой ладѣ посреди океана и ловлю рыбу на серебряную удочку. Простите, но не находятъ ли присутствующія дамы, что это... Нѣтъ, право, я не знаю, какъ это выразить.

Ни одна изъ дамъ не отвѣтила ему; онѣ въ смущеніи смотрѣли другъ на друга и спрашивали взглядомъ, какъ быть. Но въ концѣ концѣ одна за другой начали улыбаться; онѣ были безжалостны и даже громко расхохотались.

Нагель переводилъ глаза съ одной на другую, глаза его еще блестяли, и видно было, что онъ дѣйствительно думалъ о ладѣ съ голубымъ парусомъ. Но обѣ его руки слегка дрожали, хотя лицо его оставалось спокойнымъ.

Докторъ пришелъ ему на помощь и сказалъ:

— Да, это въ нѣкоторомъ родѣ галлюцинація, которая...

— Нѣтъ, простите, — отвѣтилъ онъ. — А впрочемъ, почему бы и нѣтъ? Дѣло не въ томъ, какъ вы это назовете. Я весь день находился сегодня во власти какихъ-то чаръ, — ужъ не знаю, право, галлюцинація это или что-нибудь другое. Это началось съ утра, пока я еще лежалъ въ постели. Я слышалъ жужжаніе мухи, и это было мое первое сознательное впечатлѣніе послѣ того, какъ я проснулся; потомъ я увидалъ лучъ солнца.

который прорвался сквозь дыру въ занавѣскѣ, и мною сразу овладѣло свѣтлое и радостное настроеніе. Въ душѣ у меня появилось оцущеніе лѣта... Представьте себѣ легкій шелестъ травы и представьте себѣ, что этотъ шелестъ проникаетъ въ самую глубь вашего сердца. Галлюцинація — да, пожалуй, это была галлюцинація, а впрочемъ, не знаю; но обратите вниманіе на то, что я долженъ былъ находиться въ состояніи особенной воспримчивости для того, чтобы услышать жужжаніе мухи именно въ тотъ моментъ, и что въ тотъ моментъ мнѣ нуженъ былъ именно такого рода свѣтъ и въ такомъ количествѣ, а именно одинъ только лучъ, ворвавшійся въ дыру занавѣски, и такъ далѣе. Позже, когда я всталъ и вышелъ на улицу, то я прежде всего увидалъ хорошенькую даму въ окнѣ, — при этихъ словахъ Нагель бросилъ взглядъ на фрѣкенъ Андресенъ, которая опустила глаза: — потомъ я увидалъ множество судовъ, а потомъ маленькую дѣвочку съ кошкой на рукахъ, и такъ далѣе и такъ далѣе, однимъ словомъ, все производило на меня извѣстное впечатлѣніе. Вслѣдъ затѣмъ я пошелъ въ лѣсъ и тамъ, лежа на спинѣ и пристально глядя въ небо, я увидалъ ладью и полумѣсяцъ.

Дамы опять засмѣялись; повидимому, и докторъ готовъ былъ заразиться ихъ смѣхомъ, онъ сказалъ съ улыбкой:

— Такъ вы удили серебряной удочкой?

— Да, серебряной удочкой.

— Ха-ха-ха!

Но тутъ Дагни Кьелландъ вся вспыхнула и сказала:

— Я такъ хорошо понимаю, что подобное представленіе... Что касается меня, то я такъ и вижу передъ собой эту лодку и парусъ, этотъ голубой полумѣсяцъ... и какъ это прелестно — сверкающая серебряная удочка, погруженная въ воду! Я нахожу, что это необыкновенно красиво...

Больше она ничего не могла сказать, она запнулась и умолкла; она стояла, потушивъ глаза.

Нагель сейчасъ же пришелъ ей на помощь:

— Да, не правда ли? Да, и я тогда же сказалъ самому себѣ: запомни это, это лучезарный сонъ, это предзнаменованіе. Пусть это будетъ тебѣ напоминаніемъ: надо удить только чистыми удочками, чистыми удочками... Вы спросили меня, докторъ, играю ли я на скринкѣ? Я не умѣю играть, совсѣмъ не умѣю: я вожу съ собой футляръ для скрипки, но въ немъ нѣтъ скрипки; къ сожалѣнію, футляръ набитъ только грязнымъ бѣльемъ, мнѣ просто казалось, что это имѣетъ такой внушительный видъ, когда среди другихъ чемодановъ и сундуковъ находится также и футляръ для скрипки, вотъ почему я и

завелъ его. Право, не знаю, можетъ-быть, послѣ этого вы получите обо мнѣ очень нехорошее впечатлѣніе; но тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, хотя дѣйствительно я искренно сожалѣю объ этомъ. А впрочемъ, во всемъ виновата серебряная удочка.

Изумленные дамы не смѣялись больше; даже докторъ, повѣренный Рейнертъ — повѣренный въ канцеляріи окружнаго судьи — и адъюнктъ сидѣли всѣ трое съ разинутыми ртами. Всѣ смотрѣли на Нагеля, а докторъ, очевидно, не зналъ, что ему думать. «Что нашло на этого удивительнаго парня, появившагося неизвѣстно откуда?» — подумалъ онъ. Но самъ Нагель преспокойно усѣлся и, повидимому, рѣшилъ больше ничего не говорить. Казалось, томительному молчанію не будетъ конца. Пришла на помощь фру Стенерсенъ. Это была олицетворенная любезность, она относилась ко всѣмъ съ материнской лаской и слѣдила за тѣмъ, чтобы никто не чувствовалъ себя обиженнымъ. Она намѣренно морщила лобъ и старалась казаться старше только для того, чтобы слова ея имѣли больше вѣсу.

— Вы пріѣхали изъ-за границы, господинъ Нагель?

— Да, фру.

— Кажется, изъ Гельсингфорса? Такъ мнѣ говорилъ мой мужъ.

— Да, изъ Гельсингфорса. То-есть сюда я пріѣхалъ прямо изъ Гельсингфорса. Я агрономъ, и нѣкоторое время я тамъ слушалъ лекціи.

Пауза.

— А какъ вамъ нравится городъ? — спросила опять фру Стенерсенъ.

— Гельсингфорсъ?

— Нѣтъ, нашъ городъ.

— О, это прелестный городъ, очаровательное мѣстечко. Мнѣ не хочется уѣзжать отсюда, нѣтъ, увѣряю васъ, я отсюда больше не уѣду. Хе-хе, впрочемъ, вы не очень-то пугайтесь, по всей вѣроятности, когда-нибудь я все-таки уѣду отсюда, — это зависитъ отъ обстоятельствъ... Кстати, — сказалъ онъ, вставая: — если я стѣсняю васъ, то прошу очень извинить меня. Дѣло, видите ли, въ томъ, что мнѣ очень хотѣлось посидѣть тутъ съ вами. Вѣдь у меня нѣтъ никого, съ кѣмъ я могъ бы проводить время, да меня мало кто знаетъ, такъ что я привыкъ слишкомъ много болтать съ самимъ собой. Вы доставите мнѣ удовольствіе, если совсѣмъ не будете обращать на меня никакого вниманія и вообще забудете о моемъ присутствіи здѣсь и будете разговаривать другъ съ другомъ, какъ до моего прихода.

— Надо признаться, что вы внесли нѣкоторое разнообразіе и оживленіе,—сказала Рейнертъ съ злобной интонаціей.

На это Нагель отвѣтилъ:

— Да, господинъ повѣренный, передъ вами я долженъ извиниться отдѣльно, и я готовъ дать вамъ какое угодно удовлетвореніе, но не сейчасъ. Хорошо? Только не сейчасъ.

— Да, здѣсь, конечно, не мѣсто,—согласился Рейнертъ.

— А кромѣ того, у меня сегодня такъ хорошо на душѣ,— продолжала Нагель, и его лицо озарила свѣтлая улыбка. Отъ этой улыбки лицо его на мгновеніе преобразилось и стало похожимъ на лицо ребенка.—Сегодня какой-то удивительный вечеръ, вотъ скоро и звѣзды загорятся на небѣ. Повсюду на горахъ пылаютъ костры, а съ моря доносится пѣніе. Нѣтъ, вы послушайте!.. Это вовсе не такъ дурно. Я въ пѣніи ничего не понимаю, но развѣ это не хорошо? Это напоминаетъ мнѣ одну ночь на Средиземномъ морѣ. Я былъ на кораблѣ, который отошелъ отъ берега Туниса; на немъ ѣхало человѣкъ сто пассажировъ откуда-то изъ Сардиніи, — это былъ пѣвческій хоръ. Я не принадлежалъ къ этому обществу и не умѣлъ пѣть, я сидѣлъ на палубѣ и прислушивался къ пѣнію, раздававшемуся изъ салона. Это продолжалось почти всю ночь. Никогда не забуду я, какое чарующее впечатлѣніе производило это пѣніе во мракѣ теплой ночи. Незамѣтно я затворилъ всѣ двери въ салонъ, такъ сказать, замкнулъ пѣніе, и тогда мнѣ казалось, что звуки поднимаются изъ нѣдръ моря, и что корабль подъ звуки музыки уносится въ вѣчность. Представьте себѣ безбрежное море и пѣніе неземного хора, разносящееся далеко кругомъ.

У фрѣкенъ Андресенъ, которая сидѣла ближе всѣхъ къ Нагелю, невольно вырвалось:

— О, Боже, какъ это, должно-быть, было хорошо!

— Разъ только я слышалъ нѣчто еще болѣе прекрасное, но это было во снѣ. И это было очень давно, когда я былъ еще ребенкомъ, Взрослые люди не видятъ больше такихъ прекрасныхъ сновъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — сказала фрѣкенъ Андресенъ.

— Увѣрю васъ. Это, конечно, нѣкоторое преувеличеніе, но... Но я помню такъ ясно свой послѣдній сонъ: я видѣлъ открытое болото... А впрочемъ, простите, я надоѣдаю вамъ своей болтовней, заставляя васъ слушать ее. Въ концѣ концовъ это можетъ наскучить. Но я далеко не всегда такой разговорчивый.

Тутъ снова заговорила Дагни Кьелландъ:

— Здѣсь, навѣрное, нѣтъ никого, кто не предпочелъ бы

слушать васъ, вмѣсто того, чтобы говорить. — И, наклоняясь къ фру Стенерсеѣ, она прибавила шопотомъ:— Не можете ли вы заставить его говорить? Дорогая, постарайтесь сдѣлать это! Вы прислушайтесь только къ его голосу.

Нагель сказалъ съ улыбкой:

— Я съ удовольствіемъ буду болтать. Я сегодня вообще въ какомъ-то особенно болтливомъ настроеніи; Богъ знаетъ, что на меня нашло... А что касается до сна, то въ немъ нѣтъ ничего особеннаго. Да, такъ вотъ, я видѣлъ открытое болото, безъ деревьевъ, но съ массой древесныхъ корней, они валялись повсюду, словно извивающіяся змѣи. Среди всѣхъ этихъ корявыхъ корней бродилъ сумасшедшій. Я такъ и вижу его передъ собой, — лицо у него было блѣдное, съ темной бородой, но борода его была такая короткая и рѣдкая, что сквозь нее всюду просвѣчивала кожа. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя широко раскрытыми глазами, которые выражали глубокое страданіе. Я лежалъ, притаившись за камнемъ, и окликнулъ его. Тогда онъ посмотрѣлъ на камень и, повидимому, вовсе не удивился, что оттуда раздался окрикъ: казалось, словно онъ прекрасно зналъ, что я тамъ лежу, хотя я былъ хорошо скрытъ. Онъ остановился и сталъ пристально смотрѣть на камень, ни на минуту не отрывая отъ него взора. Я подумалъ: «онъ все-таки не найдетъ меня, а въ крайнемъ случаѣ я убѣгу, если онъ приблизится». И хотя мнѣ было очень неприятно, что онъ стоитъ и смотритъ на меня такъ пристально, я снова крикнулъ, чтобы подразнить его. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію ко мнѣ, ротъ его былъ раскрытъ, словно онъ собирался кусаться, но онъ не могъ подойти ближе, корни были нагромождены передъ нимъ и не пропускали его. Я снова крикнулъ, я сталъ кричать одинъ разъ за другимъ, чтобы хорошенько позлить его. Онъ сталъ разбирать корни и разбрасывать ихъ цѣлыми охапками, онъ работалъ изо всѣхъ силъ, стараясь пробраться ко мнѣ; но все было тщетно. Подъ конецъ онъ началъ стонать, и его стоны доносились до меня, и я видѣлъ, что въ глазахъ его застыло выраженіе безграничнаго страданія. Но когда я убѣдился въ томъ, что нахожусь въ полной, безопасности, я всталъ и сталъ махать фуражкой; я всталъ передъ нимъ во весь свой ростъ и сталъ дразнить его, безпрестанно крича: «Халло!» — я кричалъ безостановочно, топалъ ногами и снова кричалъ:—«Халло!». Я подошелъ къ нему еще ближе, чтобы еще больше разозлить его, я тыкала въ него пальцемъ и кричалъ:—«Халло!», въ оскорбительной близости отъ его уха; и я дѣлалъ все это, чтобы, по возможности, еще бо-

лѣе вывести его изъ себя; потомъ я отступилъ назадъ на нѣсколько шаговъ, чтобы онъ смотрѣлъ на меня и сознавалъ, что только-что былъ такъ близко возлѣ меня. Но онъ все еще не сдавался, онъ все еще продолжалъ свою борьбу съ корнями, работалъ изо всѣхъ силъ, какъ бы ожесточаясь отъ боли, онъ испарался до крови, ушибъ себѣ лицо, сталъ на цыпочки и, стоя такъ, кричалъ мнѣ. Да, можете себѣ представить, онъ стоялъ на цыпочкахъ и смотрѣлъ на меня и кричалъ мнѣ. А съ лица его градомъ катился потъ, и оно было искажено отъ невыразимаго страданія, потому что онъ никакъ не могъ добратся до меня. Я хотѣлъ взбѣсить его еще больше, снова подошелъ къ нему ближе, щелкнулъ пальцами передъ самымъ его носомъ и зло, съ насмѣшкой сказалъ ему: «хи-хи-хи-хи-хи!». Я швырнулъ въ него корнемъ, и мнѣ удалось попасть ему въ ротъ, и онъ заштался; но онъ отплюнулъ только кровь, ухватился рукой за ротъ и снова принялся возиться съ корнями. Тогда мнѣ показалось, что я могу быть еще смѣлѣе, я вытянулъ руку и хотѣлъ уже дотронуться пальцами до его лба и затѣмъ опять отскочить; но въ это самое мгновеніе ему удалось схватить меня. Господи, какое это было неприятное чувство, когда онъ дотронулся до меня. Онъ сдѣлалъ отчаянное движеніе и вцѣпился въ мою руку. Я испустилъ крикъ, но онъ продолжалъ держать меня за руку и затѣмъ послѣдовалъ за мной. Мы вышли изъ болота, древесные корни не препятствовали ему больше послѣ того, какъ онъ взялъ меня за руку, и мы подошли къ тому камню, за которымъ я вначалѣ скрывался. Дойдя до камня, сумасшедшій упалъ передо мною на колѣни и поцѣловалъ землю, по которой я только-что ступалъ; окровавленный и истерзанный, онъ стоялъ передо мною на колѣняхъ и благодарилъ за то, что я былъ добръ къ нему; онъ благословлялъ меня и просилъ, чтобы Богъ благословилъ меня въ награду за мою доброту. Глаза его были широко раскрыты и были полны мольбы къ Богу за меня; онъ не цѣловалъ моей руки, нѣтъ, онъ не цѣловалъ даже моихъ башмаковъ, онъ цѣловалъ только землю, слѣды моихъ ногъ. Я спросилъ: — «Почему цѣлуешь ты слѣды моихъ ногъ на землѣ?» — «Потому что, — отвѣтилъ онъ: — потому что ротъ мой въ крови, и я не хочу запачкать твоихъ башмаковъ». Онъ не хотѣлъ запачкать моихъ башмаковъ!.. Потомъ я опять спросилъ: — «Но почему же ты благодаришь меня, когда я причинилъ тебѣ только зло и страданіе?» — «Я благодарю тебя, — отвѣтилъ онъ: — за то, что ты былъ добръ ко мнѣ и не истязалъ меня еще больше.» — «Хорошо, — сказалъ я тогда: — но почему же ты кричалъ мнѣ и раскрывалъ ротъ,

чтобы укусить меня?»—«Я не хотѣлъ кусать тебя,—отвѣтилъ онъ:—я раскрылъ ротъ, чтобы попросить тебя о помощи; но я не былъ въ состояніи произнести ни слова, и ты не понималъ меня. А потомъ я кричалъ отъ нестерпимаго страданія».—«Такъ ты оттого кричалъ?»—спросилъ я снова.—«Да, оттого!..» Я посмотрѣлъ на сумасшедшаго, онъ продолжалъ еще отплевывать кровь, но въ то же время молилъ Бога за меня; тутъ только я замѣтилъ, что видѣлъ его раньше и что я знаю его. Это былъ пожилой человѣкъ съ сѣдыми волосами и рѣденькой бородкой,—это былъ Минута.

Нагель умолкъ. Всѣ были потрясены. Повѣренный Рейнертъ опустилъ глаза и долго не поднималъ ихъ отъ земли.

— Минута? Такъ это былъ Минута? — спросила фру Стерсенъ.

— Да, это былъ онъ,—отвѣтилъ Нагель.

— Ухъ, мнѣ стало не по себѣ.

— Представьте себѣ,—сказала вдругъ Дагни Кьелландъ:—я сейчасъ же догадалась, что это онъ, какъ только вы сказали, что сумасшедшій бросился на колѣни и сталъ цѣловать землю. Увѣряю васъ, что я узнала его сейчасъ же. Вы хорошо съ нимъ знакомы?

— О, нѣтъ, я видѣлся съ нимъ всего раза два... Но послушайте, я, кажется, совершенно испортилъ настроеніе общества; фру, вѣдь вы совсѣмъ поблѣднѣли. Боже мой!.. Вѣдь это былъ только сонъ!

— Нѣтъ, такъ нельзя! — сказалъ также докторъ. — Какого чорта намъ до Минуты?.. Пусть его перецѣлуешь всѣ древесные корни въ Норвегіи, никто ему не помѣшаетъ. Ну, вотъ, фрѣкенъ Андресенъ также расплакалась. Ха-ха-ха!

— Я и не думаю плакать,—отвѣтила фрѣкенъ Андресенъ:—съ какой стати я буду плакать? Но я должна признаться, что этотъ сонъ произвелъ на меня впечатлѣніе. Впрочемъ, я думаю, что онъ произвелъ впечатлѣніе также и на васъ.

— На меня!—воскликнулъ докторъ:—ни малѣйшаго! Ха-ха-ха! Нѣтъ, какъ вамъ могло прійти въ голову что-либо подобное? Ну, а теперь надо прогуляться немного. Поднимайтесь всѣ! Становится прохладно. Не холодно ли тебѣ, Гетта?

— Нѣтъ, мнѣ совсѣмъ не холодно, посидимъ еще немного,—отвѣтила его жена.

Но доктору непременно хотѣлось гулять. Стало прохладно,—повторилъ онъ еще разъ,—и если даже никто не послѣдуетъ его примѣру, то онъ пойдетъ одинъ. Нагель всталъ и пошелъ съ нимъ.

Они прошлись нѣсколько разъ взадъ и впередъ по набе-

режной, протискиваясь сквозь толпу, они болтали и отвѣчали на поклонны гуляющихъ. Такъ они разгуливали съ полчаса, какъ вдругъ фру Стенерсенъ крикнула имъ:

— Да идите же сюда! Знаете, что мы придумали, пока васъ съ нами не было? Мы рѣшили собрать у насъ большое общество завтра вечеромъ. Да, господинъ Нагель, вы непременно должны прийти! Но знайте, что когда у насъ собирается большое общество, то это значить, что угощенье подается въ самомъ ограниченномъ количествѣ...

— А веселье въ самомъ неограниченномъ количествѣ, — прервалъ ее весело докторъ. — А ты хорошо придумала, Гетта, ты не всегда бываешь такъ догадлива. — Докторъ вдругъ оживился и добродушно улыбался при мысли о предстоящемъ вечерѣ. — Только не приходите слишкомъ поздно, — сказалъ онъ: — лишь бы меня не позвали куда-нибудь.

— Но развѣ я могу явиться къ вамъ въ этомъ костюмѣ? — спросилъ Нагель. — У меня нѣтъ ничего другого.

Всѣ засмѣялись, а фру Стенерсенъ отвѣтила:

— Конечно. Вы доставите намъ большое удовольствіе.

На обратномъ пути Нагель пошелъ рядо́мъ съ Дагни Кьелландъ. Онъ ничего не сдѣлалъ для этого, это случилось само собою; да и фрѣкенъ Кьелландъ не старалась воспрепятствовать этому. Она сказала, что уже заранѣе радуется предстоящему вечеру, потому что въ домѣ доктора всегда чувствуешь себя такъ свободно и уютно, — это прекрасные люди, которые всегда умѣютъ устроить такъ, чтобы всѣмъ было весело. Вдругъ Нагель сказалъ ей, понизивъ голосъ:

— Смѣю ли я надѣяться, фрѣкенъ, что вы простили мнѣ мою глупую выходку въ лѣсу?

Онъ говорилъ возбужденно, почти шопотомъ, и она принуждена была отвѣтить ему.

— Да, — сказала она: — теперь я лучше поняла ваше поведение въ тотъ вечеръ. Вы, навѣрное, не такой, какъ всѣ остальные люди.

— Спасибо! — прошепталъ онъ. — О, да, я чувствую такую глубокую благодарность, какой не чувствовалъ никогда въ жизни. Да, почему я не такой, какъ всѣ другіе люди? Знайте, фрѣкенъ, что я весь вечеръ старался сгладить то впечатлѣніе, которое я долженъ былъ произвести на васъ въ первый разъ. Каждое произнесенное мною слово произнесено было ради васъ. Что вы на это скажете? Не забывайте, что я очень виноватъ передъ вами и что я чѣмъ-нибудь долженъ былъ искупить свою вину. Я долженъ сознаться, что весь день находился въ какомъ-то необыкновенномъ настроеніи духа; но

тѣмъ не менѣе я все-таки выставилъ себя въ гораздо болѣе дурномъ свѣтѣ и я все время старался казаться нѣсколько подозрительнымъ. Дѣло въ томъ, что я хотѣлъ заставить васъ повѣрить, что я дѣйствительно нѣсколько невмѣняемъ и что я вообще способенъ на очень странныя выходки; такимъ образомъ я надѣялся легче заслужить ваше прощеніе. Вотъ почему я такъ не во-время сунулся со своими снами; мало того, я даже добровольно выдалъ себя, рассказавъ о футлярѣ для скрипки, я добровольно признался въ своемъ чудачествѣ, хотя въ этомъ не было никакой необходимости...

— Простите!—прервала она его поспѣшно:—но почему же вы теперь рассказываете мнѣ все это и снова портите все дѣло?

— Нѣтъ, я ничего не порчу. Вѣдь если я вамъ скажу, что я побѣждалъ за вами тогда въ лѣсу, поддаваясь мгновенному злему побужденію, то вы поймете меня. Мнѣ просто вдругъ захотѣлось напугать васъ за то, что вы бросились бѣжать отъ меня. Тогда я, конечно, еще не зналъ васъ. Но если я вамъ скажу теперь, что я точь въ точь такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе люди, то вы и это, конечно, поймете. Сегодня вечеромъ я выставялъ себя на смѣхъ передъ цѣлымъ обществомъ своимъ эксцентричнымъ поведеніемъ и сдѣлалъ это только для того, чтобы смягчить васъ и чтобы вы выслушали мое объясненіе. Этого я достигъ. Вы меня выслушали и поняли все.

— Нѣтъ, я должна сознаться совершенно откровенно, что не совсѣмъ-то понимаю васъ. Но пусть это такъ и останется; я не буду надъ этимъ ломать себѣ голову...

— Ну, конечно, конечно; съ какой стати вы будете ломать себѣ голову надъ этимъ вопросомъ? Но, не правда ли, этотъ вечеръ устраивается только потому, что всѣ вы считаете меня не совсѣмъ-то вмѣняемымъ господиномъ, отъ котораго можно ожидать самыхъ забавныхъ выходокъ? Къ сожалѣнію, долженъ васъ разочаровать. Можетъ-быть, я не скажу ни да ни нѣтъ во весь вечеръ, а можетъ-быть, я и совсѣмъ не приду. Право, не знаю.

— Нѣтъ, вы должны непременно прійти.

— Я долженъ прійти?—спросилъ онъ, посмотрѣвъ на нее.

Она ничего не сказала больше. Они пошли рядомъ дальше.

Они дошли до дороги, ведущей въ усадьбу священника. Фрѣкенъ Кьелландъ остановилась. Вдругъ она расхохоталась и сказала:

— Нѣтъ, никогда во всю свою жизнь не слыхала я ничего подобнаго!—И она покачала головой.

Она стала поджидать остальное общество, отставшее отъ нихъ. Ему очень хотѣлось попросить у нея разрѣшенія проводить ее до дома, и онъ уже чуть-было не рѣшился на это; но въ эту минуту она отвернулась отъ него и крикнула адъюнкту:

— Идите же, идите скорѣй!—И она замахала рукой, чтобы заставить его поторопиться.

VII.

На слѣдующій день въ шесть часовъ вечера Нагель вошелъ въ квартиру доктора. Онъ думалъ, что пришелъ слишкомъ рано; однако все общество, съ которымъ онъ познакомился наканунѣ, было уже въ полномъ сборѣ. Кромѣ того, было еще двое другихъ гостей—одинъ адвокатъ и одинъ бѣлокурый молодой студентъ. За двумя столиками уже шли сельтерскую воду съ коньякомъ; за третьимъ столомъ сидѣли дамы, повѣренный Рейнертъ и молодой студентъ и бесѣдовали. Адъюнктъ, очень молчаливый человекъ, который почти никогда не произносилъ ни слова, былъ, говоря попросту, уже совершенно пьянъ, и въ этомъ повышенномъ настроеніи онъ съ пылающимъ лицомъ громко говорилъ и о томъ и о семъ. Вотъ, возьмемъ хотя бы Сербію, гдѣ все семь процентовъ народонаселенія не умѣетъ ни читать ни писать,—а развѣ тамъ дѣло обстоитъ лучше? Да, пусть-ка ему отвѣтять на это?—И адъюнктъ мрачно посмотрѣлъ вокругъ себя, хотя ни одна душа не возражала ему.

Хозяйка дома позвала Нагеля и усадила его за дамскимъ столомъ. Что онъ хочетъ выпить?

— А онѣ какъ разъ сидѣли тутъ и разговаривали о Христіаніи,—сказала она.—Что за странная идея съ его стороны поселиться въ этомъ маленькомъ городкѣ, когда онъ могъ выбирать любое мѣсто и жить даже въ Христіаніи.

Однако Нагель нашелъ, что въ его идеѣ нѣтъ ничего страннаго; вѣдь онъ хотѣлъ пожить въ деревнѣ и устроить себѣ нѣчто въ родѣ каникулъ. А въ Христіаніи онъ не поселился бы ни въ какомъ случаѣ; Христіанія — это послѣднее мѣсто, на которомъ онъ остановилъ бы свой выборъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Но вѣдь это столица. Это центръ, куда стекается все, что только есть въ странѣ великаго, извѣстнаго,—тамъ и искусства и театры, тамъ все.

— Да, а кромѣ того туда стекается масса иностранцевъ,—замѣтила фрѣкенъ Андресенъ: — актеры, пѣвцы, музыканты, художники всякаго рода.

Дагни Кьелландъ сидѣла молча и слушала разговоръ.

— Да, пожалуй, что и такъ,—согласился Нагель.

Но онъ самъ не зналъ, почему каждый разъ, когда при немъ упоминали о Христіаніи, онъ видѣлъ передъ собой часть квартала Грендсенъ и чувствовалъ запахъ отъ вывѣшенныхъ платьевъ. Это дѣйствительно такъ, но онъ самъ не понималъ, почему. У него является представленіе о маленькомъ чванномъ городкѣ съ двумя церквами, парой газетъ, гостиницей и общей водоканкой, но зато съ величайшими людьми всего міра. Нигдѣ онъ не видалъ, чтобы люди кичились такъ, какъ тамъ. И, Боже, какъ часто, когда ему приходилось жить тамъ, у него являлось неудержимое желаніе быть какъ можно подальше оттуда!

Повѣренный не могъ понять, какимъ образомъ можно проникнуться такой глубокой антипатіей — не только къ отдѣльной личности, но къ цѣлому городу, къ столицѣ. Христіанія въ настоящее время ужъ вовсе не такой незначительный городъ, она начинаетъ занимать мѣсто среди другихъ значительныхъ городовъ. А кафе Грандъ — вѣдь это не маленькое кафе!

Сперва Нагель ничего не возразилъ на замѣчаніе относительно кафе Грандъ. Но потомъ онъ наморщилъ лобъ и сказалъ настолько громко, что всѣ это слышали:

— Грандъ—это *единственное* въ своемъ родѣ кафе.

— Вы, конечно, шутите?

— Нѣтъ, я говорю совершенно серьезно. Грандъ—это такое мѣсто въ городѣ, гдѣ встрѣчаются всѣ великіе люди міра сего. Тамъ можно увидѣть самыхъ великихъ художниковъ, наиболѣе талантливую часть молодежи, самыхъ фешенебельныхъ дамъ, самыхъ выдающихся редакторовъ и величайшихъ писателей всего міра! Хе-хе-хе, всѣ эти люди сидятъ въ Грандѣ, пыжатася другъ передъ другомъ—и каждый изъ нихъ чувствуетъ себя счастливымъ отъ того, что другіе обратили на него вниманіе.

Эти слова возбудили всеобщее недовольство. Повѣренный наклонился къ фрѣкенъ Кьелландъ и сказалъ довольно громко:

— Никогда я еще не видывалъ, чтобы кто-нибудь до такой степени важничалъ!

Она очнулась отъ своей задумчивости и бросила быстрый взглядъ на Нагеля; онъ, навѣрное, слышалъ слова повѣренного, но, повидимому, не обратилъ на нихъ вниманія. Онъ даже чокнулся съ молодымъ студентомъ и съ равнодушнымъ видомъ заговорилъ совсѣмъ о другомъ. Его высокомеріе, съ которымъ онъ держалъ себя, стало раздражать и ее также.

Богъ его знаетъ, что онъ думаетъ о нихъ всѣхъ, разъ онъ преподноситъ имъ такія напыщенные рѣчи! Что за самолюбіе, что за маія величія! Когда повѣренный спросилъ, каково ея мнѣніе, она отвѣтила преднамѣренно громко:

— Каково мое мнѣніе? Для меня Христіанія достаточно велика.

Но и къ этому замѣчанію Нагель отнесся совершенно равнодушно. Когда онъ услышалъ ея громкій голосъ, полуобращенный къ нему, то началъ сосредоточенно смотрѣть на нее, словно хотѣлъ вспомнить, чѣмъ онъ могъ ее разсердить. Онъ пристально смотрѣлъ на нее больше минуты, моргалъ глазами и старался что-то вспомнить, и при этомъ у него было грустное выраженіе лица.

Но тутъ наконецъ и адъюнктъ услышалъ, о чемъ шла рѣчь, и онъ сталъ горячо протестовать противъ того, что Христіанія меньше, напримѣръ, Бѣлграда. Вообще Христіанія ничуть не меньше другихъ столицъ средней величины...

Тутъ всѣ расхохотались; адъюнктъ былъ слишкомъ комиченъ со своими пылающими щеками и своимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ. Адвокатъ Хансенъ, маленькій, толстенный человѣчекъ въ золотыхъ очкахъ и съ блестящей лысиной, хохоталъ надъ нимъ до упаду, билъ себя по колѣнямъ и хохоталъ безъ удержа.

— Средней величины, средней величины!—кричалъ онъ.— Христіанія ничуть не меньше другихъ столицъ такой же величины, совершенно такой же величины. Ничуть не меньше. О, Господи Боже мой! За ваше здорovье!

Нагель снова заговорилъ со студентомъ Эйеномъ. Да, въ дни своей молодости когда-то и онъ, Нагель, увлекался музыкой и въ особенности Вагнеромъ. Но съ годами это прошло. Да и добился онъ только того, что выучился читать ноты и извлекать нѣсколько звуковъ.

— На рояль?—спросилъ студентъ.

Рояль былъ его спеціальностью.

— Ахъ, нѣтъ! На скрипкѣ. Но, какъ я уже сказалъ, я ничего не добился и очень скоро бросилъ музыку.

Его взглядъ упалъ случайно на фрѣкенъ Андресенъ, которая уже съ четверть часа сидѣла въ уголку у печки и болтала съ повѣреннымъ. Она встрѣтилась съ его взглядомъ на одно мгновеніе совершенно неожиданно, безпокойно задвигалась на своемъ стулѣ и вдругъ оборвала свою рѣчь.

Дагни сидѣла въ отдаленіи и хлопала себя по рукѣ сложенной газетой. На ея длинныхъ, бѣлыхъ пальцахъ не было колець. Нагель разсматривалъ ее украдкой. Боже, до чего она

была хороша въ этотъ вечеръ! Въ этомъ освѣщеніи на фонѣ темной стѣны ея густыя, свѣтлыя косы казались еще свѣтлѣе. Когда она сидѣла, то въ очертаніяхъ ея тѣла можно было подмѣтить нѣкоторую наклонность къ полнотѣ; но это впечатлѣніе сейчасъ же пропадало, когда она вставала. У нея была легкая, плавная походка, словно она много каталась на конькахъ.

Нагель всталъ и подошелъ къ ней.

На мгновеніе она вскинула на него своими темно-синими глазами, и у него вдругъ вырвалось совершенно неожиданно для него самого:

— Боже мой, до чего вы хороши!

Эта непосредственная откровенность совершенно смутила ее, она сидѣла съ раскрытымъ ртомъ, сбитая съ толку и безпомощная. Наконецъ она прошептала:

— Будьте же хоть немного благоразумны!

Вскорѣ послѣ этого она встала и подошла къ роялю, гдѣ начала перелистывать ноты,—щетки ея пылали.

Докторъ, сгоравшій отъ желанія поговорить о политикѣ, спросилъ вдругъ, ни къ кому лично не обращаясь:

— Читали вы сегодня газеты? «Утренній Листокъ» за послѣднее время ни къ чорту не годится! Въ немъ и помину больше нѣтъ о языкѣ образованныхъ людей. Это какая-то сплошная площадная ругань.

На это никто ничего не возразилъ доктору, а потому и ему оставалось только замолчать. Но адвокатъ Хансенъ зналъ, чего хочется хозяину дома, и замѣтилъ съ коварнымъ спокойствіемъ:

— Не должны ли мы сознаться, что виноваты обѣ стороны?

— Чтò такое?—крикнулъ докторъ, вскакивая съ мѣста. — Ужъ не хочешь ли ты сказать...

Столъ былъ накрытъ. Общество направилось въ столовую, но докторъ продолжалъ говорить, и, когда всѣ усѣлись за столъ, разговоръ принялъ общій характеръ. Нагель, сидѣвшій между хозяйкой дома и молодой фрѣкенъ Ольсенъ, дочерью полицеймейстера, не принималъ въ немъ участія. Когда гости поднялись изъ-за стола, всѣ они были увлечены европейской политикой. Всѣ наперерывъ высказывали свои мнѣнія относительно царя, Констана, Парнелля; а когда очередь дошла до балканскаго вопроса, пьяному адъютанту снова представился удобный случай наброситься на Сербію. Онъ только-что читалъ «Statistische Monatschrift», положеніе дѣлъ тамъ ужасное, школы въ полномъ пренебреженіи.

— Меня несказанно радуеть и утѣшаетъ только одно, —

заявилъ докторъ съ намернувшимися на глаза слезами: — а именно, что Гладстонъ еще живъ. Наполните же ваши рюмки, господа, и выпьемъ за здоровье Гладстона, — да, Гладстона, этого великаго демократа чистѣйшей воды, челоуѣка настоящаго и будущаго!

— Подожди немного, и мы также хотимъ принять участіе въ этомъ тостѣ!—воскликнула его жена.

И она стала наполнять рюмки дамъ, переливая черезъ край отъ избытка чувствъ, и дрожащими руками обносила поднось.

Всѣ встали.

— Да, не молодчина ли онъ! — продолжалъ докторъ, прищелкивая языкомъ. — Бѣдняга, онъ недавно простудился, но будемъ надѣяться, что его недомоганіе скоро пройдетъ. Никого изъ политиковъ мнѣ не было бы такъ жалко потерять теперь, какъ Гладстона. Господи Боже ты мой, когда я думаю о немъ, то онъ представляется мнѣ гигантскимъ маякомъ, который освѣщаетъ своими яркими лучами весь свѣтъ!.. У васъ такой равнодушный видъ, господинъ Нагель; вы несогласны со мной?

— Чтò такое? Да, конечно, я вполне согласенъ съ вами.

— Ну, еще бы! Долженъ сознаться, что и въ Бисмаркѣ также есть много импонирующаго для меня, но Гладстонъ!..

Такъ никто и не возражалъ доктору, всѣмъ хорошо была знакома его болтовня. Наконецъ разговоръ настолько замеръ, что докторъ предложилъ сыграть партію въ карты, чтобы развлечь гостей. Кто хочетъ играть? Но тутъ фру Стенерсенъ крикнула на всю комнату:

— Нѣтъ, объ этомъ я не могу умолчать! Знаете ли вы, чтò мнѣ только-что рассказалъ господинъ Эйенъ? Оказывается, господинъ Нагель не всегда находилъ Гладстона такимъ великимъ, какъ сегодня. Студентъ Эйенъ слышалъ васъ однажды въ Христіаніи, — въ Союзѣ рабочихъ, кажется, — и тамъ вы безъ всякаго состраданія отдѣляли Гладстона. Хороши вы, нечего сказать! Неужели это дѣйствительно правда? Нѣтъ, вы скажите, скажите!

Фру Стенерсенъ произнесла это, весело улыбаясь и шутя; она погрозила даже пальцемъ и еще разъ потребовала, чтобы онъ сказалъ, правда ли это.

Нагель смутился и отвѣтилъ:

— Это какое-нибудь недоразумѣніе.

— Я не скажу, что вы его отдѣляли, — замѣтилъ Эйенъ: — но вы сильно оппонировали. Я помню даже, что вы назвали Гладстона ханжой.

— Ханжой! Гладстонъ ханжа!— кричалъ докторъ.— Да ужъ не были ли вы пьяны, голубчикъ?

Нагель улыбнулся.

— Нѣтъ, могу васъ увѣрить, что я не былъ пьянъ. А впрочемъ, можетъ-быть, и былъ пьянъ, право, не знаю. Судя по всему, такъ это и было.

— Ей-Богу, это было именно такъ! — сказала докторъ съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ.

Нагель не хотѣлъ вдаваться въ объясненія и ничего больше не сказалъ. Тогда Дагни Кьелландъ попросила фру Стенерсенъ вызвать его на разговоръ.

— Заставь его рассказать, что онъ говорилъ, его такъ велело слушать.

— Да, такъ что же вы, собственно, этимъ хотѣли сказать? — спросила фру Стенерсенъ. — Разъ вы оппонировали, то вы преслѣдовали какую-нибудь опредѣленную цѣль. Такъ скажите же намъ, въ чемъ дѣло! Кромѣ того, вы доставите намъ этимъ большое удовольствіе; вѣдь если вы всѣ начнете играть въ карты, то намъ будетъ очень скучно.

— Если я этимъ могу доставить удовольствіе обществу, то это другое дѣло, — отвѣтилъ Нагель.

Намекалъ онъ этими словами на ту роль, которую онъ игралъ въ обществѣ? Его губы искривила маленькая усмѣшка.

Онъ началъ съ того, что забылъ о томъ случаѣ, про который упоминалъ господинъ Эйенъ.

— Видѣлъ ли или слышалъ ли кто-нибудь изъ васъ Гладстона? Когда видишь его передъ собой на каедрѣ, то безусловно получаешь одно опредѣленное впечатлѣніе: сознаешь, что передъ тобой стоитъ человѣкъ безупречный, высоко справедливый. Можно подумать, что весь онъ до мозга костей проникнуть добродѣтелю. Нельзя себѣ представить, чтобы такой человѣкъ могъ хоть въ чемъ-нибудь согрѣшить передъ Господомъ. И онъ до такой степени весь проникнуть этой идеей, что предполагаетъ то же самое и въ своихъ слушателяхъ, онъ думаетъ, что они также до мозга костей проникнуты добродѣтелю...

— Но вѣдь это прекрасная черта въ немъ! Развѣ это не свидѣтельствуетъ о его справедливости и гуманномъ образѣ мыслей? — прервалъ докторъ. — Никогда я не слышалъ ничего болѣе страннаго.

— Но я и хотѣлъ сказать именно это; я привелъ это только для его характеристики, какъ прекрасную черту его личности, хе-хе-хе! Кстати я расскажу вамъ одинъ случай, о которомъ я какъ разъ вспомнилъ. А впрочемъ, можетъ-быть, лишнее

разсказывать все, а достаточно только упомянуть имя Кэри. Не знаю, помнятъ ли всѣ присутствующіе, какъ Гладстонъ, будучи министромъ, принималъ допросы предателя Кэри? Между прочимъ, онъ помогъ ему впоследствии бѣжать въ Африку, чтобы спасти его отъ мести феніевъ. А впрочемъ, дѣло совершенно не въ этомъ, это другая исторія; въ сущности, я не придаю значенія такимъ мелочамъ, какъ нѣкоторые поступки, къ которымъ время отъ времени принуждены прибѣгать министры. Но вернемся къ тому, о чемъ мы говорили. Фактъ тотъ, что Гладстонъ дѣйствительно искрененъ до мозга костей. Хотѣлъ бы я, чтобы вы стояли и смотрѣли на Гладстона въ то время, какъ онъ говоритъ, тогда мнѣ оставалось бы только обратить ваше вниманіе на выраженіе его лица во время его рѣчи. Онъ такъ непоколебимо убѣжденъ въ доброкачественности товара, который преподноситъ публикѣ, что это сквозитъ въ его взглядѣ, голосѣ, его манерахъ и жестахъ. Рѣчь его проста и удобопонятна; она течетъ медленно и безконечно. О, она нескончаема, его фонтанъ краснорѣчія неистощимъ! Если бы вы видѣли, какъ онъ разсыпаетъ свои замѣчанія по всей аудиторіи,—пару словъ торговцу желѣзомъ, пару словъ скорняку,—и онъ до такой степени хорошо знаетъ то, о чемъ говорить, что кажется, будто онъ самъ оцѣниваетъ свои слова по крошкѣ за штуку. Да, это необыкновенно забавное зрѣлище! Гладстонъ—это рыцарь неоспоримаго права, и во имя этого онъ только и выступаетъ. Ему никогда и въ голову не придетъ отнестись свисходительно къ какому-нибудь заблужденію. Я хочу сказать: если онъ сознаетъ, что право на его сторонѣ, то онъ беспощаденъ и широко пользуется имъ, онъ вертитъ имъ передъ самыми глазами своихъ слушателей и пускается на все, чтобы пристыдить своихъ противниковъ. Его мораль самая здоровая и самая дѣйствительная, онъ работаетъ на пользу христіанства, гуманности и цивилизаціи. Если бы кто-нибудь предложилъ ему столько-то и столько тысячъ фунтовъ за то, чтобы онъ спасъ невинно осужденную женщину отъ смертной казни, то онъ спасъ бы женщину, съ презрѣніемъ отвергъ бы деньги и въ придачу не поставилъ бы себѣ въ особую заслугу этотъ поступокъ! Отнюдь нѣтъ; онъ не поставилъ бы себѣ это въ заслугу,—вотъ какой это человекъ! Это неутомимый борецъ, который постоянно стремится творить добро на нашей грѣшной землѣ, который не жалѣетъ себя самого, ради права, истины и Бога. И какихъ только побѣдъ онъ ни одерживаетъ! Дважды-два—четыре, истина побѣдила, слава Господу!.. А впрочемъ, Гладстонъ забираетъ выше, нежели дважды-два—четыре; разъ мнѣ пришлось слышать его

въ дебатахъ по бюджетному вопросу, и онъ доказывалъ тогда, что семнадцать разъ двадцать три составляетъ триста девяносто одинъ, и онъ одержалъ блестящую побѣду, огромную побѣду, онъ снова былъ правъ, и правда свѣтилась въ его глазахъ, дрожала въ его голосѣ и дѣлала его великимъ. Но тутъ я невольно всталъ и посмотрѣлъ на этого человѣка. Я прекрасно сознавалъ, что весь онъ до мозга костей проникнутъ истиной, и все-таки я всталъ. Я стою и раздумываю надъ его произведеніемъ въ триста девяносто одинъ, и сознаю, что это совершенно вѣрно, но все-таки раздумываю и говорю наконецъ самому себѣ: «Нѣтъ, стой! Семнадцать разъ двадцать три составляетъ триста девяносто семь!» И при этомъ я отлично сознаю, что это «девяносто одинъ»,—но я все-таки говорю противъ всякой очевидности: «девяносто семь»,—только ради того, чтобы противорѣчить этому человѣку, этому профессионалу права. Я не въ силахъ заставить замолчать въ себѣ внутренней голосъ, который громко взываетъ: «Возстань, возстань противъ этой азбучной правоты!»—И я встаю и говорю «девяносто семь» только изъ-за неудержимой потребности сохранить въ своемъ сознаниіи неприкосновеннымъ понятіе о правѣ, не позволить оношлить его, не позволить этому человѣку принизить его до земли,—этому человѣку, который такъ неоспоримо стоитъ на сторонѣ права...

— Клянусь, никогда не слыхивалъ я ничего болѣе абсурднаго!—воскликнулъ докторъ.—Васъ возмущаетъ, что Гладстонъ всегда правъ?

Нагель улыбнулся, — являлась ли эта улыбка выраженіемъ его добросердечія, или она была аффектирована—трудно сказать. Онъ продолжалъ:

— Это не возмущаетъ меня и не деморализируетъ также. Къ тому же я вовсе не рассчитываю на то, что меня поймутъ здѣсь, но это все равно. Гладстонъ—это странствующій герольдъ права и справедливости. Голова его биткомъ набита общепризнанными истинами. Что дважды-два — четыре, это для него величайшая истина въ мірѣ. И развѣ мы будемъ оспаривать, что дважды два—четыре? Конечно, нѣтъ. И все это я говорю только для того, чтобы доказать, что Гладстонъ дѣйствительно всегда правъ. Въ концѣ концовъ все зависитъ отъ того, до какой степени мы проникнуты сознаниемъ истины и насколько въ насъ притуплена способность воспринимать истину, — я хочу сказать, способны ли мы еще поражаться подобными истинами. Вотъ въ чемъ дѣло... Ну, настолько-то Гладстонъ правъ, и онъ настолько искренно усѣрденъ, что ему никогда въ голову не придетъ добровольно перестать благо-

дѣлать родъ человѣческой. Онъ вѣчно хлопочеть, онъ вездѣсущъ. Онъ поражаетъ свѣтъ своей премудростью, которую проповѣдуетъ въ Бирмингамѣ, Глазговѣ. Онъ приводитъ къ однимъ и тѣмъ же политическимъ взглядамъ пробочнаго фабриканта и адвоката, мужественно борется за свои убѣжденія и до послѣдней степени напрягаетъ свои старыя, надежныя легкія, чтобы только ни одно изъ его драгоценныхъ словъ не пропало даромъ для его слушателей. А послѣ того, какъ представленіе окончено, народъ выразилъ Гладстону свой восторгъ, и онъ раскланялся, онъ отправляется къ себѣ домой, ложится спать, набожно складываетъ свои руки, читаетъ молитву и засыпаетъ, не чувствуя ни малѣйшаго сомнѣнія въ своей душѣ и ни малѣйшаго стыда за то, что онъ наполнилъ Бирмингамъ и Глазговъ — чѣмъ? Онъ сознаетъ только одно: что онъ совершилъ свой долгъ передъ человѣчествомъ и чистъ передъ своей совѣстью, и онъ засыпаетъ сномъ праведнаго. Ни за что не возьметъ онъ на свою душу грѣха и не скажетъ самому себѣ: «сегодня ты выполнилъ свое дѣло не совсѣмъ-то хорошо, ты надоѣлъ двумъ ткачамъ на передней скамьѣ, одинъ изъ нихъ даже заснулъ». Нѣтъ, этого онъ не скажетъ самому себѣ, потому что онъ вовсе не увѣренъ въ томъ, что это вѣрно. А лгать онъ не хочетъ, ибо это великій грѣхъ, а Гладстонъ грѣшить не желаетъ. Онъ скажетъ себѣ: «мнѣ кажется, будто одинъ человѣкъ зѣвнулъ,—странно, мнѣ показалось, будто онъ дѣйствительно зѣвнулъ; но я, конечно, ошибся, не можетъ быть, чтобы этотъ человѣкъ зѣвалъ». Хе-хе-хе... Право, не помню, говорилъ ли я въ этомъ родѣ въ Христіаніи; но это все равно. Во всякомъ случаѣ, я долженъ сознаться, что Гладстонъ, какъ умственная величина, никогда не производилъ на меня особенно сильнаго впечатлѣнія.

— Ахъ, бѣдный Гладстонъ!—замѣтилъ повѣренный Рейнертъ.

На это Нагель ничего не отвѣтилъ.

— Нѣтъ, въ Христіаніи вы говорили не объ этомъ,—сказалъ Эйенъ. — Вы напали на Гладстона за его отношеніе къ ирландцамъ и Парнеллю, и вы тогда дѣйствительно сказали, между прочимъ, что онъ, какъ умственная величина, не представляетъ собою ничего особеннаго. Помню хорошо, что вы это сказали. Это крупная и полезная сила, сказали вы, но по своему свойству весьма обыкновенная,—онъ не что иное, какъ громадный мизинецъ Биконсфилда.

— Помню, помню; меня тогда лишили слова, хе-хе-хе. Хорошо, я согласенъ подписаться и подъ этимъ,—почему бы и нѣтъ? Это не хуже всего остального. Но будьте ко мнѣ снисходительны!

Тутъ докторъ Стенерсенъ спросилъ:

— Скажите, пожалуйста: вы правый?

Нагель въ изумленіи вытаращилъ на него глаза; потомъ онъ разразился смѣхомъ и отвѣтилъ:

— Ну, а что вы сами думаете относительно этого?

Въ эту минуту раздался звонокъ въ конторѣ доктора. Его жена вскочила съ мѣста; ну, конечно, такъ и есть, теперь доктору придется уйти. Но пусть никто изъ гостей и не думаетъ уходить; во всякомъ случаѣ раньше двѣнадцати она никого не отпуститъ. Фрѣкенъ Андресенъ должна сейчасъ же снова сѣсть; Анна подастъ кипятку, побольше кипятку. Вѣдь всего только десять часовъ!

— Господинъ повѣренный, вѣдь вы ничего не пьете.

Нѣтъ, повѣренный не отставалъ отъ другихъ.

— Итакъ, пусть никто и не думаетъ уходить, всѣ должны остаться здѣсь. Дагни, почему ты такъ притихла?

Нѣтъ, Дагни совсѣмъ такая же, какъ и всегда.

Докторъ вернулся изъ своей конторы. Гости должны его извинить: опасный случай, кровотеченіе. Но это не такъ далеко, черезъ два-три часа онъ возвратится и падѣется еще застать здѣсь всѣхъ. До свиданья! Прощай, Гетта!

И докторъ быстро ушелъ. Минуту спустя онъ показался на улицѣ вмѣстѣ съ другимъ человѣкомъ, они почти бѣжали по направленію къ пристани, такъ они торопились.

Жена доктора сказала:

— Ну, а теперь займемся чѣмъ-нибудь... Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ бываетъ иногда неприятно оставаться здѣсь одной, когда мужъ уѣзжаетъ. Особенно тяжело въ зимнія ночи, когда я теряю даже увѣренность въ томъ, что онъ вернется.

— А у васъ нѣтъ дѣтей какъ я вижу,—замѣтилъ Нагель.

— Нѣтъ, у насъ нѣтъ дѣтей... Да, что же дѣлать, теперь я даже начинаю привыкать къ этимъ безконечнымъ ночамъ; но вначалѣ это было невыносимо. Вы себѣ представить не можете, какой меня охватывалъ ужасъ... тьма, страхъ за мужа... да, къ сожалѣнію, я должна признаться, что боюсь также и темноты,—и вотъ иногда я выходила изъ своей комнаты и ложилась у служанки... Однако, Дагни, теперь твой чередъ рассказать что-нибудь. О чемъ ты тамъ мечтаешь? Ну, конечно, о женихѣ.

Дагни покраснѣла, засмѣялась отъ смущенія и отвѣтила:

— Само собою разумѣется, я думаю о немъ. Это такъ понятно. Но ты лучше спросила бы, о чемъ думаетъ повѣренный Рейнертъ. Онъ не промолвилъ ни единого слова за весь вечеръ.

Повѣренный сталъ протестовать; онъ все время разговаривалъ съ фрѣкенъ Ольсенъ и фрѣкенъ Андресенъ, онъ, такъ сказать, проявляя весьма значительную дѣятельность подь шумокъ, онъ былъ само вниманіе все время, съ интересомъ слушалъ, какъ развивали свои политическіе взгляды другіе, однимъ словомъ...

— Надо вамъ сказать, что женихъ фрѣкенъ Кьелландъ снова отправился въ плаваніе, — сказала фру Стенерсенъ, обращаясь къ Нагелю. — Онъ морской офицеръ и совершаетъ плаваніе въ Мальту, — не правда ли, въ Мальту?

— Да, въ Мальту, — отвѣтила Дагни.

— Какъ быстро такіе люди обручаются! Они пріѣзжаютъ на три недѣли въ отпускъ къ родителямъ. И вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ... Да, ужъ эти господа лейтенанты!

— Да, это бравый народъ! — замѣтилъ Нагель. — По большей части это красивые, загорѣлые молодцы съ открытыми лицами и веселымъ нравомъ. Да и форма у нихъ необыкновенно красивая, и они умѣютъ носить ее. Да, я всегда восхищался морскими офицерами.

Вдругъ фрѣкенъ Кьелландъ поворачивается къ Эйену и спрашиваетъ его съ улыбкой:

— Да, это господинъ Нагель говоритъ теперь. Ну, а что говорилъ онъ въ Христіаніи?

Всѣ начали смѣяться; адвокатъ Хансенъ, который былъ навеселѣ, крикнулъ:

— Да, да, что говорилъ онъ въ Христіаніи, въ Христіаніи? Что господинъ Нагель говорилъ тамъ? Ха-ха-ха-ха! Господи Боже ты мой! За ваше здоровье!

Нагель чокнулся съ нимъ и выпилъ. Нѣтъ, онъ дѣйствительно всегда восхищался морскими офицерами. Онъ скажетъ даже больше: если бы онъ былъ молодой дѣвушкой, то онъ вышелъ бы замужъ только за морского офицера или остался бы въ дѣвщахъ.

Надъ этимъ опять начали смѣяться; адвокатъ, вѣ себя отъ восторга, чокался со всѣми стаканами, стоявшими на столѣ, и пилъ. Но тутъ Дагни вдругъ сказала:

— Говорятъ, будто всѣ лейтенанты очень мало развиты. Такъ вы этому не вѣрите?

Вздоръ. А кромѣ того, если бы даже это и было такъ, то, будь онъ дѣвушкой, онъ предпочелъ бы красиваго мужчину умному. Безусловно! И особенно, если бы онъ былъ *молодой* дѣвушкой. Ну, на что намъ мозгъ безъ тѣла? На это, конечно, можно было бы возразить: на что намъ тѣло безъ мозга? Да, чортъ возьми, но это не одно и то же. Родители Шек-

спира не умѣли даже читать. Ну, по правдѣ сказать, и самъ Шекспиръ не очень-то хорошо умѣлъ читать; и тѣмъ не менѣе это не помѣшало ему сдѣлаться исторической личностью. Какъ бы то ни было, а молодой дѣвушкѣ скорѣе надоѣсть ученый и некрасивый мужчина, нежели красивый и глупый. Нѣтъ, будь онъ молодой дѣвушкой и имѣй онъ возможность свободно выбирать, онъ несомнѣнно остановилъ бы свой выборъ прежде всего на красивомъ мужчинѣ. А что касается до мнѣній такого мужчины относительно норвежской политики, философин Ницше и тріединства Бога, то это ничуть не интересовало бы его.

— Вотъ посмотрите, это женихъ фрѣкенъ Кьелландъ,—сказала фру Стенерсенъ, подходя къ Нагелю съ альбомомъ.

Дагни вскочила. У нея вырвалось:

— Ахъ, нѣтъ! — Но немного спустя она снова сѣла. — По это очень неудачная фотографія, — прибавила она вслѣдъ затѣмъ:—онъ гораздо лучше въ дѣйствительности.

Нагель увидалъ фотографію красиваго молодого человѣка съ круглой бородой. Онъ сидѣлъ въ непринужденной и красивой позѣ у стола, держа руку на эфесѣ сабли. Его нѣсколько рѣдкіе волосы были раздѣлены посерединѣ проборомъ; по внѣшности онъ немного походилъ на англичанина.

— Да, это правда, въ дѣйствительности онъ гораздо красивѣе, — подтвердила фру Стенерсенъ. — Когда-то, молодой дѣвушкой, я также была влюблена въ него нѣкоторое время... Но взгляните на карточку рядомъ. Это молодой теологъ, который недавно умеръ, Карльсенъ, его звали Карльсенъ. Онъ умеръ недѣли двѣ назадъ. Это такъ глубоко насъ всѣхъ огорчило. Что вы говорите? Ну да, его-то мы и хоронили трѣтьяго-дня.

На фотографіи былъ изображенъ молодой человѣкъ болѣзненнаго вида, съ впалыми щеками и плотно сжатыми губами, такими узкими, что ротъ его представлялъ собой одну лишь черту. Глаза у него были большіе, темные, а лобъ былъ необыкновенно высокій и ясный; но грудь у молодого человѣка была впалая, и плечи не шире, чѣмъ у женщины.

Это былъ Карльсенъ. Такъ вотъ каковъ онъ. Нагель подумалъ про себя, что къ этому лицу подходятъ теологія и прозрачныя руки съ синими жилами. Онъ только-что хотѣлъ замѣтить, что это лицо носить на себѣ печать чего-то рокового, но въ это мгновеніе замѣтилъ, что повѣренный Рейнертъ придвинулъ свой стулъ къ Дагни и началъ съ ней бесѣдовать. Онъ сталъ перелистывать альбомъ и промолчалъ, чтобы не мѣшать имъ.

— Такъ какъ вы обвиняли меня въ томъ, что я молчу весь вечеръ, — сказалъ повѣренный:— то вы разрешите мнѣ, можетъ-быть, рассказать вамъ одно происшествіе изъ послѣдняго посѣщенія императора, истинное происшествіе, о которомъ я только-что вспомнилъ...

Дагни прервала его и сказала тихо:

— Чтò вы тамъ дулись весь вечеръ въ углу? Лучше отвѣтите мнѣ на это. Я просто хотѣла обратить ваше вниманіе на ваше поведеніе, замѣтивъ, что вы весь вечеръ молчите. Я видѣла, что вы сидѣли и злились все время. Съ вашей стороны очень нехорошо передразнивать всѣхъ и насмѣхаться надъ всѣмъ. Это правда, что онъ страшно важничаетъ со своимъ желѣзнымъ кольцомъ на мизинцѣ; онъ то и дѣло смотреть на него и чистить его. А впрочемъ, можетъ-быть, онъ дѣлаетъ это въ задумчивости. Во всякомъ случаѣ онъ не такъ ужъ ломался, какъ вы это представляете. Ну, да подѣломъ ему, онъ этого заслуживаетъ. Но ты, Гудрунь, ужъ слишкомъ открыто смѣялась надъ нимъ. Я увѣрена, что онъ замѣтилъ это.

Гудрунь подошла къ Дагни, стала защищаться и увѣряла, что во всемъ виноватъ повѣренный, который былъ такъ умерителенъ, что не было никакой возможности удержаться отъ смѣха. Чего стоила одна только интонація, съ которой онъ произносилъ слова: величіе Гладстона никогда не импонировало мнѣ—*миль!*

— Шш! Ты опять такъ громко говоришь, Гудрунь. Онъ услышалъ тебя, да, да, онъ даже обернулся. Но, послушай, обрати вниманіе на то, что когда его прерывали, то онъ вовсе не сердился,—не правда ли? Онъ казался даже нѣсколько печальнымъ. Представь себѣ, меня даже немного мучить совѣсть за то, что мы сидимъ здѣсь и сплетничаемъ на его счетъ. Ахъ, да, расскажите же ваше происшествіе, случившееся во время послѣдняго посѣщенія императора.

Повѣренный началъ рассказывать. Такъ какъ въ его рассказѣ не было ничего такого, чего не могли бы слушать всѣ (это была совершенно невинная исторія объ одной женщинѣ съ букетомъ цвѣтовъ), то онъ говорилъ все громче и громче, такъ что подъ конецъ все общество стало слушать его. Онъ рассказывалъ очень обстоятельно, со всѣми подробностями, и его рассказъ продолжался нѣсколько минутъ. Когда онъ кончилъ, то фрѣкенъ Андресенъ сказала:

— Господинъ Нагель, помните вы вашъ рассказъ о пѣвческомъ хорѣ на Средиземномъ морѣ?..

Нагель захолопнулъ альбомъ, оглянулся кругомъ, и на лицѣ

его появилось какое-то испуганное выраженіе. Былъ онъ искрененъ, или это была комедія съ его стороны? Онъ отвѣтилъ тихо, что, можетъ-быть, онъ и ошибся въ нѣкоторыхъ мелочахъ, но во всякомъ случаѣ это произошло неважнѣнно, и свой рассказъ онъ не сочинилъ, это было дѣйствительное происшествіе.

— Ахъ, что вы, я вовсе не хотѣла сказать, что вы выдумали это,—отвѣтила она съ улыбкой.—Но вы помните, что вы отвѣтили, когда я замѣтила, что вашъ рассказъ прекрасенъ? Вы сказали, что только однажды слышали нѣчто еще болѣе прекрасное, и это было во снѣ.

— Да, я помню это,—отвѣтилъ Нагель, кивая головой.

— Такъ расскажите намъ также и этотъ сонъ! Пожалуйста! Вы такъ удивительно рассказываете. Мы всѣ просимъ васъ.

Но онъ упорно отказался рассказывать. Онъ очень извинялся, сказалъ, что это сущіе пустяки, сонъ безъ начала и конца, мимолетное видѣніе во снѣ. Нѣтъ, этого нельзя даже передать словами; вѣдь всѣ знаютъ эти скоропреходящія ощущенія,—они пронизываютъ, какъ яркій лучъ, и затѣмъ исчезаютъ почти безслѣдно. Всякій долженъ понять, насколько глупъ былъ этотъ сонъ, разъ онъ происходилъ въ бѣломъ лѣсу изъ чистаго серебра...

— Ну, ну, въ лѣсу изъ серебра... А дальше что?

— Нѣтъ.—И онъ покачалъ головой.

Онъ съ такой радостью готовъ былъ бы сдѣлать все для нея, пусть она сама испытаетъ его. Но этого сна онъ не можетъ рассказать, пусть она вѣритъ ему.

— Хорошо; но въ такомъ случаѣ расскажите что-нибудь другое. Мы всѣ просимъ васъ.

Нѣтъ, сегодня онъ совершенно нерасположенъ къ этому. Простите.

Послѣ этого они обмѣнялись нѣсколькими незначительными словами, какими-то ребяческими вопросами и отвѣтами, сущимъ вздоромъ. Дагни спросила:

— Вы сказали, что готовы сдѣлать все, что угодно, для фрекенъ Андресенъ. Но что же вы могли бы, напимѣръ, сдѣлать для нея?

Эта выдумка вызвала у всѣхъ смѣхъ, и Дагни также засмѣялась. Подумавъ немного, Нагель отвѣтилъ:

— Для васъ я могъ бы сдѣлать что-нибудь очень скверное.

— Что-нибудь очень скверное? Ну, посмотримъ, что же именно? Напимѣръ, совершить убійство?

— О, да, я могъ бы убить эскимоса и содрать съ него кожу, чтобы сдѣлать изъ нея бюваръ для васъ.

— Вотъ какъ! Ну, а для фрѣкенъ Андресенъ, что могли бы вы сдѣлать для нея? Что-нибудь невѣроятно прекрасное?

— Да, пожалуй, а впрочемъ, не знаю. Кстати, эту исторію съ эскимосомъ я гдѣ-то читалъ. Пожалуйста, не думайте, что это я самъ сочинилъ.

Пауза.

— Вы всѣ удивительно милые люди, — сказала Нагель, прерывая молчаніе.—Вы хотите, чтобы именно я отличался все время передъ другими и болталъ. И все это только потому, что я здѣсь чужой.

Адьюнктъ украдкой посмотрѣлъ на часы.

— Предупреждаю васъ, — сказала хозяйка дома:—что вы не уйдете до тѣхъ поръ, пока не возвратится мой мужъ. Это строго воспрещается. Можете дѣлать все, что вамъ угодно, но уходить нельзя.

Подали кофе, и общество тотчасъ же оживилось. Адвокатъ, который все время сидѣлъ съ молодымъ студентомъ и спорилъ съ нимъ о чемъ-то, вдругъ вскочилъ съ мѣста съ легкостью перышка, несмотря на свою тучность, и въ восхищеніи захопалъ въ ладоши. Студентъ, потирая руки, подошелъ къ роялю и взялъ нѣсколько аккордовъ.

— Ахъ, да, — воскликнула хозяйка дома: — какъ это мы могли забыть, что вы играете! Но теперь сидите и играйте! Ну, слава Богу!

Студентъ не имѣлъ ничего противъ того, чтобы поиграть на роялѣ. Однако репертуаръ его былъ невеликъ, но если общество ничего не имѣетъ противъ Шопена или, можетъ-быть, вальса Ланнера...

Нагель усердно аплодировалъ музыкѣ и сказалъ Дагни:

— Не правда ли, когда слушаешь такую музыку, то хочется сидѣть въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея, гдѣ-нибудь въ сосѣдней комнатѣ, держа въ рукѣ руку любимаго человека, и сидѣть тихо, не произнося ни слова! Право, не знаю, но мнѣ всегда казалось, что это должно быть уповательно.

Она пристально посмотрѣла на него. Что онъ — шутить? Но въ выраженіи лица его нельзя было подмѣтить ни малѣйшей ироніи. А потому она впала въ тотъ же банальный тонъ:

— Да. Но при этомъ не должно быть яркаго свѣта, не правда ли? И кресла должны были бы быть низкія и мягкія. А на дворѣ долженъ итти дождь, должно быть темно и ненастно.

Дагни была такъ необыкновенно хороша въ этотъ вечеръ. Эти темные глаза на свѣтломъ лицѣ производили сильное впечатлѣніе. Хотя зубы ея не отличались бѣлизной, но она была

очень смѣшлива и смѣялась надъ всякими пустяками; а такъ какъ губы у нея были полныя и алыя, то ея улыбка тотчасъ же привлекала взоръ. Но самое замѣчательное было, можетъ-быть, то, что каждый разъ, когда она начинала говорить, къ ея щекамъ приливалъ нѣжный румянецъ, который потомъ сейчасъ же исчезалъ.

— Нѣтъ, каково! Вѣдь адъюнктъ все-таки исчезъ! — воскликнула жена доктора. — Ну, конечно, конечно! На этого человѣка невозможно положиться, онъ всегда вѣренъ себѣ. Надѣюсь, что по крайней мѣрѣ вы, господинъ Рейнертъ, попроситесь со мной, прежде чѣмъ уйти?

Адъюнктъ ушелъ черезъ кухню, онъ улизнулъ подъ шумокъ, по своему обыкновенію, сраженный винными парами, блѣдный и истомленный бессонницей, и больше уже не возвращался. При этомъ извѣстнн выраженіе лица Нагеля вдругъ измѣнилось. Въ головѣ у него сейчасъ же промелькнула мысль, что онъ можетъ попытаться предложить Дагни проводить ее домой черезъ лѣсъ вмѣсто адъюнкта. И онъ, не откладывая своего намѣренія, тотчасъ же попросилъ ее объ этомъ, онъ умолялъ ее и глазами, и всей своей позой, и склоненной головой, и подъ конецъ прибавилъ:

— И я буду вести себя очень, очень хорошо!

Она засмѣялась и отвѣтила:

— Ну, и прекрасно, благодарю васъ, разъ вы мнѣ обѣщаете это, я ничего не имѣю противъ вашего желанія.

Теперь ему оставалось только дожидаться возвращенія доктора, и тогда онъ могъ уйти. Въ ожиданіи этой прогулки по лѣсу онъ сталъ еще оживленнѣе, чѣмъ раньше, сталъ болтать обо всемъ, заставилъ всѣхъ смѣяться и вообще былъ необыкновенно любезенъ. Онъ былъ въ такомъ восторгѣ, такъ преисполненъ счастья, что обѣщаль прійти осмотрѣть садъ фру Стенерсенъ и, въ качествѣ специалиста въ нѣкоторомъ родѣ, изслѣдовать также и почву въ нижней его части, гдѣ чахли кусты красной смородины. Она можетъ успокоиться, онъ справится съ травяными вшами, если бы ему даже пришлось заклинять ихъ и заговаривать!

Умѣетъ ли онъ колдовать?

Да, онъ кое-какъ знаетъ все понемножку. Вотъ, на примѣръ, онъ носитъ кольцо, самое невзрачное желѣзное кольцо, но зато это кольцо обладаетъ чудодѣйственной силой. Ну, кто повѣритъ этому, глядя на него? Но если бы ему случилось потерять это кольцо въ десять часовъ вечера, то онъ долженъ былъ бы во что бы то ни стало снова отыскать его до полуночи, иначе съ нимъ могло бы случиться большое несчастье.

Это кольцо онъ получилъ отъ одного очень стараго грека, пирейскаго купца. Дѣло въ томъ, что онъ оказалъ этому чело-вѣку услугу и далъ ему за кольцо тюкъ табаку.

Вѣрять ли онъ въ чудодѣйственную силу кольца?

Да, немного. Въ самомъ дѣлѣ! Оно даже вылѣчило его однажды.

Со стороны моря послышался лай собаки. Хозяйка дома посмотрѣла на часы, — да, это докторъ, она узнала лай со-баки. Ахъ, какъ это хорошо! Еще только полночь, а онъ уже воз-вратился домой! Она позвонила и приказала подать еще кофе.

— Вотъ какъ, такъ вы обладаете такимъ замѣчательнымъ кольцомъ, господинъ Нагель? И вы дѣйствительно такъ твердо вѣрите въ его чудодѣйственную силу?

Да, болѣе или менѣе. Впрочемъ, надо сказать, что у него есть основаніе не совсѣмъ сомнѣваться въ его силѣ. Въ сущности, не все ли равно, во что вѣрить, лишь бы было внутреннее убѣжденіе. Кольцо излѣчило его отъ нервозности, сдѣлало его сильнымъ и здоровымъ.

Фру Стенерсенъ засмѣялась надъ его словами, но потомъ она начала горячо возражать ему. Нѣтъ, она терпѣть не можетъ такой вздорной болтовни, — извините, она называетъ это именно вздорной болтовней, — и она увѣрена въ томъ, что господинъ Нагель самъ не вѣритъ въ свои слова. Когда приходится слышать подобный вздоръ отъ образованныхъ людей, то чего же ожидать отъ простаго народа? Такимъ образомъ можно дойти Богъ знаетъ до чего! Тогда оказалось бы, что доктора не нужны больше, и имъ пришлось бы убираться на всѣ четыре стороны.

Нагель сталъ защищаться. Въ сущности, все сводится къ одному и тому же, — къ волѣ, вѣрѣ и настроенію больного. Но докторамъ вовсе не надо убираться на всѣ четыре стороны, у нихъ всегда останутся свои приверженцы, вѣрящіе въ нихъ, у нихъ останутся образованные люди, а образованные люди лѣчатся лѣкарствами, тогда какъ люди суевѣрные, простые, лѣчатся желѣзными кольцами, жжеными человѣческими костями и могильной землей. Развѣ не было примѣровъ тому, что больные вылѣчивались, выпивъ чистой воды, если только имъ была внушена увѣренность, что они принимаютъ самыя изысканныя цѣлебныя средства. А не подтверждаютъ ли этого также и опыты съ морфинистами? Передъ такими очевидными фактами вполне естественно, что не-специалисты безъ всякаго стѣсненія объявляютъ себя независимыми въ смыслѣ вѣры въ медицинскую науку. А впрочемъ, онъ вовсе не хочетъ произвести такое впечатлѣніе, будто смыслить что-ни-

будь во всемъ этомъ, онъ не специалистъ и не имѣеть ни малѣйшаго понятія о медицинѣ. Но, главное, въ настоящую минуту у него такъ хорошо на душѣ, что онъ никоимъ образомъ не хочетъ портить настроеніе и другимъ. Хозяйка должна простить его, всѣ должны простить его.

Каждую минуту онъ смотрѣлъ на часы и сталъ уже застывать свой сюртукъ.

Среди этого разговора появился докторъ. Онъ былъ очень нервнъ и подавленъ, съ дѣланной живостью поздоровался съ гостями и поблагодарилъ ихъ за то, что они еще не ушли. Ну, что касается до адъюнкта, то съ него взятки гладки, да и Богъ съ нимъ! Но зато, за исключеніемъ его, все общество было въ полномъ сборѣ. Да, да, тяжело жить на этомъ свѣтѣ!

И вотъ онъ началъ, по своему обыкновенію, рассказывать о поѣздкѣ къ больному. Его недовольный видъ объяснялся тѣмъ, что его пациенты превзошли всѣ его ожиданія. Они вели себя какъ идиоты, какъ ослы, онъ готовъ былъ всѣхъ ихъ посадить въ тюрьму. Нѣтъ, но какова семейка, въ которой онъ только-что побывалъ! Хозяйка больна, отецъ хозяйки боленъ, сынъ хозяйки боленъ! И при этомъ вонь, вонь во всемъ домѣ! Но остальные члены семьи здоровы, у всѣхъ румянецъ на щекахъ, а маленькія дѣти такъ и пынутъ здоровьемъ. Это прямо непопратно, невѣроятно! Нѣтъ, для него это непостижимо. Тутъ лежитъ старикъ, отецъ хозяйки, вотъ съ такой громадной раной. Когда онъ получилъ эту рану, тотчасъ же послали за ворожеей, которая дѣйствительно остановила кровь. Но, спрашивается, чѣмъ она остановила кровь? Это возмутительно, преступно! Нельзя передать словами, какое зловоніе распространялось тамъ, — можно было прямо задохнуться! И, конечно, послѣдствіемъ такого варварства при первомъ удобномъ случаѣ является гангрена! Да, если бы онъ не явился сегодня во-время, то Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это кончилось. Нѣтъ, необходимы болѣе строгіе законы противъ знахарства, — надо наконецъ обуздать этотъ народъ!.. Ну, какъ бы тамъ ни было, но кровь была остановлена. Но тутъ является сынъ, взрослый сынъ, долговязый верзила съ болячками на лицѣ. Я ему уже раньше самымъ опредѣленнымъ образомъ сказалъ: «вотъ эту желтую мазь надо употреблять въ теченіе одного — одного часа въ сутки, а бѣлую мазь, цинковую, все остальное время». Но что онъ дѣлаетъ? Онъ, конечно, перепутываетъ мази, употребляетъ бѣлую въ продолженіе одного часа въ сутки, а желтую, которая жжетъ и щиплетъ, какъ чортъ знаетъ что, употребляетъ все остальное время дня и ночи. И этотъ адъ онъ выдерживаетъ цѣлыхъ двѣ недѣли.

Но удивительнѣе всего то, что этотъ дуракъ все-таки выздоровѣлъ, несмотря на свою непроходимую глупость. Онъ выздоровѣлъ! Вѣдь это быкъ, волъ, который выздоравливаетъ несмотря ни на что! Онъ представился мнѣ сегодня со щоками и рожей, на которыхъ не осталось и слѣда его болѣзни. Этимъ людямъ везетъ. Вѣдь этотъ болванъ могъ изуродовать себѣ физиономію надолго, а онъ даже и не сморгнулъ... А тутъ еще мать этого молодца, хозяйка. Она больна, совершенно истощена, обезсилена, у нея головокруженіе, нервозность, отсутствіе аппетита, шумъ въ ушахъ. «Ванны!—говорю я:—ванны и обмыванія, и употреблять какъ можно больше воды, чортъ возьми! Сварите телянка и ѣшьте мясо, растворите окна и впустите въ комнату побольше свѣжаго воздуха, гуляйте побольше, а эту книгу, Иоганна Арендта, бросьте въ печку, и тому подобно. Но прежде всего ванны, растиранія и снова ванны, иначе все мое лѣченіе, всѣ мои лѣкарства будутъ ни къ чему». Ну, оказалось, что на телянка у нея не было средствъ, и весьма возможно, что это и было на самомъ дѣлѣ такъ; но ванну она беретъ,—она беретъ ванну и смываетъ съ себя немного грязи, но ее начинаетъ знобить, и она стучитъ зубами отъ этой чистоты, и затѣмъ прекращаетъ употребленіе воды. Оказывается, что она уже отвыкла отъ чистоты и не можетъ ее долше переносить! Чтѣ же дальше? Эта женщина раздобываетъ себѣ откуда-то цѣпочку, цѣпочку отъ ломоты, съ магнитнымъ крестомъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, и надѣваетъ это на себя! Я прошу показать мнѣ ее: цинковая пластинка, какаля-то тряпочка, два крючка, еще нѣсколько крючковъ поменьше — вотъ и все. «На кой чортъ, — говорю я: — вамъ эта дрянь?» Дѣло, видите ли, въ томъ, что отъ этого ей стало легче, боли уменьшились, голова также перестала болѣть, и все тѣло ея согрѣлось. Да, какъ вамъ это нравится? Эти крючки и пластинки помогли ей! Но чтѣ тутъ подѣлаешь? Я могъ бы съ такимъ же успѣхомъ поплевать на палочку и дать ей — и, увѣряю васъ, это принесло бы ей точъ въ точъ такую же пользу. Но попробуйте только сказать ей это! «Послушайте-ка, — говорю я ей: — выбросьте вонъ эту дрянь, иначе я ничего больше не буду для васъ дѣлать, я не подойду къ вамъ». Нѣтъ, какъ вы думаете, чтѣ она сдѣлала? Она оставляетъ на себѣ цинковую пластинку, а меня отпускаетъ на всѣ четыре стороны! Хи-хи-хи, отпускаетъ меня на всѣ четыре стороны! Господи Боже ты мой! Нѣтъ, не стѣдить быть врачомъ, надо быть знахаремъ!..

Докторъ въ сильномъ возбужденіи садится пить кофе. Его жена обмѣнивается взглядомъ съ Нагелемъ и говоритъ, смѣясь:

— Господинъ Нагель поступилъ бы точь въ точь, какъ эта женщина. Мы какъ разъ говорили объ этомъ передъ самымъ твоимъ приходомъ. Господинъ Нагель не вѣрнѣе въ твою науку.

— Вотъ какъ, въ самомъ дѣлѣ! — замѣчаетъ докторъ коротко. — Конечно, господину Нагелю предоставляется думать объ этомъ, какъ ему угодно.

Возмущенный, полный гнѣва и обиженный тѣмъ, что его ужасные пациенты не хотятъ слушаться его приказаній, докторъ молча пилъ свой кофе. Его еще больше раздражало, что всѣ сидѣли и смотрѣли на него.

— Займитесь же чѣмъ-нибудь, расшевелитесь, — сказалъ онъ.

Однако, напившись кофе, онъ нѣсколько оживился, поболталъ съ Дагни, посмѣялся надъ лодочникомъ, прѣхавшимъ за нимъ, чтобы отвезти его къ больному. Но потомъ онъ снова перешелъ на тѣ непріятности, которыя приходится переносить врачамъ, и опять пришелъ въ раздраженіе. Онъ никакъ не могъ забыть недоразумѣнія съ мазями: повсюду дикость, суевѣріе и ослиное тупоуміе. Вообще невѣжество въ народѣ прямо ужасающее.

— Однако человѣкъ этотъ все-таки выздоровѣлъ?

Докторъ готовъ былъ растерзать Дагни зубами за эти слова. Онъ выпрямился.

— Да, правда, человѣкъ этотъ выздоровѣлъ, — такъ что же изъ этого? Вѣдь это ничуть не мѣняетъ того, что тупоуміе и невѣжество въ народѣ доходятъ до ужасающихъ размѣровъ. Человѣкъ выздоровѣлъ, это правда; но что, если бы этотъ человѣкъ сжегъ себѣ всю рожу? Неужели же есть какой-нибудь смыслъ защищать его непроходимое тупоуміе?

Это унижительное столкновение съ деревенскимъ оболтусомъ, который поступалъ совершенно въ разрѣзъ съ его предписаніями и все-таки выздоровѣлъ, возмущало доктора больше всего другого и придавало его обыкновенно такимъ кроткимъ глазамъ свирѣпое выраженіе. Его одурачилъ деревенскій паренъ, благодаря какому-то слѣпому случаю, ему предпочли какую-то цинковую пластинку, и онъ не могъ этого забыть, пока не выпилъ вслѣдъ за кофе стаканъ крѣпкаго тодди. Тогда онъ вдругъ сказалъ:

— Послушай, Йегга, я далъ человѣку, который пришелъ за мной, пять кронъ, — имѣй это въ виду. Ха-ха-ха, никогда въ жизни не видалъ я такого молодца! Вся задняя часть его штановъ отсутствовала, но что за сила у него и что за беззаботность! Чистый дьяволъ! Онъ распѣвалъ всю дорогу. Онъ былъ вполне убѣжденъ, что достанетъ своей удочкой до неба, если только станетъ на вершинѣ Этьефельда. «Но тебѣ

придется для этого встать на цыпочки», — сказалъ я. Да, объ этомъ онъ не подумалъ, но онъ отнесся къ моимъ словамъ очень серьезно и сталъ увѣрять, что великолѣпно умѣть стоять на цыпочкахъ. Ха-ха-ха, какъ вамъ это нравится? Но онъ очень позабавилъ меня.

Наконецъ фрѣкенъ Андресенъ встала, чтобы идти домой, а за нею поднялись и остальные. Нагель, прощаясь, такъ искренно и горячо благодарилъ хозяевъ, что совершенно обезоружилъ доктора, который за послѣднія четверть часа былъ съ нимъ нѣсколько холоденъ.

— Не забывайте насъ, приходите скорѣе! Послушайте, есть ли у васъ сигара? Да закурите же сигару!

И докторъ заставилъ его снова войти и взять свѣжую сигару.

Между тѣмъ Дагни стояла одѣтая на крыльцѣ и ждала его.

VIII.

Бѣлая ночь.

Была прекрасная ночь.

У тѣхъ немногихъ людей, которые еще встрѣчались на улицахъ, были радостныя лица; на кладбищѣ какой-то человѣкъ все еще возился со своей тачкой и тихо напѣвалъ. Но повсюду кругомъ стояла полная тишина, и кромѣ этого пѣнія ничего больше не было слышно. Съ той горы, на которой стоялъ домъ доктора, городъ казался какимъ-то страннымъ гигантскимъ насѣкомымъ, какимъ-то сказочнымъ чудовищемъ, распластавшимся на брюхѣ съ протянутыми во всѣ стороны лапами, рогами и щупальцами. Лишь изрѣдка оно еще слабо шевелило тѣмъ или другимъ членомъ, — вотъ только-что оно двинуло ланой, протянутой къ морю: это маленькій паровой катеръ беззвучно скользилъ по водѣ, оставляя позади себя сверкающую борозду на черной поверхности залива.

Дымъ сигары, которую Нагель курить, поднимался въ воздухъ въ видѣ синяго облачка. Нагель уже наслаждался благоуханіемъ лѣса и травы, и его пронизывало чувство блаженства, его сердце расширялось отъ великой радости, которая охватила его всего, наполняла его глаза слезами и перехватывала его дыханіе. Онъ шелъ рядомъ съ Дагни; она не промолвила еще ни слова. Когда они проходили мимо кладбища, онъ произнесъ нѣсколько словъ, хвала доктора и его жену, но она ничего не отвѣтила на это. Между тѣмъ красота и тишина ночи опьяняли его все больше и больше, напол-

пьяли его страстью, и дыханіе его стало прерывистымъ, а взоръ затуманился. Ахъ, какъ хороши эти бѣлыя почи! Онъ сказать:

— Посмотрите на цѣпь горъ, какъ онѣ ясно выдѣляются на фонѣ неба! У меня сегодня такъ радостно на душѣ, фрѣкенъ, и я прошу васъ быть снисходительной ко мнѣ, пожалуйста! Дѣло въ томъ, что я способенъ натворить сегодня всякихъ глупостей только отъ счастья. Взгляните на эти сосны, на тѣ камни, на кочки и на кусты можжевельника, которые похожи на сидящихъ людей въ этомъ ночномъ освѣщеніи. И ночь такъ свѣжа и ясна; она не гнететъ душу странными предчувствіями и не навѣваетъ таинственного страха, не правда ли? Вы не должны быть недовольны мною, пожалуйста! У меня такое чувство, словно въ душѣ у меня пѣніе ангеловъ. Я пугаю васъ?

Она остановилась; потому онъ и спросилъ, не пугаетъ ли онъ ее. Она съ улыбкой посмотрѣла на него своимъ синимъ взоромъ, потомъ снова стала серьезна и сказала:

— Я шла и думала, чтѣ вы за человекъ?

Она проговорила это, все еще стоя на мѣстѣ и глядя на него. Во время всего пути она говорила дрожащимъ, яснымъ голосомъ, какъ будто немного боялась чего-то, и будто у нея въ то же время было радостно на душѣ.

Послѣ этого между ними начался слѣдующій разговоръ, и онъ продолжался все время, пока они шли черезъ лѣсъ, а шли они очень медленно. Разговоръ ихъ перескакивалъ съ одного предмета на другой, съ одного настроенія на другое, и на немъ отражалось то трепетное волненіе, которое охватило ихъ обоихъ:

— Вы думали обо мнѣ? Неужели? Но, конечно, я гораздо больше думалъ о васъ. Вѣдь я зналъ васъ уже прежде, чѣмъ пріѣхалъ сюда, я слышалъ ваше имя на пароходѣ, я случайно услышалъ его, такъ какъ до меня донеслись слова двухъ разговаривающихъ. И я пріѣхалъ сюда двѣнадцатаго іюня. Двѣнадцатаго іюня!

— Въ самомъ дѣлѣ? Какъ разъ двѣнадцатаго іюня!

— Да. И городъ былъ разукрашенъ флагами, и этотъ маленькій городокъ произвелъ на меня такое чарующее впечатлѣніе, что я сошелъ здѣсь на берегъ. И я сейчасъ же еще услышалъ о васъ.

Она улыбнулась и спросила:

— Это, конечно, Минута говорилъ вамъ про меня?

— Нѣтъ. Я слышалъ, что всѣ любятъ васъ, — всѣ, и что всѣ восхищаются вами...

И Нагель вдругъ вспомнилъ про теолога Карльсена, который даже покончилъ съ собой изъ-за нея.

— Скажите, — начала она опять: — вы дѣйствительно думаете то, что говорили о морскихъ офицерахъ?

— Ну, да. Но почему вы спрашиваете?

— Въ такомъ случаѣ мы съ вами одного и того же мнѣнія.

— Но почему бы мнѣ этого не думать? Я всегда восхищаюсь ими, какъ раньше, такъ и теперь, я восхищаюсь ихъ свободной жизнью, ихъ формой, ихъ здоровьемъ и неустрашимостью; да и большая часть изъ нихъ кромѣ того сами по себѣ необыкновенно симпатичные люди.

— Но теперь поговоримъ о васъ. Что такое произошло между вами и повѣреннымъ Рейнертомъ?

— Ничего. Съ повѣреннымъ Рейнертомъ, говорите вы?

— Вчера вечеромъ вы просили у него извиненія въ чемъ-то, а сегодня вы во весь вечеръ почти ни слова не сказали ему. Такъ, значить, вы имѣете обыкновеніе сперва оскорблять людей, а потомъ просить у нихъ прощенія?

Онъ улыбнулся и опустилъ глаза.

— Дѣло въ томъ, — отвѣтилъ онъ: — что я былъ неправъ, но я увѣренъ, что все это обойдется, если только мнѣ удастся поговорить съ нимъ. Я нѣсколько вспылчивъ и рѣзокъ; все это произошло оттого, что онъ толкнулъ меня, проходя въ дверь. Какъ видите, сущіе пустяки, простое невниманіе съ его стороны; но я сейчасъ же вскакиваю, какъ безумный, и отнускаю по его адресу нѣсколько тяжеловѣсныхъ словечекъ, угрожающе размахиваю пивной кружкой подъ самымъ его носомъ и продавливаю кулакомъ его шляпу. И послѣ этого онъ ушелъ; какъ благовоспитанному человѣку, ему ничего другого и не оставалось дѣлать. Но потомъ я раскаялся въ своемъ поведеніи и рѣшилъ какъ-нибудь загладить свой поступокъ. Конечно, и за мной также есть нѣкоторыя смягчающія вину обстоятельства: я былъ въ очень нервномъ состояніи въ этотъ день, и у меня было нѣсколько неприятностей. Но вѣдь этого никто не знаетъ, о такихъ вещахъ не рассказываютъ, а потому я предпочитаю взять всю вину на себя.

Все это онъ проговорилъ, не задумываясь, самымъ искреннимъ тономъ, словно желалъ быть вполне безпристрастнымъ. Да и въ выраженіи его лица также не было ничего, внушающаго недобѣріе. Но Дагни вдругъ остановилась, съ изумленіемъ посмотрѣла ему прямо въ лицо и сказала:

— Однако, послушайте... вѣдь дѣло было вовсе не такъ? Я слышала совершенно другое.

— Минута лжеть! — воскликнул Нагель съ пылающими щеками.

— Минута? Я слышала это вовсе не отъ Минуты. Зачѣмъ вы клеветеете на самого себя? Я слышала всю эту исторію отъ одного человѣка, который торгуетъ гипсовыми статуэтками на базарѣ. Онъ видѣлъ все съ самага начала до конца.

Пауза.

— Зачѣмъ вы клеветеете на самого себя? Вотъ чего я не могу понять, — продолжала она, не сводя съ него глазъ.— Я услышала это сегодня, и я такъ обрадовалась, то-есть, я хочу сказать, я нашла, что вы поступили такъ хорошо. Это такъ идетъ къ вамъ. Если бы я не услышала этой исторіи сегодня утромъ, то едва ли я рѣшилась бы итти здѣсь съ вами, говорю вамъ это совершенно откровенно.

Пауза.

Наконецъ онъ сказалъ:

— А теперь вы восхищаетесь мною вслѣдствіе этого?

— Право, не знаю,— отвѣтила она.

— Ну, конечно, конечно, вы восхищаетесь мною... Послушайте,— продолжалъ онъ: — все это только одна комедія. Вы такъ благородны и правдивы, и мнѣ противно обманывать васъ, а потому я расскажу вамъ все начистоту.

И онъ началъ рассказывать, нимало не смущаясь, нахально глядя ей прямо въ глаза, какіе у него были расчеты и соображенія:

— Если я объясняю это столкновение съ повѣреннымъ на свой *собственный* ладь, нѣсколько искажая факты, и даже клевету немного на себя, то дѣлаю я это изъ-за того... изъ-за того... изъ простого расчета. Я стараюсь извлечь изъ всего этого какъ можно больше выгоды для себя. Вы видите, я совершенно откровененъ съ вами. Я предполагаю, что кто-нибудь во всякомъ случаѣ расскажетъ вамъ объ этомъ, и если я заблаговременно черню себя, насколько возможно, то дѣлаю я это изъ расчета въ концѣ концовъ остаться въ большомъ выигрышѣ. На меня падетъ отблескъ величія, великодушія— не правда ли? И все это является результатомъ самага грубаго, самага низкаго обмана; и это глубоко возмутитъ васъ, когда вы узнаете всю правду. Я нашелъ за лучшее чистосердечно признаться во всемъ, потому что вы заслуживаете честнаго отношенія. Но, къ сожалѣнію, я достигну, конечно, только того, что оттолкну васъ на тысячу миль.

Она пристально смотрѣла на него, она старалась понять этого человѣка и его слова, раздумывала и взвѣшивала все, и пыталась составить себѣ какое-нибудь опредѣленное мнѣніе.

Чему ей вѣрить? Чего онъ хотѣлъ достигнуть своею откровенностью? Вдругъ она снова останавливается, всплескиваетъ руками и раздражается громкимъ, серебристымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, вы самый дерзкій человекъ, какого я когда-либо видѣла! Это ужасно, вы идете и рассказываете о себѣ самыя невѣроятныя и самыя нелестныя вещи и только для того, чтобы выставить себя въ дурномъ свѣтѣ! Вѣдь вы этимъ ровно ничего не достигнете. Въ первый разъ мнѣ приходится видѣть такого страннаго человека! Развѣ вы могли быть увѣрены въ томъ, что я когда-нибудь узнаю, какъ все произошло въ дѣйствительности? Нѣтъ, вы скажите, скажите! А впрочемъ, молчите, лучше ничего не говорите, а то вы опять солжете. Фу, какъ это нехорошо съ вашей стороны, ха-ха-ха! Однако послушайте: если вы рассчитываете на то, что вашъ планъ удастся, и что все произойдетъ такимъ-то и такимъ-то образомъ, и вы достигаете вашего желанія, то зачѣмъ же вы портите все признаніемъ въ своемъ — какъ вы это называете — обманѣ? Вчера вы также поступили подобнымъ образомъ. Я отказываюсь понимать васъ. Но почему же вы, рассчитывая на все, забываете, что сами разоблачаете себя?

Но онъ не сдавался, онъ подумалъ съ минуту и отвѣтилъ:

— Но я этого вовсе не упускаю изъ виду, ничуть не упускаю. Вотъ вы сами сейчасъ убѣдитесь въ этомъ. Если я и обличаю себя, то я ничѣмъ не рискую, во всякомъ случаѣ немногимъ. Во-первыхъ, нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что тотъ, передъ кѣмъ я обличаю себя, повѣритъ мнѣ. Вотъ вы, напримѣръ, въ эту минуту не вѣрите мнѣ. А какой же результатъ всего этого? Результатъ тотъ, что я выигрываю вдвое, я остаюсь въ громадномъ выигрышѣ, моя выгода растетъ, какъ лавина, мое величіе достигаетъ невѣроятныхъ предѣловъ. Ну, а во-вторыхъ, я, конечно, остался бы въ выигрышѣ даже и въ томъ случаѣ, если бы вы повѣрили мнѣ. Вы качаете головой? Напрасно. Увѣряю васъ, что я уже много разъ пускалъ въ ходъ этотъ приемъ и всегда оставался въ выигрышѣ. Если бы вы даже повѣрили въ правдивость моихъ словъ, то вы были бы во всякомъ случаѣ поражены моею искренностью. Вы сказали бы: «ну, да, онъ обманулъ меня, но потомъ онъ сознался въ этомъ и совершенно добровольно; въ его дерзости есть что-то таинственное, онъ ничего рѣшительно не боится, своими признаніями онъ окончательно обезоруживаетъ меня!» Однимъ словомъ, я достигаю того, что вы начинаете присматриваться ко мнѣ, я возбуждаю ваше любопытство, и вы занимаетесь мною, я поражаю васъ. Да вѣдь вы сами только-что говорили, что отказываетесь пони-

мать меня. Вот видите ли, вы сказали это, потому что уже пытались изучить меня, а это также очень льстит моему самолюбию, даже болѣе, это доставляет мнѣ истинное наслажденіе. Такимъ образомъ я выгадываю во всякомъ случаѣ,— вѣрите вы мнѣ или нѣтъ.

Пауза.

— И вы хотите увѣрить меня, — сказала она: — что всю эту хитроумную выходку вы подготовили заранѣе? Заранѣе предугадали всѣ случайности и приняли всѣ мѣры? Ха-ха-ха! Но теперь, что бы вы ни сказали, вы уже не удивите меня больше, нѣтъ, теперь я ожидаю отъ васъ всего. Однако довольно объ этомъ, вы могли бы солгать еще гораздо хуже, вы очень ловки.

Онъ упорно настаивалъ на своемъ и сказалъ, что послѣ такого заключенія съ ея стороны его высокоуміе возрастетъ до невѣроятныхъ размѣровъ. И онъ искренно благодаренъ ей, хе-хе-хе, да, онъ достигъ своего. Но съ ея стороны это слишкомъ любезно, слишкомъ великодушно...

— Ну, хорошо хорошо, — прервала она его: — оставимъ это.

Но теперь онъ остановился.

— Повторяю вамъ еще разъ, что я васъ обманулъ! — сказалъ онъ, пристально глядя на нее.

Съ минуту они смотрѣли другъ на друга; ея сердце забилося сильнѣе, и она даже слегка поблѣднѣла. Почему онъ такъ добивается того, чтобы она думала о немъ какъ можно хуже? Какъ ни былъ онъ уступчивъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но въ этомъ случаѣ его нельзя было сдвинуть съ мѣста. Какая странная манія, какое безуміе!

Она воскликнула съ раздраженіемъ:

— Не понимаю, для чего вы ломаетесь передо мною! Вѣдь вы общались вести себя хорошо?

Ея раздраженіе было искренно. Ее начало выводить изъ себя его упорство, которое было такъ неподдѣльно, такъ непоколебимо, что сбивало ее съ толку. Сознаніе, что ее водятъ за носъ, оскорбляло ее. Въ своемъ раздраженіи она стала бить себя по рукѣ зонтикомъ.

Онъ казался очень несчастнымъ и наговорилъ много высокопарныхъ и жалкихъ словъ. Въ концѣ концовъ она разсмѣялась и дала ему понять, что не сердится на него больше. Онъ невозможенъ, и нѣтъ никакой надежды на то, что онъ когда-нибудь исправится. Онъ, конечно, находитъ все это очень забавнымъ. Ну, что же! Но ни слова больше объ этомъ, ни слова...

Пауза.

— Помните, — сказалъ онъ: — здѣсь я встрѣтилъ васъ въ первый разъ. Никогда не забуду я, до чего вы походили на фею, когда бѣжали отъ меня. Вы казались мнѣ видѣниемъ, богиней... Но теперь я расскажу вамъ объ одномъ приключеніи, которое случилось со мною. Впрочемъ, это пустяки, и рассказать это можно въ двухъ словахъ. Сидѣлъ я однажды въ своей комнатѣ, — это было въ одномъ маленькомъ городкѣ, но не въ Норвегін, — а впрочемъ, не все ли равно, гдѣ это было? Однимъ словомъ, въ одинъ тихій, прекрасный осенній вечеръ я сидѣлъ въ своей комнатѣ; это было восемь лѣтъ тому назадъ, это было въ 1883 году. Я сидѣлъ спиной къ двери и читалъ книгу.

— Лампа была зажжена?

— Да. На дворѣ было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Я сидѣлъ и читалъ. Вдругъ я слышу шаги за дверью, я ясно слышалъ шаги на лѣстницѣ; вслѣдъ затѣмъ ко мнѣ стучать въ дверь. — «Войдите!» Никто не входитъ. Я отворю дверь; никого нѣтъ. Ни души! Я звоню, на звонокъ является служанка. — «Кто-нибудь поднимался по лѣстницѣ?» — «Нѣтъ, никто не поднимался». Хорошо, спокойной ночи! Служанка уходитъ.

«Я снова принимаюсь читать. Вдругъ я чувствую легкое удивленіе, какъ будто бы меня коснулось дыханіе человѣка, стоящаго рядомъ со мною, и я слышу шопотъ: «иди!». Я никого не вижу: въ комнатѣ нѣтъ никого. Я снова принимаюсь за книгу, злосю и говорю: «чортъ!». Въ это мгновеніе я замѣчаю рядомъ съ собой маленькаго, блѣднаго человѣка съ рыжей бородой и съ жесткими, торчащими во всѣ стороны волосами; человѣкъ стоитъ слѣва отъ меня. Онъ подмигиваетъ мнѣ, и я отвѣчаю ему тѣмъ же; мы никогда не видали другъ друга, но тѣмъ не менѣе мы перемигиваемся. Я закрываю свою книгу правой рукой, человѣкъ направляется къ двери и исчезаетъ. Я также встаю и иду къ двери, и тамъ я слышу шопотъ: «иди!». Ладно, я надѣваю пальто, калоши и выхожу. «Закурилъ бы ты сигару», — думаю я и возвращаюсь въ свою комнату и закуриваю сигару, а кромѣ того засовываю еще нѣсколько штукъ въ карманъ. Богъ знаетъ, зачѣмъ я это сдѣлалъ, но я это сдѣлалъ и вышелъ.

«Не видно было ни зги, и я ничего не могъ различить. Но я все время чувствовалъ, что маленькій человѣкъ идетъ рядомъ со мною. Я размахивалъ руками, чтобы ухватиться за него, и рѣшилъ даже остановиться и не итти дальше, если онъ не дастъ мнѣ никакихъ объясненій; но я такъ и не могъ нацупать его. Я попытался даже подмигнуть ему въ темнотѣ

въ различныхъ направленіяхъ, но это ни къ чему не повело. «Ладно,—сказалъ я:—я иду вовсе не ради тебя, а просто иду ради себя самого, я прогуливаюсь; пожалуйста, обрати вниманіе на то, что я дѣлаю маленькую прогулку». Я говорилъ громко, чтобъ онъ могъ слышать меня. Такъ шель я нѣсколько часовъ, вышелъ за городъ и наконецъ вошелъ въ лѣсъ, я чувствовалъ, какъ по лицу меня хлестали вѣтви съ мокрыми листьями. «Прекрасно,—сказалъ я наконецъ, вынимая часы какъ бы для того, чтобы посмотрѣть, который часъ:—прекрасно, теперь я отправляюсь домой!» Но я вовсе не пошелъ домой, я не былъ въ состояніи повернуть, меня непреодолимо влекло впередъ. «А впрочемъ,—замѣтилъ я:—погода такая прекрасная, я могу проходить такъ одну или двѣ ночи, времени у меня достаточно!» И это сказалъ, несмотря на то, что чувствовалъ себя крайне утомленнымъ и промокъ до костей отъ росы. Я закурилъ новую сигару; маленькій человѣкъ продолжалъ идти рядомъ со мной, и я чувствовалъ на себѣ его дыханіе. Я шель безостановочно по всевозможнымъ направленіямъ, но только не домой, къ городу. Ноги у меня начали ныть и промокли до самыхъ колѣнъ, а лицо мое горѣло отъ мокрыхъ вѣтвей, которыя безпрестанно хлестали меня по лицу. Я сказалъ: «Это можетъ показаться страннымъ, что я разгуливаю здѣсь въ такое время; но такая ужъ у меня привычка, я съ дѣтскихъ лѣтъ отличался тѣмъ, что разыскивалъ самые дремучіе лѣса и гулялъ въ нихъ по ночамъ». И я шель дальше, стиснувъ зубы. Но вотъ я слышу, что башенные часы въ городѣ бьютъ полночь: разъ, два, три, четыре... — двѣнадцать, я считаю удары. Эти знакомые звуки очень ободрили меня, хотя я въ то же время досадовалъ на то, что мы продолжали оставаться вблизи города, а между тѣмъ бродили такъ долго. Хорошо, какъ бы то ни было, но часы пробили двѣнадцать, и при двѣнадцатомъ ударѣ я снова вижу передъ собой маленькаго человѣка. Онъ стоитъ передо мной, какъ ни въ чемъ не бывало, и смѣется. Никогда не забуду я этого, я видѣлъ его такъ ясно, я замѣтилъ даже, что у него не хватало двухъ переднихъ зубовъ, и что онъ держалъ руки за спиной...»

— Но какъ вы могли видѣть его въ темнотѣ?

— Онъ какъ-то самъ свѣтился. Онъ свѣтился какимъ-то страннымъ свѣтомъ, находившимся позади него и дѣлавшимъ его почти прозрачнымъ; даже его платье было освѣщено, какъ днемъ; я замѣтилъ даже, что брюки у него имѣли очень поношенный видъ и были слишкомъ коротки. Все это мнѣ бросилось въ глаза въ одно мгновеніе. Я былъ такъ пораженъ

тѣмъ, что увидалъ, что невольно закрылъ глаза и отступилъ на шагъ. Когда я снова открылъ глаза, человѣка этого больше не было...

— Ахъ!..

— Но слушайте дальше. Оказалось, что я пришелъ къ башнѣ. Передо мной стояла башня, я чуть не наткнулся на нее и видѣлъ ее все яснѣе и яснѣе; это была черная восьмиугольная башня, напоминавшая «башню вѣтровъ» въ Афинахъ — можетъ-быть, вы видѣли ее на картинкахъ? Никогда не слыхалъ я до тѣхъ поръ, что въ этомъ лѣсу существуетъ такая башня, но, такъ или иначе, она тамъ была. Я стою у башни и снова слышу: «иди!». Я вхожу въ башню. Дверь за мной остается раскрытой, и это меня нѣсколько успокаиваетъ.

«Подъ сводами я снова встрѣчаю маленькаго человѣка; у одной стѣны горитъ лампа, такъ что я хорошо могу разсмотрѣть его. Онъ идетъ ко мнѣ навстрѣчу, словно все время находился въ башнѣ; онъ стоитъ передо мною, молча смѣется и въ то же время не сводитъ съ меня глазъ. Я тоже смотрю ему прямо въ глаза, и мнѣ кажется, что я вижу въ этихъ глазахъ много ужаснаго, я вижу все то, что пришлось имъ видѣть въ жизни. Онъ снова подмигнулъ мнѣ, но я не отвѣтилъ ему тѣмъ же, я отступалъ отъ него по мѣрѣ того, какъ онъ приближался ко мнѣ. Вдругъ я слышу позади себя легкіе шаги, я поворачиваю голову и вижу молодую женщину.

«Я смотрю на нее, и это мнѣ доставляетъ громадное наслажденіе; у нея были рыжіе волосы и черные глаза, но она была бѣдно одѣта и шла босыми ногами по камениному полу. Руки у нея были обнажены и чисты.

«Съ минуту она осматриваетъ насъ обоихъ, потомъ низко склоняетъ голову передо мною и идетъ къ маленькому человѣку. Не говоря ни слова, она принимается разстегивать его куртку и шарить руками по его тѣлу, какъ бы ища чего-то; и немного спустя она вытаскиваетъ изъ подкладки его плаща горящій фонарь, маленькій свѣтлый фонарь, который она вѣшаетъ себѣ на палецъ. Фонарь горѣлъ такъ ярко, что совершенно затемняетъ свѣтъ стѣнной лампы. Человѣкъ продолжалъ стоять все такъ же тихо и все время улыбался, пока его обыскивали. «Спокойной ночи!» — сказала женщина, указывая на дверь, и это странное, наводящее страхъ полуживотное ушло. Я остался одинъ съ моей новой знакомой.

«Она подошла ко мнѣ, снова низко склонилась передо мною и сказала безъ улыбки и не повышая голоса:

«— Откуда ты?

«— Изъ города, прекрасная дѣвушка, — отвѣтили я. — Я пришелъ изъ самаго города.

«— Незнакомецъ, прости моему отцу! — сказала она вдругъ. — Не дѣлай намъ зла; онъ боленъ, онъ помѣшанъ, вѣдь ты видѣлъ его глаза?

«— Да, я видѣлъ его глаза, — отвѣтилъ я: — я чувствовалъ ихъ власть надъ собой и послѣдовалъ за нимъ.

«— Гдѣ ты его встрѣтилъ? — спросила она.

«И я отвѣтилъ:

«— У себя дома, въ своей комнатѣ. Я сидѣлъ и читалъ, когда онъ пришелъ ко мнѣ.

«Тогда она покачала головой и опустила глаза.

«— Но пусть это тебя не огорчаетъ, прекрасное дитя, — сказалъ я. — Я съ удовольствіемъ прогулялся сюда, я ничего не потерялъ отъ этого и радъ, что увидѣлъ тебя. Взгляни на меня, я счастливъ и доволенъ, улыбнись же и ты!

«Но она не улыбнулась, она сказала:

«— Сними свои башмаки. Не уходи отсюда ночью, я высушу твои платье.

«Я посмотрѣлъ на свое платье, оно промокло до нитки, мои башмаки были пропитаны водою. Я сдѣлалъ, какъ она сказала, снялъ башмаки и далъ ихъ ей. Едва я это сдѣлалъ, какъ она погасила лампу и сказала:

«— Иди!

«— Подожди немного, — сказалъ я, останавливая ее. — Если я не буду ночевать здѣсь, то зачѣмъ ты велѣла спать мнѣ башмаки сейчасъ?

«— Этого тебѣ нельзя знать, — отвѣтила она.

«И я такъ и не узналъ этого.

«Она повела меня черезъ дверь въ какую-то темную комнату; я услышалъ такіе звуки, словно кто-то обнюхивалъ насъ, и въ то же мгновеніе я почувствовалъ на своихъ губахъ мягкую ручку, и дѣвушка сказала громко:

«— Это я, отецъ. Чужой ушелъ — ушелъ.

«Но я слышалъ, что сумасшедшій уродъ продолжалъ сопѣть, какъ бы обнюхивая насъ.

«Мы стали подниматься по лѣстницѣ, она вела меня за руку, и никто изъ насъ не говорилъ. Мы вошли въ новое помѣщеніе, куда не проникалъ ни единый лучъ свѣта, повсюду царилъ черная ночь.

«— Тише! — шепнула она: — вотъ моя постель.

«Я сталъ шарить и нащупалъ ей постель.

«— Теперь сними также и остальное платье, — шепнула она снова.

«Я снялъ его и далъ ей.

«— Спокойной ночи! — сказала она.

«Я сталъ удерживать ее и попросилъ остаться:

«— Не уходи, подожди темного. Теперь я знаю, почему ты велѣла мнѣ снять башмаки внизу; я буду сидѣть тихо, твой отецъ не слышалъ, какъ я прошелъ сюда, — останься!

«Но она не осталась.

«— Спокойной ночи, — сказала она и ушла...»

Пауза.

Дагни покрасѣла, ея грудь высоко поднималась, и ея поздри дрожали. Она спросила быстро:

— Она ушла?

Пауза.

— Но тутъ моя ночь превращается въ какую-то волшебную сказку, которая вызываетъ во мнѣ воспоминаніе, подернутое розовой дымкой. Представьте себѣ свѣтлую-свѣтлую ночь... Я былъ одинъ; меня окружалъ мракъ, непроницаемый, тяжелый, какъ черная бархатная завѣса. Я чувствовалъ себя утомленнымъ, колѣни мои дрожали, къ тому же я чувствовалъ себя одураченнымъ. Этотъ негодный сумасшедшій водилъ меня вокругъ одного и того же мѣста нѣсколько часовъ, онъ таскалъ меня по мокрой травѣ и заставлялъ слѣдовать за собой, какъ какую-то безвольную скотину, только своимъ взглядомъ и своимъ: «иди», «иди». Слѣдующій разъ я вырву у него изъ рукъ фонарь и разобью имъ его рожу! Я былъ страшно золъ; я закурилъ сигару и улегся въ постель. Нѣкоторое время я лежалъ и смотрѣлъ на вспыхивавшій во тьмѣ кончикъ моей сигары; немного спустя я услышалъ, какъ захлопнулась внизу входная дверь, и потомъ все затихло.

«Прошло минутъ десять. Замѣйте: я лежу въ постели, меня совсѣмъ не клонитъ ко сну, я все сознаю и курю сигару. Вдругъ комната наполняется какимъ-то пинпѣіемъ, словно въ потолокъ сразу со всѣхъ сторонъ открылись отверстія. Я приподнимаюсь на локтѣ и не обращаю вниманія на то, что сигара моя гаснетъ; я напряженно всматриваюсь въ темноту, но ничего не могу замѣтить. Потомъ я снова ложусь и прислушиваюсь, и мнѣ чудится, будто я слышу отдаленные звуки, удивительную тысячеголосую музыку, раздающуюся гдѣ-то высоко въ небесахъ. Эта музыка не умолкаетъ и все приближается и приближается, наконецъ раздается надо мной, надъ крышей башни. Я приподнимаюсь на локтѣ. Тутъ мнѣ пришлось пережить нѣчто такое, чтѣ и до сихъ поръ еще опьяняетъ меня, и я чувствую какое-то сверхъестественное наслажденіе при одномъ воспоминаніи объ этомъ. На меня вдругъ какъ бы низвер-

гается цѣлый потокъ крошечныхъ ослѣпительныхъ существъ; они совсѣмъ бѣлыя, это ангелы, мириады маленькихъ ангелочковъ, которые врываются сверху ослѣпительными потоками свѣта. Они заполняютъ все пространство подъ сводами, ихъ миллионы, они передвигаются волной изъ стороны въ сторону, снизу вверхъ, и поютъ, поютъ!.. Они ослѣпительно-бѣлы и совершенно обнажены. Сердце замираетъ во мнѣ, я со всѣхъ сторонъ окруженъ ангелами, я прислушиваюсь и слышу ихъ пѣніе, они касаются моихъ вѣкъ и опускаются ко мнѣ на голову, и все пространство наполняется благоуханіемъ, распространяющимся изъ ихъ маленькихъ раскрытыхъ ротиковъ.

«Я лежу, опираясь на локоть, и протягиваю къ нимъ руку, и нѣкоторые изъ нихъ садятся на нее; на моей рукѣ они напоминаютъ собою плеяду дрожащихъ звѣздочекъ. Я наклоняюсь впередъ и заглядываю имъ въ глазки, и я замѣчаю, что они слѣпы. Я выпускаю изъ рукъ плеяду слѣпыхъ ангелочковъ и ловлю семь другихъ, но и эти также слѣпы. Увы, всѣ они оказались слѣпыми,—вся башня была полна слѣпыми ангелочками, которые пѣли!

«Я не певелился, у меня захватило дыханіе отъ этого зрѣлища, эти слѣпые глаза вызвали въ моей душѣ тихую грусть.

«Прошла минута. Я лежу и прислушиваюсь, и вдругъ я слышу тяжелый и рѣзкій ударъ гдѣ-то вдали, я слышу его съ жестокой ясностью, и онъ еще долго гудитъ въ воздухѣ: это снова пробили часы на городской башнѣ. Пробыло часъ.

«И вдругъ пѣніе ангеловъ замолкло. Я видѣлъ, какъ они собрались вмѣстѣ, устремились къ крышѣ и улетѣли, они столпились и въ видѣ ослѣпительнаго потока хлынули изъ башни. Послѣдній ангелъ обернулся и еще разъ взглянулъ на меня своими слѣпыми глазами, прежде чѣмъ окончательно исчезнуть.

«Да, у меня такъ ясно остался въ памяти этотъ послѣдній ангелочекъ, который обернулся и посмотрѣлъ на меня, несмотря на то, что онъ былъ слѣпой. Потомъ вокругъ меня снова все стемнѣло. Я упалъ на подушки и заснулъ...

«Когда я проснулся, было уже совсѣмъ свѣтло. Я все еще былъ одинъ подъ сводами башни. Мое платьѣ лежало передо мной на полу. Я пощупалъ его, оно было еще сыровато, но я все-таки надѣлъ его. Вдругъ отворяется дверь, и дѣвушка, которую я видѣлъ наканунѣ, снова входитъ ко мнѣ.

«Она подходитъ вплотную ко мнѣ, и я говорю:

«— Откуда ты приходишь? Гдѣ ты была ночью?

«— Тамъ, наверху, — отвѣчаетъ она, указывая на крышу башни.

«— Развѣ ты не спала?

«— Нѣтъ, я не спала. Я не спала всю ночь.

«— А слышала ли ты музыку сегодня ночью? — спросилъ я.—Я слышала райскую музыку.

«Она отвѣтила:

«— Да, это я играла и пѣла.

«— Это ты играла и пѣла? Скажи, дитя мое, правда ли это?

«— Да, это я играла и пѣла.

«Она протянула мнѣ руку и сказала:

«— Но теперь пойдемъ, я выведу тебя на дорогу.

«И мы вышли изъ башни и пошли рука объ руку въ лѣсъ. Солнце освѣщало ея золотистые волосы, и у нея были прекраснѣйшіе черные глаза. Я обнялъ ее и два раза поцѣловалъ въ лобъ, потомъ опустился на колѣни передъ ней. Дрожащими руками сняла она съ себя черную ленту и обвязала сю мою руку; и, дѣлая это, она плакала и была очень взволнована. Я спросилъ:

«— Почему ты плачешь? Оставь меня, если я въ чемъ-нибудь провинился передъ тобою.

«Но она отвѣтила только:

«— Ты видишь городъ?

«— Нѣтъ, — отвѣтилъ я. — Я не вижу города. А ты?

«— Встань и пойдемъ дальше, — сказала она.

«И вотъ она повела меня дальше.

«Я снова остановился, привлекъ ее къ своей груди и сказалъ:

«— Какъ я полюбилъ тебя! Какимъ блаженствомъ ты наполняешь мое сердце!

«И она затрепетала въ моихъ объятіяхъ и все-таки отвѣтила:

«— Теперь я должна вернуться. Ты, вѣроятно, видишь городъ?

«— Да, — отвѣтилъ я. — И ты, конечно, также видишь его?

«— Нѣтъ, — отвѣтила она.

«— Почему? — спросилъ я.

«Она отошла отъ меня и взглянула на меня своими прекрасными, большими глазами, и, уходя, низко склонилась передо мною, какъ бы прощаясь. Отойдя на нѣсколько шаговъ, она еще разъ обернулась и снова посмотрѣла на меня.

«Тутъ только я замѣтилъ, что ея глаза также были слѣпы...

«Вслѣдъ за этимъ наступаетъ промежутокъ въ двѣнадцать часовъ, и въ этомъ времени я не могу дать себѣ отчета, оно совершенно изгладилось изъ моей памяти. Я не могу понять, куда дѣвались всѣ эти часы; я ударялъ себя по головѣ и говорилъ: эти двѣнадцать часовъ должны быть у тебя здѣсь гдѣ-нибудь, они просто затерялись, и ты долженъ ихъ найти.

«Но я такъ и не нашелъ ихъ...

«Снова вечеръ, темный, мягкій осенній вечеръ. Я сижу у себя въ комнатѣ съ книгой въ рукѣ. Я смотрю на свои ноги; мои башмаки все еще не просохли. Я смотрю на свою руку и вижу, что на ней навязана черная лента. Все соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

«Я звоню, и когда на мой звонокъ появляется служанка, то я спрашиваю ее, нѣтъ ли здѣсь гдѣ-нибудь поблизости башни, гдѣ-нибудь въ лѣсу, черной восьмиугольной башни. Служанка киваетъ головой и говоритъ:—«Да, въ лѣсу есть башня».—«А живутъ ли въ ней люди?»—«Да, тамъ живетъ одинъ человѣкъ; но онъ боленъ, онъ сумасшедшій; его называютъ «человѣкъ съ фонаремъ». У этого «человѣка съ фонаремъ» есть дочь, которая живетъ съ нимъ вмѣстѣ въ башнѣ; а кромѣ нихъ никто тамъ больше не живетъ».—«Хорошо, спокойной ночи!»

«Затѣмъ я ложусь спать.

«На слѣдующій день рано утромъ я отправляюсь въ лѣсъ. Я иду по той же тропинкѣ и вижу тѣ же деревья, я нахожу также и башню. Я приближаюсь къ двери, и глазамъ моимъ представляется зрѣлище, отъ котораго сердце мое перестаетъ биться: на землѣ лежитъ слѣпая дѣвушка, мертвая, вся разбитая отъ паденія и изуродованная. Она лежитъ съ широко раскрытымъ ртомъ, и солнце ярко освѣщаетъ ея рыжіе волосы. А наверху, на краю крыши еще развѣвается клочокъ ея платья, которымъ она зацѣпилась при паденіи. На дорожкѣ, усыпанной мелкимъ щебнемъ, ходитъ взадъ и впередъ маленькій человѣкъ, отецъ несчастной, и смотритъ на трупъ дочери. Плечи его судорожно поднимаются, и онъ воеетъ громкимъ голосомъ. Онъ ничѣмъ другимъ не выражаетъ своего горя, онъ только ходитъ вокругъ трупа, смотритъ на него и воеетъ. Когда его взоръ упалъ на меня, то я содрогнулся отъ этого страшнаго взгляда и въ ужасѣ бросился бѣжать обратно въ городъ. Больше я никогда не видалъ его...

«Вотъ и все мое приключеніе».

Наступило долгое молчаніе. Дагни шла, потупивъ глаза, и шла она очень медленно. Наконецъ она сказала:

— Боже мой, что за странное приключеніе!

Снова наступило молчаніе, и Нагель два раза пытался нарушить его, обращая ея вниманіе на глубокую тишину, царившую въ лѣсу.

— Вы чувствуете, какой ароматъ распространяется именно здѣсь? Ахъ, пожалуйста, посидимъ здѣсь немного!

Она съѣла, все еще не произнося ни слова, тихая и задумчивая; онъ съѣлъ противъ нея.

Онъ считалъ своимъ долгомъ снова развеселить ее. Въ сущности это вовсе не такая печальная исторія, это скорѣе забавное приключеніе. Это сущій вздоръ! Нѣтъ, вотъ Индія — это другое дѣло, тамъ случаются такія приключенія, что, слушая о нихъ, духъ захватываетъ и кровь стынетъ въ жилахъ отъ ужаса. Въ Индіи существуетъ два рода сказокъ: однѣ повѣствуютъ о неземныхъ, сверхъестественныхъ предметахъ — объ алмазныхъ пещерахъ, горныхъ принцахъ, соблазнительныхъ морскихъ красавицахъ, о духахъ земныхъ и воздушныхъ, о жемчужныхъ дворцахъ, крылатыхъ коняхъ, серебряныхъ лѣсахъ и золотыхъ розсыпяхъ. Другія сказки съ особенною любовью касаются предметовъ таинственныхъ, — всего великаго, необыкновеннаго и чудовищнаго. Вообще никто не можетъ равняться съ восточными народами въ умѣнн разсказывать, въ умѣнн придумывать самыя невѣроятныя приключенія и наводить ужасъ. Вѣдь вся ихъ жизнь проходитъ въ сказочной странѣ, и они съ такой же легкостью говорятъ о дикихъ недоступныхъ мѣстахъ за горами, гдѣ живутъ феи, какъ и о нѣмомъ властелинѣ, обитающемъ въ тучахъ, о таинственной силѣ, правящей всѣмъ тамъ вверху и повелѣвающей звѣздами. И все это происходитъ только оттого, что люди эти живутъ подъ другимъ солнцемъ и питаются плодами, а не ростбифомъ.

Дагни спросила:

— Но развѣ у насъ самихъ нѣтъ прекрасныхъ сказокъ?

— У насъ есть удивительныя сказки. Но только въ другомъ родѣ. У насъ нѣтъ солнца, которое ослѣпляетъ и жжетъ. Наши сказки о лѣсныхъ нимфахъ больше стелются по землѣ и даже уходятъ подъ землю, — это плодъ кургузой, неуклюжей фантазіи, работавшей въ долгія зимнія ночи въ бревенчатой хижинѣ съ коптящей лампой. Читала ли она когда-нибудь «Тысячу и одну ночь»? Нѣтъ, наши сказки изъ Гудбрандской долины — вотъ это наше родное, эта крестьянская поэзія съ кургузой фантазіей соотвѣтствуетъ нашему духу. Мы не содрогаемся отъ нашихъ сказокъ, онѣ спокойныя и остроумныя, онѣ только заставляютъ насъ смѣяться. Герой нашихъ сказокъ не ослѣпительный принцъ, а просто хитрый понамарь... Что вы говорите? Нордландскія сказки? Но развѣ онѣ не такія же? Ну, что мы извлекли, напимѣръ, изъ мистической и дикой красоты моря? Вѣдь одно только сѣверное судно изъ временъ викинговъ представлялось бы для восточныхъ народовъ чѣмъ-то сказочнымъ, предназначеннымъ для служенія дѣхамъ. Видѣла она такое судно? Нѣтъ? Оно имѣетъ такой видъ, словно это существо опредѣленнаго пола, словно

это громадная самка съ дѣтенышами въ раздутomъ чревѣ; корма у этого судна плоская, и кажется, будто это сказочное животное можетъ садиться. Носъ торчитъ высоко въ воздухъ, какъ громадный рогъ, готовый вызвать на бой всѣ четыре вѣтра... Нѣтъ, мы живемъ слишкомъ далеко на сѣверѣ... А впрочемъ, это только скромное мнѣніе агронома о географическомъ явленіи.

Повидимому, ей надоѣла его болтовня, и въ ея синихъ глазахъ промелькнуло такое выраженіе, будто она смѣется надъ нимъ. Она спросила:

— Который теперь часъ?

— Который часъ?— отвѣтилъ онъ разсѣянно. — Я думаю, теперь около часа. Еще не поздно, да и не все ли равно, который часъ.

Пауза.

— Чтѣ вы думаете относительно Толстого?—спросила она.

— Мнѣ онъ не нравится,—отвѣтилъ онъ сейчасъ же, набрасываясь на новую тему.—Мнѣ нравятся «Анна Каренина» и «Война и миръ»...

Она прервала его съ улыбкой:

— А какво вамъ мнѣніе относительно вѣчнаго мира?

Это замѣчаніе попало въ цѣль. Выраженіе его лица измѣнилось, и онъ растерялся.

— Чтѣ вы хотите сказать?... Ахъ, да, я надоѣлъ вамъ до смерти.

— Нѣтъ, увѣряю васъ, я сдѣлала этотъ вопросъ совершенно случайно,—быстро сказала она, вся вспыхнувъ. — Пожалуйста, не обижайтесь. Дѣлю, видите ли, въ томъ, что мы хотимъ устроить базаръ въ пользу усиленія средствъ для государственной обороны. Вотъ эта мысль и пришла мнѣ сейчасъ въ голову.

Пауза. Вдругъ онъ поднимаетъ голову и смотритъ на нее, и глаза его сіяютъ.

— У меня сегодня такъ радостно на душѣ, знайте это, а потому, можетъ-быть, я и разболтался. Меня радуетъ все: во-первыхъ, что я гуляю здѣсь вмѣстѣ съ вами; а кромѣ того, меня радуетъ и то, что эта ночь самая прекрасная изъ всѣхъ, какія мнѣ когда-либо пришлось переживать. Я самъ не понимаю, чтѣ со мной. Мнѣ кажется, что я составляю часть этого лѣса или этой земли, что я вѣтка этой сосны или камень, да, пожалуй, даже камень, но камень, весь проникнутый этимъ дивнымъ благоуханіемъ и ненарушимымъ покоемъ, который окружаетъ насъ. Вотъ взгляните туда, тамъ уже свѣтаетъ, — на небѣ появилась серебристая полоска.

Оба они стали смотрѣть на бѣлую полосу, появившуюся на горизонтѣ.

— И у меня также очень хорошо на душѣ сегодня, — сказала она.

И это она сказала совершенно добровольно, это вырвалось у нея какъ-то непосредственно, словно для нея было радостью сказать это.

Нагель пытливо посмотрѣлъ ей въ лицо, и на глазахъ у него снова выступили слезы. Нервно, импульсивно началъ онъ говорить объ Ивановой почти, о томъ, какъ деревья покачиваютъ своими верхушками, и какъ шумитъ лѣсъ. Онъ сказалъ, что занимающійся день тамъ, на горизонтѣ, переродилъ его, что онъ чувствуетъ себя во власти новыхъ силъ, которыя вселились въ него. Грундтвигъ постъ: «Минула ночь, и мракъ разсѣялъ день!» А впрочемъ, быть-можетъ, онъ утомилъ ее своей болтовней? Въ такомъ случаѣ онъ можетъ показать ей какіе-нибудь фокусы, напримѣръ, фокусъ съ вѣткой и соломинкой. Онъ покажетъ ей, что соломинка крѣпче вѣтки. Онъ готовъ все, что угодно, сдѣлать для нея...

— Нѣтъ, вы осмотритесь только кругомъ, вонъ посмотрите на этотъ одинокій кустъ можжевельника, который производитъ на меня какое-то особенное впечатлѣніе. Вѣдь онъ склоняется передъ вами, и въ немъ столько доброжелательства... А вонъ посмотрите на этого паука, — онъ протягиваетъ свою паутину отъ сосны къ соснѣ; его искусная ткань напоминаетъ прекраснѣйшія китайскія работы, нѣтъ, это солнце, затканное каплями воды... Не холодно ли вамъ? А знаете, я увѣренъ, что вокругъ насъ пляшутъ теперь разгоряченныя, улыбающіяся эльфы. Но, если хотите, я разведу огонь... Кстати, мнѣ пришло въ голову, не здѣсь ли гдѣ-то наши Карльсена?

Не было ли это мстью за то, что она посмѣялась надъ нимъ? Отъ него можно было ожидать чего угодно.

Она вскочила съ выраженіемъ недовольства и отвѣтила:

— Оставьте его въ покоѣ, прощу васъ. На что это похоже!

— Простите! — сказалъ онъ сейчасъ же. И, желая загладить свою неловкость, онъ прибавилъ: — Но, говорятъ, онъ былъ такъ влюбленъ въ васъ, — и я это такъ хорошо понимаю...

— Влюбленъ въ меня? Не говорятъ ли также, что онъ изъ-за меня лишилъ себя жизни при помощи моего перочинаго ножика? Ну, а теперь пойдете.

Она говорила съ нѣкоторой грустью, безъ смущенія и безъ притворства. Онъ былъ пораженъ. Вѣдь она сознавала, что

довела до самоубійства одного изъ своихъ поклонниковъ, и она не придавала этому особеннаго значенія, не старалась использовать это въ свою выгоду, а говорила объ этомъ просто какъ о прискорбномъ случаѣ, и больше ничего. Ея длинныя золотистыя волосы волной спускались по спинѣ, а на щекахъ игралъ свѣжій, теплый румянецъ, смягченный сырмьмъ ночнымъ воздухомъ. При ходьбѣ ея станъ слегка колыхался на высокихъ бедрахъ.

Они вышли изъ лѣсу, передъ ними была открытая поляна, гдѣ-то лаяла собака, и Нагель сказалъ:

— Вотъ и вашъ домъ. Какой уютный видъ у этихъ большихъ усадебъ священниковъ съ бѣлыми зданіями, съ садомъ, съ конурой для собаки и шестомъ для флага среди густого лѣса. Не думаете ли вы, фрѣкенъ, что будете тосковать по дому, когда уѣдете отсюда... Я хочу сказать, когда вы выйдете замужъ? А впрочемъ, все зависитъ отъ того, гдѣ вы будете жить.

— Объ этомъ я еще не думала,—отвѣтила она. И потомъ она прибавила:—Кто знаетъ, чтѣ насъ ожидаетъ впереди!

— Васъ ожидаетъ счастье!—сказалъ онъ.

Пауза. Она шла и, повидимому, думала объ его словахъ.

— Послушайте,—сказала она:—вы не должны удивляться тому, что я гуляю такъ поздно ночью. У насъ здѣсь это принято. Вѣдь мы здѣсь крестьяне, дѣти природы. Я часто гуляю съ адьюнктомъ по этой дорогѣ до самаго утра, и мы болтаемъ съ нимъ.

— Съ адьюнктомъ? Мнѣ кажется, онъ не очень-то разговорчивый человѣкъ.

— Да, конечно, главнымъ образомъ говорю я, то-есть я спрашиваю, а онъ отвѣчаетъ... Чтѣ вы будете дѣлать, когда придете домой?

— Теперь? — отвѣтилъ Нагель. — Когда я приду домой? Я лягу и засну—и буду спать до полудня, какъ сурокъ, безъ сновидѣній и не просыпаясь. А вы чтѣ будете дѣлать?

— Но развѣ вы не раздумываете? Вы не лежите долго съ открытыми глазами, раздумывая надъ всякой всячиной? Неужели вы засыпаете сразу?

— Мгновенно. А вы нѣтъ?

— Послушайте, вотъ ужъ и птичка какал-то заплѣла. Нѣтъ, должно-быть, теперь гораздо позже, чѣмъ вы говорите; давайте мнѣ посмотрѣть на ваши часы. Господи, уже четвертый часъ, скоро четыре! Почему же вы сказали только-что, что второй часъ?

— Простите,—отвѣтилъ онъ.

Она посмотрѣла на него безъ всякаго недовольства и сказала:

— Вамъ не зачѣмъ было обманывать меня. Я во всякомъ случаѣ не торопилась бы уйти изъ лѣсу, говорю вамъ истинную правду. У меня здѣсь немного развлеченій, и я обѣими руками хватаюсь за все, чтѣ перенадеетъ на мою долю. Такъ я привыкла жить съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали сюда, и я не думаю, чтобы кто-нибудь находилъ это дурнымъ. А впрочемъ, не знаю, да это и все равно. Во всякомъ случаѣ, папа ничего не имѣетъ противъ этого, а я считаюсь только съ его мнѣніемъ. Пойдемте, погуляемте еще немного.

Они прошли мимо усадьбы священника и углубились въ лѣсъ по другую сторону ея. Птички уже распѣвали; свѣтлая полоса на востокъ становилась все шире и шире. Разговоръ сталъ вялымъ и вертѣлся вокругъ безразличныхъ предметовъ. Немного спустя они повернули и пошли къ воротамъ усадьбы священника.

— Ну, теперь я иду, Бискенъ! — крикнула она собакѣ, рвавшейся на свой цѣпи.—Благодарю васъ за то, что проводили меня, господинъ Нагель,—я провела прекраснѣйшій вечеръ. Теперь у меня есть о чемъ рассказать своему жениху, когда я ему буду писать. Я скажу ему, что вы совершенно особенный человѣкъ, который никогда ни съ кѣмъ несогласенъ ни въ чемъ,—онъ будетъ очень удивленъ. Я такъ и вижу его, какъ онъ сидитъ и раздумываетъ надъ письмомъ и не понимаетъ его. Дѣло, видите ли, въ томъ, что онъ удивительно добрый, Боже, какой онъ добрый! Онъ никому не противорѣчитъ. Какъ жаль, что вы не увидите его здѣсь. Спокойной ночи!

Нагель отвѣтилъ ей:

— Спокойной ночи! Спокойной ночи!—И онъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не исчезла въ домѣ.

Нагель снялъ свою фуражку и держалъ ее въ рукахъ все время, пока шелъ черезъ лѣсъ; нѣсколько разъ онъ останавливался, подымалъ глаза, смотрѣлъ прямо передъ собой и зачѣмъ шелъ дальше медленными, короткими шагами. Чтѣ за голосъ, чтѣ за голосъ у нея! Нѣтъ, развѣ это не удивительно,—голосъ, въ которомъ дрожить и звенить гнѣи!

IX.

Это было на слѣдующій день около полудня.

Нагель только-что всталъ и вышелъ, не позавтракавъ. Онъ зашелъ уже довольно далеко въ городъ, куда его привлекла

прекрасная погода и оживленное движеніе у пристани. Вдругъ онъ обратился къ какому-то человѣку и спросилъ, гдѣ находится канцелярія окружнаго судьи. Получивъ отвѣтъ на свой вопросъ, Нагель пошелъ сейчасъ же по указанному направленію.

Очутившись у дверей канцеляріи, онъ постучалъ и вошелъ. Пройдя мимо двухъ господъ, сидѣвшихъ и писавшихъ, онъ подошелъ къ повѣренному Рейнерту, котораго попросилъ удѣлать ему нѣсколько минутъ на разговоръ съ глазу на глазъ,— онъ не задержитъ его. Повѣренный всталъ нѣсколько неохотно и попросилъ его въ сосѣднюю комнату.

Тутъ Нагель сказалъ:

— Простите, пожалуйста, что я еще разъ возвращаюсь къ этому предмету, то-есть къ этой исторіи съ Минутой, какъ вы догадываетесь. Я усердно прошу васъ извинить меня.

— Я считаю этотъ инцидентъ исчерпаннымъ послѣ того, какъ вы извинились передо мной въ присутствіи цѣлаго общества въ Ивановъ вечеръ.

— Это, конечно, очень великодушно съ вашей стороны,—сказалъ Нагель.—Но дѣло въ томъ, что я не вполне удовлетворенъ такимъ положеніемъ вещей, господинъ повѣренный. То-есть лично я вполне удовлетворенъ за себя самого, но не за Минуту. Я очень желалъ бы, чтобы вы согласились съ тѣмъ, что и Минута также требуетъ удовлетворенія, и это удовлетвореніе онъ долженъ былъ бы получить именно отъ васъ.

— Вы хотите сказать, что я долженъ пойти и извиниться передъ этимъ юродивымъ въ томъ, что позволилъ себѣ нѣсколько маленькихъ шутокъ съ нимъ,— не это ли вы хотите сказать? Не лучше ли было бы, если бы вы заботились о своихъ собственныхъ дѣлахъ, а не...

— Да, да, да, эта старая истина всеѣмъ извѣстна! Но вернемся къ дѣлу: вы разорвали Минутѣ сюртукъ и общали ему взамѣнъ его другой—вы это помните?

— Теперь я вамъ долженъ сказать вотъ что: вы стоите въ общественномъ учрежденіи и болтаете о частномъ дѣлѣ, которое не касается даже васъ самихъ. Здѣсь я хозяинъ. Вамъ не зачѣмъ возвращаться черезъ канцелярію, вы можете выйти на улицу черезъ эту дверь.

Съ этими словами повѣренный открылъ маленькую дверь.

— Очень вамъ благодаренъ. Но, оставивъ въ сторонѣ шуточки, вы должны немедленно послать Минутѣ общанный вами сюртукъ. Какъ вамъ извѣстно, онъ въ немъ нуждается и онъ повѣрилъ вамъ на слово.

Повѣренный широко распахнулъ маленькую дверь и сказалъ:
— Пожалуйте!

— Минута былъ увѣренъ въ томъ, что вы порядочный человекъ,—продолжалъ Нагель:—и вамъ не слѣдовало бы обманывать его.

Тутъ повѣренный открылъ дверь въ канцелярію и позвалъ двухъ господъ, работавшихъ тамъ. Тогда Нагель приподнялъ фуражку и сейчасъ же вышелъ. Онъ не произнесъ больше ни слова.

Какъ неудачно все это вышло! Лучше было бы и не дѣлать этой попытки. Нагель отправился домой, позавтракалъ, прочелъ газеты и поигралъ со щенкомъ Якобсеномъ.

Позже, послѣ обѣда онъ увидалъ изъ окна своей комнаты Минуту, который поднимался въ гору по тяжелой, усыпанной щебнемъ дорогѣ съ мѣшкомъ угля на головѣ; онъ шелъ съ набережной. Онъ плелся, скрючившись, и не могъ даже смотреть передъ собой, такъ какъ тяжелая ноша пригибала его чуть не къ самой землѣ. Ноги его плохо служили ему, и онъ такъ кривилъ ихъ, что края его брюкъ съ внутренней стороны превратились въ лохмотья. Нагель пошелъ къ нему навстрѣчу и остановилъ его у почты, гдѣ Минута снялъ на мгновение мѣшокъ, чтобы передохнуть.

Они оба одинаково низко поклонились другъ другу. Когда Минута выпрямился, его лѣвое плечо низко опустилось. Нагель вдругъ схватилъ его за это плечо и безъ всякихъ предисловій, не выпуская его, сказалъ ему въ сильномъ возбужденіи:

— Вы разболтали кому-нибудь относительно тѣхъ денегъ, которыя я вамъ давалъ? Говорили вы объ этомъ хоть одному человекъ?

Минута совсѣмъ растерялся и отвѣтилъ.

— Нѣтъ, я никому не говорилъ, ни одной душѣ.

— Я долженъ только предупредить васъ,—продолжалъ Нагель, блѣдный отъ волненія:—что если вы когда-нибудь скажете хоть одно слово про эти нѣсколько шиллинговъ, то я васъ убью,—убью! Клянусь небомъ! Поняли вы меня? И пусть вашъ дядя тоже держитъ языкъ за зубами.

Минута, окаменѣвъ, стоялъ съ разинутымъ ртомъ и только бормоталъ безсвязно, что никому не скажетъ ни слова, не скажетъ, онъ общаетъ это...

Какъ бы въ оправданіе своей горячности, Нагель сейчасъ же прибалялъ:

— Это настоящая дыра, этотъ городишка, труппа какая-то, медвѣжій уголъ! На меня всѣ глазѣютъ, слѣдятъ за каж-

дымъ монмъ шагомъ. Но я не хочу, чтобы за мною повсюду шпионили, на кой мнѣ чортъ всѣ эти люди! Ну, а теперь я васъ предупредилъ. Скажу вамъ еще только одно: я имѣю основаніе предполагать, между прочимъ, что эта фрѣкенъ Кьелландъ изъ усадьбы священника очень смышленная особа, и вы и не замѣтите, какъ она подсмотритъ за вами и заставитъ васъ проболтаться. Но я вовсе не желаю считаться съ ея любопытствомъ, вовсе не желаю! Кстати, я провелъ съ нею вмѣстѣ вечеръ вчера. Она страшная кокетка. А впрочемъ, это къ дѣлу не относится. Я попрошу васъ только еще разъ не проболтаться относительно этихъ пустяковъ и вообще обо всемъ, что произошло между нами. Я очень радъ, что встрѣтилъ васъ сегодня, — продолжалъ Нагель. — Я хотѣлъ поговорить съ вами также и о другомъ. Третьяго-дня мы сидѣли съ вами вмѣстѣ на одной могильной плитѣ на кладбищѣ.

— Да.

— Я написалъ на плитѣ стихи и признаюсь, что это были скверные, неприличные стихи, а впрочемъ, это къ дѣлу не относится... Итакъ, я написалъ стихи. Когда я всталъ съ плиты, стихи были еще тамъ, а когда я черезъ нѣсколько минутъ возвратился снова на кладбище, они были уже стерты, — это вы сдѣлали?

Минута потупилъ глаза и отвѣтилъ:

— Да.

Пауза. Мучительно смущенный тѣмъ, что его поймали на этомъ дерзкомъ поступкѣ, Минута, запинаясь, сталъ оправдываться:

— Я хотѣлъ предотвратить... Вѣдь вы не знали Мини Меекъ, и все дѣло только въ этомъ, иначе вы не поступили бы такъ, не написали бы этихъ стиховъ. И я сейчасъ же сказалъ самому себѣ: онъ не виноватъ, онъ здѣсь въ городѣ совсемъ чужой, а я здѣсь свой человекъ и могу легко исправить все дѣло. Какъ же мнѣ было не сдѣлать этого? Вотъ я и стеръ стихи. И никто не успѣлъ прочесть ихъ.

— Откуда вы знаете, что никто не успѣлъ прочесть ихъ?

— Ни одна душа не читала ихъ. Проводивъ васъ и доктора Стенерсена до воротъ кладбища, я сейчасъ же возвратился назадъ и стеръ ихъ. Я отходилъ отъ плиты не болѣе какъ на двѣ минуты.

Нагель посмотрѣлъ на него, взялъ его руку и пожалъ ее, не говоря ни слова. Они посмотрѣли другъ на друга; губы Нагеля слегка дрожали.

— До свиданья! — сказалъ онъ. — Ахъ, да, вы получили сюртукъ?

— Гм... Но я, конечно, получу его къ тому дню, когда онъ мнѣ будетъ нуженъ, — черезъ три недѣли...

Въ эту минуту мимо нихъ проходитъ сѣдая дѣвушка, продающая яйца, Марта Гуде. Она несетъ подъ фартукомъ корзину, глаза у нея опущены. Минута поклонился ей, Нагель также поклонился. Она едва отвѣтила на поклонъ, быстро прошла мимо къ рынку, гдѣ продала свои нѣсколько яицъ, и потомъ пошла назадъ со своей парой шиллинговъ въ рукахъ. На ней было надѣто тонкое зеленое платье. Нагель не спускалъ глазъ съ этого зеленого платья и слѣдилъ за нимъ. Онъ сказалъ:

— Такъ, значить, черезъ три недѣли вамъ понадобится сюртукъ, но чтѣ должно произойти черезъ три недѣли?

— Тутъ будетъ базаръ, большой вечеръ, развѣ вы не слышали объ этомъ? Я также долженъ участвовать въ живыхъ картинахъ. Такъ рѣшила фрѣкенъ Дагни.

— Вотъ какъ! — сказалъ Нагель задумчиво. — Ну, вы, конечно, получите вашъ сюртукъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Новый сюртукъ взамѣнъ стараго. Сегодня повѣренный говорилъ мнѣ это. Онъ, въ сущности, ужъ вовсе не такой дурной человѣкъ... Но запомните одно: вы не должны благодарить его за это, никогда! Вы не должны никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ упоминать въ его присутствіи о сюртукѣ, онъ не желаетъ принимать благодарности за это. Поняли вы? Это было бы для него мучительно, — говоритъ онъ. Да и вы сами должны согласиться, что съ вашей стороны было бы безтактно напоминать ему о томъ случаѣ, когда онъ былъ пьянъ и вышелъ изъ гостиницы съ проломленной шляпой.

— Да.

— Да и вашему дядѣ также лучше не говорите, откуда у васъ сюртукъ. Пусть ни одна душа не узнаетъ объ этомъ, повѣренный требуетъ этого самымъ настоятельнымъ образомъ. Вы понимаете, конечно, что для него было бы чрезвычайно невыгодно, чтобы случай съ нимъ разнесся по всему городу; ему было бы очень неприятно, если бы всѣ узнали, что онъ оскорбляетъ людей, а потомъ заглаживаетъ свою вину передъ ними при помощи сюртука.

— Ну, конечно, это я прекрасно понимаю.

— Послушайте, мнѣ пришло сейчасъ въ голову: почему вы не предпочитаете употреблять телѣжку, чтобы развозить уголь?

— Я не могу употреблять телѣжки изъ-за моей болѣзни, я не могу тащить ее. Я могу переносить довольно большія тяжести, если осторожно взвалю ихъ на себя, но я неспособенъ тащить что-нибудь впередъ; это для меня слишкомъ тяжело,

я выбиваюсь изъ силъ и падаю на землю съ невыносимыми болями. Съ мѣшкомъ мнѣ справляться гораздо легче.

— Ну, и прекрасно. Зайдите же ко мнѣ какъ-нибудь. Не забывайте номера седьмого; входите безъ всякихъ церемоній.

Съ этими словами онъ сунулъ въ руку Минуты ассигнацію и сталъ поспѣшно удаляться по направленію къ набережной. Онъ все время слѣдилъ глазами за зеленымъ платьемъ и теперь послѣдовалъ за нимъ.

Дойдя до маленькаго домика Марты Гуде, онъ остановился и нѣсколько мгновеній оглядывался по сторонамъ. Никого не было видно кругомъ. Онъ постучалъ, но не получилъ отвѣта. Два раза онъ уже подходилъ раньше къ этимъ дверямъ и не получалъ отвѣта. На этотъ разъ онъ своими глазами видѣлъ, что она вернулась съ рынка, и теперь онъ не хотѣлъ повернуть обратно, не повидавъ ея. Онъ рѣшительно отворилъ дверь и вошелъ въ комнату.

Она стояла посреди комнаты и смотрѣла на него. Она казалась взволнованной и блѣдной и до того растерялась, что протягивала впередъ руки, не зная, что дѣлать.

— Простите мою навязчивость, фрѣкенъ, прошу васъ, — сказалъ Нагель, кланяясь необыкновенно почтительно. — Я былъ бы такъ благодаренъ вамъ, если бы вы разрѣшили мнѣ поговорить съ вами нѣсколько минутъ. Не беспокойтесь, я не задержу васъ. Я уже два раза напрасно приходилъ къ вамъ, и только сегодня мнѣ повезло застать васъ дома. Мое имя Нагель, я пріѣзжій и на нѣкоторое время поселился въ гостиницѣ «Централь».

Она продолжала молчать, но предложила ему стулъ, а сама отошла къ кухонной двери. Она была страшно смущена и, глядя на него, перебирала край своего фартука.

Комната оказалась совершенно такой, какой Нагель представлялъ себѣ: столъ, два стула и кровать — вотъ все, что находилось въ ней. На окнахъ стояло нѣсколько горшковъ съ бѣлыми цвѣтами, но занавѣсокъ на окнахъ не было; полъ былъ довольно грязный. Нагель увидалъ также въ углу возлѣ кровати кресло съ высокой спинкой. У него оставалось только двѣ переднихъ ножки, и оно было прислонено къ стѣнѣ. Сидѣніе было обтянуто краснымъ плюшемъ.

— Если бы мнѣ только удалось успокоить васъ, фрѣкенъ! — сказалъ снова Нагель. — Я не всегда нагоняю такой страхъ, когда вхожу въ домъ, хе-хе-хе. Вѣдь я не въ первый разъ вхожу въ чужой домъ въ этомъ городѣ; я посѣщалъ и другихъ, кромѣ васъ. Я хожу изъ дома въ домъ, пытаюсь проникнуть всюду, но, можетъ-быть, вы уже слышали объ

этомъ? Нѣтъ? Но это именно такъ. Моя профессія требуетъ этого, я коллекціонеръ и собираю всякія старыя вещи, — я покупаю старинныя вещи и плачѹ за нихъ столько, сколько онѣ дѣйствительно могутъ стоить. Но вы, пожалуйста, не пугайтесь, фрѣкенъ, я ничего не украду у васъ, когда буду уходить, хе-хе-хе, вообще я не отличаюсь этой привычкой. Вы можете быть совершенно спокойны. Если мнѣ не удастся купить чего-нибудь по добровольному соглашенію, то съ этимъ ничего не подѣлаешь.

— Но у меня нѣтъ никакихъ старыхъ вещей, — сказала она наконецъ, и на лицѣ у нея было написано полное отчаяніе.

— Ну, это всегда такъ говорятъ, — отвѣтилъ онъ. — Я согласенъ, что бываютъ вещи, къ которымъ привязываешься и съ которыми ни за что не хочешь разстаться, вещи, къ которымъ привыкаешь съ дѣтства, полученныя въ наслѣдство отъ родителей или даже отъ прадѣдовъ. Но, съ другой стороны, эти старыя вещи стоятъ такъ себѣ, безъ всякой пользы; зачѣмъ же имъ понапрасну занимать мѣсто и представлять собой мертвый капиталъ? Вѣдь дѣло въ томъ, что эти бесполезныя фамилныя вещи представляютъ иногда крупныя суммы, а между тѣмъ, въ концѣ концовъ, онѣ совершенно разваливаются, и ихъ сваливаютъ на чердакъ. Почему же лучше не продать ихъ, пока еще не поздно? Нѣкоторые начинаютъ сердиться, когда я прихожу, и отвѣчаютъ, что у нихъ нѣтъ старыхъ вещей, — прекрасно, вольному воля, я раскланиваюсь и ухожу. Съ этимъ ничего не подѣлаешь. Другіе же конфузятся и не хотятъ мнѣ показывать какую-нибудь сковородку безъ дна, или что-нибудь подобное. Они въ этомъ ничего не смыслятъ. Но этимъ отличаются именно люди простосердечные, которые не имѣютъ понятія о томъ, до какой степени въ настоящее время развита манія собирать коллекціи. Я говорю «манія», я сознаю, что только манія и не что иное заставляетъ меня составлять коллекцію, — я называю все своими именами. Но все это касается только меня самого, и это мое дѣло. Однако что я хотѣлъ сказать? Со стороны такихъ людей и смѣшно и глупо стѣсняться показывать свои старинныя вещи. На что похожи оружіе и кольца, которыя откапываютъ въ курганахъ? Но развѣ они изъ-за этого не имѣютъ цѣны? Да, какъ вы думаете, фрѣкенъ? Если бы вы только видѣли мою коллекцію коровьихъ колокольчиковъ! У меня есть колокольчикъ, — изъ проетвой жести, конечно, — которому молилось, какъ божеству, одно индѣйское племя. Подумайте только, этотъ колокольчикъ висѣлъ безконечное множество лѣтъ въ

патрѣ въ станѣ дикарей, и ему молились и приносили жертвы. Да, представьте себѣ! Однако я удаляюсь отъ цѣли своего посѣщенія. Но стѣбитъ мнѣ только заговорить о колокольчикахъ, и меня уже не остановитъ.

— Да, но у меня, правда, цѣтъ такихъ старыхъ вещей, — сказала снова Марта.

— Не разрѣшите ли вы мнѣ, — сказалъ Нагель медленно и съ видомъ знатока: — не разрѣшите ли вы мнѣ взглянуть на это кресло? Я только спрашиваю вашего разрѣшенія и, конечно, не сдвинусъ съ мѣста, пока не получу вашего позволенія. Въ сущности, я обратилъ на него вниманіе съ первой же минуты, какъ вошелъ сюда.

Марта окончателно теряетъ. Она отвѣчаетъ:

— Это... Ахъ, пожалуйста... но ножки его обломаны...

— Ножки обломаны, совершенно вѣрно. Но что же изъ этого? Какое это имѣетъ значеніе? Именно потому-то, можетъ-быть, именно потому... Позвольте спросить, откуда оно у васъ?

Нагель взялъ кресло въ руки. Онъ переворачивалъ его и осматривалъ со всѣхъ сторонъ. Оно было безъ позолоты, съ единственнымъ украшеніемъ на спинкѣ, — это было нѣчто въ родѣ короны, вырѣзанной изъ краснаго дерева. Задняя часть спинки была изрѣзана ножомъ. На деревянной рамѣ сидѣнія также были видны слѣды того, что на ней рѣзали табакъ.

— Оно попало къ намъ откуда-то изъ-за границы, не знаю, право, откуда. Мой дѣдъ привезъ съ собой когда-то нѣсколько такихъ креселъ, но теперь осталось только это одно. Мой дѣдъ былъ морякъ.

— Вотъ какъ. А вашъ отецъ также былъ морякомъ?

— Да.

— И вы, можетъ-быть, также путешествовали? Простите, что я спрашиваю.

— Да, я путешествовала съ отцомъ много лѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это интересно! Въ такомъ случаѣ вы видѣли много странъ, побывали въ заморскихъ краяхъ, какъ говорится! Да, вотъ какъ! А потомъ вы поселились здѣсь? Ну, конечно, на родинѣ лучше всего, — въ гостяхъ хорошо, а дома лучше... Кстати, вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ вашъ дѣдушка приобрѣлъ это кресло? Долженъ вамъ сказать, что для меня чрезвычайно важно знать исторію происхожденія вещей, такъ сказать, познакомиться съ ихъ біографіей.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не знаю, гдѣ онъ его приобрѣлъ, это было такъ давно. Можетъ-быть, въ Голландіи. Нѣтъ, право, не знаю.

Къ своему удовольствію, онъ замѣтилъ, что она оживлялась все болѣе и болѣе. Она отошла отъ кухонной двери и стояла почти возлѣ него въ то время, какъ онъ возился съ кресломъ и какъ будто не могъ насмотрѣться на него. Онъ говорилъ безостановочно, дѣлалъ всевозможныя замѣчанія относительно работы, пришелъ въ восторгъ, когда увидалъ на задней сторонѣ спинки небольшую, вдѣланную въ дерево дощечку, въ которую въ свою очередь была вдѣлана другая дощечка, — это была самая простая работа, безвкусная и по-дѣтски выполненная. Къ тому же кресло было до такой степени ветхое, что онъ обращался съ нимъ крайне осторожно.

— Да, — сказала она наконецъ: — если вамъ дѣйствительно... я хочу сказать, если это можетъ вамъ доставить какое-нибудь удовольствіе, то, пожалуйста, возьмите это кресло себѣ. Если желаете, то я сама отнесу его въ вашу гостиницу. Мнѣ оно не нужно. — И она вдругъ разсмѣялась надъ тѣми усиліями, которыя онъ дѣлалъ, чтобы приобрести это никуда больше негодное, истлѣвшее кресло. — Вѣдь у него осталась только единственная ножка, — прибавила она.

Онъ посмотрѣлъ на нее. Волосы у нея были совершенно сѣдые, но улыбка у нея была молодая и задорная, и зубы прекрасные. Когда она улыбалась, глаза ея сверкали влажнымъ блескомъ. Что за черноглазая старая дѣва! Но на лицѣ Наголя ничего не отразилось.

— Я очень радъ, — сказалъ онъ сухо: — что вы рѣшаетесь уступить мнѣ кресло. А теперь перейдемъ къ цѣнѣ. Нѣтъ, простите, подождите немного, дайте мнѣ кончить, я не хочу, чтобы вы назначали цѣну, я это всегда самъ дѣлаю. Я оцѣниваю вещь, предлагаю столько-то и столько-то — и баста! Вы могли бы назначить невѣроятно большую сумму, поставить меня въ затрудненіе, почему бы и нѣтъ? Конечно, на это вы могли бы возразить, что, въ сущности, вы не производите впечатлѣнія жаднаго человѣка. Прекрасно, съ этимъ я охотно соглашаюсь; но тѣмъ не менѣе мнѣ приходится имѣть дѣло со всевозможными людьми, и я предпочитаю назначать всегда цѣну самъ, — такъ для меня удобнѣе. Это мой принципъ. Кто вамъ можетъ помѣшать, на примѣръ, потребовать за это кресло триста кронъ, если бы вы сами назначали цѣну? Вы тѣмъ легче поступили бы такъ, зная, что тутъ идетъ рѣчь дѣйствительно объ очень рѣдкомъ и цѣнномъ предметѣ. Но такія бѣшенныя деньги я не могу заплатить; я говорю это прямо и откровенно, чтобы вы не дѣлали себѣ на этотъ счетъ никакихъ иллюзій. У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія разориться, вѣдь это было бы безуміемъ съ моей стороны, если бы я вамъ

заплатилъ триста кронъ за одно кресло. Ну, однимъ словомъ, я даю вамъ за него двѣсти кронъ и ни однимъ шиллингомъ больше. Я всегда готовъ заплатить то, что вещь въ дѣйствительности стѣитъ, но не больше.

Она не произнесла ни слова, она только стояла и смотрѣла на него во всѣ глаза. Наконецъ ей пришла въ голову мысль, что онъ шутитъ, и она начала смѣяться, тихо и растерянно.

Нагель спокойно вынулъ изъ кармана двѣ красныя бумажки и помахалъ ими въ воздухъ. Въ то же время онъ не спускалъ глазъ съ кресла. Онъ сказалъ:

— Я не стану отрицать, что вы могли бы, можетъ-быть, получить и больше отъ кого-нибудь другого; я откровенно признаюсь въ томъ, что *немного* больше вы, пожалуй, могли бы получить. Но ужъ я такъ рѣшилъ: кругленькую сумму въ двѣсти кронъ я даю вамъ, но больше не могу. Впрочемъ, вы вольны поступать, какъ желаете; но предварительно обдумайте мое предложеніе. Вѣдь и двѣсти кронъ все-таки деньги.

— Нѣтъ, — отвѣтила она со своей смущенной улыбкой: — оставьте ваши деньги у себя.

— Оставить деньги у себя! Что это значитъ? Хотѣлъ бы я знать, чего не хватаетъ этимъ деньгамъ? Ужъ не думаете ли вы, что онъ моего собственнаго издѣлія? Или вы подозреваете, что я ихъ укралъ, хе-хе-хе,—да?

Она перестала улыбаться. Этотъ человѣкъ, повидимому, говорилъ серьезно, и она задумалась надъ этимъ. Чего добивается у нея этотъ сумасшедшій? У него такіе глаза, что о немъ можно подумать все, что угодно. Богъ знаетъ, не преслѣдуетъ ли онъ какую-нибудь особенную цѣль? Не разставляетъ ли онъ ей какую-нибудь ловушку? Зачѣмъ онъ пришелъ именно къ ней съ этими деньгами? Наконецъ, какъ бы принявъ опредѣленное рѣшеніе, она сказала:

— Если вы непременно хотите мнѣ дать за это кресло крону или двѣ, то я съ благодарностью приму ихъ. Но больше я не возьму.

Онъ казался крайне изумленнымъ, онъ подошелъ къ ней ближе и посмотрѣлъ на нее. Потомъ онъ расхохотался.

— Но... да вы подумали ли?.. Нѣтъ, это первый случай со мной съ тѣхъ поръ, какъ я занимаюсь собираніемъ коллекціи. А впрочемъ, это, конечно, шутка, я понимаю...

— Нѣтъ, это не шутка. Какъ это все странно! Я не желаю получать больше, да и вообще я ничего не хочу. Берите кресло даромъ, если хотите!

Нагель расхохотался во все горло.

— Я понимаю вашу шутку и я оцѣниваю ее по достоин-

ству,—нѣтъ, я въ восторгѣ, чортъ побери, я въ восторгѣ отъ нея! Я всегда хохочу до упаду надъ хорошей шуткой. Но намъ пора, однако, прійти къ какому-нибудь соглашенію,—не правда ли? Какъ вы думаете, не покончить ли намъ съ этимъ, прежде чѣмъ мы снова придемъ въ дурное настроеніе духа? Пожалуй, немного погодя вы, можетъ-быть, снова поставите кресло въ уголь и уже потребуете за него пятьсотъ кронъ.

— Берите кресло... Чего вы, собственно, хотите?

Они пристально посмотрѣли другъ на друга.

— Если вы думаете, что я преслѣдую какую-нибудь другую цѣль, кромѣ приобрѣтенія этого кресла за сносную цѣну, то вы глубоко ошибаетесь,—сказалъ онъ.

Марга воскликнула:

— Но Господи Боже мой! Да берите же его, берите!

— Конечно, я долженъ былъ бы быть вамъ чрезвычайно признательнымъ за ваше великодушіе и вашу любезность. Но у насъ, коллекціонеровъ, есть также честь, хотя, правда, иногда и въ очень ограниченномъ количествѣ, и эта-то честь удерживаетъ меня, возстаетъ противъ меня самого, и не позволяетъ мнѣ даромъ приобрѣсти дорогой предметъ. Вся моя коллекція упала бы въ моихъ собственныхъ глазахъ,—въ глазахъ своего обладателя,—если бы я среди другихъ предметовъ поставилъ этотъ, приобрѣтенный такимъ незаконнымъ образомъ, вся моя коллекція приобрѣла бы отъ этого какой-то фальшивый тонъ, который отразился бы на каждой вещицѣ. Хе-хе-хе! Въ концѣ концовъ мнѣ прямо смѣшно, что выходитъ совсѣмъ наоборотъ, что я долженъ отстаивать ваши интересы, а не свои собственные. Но что же дѣлать, разъ вы сами принуждаете меня къ этому?

Но она не сдавалась; нѣтъ, онъ такъ и не добился отъ нея ничего. Она настаивала на томъ, чтобы онъ взялъ кресло за какой-нибудь пустякъ, за крону или двѣ, или чтобы оставилъ его совсѣмъ. Такъ какъ всѣ его попытки побороть ея упорство остались безплодными, то онъ сказалъ наконецъ, чтобы какъ-нибудь выйти изъ затруднительнаго положенія:

— Хорошо, пусть это пока такъ останется. Но общайте мнѣ, что вы никому другому не продадите этого кресла, не предупредивъ меня, — вы согласны? Я ни за что не выпущу его изъ рукъ, такъ и знайте, если бы даже пришлось заплатить за него немного дороже. Во всякомъ случаѣ, я согласенъ заплатить столько же, сколько всякій другой. А кромѣ того за мной то преимущество, что я первый выразилъ желаніе купить это кресло.

Когда Нагель очутился на улицѣ, онъ быстро зашагалъ

впередъ въ сильномъ возбужденіи. «Что за упорство у этой дѣвушки! И какъ она бѣдна и недовѣрчива! Обратилъ ли ты вниманіе на ея кровать?—спросилъ онъ самого себя.—На ней нѣтъ даже охапки соломы, она не покрыта даже простыней, на ней лежатъ только двѣ нижнія юбки, которыя она, можетъ-быть, надѣваетъ также и днемъ, когда холодно. И въ то же время она такъ боится впутаться во что-нибудь некрасивое и наотрѣзъ отказывается отъ самаго выгоднаго предложенія!» Но ему-то какого чорта до всего этого? Да, ему дѣйствительно нѣтъ никакого дѣла до этого. По это настоящій дьяволъ, а не дѣвушка,—развѣ нѣтъ? Если онъ подошлетъ къ ней кого-нибудь покупать это кресло и набавитъ цѣну, то это ей, пожалуй, опять покажется подозрительнымъ. Что за глупое созданіе! И надо же ему было сунуть туда носъ, чтобы получить такой позорный отказ!

Въ своемъ возбужденіи онъ дошелъ до самой гостиницы, даже не замѣтивъ этого. Онъ остановился съ нѣкоторой досадой, потомъ повернулъ обратно и снова пошелъ по улицѣ, по направленію къ портняжному магазину I. Хансена, куда и вошелъ. Онъ вызвалъ хозяина и, когда остался съ нимъ съ глазу на глазъ, то заказалъ ему сюртукъ, такой-то и такой-то, прося держать этотъ заказъ въ тайнѣ. Когда сюртукъ будетъ готовъ, онъ долженъ быть немедленно отосланъ къ Минутѣ, къ Грѣгорду, къ этому прихрамывающему разносчику угля, который...

— Такъ этотъ сюртукъ заказывается для Минуты?

— Такъ что же изъ этого? Пожалуйста, не любопытничайте! Что это за выпытываніе?

— Но это необходимо изъ-за мѣрки.

— Вотъ какъ! Ну, да, этотъ сюртукъ заказывается для Минуты; хорошо, Минута можетъ самъ прійти, чтобы дать снять съ себя мѣрку, почему бы и нѣтъ? Но, пожалуйста, не проносите ли одного лишняго слова и виду не подавайте,—идеть? А когда будетъ сюртукъ готовъ? Дня черезъ два? Прекрасно!

Нагель тутъ же отсчиталъ деньги, попрощался и вышелъ. Досада его прошла, онъ потиралъ руки и тихо налѣвалъ. Да, да, онъ все-таки поставитъ на своемъ! Подождите! Придя къ себѣ, онъ сейчасъ же взбѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ въ свою комнату и позвонилъ; руки его дрожали отъ нетерпѣнія, и не успѣла дверь раствориться, какъ онъ крикнулъ:

— Бланки для телеграммъ, Сара!

Въ ту минуту, какъ Сара вошла, онъ стоялъ передъ своимъ футляромъ для скрипки, который только-что раскрылъ; къ

своему величайшему изумленію, Сара увидѣла, что въ этомъ ящикѣ, съ которымъ она всегда обращалась такъ осторожно, находится только грязное бѣлье, нѣсколько бумажекъ и письменныя принадлежности, но скрипки въ немъ не было. Она не вышла сейчасъ же, а остановилась и стала смотрѣть на футляръ.

— Бланки для телеграммъ!—повторилъ онь громче:—я просить бланки для телеграммъ.

Когда онь получилъ наконецъ бланки, то написалъ на одномъ изъ нихъ нѣсколько словъ своему знакомому въ Христианію, чтобы тотъ анонимно послалъ двѣсти кронъ фрѣнкенъ Мартѣ Гуде, живущей въ этомъ городѣ,—двѣсти кронъ безъ единого слова. «Необходимо соблюденіе глубочайшей тайны. Иоганъ Нагель».

Но нѣтъ, это не годится. Когда онь поразмыслилъ хорошенько, то нашель, что этотъ планъ не годится. Не лучше ли объясниться подробнѣе и сейчасъ же переслать деньги, чтобы быть увѣреннымъ, что его порученіе будетъ исполнено? Онь разорвалъ телеграмму, а потомъ даже сжегъ клочки бумаги и сейчасъ же кое-какъ второпяхъ написалъ письмо. Да, такъ лучше, самое маленькое письмо гораздо дѣйствительнѣе телеграммы, такъ лучше. Да, онь ей покажетъ, онь дастъ ей понять...

Но, вложивъ деньги въ конвертъ и запечатавъ его, онь остался сидѣть и снова задумался. «Вѣдь она снова можетъ заподозрѣть что-нибудь,—сказалъ онь самому себѣ:—двѣсти кронъ—это слишкомъ круглая сумма, да къ тому же это какъ разъ та сумма, которой онь только-что помахивалъ передъ самымъ ея носомъ. Нѣтъ, это тоже не годится!» Онь вынулъ изъ кармана еще одну бумажку въ десять кронъ, вскрыль конвертъ и прибавилъ къ двумстамъ кронамъ еще десять. Послѣ этого онь снова запечаталъ письмо и отослалъ его.

Цѣлый часъ спустя послѣ этого онь думалъ о своей выдумкѣ и находилъ ее прекрасной. На Марту Гуде это письмо свалится точно съ неба, откуда-то съ вышины, свалится на нее изъ неизвѣстныхъ рукъ. Что-то она скажетъ, когда получитъ эти деньги? Но когда онь во второй разъ спросилъ себя, что она скажетъ на это, какъ она вообще отнесется ко всему этому,—его снова охватило уныніе: этотъ планъ былъ опасенъ, онь слишкомъ смѣлъ, вся эта выдумка была глупа и никуда не годилась. Вся бѣда въ томъ, что она, конечно, не скажетъ ничего разумнаго, а поступить, какъ идіотка. Когда она получитъ письмо, она не пойметъ ничего и предоставитъ другимъ разобратъся въ этомъ дѣлѣ. Она разложитъ его на

столъ въ почтовой конторѣ напоказъ всему городу, тутъ же выложить всѣ деньги почтальону, будетъ ломаться и скажетъ: «Нѣтъ, оставьте свои деньги у себя!». А почтовый чиновникъ приложитъ палецъ къ носу и скажетъ: «Подождите немного, стойте, мнѣ кое-что пришло въ голову!» И онъ откроетъ свои книги, пороется въ нихъ и найдетъ, что дня два тому назадъ отсюда была выслана какъ разъ такая же сумма,—чтобы не сказать тѣ же самыя ассигнаціи,—двѣсти десять кронъ по такому-то и такому-то адресу въ Христианію. Отправителемъ окажется нѣкій Іоганъ Нагель, пріѣзжій, который недавно поселился въ гостиницѣ «Централь»...

Да, у этихъ почтовыхъ чиновниковъ предлинные носы, и они все пронюхиваютъ...

Нагель снова позвонилъ и велѣлъ сейчасъ же посыльному изъ гостиницы вернуть его письмо.

Это нервное возбужденіе, въ которомъ онъ находился весь день, привело его наконецъ къ тому, что ему все надоѣло. Въ сущности, къ чорту все это! Какое ему дѣло до того, что Господь Богъ устраиваетъ желѣзнодорожную катастрофу съ человѣческими жертвами гдѣ-то въ самой глубинѣ Америки! Нѣтъ, конечно, ему нѣтъ никакого дѣла до этого! Ну, и ровно столько же дѣла ему до высокочтимой дѣвицы Марты Гуде!

Два дня онъ не выходилъ изъ гостиницы.

Х.

Въ субботу вечеромъ въ комнату Нагеля вошелъ Минута. На немъ былъ новый сюртукъ, и онъ весь сіялъ отъ счастья.

— Я встрѣтилъ повѣреннаго, — сказалъ онъ: — и онъ глазомъ не сморгнулъ, онъ даже спросилъ, отъ кого я получилъ сюртукъ. Ишь, хитрый, хотѣлъ испытать меня!

— Что же вы ему отвѣтили?

— Я засмѣялся и отвѣтилъ, что этого я не скажу, не скажу ни одному человѣку, пусть онъ извинитъ меня, прощайте!.. Да, какъ же, такъ я ему и сказалъ!.. Дѣло, видите ли, въ томъ, что прошло уже лѣтъ тринадцать съ тѣхъ поръ, какъ у меня былъ новый сюртукъ,—я подсчиталъ... Кстати, позвольте васъ поблагодарить за тѣ деньги, которыя вы мнѣ дали въ послѣдній разъ. Вы опять дали слишкомъ много для такого калѣки, — куда мнѣ ихъ дѣвать? Я совсѣмъ одурѣлъ отъ всѣхъ вашихъ благодѣяній и ничего не соображаю; всѣ чувства мои пришли въ полное смятеніе, и я не могу оставаться спокойнымъ. Ха-ха-ха-ха! Боже, я превратился въ настоящаго ребенка! Нѣтъ, я хорошо зналъ, что получу когда-

нибудь этот сюртукъ,—развѣ я вамъ не говорилъ этого? Правда, иногда приходится ждать довольно долго, но я никогда не жду напрасно. Лейтенантъ Хансенъ обѣщаль мнѣ какъ-то двѣ шерстяныя фуфайки, которыя ему больше не нужны. Съ тѣхъ поръ прошло уже два года, но я такъ увѣренъ въ томъ, что въ концѣ концовъ получу ихъ, словно онѣ были бы у меня уже въ рукахъ. Такъ всегда бываетъ, люди вспоминаютъ свои обѣщанія и, когда приходитъ время, даютъ мнѣ то, въ чемъ я нуждаюсь. А вы не находите, что въ новомъ платьѣ я какъ будто совсѣмъ другой человѣкъ?

— Давно вы не были у меня.

— Дѣло въ томъ, что я ждалъ новаго сюртука, такъ какъ я рѣшилъ не приходиться къ вамъ больше въ старомъ. У меня есть нѣкоторыя странности. Мнѣ кажется чѣмъ-то унижительнымъ появляться въ обществѣ въ разорванномъ сюртукѣ; Богъ знаетъ, почему это, но я глубоко падаю въ своихъ собственныхъ глазахъ въ такихъ случаяхъ,—это оскорбляетъ мое чувство собственного достоинства. Простите, что я при васъ говорю о чувствѣ собственного достоинства, словно это нѣчто такое, о чемъ вообще стѣдуетъ упоминать. Конечно, это сущіе пустяки, о которыхъ не стоило бы говорить, но все-таки время отъ времени у меня является чувство собственного достоинства.

— Не хотите ли вина? Нѣтъ? Но вы не откажетесь выкурить сигару?

Нагель позвонилъ и велѣлъ подать вина и сигаръ. Онъ сейчасъ же началъ пить и пить много, но Минута только курилъ и смотрѣлъ на него. Минута продолжалъ говорить безостановочно, словно не могъ наговориться вдоволь.

— Послушайте-ка,—прервалъ его вдругъ Нагель:—можетъ-быть, у васъ не совсѣмъ-то хорошо обстоитъ дѣло съ рубашками? Простите, что я спрашиваю васъ объ этомъ.

Минута поспѣшно отвѣтилъ:

— Не подумайте, что я заговорилъ о тѣхъ двухъ фуфайкахъ съ какой-нибудь цѣлью. Клянусь, что это такъ же вѣрно, какъ то, что я здѣсь сижу.

— Ну, конечно, нѣтъ! Чего вы волнуетесь? Если вы ничего противъ этого не имѣете, то покажите, что у васъ надѣто подъ сюртукомъ?

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста! Вотъ посмотрите на эту сторону, и другая сторона не хуже...

— Нѣтъ, подождите-ка немного, другая сторона какъ разъ хуже, насколько я вижу.

— Но развѣ можно требовать чего-нибудь лучшаго?—воскликнулъ Минута.—Нѣтъ, я вовсе не нуждаюсь въ рубашкахъ,

увѣрю васъ. Я даже скажу больше, — такая рубашка, какъ эта, слишкомъ хороша для меня. Знаете, отъ кого я ее получилъ? Отъ доктора Стенерсена, отъ самого доктора Стенерсена. И я думаю, что его жена ничего не знаетъ объ этомъ, хотя она сама олицетворенная доброта. Я получилъ эту рубашку къ Рождеству.

— Къ Рождеству?

— Вы думаете, что это уже давно? Но вѣдь такую рубашку я не рву, какъ какое-нибудь животное, я не стараюсь нарочно дѣлать на пей дыръ, а потому на ночь я спимаю ее и лежу голый, чтобы не изнашивать ее напрасно во время сна. Такимъ образомъ я долго сохраняю эту рубашку и могу свободно вращаться въ обществѣ, не смущаясь тѣмъ, что у меня нѣтъ приличной рубашки. И вотъ, благодаря этому, я буду участвовать въ живыхъ картинахъ, такъ какъ у меня есть еще хорошая рубашка. Фрѣкенъ Дагни настаиваетъ на томъ, чтобы я принялъ участіе въ живыхъ картинахъ. Я встрѣтилъ ее у церкви. Она говорила также о васъ...

— Вы получите также и пару брюкъ. Стоитъ заплатить деньги за удовольствіе посмотреть, какъ вы будете выступать публично. Разъ повѣренный подарилъ вамъ сюртукъ, то я подарю вамъ брюки, — это будетъ только справедливо. Но я дѣлаю это съ обычнымъ условіемъ, что вы будете молчать объ этомъ.

— Но конечно, конечно!

— Мнѣ кажется, вамъ не мѣшало бы выпить немного. А впрочемъ, дѣлайте, какъ хотите. А я хочу пить сегодня, я въ нервномъ, грустномъ настроеніи. Не позволите ли вы мнѣ предложить вамъ одинъ нескромный вопросъ? Извѣстно ли вамъ, что у васъ есть прозвище? Васъ называютъ Минутой, — знаете ли вы это?

— Конечно, я это знаю. Вначалѣ я отъ этого очень страдалъ и молилъ Бога помочь мнѣ. Разъ я цѣлое воскресенье пробродилъ въ лѣсу и три раза падалъ на колѣни въ различныхъ мѣстахъ, гдѣ было посуше, — это было весной, когда начало таять. Но съ тѣхъ поръ прошло много времени, нѣсколько лѣтъ, — и теперь никто меня не называетъ иначе, всѣ зовутъ меня Минутой, и я съ этимъ примирился. Почему вы спросили, знаю ли я это? Развѣ то, что я знаю, можетъ хоть сколько-нибудь измѣнить дѣло?

— А вы знаете также, почему вамъ дали это глупое прозвище?

— Да. Мнѣ его дали задолго до того, какъ я сталъ калѣкой, но я помню, какъ все произошло. Это было однажды ве-

черомъ, или, вѣрнѣе, почью, во время холостой пирушки. Можетъ-быть, вы замѣтили желтый домъ у таможи, съ правой стороны, если направитесь къ таможи? А впрочемъ, тогда этотъ домъ былъ бѣлый, и въ немъ жилъ бургомистръ. Бургомистръ былъ холостой, и звали его Сѣренсеномъ,—это былъ прѣвеселый парень. Стояла прекрасная весенняя ночь, я возвращался съ набережной, гдѣ гулялъ взадъ и вперёдъ и разсматривалъ суда. Дойдя до этого желтаго дома, я услышалъ, что тамъ гости, такъ какъ говоръ и смѣхъ множества голосовъ слышенъ былъ на улицѣ. Въ ту минуту, какъ я проходилъ мимо, меня увидали въ окно и постучали мнѣ. Я вхожу въ домъ и нахожу доктора Кольбу, капитана Вильяма Пранте, таможеннаго чиновника Фолькедаля и еще многихъ другихъ; да, теперь никого изъ нихъ уже больше нѣтъ здѣсь, — кто умеръ, кто уѣхалъ. Всего ихъ было тамъ человѣкъ семь-восемь, и всѣ они были совершенно пьяны. Они переломали всѣ стулья,—такъ себѣ, ради забавы,—и въ дребезги разбили всѣ стаканы и рюмки, такъ что намъ пришлось пить изъ бутылокъ. Послѣ того, какъ я присоединился къ ихъ обществу и тоже напился до положенія ризъ, поднялся невообразимый шумъ и гамъ. Гости раздѣлись донага и стали бѣгать по комнатамъ, несмотря на то, что шторы на окнахъ не были спущены. Такъ какъ я отказался принимать въ этомъ участіе, то они схватили меня и начали насильно раздѣвать. Я все время отбивался отъ нихъ и сопротивлялся всѣми силами; я не былъ виноватъ въ этомъ, мнѣ ничего другого не оставалось дѣлать, и я просилъ у нихъ прощенія, пожималъ имъ руки и просилъ простить меня...

— За что же вы просили прощенія?

— Я боялся, что, можетъ-быть, сказалъ что-нибудь такое, за что они обидѣлись и потому набросились на меня. Я пожималъ имъ руки и просилъ у нихъ прощенія, чтобы они только оставили меня въ покоѣ. Но это ни къ чему не повело, и въ концѣ концовъ они все-таки раздѣли меня донага. При этомъ докторъ нашелъ въ моемъ карманѣ письмо, которое онъ и началъ читать остальнымъ вслухъ. Но тутъ я немного протрезвился, потому что письмо это было отъ моей матери, она написала мнѣ его, когда я отправлялся въ плаваніе. Однимъ словомъ, я назвалъ доктора пивной бочкой, потому что всѣмъ было извѣстно, что онъ очень много пьетъ.—«Вы пивная бочка!» — сказалъ я ему. Онъ пришелъ въ ярость и хотѣлъ наброситься на меня, но другіе удержали его.—«Давайте-ка лучше накачаемъ его!»—сказалъ бургомистръ, словно я и безъ того уже не былъ пьянъ, какъ стелька, и они стали лить мнѣ

въ горло изъ разныхъ бутыдокъ. Потомъ двое изъ этой компаніи, не помню уже, кто именно, внесли въ комнату лаханъ съ водой; они поставили лаханъ посреди комнаты и сказали, что меня надо крестить. Всѣ пришли въ восторгъ отъ этой выдумки и начали кричать, что меня надо крестить. И они стали дѣлать все, чтобы только какъ-нибудь загрязнить воду: они плевали въ нее, лили въ нее водку и даже пошли въ спальню и принесли оттуда самое грязное, что только себѣ можно вообразить, и также влили въ воду, а въ заключение они высыпали туда же еще двѣ лопатки золы изъ печки, чтобы и на видъ также сдѣлать воду какъ можно отвратительнѣе для меня. И вотъ меня должны были крестить.—«Почему вы не можете крестить кого-нибудь другого?»—спросилъ я бургомистра, обхвативъ его колѣни.—«Мы всѣ уже крещены,—отвѣтилъ онъ:—насъ крестили совершенно такимъ же образомъ»,—прибавилъ онъ. И я думаю, что онъ говорилъ правду, потому что онъ дѣйствительно требовалъ отъ всѣхъ, съ кѣмъ водилъ компанію, чтобы они крестились такимъ образомъ.—«Иди же и становись передо мною!»—крикнулъ мнѣ вслѣдъ за этимъ бургомистръ. Но я не пошелъ добромъ, я стоялъ у двери и крѣпко держался за ручку.—«Сейчасъ же иди сюда! Сію минуту!»—крикнулъ онъ опять, и при этомъ онъ произнесъ слово «минута» на особый ладъ, какъ говорятъ въ Гудбрандсталѣ. Но нѣтъ, я не послушался его. Тогда капитанъ Пранте зарычалъ:—«Минута, Минута, вотъ самое подходящее слово! Его надо окрестить Минутой, непременно Минутой!» И всѣ сошлись на томъ, что меня надо окрестить Минутой, такъ какъ это будетъ хорошо соответствовать моему маленькому росту. Тутъ меня подхватили двое и потащили къ бургомистру, а такъ какъ въ сравненіи съ нимъ я былъ такой маленькій, то онъ поднялъ меня одинъ и окунулъ въ лаханъ. Онъ пригнулъ мою голову къ самому дну и ткнулъ меня носомъ въ сажу и осколки стекла, послѣ чего онъ вытащилъ меня изъ лахани и прочелъ надо мной нѣчто въ родѣ молитвы. Послѣ этого воспріемники приступили къ исполненію своей обязанности, которая заключалась въ томъ, что каждый изъ нихъ поднималъ меня высоко въ воздухъ и ронялъ на полъ; а когда имъ это надобно, они раздѣлились на двѣ партіи и стали перебрасывать меня другъ другу, какъ мячъ. Это они дѣлали, чтобы высушить меня, и занимались своей игрою, пока она имъ не надобно. Тогда бургомистръ крикнулъ: «стой!». Они выпустили меня, и послѣ этого всѣ стали называть меня Минутой, пожимали мнѣ руку и называли Минутой, какъ бы подтверждая мое крещеніе. Но потомъ меня снова бросили въ ла-

хань, — это докторъ Кольблю бросилъ меня изъ всей своей силы, такъ что я больно ударился бокомъ, — онъ не могъ забыть, что я называлъ его пивной бочкой... Съ этой ночи прозвище осталось за мной навсегда. На другой день весь городъ зналъ о томъ, что я былъ въ гостяхъ у бургомистра, и что меня тамъ крестили.

— Такъ вы ударились бокомъ? Но головы вы не повредили, вы не ударились головой?

Пауза.

— Вотъ уже второй разъ вы меня спрашиваете, не повреждена ли у меня голова, и, можетъ-быть, вы спрашиваете неспроста. Но тогда я не ударился головой и не получилъ сотрясенія мозга, если вы это подразумеваете. Но я такъ сильно ударился о лахань, что сломалъ себѣ ребро. Однако теперь все это давно зажило, докторъ Кольблю даромъ лечилъ меня, и отъ этого поврежденія у меня не осталось больше и слѣда.

Во время разсказа Минуты Нагель пилъ, не переставая, теперь онъ позвонилъ и велѣлъ подать еще вина. Вдругъ онъ говоритъ:

— Мнѣ сейчасъ пришло въ голову спросить васъ: какъ вы думаете, понимаю ли я до нѣкоторой степени людей? Не смотрите на меня такими удивленными глазами, я спрашиваю васъ такъ, по-товарищески. Не находите ли вы, что я умѣю проникать въ душу того человѣка, съ которымъ я разговариваю?

Минута робко смотритъ на него, смущается и не знаетъ, что отвѣтить.

Нагель снова говоритъ:

— А впрочемъ, извините меня. И въ прошлый разъ также, когда вы мнѣ доставили удовольствіе вашимъ посѣщеніемъ, я приводилъ васъ въ смущеніе нѣкоторыми въ высшей степени глупыми вопросами. Если вы помните, я предлагалъ вамъ дать такую-то и такую-то сумму денегъ за то, чтобы вы признали себя отцомъ чужого ребенка, хе-хе-хе! Тогда я сдѣлалъ этотъ промахъ, потому что не зналъ васъ; и теперь я все-таки снова изумляю васъ, несмотря на то, что очень хорошо узнаю васъ и высоко цѣню. Но надо вамъ сказать, что сегодня я дѣлаю это только потому, что очень нервно настроенъ и — къ тому же очень пьянъ. Вотъ и все объясненіе. Вы, конечно, прекрасно замѣчаете, что я пьянъ, какъ стелька. Ну, конечно, вы это видите, — зачѣмъ вы притворяетесь? Но что я хотѣлъ сказать?.. Ахъ, да, меня дѣйствительно очень интересуетъ, насколько вы считаете меня способнымъ

заглядывать въ души человѣческія. Хе-хе, я хочу сказать, что я, напримѣръ, очень чутокъ къ интонаціямъ человѣка, съ которымъ я говорю, я понимаю малѣйшіе оттѣнки голоса. Когда я разговариваю съ кѣмъ-нибудь, то мнѣ вовсе не надо смотрѣть на моего собесѣдника, я только прислушиваюсь къ тому, что онъ говоритъ, и сейчасъ же понимаю, когда онъ хочетъ навязать мнѣ свое мнѣніе или когда онъ не вполне правдивъ. Голосъ — опасный аппаратъ. Но поймите меня: я говорю не о матеріальномъ звукѣ голоса, голосъ можетъ быть высокимъ или низкимъ, звучнымъ или глухимъ, — я подразумеваю не это, нѣтъ, я настаиваю на томъ, что въ голосѣ скрывается тайна, цѣлый невѣдомый міръ, который является какъ бы отчизной этого голоса... А впрочемъ, чертъ съ нимъ, съ этимъ таинственнымъ міромъ! Повсюду эти таинственные міры! И какого мнѣ дьявола до всего этого!

Нагель опять выпилъ вина и продолжалъ:

— Вы такъ притихли. Но, пожалуйста, не обращайтесь вниманія на мою хвастливую болтовню относительно пониманія души человѣческой. Теперь вы, пожалуй, бонтесь и пальцемъ шевельнуть. Хе-хе-хе, это было бы умно съ вашей стороны! Но я забылъ, что хотѣлъ сказать. Ну, да все равно, въ такомъ случаѣ, я скажу что-нибудь другое, что меня вовсе не интересуетъ, но я буду говорить, пока не вспомню того, что забылъ. Боже, какую чепуху я несу!.. Что думаете вы относительно фрѣкенъ Кьелландъ? Мнѣ хочется слышать ваше мнѣніе о ней. Я нахожу, что фрѣкенъ Кьелландъ до такой степени кокетка, что ей доставило бы невыразимое удовольствіе, если бы еще и другіе, — чѣмъ больше, тѣмъ лучше, — включая также и меня, — лишили себя жизни изъ-за нея. Таково мое мнѣніе. Она очаровательна, да, она дѣйствительно очаровательна, и тотъ человѣкъ, котораго она попираетъ своими ногами, долженъ чувствовать неизъяснимое блаженство. Вотъ почему, быть-можетъ, и я когда-нибудь попрошу ее сдѣлать это; я не ручаюсь за себя. А впрочемъ, пока еще въ этомъ опасности нѣтъ, время терпѣть... Но, Боже мой, какъ я, должно-быть, напугалъ васъ своей болтовней! Ужъ не обидѣлъ ли я васъ, — лично васъ?

— Если бы вы знали, какъ фрѣкенъ Кьелландъ хорошо отзывалась о васъ! Я встрѣтился съ ней вчера, она долго разговаривала со мной...

— Скажите, — простите, что я васъ все перебиваю, — можетъ-быть, и вы также до нѣкоторой степени обладаете способностью слышать въ голосѣ фрѣкенъ Кьелландъ нѣчто другое, кромѣ матеріальныхъ звуковъ? Однако теперь вы сами убѣ-

дились въ томъ, что я несу самую невѣроятную чушь! Не правда ли? Вотъ видите... Но мнѣ доставило бы громадное удовольствіе, если бы вы также немного понимали людей. Тогда я поздравилъ бы васъ съ этимъ и сказалъ бы слѣдующее: вотъ насъ двое, мы оба стоимъ на высотѣ, ибо мы оба понимаемъ это,—такъ объединимся же, заключимъ союзъ и условимся никогда не злоупотреблять нашимъ знаніемъ, какъ оружіемъ другъ противъ друга — *другъ противъ друга*, понимаете? И такимъ образомъ я, напримѣръ, никогда не буду пускать въ ходъ мое знаніе противъ васъ, *если бы даже видѣлъ всю вашу душу насквозь*. Ну, вотъ, теперь вы опять оробѣли и смутились! Да не обращайтесь же вниманія на мое хвастовство, вѣдь я пьянъ... Но теперь я наконецъ вспомнилъ, что уже давно собирался сказать, но потомъ я началъ говорить о фрѣкенъ Кьелландъ, которая меня совсѣмъ не интересуешь; да и съ какой стати мнѣ вздумалось выкладывать передъ вами свое мнѣніе о ней, когда вы меня вовсе объ этомъ не спрашивали! Къ тому же я вамъ окончательно испортилъ настроеніе, — а вы были такой веселый, когда часъ назадъ вошли ко мнѣ, помните? И виновато въ этой глупой болтовнѣ одно только вино... Однако какъ бы мнѣ опять не забыть того, что я хотѣлъ сказать! Когда вы рассказывали мнѣ о холостой ширшкѣ у бургомистра, на которой васъ крестили, то, какъ это ни странно, но мнѣ пришла вдругъ въ голову мысль устроить во что бы то ни стало также и у себя такую холостую ширшку для нѣсколькихъ гостей. Эта мысль такъ засѣла у меня въ головѣ, что я непремѣнно осуществляю ее; вы также должны прійти ко мнѣ, я рассчитываю на васъ. Вы можете быть совершенно увѣрены въ томъ, что васъ не окрестятъ во второй разъ; я позабочусь о томъ, чтобы съ вами обращались съ величайшей предупредительностью и уваженіемъ; вообще даже столовъ и стульевъ мы ломать не будемъ. Но мнѣ очень хотѣлось бы собрать у себя какъ-нибудь вечеромъ нѣсколько человѣкъ хорошихъ знакомыхъ, и тѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — ну, хотя бы въ концѣ этой недѣли. Что вы скажете на это?

Нагель снова выпилъ, осушилъ два большихъ стакана. Минута ничего не отвѣтилъ на его слова. Видно было, что его первая дѣтская радость прошла, и онъ прислушивался къ болтовнѣ хозяина только изъ вѣжливости. Онъ продолжалъ упорно отказываться отъ вина.

— Но какъ вы вдругъ стали молчаливы, — сказала Нагель.—Это смѣшно, но, знаете, въ это мгновеніе у васъ такой видъ, будто васъ задѣло что-то, оскорбило какое-нибудь слово,

памекъ. Да, да, не странно ли это, какъ будто васъ задѣло что-то! Мнѣ даже показалось, что вы слегка вздрогнули только-что. Нѣтъ? Ну, въ такомъ случаѣ я ошибся! Не задумывались ли вы когда-нибудь надъ тѣмъ, что долженъ чувствовать фальшивомонетчикъ, когда въ одинъ прекрасный день сыщикъ кладетъ ему на плечо свою руку и заглядываетъ въ глаза, не произнося ни слова?.. Но что мнѣ съ вами дѣлать? Вы становитесь все печальнѣе и молчаливѣе. А я сегодня такъ нервно настроенъ и замучилъ васъ до смерти, но я долженъ говорить во что бы то ни стало, такъ со мной всегда бываетъ, когда я пьянъ. И вы не должны уходить отъ меня, а то я принужденъ буду болтать цѣлый часъ съ Сарой, со служанкой, а это, пожалуй, не совсѣмъ-то прилично, не говоря уже о томъ, что это скучно. Не позволите ли вы мнѣ рассказать объ одномъ маленькомъ приключеніи? Мой рассказъ не имѣетъ никакого значенія, но онъ можетъ занять васъ, и въ то же время онъ покажетъ вамъ, насколько я обладаю способностью читать въ человѣческой душѣ. Хе-хе-хе, вы въ дѣйствительности убѣдитесь сейчасъ въ томъ, что если кто не умѣетъ читать въ человѣческой душѣ, такъ это я, — если только это открытіе можетъ доставить вамъ какое-нибудь удовольствіе. Итакъ, жилъ я какъ-то въ Лондонѣ, — это было года три назадъ, не больше, — и тогда я познакомился съ одной очаровательной молодой дѣвушкой, дочерью челоуѣка, съ которымъ у меня были кое-какія дѣла. Я дружески сошелся съ ней, и въ продолженіе трехъ недѣль мы почти ежедневно видѣлись. Въ одинъ прекрасный день она вызвалась показать мнѣ Лондонъ, и мы пробродили весь день по музеямъ, картиннымъ галлереемъ, осматривали зданія и парки, и наступилъ уже вечеръ, когда мы наконецъ подумали о возвращеніи домой. Между тѣмъ у меня природа стала предъявлять свои требованія, и я очутился въ самомъ непріятномъ положеніи, въ которомъ только можно очутиться, пробродивъ цѣлый день. Чтo мнѣ было дѣлать? Улизнуть куда-нибудь въ сторону — я не могъ, попросить на это разрѣшенія — я не хотѣлъ. Однимъ словомъ, я уступилъ требованіямъ природы тутъ же, недолго думая, просто-напросто пересталъ сдерживаться и, конечно, промокъ до самыхъ пятокъ. Но чтo мнѣ было, чортъ возьми, дѣлать? Скажите мнѣ! Къ счастью, на мнѣ было необыкновенно длинное пальто, и я рассчитывалъ, что благодаря этому скрою свое отчаянное положеніе. Но вотъ случаю было угодно, чтобы мы проходили мимо кондитерской по ярко освѣщенной улицѣ, и тутъ на мою бѣду моя дама проситъ меня зайти въ кондитерскую, чтобы поѣсть чего-нибудь. Въ ея просьбѣ не было ничего страннаго,

вѣдь мы пробродили чуть не цѣлый день и очень утомились. Но я принужденъ былъ отказаться отъ ея предложенія. Она смотритъ на меня и, повидимому, находитъ, что съ моей стороны очень нехорошо отказывать ей, она проситъ меня сказать причину. — «Причина та, говорю я, что у меня нѣтъ денегъ съ собой, ни одного пенни!» Ну, что же, причина эта уважительная, этого нельзя отрицать, тѣмъ болѣе, что и у дамы также не было съ собой денегъ. И вотъ мы стоимъ, смотримъ другъ на друга и смѣемся надъ нашимъ критическимъ положеніемъ. Но вдругъ ей приходитъ что-то въ голову, она бросаетъ взглядъ на домъ на противоположной сторонѣ и говоритъ: — «Подождите здѣсь одну минутку, вонъ въ томъ домѣ живетъ моя подруга, во второмъ этажѣ, я возьму у нея денегъ». И съ этими словами дама убѣгаетъ отъ меня. Она пропадаетъ нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ я терплю ужаснѣйшія мученія. Какъ мнѣ выйти изъ моего затруднительнаго положенія, если она возвратится съ деньгами? Я никоимъ образомъ не могъ войти въ кондитерскую, которая была такъ ярко освѣщена и гдѣ сидѣло множество дамъ и мужчинъ, — меня просто вытолкали бы за дверь, а въ этой перспективѣ также не было ничего утѣшительнаго. Я рѣшилъ собрать все свое мужество и, стиснувъ зубы, попросить ее о великомъ одолженіи пойти въ кондитерскую одной и позволить мнѣ подождать ее на улицѣ. Прошло еще минуты двѣ, и моя дама вернулась. Она имѣла очень довольный видъ, даже счастливый, и сказала только, что не застала подруги дома, и что, въ сущности, это для нея безразлично, такъ какъ она можетъ потерпѣть еще нѣсколько минутъ и поужинать у себя дома. Она извинилась также, что заставила меня ждать. Но больше всего этому исходу радовался я, хотя я шелъ весь мокрый и эта прогулка была для меня очень мучительна. Но самое интересное впереди, — впрочемъ, вы, можетъ-быть, уже догадались, въ чемъ дѣло? Да, конечно, вы отгадали остальное; но я все-таки расскажу вамъ окончаніе. Только въ этомъ году, въ 1891 году, мнѣ пришло въ голову, какимъ идиотомъ я тогда былъ. Я сталъ вспоминать все происшествіе заново и въ концѣ концовъ нашелъ величайшее значеніе въ каждахъ пустякахъ: моя дама и не думала подниматься во второй этажъ, она нигуда не поднималась. Теперь я догадываюсь, что она проскользнула черезъ калитку на задній дворъ и возвратилась также черезъ эту калитку, тихо и незамѣтно. Вы спросите, имѣю ли я на это доказательства? Конечно, нѣтъ; но развѣ это не странно, что она не поднималась во второй этажъ, а только прошла на задній дворъ? Хе-хе-хе, вы все это пре-

красно понимаете, я это вижу, но у меня раскрылись глаза на все это только въ 1891 году, три года спустя. Вы, конечно, не можете заподозрѣть меня въ томъ, что я преднамѣренно и заранѣе подстроилъ все это, что я затянулъ нашу прогулку, чтобы довести мою даму до крайности, что я нарочно ни на шагъ не отходилъ отъ какой-нибудь гѣны въ музеѣ, чтобы только ни на минуту не спускать глазъ съ молодой дѣвушки и не позволить ей уединиться куда-нибудь. Конечно, вы не можете подозрѣвать меня въ этомъ. Я допускаю, что можетъ найтись такой коварный человѣкъ, который готовъ былъ бы страдать самъ и согласился бы промокнуть до нитки, лишь бы только доставить себѣ удовольствіе видѣть, какъ очаровательная молодая дѣвушка испытываетъ подобныя мученія. Но, какъ я уже говорилъ, у меня открылись на все глаза только въ этомъ году, три года спустя послѣ происшествія. Хе-хе-хе, какъ вамъ это нравится?

Пауза. Нагель снова выпилъ вина и продолжалъ:

— Но вы можете спросить: какое отношеніе имѣетъ эта исторія къ вамъ и ко мнѣ и къ холостой пирушкѣ? Нѣтъ, дорогой другъ, она не имѣетъ ровно никакого отношенія ни къ чему этому. Но мнѣ пришло въ голову рассказать вамъ это, какъ доказательство моего тупоумія въ смыслѣ пониманія человѣческой души. Ахъ, да, ужъ эта человѣческая душа! Какъ вамъ понравится, если я вамъ расскажу, наприимѣръ, что я нѣсколько дней назадъ ловлю себя на томъ, — ловлю себя, Югана-Нильсена Нагеля, на томъ, что, проходя мимо дома консула Андресена, который стоитъ тамъ на горѣ, принимаюсь высчитывать, какой вышины приблизительно должна быть у него гостиная? Нѣтъ, какъ вамъ это нравится? Но въ этомъ-то и сказывается, если позволите такъ выразиться, человѣческая душа. Ни одна мелочь не ускользаетъ отъ нея, все имѣетъ для нея свое значеніе... Чтѣ почувствовали бы вы, наприимѣръ, если бы, возвращаясь ночью домой съ какого-нибудь собранія или съ прогулки, вдругъ столкнулись съ человѣкомъ, стоящимъ на углу и не спускающимъ съ васъ пристальнаго взгляда? Предположите, что онъ не только смотритъ на васъ, но поворачиваетъ голову въ томъ направленіи, куда вы пошли, и ничего не говоритъ, смотритъ и молчитъ. Прибавьте къ этому, что человѣкъ одѣтъ во все черное, и что вы видите только его лицо и глаза, — чтѣ тогда? Ахъ, въ человѣческой душѣ происходитъ много страннаго... Въ одинъ прекрасный вечеръ вы являетесь въ общество, скажемъ, состоящее изъ двѣнадцати человѣкъ, а тринадцатый — пусть это будетъ телеграфистка, какой-нибудь несчастный

кандидатъ, конторщикъ, капитанъ, однимъ словомъ, самая обыкновенная личность—сидитъ себѣ въ углу и не принимаетъ участія въ разговорѣ, и вообще сидитъ тихо и не проявляетъ себя ничѣмъ; и все-таки этотъ тринадцатый имѣетъ очень большое значеніе не только самъ по себѣ, но какъ дѣйствующій членъ этого общества. И это только потому, что на немъ то или иное платье, что онъ молчитъ, что онъ смотритъ на остальныхъ гостей именно этими глупыми и ничего не говорящими глазами, и что вообще своей ничтожностью онъ придаетъ особенный характеръ всему собравшемуся обществу. Его молчаливость дѣйствуетъ отрицательно и вноситъ въ комнату нѣкоторое уныніе, что заставляетъ остальныхъ гостей говорить на столько-то громко, но не громче. Развѣ я не правъ? И это лицо такимъ образомъ можетъ оказаться самымъ значительнымъ въ данномъ обществѣ. Какъ я уже сказалъ, я ничего не понимаю въ людяхъ, но мнѣ доставляетъ громадное удовольствіе наблюдать за тѣмъ, какое ужасное значеніе могутъ имѣть мелочи. Такъ, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ одинъ никому неизвѣстный, несчастный инженеръ, абсолютно не открывавшій рта... А впрочемъ, это совсемъ другая исторія и никакого отношенія не имѣетъ къ первой, развѣ настолько, что обѣ онѣ промелькнули въ моемъ мозгу и оставили слѣды. Кстати: кто знаетъ, не налагаетъ ли сегодня вечеромъ ваше молчаніе извѣстный оттѣнокъ на мои слова, — оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что я безмѣрно пьянъ, — не дѣйствуетъ ли выраженіе вашего лица, но то робкое, не то невинное, а также выраженіе вашихъ глазъ, подстрекающимъ образомъ на меня, заставляетъ меня говорить такъ, какъ я говорю! Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Вы слышите, что я говорю, — совершенно пьяный человекъ, — я говорю, что вы чувствуете себя такъ или иначе задѣтымъ, — я употребляю то же слово, которое уже раньше употреблялъ, — вы чувствуете себя задѣтымъ, а это побуждаетъ меня идти дальше, и я бросаю вамъ въ лицо еще десятка два словъ. Все это я привожу только какъ примѣръ того громаднаго значенія, какое имѣютъ мелочи. Не пренебрегайте мелочами, мой другъ! Боже васъ сохрани! Мелочи имѣютъ громаднѣйшее значеніе... Войдите!

Это была Сара, которая постучала и вошла доложить, что ужинъ поданъ. Минута сейчасъ же всталъ. Теперь уже не было никакого сомнѣнія въ томъ, что Нагель совершенно пьянъ, онъ даже съ трудомъ говорилъ. Кромѣ того, онъ противорѣчилъ себѣ на каждомъ шагу и несъ непроходимую чепуху. Выраженіе его глазъ и вздувшіяся жилы на вискахъ

свидѣтельствовали о томъ, что въ мозгу у него происходила усиленная работа.

— Да, — сказалъ онъ: — меня ничуть не удивляетъ, что вы хотите воспользоваться удобномъ случаемъ и уйти послѣ всей этой болтовни, которую вамъ пришлось выслушать сегодня вечеромъ. А между тѣмъ мнѣ очень хотѣлось узнать ваше мнѣніе относительно многаго,—такъ, вы не отвѣтили на мой вопросъ, касавшійся фрѣкенъ Кьелландъ: я хотѣлъ знать, что вы думаете о ней въ самой глубинѣ вашей души. Мнѣ она представляется рѣдкимъ и недостижимымъ существомъ, полнымъ прелести и чистоты, и бѣлой, какъ снѣгъ, — представьте себѣ чистый, глубокий, пушистый снѣгъ. Такою она стоитъ передъ моимъ мысленнымъ взоромъ. Если вы вынесли другое впечатлѣніе изъ того, что я говорилъ раньше, то это ошибка... А теперь позвольте мнѣ выпить послѣдній стаканъ въ вашемъ присутствіи — за ваше здоровье!.. А знаете, мнѣ только-что пришло кое-что въ голову... Если бы у васъ хватило еще терпѣнія подарить мнѣ двѣ минуты времени, то я былъ бы крайне обязанъ вамъ. Дѣло въ томъ, — но подойдите поближе, вѣдь въ этомъ домѣ стѣны очень тонкія, — дѣло вотъ въ чемъ: я безнадежно влюбленъ въ фрѣкенъ Кьелландъ. Ну, вотъ, теперь я сказалъ это! Я выразилъ это двумя жалкими, сухими словами, но Богъ свидѣтель, какъ я безумно люблю ее и какъ я страдаю изъ-за нея! Ну, это само по себѣ: я люблю, я страдаю,—прекрасно, но это къ дѣлу не относится. Позвольте мнѣ только надѣяться, что вы отнесетесь къ моей откровенности должнымъ образомъ и съ должнымъ уваженіемъ и сохраните въ тайнѣ то, что я вамъ сказалъ,—общаете вы мнѣ это? Спасибо, дорогой другъ! Но вы возразите мнѣ, какъ могу я быть влюбленнымъ въ нее, когда я только-что назвалъ ее ужасной кокеткой! Во-первыхъ, можно любить, и очень любить кокетку; это свойство не можетъ служить препятствіемъ. На этомъ не стоитъ останавливаться. Но тутъ является еще другое. На чемъ же мы порѣшили? Понимаете вы что-нибудь въ людяхъ, или нѣтъ? Если вы понимаете, то вы поймете также и то, что я вамъ сейчасъ скажу: что я на самомъ дѣлѣ никоимъ образомъ не считаю фрѣкенъ Кьелландъ кокеткой. Я сказалъ это только въ шутку. Напротивъ, она необыкновенно естественна; что вы скажете, напримѣръ, о ея непринужденной манерѣ смѣяться, хотя зубы у нея далеко не совсѣмъ бѣлые? И тѣмъ не менѣе я все-таки былъ бы способенъ распространять слухъ, что фрѣкенъ Кьелландъ кокетка,—мнѣ это ровно ничего не стѣитъ. И я дѣлалъ бы это вовсе не для того, чтобы повредить ей, или чтобы отомстить, а просто.

только для того, чтобы поддержать себя самого, из самолюбия, потому что она для меня недосягаема, потому что она не обращает вниманія на всѣ мои усилія понравиться ей, потому что она уже обручена и связана словомъ, она потеряна для меня, безнадежно потеряна. Вотъ видите ли, съ вашего позволенія, это совершенно новая тѣневая сторона человѣческой души. Я способенъ былъ бы подойти къ ней на улицѣ и сказать ей совершенно серьезно въ присутствіи нѣсколькихъ людей во всеуслышаніе, конечно, только для того, чтобы унижить ее и повредить ей,—я способенъ былъ бы подойти къ ней и сказать:—«Здравствуйте, фрѣкенъ! Поздравляю васъ съ чистой рубашкой!» Да, какъ вамъ это нравится? Но я способенъ былъ бы на это. Что я сдѣлалъ бы потомъ,—побѣжалъ бы домой и принялся бы рыдать, уткнувшись въ носовой платокъ, или принялъ бы нѣсколько капель изъ того маленькаго пузырька, который я всегда ношу съ собой въ карманѣ,—этого вопроса я касаться не буду. Я способенъ былъ бы также войти какъ-нибудь въ церковь въ воскресенье въ то время, какъ ея отецъ, пасторъ Кьелландъ, проповѣдуетъ слово Божье, спокойно пройти черезъ всю церковь, остановиться передъ фрѣкенъ Кьелландъ и сказать громко:—«Не позволите ли мнѣ пощупать немного ваши округлыя части?» Да, какъ вамъ это нравится? И подъ словомъ «округлыя части» я вовсе не подразумѣвалъ бы что-нибудь особеннос, я сказалъ бы это только для того, чтобы заставить ее покраснѣть; но я именно такъ бы и сказалъ: «Позвольте мнѣ немного пощупать ваши округлыя части». А послѣ этого я способенъ былъ бы броситься къ ея ногамъ и умолять ее, чтобы она доставила мнѣ величайшее наслажденіе, плюнувъ мнѣ въ лицо... Но теперь вамъ стало совсѣмъ жутко, да я и не отрицаю, что веду постыдную рѣчь, тѣмъ болѣе, что я говорю о дочери священника съ сыномъ священника. Простите, мой другъ, я это дѣлаю не по злобѣ, не изъ злобнаго чувства, но только потому, что я пьянъ, какъ стелька... Но послушайте, я зналъ когда-то одного молодого человѣка, который укралъ газовый фонарь, продалъ его старьевщику, а деньги прокутилъ и пропалъ. Клянусь, это истинная правда. Это также былъ мой знакомый, родственникъ покойнаго священника Херема. Но какос это отношеніе имѣеть къ фрѣкенъ Кьелландъ? Да, вы совершенно правы! Вы ничего не говорите, но я вижу, что этотъ вопросъ вертится у васъ на языкѣ, и это совершенно справедливое замѣчаніе съ вашей стороны. А что касается до фрѣкенъ Кьелландъ, то она безнадежно потеряна для меня, и я ничуть не жалѣю ее изъ-за этого, но мнѣ жалко самого себя. Вотъ вы

сидите тутъ теперь совершенно трезвый и обладаете способностью насквозь видѣть человѣка, а потому, конечно, поймете меня, если я въ одинъ прекрасный день просто-напросто распространю слухъ въ городѣ о томъ, что фрѣкенъ Кьелландъ сидѣла у меня на колѣняхъ, что она три ночи подъ-рядъ приходила ко мнѣ на свиданіе въ заранѣ условленное мѣсто въ лѣсу и потомъ принимала отъ меня подарки. Не правда ли, вы поняли бы это? Вѣдь дѣло въ томъ, что вы чертовски хорошо понимаете людей, мой другъ, ей-Богу, понимаете, нечего, нечего скромничать... Не случилось ли вамъ когда-либо идти по улицѣ... вы идете по улицѣ, погружаясь въ самыя невинныя мысли, ничего не подозревая, и вдругъ вы замѣчаете, что всѣ люди начинаютъ смотрѣть на васъ, оглядываютъ васъ съ ногъ до головы. Это въ высшей степени мучительное положеніе, въ какое только можетъ попасть человѣкъ. Вы начинаете чистить свое платье спереди и сзади, вы, какъ воръ, украдкой смотрите внизъ,—не разстегнуты ли у васъ пуговицы, и васъ до такой степени одолеваетъ всякія опасенія, что вы снимаете даже шляпу, чтобы посмотрѣть, не осталось ли на ней билетика съ цѣной, хотя вы прекрасно знаете, что у васъ старая шляпа; но все это ни къ чему не ведетъ, вы не находите на себѣ никакой несправности, и вамъ остается только примириться съ тѣмъ, что всякій подмастерье, всякій офицеръ разглядываетъ васъ, сколько его душѣ угодно... Но, другъ мой, если это такая мука, то что же сказать, когда васъ призываютъ къ допросу... Вотъ вы опять вздрогнули... Нѣтъ? А мнѣ такъ ясно показалось, что вы слегка вздрогнули... Да, такъ вотъ, васъ начинаютъ допрашивать, вы стоите лицомъ къ лицу съ дьявольски-хитрымъ и изворотливымъ полицейскимъ, васъ всенародно подвергаютъ перекрестному допросу, безпрестанно возвращаясь къ одному и тому же исходному пункту... Что за неизъяснимое наслажденіе это можетъ доставить тому, кто только сидитъ и слушаетъ! Не правда ли, вы также съ этимъ согласны?.. Посмотримъ-ка, не найдется ли здѣсь еще стаканчика, если выжать хорошенько бутылку...

Нагель вылилъ остатки вина изъ бутылки и затѣмъ продолжалъ:

— Вы должны извинить меня, что я такъ перепрыгиваю съ одного предмета на другой, но это, конечно, главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что я такъ невѣроятно пьянъ, а отчасти и вслѣдствіе того, что вы ошиблись во мнѣ. Все объясняется очень просто: я ни болѣе ни менѣе, какъ агрономъ, ученикъ навозной академіи, я мыслитель, не вы-

учившійся мыслить. А впрочемъ, не будемъ вдаваться въ такіе спеціальные предметы, васъ это не интересуеть, а для меня это прямо противно. Знаете, что часто, когда я сижу одинъ, раздумывая надъ всякой всячиной, ощупывая себя со всѣхъ сторонъ, мнѣ вдругъ приходитъ въ голову громко называть себя Рошфоромъ, я бью себя кулакомъ въ грудь и называю себя Рошфоромъ... Что сказали бы вы, если бы я въ одинъ прекрасный день заказалъ себѣ печать съ изображеніемъ дикобраза?.. Кстати, это напомнило мнѣ одного человѣка, съ которымъ я былъ когда-то знакомъ; это былъ очень дѣльный, уважительный студентъ-филологъ одного изъ пѣмецкихъ университетовъ. Онъ какимъ-то образомъ сбился съ пути и по прошествіи двухъ лѣтъ превратился въ пьяницу и романиста. Если ему приходилось встрѣчаться съ незнакомыми людьми, и его спрашивали, кто онъ такой, то онъ отвѣчалъ, что онъ фактъ. — «И фактъ!» — говорилъ онъ высокомерно, поджимая губы... Ну, да это васъ не интересуеть... Вы говорили о какомъ-то человѣкѣ, о мыслителѣ, который не выучился мыслить... или, можетъ-быть, я самъ говорилъ это? Простите, дѣло въ томъ, что я нашлся до положенія ризъ; но это ничего, не обращайтесь на это вниманія. А мнѣ очень хотѣлось бы объяснить вамъ, что значитъ мыслитель, не выучившійся мыслить. Насколько я васъ понялъ, вы настроены противъ этого человѣка, да, увѣряю васъ, что у меня явилось это впечатлѣніе, вы говорили такъ насмѣшливо; но человѣкъ, о которомъ вы упоминали, заслуживаетъ болѣе внимательнаго отношенія къ себѣ. Во-первыхъ, онъ былъ большой дуракъ. Да, да, я настаиваю на томъ, что онъ былъ дуракъ. Онъ всегда ходилъ съ длиннымъ краснымъ галстукомъ и вѣчно улыбался, только благодаря своей глупости. Да, онъ былъ до того глупъ, что часто сидѣлъ, уткнувшись въ книгу, — такъ его заставляли, когда къ нему приходили, — но читать онъ и не думалъ. И онъ ходилъ безъ чулокъ, въ однихъ башмакахъ, чтобы только имѣть возможность купить себѣ въ петличку розу. Вотъ какой онъ былъ. Но лучше всего было то, что у него было нѣсколько фотографій бѣдныхъ хорошенькихъ дочекъ ремесленниковъ; и на этихъ портретахъ онъ самъ надписывалъ звучныя, громкія имена, чтобы заставить людей вообразить себѣ, что у него такія важныя знакомства. На одной изъ карточекъ онъ сдѣлалъ отчетливую надпись крупными буквами: «Фрѣкенъ Стангъ», чтобы люди подумали, что эта особа въ родствѣ съ министромъ, хотя она была не болѣе, какъ какая-нибудь Ли или Хаугъ. Хе-хе, что вы скажете на такое хвастовство! И при этомъ онъ воображалъ себѣ,

что люди злословятъ о немъ и вообще занимаются имъ! «Люди злословятъ обо мнѣ!» — говорилъ онъ. Хе-хе-хе, какъ вамъ кажется, неужели кому-нибудь приходило въ голову заниматься имъ? Между прочимъ, въ одинъ прекрасный день онъ вошелъ въ магазинъ золотыхъ дѣлъ мастера съ двумя сигарами. И онъ курилъ обѣ сигары! Одна была у него въ рукѣ, другая во рту, и обѣ были закурены. Очень можетъ быть, онъ и не сознавалъ даже, что заразы курить двѣ сигары, и, въ качествѣ мыслителя, не выучившагося мыслить, онъ и не...

— Ну, теперъ я ухожу, — сказала наконецъ Минута тихо.

Нагель сейчасъ же всталъ.

— Вы уходите? — сказалъ онъ. — Вы дѣйствительно хотите покинуть меня? А впрочемъ, эта исторія слишкомъ длинна, особенно если ее рассказывать со всѣми подробностями. Ну, отложимъ ее до слѣдующаго раза. Такъ, значить, вы непременно хотите уходить? Послушайте, — отъ всего сердца благодарю васъ за сегодняшній вечеръ! Слышите? Да и здорово же я напился! Хотѣлъ бы я знать, на что я теперъ похожъ? Возьмите лупу и посмотрите черезъ нее на мизинецъ, и вы увидите интересное зрѣлище, чтѣ?.. Да, я прекрасно понимаю выраженіе вашего лица, — вы **чертовски-умный** человекъ, господинъ Грегоръ, и я прямо наслаждаюсь, глядя на ваши глаза, такіе они невинные. Но закурите же новую сигару, прежде чѣмъ уйдете. Когда вы опять придете? Чортъ возьми, я чуть не забылъ, вѣдь вы должны прійти на мою холостую пирушку, слышите? На вашей головѣ не тронуть ни волоска... Я долженъ сказать вамъ, что у меня соберется маленькое общество, чтобы поболтать, выкурить сигару и выпить стаканъ вина, а кромѣ того, можно будетъ трижды девять разъ прѣкричать «ура» въ честь отечества, чтобы доставить удовольствіе доктору Стенерсену. не правда ли? Такъ и будетъ, а брюки, о которыхъ мы только-что говорили, вы непременно получите, чортъ меня побери! Но, конечно, съ обычнымъ условіемъ. Благодарю васъ за ваше терпѣніе, которое вы проявили сегодня со мною. Позвольте пожать вашу руку! Да закурите же новую сигару, мой милый... Послушайте, еще одно слово: нѣтъ ли у васъ какой-нибудь просьбы ко мнѣ? Если бы вамъ что-нибудь было надо, то... Ну, какъ хотите. Спокойной ночи, спокойной ночи!

XI.

Наступило двадцать девятое іюня. Это былъ понедѣльникъ. Въ этотъ день случилось нѣсколько необычайныхъ происше-

ствій; въ городѣ появилась неизвѣстная особа, дама подъ вуалью, которая провела два часа въ гостиницѣ и затѣмъ снова исчезла. Ужъ съ самаго утра Иоганъ Нагель весело насвистывалъ и напѣвалъ у себя въ комнатѣ въ то время, какъ онъ одѣвался; онъ насвистывалъ веселыя мелодіи, будто находился въ самомъ прекрасномъ настроеніи духа и чему-то радовался. Весь день наканунѣ онъ былъ тихъ и молчаливъ. Послѣ попойки, которую онъ самъ себѣ устроилъ въ субботу вечеромъ въ присутствіи Минуты, онъ ходилъ большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ и постоянно пилъ воду. Но въ понедѣльникъ утромъ онъ выпелъ изъ гостиницы, продолжая напѣвать, и видно было, что онъ находится въ прекраснѣйшемъ настроеніи духа; въ своей безпричинной радости онъ заговорилъ даже съ какой-то женщиной, стоявшей на улицѣ у крыльца, и далъ ей нѣсколько шиллинговъ.

— Не знаете ли вы, гдѣ бы я могъ достать скрипку на прокатъ? — спросилъ онъ. — Не играетъ ли здѣсь въ городѣ кто-нибудь на скрипкѣ?

— Нѣтъ, не знаю, — отвѣтила изумленная женщина.

Она этого не знала, но онъ все-таки далъ ей нѣсколько шиллинговъ, потому что у него было такъ радостно на душѣ, и быстро пошелъ дальше. Онъ издали увидалъ Дагни Кьелландъ, которую узналъ по ея красному зонтику; она выходила изъ одной лавки, и онъ сейчасъ же пошелъ за ней. Увидя его, она вся вспыхнула по своему обыкновенію и, чтобы скрыть это, заслонила лицо зонтикомъ.

Они заговорили сперва о своей послѣдней прогулкѣ въ лѣсу. Оказалось, что она поступила тогда неосторожно, потому что простудилась, несмотря на то, что погода была такая теплая; она и теперь еще не совсѣмъ поправилась. Она сказала это совсѣмъ просто, словно разговаривала со старымъ хорошимъ знакомымъ.

— Но вы не должны раскаиваться въ этомъ, обѣщайте мнѣ это, — сказалъ онъ безъ дальнѣйшихъ объясненій.

— Нѣтъ, — отвѣтила она:— я не раскаиваюсь.—И она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.—Но почему вы такъ говорите? Нѣтъ, это была прекрасная ночь, хотя я все время ужасно трусила этого «человѣка съ фонаремъ», о которомъ вы мнѣ рассказывали. Я даже во снѣ его видѣла. Это былъ ужасный сонъ!

И нѣкоторое время они говорили о «человѣкѣ съ фонаремъ». Нагель былъ очень разговорчивъ, между прочимъ, онъ сознался въ томъ, что самъ испытывалъ приступы безотчетнаго страха въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ, напримѣръ, ему бы-

вало иногда страшно подниматься по лѣстницѣ, онъ на каждомъ шагу оглядывался назадъ, чтобы посмотрѣть, не слѣдуетъ ли кто-нибудь за нимъ. Чтѣ бы это могло быть? Да, чтѣ это такое? Это нѣчто таинственное, нѣчто необычное, чего не въ силахъ постичь жалкая «всебѣдущая» наука, ибо она слишкомъ груба и угловата. Развѣ можетъ она объяснить это дуповеніе незримой силы, это воздѣйствіе слѣсныхъ жизненныхъ факторовъ?

— Знаете,—сказалъ онъ:—у меня вдругъ явилось желаніе свернуть съ этой улицы въ какую-нибудь другую, потому что эти дома, эти груды камней налѣво, эти три грушевыхъ дерева въ саду окружнаго судьи — все это кажется мнѣ антипатичнымъ и наполняетъ меня какимъ-то смутнымъ недовольствомъ. Когда я хожу одинъ, то я всегда стараюсь избѣгать эту улицу, я обхожу ее, если даже для этого мнѣ приходится дѣлать крюкъ. Чтѣ бы это могло быть?

Дагни засмѣялась.

— Право, не знаю. Но докторъ Стенерсенъ сказалъ бы, что это нервность и суевѣріе.

— Совершенно вѣрно, онъ это навѣрное сказалъ бы. Но, въ сущности, развѣ это не высокоумно и не глупо? Въ одинъ прекрасный вечеръ вы прѣзжаете въ чужой городъ, ну, скажемъ, хотя бы въ этотъ городъ, почему бы и нѣтъ? На слѣдующій день вы предпринимаете прогулку по городу, чтобы осмотрѣть его въ первый разъ. И вотъ, во время этой прогулки у васъ является безотчетная, но вполне опредѣленная антипатія къ нѣкоторымъ улицамъ, къ нѣкоторымъ домамъ, тогда какъ другія улицы и другіе дома возбуждаютъ въ васъ дружелюбное чувство и радостное настроеніе. Нервность? Но предположите, что нервы у васъ, какъ канаты, и что вы вообще понятія не имѣете о томъ, чтѣ такое нервность. Далѣе! Вы идете по улицамъ, встрѣчаете сотни людей и равнодушно проходите мимо нихъ; но вдругъ въ ту минуту, когда вы спускаетесь къ набережной и останавливаетесь передъ бѣднымъ одноэтажнымъ домикомъ безъ занавѣсей на окнахъ, но съ нѣсколькими горшками бѣлыхъ цвѣтовъ — вы встрѣчаете челоувѣка, который сразу привлекаетъ на себя ваше вниманіе. Вы смотрите на него, а онъ смотритъ на васъ. Въ немъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, онъ только бѣдно одѣтъ и идетъ, слегка сторбившись; вы въ первый разъ въ вашей жизни встрѣчаетесь съ нимъ, и вдругъ вамъ приходитъ въ голову странная мысль, что этого челоувѣка зовутъ Іоганнесъ. Именно Іоганнесъ. Почему вамъ вдругъ показалось, что его зовутъ Іоганнесъ? Этого вы не можете объяснить себѣ но вы видите это

по его глазамъ, по движенію его рукъ, слышите по звуку его шаговъ. И это впечатлѣніе является у васъ вовсе не потому, что вы уже раньше встрѣчали человѣка, по имени Іоганнесь, который похожъ на этого. Нѣтъ, вовсе не потому, вы никогда не встрѣчали никого, кто напоминалъ бы вамъ этого человѣка. Вы стоите и не можете дать себѣ отчета въ томъ странномъ, мистическомъ чувствѣ, которое такъ внезапно явилось у васъ.

— Вы встрѣтили такого человѣка здѣсь въ городѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно отвѣтилъ онъ.—Я взялъ только для примѣра этотъ городъ и этотъ одноэтажный домикъ и этого человѣка. Но развѣ это не странно?.. Но вообще на свѣтѣ бываетъ много страннаго. Представьте себѣ, что вы приѣзжаете въ чужой городъ и входите въ чужой домъ, скажемъ, въ гостиницу, въ которой вы никогда раньше не бывали. И вдругъ у васъ является совершенно опредѣленное ясное сознаніе, что когда-то, можетъ-быть, много лѣтъ назадъ, въ этомъ домѣ была аптека. Почему вамъ это пришло въ голову? Ничто не напоминаетъ объ этомъ, никто не говорилъ вамъ этого, нѣтъ и слѣда запаха лѣкарствъ, на стѣнахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ отъ полокъ, а на полу отъ прилавка. И все-таки вы твердо убѣждены въ глубинѣ вашего сердца, что въ этомъ домѣ нѣсколько лѣтъ назадъ была аптека! И вы не ошибаетесь, на мгновеніе все ваше существо проникается какимъ-то таинственнымъ чувствомъ, и вы приобретаете способность видѣть то, что скрыто отъ васъ. Можетъ-быть, этого никогда не случалось съ вами?

— Я объ этомъ какъ-то никогда не думала до сихъ поръ. Но теперь, когда вы заговорили объ этомъ, мнѣ кажется, что и со мной случалось нѣчто подобное. Во всякомъ случаѣ мною часто овладѣваетъ какой-то безотчетный страхъ, когда я нахожусь въ темнотѣ. Но это, конечно, не то.

— Богъ знаетъ, то ли это, или что-нибудь другое! Чего только ни бываетъ между небомъ и землей,—страннаго, прекраснаго и неподобнаго; бываютъ какія-то совершенно необъяснимыя предчувствія, а иногда вами овладѣваетъ безотчетный нѣмой страхъ, который заставляетъ васъ невольно трепетать. Представьте себѣ, что во мракѣ ночи кто-то тихо пробирается вдоль стѣны. Вы не спите, вы курите трубку и сидите у стола, отдавая себѣ ясный отчетъ во всемъ. Голова ваша полна различныхъ плановъ, и вашъ мозгъ усиленно работаетъ. И вдругъ вы слышите совершенно ясно, что снаружи кто-то пробирается вдоль вашей стѣны. Или даже не снаружи, а тутъ же, въ вашей комнатѣ, въ углу, у печки, и вы даже

видите тѣнь на бѣлой оштукатуренной полосѣ возлѣ печки. Вы снимаете съ лампы абажуръ, чтобы освѣтить всю комнату, и подходите къ печкѣ, вы останавливаетесь передъ тѣнью и видите незнакомаго человѣка, средняго роста, съ шерстянымъ шарфомъ на шеѣ,—шарфъ полосатый, въ черную и бѣлую полосу,—губы у этого человѣка совершенно синія. Онъ похожъ на трефоваго валета на норвежскихъ игральныхъ картахъ. Теперь предположимъ, что любопытство въ васъ сильнѣе страха, вы наступаете на незванаго гостя, чтобы уничтожить его однимъ взглядомъ и заставить исчезнуть; но онъ не двигается съ мѣста, хотя вы такъ близко подошли къ нему, что видите, какъ онъ мигаетъ глазами, и вы убѣждаетесь, что онъ такой же живой человѣкъ, какъ и вы сами. Тогда вы рѣшаетесь отнестись ко всему съ добродушнымъ спокойствіемъ и вы говорите, хотя никогда раньше не видали этого человѣка:—«Не зовутъ ли васъ, можетъ-быть, Хуманъ, Бернтъ Хуманъ?»—спрашиваете вы. А такъ какъ онъ на это ничего не отвѣчаетъ, то вы рѣшаете называть его Хуманомъ и говорите:—«Почему бы вамъ, чортъ возьми, не быть Бернтомъ Хуманомъ?» И при этомъ вы хихикаете, глядя на него. Но онъ продолжаетъ стоять неподвижно, и вы теряетесь и не знаете, что съ нимъ дѣлать. Тогда вы отступаете на шагъ, тычете въ него концомъ трубки и говорите:—«Бэ-э-э!». Но на его лицѣ не появляется и признака улыбки. Тогда вы выходите изъ себя и даете незнакомцу здоровый тумакъ. Но у него такой видъ, словно онъ дѣйствительно находится тутъ же, рядомъ съ вами, но вашъ тумакъ не имѣетъ никакого отношенія къ нему. Онъ не падаетъ, онъ засовываетъ обѣ руки въ карманы, засовываетъ какъ можно глубже, пожимаетъ плечами, и кажется, будто онъ хочетъ сказать: «Ну, такъ что же?» Повидимому, ударъ, который вы ему дали, ничуть не задѣлъ его.—«Вотъ я тебѣ покажу!»—отвѣчаете вы внѣ себя отъ ярости и наносите ему здоровый ударъ подъ самую ложечку. Затѣмъ происходитъ слѣдующее: послѣ послѣдняго удара человѣкъ начинаетъ какъ бы испаряться, вы видите своими собственными глазами, какъ онъ мало-по-малу исчезаетъ, блѣднѣетъ и расплзается въ воздухъ, въ концѣ концовъ отъ него остается только одинъ животъ, который также наконецъ исчезаетъ. Но все время этотъ таинственный челевѣкъ держалъ руки въ карманахъ и смотрѣлъ на васъ съ вызывающимъ видомъ, какъ бы говоря: «Ну, такъ что же!»

Дагни снова размѣялась.

— Какія странныя приключенія съ вами случаются! Ну, что дальше? Чѣмъ все это кончается?

— Когда вы снова садитесь къ столу и возвращаетесь къ вашимъ планамъ, то замѣчаете, что разбили до крови вашу руку объ стѣну... Но я хотѣлъ только сказать вотъ что: если вы на слѣдующій день расскажете эту исторію вашимъ знакомымъ, то вамъ, навѣрное, отвѣтятъ, что вы спали. «Вы спали»,— скажутъ они вамъ. Хе-хе-хе, нечего сказать, спали! Но Богъ и всѣ ангелы могутъ засвидѣтельствовать, что вы не спали. Вѣдь только семинаристы съ ихъ грубой наукой могутъ называть это сномъ, тогда какъ вы стояли у печки въ полномъ сознаниі, курили трубку и разговаривали съ человѣкомъ! Но этого мало, тутъ еще является врачъ со своимъ мнѣніемъ; это прекрасный врачъ, который является въ качествѣ представителя своей науки съ самодовольно поджатыми губами и съ сознаниемъ своего превосходства. «Это,—говоритъ онъ:—ни болѣе ни менѣе, какъ простая нервность». О, Боже, что за комедія! Ладно. Итакъ, это нервность, говоритъ онъ. Въ представленіи врача это нѣчто такое, что имѣетъ такіе-то и такіе-то размѣры,—столько-то дюймовъ въ вышину, столько-то въ ширину, нѣчто такое, что можно зажать въ кулакѣ. Это самая обыкновенная нервность и больше ничего! И вотъ онъ прописываетъ на клочкѣ бумаги желѣзо и хину и тутъ же на мѣстѣ излѣчиваетъ васъ. Вотъ какъ просто все происходитъ! Но подумайте только, что за тупость, что за мужицкая логика соваться со своими измѣреніями и своей хиной въ эту область, въ которой не могли разобраться даже самые чуткіе и мудрые умы.

— Вы сейчасъ потеряете пуговицу,—сказала она.

— Потеряю пуговицу?

Она съ улыбкой указала ему пуговицу на его пиджакѣ, которая свободно болталась на одной ниткѣ.

— Лучше было бы совсѣмъ ее оторвать, а то вы скоро потеряете ее.

Онъ послушался ея совѣта, вынулъ изъ кармана ножичекъ и перерѣзалъ нитку. Въ ту минуту, какъ онъ вынималъ ножикъ, изъ кармана выпало нѣсколько мелкихъ монетъ и медаль на обтрепанной ленточкѣ. Онъ быстро нагнулся и сталъ подбирать упавшіе предметы. Она стояла и смотрѣла на него, потомъ она спросила:

— Это медаль? Но какъ вы съ ней обращаетесь? Посмотрите, на что похожа ленточка! Что это за медаль?

— Это медаль за спасеніе погибающихъ... Но, пожалуйста, не думайте, что она находится у меня въ карманѣ благодаря какой-нибудь заслугѣ съ моей стороны. Это одно шарлатанство.

Она посмотрѣла на него. Выраженіе его лица было совершенно спокойное, глаза его смотрѣли открыто, словно онъ и не думалъ лгать. Она продолжала держать медаль въ рукѣ.

— А вы опять начинаете! — сказала она. — Если вы не заслужили этой медали, то зачѣмъ храните вы ее, зачѣмъ носите съ собой?

— Я ее купилъ! — воскликнулъ онъ со смѣхомъ. — Вѣдь она моя, это моя собственность, она принадлежитъ мнѣ, какъ перочинный ножикъ или пуговица, которую я только-что оторвалъ отъ пиджака. Зачѣмъ же мнѣ ее бросать?

— Но какъ вамъ вздумалось купить себѣ медаль? — спросила она.

— Да, это шарлатанство съ моей стороны, я этого не отрицаю; но чего только ни приходится дѣлать? Я какъ-то носилъ ее даже на груди цѣлый день, важничалъ и кичился ею и даже принялъ тостъ, который былъ провозглашенъ за меня по поводу этой медали, хе-хе-хе-хе-хе! Не все ли равно, въ чемъ проявляется шарлатанство?

— Имя стерто на ней, — сказала она опять.

Тутъ онъ сразу измѣнился въ лицѣ и протянулъ руку за медалью.

— Имя стерто? Это не можетъ быть, — дайте посмотрѣть. Она испортилась у меня въ карманѣ. Это потому, что я носилъ ее вмѣстѣ съ мелкими деньгами.

Дагни недовѣрчиво посмотрѣла на него. Тогда онъ вдругъ прищелкнулъ пальцами и воскликнулъ:

— Ну, какъ можно быть такимъ разсѣяннымъ! Имя, конечно, стерто, вы совершенно правы, какъ могъ я это забыть! Хе-хе-хе, я самъ и велѣлъ стереть имя, совершенно вѣрно! Вѣдь на ней было не мое имя, а имя обладателя ея, того, который получилъ ее за спасеніе человѣческой жизни. Я велѣлъ уничтожить имя тотчасъ же, какъ купилъ медаль. Простите, пожалуйста, что я не сказалъ вамъ объ этомъ сейчасъ же, но я вовсе не собирался лгать. Я шелъ и думалъ совсѣмъ о другомъ: какъ вы могли прійти въ такое нервное состояніе изъ-за какой-то пуговицы, которая болталась на ниточкѣ? Ну, чтò, если бы она даже и потерялась? Ужъ не отвѣтъ ли это на то, чтò я говорилъ о нервности и наукѣ?

Пауза.

— Однако какую удивительную откровенность вы всегда проявляете по отношенію ко мнѣ! — сказала она, не отвѣчая на вопросъ. — Не понимаю, чего вы этимъ хотите достигнуть? И взгляды у васъ какіе-то странные; вотъ только-что вы дали мнѣ понять, что, въ сущности, все на свѣтѣ одно шар-

латанство, — нѣтъ ни благородства, ни чистоты, ни величія. Неужели это ваше искреннее мнѣніе? Неужели вы находите, что это одно и то же—купить себѣ медаль за извѣстную сумму денегъ или приобрести ее цѣной какого-нибудь подвига?

Онъ ничего не отвѣтилъ. Она продолжала медленно и серьезно:

— Я васъ не понимаю. Иногда, когда я слушаю васъ, у меня является вопросъ, въ полномъ ли вы разумѣ. Простите, что я это говорю. Съ каждымъ разомъ вы волнуете меня все больше и больше и даже раздражаете; вы производите путаницу въ моихъ понятіяхъ обо всемъ, о чемъ бы вы ни заговорили, представляете мнѣ все въ извращенномъ видѣ. Почему это? Никогда не приходилось мнѣ еще сталкиваться съ кѣмъ-нибудь другимъ, кто до такой степени противорѣчилъ бы всѣмъ моимъ понятіямъ. Скажите: насколько вы сами искренно убѣждены въ томъ, что вы говорите,—каково ваше искреннее, глубокое убѣжденіе?

Она спросила это такъ серьезно, такъ сердечно, что онъ былъ пораженъ.

— Если бы у меня былъ Богъ,—сказалъ онъ:—Богъ, котораго я чтить бы высоко и свято, то я поклялся бы этимъ Богомъ, что искренно убѣжденъ во всемъ томъ, что я говорилъ вамъ, абсолютно во всемъ, и что мною не руководятъ дурныя побужденія даже тогда, когда я обманываю васъ и сбиваю съ толку. Когда я въ послѣдній разъ разговаривалъ съ вами, то вы сказали мнѣ, что я являюсь по отношенію къ тому, что говорятъ другіе люди, олицетвореннымъ противорѣчіемъ. Это правда, я не отрицаю, что я олицетворенное противорѣчіе, и я самъ не понимаю, какъ это происходитъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не понимаю, какъ другіе люди не одного со мною мнѣнія? Все представляется мнѣ до такой степени яснымъ, даже прозрачнымъ, и я такъ отчетливо вижу внутренней смыслъ въ различныхъ явленіяхъ. Вотъ мое искреннее мнѣніе, фрѣкентъ; дай Богъ, чтобы мнѣ удалось заставить васъ вѣрить мнѣ теперь и всегда.

— Теперь и всегда? Бѣтъ, я этого не обещаю.

— А для меня это имѣетъ такое громадное значеніе, — сказалъ онъ.

Они вошли въ лѣсъ; тропинка была такая узкая, что они часто касались другъ друга локтями, а кругомъ стояла такая тишина, что они могли говорить совсѣмъ тихо. Время отъ времени то тутъ, то тамъ раздавалось щебетаніе птички.

Вдругъ онъ остановился, и она также невольно остановилась.

— Какъ я тосковалъ по васъ всѣ эти дни!—сказалъ онъ.— Ахъ, да не пугайтесь же! Вѣдь я почти ничего еще и не сказалъ, вѣдь я знаю, что ровно ничего не достигну. Нѣтъ, въ этомъ отношеніи я не дѣлаю себѣ никакихъ иллюзій. А впрочемъ, вы меня, можетъ-быть, даже и не понимаете, — я началъ не съ того, я проговорился и сказалъ то, чего вовсе не хотѣлъ говорить...

Когда онъ замолчалъ, она сказала:

— Какой вы сегодня странный!

И она хотѣла итти дальше.

Но онъ остановилъ ее:

— Дорогая фрёкенъ, подождите немного! Будьте сегодня хоть немного снисходительны ко мнѣ! Я боюсь говорить, я боюсь, что вы перебьете меня и скажете: уходите! А между тѣмъ я обдумывалъ это въ теченіе многихъ безсонныхъ часовъ.

Она смотрѣла на него все съ большимъ и большимъ удивленіемъ и наконецъ спросила:

— Чтò все это означаетъ?

— Чтò все это означаетъ? Разрѣшите мнѣ отвѣтить на этотъ вопросъ безъ иносказаній. Это означаетъ... означаетъ, что я люблю васъ, фрёкенъ Кьелландъ. Въ сущности, я не понимаю, почему это васъ такъ поражаетъ? Вѣдь я изъ крови и плоти, я встрѣтилъ васъ, и вы очаровали меня,—въ этомъ, кажется, нѣтъ ничего страннаго. Но очень можетъ быть, что было бы лучше, если бы я вамъ не признавался въ этомъ.

— Конечно, это было бы лучше.

— Но до чего только человѣкъ ни доходитъ? Я васъ даже оклеветалъ только изъ любви къ вамъ, я назвалъ васъ кокеткой и старался унижить васъ, какъ бы въ утѣшеніе самому себѣ и въ отместку за то, что вы для меня недосыгаемы, — вѣдь я это хорошо зналъ. Сегодня я встрѣчаю васъ въ пятый разъ и до сихъ поръ я ничѣмъ не выдалъ себя, хотя я могъ бы смѣло сдѣлать это въ первый же разъ. Кромѣ того, сегодня день моего рожденья, мнѣ исполнилось двадцать девять лѣтъ, и у меня съ самага утра сегодня такъ весело на душѣ, я даже началъ пѣть, едва открылъ глаза. Я подумалъ—это, конечно, прямо смѣшно, что такія глупыя мысли могутъ приходиться въ голову,—но я подумалъ: «Если ты встрѣтишь ее сегодня и признаешься ей во всемъ, то очень можетъ быть, что это выйдетъ кстати, потому что сегодня день твоего рожденія. Ты можешь сказать ей это, и она, можетъ-быть, охотнѣе простить тебя въ такойд ень». Вы улыбаетесь? Конечно, это смѣшно,—я это прекрасно понимаю. Но теперь

ужь съ этимъ ничего не подѣлаешь. Я приношу вамъ свою дань, какъ и всѣ другіе.

— Въ такомъ случаѣ, очень печально, что все это произошло именно сегодня,—сказала она.—Въ этомъ году вамъ не повезло въ день вашего рожденія. Вотъ все, что я вамъ могу сказать на это.

— Ну, конечно... О, Боже, какую властью вы обладаете! Я понимаю, что изъ-за васъ можно пойти на что угодно. Даже сейчасъ, когда вы произносили послѣднія слова, которыя не могли быть особенно пріятны для меня, даже сейчасъ вашъ голосъ походить на пѣніе. У меня совершенно ясно явилось такое ощущеніе, словно внутри у меня все начало расцвѣтать. Какъ это странно! Знаете, я бродилъ тутъ вокругъ вашего дома по ночамъ, стараясь увидеть хоть вашу тѣнь въ окно, а здѣсь въ лѣсу я стоялъ на колѣняхъ и молился Богу за васъ, а вѣдь я даже и въ Бога не вѣрю. Вы видите эту осину? Я остановился теперь именно здѣсь, потому что возлѣ этой осины я простоялъ нѣсколько ночей на колѣняхъ во власти безпредѣльнаго отчаянія, безъ мысли и безъ воли, и только потому, что я не могъ изгнать васъ изъ своей головы. Съ этого мѣста я каждый вечеръ желалъ вамъ спокойной ночи, я стоялъ на колѣняхъ и просилъ вѣтеръ и звѣзды передать вамъ мой привѣтъ, — я думаю, что вы должны были чувствовать это во снѣ.

— Зачѣмъ вы говорите мнѣ все это? Развѣ вы не знаете, что я...

— Да, да, — прервалъ онъ ее внѣ себя отъ волненія:— я знаю, что вы хотите сказать: что вы уже давно принадлежите другому, и что я поступаю неблагородно, преслѣдуя васъ теперь, когда уже поздно,—развѣ я не знаю, что именно это вы и хотите мнѣ сказать? Зачѣмъ я все это вамъ сказалъ? Такъ знайте же: чтобы повліять на васъ, чтобы произвести на васъ впечатлѣніе и заставить васъ думать обо мнѣ! Клянусь, я говорю истинную правду, я не могъ бы лгать. Я знаю, что вы обручены, что у васъ есть женихъ, котораго вы любите, и что я ничего не могу достичь; и все-таки я хотѣлъ попытаться подѣйствовать на васъ хоть сколько-нибудь, я не хотѣлъ отказываться отъ надежды. Вы только вдумайтесь въ смыслъ этихъ словъ: покинуть всякую надежду!— и вы, можетъ-быть, лучше поймете меня. Говоря раньше, что я не рассчитываю ни на что, я лгалъ, конечно. И я говорилъ это, чтобы успокоить васъ и выиграть время, и чтобы не запугать васъ сразу. Дорогая, понимаете ли вы меня? Я говорю такъ безсвязно. Я вовсе не хочу сказать, что вы

когда-нибудь подавали мнѣ хоть слабый лучъ надежды, и увѣряю васъ, я никогда не воображалъ себѣ, что могу вытѣснить другого изъ вашего сердца. Увы, это никогда не приходило мнѣ въ голову. Но въ минуты безутѣшнаго отчаянія я думалъ: «Да, она обручена и она скоро уѣдетъ, я долженъ разстаться съ ней навсегда; но теперь она еще не безвозвратно потеряна для меня, она еще не уѣхала, еще не вышла замужъ, не умерла,—какъ знать?.. Чтѣ, если я попытаюсь?.. Быть-можетъ, еще не все потеряно?» Вы безраздѣльно овладѣли всѣми моими мыслями, я вижу васъ повсюду, вы для меня олицетвореніе голубыхъ эльфовъ, и я называю ихъ Дагни. Мнѣ кажется, что не прошло ни единого дня за всѣ эти недѣли, когда бы я не думалъ о васъ. Въ какое время дня я ни выходилъ бы изъ гостиницы, едва я отворяю дверь и спускаюсь съ крыльца, какъ сердце мое пронизываетъ надежда: можетъ-быть, ты встрѣтишь ее! И я повсюду ищу васъ. Нѣтъ, теперь я больше ничего не понимаю и я не могу совладать съ собой. Вѣрьте, если я и выдалъ себя теперь, то я это сдѣлалъ не безъ борьбы. Развѣ пріятно сознавать, что всѣ твои попытки потерпѣли крушеніе? И все-таки продолжаешь бороться изъ послѣднихъ силъ,—сознаешь, что всѣ усилія тщетны, и все-таки борешься. Чего-чего только ни передумашь, сидя у себя въ комнатѣ въ долгую безсонную ночь? Въ рукахъ держишь книгу, но не читаешь ея; стискиваешь зубы и заставляешь себѣ прочесть три строчки, но силы оставляютъ тебя, и ты захлопываешь книгу, поникнувъ головой. Сердце бьется такъ безумно, и губы невольно шепчутъ слова любви, называютъ имя и мысленно цѣлуютъ его. А часы бьютъ, два, четыре, шесть; наконецъ принимавшъ рѣшеніе покончить съ этой мѣлой и при первомъ же удобномъ случаѣ рискнуть и признаться во всемъ... Если бы я только осмѣлился теперь просить васъ о чемъ-нибудь, то я попросилъ бы васъ молчать. Я люблю васъ, но молчите, молчите!.. Подождите три минуты.

Она слушала его, совершенно ошеломленная, и не произнесла ни слова въ отвѣтъ. Они все еще стояли на мѣстѣ.

— Нѣтъ, вы просто сошли съ ума! — сказала она наконецъ, качая головой. И, огорченная, блѣдная, она прибавила, и при этомъ въ глазахъ ея появился синеватый отблескъ льда: — Вы знаете, что я уже обручена, вы это помните, вы даже говорили объ этомъ, и все-таки...

— Да, да, я это знаю! Развѣ я могу забыть его лицо и его мундиръ? Это красивый мужчина, и я не нахожу въ немъ никакихъ недостатковъ, но это не мѣшаетъ мнѣ желать, чтобы

онъ умеръ и исчезъ. Къ чему повело, что я тысячу разъ повторялъ себѣ: ты ничего не достигнешь. Но я стараюсь забыть, что это невозможно, и я твержу себѣ: нѣтъ, тебѣ еще можетъ улыбнуться счастье, мало ли что можетъ случиться, надежда еще не угасла... Да, не правда ли? Надежда еще не угасла?

— Вы доводите меня до полного отчаянія! — воскликнула она. — Что вамъ отъ меня надо? Чего вы добиваетесь? Ужъ не думаете ли вы, что я... Боже, не будемъ больше говорить объ этомъ, прошу васъ! И уходите! Теперь вы все испортили нѣсколькими глупыми словами. Конецъ нашимъ бесѣдамъ! И намъ нельзя больше встрѣчаться. Зачѣмъ вы это сдѣлали? Если бы я только могла предполагать нѣчто подобное! Ну, а теперь ни слова больше объ этомъ, прошу васъ, какъ ради себя, такъ и ради васъ самихъ. Вѣдь вы прекрасно понимаете, что я ничѣмъ не могу быть для васъ. Не понимаю, какъ вы могли себѣ вообразить нѣчто подобное. Теперь довольно. Возвращайтесь домой и постарайтесь примириться съ этимъ. О, Боже, я искренно огорчена и за васъ также; но я не могу поступить иначе.

— Такъ неужели же я долженъ теперь проститься съ вами навсегда? Неужели я вижу васъ въ послѣдній разъ? Нѣтъ, нѣтъ, послушайте! Общаю вамъ быть спокойнымъ, говорить, о чемъ угодно, только не объ этомъ, — и вы позволите мнѣ видѣть васъ? Когда я буду совершенно спокоенъ? Можетъ случиться, что всѣ остальные наскучатъ вамъ... Только не говорите, что сегодня я вижу васъ въ послѣдній разъ. Вы опять качаете головой — вашей прелестной головкой... Неужели же это невозможно?.. Но если вы даже и не хотите мнѣ позволить это, то отвѣтите мнѣ все-таки «да» и солгите, чтобы только доставить мнѣ радость. А то мнѣ будетъ такъ тяжело сегодня, невыразимо тяжело, — а еще только утромъ я нѣлъ... Только одинъ разъ!

— Не просите меня объ этомъ. Вѣдь я ничего не могу вамъ обшачать. Кромѣ того, къ чему бы это повело? Теперь уходите, прошу васъ! Можетъ-быть, намъ и придется еще встрѣтиться, — право, не знаю, но все можетъ случиться. Но теперь уходите, слышите! — воскликнула она нетерпѣливо. — Вы окажете мнѣ величайшее благодѣяніе, — прибавила она.

Пауза. Онъ стоялъ и не сводилъ съ нея глазъ, онъ дышалъ прерывисто. Наконецъ онъ овладѣлъ собой и поклонился; онъ выпустилъ свою фуражку изъ рукъ и схватилъ ея руку, которую она не протягивала ему, и крѣпко сжалъ ее обѣими руками. Она слегка вскрикнула, и онъ сейчасъ же вы-

пустилъ ея руку въ отчаяніи, что причинилъ ей боль. Онъ стоялъ и долго смотрѣлъ ей вслѣдъ, когда она уходила. Еще нѣсколько шаговъ, и она исчезнетъ. Къ его лицу медленно приливаетъ краска, онъ до крови кусаетъ себѣ нижнюю губу и хочетъ итти, повернуть ей спину, онъ полонъ гнѣва и отчаянія. Какъ бы то ни было, но вѣдь онъ мужчина. Но хорошо, хорошо, прощайте!..

Вдругъ она оборачивается и говоритъ:

— И не приходите больше въ нашу усадьбу по ночамъ, прошу васъ, не дѣлайте этого! Такъ это, значить, на васъ такъ яростно лаялъ Бискенъ нѣсколько ночей подь-рядъ. Разъ какъ-то ночью папа чуть-было не вышелъ на дворъ. Слышите, не приходите больше. И я надѣюсь также, что вы не захотите причинить намъ обоимъ неприятность.

Она ничего больше не сказала; но при звукѣ ея голоса весь его гнѣвъ прошелъ, и онъ покачалъ головой.

— А вѣдь сегодня еще день моего рожденія! — сказалъ онъ.

Съ этими словами онъ закрылъ лицо одной рукой и пошелъ.

Она смотрѣла ему вслѣдъ; на мгновеніе она задумалась и вдругъ бросилась вслѣдъ за нимъ. Она взяла его руку.

— Простите, но я не въ силахъ измѣнить этого, я не могу ничѣмъ быть для васъ. Но, можетъ-быть, мы еще увидимся? Вы не думаете? Ну, теперь я должна итти.

Она повернулась и быстро пошла отъ него.

XII.

Съ набережной шла дама подъ вуалью; она только-что сошла съ прибывшаго парохода и направлялась прямо къ гостиницѣ «Централь».

Нагель случайно стоялъ у окна своей комнаты и смотрѣлъ на улицу. Съ самага обѣда онъ безъ устали ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и только изрѣдка останавливался, чтобы выпить воды; на щекахъ его пылалъ яркій румянецъ, походившій на лихорадочный, а глаза его горѣли. Онъ думалъ только объ одномъ цѣлыми часами, думалъ о своемъ послѣднемъ свиданіи съ Дагни Кьелландъ.

Онъ попробовалъ-было внушить себѣ, что можетъ уѣхать и забыть ее. Онъ раскрылъ чемоданъ, вынулъ какія-то бумаги, нѣсколько мѣдныхъ инструментовъ, флейту, нѣсколько нотныхъ листовъ, платье, среди котораго находилась новая гороховая пара; совершенно такая же, каковая была на немъ, и много еще другихъ вещей, которыя онъ разбросалъ по

всему полу. Да, онъ уѣдетъ, этотъ городъ опротивѣлъ ему, въ немъ никогда не вывѣшиваютъ больше флаговъ, а улицы словно вымерли. И почему бы ему не уѣхать? Да и вообще на кой чортъ вздумалось ему совать сюда свой носъ? Это какое-то воронье гнѣздо, не городъ, а дыра. какая-то, населенная маленькими вислоухими людьми...

Но онъ прекрасно сознавалъ, что не уѣдетъ, что только подбадриваетъ и обманываетъ себя самого. Уныло уложилъ онъ снова всѣ свои вещи въ чемоданъ и поставилъ его въ уголъ. И вотъ послѣ этого онъ сталъ бѣгать взадъ и впередъ отъ двери къ окну и обратно, не останавливаясь ни на минуту, безъ единой ясной мысли въ головѣ. А внизу часы отбивали одинъ часъ за другимъ. Вотъ пробило и шесть часовъ...

Когда онъ остановился на мгновение у окна и увидалъ даму подъ вуалью, какъ разъ поднимавшуюся на крыльцо гостиницы, выраженіе его лица измѣнилось, и раза два онъ схватился за голову. А впрочемъ, чтѣ жъ тутъ особеннаго? Она имѣла такое же право пріѣхать сюда, какъ и онъ. Но ему до этого ровно никакого дѣла нѣтъ, его мысли заняты другимъ, а кромѣ того счеты между нею и имъ совершенно покончены.

Онъ сейчасъ же заставилъ себя успокоиться, сѣлъ на стулъ, поднялъ съ пола газету и сталъ смотрѣть въ нее, дѣлая видъ будто читаетъ. Не прошло и минуты, какъ вошла Сара и подала ему карточку, на которой было написано карандашомъ: «Камма». Только «Камма». Онъ всталъ и сошелъ внизъ.

Дама стояла въ коридорѣ; вуаль ея была все еще спущена. Нагелъ молча поклонился ей.

— Здравствуй, Симонсенъ!—сказала она громко и взволнованно.—Симонсенъ,—сказала она.

Онъ смутился, но сейчасъ же овладѣлъ собой и позвалъ Сару:

— Куда бы мы могли зайти на минутку?

Сара указала имъ комнату рядомъ со столовой. Едва за ними затворилась дверь, какъ дама упала въ кресло. Она была въ сильномъ волненіи. Между ними завязался отрывочный и темный разговоръ съ намеками и полусловами, понятными только для нихъ самихъ и относящимися къ прошлому. Они хорошо знали другъ друга раньше. Свиданіе ихъ продолжалось не болѣе часа. Дама говорила скорѣе по-датски, чѣмъ по-норвежски.

— Извини, что я тебя по-старому назвала Симонсенъ,—сказала она.—Старое, милое имя! Какъ оно напоминаетъ былое и какое оно смѣшное и милое! Каждый разъ, когда я

произношу его про себя, ты встаешь передо мной, как живой.

— Когда вы приехали?

— Только-что, несколько минут назад; я приехала на пароходъ... Да, и я сейчас же уѣзжаю.

— Сейчас?

— Послушайте, — говорит она: — признайтесь, что вы радуетесь этому; неужели вы думаете, я не вижу, что вы радуетесь? Но что мнѣ дѣлать съ моею грудью, скажите? Вотъ послушайте, здѣсь, — нѣтъ, немного выше! Что вы на этотъ счетъ думаете? Мнѣ кажется, что мнѣ стало немного хуже, съ нѣкоторыхъ поръ появилось замѣтное ухудшеніе, — не правда ли? Ну, да это все равно. У меня очень неряшливый видъ? Скажите правду. А волосы у меня очень растрепаны? Можетъ-быть, я даже грязная, прямо-таки грязная, вѣдь я въ дорогѣ цѣлыя сутки... А вы совсѣмъ не измѣнились, и вы все такой же холодный, такой же холодный... Нѣтъ ли у васъ гребенки съ собой?

— Нѣтъ... Какъ вамъ пришло въ голову приехать сюда? Что васъ...

— То же самое я спрашиваю у васъ: какъ вамъ могло прийти въ голову спрятаться въ такое мѣсто? И вы думали, что я васъ не найду?.. Послушай, а вѣдь ты здѣсь слынешь за агронома, а? Ха-ха-ха, на набережной я встрѣтила нѣсколькихъ человѣкъ, я спросила о тебѣ, и мнѣ сказали, что ты агрономъ и что ты даже работалъ надъ чѣмъ-то въ саду нѣкой фру Стенерсенъ. Кажется, приводилъ въ порядокъ кусты красной смородины, ходилъ по саду въ одномъ жилетѣ и работалъ два дня сряду. Что за идея! У меня руки, какъ ледъ, — такъ это всегда бываетъ, когда я волнуюсь, а теперь я взволнована. Но у тебя нѣтъ никакого состраданія ко мнѣ, несмотря на то, что я тебя называю Симонсеномъ, какъ въ добрыя старыя времена, и весела и довольна. Еще рано утромъ, лежа въ каютѣ, я думала: какъ-то онъ встрѣтитъ меня? Скажетъ ли мнѣ по крайней мѣрѣ «ты» и возьметъ ли меня за подбородокъ? И я была почти увѣрена въ томъ, что вы это сдѣлаете, но я ошиблась. Обратите вниманіе на то, что я вовсе не прошу васъ больше сдѣлать это. Обратите вниманіе на это, пожалуйста. Теперь уже поздно, это не доставитъ мнѣ больше никакого удовольствія. Скажите, почему вы сидите и все время моргаете глазами? Можетъ-быть, это потому, что вы думаете о чемъ-нибудь другомъ въ то время, какъ я говорю?

Онъ отвѣтилъ только:

— Мнѣ дѣйствительно сегодня нездоровится, Камма. Не можете ли вы мнѣ сейчасъ же сказать, зачѣмъ вы пріѣхали сюда? Вы оказали бы мнѣ этимъ величайшее благодѣяніе.

— Зачѣмъ я пріѣхала сюда!—воскликнула она.—Боже, какъ смертельно вы можете оскорблять человѣка! Ужъ не боитесь ли вы, что я у васъ попрошу денегъ, что я пріѣхала только для того, чтобы обобрать васъ? Лучше сознайтесь совершенно откровенно, если у васъ дѣйствительно такія черныя подозрѣнія въ сердцѣ... Зачѣмъ я пріѣхала къ вамъ? Да, отгадайте-ка! Неужели вы не знаете, какой сегодня день и число? Ужъ не забыли ли вы о собственномъ днѣ вашего рожденія?

И она съ рыданіями бросилась передъ нимъ на колѣни, схватила его руки и прижимала ихъ къ лицу и груди.

Его сейчасъ же тронуло выраженіе этой страстной нѣжности, которой онъ уже не ожидалъ больше; онъ привлекъ ее къ себѣ и посадилъ на колѣни.

— Я не забыла дня твоего рожденія,—сказала она:—я всегда его помню. Ты представить себѣ не можешь, какъ горько я плачу о тебѣ по ночамъ! Я не сплю, потому что мысли о тебѣ не даютъ мнѣ покоя... Дорогой мой мальчикъ, у тебя все еще тѣ же красныя губы! Чего-чего я только ни передумала, пока ѣхала сюда на пароходѣ; я думала: все ли у него еще такія же красныя губы?.. Какъ безпокойно твои глаза бѣгаютъ по сторонамъ! Вѣдь ты не сердишься, а? Но въ общемъ ты не измѣнился, только глаза у тебя такіе безпокойные, словно ты сидишь и думаешь, какъ бы поскорѣе отъ меня отдѣлаться. Нѣтъ, я лучше сяду на этотъ стулъ рядомъ съ тобой, такъ тебѣ, навѣрное, будетъ пріятнѣе, — не правда ли? Мнѣ надо о многомъ поговорить съ тобой, а между тѣмъ я должна торопиться, потому что пароходъ скоро отходить; но ты меня совершенно смущаешь твоимъ равнодушнымъ видомъ. Что мнѣ сказать, чтобы заставить тебя внимательнѣе слушать меня? Въ сущности, ты не чувствуешь ни малѣйшей благодарности ко мнѣ за то, что я вспомнила этотъ день и пріѣхала къ тебѣ... Ты получилъ много цвѣтовъ? Ну, конечно! Фру Стенерсенъ, навѣрное, также вспомнила о тебѣ? Скажи, какая у нея наружность, у этой фру Стенерсенъ, для которой ты исполняешь роль агронома? Ха-ха-ха, что за выдумка!.. Мнѣ тоже очень хотѣлось привезти тебѣ цвѣтовъ, но у меня не было на это денегъ; какъ разъ теперь я очень бѣдна... Господи, да будь же ко мнѣ внимателенъ хоть сколько-нибудь въ продолженіе этихъ нѣсколькихъ минутъ! Неужели это такъ трудно для тебя? Ахъ, какъ все измѣнилось! А по-

мнишь,—но это ты уже, конечно, забылъ, и напрасно я буду напоминать тебѣ о старомъ; но когда-то ты узнавалъ меня издали по перу на моей шляпѣ, и ты сейчасъ же бѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу. Но ты самъ знаешь, что это было такъ, не правда ли? Разъ ты увидалъ меня издали на крѣпостномъ валу. Но теперь я забыла, зачѣмъ я собственно начала рассказывать о перѣ на шляпѣ? Господи, право, не помню, зачѣмъ я заговорила объ этомъ, но я хотѣла это привести, какъ хорошей аргументъ противъ тебя... Что случилось? Почему ты вскочилъ съ мѣста?

Онъ быстро всталъ, прошелъ на цыпочкахъ черезъ комнату и рѣзкимъ движеніемъ распахнулъ дверь.

— Въ столовой звонятъ и давно зовутъ васъ, Сара,—сказалъ онъ, выглянувъ за дверь.

Вернувшись и сѣвъ на прежнее мѣсто, онъ кивнулъ Каммѣ и прошепталъ:

— Я отлично знаю, что она стоитъ за дверью и подглядываетъ въ замочную скважину.

Камма сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— А если бы даже она и подглядывала?—сказала она.— Скажите, пожалуйста, почему вы именно теперь заняты всѣмъ, чѣмъ угодно, только не мной? Я сижу здѣсь уже четверть часа по крайней мѣрѣ, а вы даже не попросили меня поднять вуаль. Да, но теперь ужъ не смѣйте больше просить меня объ этомъ! Вамъ, конечно, и въ голову не приходитъ, какъ это ужасно сидѣть съ густой вуалью на лицѣ въ такую жару. Ну, такъ мнѣ и надо! И зачѣмъ я пріѣхала сюда! Вѣдь я слышала, какъ вы попросили у служанки позволенія зайти куда-нибудь на минутку. Только на минутку!—сказали вы. Это означало, конечно, что вы хотѣли отдѣлаться отъ меня черезъ минуту. Да, да, я не упрекаю васъ въ этомъ, я только безгранично огорчена! Но что же дѣлать?.. И почему я никакъ не могу забыть тебя? Я знаю, что ты не въ своемъ умѣ, что у тебя въ глазахъ безумное выраженіе, — да, представь себѣ, такъ говорятъ о тебѣ, и я этому вѣрю. И все-таки я не могу забыть тебя. Докторъ Ниссенъ увѣряетъ, что ты сумасшедшій, и, видитъ Богъ, такъ это и должно быть, разъ ты поселился въ такомъ мѣстѣ, какъ это, и объявить себя агрономомъ. Слыханное ли это дѣло! И ты все еще носишь на пальцѣ это желѣзное кольцо? И не расстаешься съ этимъ бросающимся въ глаза костюмомъ, который никто другой ни за что не надѣлъ бы...

— Такъ докторъ Ниссенъ сказалъ, что я сумасшедшій? — спросилъ онъ.

— Доктор Ниссенъ такъ прямо и сказалъ это! Знаешь, кому онъ это сказалъ?

Пауза. На мгновеніе онъ погрузился въ глубокія думы. Но потомъ онъ очнулся и спросилъ:

— Скажите мнѣ совершенно откровенно, Камма, не могу ли я вамъ оказать денежную помощь? Вы знаете, что я сдѣлаю это съ удовольствіемъ.

— Никогда!—воскликнула она: — никогда, слышите! Какое право вы имѣете бросать мнѣ въ лицо одно оскорбленіе за другимъ?

Пауза.

— Не понимаю,—сказалъ онъ:—зачѣмъ мы тутъ сидимъ и дѣлаемъ другъ другу непріятности...

Но тутъ она прервала его и съ рыданіями стала говорить, не взвѣсивая больше своихъ словъ:

— Кто дѣлаетъ непріятности? Ужъ не я ли? Боже, ты совершенно переродился за какіе-нибудь нѣсколько мѣсяцевъ! Я приѣзжаю сюда только для того, чтобы... Я не ожидаю больше отвѣта на свои чувства, вѣдь ты знаешь, что я не изъ тѣхъ, кто вымаливаетъ любовь; но я надѣялась, что ты отнесешься ко мнѣ съ нѣкоторой снисходительностью... О, Господи Боже ты мой, какъ непроглядна и печальна моя жизнь! Я знаю, что должна вырвать тебя изъ моего сердца, но я не въ силахъ это сдѣлать, меня влечетъ за тобой, и я бросаюсь къ твоимъ ногамъ. Помнишь, мы какъ-то разъ гуляли по Драмменсвейенъ, и ты прибилъ по мордѣ собаку за то, что она прыгнула на меня? Въ этомъ была виновата я, потому что я вскрикнула, думая, что собака хочетъ укусить меня. Но оказалось, что собака вовсе не хотѣла кусать меня, она просто только играла, а когда ты ударилъ ее, то она на брюхѣ подползла къ намъ и легла у нашихъ ногъ, вмѣсто того, чтобы убѣжать. Ты тогда расплакался надъ собакой, ты гладилъ ее и украдкой плакалъ, — я это замѣтила... Но теперь ты не плачешь, хотя... Но я это привела вовсе не для сравненія; ты, конечно, не думаешь, что я сравниваю себя съ собакой? Кто знаетъ, чего только тебѣ ни придется въ голову съ твоимъ высокомеріемъ! Когда у тебя такое лицо, то я прекрасно знаю, что у тебя на душѣ. Вотъ ты улыбаешься, — да, да, ты улыбнулся! Ты смѣешься надо мной тутъ же у меня на глазахъ! Нѣтъ, ужъ лучше я скажу тебѣ прямо въ лицо... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, прости меня, прости! Я въ такомъ отчаяніи! Ты видишь передъ собой разбитую женщину, — я совершенно разбита, протяни же мнѣ руку! О, почему ты не можешь забыть моего единственнаго проступка! Но, если ты хорошенько подумаешь

объ этомъ, ты долженъ будешь согласиться, что моя вина передъ тобой такъ ничтожна. Конечно, съ моей стороны было нехорошо, что я не пришла къ тебѣ въ тотъ вечеръ. Ты подавалъ мнѣ сигналы одинъ за другимъ, а я не пошла, — но, видитъ Богъ, я глубоко сожалѣю объ этомъ! Но онъ у меня не былъ, какъ ты это думалъ, незадолго передъ тѣмъ онъ былъ у меня. Но въ ту минуту его больше не было. Вѣдь я во всемъ сознаюсь и прошу тебя сжалиться надо мной. Но я должна была прогнать его тогда же, да, прогнать, я сознаюсь въ этомъ, я сознаюсь во всемъ, и я не должна была... Нѣтъ, я не понимаю... я ничего больше не понимаю!.

Пауза. Въ наступившей тишинѣ раздавались только рыданія Каммы, да изъ столовой доносился стукъ ножей и вилокъ. Она продолжала плакать, вытирая платкомъ слезы подъ вуалью.

— Подумай только, онъ такой безпомощный,—продолжала она:—онъ прямо ни на что больше не годенъ. Иногда онъ ударяетъ кулакомъ по столу и посылаетъ меня ко всѣмъ чертамъ, да, онъ ругаетъ меня и говоритъ, что я его разоряю, и при этомъ онъ болѣе чѣмъ грубъ со мной. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ опять чувствуетъ себя такимъ несчастнымъ и даже не можетъ рѣшиться отпустить меня. Что же мнѣ дѣлать, когда я вижу, какъ онъ слабъ? Я откладываю со дня на день свой отъѣздъ, хотя мнѣ далеко не сладко живется... Но, пожалуйста, не жалѣйте меня; неужели вы посмѣете быть такимъ безсовѣстнымъ и выражать мнѣ ваше состраданіе! Онъ, во всякомъ случаѣ, лучше многихъ и доставлялъ мнѣ болѣе радости, чѣмъ многіе другіе, во всякомъ случаѣ, болѣе, чѣмъ вы. И я искренно люблю его, знайте это! Я пріѣхала сюда не для того, чтобы злословить о немъ. Какъ только я возвращусь домой, я брошусь передъ нимъ на колѣни и буду просить его о прощеніи за то, что сказала здѣсь о немъ. Да, такъ я и сдѣлаю.

Нагель сказалъ:

— Дорогая Камма, будьте же хоть немного благоразумны! Позвольте помочь вамъ, прошу васъ, Мнѣ кажется, вы нуждаетесь въ этомъ. Вы не хотите позволить? Какъ это нехорошо съ вашей стороны отказываться отъ моей помощи, когда я такъ легко и такъ охотно сдѣлалъ бы это.

И, говоря это, онъ вынулъ свой бумажникъ.

Она крикнула внѣ себя отъ волненія:

— Развѣ вы не слышали, что я наотрѣзъ отказалась отъ вашей помощи! Вы оглохли, что ли!

— Но чего же вы хотите? — спросилъ онъ въ полномъ недоумѣніи.

Она сѣла на стулъ и перестала плакать. Казалось, будто она раскаялась въ своей горячности.

— Послушайте, Симонсень... Позвольте мнѣ еще разъ назвать васъ такъ... если вы только не разсердитесь на меня, то мнѣ очень хотѣлось бы сказать вамъ кое-что. Ну, на что это похоже, что вы вздумали поселиться въ такой трущобѣ, какъ эта? И для чего вы это сдѣлали? Развѣ можно удивляться послѣ этого, что люди считаютъ васъ сумасшедшимъ? Я даже и забыла, какъ называется этотъ городъ, я должна подумать, чтобы вспомнить, такъ онъ малъ, — а вы живете здѣсь, разыгрываете какую-то комедію и приводите обывателей въ изумленіе своими странными выходками! Неужели же вы не могли найти ничего лучшаго?.. А впрочемъ, это меня вовсе не касается, и я говорю все это только по старой памяти... Нѣтъ, посоветуйте, что мнѣ дѣлать съ моей грудью? Вотъ я чувствую сейчасъ, что сердце мое готово разорваться! Не находите ли вы, что мнѣ слѣдовало бы опять обратиться къ доктору? Но, скажите на милость, какъ мнѣ обращаться къ доктору, когда у меня нѣтъ ни одного эре въ карманѣ?

— Но вѣдь вы слышали, что я отъ всего сердца готовъ помочь вамъ и дать вамъ взаймы. Вы можете когда-нибудь возвратить мнѣ деньги.

— Ну, въ сущности, это совершенно все равно, буду ли я обращаться къ доктору или нѣтъ, — продолжала она, какъ упрямое дитя. — Развѣ кто-нибудь пожалѣетъ меня, когда я умру?..

Но вдругъ она перемѣнила тонъ, дѣлая видъ, будто одумалась.

— Если спокойно обсудить это, то почему бы мнѣ и не принять вашихъ денегъ? Разъ я принимала ихъ раньше, то почему бы мнѣ не принять ихъ теперь? Я вовсе ужъ не такъ богата, чтобы изъ-за этого... Да, но дѣло въ томъ, что вы нѣсколько разъ, какъ нарочно, выбирали такіе моменты, когда я была сильно взволнована, и вы прекрасно знали заранѣе, что я откажусь. Да, да, такъ это и было! Вы преднамѣренно поступали такъ, чтобы только сберечь свои деньги, хотя у васъ ихъ такъ много; вы думаете, я этого не замѣтила? А если даже вы и предложили мнѣ ихъ сейчасъ еще разъ, то сдѣлали это только для того, чтобы унижить меня, а потомъ вы будете злорадствовать, что я въ концѣ концовъ все-таки принуждена была взять ихъ. Но съ этимъ ничего не подѣлаешь, я дѣйствительно принуждена принять ваши деньги, и я буду тебѣ за это искренно благодарна. Видитъ Богъ, какъ я была бы рада, если бы мнѣ не нужно было обращаться къ твоей помощи! Но знайте, я пріѣхала сюда сегодня вовсе не

изъ за денегъ, — хотите вѣрьте, хотите нѣтъ. Я не думаю, чтобы у васъ хватило низости думать такъ... Но сколько ты можешь мнѣ дать, Симонсенъ? Господи, пожалуйста, не принимай всего этого такъ близко къ сердцу и вѣрь мнѣ, что я говорю совершенно искренно...

— Сколько вамъ надо?

— Сколько мнѣ надо!.. Ахъ, Боже мой, я надѣюсь, что пароходъ не уйдетъ безъ меня!.. Мнѣ нужно довольно много, но... пожалуй, нѣсколько сотъ кронъ, но...

— Послушайте, вы вовсе не должны чувствовать себя униженной, принимая эти деньги. Если вы только хотите, то вы можете заслужить ихъ. Вы можете оказать мнѣ громадную услугу, если бы я осмѣлился попросить васъ...

— Если бы ты осмѣлился попросить меня! — воскликнула она внѣ себя отъ радости, что нашелся такой выходъ. — Боже, какъ ты можешь такъ говорить! Какую услугу? Какую услугу, Симонсенъ? Я готова на все! О, милый мой мальчикъ!

— У васъ еще осталось три четверти часа свободнаго времени до отхода парохода...

— Да, да. Но что же я должна сдѣлать?

— Вы должны пойти къ одной дамѣ и исполнить порученіе.

— Къ дамѣ?

— Она живетъ у набережной въ маленькомъ одноэтажномъ домикѣ. На окнахъ нѣтъ занавѣсей, но на подоконникахъ обыкновенно стоятъ горшки съ бѣлыми цвѣтами. Эту даму зовутъ Марта Гуде, фрѣкенъ Гуде.

— Такъ это она... Но развѣ это не фру Стенерсенъ...

— Послушайте, вы находитесь на ложномъ пути, — фрѣкенъ Гуде, навѣрное, подъ сорокъ лѣтъ. Но у нея есть стулъ, старое кресло, которое я непременно хочу приобрѣсти, и вы должны помочь мнѣ въ этомъ... Спрячьте же ваши деньги, а я тѣмъ временемъ объясню вамъ все.

Между тѣмъ начало смеркаться; посѣтители гостиницы шумно выходили изъ столовой, а Нателъ все еще сидѣлъ и подробно объяснялъ все, что касалось стараго кресла. Надо дѣйствовать съ величайшей осторожностью, безъ всякой аффектаціи. Камма все больше и больше приходила въ восторгъ отъ этого таинственнаго порученія и сгорала отъ нетерпѣнія поскорѣе приняться за его выполнение. Она громко смѣялась и нѣсколько разъ спрашивала, не слѣдуетъ ли ей переодѣться, или, по крайней мѣрѣ, надѣть очки. Вѣдь, кажется, у нея когда-то была красная шляпа? Не надѣть ли ей ее?..

— Нѣтъ, вамъ не надо дѣлать никакихъ фокусовъ. Вы

должны просто прийти и предложить за кресло известную сумму, поднять цѣну, дойти до двухсотъ кронъ, даже до двухсотъ двадцати. И вы можете быть увѣрены, что это кресло не останется за вами. Вы можете быть спокойны.

— Боже, какая масса денегъ! Но почему вы думаете, что я не получу этого кресла за двѣсти двадцать кронъ?

— Потому что я уже выговорилъ его для себя.

— Но представьте себѣ, что она поймаетъ меня на словѣ?

— Нѣтъ, будьте увѣрены, что она этого не сдѣлаетъ. А теперь идите!

Въ послѣднюю минуту она снова попросила у него гребенку и выразила опасеніе, что у нея смято платье.

— Но знай, что я вовсе не хочу, чтобы ты такъ часто бывала съ этой фру Стенерсенъ,—сказала она, жеманясь.—Я не могу перенести этой мысли. Это меня огорчаетъ, и я безутѣшна.

И она тутъ же посмотрѣла, хорошо ли спрятала деньги.

— Какой ты милый, что далъ мнѣ столько денегъ! — воскликнула она.

И быстрымъ движеніемъ она откинула вуаль и поцѣловала его въ губы, прямо въ губы. Но въ то же время она была всецѣло поглощена страннымъ порученіемъ къ Мартѣ Гуде и спросила:

— Какъ мнѣ дать тебѣ знать, что все сошло благополучно? Впрочемъ, я могу попросить капитана дать четыре или пять свистковъ, какъ ты думаешь? Вотъ теперь ты самъ видишь, что я вовсе ужъ не такая глухая. Да, ты можешь положиться на меня! Да и какъ мнѣ не сдѣлать для тебя такихъ пустяковъ, когда ты... Но, послушай, вѣрь мнѣ, я пріѣзжала сюда не изъ-за денегъ! Ну, а теперь позволь мнѣ еще разъ поблагодарить тебя! До свиданья, до свиданья!

Уходя, она еще разъ пощупала, не потеряла ли деньги.

Полчаса спустя Нагель дѣйствительно услышалъ пароходный свистокъ, который далъ пять короткихъ сигналовъ одинъ за другимъ.

XIII.

Прошло дня два.

Нагель сидѣлъ дома, онъ былъ мраченъ, и видъ у него былъ измученный и больной; глаза его потускнѣли за эти два дня. Онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ, не обращался даже къ прислугѣ въ гостиницѣ. Одна рука у него была обвязана платкомъ; однажды ночью, пробродивъ, по обыкновенію, до са-

маго разсвѣта, онъ вернулся домой съ обвязанной носовымъ платкомъ рукой. Онъ сказалъ, что поранилъ себѣ руку, споткнувшись о борону, лежавшую на пристани.

Въ четвергъ съ утра шелъ дождь, и ненастная погода сдѣлала его настроеніе еще болѣе мрачнымъ. Однако, прочитавъ лежа въ постели газету и позабавившись бурной сценой во французской палатѣ депутатовъ, онъ вдругъ прищелкнулъ пальцами и вскочилъ съ постели. Чортъ возьми! Свѣтъ широкъ, богатъ и весель, свѣтъ прекрасенъ! Стоить ли унывать!

Онъ позвонилъ, не успѣвъ еще одѣться окончательно, и сообщилъ Сарѣ, что желаетъ пригласить къ себѣ вечеромъ нѣсколькихъ гостей,—шесть-семь человекъ, которые способны поддержать веселье на нашей грѣшной землѣ, — неунывающихъ весельчаковъ, такихъ, какъ докторъ Стенерсенъ, адвокатъ Хансенъ, адъюнктъ и другіе.

Онъ сейчасъ же разослалъ приглашенія. Минута отвѣтилъ, что придетъ; повѣренный Рейнертъ также получилъ приглашеніе, но не пришелъ. Въ пять часовъ всѣ гости собрались въ комнатѣ Нагеля. Такъ какъ дождь продолжалъ еще идти и было пасмурно, то спустили шторы и зажгли лампы.

И вотъ началась вакханалія съ шумомъ и гамомъ и адскимъ крикомъ; маленькій городокъ еще долго спустя говорилъ объ этомъ кутежѣ...

Какъ только Минута показался въ дверяхъ, Нагель пошелъ къ нему навстрѣчу и сталъ извиняться передъ нимъ въ томъ, что наболталъ слишкомъ много вздору во время ихъ послѣдняго свиданія. Онъ сердечно пожалъ руку Минутѣ и представилъ его студенту Эйену, единственному изъ гостей, который еще не зналъ его. Минута шопотомъ поблагодарилъ Нагеля за новыя брюки; теперь онъ одѣтъ съ иголки съ ногъ до головы.

— Но у васъ еще нѣтъ жилета.

— Нѣтъ, но въ этомъ нѣтъ никакой необходимости. Вѣдь я не графъ какой-нибудь,—увѣряю васъ, что мнѣ совсѣмъ не нужно жилета.

Докторъ Стенерсенъ сломалъ свои очки и теперь употребляетъ пенсне безъ шнурка, которое каждую минуту падало у него съ носа.

— Нѣтъ, говорите, что хотите,—сказалъ онъ:—но мы все-таки живемъ въ эпоху освобожденія. Стоитъ только обратить вниманіе на выборы и сравнить ихъ съ прошлыми выборами.

Всѣ пили очень много; адъюнктъ уже началъ говорить односложными словами, а это было вѣрнымъ признакомъ того, что винные пары начали дѣйствовать на него. Адвокатъ Хансенъ,

который выпил гдѣ-то нѣсколько стакановъ уже до своего прихода, началъ, по своему обыкновенію, возражать доктору и вообще несть всякую чепуху.

Онъ, Хансенъ, социалистъ, если онъ смѣетъ такъ выразиться, — онъ человѣкъ прогрессивный. Выборами онъ недоволенъ; въ сущности, о какомъ освобожденіи они свидѣлствуютъ? Пусть-ка ему отвѣтятъ на это! Къ чорту ихъ! Да, нечего сказать, хорошая эпоха освобожденія! Развѣ не боролся такой человѣкъ, какъ Гладстонъ, самымъ позорнымъ образомъ съ Парнеллемъ изъ-за причинъ моральнаго свойства, изъ-за смѣшныхъ причинъ, пустыхъ и пошлыхъ, какъ ростбифъ... Проваливайте къ чорту!

— Что за околесицу вы тамъ несете! — отозвался сейчасъ же докторъ. — Неужели вы отрицаете всякую мораль? Если бы люди перестали вѣрить въ мораль, то что двигало бы ихъ впередъ? Надо обманывать людей, завлекать ихъ на путь развитія и всегда чтить мораль. Я всегда стоялъ за Парнелля, но разъ Гладстонъ находитъ его невозможнымъ, то вѣдь нельзя не согласиться, что такой великій человѣкъ кое-что смыслить въ людяхъ. Впрочемъ, мои слова не относятся къ господину Нагелю, къ нашему уважаемому хозяину, который не можетъ простить Гладстону даже и того, что онъ искрененъ до мозга костей. Ха-ха-ха, о, Боже милостивый... Кстати, господинъ Нагель, вы, кажется, и къ Толстому относитесь не слишкомъ милостиво? Фрѣкенъ Кьелландъ говорила мнѣ, что вы и его не признаете.

Нагель разговаривалъ въ эту минуту со студентомъ Эйеномъ; при послѣднихъ словахъ онъ быстро обернулся и отвѣтилъ:

— Не помню, чтобы я когда-нибудь говорилъ съ фрѣкенъ Кьелландъ о Толстомъ. Я признаю его, какъ великаго писателя, но, какъ философъ, онъ дуракъ... — Но потомъ Нагель прибавилъ: — Я надѣюсь, что вы ничего не имѣете противъ того, чтобы мы сегодня вечеромъ позволили себѣ отпустить время отъ времени крѣпкое слово, если найдемъ это нужнымъ? Вѣдь дамъ здѣсь нѣтъ, и мы собрались на холостую пирушку. Рѣшено? А я именно въ такомъ настроеніи духа въ настоящую минуту, что готовъ захватить въ свои лапы все, что попало, и растерзать.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь! — отвѣтилъ докторъ съ обиженнымъ видомъ. — Толстой — дуракъ!

— Да, да, не будемъ стѣсняться высказывать наше мнѣніе совершенно откровенно! — воскликнулъ вдругъ также и адъюнктъ.

Адъюнктъ какъ разъ допился до извѣстной стади своего опьянѣнія, и теперь ему было море по колѣно.

— Пожалуйста, никакихъ ограниченій, докторъ, иначе мы вытолкаемъ тебя отсюда. Пусть каждый выражаетъ свое мнѣніе. Вотъ, напримѣръ, Стеккеръ отъявленный негодяй. И я это докажу... Да, докажу!

Это заявленіе всѣ встрѣтили хохотомъ, и прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ можно было снова вернуться къ разговору о Толстомъ.

— Да, Толстой великій писатель и великій геній.

Нагель вдругъ весь вспыхнулъ:

— Онъ—великій геній, никогда! Его умъ самаго обыкновеннаго свойства, а что касается его ученія, то оно ни на волосъ не глубже аллилуйныхъ возгласовъ Арміи Спасенія. Какой-нибудь русскій не дворянскаго происхожденія, не имѣющій стараго, знатнаго имени и миллионъ Толстого, едва ли прославился бы такъ только изъ-за того, что онъ выучилъ нѣсколькихъ крестьянъ чинить сапоги... А впрочемъ, будемъ веселиться... Ваше здоровье, господинъ Грегордъ!

Нагель пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы чокаться съ Минутой, и вообще все время былъ по отношенію къ нему чрезвычайно внимателенъ. Онъ снова заговорилъ съ нимъ о своей глупой болтовнѣ во время ихъ послѣдняго свиданія и просилъ Минуту забыть о ней.

— Что касается меня, — заявилъ докторъ, принимая гордую осанку:—то вы меня ничѣмъ не испугаете.

— Дѣло въ томъ, — продолжалъ Нагель: — что я иногда слишкомъ увлекаюсь въ своемъ стремленіи противорѣчить, а сегодня я къ тому же чувствую особенное расположеніе къ этому. Это происходитъ вслѣдствіе того, что третьяго-дня у меня были кое-какія непріятности, которыя сильно подѣйствовали на меня, а кромѣ того, и эта, наводящая тоску погода отвратительно вліяетъ на меня. Вы, господинъ докторъ, лучше всего можете понять это и извините меня... Но вернемся къ Толстому; я никакъ не могу его считать болѣе глубокимъ умомъ, чѣмъ, напримѣръ, генерала Бутса. Оба они проповѣдники, но не мыслители, — они только проповѣдники. Они пускаютъ въ ходъ готовые продукты, популяризуютъ какую-нибудь готовую мысль, преподносятъ ее народу по дешевой цѣнѣ и такимъ образомъ управляютъ всѣмъ міромъ. Но когда дѣлаешь коммерческій оборотъ и пускаешь что-нибудь въ обращеніе, то надо это дѣлать съ возможной выгодой для себя. Толстой же терпитъ громадныя убытки при этомъ. Жили-были какъ-то два друга, которые держали слѣдующее пари: одинъ побился объ закладъ двѣнадцатю шиллингами въ томъ, что онъ на разстояніи двадцати шаговъ

выбѣтъ выстрѣломъ орѣхъ, который другой будетъ держать между пальцами, и при этомъ не задѣнетъ его руки. Прекрасно,—онъ выстрѣлилъ, но промахнулся и искалѣчилъ всю руку другого, и сдѣлалъ онъ это съ блескомъ. Несчастный застоналъ и, собравъ послѣднія силы, крикнулъ: «Ты проигралъ пари, сейчасъ подавай двѣнадцать шиллинговъ!» И онъ получилъ двѣнадцать шиллинговъ.—«Хе-хе-хе. Подавай сюда двѣнадцать шиллинговъ», — сказалъ онъ... Ахъ, ужъ этотъ Толстой! Да поможетъ ему Богъ! Онъ сидитъ тамъ у себя и изъ кожи лѣзетъ, чтобы окончательно изсушить источники радостей жизни и заполнить весь свѣтъ любовью къ Господу и къ своему ближнему. Я краснѣю внутренно. Если сказать, что какой-то агрономъ краснѣетъ за графа, то это можетъ показаться нѣсколько нахальнымъ; но такъ это на самомъ дѣлѣ и есть... Я не говорилъ бы такъ, какъ говорю, если бы Толстой былъ юношей, которому приходилось бы самому побѣждать искушенія и бороться, чтобы проповѣдывать добродѣтель и жить цѣломудренно. Но вѣдь онъ старецъ, всѣ жизненные источники котораго давно изсякли и въ которомъ не осталось больше и слѣда человѣческихъ страстей и желаній. Но — возражать мнѣ на это — это не имѣетъ никакого отношенія къ его ученію! Да, только послѣ того, какъ человѣкъ окончательно состарѣлся и одряхлѣлъ и пресытился отъ наслажденій, онъ идетъ къ юношѣ и говоритъ: «откажись!». И молодой человѣкъ задумывается надъ его предложеніемъ и сознается, что оно соотвѣтствуетъ словамъ св. писанія. Но, несмотря на это, юноша все-таки не отказывается отъ радостей жизни, а продолжаетъ грѣшить, и грѣшить въ теченіе сорока лѣтъ во-всю. Такова логика жизни! Но когда проходитъ сорокъ лѣтъ и юноша превращается въ старца, тогда и онъ въ свою очередь сѣдлаетъ сиваго коня и, держа знамя высоко въ своей костлявой рукѣ, скачетъ по бѣлу свѣту, громко трубя и призывая въ назиданіе всему міру юношей къ отреченію и снова къ отреченію. Хе-хе-хе, да, это комедія, которая вѣчно повторяется! Толстой забавляетъ меня, я въ восторгѣ отъ того, что этотъ старикъ можетъ еще дѣлать такъ много добра; и въ концѣ концовъ онъ, конечно, удостоится райскаго блаженства. Но дѣло-то все въ томъ, что онъ только повторяетъ, что дѣлали уже до него многіе старцы и что будутъ дѣлать послѣ него многіе старцы. Вотъ въ этомъ-то все и дѣло.

— Позвольте вамъ напомнить только объ одномъ, — чтобы не сказать больше, — что Толстой выказалъ себя истиннымъ другомъ повинувшихъ и угнетенныхъ. И это въ вашихъ гла-

захъ ничего не значить? Нѣтъ, вы укажите мнѣ хоть одного человѣка у насъ, который до такой степени занимался бы несчастными и посвящалъ себя малымъ симъ въ человѣческомъ обществѣ, какъ онъ. Я нахожу, что это довольно высокоумная и узкая точка зрѣнія — считать ученіе Толстого ученіемъ дурака только потому, что люди не желаютъ слѣдовать этому ученію.

— Bravo, докторъ! — заревѣлъ снова адъюнктъ, лицо котораго пылало. — Bravo! Но высказывайте ваше мнѣніе рѣзче, грубѣе, каждый имѣетъ право высказывать откровенно свое мнѣніе. Высокомумная точка зрѣнія — воистину это высокоумная точка зрѣнія! Вотъ я докажу вамъ это...

— Ваше здоровье, — сказалъ Нагель: — не будемъ забывать, для чего мы здѣсь собрались. Неужели вы хотите сказать, докторъ, что, когда человѣкъ, обладающій кругленькимъ милліономъ, отдаетъ десятирублевую бумажку, то его поступокъ долженъ вызывать въ насъ восхищеніе? Я не могу понять ни вашей логики ни логики другихъ людей, — я, вѣроятно, созданъ какъ-нибудь иначе. Убейте меня, но я все-таки не могу согласиться съ тѣмъ, что кто-нибудь — и менѣе всего богачъ — заслуживаетъ восхищенія за то, что онъ подалъ милостыню.

— Хорошо сказано! — замѣтилъ адвокатъ, какъ бы подзадоривая Нагеля. — Я социалистъ, и это моя точка зрѣнія.

Но это замѣчаніе разозлило доктора, и онъ воскликнулъ, обращаясь къ Нагелю:

— Позвольте спросить, вы дѣйствительно такъ хорошо освѣдомлены относительно того, сколько именно Толстой жертвуетъ ежегодно на бѣдныхъ? Вѣдь даже въ холостой компаніи должны быть нѣкоторыя границы тому, что можно говорить и чего нельзя говорить.

— А Толстой, — отвѣтилъ Нагель: — смотреть на это такъ: должны быть извѣстныя границы тому, сколько я отдаю! Вотъ почему онъ возложилъ на свою жену обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ не отдавалъ болѣе, чѣмъ полагается! Хе-хе-хе, ну, объ этомъ мы не будемъ говорить... Но послушайте: что руководитъ человѣкомъ, когда онъ отдаетъ крону, — дѣлаетъ онъ это отъ доброты сердечной, или просто потому, что онъ сознательно хочетъ совершить добрый и моральный поступокъ? Какъ наивно такое представленіе! Есть люди, которые не могутъ не отдавать. Но почему же? А просто потому, что, отдавая, они испытываютъ чисто-психическое наслажденіе. Ихъ поступокъ не является результатомъ логическаго разсужденія, они дѣлаютъ это тайкомъ, имъ противно дѣлать это открыто, потому что это отняло бы у нихъ часть удовольствія.

Они отдаютъ украдкой, дрожащими руками, они спѣшать, и при этомъ сердце ихъ наполняется блаженствомъ, въ которомъ они сами себѣ не могутъ отдать яснаго отчета. Ихъ внезапно охватываетъ потребность отдать что-нибудь, и эта неудержимая странная потребность застилаетъ ихъ глаза слезами. Они отдаютъ не отъ доброты сердечной, а уступая внутреннему побужденію, ради своего собственнаго наслажденія; много есть такихъ людей! О людяхъ щедрыхъ говорятъ съ восхищеніемъ, но я уже сказалъ, что я, вѣроятно, созданъ иначе, чѣмъ другіе люди, и не восхищаюсь щедрыми людьми. Нѣтъ, ничуть не восхищаюсь. Да скажите, чортъ возьми, кто не предпочитаетъ давать, а не брать? Позвольте васъ спросить, есть ли на землѣ такое человѣческое существо, которое не предпочло бы помочь нуждающемуся, вмѣсто того, чтобы испытывать самому нужду? Вотъ позвольте поставить хотя бы васъ въ примѣръ, господинъ докторъ: не дали ли вы недавно лодочнику, который васъ перевозилъ, пять кронъ? Я услышалъ это случайно. Скажите, почему вы отдали эти пять кронъ? Конечно, не для того, чтобы совершить угодное Богу дѣло,—вѣроятно, вамъ тогда это и въ голову не приходило; да къ тому же и лодочникъ, можетъ-быть, вовсе ужъ не такъ нуждался, но вы все-таки дали ему пять кронъ. И вы, навѣрное, въ ту минуту дѣйствовали подъ влияніемъ непреодолимой потребности отдать что-нибудь и порадовать другого... Я нахожу такимъ невыразимо-жалкимъ и пошлымъ, когда такъ много носятъ съ человѣческой благотворительностью. Въ одинъ прекрасный день вы идете по улицѣ въ такую-то погоду и встрѣчаете такихъ и такихъ-то людей, — и все это вмѣстѣ вызываетъ въ васъ опредѣленное настроеніе. Вдругъ вамъ бросается въ глаза лицо,—лицо ребенка, лицо нищаго—скажемъ, нищаго, — и это лицо вызываетъ въ васъ какую-то внутреннюю дрожь. Вашу душу охватываетъ странное чувство, вы топаете ногой и останавливаетесь. Видъ этого лица затронулъ въ вашей душѣ какую-то чувствительную струну, и вотъ вы подзываете нищаго, вводите его въ ворота и суете ему въ руку десять кронъ. «Если ты проговоришься объ этомъ, скажешь кому-нибудь хоть одно слово, я убью тебя!»—шепчете вы ему и при этомъ чуть не скрежете зубами и чуть не готовы расплакаться отъ волненія. До такой степени важно для нѣкоторыхъ, чтобы поступокъ ихъ сохранился въ тайнѣ. И нѣчто подобное можетъ повторяться изо дня въ день, такъ, что въ концѣ концовъ и самъ попадаешь въ безвыходное положеніе и остаешься безъ одного эре въ карманѣ... Эта черта, конечно, вовсе не относится ко мнѣ самому; но я знаю дру-

того человѣка,—собственно я знаю даже двухъ людей, которые этимъ отличаются... Нѣтъ, люди даютъ просто потому, что уступаютъ непреодолимой потребности давать, и баста! Но въ этомъ случаѣ я дѣлаю исключеніе для людей скупыхъ. Алчные и грубо-скупые люди дѣйствительно приносятъ жертву, когда отдають что-нибудь, — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. А потому я нахожу, что такіе люди, поборовшіе себя и отдавшіе одинъ эре, заслуживаютъ большаго уваженія, нежели вы, или я, или онъ, отдавшіе ради нашего собственнаго удовольствія одну крону. Кланяйтесь Толстому и скажите ему, что я и ломанаго гроша не дамъ за его жалкую показную доброту,—во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не отдастъ все, что имѣеть, а впрочемъ, пожалуй, и тогда... Однако прошу извинить меня, если я задѣлъ кого-нибудь изъ васъ. Еще сигару, господинъ Грегордъ. Ваше здоровье, господинъ докторъ!

— Какъ вы думаете, сколькихъ вамъ удастся обратить въ вашей жизни? — спросилъ докторъ.

— Bravo! — воскликнулъ адъюнктъ: — адъюнктъ Хольтанъ выражаетъ вамъ свое одобреніе, — bravo!

— Сколькихъ мнѣ удастся обратить? — спросилъ Нагель. — Никого, ни одного человѣка. Если бы я долженъ былъ существовать, обращая другихъ людей, то я скоро умеръ бы съ голода. Но я только одного не могу понять: почему не всѣ люди одного и того же мнѣнія со мной о различныхъ предметахъ? Слѣдовательно больше всего неправъ я самъ. Но я не могу согласиться, чтобы я былъ окончательно неправъ, совершенно неправъ.

— Но мнѣ ни разу не приходилось еще слышать, чтобы вы хоть что-нибудь или хоть кого-нибудь признали, — сказалъ докторъ. — Интересно было бы знать, не найдется ли на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, котораго вы признавали бы.

— Позвольте мнѣ вамъ объяснить кое-что, я постараюсь это сдѣлать въ двухъ словахъ. Вы собственно хотѣли сказать: обратите вниманіе, для него не существуетъ ни одного человѣка, на котораго онъ смотрѣлъ бы снизу вверхъ. Онъ олицетворенное высокомеріе, онъ не признаетъ никого! Но это заблужденіе. Мой умъ не всеобъемлющъ, его хватаетъ не на много; но я могъ бы все-таки насчитать вамъ сотни и сотни этихъ обыкновенныхъ, всѣми признанныхъ людей, которые наполняютъ весь свѣтъ своей славой. Уши мои полны ихъ именами. Но я предпочелъ бы назвать двухъ, четырехъ, шестерыхъ величайшихъ героевъ духа, полубоговъ, гигантскихъ создателей цѣнностей, а затѣмъ остановиться на нѣсколькихъ ничтожныхъ величинахъ, своеобразныхъ, изящныхъ ге-

ніяхъ, о которыхъ никто не говоритъ, которые живутъ недолго и умираютъ молодыми и неизвѣстными. Но въ одномъ я твердо увѣренъ: я забылъ бы назвать Толстого.

— Послушайте,—сказалъ докторъ, желая положить конецъ этому спору, и при этомъ онъ энергично пожалъ плечами:— неужели вы дѣйствительно думаете, что какой-нибудь человѣкъ могъ бы достигнуть такой всемірной извѣстности, какую приобрѣлъ Толстой, не будучи умомъ первой величины? Вы довольно забавно говорите, но вѣдь слова ваши сущій вздоръ. Чортъ меня побери, вы несете такую чепуху, что слушать противно!

Адъюнктъ Хольтанъ зарычалъ:

— Bravo, докторъ! Пусть нашъ хозяинъ дастъ намъ передохнуть... передохнуть...

— Адъюнктъ напоминаетъ мнѣ, что я дѣйствительно не очень-то любезный хозяинъ,—сказалъ съ улыбкой Нагель.— Но теперь я исправлюсь. Господинъ Эйенъ, у васъ пустой стаканъ. Почему вы ничего не пьете?

Дѣло въ томъ, что студентъ Эйенъ дѣйствительно все время сидѣлъ, какъ каменное изваяніе, и слушалъ болтовню, стараясь не проронить ни слова. Его глаза выражали любопытство, и онъ щурился ихъ и буквально наострялъ уши отъ напряженнаго вниманія. Этотъ молодой человѣкъ былъ сильно заинтересованъ споромъ. Про него говорили, что онъ — какъ и многіе другіе студенты — во время каникулъ пишетъ романъ.

Въ комнату вошла Сара и доложила, что ужинъ поданъ. Адвокатъ, который уже успѣлъ слегка прикурнуть на своемъ стулѣ, вдругъ раскрылъ глаза и оживился, увидя ее; когда она уже успѣла выйти за дверь, то онъ вскочилъ, нагналъ ее на площадкѣ лѣстницы и сказалъ съ искреннимъ восхищеніемъ:

— Сара, ты восхитительна! Я долженъ тебѣ это сказать.

Послѣ этого онъ снова вернулся въ комнату и усѣлся на свое мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывало, съ тѣмъ же серьезнымъ видомъ. Онъ былъ очень пьянъ. Когда докторъ Стенерсенъ накинулся на него наконецъ по поводу его социализма, то онъ не былъ въ состояніи защищаться. Хорошъ социалистъ, нечего сказать! Живо деръ онъ! Жалкій посредникъ между сильными и безсильными, юристъ, живущій раздорами другихъ и за деньги восстанавливающий законныя права! И такой человѣкъ называетъ себя социалистомъ!

— Принципіально, принципіально,—возразилъ адвокатъ.

— Принципіально!—И докторъ заговорилъ съ величайшей

ироніей о принципахъ адвоката Хансена. Въ то время, какъ гости спускались въ столовую, онъ не оставлялъ въ покоѣ Хансена, высмѣивалъ его, какъ адвоката, и вообще нападалъ на социализмъ. Вотъ онъ, докторъ, лѣвый душой и тѣломъ, а не социалистъ только на словахъ. Да въ чемъ собственно заключаются принципы социализма? Самъ чортъ не разберется въ нихъ,—тутъ докторъ осѣдлалъ своего конька:—социализмъ это въ двухъ словахъ идея мести низшихъ классовъ. Что такое социализмъ, какъ движеніе? Стадо слѣпыхъ и глухихъ животныхъ, слѣдующихъ за своимъ вожакомъ съ высунутыми языками. Развѣ они способны на какое-нибудь подобіе мысли? Нѣтъ, они ни о чемъ не думаютъ. Если бы они способны были мыслить, то они перешли бы къ лѣвымъ и сдѣлали бы что-нибудь практическое и полезное вмѣсто того, чтобы валяться и всю жизнь облизываться на неосуществимую мечту. Тьфу! Возьмите перваго попавшагося изъ вождей социалистовъ—что это за люди? Косматые, тощіе оборванцы, сидящіе на деревянныхъ табуретахъ въ своихъ мансардахъ и пишущіе трактаты объ усовершенствованіи міра! Конечно, и они могутъ быть порядочными людьми, — про Карла Маркса нельзя сказать ничего дурного! Но и этотъ Марксъ сидѣлъ себѣ, писалъ и уничтожалъ на свѣтѣ бѣдность — теоретически. Его мозгъ продумалъ всѣ виды бѣдности, всѣ степени нужды, онъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣ страданія человѣческія. И вотъ онъ мокаетъ перо въ чернильницу и мысленно весь пылаетъ и исписываетъ одну страницу за другой, заполняетъ цѣлые листы цифрами, отнимаетъ у богатыхъ и надѣляетъ бѣдныхъ, распределяетъ громадныя суммы, пересоздаетъ экономику всего свѣта и осыпаетъ миллиардами изумленныхъ бѣдняковъ — все это только научно, только теоретически! И въ концѣ концовъ оказывается, что въ своемъ наивномъ увлеченіи люди взяли за исходную точку совершенно ложный принципъ: равенство людей! Тьфу! Да, это совершенно ложный принципъ! И вмѣсто того, чтобы заняться чѣмъ-нибудь полезнымъ, поддержать лѣвыхъ въ ихъ дѣлѣ реформациі для прогресса демократіи...

Докторъ возбуждался все больше и больше и говорилъ безъ умолку, высказывая свои мнѣнія и убѣжденія. А за ужиномъ онъ вдохновился еще больше; было выпито много шампанскаго, и настроеніе дошло до высшаго предѣла. Даже Минута, сидѣвшій рядомъ съ Нагелемъ и молчавшій весь вечеръ, теперь вмѣшался въ разговоръ и дѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія время отъ времени. Адъюнктъ сидѣлъ неподвижно и только кричалъ, что запачкалъ себѣ жилетъ яйцомъ и не можетъ двинуться. Онъ былъ совершенно беспомощенъ. Наконецъ

пришла Сара и стала вытирать пятно салфеткой, тогда адвокат воспользовался благоприятным моментом, притянул ее къ себѣ, обхватилъ и сталъ съ ней возиться. За столомъ поднялся всеобщій сумбуръ.

Между тѣмъ Нагель потребовалъ, чтобы въ его комнату отнесли корзину шампанскаго. Вскорѣ послѣ этого всѣ поднялись изъ-за стола. Адъюнктъ и адвокатъ шли подъ руку и нѣли, давая выраженіе своему восторгу, а докторъ опять сталъ возбужденно распространяться о принципѣ социализма. Но на лѣстницѣ онъ имѣлъ несчастье уронить свое пенсне, навѣрное, разъ десятый, и оно сломалось. Оба стекла разбились вдребезги, онъ сунулъ оправу въ карманъ и остался полуслѣпымъ на весь вечеръ. Это окончательно вывело его изъ себя и сдѣлало еще больше раздражительнымъ; онъ нервно усѣлся возлѣ Нагеля и сказалъ язвительно:

— Если я не ошибаюсь, то вы очень религіозный человѣкъ, не правда ли?

Онъ произнесъ это самымъ серьезнымъ образомъ и ждалъ отвѣта. Помолчавъ немного, онъ прибавилъ, что послѣ перваго разговора съ Нагелемъ—это было на похоронахъ Карльсена—у него осталось впечатлѣніе, будто онъ, Нагель, дѣйствительно очень религіозный человѣкъ.

— Я защищалъ религіозную жизнь въ человѣкѣ, — отвѣтилъ Нагель:—но не христіанство въ частности, отнюдь нѣтъ, я защищалъ вообще религіозную жизнь. Вы сказали, что надо повѣснить всѣхъ теологовъ.—«Почему?»—спросилъ я.—«Потому что ихъ роль окончена»,—отвѣтили вы. И вотъ съ этимъ-то я и не согласился. Религіозная жизнь—это фактъ. Турокъ восклицаетъ: «великъ Аллахъ!»—и умираетъ за это убѣжденіе. Норвежецъ преклоняетъ колѣни передъ алтаремъ и по сей день еще вкушаетъ кровь Христову. У всякаго народа есть свой коровій колокольчикъ, въ который онъ вѣритъ. И съ этой вѣрой онъ умираетъ въ блаженствѣ. Дѣло не въ томъ, во что вѣришь, а какъ вѣришь...

— Я прямо пораженъ тѣмъ, что слышу отъ васъ, — сказалъ докторъ въ раздраженіи.—И я невольно спрашиваю себя еще разъ, не переодѣтый ли вы правый, въ сущности? Одна за другой появляются научныя критики на теологовъ и ихъ книги; писатели, одинъ за другимъ, встаютъ и пишутъ противъ сборниковъ проповѣдей и теологическихъ сочиненій и разносятъ ихъ въ пухъ и прахъ, а вы все-таки не хотите сдаться настолько, чтобы признать, что иной обрядъ уже не имѣетъ больше никакого значенія въ наше время. Не понимаю вашей логики.

Нагель подумалъ съ минутою и потомъ сказалъ:

— Ходъ моихъ мыслей вкратцѣ слѣдующій: какая выгода, въ сущности, въ томъ,—престите, можетъ-быть, я спрашивалъ это уже раньше, —какая выгода въ томъ, если даже разсматривать этотъ вопросъ съ чисто-практической стороны, что мы лишимъ жизнь всей поэзіи мечтаній, всей прекрасной мистики и лжи? Въ чемъ заключается истина,—знаете ли вы это? Вѣдь мы двигаемся впередъ только благодаря символамъ, а эти символы мы мѣняемъ по мѣрѣ того, какъ шагаемъ впередъ... Однако не будемъ забывать наполнять наши стаканы.

Докторъ всталъ и прошелся раза два по комнатѣ. Онъ съ досадою посмотрѣлъ на загнутый у двери уголокъ ковра и даже опустился на колѣни, чтобы расправить его.

— Послушай, Хансенъ, ты, право, могъ бы дать мнѣ твои очки на нѣкоторое время, вѣдь ты все равно сидишь тамъ и клюешь носомъ, —сказалъ онъ сердито, окончательно выходя изъ себя.

Но Хансенъ не пожелалъ разстаться со своими очками, и докторъ съ досадою отвернулся отъ него. Онъ снова сѣлъ рядомъ съ Нагелемъ.

— Да, если стать на вашу точку зрѣнія, то все это вздоръ, чепуха. Можетъ-быть, вы даже во многомъ и правы. Вотъ посмотрите-ка на Хансена! Ха-ха-ха, прости, пожалуйста, Хансенъ, что я позволяю себѣ смѣяться надъ тобой, адвокатомъ и социалистомъ Хансеномъ. Признайся, развѣ ты не испытываешь въ глубинѣ души радость каждый разъ, когда два добрыхъ гражданина затѣваютъ ссору другъ съ другомъ и начинаютъ процессъ? Ну, кто повѣритъ, что ты предпочелъ бы уговорить ихъ покончить дѣло добромъ и не взять бы съ нихъ за это ни одного шиллинга? А въ воскресенье ты пойдешь въ союзъ рабочихъ и будешь держать рѣчь двумъ ремесленникамъ и одному мяснику о социалистическомъ государствѣ. «Да, скажешь ты, каждый долженъ имѣть известную прибыль въ зависимости отъ производительной способности,—все устроено такъ прекрасно, обездоленныхъ не будетъ». Но тутъ поднимается мясникъ, — и, видя Богъ, этотъ мясникъ въ сравненіи со всѣми вами настоящій геній, — и вотъ онъ встаетъ и спрашиваетъ: «Я обладаю потребительною способностью оптоваго торговца, но я только жалкій мясникъ въ смыслѣ производительности,—на большее у меня не хватило способностей». Ну, развѣ ты не пришелъ бы въ ярость отъ этого, болванъ ты этакій?.. Да, храни себѣ, храни, это ты лучше всего умѣешь дѣлать. храни!—Докторъ опьянѣлъ окон-

чательно, языкъ у него задевался, и глаза его смотрѣли бессмысленно. Немного помолчавъ, онъ снова обратился къ Нагелю и продолжалъ мрачно:— Впрочемъ, долженъ вамъ сказать, что не только одни теологи должны лишиться себя жизни. Нѣтъ, чортъ меня побери, всё мы должны были бы сдѣлать это, искоренить родъ человѣческій, и къ чорту все!

Нагель чокнулся съ Минутой. Докторъ не дождался отвѣта, разозлился и крикнулъ громко:

— Развѣ вы не слышите, что я говорю? Всё мы должны покончить съ собой, говорю я, и вы, конечно, также,—вы также!

У доктора былъ очень свирѣпый видъ, когда онъ говорилъ это.

— Да,—отвѣтилъ Нагель:— объ этомъ и я тоже думалъ. Но что касается меня, то у меня не хватаетъ на это мужества.—Пауза.—Итакъ, я говорю, что у меня не хватаетъ мужества; но если бы когда-нибудь у меня хватило духу на это, то у меня уже приготовленъ пистолеть, и на всякій случай я ношу его при себѣ.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана жилета маленькій аптекарскій пузырекъ съ этикеткой, указывающей на то, что содержимое пузырька — ядъ, и поднялъ его кверху. Пузырекъ былъ наполненъ только наполовину.

— Настоящая синильная кислота, чистѣйшая вода, — сказалъ онъ.—Но у меня никогда не хватитъ мужества, для меня это слишкомъ трудно... Господинъ докторъ, вы, конечно, можете мнѣ сказать, достаточно ли этого количества? Половину я уже примѣнилъ на одномъ животномъ, и дѣйствіе было превосходное. Маленькія судороги, смѣшное подергиваніе морды, два-три глубокихъ вдоха—вотъ и все. Матъ въ три хода.

Докторъ взялъ пузырекъ, посмотрѣлъ на него, встряхнулъ и сказалъ:

— Этого достаточно, вполне достаточно... Собственно говоря, я долженъ былъ бы отобрать у васъ этотъ пузырекъ; но разъ у васъ не хватаетъ мужества, то...

— Нѣтъ, у меня не хватаетъ мужества.

Пауза. Нагель снова сунулъ пузырекъ въ карманъ жилета. Докторъ все больше и больше хмелѣлъ, онъ пилъ изъ своего стакана, смотрѣлъ вокругъ себя стеклянными глазами и плевалъ на полъ. Вдругъ онъ крикнулъ черезъ всю комнату адъютанту:

— Эй, Хольтанъ, какъ твои дѣла? Ты еще можешь произнести: «ассоціація идей»? Я уже не способенъ больше на это. Спокойной ночи!

Адъютантъ раскрылъ глаза, слегка потянулся, всталъ, подо-

шелъ къ окну и сталъ смотрѣть на улицу. Когда разговоръ возобновился, то онъ воспользовался случаемъ, чтобы улизнуть; онъ незамѣтно пробрался вдоль стѣны къ двери и шмыгнувъ въ нее, прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ это замѣтить. Такъ адъюнктъ Хольтанъ всегда покидалъ общество.

Минута всталъ и тоже собрался уходить; но когда хозяинъ попросилъ его остаться еще немного, онъ снова сѣлъ. Адвокатъ Хансенъ спалъ. Трое оставшихся еще трезвыми—студентъ Эйенъ, Минута и Нагель—заговорили о литературѣ. Докторъ слушалъ съ полуоткрытыми глазами, но уже не произносилъ больше ни слова. Немного погодя и онъ также погрузился въ сонъ.

Студентъ былъ довольно начитанъ и очень любилъ Мопассана: нельзя отрицать, что Мопассанъ проникъ въ самую глубь тайниковъ женской души, а какъ поэтъ любви, онъ на недосыгаемой высотѣ. Какая смѣлость передачи, какое поразительное знаніе человѣческаго сердца! Но Нагель сталъ ему возражать со смѣшной запальчивостью, ударялъ кулакомъ по столу, кричалъ, разносилъ писателей во-всю, забраковалъ почти всѣхъ, пощадивъ только нѣсколько избранныхъ. Повидимому, онъ былъ искренно взволнованъ, грудь его высоко поднималась, а на губахъ выступила даже пѣна.

— Да, ужъ эти поэты! Хе-хе-хе, нечего сказать, такъ они и проникли въ тайники человѣческаго сердца! Но чтѣ такое представляютъ собою поэты? Эти кичливыя созданія, которыя сумѣли забрать такую власть въ современной жизни? Эта язва, болячка на общественномъ тѣлѣ, наболѣвшіе прыщи, съ которыми надо обращаться осторожно, съ чрезвычайною нѣжностью, иначе они прикинутся, потому что они не переносятъ грубаго прикосновенія! Да, да, съ писателями надо возиться, больше всего съ самыми глупыми, съ наименѣ развитыми; иначе они сбѣгутъ за границу! Хе-хе-хе, да, за границу! О, Господи Боже ты мой, чтѣ за восхитительная комедія! А если и найдется поэтъ, настоящій вдохновенный пѣвецъ съ дивной музыкой въ груди, то можно поручиться чѣмъ угодно, что его поставятъ далеко позади такого грубого, сочиняющаго книги профессионала, какъ Мопассанъ. Это человѣкъ, который писалъ много о любви и доказалъ, что умѣеть сбывать съ рукъ книги; да, чтѣ правда, то правда! Но вотъ маленькая яркая звѣздочка, настоящій поэтъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, Альфредъ де-Мюссе, для котораго любовь—не сладострастная рутина, а нѣжная и пылкая весенняя мелодія, и все существо котораго пламенно проявляется въ строфахъ; и у этого поэта нѣтъ, можетъ-быть, и половины той массы при-

верженцевъ, которая выпала на долю маленькаго Мопассана съ его необыкновенно грубой, бездушной поэзіей бедерь...

Нагель перешелъ всякія границы. Онъ нашелъ поводъ наброситься и на Виктора Гюго и вообще въ концѣ концовъ послалъ ко всѣмъ чертямъ самыхъ величайшихъ міровыхъ писателей. Вотъ маленькій образчикъ пустой поэтической шумихи такого мірового писателя: «Пусть твоя сталь будетъ такъ же остра, какъ твое послѣднее «нѣтъ!» Ну что, развѣ это не производитъ эффекта? Какъ вамъ кажется, господинъ Грёгордь?

При этихъ словахъ Нагель посмотрѣлъ на Минуту пронизывающимъ взглядомъ. Онъ не отрывалъ отъ него пристальнаго взора и медленно произнесъ еще разъ эти пустыя слова. Минута ничего не отвѣтила, но его голубые глаза широко раскрылись какъ бы отъ ужаса, и въ смущеніи онъ хлебнулъ большой глотокъ изъ своего стакана.

— Вы упомянули объ Ибсенѣ,—продолжалъ Нагель въ такомъ же возбужденіи, хотя никто не произнесъ имени Ибсена.— По-моему, въ Норвегіи существуетъ только одинъ писатель, и это не Ибсенъ. Нѣтъ, только не Ибсенъ. Объ Ибсенѣ говорятъ, какъ о мыслителѣ; но не слѣдуетъ ли дѣлать разницу между популярнымъ резонерствомъ и истиннымъ мышленіемъ? Говорятъ о славі Ибсена, намъ прожужжали всѣ уши о его мужествѣ; но не слѣдуетъ ли отличать теоретическое мужество отъ практическаго, безкорыстнаго и беззавѣтнаго революціоннаго пылъ отъ домашняго возмущенія? Первое озаряетъ яркимъ свѣтомъ жизнь, второе ослѣпляетъ въ театрѣ. Норвежскій писатель, который сражается безъ отдыха, безъ срока, съ булавкой въ рукахъ вмѣсто копья, вовсе не норвежскій писатель; но вѣдь чѣмъ-нибудь да надо порисоваться, иначе не прослывешь за мужественнаго муравья. Да, очень забавно смотрѣть на это зрѣлище на разстояніи! Тутъ боевого шума и отваги не менѣе, чѣмъ въ наполеоновскомъ сраженіи, но опасности и риску столько же, сколько во французской дуэли. Хе-хе-хе... Нѣтъ, человекъ, который хочетъ поднять возмущеніе, не долженъ быть маленькимъ пишущимъ курьезомъ, онъ не можетъ быть исключительно отвлеченнымъ литературнымъ понятіемъ для нѣмцевъ,—онъ долженъ быть человекомъ дѣла, который бросается въ самый водоворотъ жизненной борьбы. Революціонный пылъ Ибсена никогда не увлечетъ его въ опасное положеніе; не приходилось ли вамъ когда-нибудь слышать, какъ рвутъ полотно? Хе-хе-хе, весьма внушительный шумъ!.. Но, въ сущности, не все ли равно, отъ чего происходитъ шумъ, разъ мы лежимъ ничкомъ передъ такимъ

бабимъ дѣломъ, какъ писаніе для публики. Но, какъ бы это ни было дрянно, это во всякомъ случаѣ не хуже безсовѣстной философской болтовни Льва Толстого. Къ чорту все!

— Все? Все къ чорту?

— Да, почти все, а впрочемъ, есть у насъ одинъ писатель, это Бьёрнсонъ въ его лучшія минуты. Какъ бы то ни было, но онъ у насъ единственный, да,—единственный...

— Но развѣ нельзя отнести также и къ Бьёрнсону большую часть обвиненій, направленныхъ противъ Толстого? Вѣдь и Бьёрнсонъ также проповѣдникъ, проповѣдникъ морали, обыкновенный скучный старецъ, профессиональный сочинитель книгъ, или какъ тамъ?..

— Нѣтъ!—воскликнулъ Нагель громко, и онъ сталъ жестко кулировать и горячо защищать Бьёрнсона.

— Нельзя сравнивать Бьёрнсона съ Толстымъ, отчасти потому, что это противорѣчитъ самому простому агрономическому смыслу, отчасти потому, что противъ этого возстаетъ человѣческое чувство. Во-первыхъ, Бьёрнсонъ такой же гений, какъ и Толстой. Я не особенно высоко ставлю обыкновенныхъ гениевъ,—видитъ Богъ, я не ставлю ихъ высоко,—но Толстой поднялся на высоту гениевъ, тогда какъ Бьёрнсонъ далеко перегналъ ихъ. Это, конечно, не мѣшаетъ Толстому писать книги, которыя лучше многихъ книгъ Бьёрнсона; но что это доказываетъ? Хорошія книги могутъ писать датскіе капитаны, норвежскіе художники и англійскія женщины. А во-вторыхъ, Бьёрнсонъ человѣкъ, гигантская личность, а не отвлеченное понятіе. Это живой человѣкъ, который борется и шумитъ на нашей грѣшной землѣ и которому нуженъ широкій просторъ. Онъ вовсе не стремится изображать собою сфинкса передъ толпой, не представляется великимъ и таинственнымъ, какъ Толстой въ своей степи или Ибсенъ въ своемъ кафе. Душа Бьёрнсона—это лѣсъ въ бурю, онъ борется, онъ вездѣущъ и самъ подрываетъ интересъ публики къ себѣ, сидя въ кафе «Грандъ». Это исполинская величина съ могучимъ духомъ,—это одинъ изъ немногихъ повелителей. Онъ можетъ, стоя на трибунѣ, однимъ движеніемъ руки заставить умолкнуть подымающийся свистъ. Въ его сильномъ мозгу постоянно зарождаются новыя мысли, онъ неустанно работаетъ; въ его побѣдахъ чувствуется мощь, онъ ошибается жестоко, но въ томъ и другомъ чувствуется его яркая индивидуальность, его гений. Бьёрнсонъ нашъ единственный поэтъ съ вдохновеніемъ, съ искрой Божьей. Его гений дѣйствуетъ такъ же, какъ шумъ ржаныхъ колосевъ въ лѣтній день: проносится легкій вѣтерокъ, и раздается едва слышный шелестъ колосевъ, но кон-

чается тѣмъ, что не слышишь больше ничего, кромѣ этого шелеста, ничего другого! Таково свойство движенія его души, все нарастающее, все болѣе, болѣе захватывающее. Сравните для примѣра съ произведеніями Бьёрсона произведенія Ибсена, съ этой чисто-механической конторской работой. Самое большее, что можно сказать про стихотворенія Ибсена, это то, что риема съ трескомъ приходится къ риэмъ; а большая часть его драмъ—это массы дерева, нагроможденныя въ драматической формѣ. На кой чортъ все это!.. А впрочемъ, оставимъ это; ваше здоровье!..

Было два часа. Минута зѣваетъ. Его клонить ко сну послѣ трудового дня, и онъ усталъ отъ безконечной болтовни Нагеля; онъ снова встаетъ и собирается уходить. Послѣ того, какъ онъ со всѣми распрощался и уже дошелъ до двери, случилось нѣчто, заставившее его остановиться,—случилось маленькое, незначительное обстоятельство, получившее впоследствии большое значеніе. Докторъ проснулся, спросонья махнулъ рукой и, благодаря своей близорукости, опрокинулъ нѣсколько стакановъ. Нагель, сидѣвшій ближе всѣхъ къ доктору, былъ весь облитъ шампанскимъ. Онъ вскочилъ со смѣхомъ, сталъ стряхивать съ себя вино и громко прокричалъ «ура».

Минута сейчасъ же прибѣжалъ на помощь, онъ взялъ салфетку и сталъ вытирать Нагеля. Больше всего пострадалъ жилетъ, и онъ предложилъ Нагелю снять его на одну минуту, только на минуту, и онъ приведетъ его въ порядокъ. Но Нагель отказался снять жилетъ. Тутъ проснулся также и адвокатъ, его разбудилъ шумъ, и онъ также началъ кричать спросонья «ура», не зная, въ чемъ дѣло. Минута снова сталъ просить Нагеля снять ненадолго жилетъ, но тотъ только качалъ головой. Вдругъ онъ остановилъ на Минутѣ пристальный взглядъ, въ головѣ у него пронеслась какая-то мысль, онъ мгновенно встаетъ, снимаетъ жилетъ и порывисто протягиваетъ его Минутѣ.

— Пожалуйста!—говоритъ онъ. — Оботрите его и оставьте себѣ. Да, да, оставьте его себѣ, вѣдь у васъ нѣтъ жилета. Молчите, ни слова! Я даю вамъ его отъ чистаго сердца, дорогой другъ.

Но Минута продолжалъ протестовать, и тогда Нагель сунулъ ему жилетъ подъ мышку, отворилъ дверь и дружески вытолкнулъ его на лѣстницу.

Минута ушелъ.

Все произошло такъ быстро, что только Эйенъ, сидѣвшій у двери, обратилъ на это вниманіе.

Послѣ этого адвокатъ, желавшій проявить пьяную отвагу,

предложилъ разбить и остальные стаканы. Нагель ничего не возразилъ противъ этого, и вотъ эти четверо взрослыхъ людей стали забавляться тѣмъ, что швыряли объ стѣну одинъ стаканъ за другимъ, пока не перебили всё. Послѣ этого они стали пить изъ бутылокъ, орали, какъ перепившіеся матросы, и плясали. Только въ четыре часа прекратился этотъ разгулъ. Докторъ былъ пьянъ до невозможности. Уже стоя въ дверяхъ, студентъ Эйенъ повернулся къ Нагелю и сказалъ:

— Но то, что вы говорили о Толстомъ, можно смѣло сказать и о Бьернсонѣ. Вы неослѣдовательны въ вашихъ словахъ...

— Ха-ха-ха!—хотелъ докторъ, словно одержимый. — Онъ требуетъ послѣдовательности... въ эту пору ночи!.. А вы можете произнести «энциклопедисты», милый мой? А «ассоціація идей»? Ну, идемте же, я помогу вамъ добраться до дому... Ха-ха-ха, въ эту пору ночи!..

Дождя больше не было. Да и солнце также не показывалось; но погода была тихая и предвѣщала мягкій день.

XIV.

Рано утромъ на слѣдующій день Минута снова былъ въ гостиницѣ. Онъ тихо вошелъ въ комнату Нагеля и положилъ на столъ его часы, нѣсколько бумагъ, кусочекъ карандаша и маленькій пузырекъ съ ядомъ. Послѣ этого онъ хотѣлъ уходить, но въ эту минуту Нагель проснулся, и онъ долженъ былъ объяснить ему, зачѣмъ пришелъ.

— Эти вещи я нашелъ у васъ въ карманѣ жилета,—сказалъ онъ.

— Въ карманѣ жилета? Ахъ, да, правда! А который теперь часъ?

— Восемь. Но ваши часы стоятъ, я не хотѣлъ ихъ заводить.

— Надѣюсь, вы не выпили синильной кислоты?

Минута улыбнулся и покачалъ головой.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.

— Даже не попробовали? Пузырекъ былъ наполненъ до половины; дайте-ка посмотрѣть.

И Минута показалъ ему, что пузырекъ былъ наполненъ до половины.

— Хорошо! И вы говорите, что теперь восемь часовъ? Въ такомъ случаѣ пора вставать... Чтобы не забыть, Грёгордь, не можете ли вы мнѣ гдѣ-нибудь достать на прокатъ скрипку? Я хочу попробовать, не могу ли я научиться... А впрочемъ,

все это глупости! Дѣло въ томъ, что я хочу купить скрипку, я хочу подарить ее одному знакомому; мнѣ она нужна не для меня самого. Такъ вотъ, вы должны непременно достать мнѣ скрипку, гдѣ хотите.

Минута общалъ сдѣлать все, чтобы исполнить его желаніе.

— Очень вамъ благодаренъ... Такъ загляните ко мнѣ опять, когда вамъ вздумается, дорогу вы знаете. До свиданья!

Часъ спустя Нагель былъ уже въ лѣсу недалеко отъ усадьбы священника. Земля еще не просохла послѣ дождя, который шелъ наканунѣ, и солнце мало грѣло. Онъ сѣлъ на камень и сталъ смотрѣть на дорогу. На размокшемъ пескѣ онъ увидалъ знакомые слѣды, онъ былъ почти увѣренъ въ томъ, что это слѣды Дагни, и что она пошла въ городъ. Онъ долго ждалъ напрасно, потомъ рѣшилъ пойти къ ней навстрѣчу и всталъ съ камня.

И онъ дѣйствительно не ошибся: не успѣлъ онъ дойти до опушки лѣса, какъ встрѣтилъ ее. Въ рукахъ у нея была книга, это была «Гертруда Кольбьерсенъ» Скрама.

Нѣкоторое время они говорили объ этой книгѣ, потомъ она сказала:

— Можете себѣ представить... наша собака окслѣла.

— Неужели?—отвѣтилъ онъ.

— Нѣсколько дней назадъ. Мы нашли ее мертвой. Не понимаю, какъ это произошло.

— А я всегда находилъ, что это препротивная собака; просите, пожалуйста, но я нахожу, что эти собаки со вздернутыми носами и мордой, напоминающей нахальное человѣческое лицо, отвратительны. Когда онѣ смотрятъ на человѣка, то углы ихъ губъ глубоко опускаются, и это придаетъ имъ такое выраженіе, словно ихъ угнетаетъ міровая скорбь. Признаюсь откровенно, я радъ, что вашъ песъ околѣлъ.

— Какъ вамъ не стыдно!

Но онъ нервно прервалъ ее, видно было, что онъ по той или иной причинѣ хотѣлъ перевести разговоръ на другой предметъ. Онъ заговорилъ объ одномъ человѣкѣ, съ которымъ ему когда-то пришлось встрѣтиться и который былъ необыкновенно забавенъ. Человѣкъ этотъ немного з-зайкался, и онъ этого не скрывалъ; напротивъ, онъ старался з-зайкаться еще больше, чтобы подчеркнуть свой недостатокъ. У него были самыя странныя понятія о женщинѣ. Между прочимъ, онъ часто рассказывалъ одну мексиканскую исторію, которая въ его передачѣ производила необыкновенно забавное впечатлѣніе: «Стояла зима съ трескучими морозами, термометры лопались, а люди сидѣли у себя дома безвыходно круглые

сутки. Но вотъ въ одинъ прекрасный день этому человѣку пришлось итти въ сосѣдній городъ, онъ шель по пустынной мѣстности, только кое-гдѣ были разбросаны одинокія хижины; ледяной вѣтеръ обжигалъ ему лицо. Вдругъ въ эту отчаянную стужу изъ одной хижины, мимо которой онъ только-что прошелъ, выбѣгаетъ полуодѣтая женщина и нагоняетъ его; она все время кричитъ ему вслѣдъ: «У васъ побѣлѣлъ носъ! Берегитесь, вы отморозите себѣ носъ!» Женщина держала въ рукахъ ковшикъ, и рукава у нея были засучены. Она увидала въ окно, что у этого чужого человѣка побѣлѣлъ носъ, и бросила работу и побѣжала за нимъ, чтобы предупредить его объ этомъ. Хе-хе, но слыханное ли это дѣло! И вотъ она идетъ съ засученными рукавами на морозѣ, и ея правая щека мало-по-малу бѣлѣетъ и превращается въ сплошное бѣлое пятно! Хе-хе, это прямо невѣроятно!..» Но, несмотря на этотъ и много другихъ примѣровъ женскаго самопожертвованія, о которыхъ зналъ заика, онъ въ этомъ вопросѣ былъ необыкновенно упоренъ. Женщина—странное и ненасытное существо,—говорилъ онъ, не поясняя однако, почему женщина странное и ненасытное существо. Прямо невѣроятно, до чего она взбалмошна! И онъ рассказалъ слѣдующее: «У меня былъ другъ, который влюбился въ одну молодую дѣвушку, я даже помню, что ее звали Кларой. Онъ дѣлалъ все, чтобы покорить сердце этой молодой дѣвушки, но это ни къ чему не повело; Клара и знать его не хотѣла, хотя это былъ красивый и уважаемый человѣкъ. У этой Клары была сестра, страшно уродливое, кривое и горбатое существо, — она была прямо отвратительна. И вотъ въ одинъ прекрасный день мой другъ дѣлаетъ ей предложеніе; одному Богу извѣстно, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ: можетъ-быть, изъ расчета, а можетъ-быть, онъ дѣйствительно влюбился въ нее, несмотря на ея безобразіе. Но чтѣ же дѣлаетъ Клара? Да, вотъ тутъ-то женская натура и показала свои когти. Клара кричитъ и поднимаетъ цѣлый скандалъ: «Онъ хотѣлъ, чтобы я была его женой! Онъ въ меня влюбленъ,—говорила она: — но меня ему не видать, я ни за что на свѣтѣ не хочу и слышать о немъ». Ну, чтѣ же вы думаете, ему удалось жениться на сестрѣ, въ которую онъ такъ сильно влюбился? Нѣтъ, вотъ въ томъ-то и дѣло, что Клара не захотѣла уступить его сестрѣ. Хе-хе-хе! Такъ нѣтъ же, разъ онъ съ самаго начала хотѣлъ жениться на ней, такъ пусть ему не достанется и ея горбатая сестра, которая едва ли была для кого-нибудь слишкомъ хороша. Такимъ образомъ моему другу не досталась ни одна изъ этихъ двухъ сестеръ»... Это одинъ изъ многихъ рассказовъ заики.

И онъ разсказывалъ необыкновенно забавно, именно вслѣдствіе того, что заикался. Надо, впрочемъ, сказать, что это былъ во всѣхъ отношеніяхъ очень загадочный человѣкъ... Я не надобль вамъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила Дагни.

— Да, это былъ необыкновенно загадочный человѣкъ. Онъ былъ такой жадный и такой коварный вмѣстѣ съ тѣмъ, что ему ровно ничего не стоило снять кожаный ремень съ окна вагона и взять его себѣ, чтобы дома употребить на что-нибудь. Да, это ему ровно ничего не стоило; говорятъ даже, что его какъ-то поймали на такомъ воровствѣ. Но, съ другой стороны, онъ совсѣмъ не считалъ денегъ, когда на него находило такое настроеніе. Однажды ему пришло въ голову устроить большую прогулку въ экипажахъ. Знакомыхъ у него не было, а потому онъ нанялъ для себя одного двадцать четыре коляски, которымъ велѣлъ ѣхать вереницей. И вотъ двадцать три коляски ѣдутъ впереди порожнія, а въ двадцать четвертой — въ послѣдней — сидитъ онъ самъ и смотритъ на пѣшеходовъ, гордый и довольный, какъ Богъ, тѣмъ, что ему удалось устроить такое великолѣпное зрѣлище...

Однако всѣ эти исторіи, которыя Нагель разсказывалъ одну за другой, не имѣли ни малѣйшаго успѣха; Дагни едва слушала его. Онъ замолчалъ, онъ опомнился. И на кой чортъ онъ несъ всю эту чепуху и разыгрывалъ изъ себя какого-то дурака! Занимать молодую дѣвушку, да еще даму сердца, какой-то вздорной болтовней объ отмороженныхъ носсахъ и щекахъ и о двадцати четырехъ коляскахъ! И вдругъ онъ вспомнилъ, что уже раньше отличился глупымъ замѣчаніемъ относительно эскимоса и бювара. При этомъ воспоминаніи вся кровь бросилась ему въ лицо, его передернуло, и онъ чуть-было не остановился. Почему онъ, чортъ возьми, не слѣдить за собой! О, какъ ему стыдно! Эти минуты, когда онъ такъ глупо болталъ, выставляютъ его въ смѣшномъ свѣтѣ, унижаютъ его и отодвигаютъ его успѣхъ на недѣли и мѣсяцы. Какое мнѣніе она должна была составить о немъ!

Онъ сказалъ:

— Сколько времени осталось еще до базара?

Она отвѣтила съ улыбкой:

— Почему вы такъ стараетесь говорить безъ остановки? Почему вы такъ нервны?

Этотъ вопросъ былъ такимъ неожиданнымъ для него, что онъ съ минуту не спускалъ съ нея смущеннаго взгляда. Потомъ онъ отвѣтилъ глухо и съ сильно бьющимся сердцемъ:

— Фрѣкенъ Кьелландъ, въ послѣднее наше свиданіе я

объщаль вамъ, что если вы позволите мнѣ еще разъ увидѣться съ вами, то я буду говорить о чемъ угодно, только не о томъ, о чемъ мнѣ было запрещено говорить. Я стараюсь сдержатъ свое обѣщаніе. До сихъ поръ мнѣ это удавалось.

— Да,—сказала она:—надо держатъ свои обѣщанія, нельзя нарушатъ обѣщаній.

И она сказала это такимъ тономъ, словно обращалась больше къ себѣ самой, чѣмъ къ нему.

— Я уже и до вашего прихода принялъ рѣшеніе попытаться сдержатъ свое обѣщаніе; я зналъ, что встрѣчу васъ.

— Какъ вы могли это знать?

— Я увидалъ ваши слѣды на дорогѣ.

Она быстро вскинула на него глазами и промолчала. Немного погодя она сказала:

— У васъ рука обвязана, вы ранены?

— Да,—отвѣтилъ онъ:—это ваша собака укусила меня.

Они оба остановились и посмотрѣли другъ на друга. Онъ крѣпко стиснулъ руки и продолжалъ, съ трудомъ произнося слова:

— Я приходилъ сюда въ лѣсъ каждую ночь, я приходилъ смотрѣть на ваши окна каждую ночь, прежде чѣмъ ложился спать. Простите, но вѣдь въ этомъ нѣтъ никакого преступленія! Вы запретили мнѣ дѣлатъ это, а я не послушался васъ, и съ этимъ ужъ больше ничего не подѣлаешь. Ваша собака укусила меня, она боролась не на животъ, а на смерть; это я убилъ ее, я далъ ей яду, потому что она лаяла каждый разъ, когда я подходилъ къ вашимъ окнамъ, чтобы пожелать спокойной ночи.

— Такъ это вы убили собаку!—сказала она.

— Да,—отвѣтилъ онъ.

Пауза. Они продолжали стоять на томъ же мѣстѣ, глядя другъ на друга; онъ усиленно дышалъ, и его грудь высоко поднималась,

— Но я способенъ и не на то еще, чтобы только увидать васъ,—продолжалъ онъ.—Вы не имѣете ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ я страдаю, и какъ всецѣло мои мысли день и ночь заняты только вами,—нѣтъ, этого вы не можете себѣ представить! Я разговариваю съ людьми, смѣюсь, устраиваю даже веселыя пирушки,—не далѣе, какъ въ эту ночь, у меня сидѣли гости до четырехъ часовъ; кончилось тѣмъ, что мы разбили всѣ стаканы,—да, такъ вотъ, даже тогда, когда я пью и распѣваю, я думаю только о васъ, и это сводитъ меня съ ума. Да я и не забочусь больше ни о чемъ. И, право, не знаю, чѣмъ все это кончится. Но сжальтесь надо мною и

подарите мнѣ еще хоть двѣ минуты, я долженъ вамъ сказать кое-что. Только не волнуйтесь, я не хочу васъ ни пугать ни обманывать, мнѣ только до боли хочется говорить съ вами...

— Неужели же вы такъ и не хотите образумиться?—сказала она рѣзко.—Вѣдь вы общались это.

— Да, я общалъ это; а впрочемъ, я не увѣренъ, общалъ ли я это дѣйствительно. Но если я даже и общалъ, то это такъ плохо удается мнѣ. Ну, хорошо, я буду благоразуменъ, можете положиться на меня. Но не знаете ли вы, какъ провести это на дѣлѣ? Научите меня. Знаете, вѣдь я чуть-было не ворвался къ вамъ въ домъ, я хотѣлъ отворить дверь и войти прямо къ вамъ, если бы даже у васъ были чужие! Но я всѣми силами боролся съ собой, вѣрьте мнѣ, и я даже клеветалъ на васъ и пытался унижить васъ въ глазахъ другихъ, чтобы только уничтожить вашу власть надо мной. И я дѣлалъ это вовсе не изъ мести, нѣтъ, поймите же, что я дѣйствительно изнемогаю. Я сдѣлалъ это только, чтобы поддержать себя, чтобы заставить держать себя въ рукахъ и не слишкомъ пасть въ своихъ собственныхъ глазахъ. Вотъ для чего я это сдѣлалъ. Но не знаю, помогло ли это мнѣ. Я хотѣлъ-было даже уѣхать, я серьезно рѣшился на это и началъ укладывать свои вещи; но я не былъ въ состояннн довести своего рѣшенія до конца и такъ и не уѣхалъ. Да развѣ я могъ уѣхать! Скорѣе я способенъ былъ бы поѣхать за вами, если бы васъ здѣсь не было. И если бы я даже не зналъ, куда вы уѣхали, то я все-таки поѣхалъ бы разыскивать васъ, въ надеждѣ, что когда-нибудь снова найду. А если бы я въ концѣ концовъ убѣдился въ томъ, что всѣ мои поиски ни къ чему не приведутъ, то я становился бы все болѣе и болѣе скромнымъ въ своихъ надеждахъ и помирился бы наконецъ на возможности встрѣтиться съ какимъ-нибудь человѣкомъ, который былъ вамъ когда-нибудь близокъ, съ какой-нибудь изъ вашихъ подругъ, которая пожимала вамъ руку или которой вы улыбались въ счастливые дни. Вотъ какъ я поступилъ бы. Такъ неужели же я могу уѣхать отсюда? Къ тому же теперь лѣто, весь лѣсъ—это мой храмъ, и птицы знаютъ меня здѣсь; онѣ смотрятъ на меня, когда я прихожу сюда утромъ, онѣ наклоняютъ головки набокъ, смотрятъ на меня и начинаютъ щебетать. Не могу я также забыть того перваго вечера, когда я приѣхалъ сюда, и когда весь городъ былъ разукрашенъ флагами въ вашу честь; это произвело тогда на меня глубокое и странное впечатлѣнне. Я пришелъ въ восторгъ, и во мнѣ вдругъ зародилась ка-

кая-то безотчетная симпатія; я, какъ очарованный, ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ парохода, смотрѣлъ на флаги и не сходилъ на берегъ. Да, это было въ тотъ вечеръ... Но и послѣ того у меня не разъ бывало такъ радостно на душѣ; я каждый разъ хожу по той же дорогѣ, по которой ходите и вы, иногда счастье улыбается мнѣ, и я нахожу на дорогѣ ваши слѣды, какъ сегодня, на примѣръ; и тогда я жду васъ до тѣхъ поръ, пока вы не возвращаетесь обратно, я прячусь гдѣ-нибудь тутъ въ лѣсу, ложусь ничкомъ за камень и жду васъ. Я видѣлъ васъ два раза послѣ нашего послѣдняго разговора. Разъ я прождалъ вашего возвращенія шесть часовъ. И всѣ эти шесть часовъ я пролежалъ за камнемъ, не вставая, потому что боялся попасться вамъ на глаза. Богъ знаетъ, гдѣ вы такъ долго пропадали въ этотъ день...

— Я была у Андресеновъ,—сказала она вдругъ.

— Да, очень можетъ быть, что вы были тамъ; въ концѣ концовъ я все-таки дождался вашего возвращенія. Вы были не одинъ, но я видѣлъ васъ ясно и послалъ вамъ тихонько привѣтъ изъ-за камня. Не знаю, какая мысль промелькнула у васъ въ эту минуту, но вы повернули голову и на мгновение остановили вашъ взглядъ на камнѣ.

— Однако, послушайте... Боже мой, вы вздрогнули, словно я собиралась произнести вашъ смертный приговоръ...

— Но такъ оно и есть, я это хорошо знаю, ваши глаза стали вдругъ холодны, какъ ледь.

— Да, но этому надо положить конецъ, господинъ Нагель! Если бы вы были способны рассуждать, то вы сами сознались бы, что не совсѣмъ благородно поступаете по отношенію къ отсутствующему. Нѣтъ, вы вообразите себя на его мѣстѣ... А кромѣ того, имѣйте въ виду, что вы доставляете мнѣ мучительныя минуты. Чего вы собственно хотите отъ меня? Я должна сказать вамъ разъ навсегда: я не нарушу своего слова, *я люблю его*. Ну, кажется, теперь все ясно для васъ? А потому будьте осторожны. Право, я отказываюсь бывать съ вами вмѣстѣ, если вы не можете быть по отношенію ко мнѣ нѣсколько сдержаннѣе. Говорю вамъ это совершенно серьезно.

Она была взволнована, ея губы дрожали, и она употребляла усиліе надъ собой, чтобы не разразиться слезами. Такъ какъ Нагель молчалъ, то она прибавила:

— Вы можете проводить меня домой, до самаго дома, если желаете этого и если вы не сдѣлаете этой прогулки неприятной для насъ обоихъ. Если хотите, то расскажите мнѣ что-нибудь, я буду вамъ очень благодарна; я очень люблю слушать васъ.

— Да, да,—воскликнул онъ громко и радостно, словно въ немъ проснулся вдругъ другой человѣкъ:—вѣдь мнѣ ничего больше и не надо, только бы быть возлѣ васъ! Конечно, я буду... Ахъ, вы окатываете меня холодной водой, вы прямо замораживаете меня, когда сердитесь на меня...

Они долго говорили о разныхъ пустякахъ. Они шли такъ медленно, что едва подвигались впередъ.

— Какъ здѣсь пахнетъ!—сказалъ онъ.—Какъ ожили послѣ дождя трава и цвѣты! Не знаю, интересуютъ ли васъ вообще деревья? Это странно, но я чувствую какую-то таинственную связь между мною и каждымъ деревомъ въ лѣсу, какое-то родство. У меня такое чувство, будто я когда-то составлялъ часть лѣса; когда я стою здѣсь и смотрю вокругъ себя, то въ душѣ моей встаютъ смутныя воспоминанія и охватываютъ все мое существо. О, подождите минутку, послушайте! Слышите, какъ громко распѣваютъ птицы, привѣтствуя солнце. Онѣ совсѣмъ ошалѣли и ничего не понимаютъ, онѣ чуть не налетаютъ на насъ!

И они пошли дальше.

— А въ моемъ воображеніи все еще сохраняется представленіе, которое вы вызвали, о ладѣ съ голубыми парусами въ видѣ полумѣсяца, — сказала она.— Это такъ прекрасно! Когда небо такое высокое и глубокое, то мнѣ самой начинается казаться, что я покачиваюсь тамъ на лазоревыхъ волнахъ и ужу серебряною удочкой.

Онъ былъ счастливъ, что она еще не забыла того настроенія, которое охватило его въ Иванову ночь; на глазахъ у него навернулись слезы, и онъ отвѣтилъ горячо:

— Да, да, вы точно созданы для того, чтобы сидѣть въ такой ладѣ!

Когда они дошли приблизительно до середины лѣса, она имѣла неосторожность спросить его:

— Сколько времени вы еще останетесь здѣсь?

Она сейчасъ же пожалѣла, что спросила его объ этомъ; но когда она замѣтила, что онъ улыбнулся и не отвѣтилъ прямо на ея вопросъ, то успокоилась. Въ глубинѣ души она была ему благодарна за его тактичность, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ замѣтить ея смущеніе.

— Вѣдь я остаюсь тамъ, гдѣ вы,—сказалъ онъ.— Я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока у меня хватитъ денегъ,—прибавилъ онъ потомъ.—Но это будетъ не такъ долго.

Она посмотрѣла на него, улыбнулась и спросила:

— Это будетъ не очень долго? Но вѣдь вы богаты, насколько я слышала.

При этихъ словахъ на лицѣ его появилось таинственное выраженіе, которое уже раньше появлялось у него, и онъ отвѣтилъ:

— Я богатъ? Послушайте, въ городѣ ходятъ сказки о томъ, что я богачъ, что у меня, между прочимъ, есть имѣніе, оцѣниваемое очень высоко, — все это неправда, прошу васъ, не вѣрьте этому, это сказка. У меня нѣтъ имѣнія, у меня есть небольшой клочокъ земли, да и тотъ принадлежит не мнѣ одному, а также и моей сестрѣ; кромѣ того, этотъ клочокъ почти совершенно обезцѣненъ долгами и разнаго рода обязательствами. Говорю вамъ истинную правду.

Она недовѣрчиво улыбнулась.

— Ну, конечно, вѣдь вы всегда говорите правду, когда дѣло касается васъ самихъ, — замѣтила она.

— Вы не вѣрите мнѣ? Вы сомнѣваетесь въ моихъ словахъ? Ну, такъ слушайте же, что я вамъ скажу, — хотя это для меня будетъ унижительно, но я хочу рассказать вамъ все послѣдовательно: въ первый же день, какъ я пріѣхалъ сюда, я отправился пѣшкомъ въ сосѣдній городъ, прошелъ пять миль и оттуда отправилъ на свое собственное имя три телеграммы о крупной суммѣ денегъ и объ имѣніи въ Финляндіи. А потомъ я оставилъ эти три телеграммы раскрытыми на столѣ въ своей комнатѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, чтобы каждый въ гостиницѣ могъ прочесть ихъ. Теперь вы вѣрите мнѣ? Развѣ мое богатство не обманъ?

— Если не предположить, что вы не лжете снова на самого себя.

— Снова лгу? Вы ошибаетесь, фрѣкенъ. Клянусь всѣмъ святымъ для меня, я не лгу! Ну, вотъ!

Пауза.

— Но зачѣмъ же вы это сдѣлали, зачѣмъ вы послали самому себѣ эти телеграммы?

— Да вотъ видите ли, это выйдетъ довольно длинная исторія, если рассказать вамъ все послѣдовательно... А впрочемъ, коротко говоря, я это сдѣлалъ для того, чтобы пустить людямъ пыль въ глаза, чтобы произвести сенсацію въ городѣ. Хе-хе-хе, говорю это совершенно откровенно.

— Теперь вы лжете!

— Клянусь, я не лгу!

Пауза.

— Станный вы человѣкъ! И чего вы добиваетесь, одному Богу извѣстно. То вы идете со мной... ну, да, вы не останавливаетесь даже передъ тѣмъ, чтобы дѣлать мнѣ самыя страстныя признанія, — то вы начинаете лгать на себя; стѣдить

мнѣ нѣсколькими словами призвать васъ къ благоразумію, какъ вы начинаете выставлять себя самымъ отъявленнымъ шарлатаномъ, лжецомъ, обманщикомъ. Не лучше ли вамъ избавить себя отъ напраснаго труда? Какъ одно, такъ и другое производитъ на меня одинаково мало впечатлѣнія. Я слишкомъ уравновѣшенный человѣкъ; вся эта гениальность выше моего пониманія...

Она вдругъ почувствовала себя оскорбленной.

— Именно теперь-то я и не намѣревался проявлять какую-нибудь особенную гениальность. Вѣдь для меня во всякомъ случаѣ все потеряно, — изъ-за чего же мнѣ хлопотать?

— Но для чего же вы рассказываете мнѣ о самомъ себѣ такъ много отвратительнаго при всякомъ удобномъ случаѣ? — воскликнула она гнѣвно.

Медленно, съ полнымъ самообладаніемъ онъ отвѣтилъ:

— Для того, чтобы произвести на васъ впечатлѣніе, фрѣкенъ.

Они снова остановились и пристально посмотрѣли другъ на друга. Онъ продолжалъ:

— Я уже раньше имѣлъ удовольствіе сказать вамъ кое-что о своемъ методѣ. Вы спрашиваете, почему я выбалтываю именно тѣ изъ своихъ тайнъ, которыя вредятъ мнѣ и которыя могли бы оставаться скрытыми? Я отвѣчаю: изъ политическихъ видовъ, изъ расчета. Я думаю, что моя откровенность, можетъ-быть, все-таки произведетъ на васъ нѣкоторое впечатлѣніе, несмотря на то, что вы это отрицаете. Какъ бы то ни было, но я предполагаю, что мое полное равнодушіе, съ которымъ я выдаю самого себя, можетъ вамъ внушить нѣкоторое уваженіе ко мнѣ. Можетъ-быть, я ошибаюсь въ своихъ расчетахъ, я допускаю эту возможность, но ужъ съ этимъ ничего не подѣлаешь. Если даже предположить, что я ошибаюсь, то вѣдь вы во всякомъ случаѣ уже потеряны для меня, а слѣдовательно больше я уже не могу ничего потерять. Можно дойти и до такого вывода, это отчаяніе, азартъ. Я самъ помогаю вамъ возводить обвиненіе на меня и поддерживаю васъ по мѣрѣ силъ моихъ въ рѣшеніи отдѣлаться отъ меня, оттолкнуть меня. Зачѣмъ я это дѣлаю? Потому что въ глубинѣ души мнѣ претитъ говорить что-нибудь въ свою пользу и выгадывать какія-нибудь крохи такимъ жалкимъ способомъ; у меня ни за что не хватило бы духу произнести хоть одно такое слово. Но — скажете вы — я стараюсь достичь хитростью и окольными путями того, чего другіе достигаютъ жалкой откровенностью. Ахъ... А впрочемъ, я не стану оправдываться. Называйте это шарлатанствомъ. Почему бы и нѣтъ, это вполнѣ подходящее слово; я самъ прибавлю, что это самый грубый

обманъ. Хорошо, итакъ, это шарлатанство, и я не хочу оправдываться, вы правы, весь я — олицетвореніе шарлатанства. Но имѣйте въ виду только одно, что всѣ люди въ большей или меньшей степени подвержены шарлатанству; а въ такомъ случаѣ не все ли равно, въ какой формѣ проявляется шарлатанство, — такъ или иначе, но шарлатанство всегда шарлатанство... Однако я чувствую, что осѣдлалъ своего конька, я охотно поѣздилъ бы на немъ немного... Но нѣтъ, я воздержусь отъ этого; о, Боже мой, до чего мнѣ все это опротивѣло! Я говорю себѣ: какое тебѣ дѣло до всего этого? Пусть ихъ!.. Точка... Ну, кому бы могло прійти, напримѣръ, въ голову, что въ домѣ доктора Стенерсена не все обстоитъ благополучно. Но я и не утверждаю, что тамъ что-нибудь неблагополучно, потому я и спрашиваю, можетъ ли это кому-нибудь прійти въ голову относительно такой почтенной семьи. Семья эта состоитъ только изъ двухъ людей, мужа и жены, — у нихъ нѣтъ ни дѣтей ни заботъ, — и все-таки, какъ знать, нѣтъ ли тамъ еще третьяго лица? Богъ знаетъ, можетъ-быть, въ концѣ концовъ окажется, что есть еще и третье лицо кромѣ мужа и жены, молодой человекъ, слишкомъ преданный другъ дома, повѣренный Рейнертъ. Что на это сказать? Виноваты, быть-можетъ, обѣ стороны. Къ тому же докторъ можетъ знать все, но онъ не имѣетъ возможности бороться съ этимъ. Какъ бы то ни было, но въ эту ночь онъ очень много пилъ, и видно было, что ему опротивѣлъ весь свѣтъ, и онъ даже предложилъ истребить все человѣчество при помощи синильной кислоты, бѣдняга!.. Но онъ едва ли единственный, увязавшій по колѣни въ обманѣ, если уже не говорить обо мнѣ — Нагелѣ — погрузившемся въ ложь по самый поясъ. Вотъ возьмемъ хотя бы Минуту. Добрая душа, праведникъ, мученикъ! Въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ хорошаго; но я за нимъ наблюдаю. Говорю вамъ, что онъ у меня въ подозрѣніи! Вы, кажется, поражены? Я испугалъ васъ? Я этого не хотѣлъ. Но позвольте васъ сейчасъ же успокоить тѣмъ, что Минуту никто не можетъ совратить съ пути истиннаго, это дѣйствительно праведникъ. Но почему же я не спускаю его съ глазъ, почему я наблюдаю за нимъ въ два часа ночи изъ-за угла, когда онъ идетъ домой, возвращаясь съ невинной прогулки — въ два часа ночи! Почему я подсматриваю за нимъ и спереди и сзади, когда онъ разноситъ свои мѣшки и кланяется встречнымъ на улицѣ? Безъ всякой причины, увѣряю васъ, безъ всякой причины! Онъ просто интересуется меня, я люблю его, и я счастливъ въ эту минуту, что могу представить его, какъ свѣтлаго человека и праведника среди всей этой лжи. Вотъ

почему я и упомянулъ о немъ, и вы, конечно, понимаете меня. Хе-хе-хе... Однако вернемся ко мнѣ... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, не могу больше говорить о самомъ себѣ! Все, что угодно, только не это!

Послѣднее восклицаніе вырвалось у него такъ непосредственно и искренно, оно было проникнуто такой глубокой грустью, что ей стало жаль его. Въ это мгновеніе она поняла, что имѣетъ дѣло съ измученной, истерзанной душой. Но такъ какъ онъ сейчасъ же вслѣдъ за этимъ сталъ заглаживать произведенное на нее впечатлѣніе, громко расхохотался и клялся еще разъ, что все на свѣтѣ одно лишь шарлатанство, то ея теплое чувство къ нему сразу прошло. Она сказала рѣзко:

— Вы бросили нѣсколько намековъ на фру Стенерсень, которые были бы достаточно низки, если бы даже были вдвое менѣе грубы. Что касается Минуты, то вы не пощадили даже и этого несчастнаго калѣку и проявили по отношенію въ нему свои рыцарскія чувства. Съ вашей стороны это такъ гадко, такъ низко!

Она пошла дальше, и онъ послѣдовалъ за ней. Онъ ничего не отвѣтилъ на ея послѣднія слова, онъ шель, низко опустивъ голову. Плечи его раза два вздрогнули, и она замѣтила къ своему изумленію, какъ двѣ крупныя слезы скатились по его лицу. Онъ отвернулся и сталъ насвистывать, передразнивая какую-то птичку, чтобы скрыть свое волненіе.

Минуты двѣ они шли, не произнося ни слова. Она была тронута и горько раскаивалась въ своихъ рѣзкихъ словахъ.

Кто знаетъ, можетъ-быть, даже онъ и правъ въ своихъ словахъ? Развѣ она знаетъ что-нибудь? Можетъ-быть, этотъ человѣкъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль увидѣлъ больше, чѣмъ она въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Они продолжали итти въ глубокомъ молчаніи. Онъ опять совершенно успокоился и равнодушно игралъ своимъ носовымъ платкомъ. Черезъ нѣсколько минутъ они должны были дойти до усадьбы священника.

Вдругъ она сказала:

— Вы очень повредили себѣ руку? Дайте посмотреть!

Хотѣла ли она его порадовать своимъ вниманіемъ, или на мгновеніе дѣйствительно поддалась его вліянію, — но она произнесла эти слова сердечнымъ, слегка взволнованнымъ голосомъ и при этомъ остановилась.

Но тутъ вся его страсть вдругъ вспыхнула въ немъ и вырвалась наружу съ неудержимой силой. Въ это мгновеніе, когда она стояла такъ близко къ нему, наклонивъ голову надъ его рукой такъ, что онъ чувствовалъ аромать, исходившій отъ ея

волосъ и шеи, когда никто изъ нихъ не произносилъ ни слова, его любовь дошла до сумасшествія, до припадка безумія. Онъ прижалъ ее къ себѣ сперва одной рукой, а потомъ, когда она стала сопротивляться, также и другой; онъ страстно и долго прижималъ ее къ своей груди и приподнялъ даже отъ земли. Онъ чувствовалъ, какъ спина ея сгибается и она уступаетъ его объятіямъ. Съ безотчетнымъ блаженствомъ покоилась она въ его объятіяхъ всей тяжестью своего тѣла и смотрѣла въ его глаза затуманеннымъ взоромъ. Онъ говорилъ ей нѣжныя слова, говорилъ, что она прекрасна, прекрасна, и что она до конца дней его останется его неизмѣнной любовью. Одинъ человекъ уже лишилъ себя жизни изъ-за нея, и онъ съ радостью сдѣлаетъ то же самое по малѣйшему ея знаку, по единому слову. О, какъ онъ любитъ ее! И онъ продолжалъ повторять безъ конца, все крѣпче прижимая ее къ себѣ:

— Я люблю тебя, люблю, люблю тебя!

Она не сопротивлялась ему больше, голова ея слегка склонилась на его лѣвое плечо, и онъ осыпалъ ее жгучими и частыми поцѣлуями, прерывая ихъ только самыми нѣжными словами. Онъ ясно чувствовалъ, что она сама прижимается къ нему, а когда онъ цѣловалъ ее, она закрывала глаза.

— Приди ко мнѣ завтра къ дереву, ты помнишь то дерево, осину? Приди ко мнѣ, я люблю тебя, Дагни! Ты придешь ко мнѣ? Приди, когда хочешь, приди въ семь часовъ.

Она ничего не отвѣтила на это и только сказала:

— Теперь оставьте меня!

И медленно она высвободилась изъ его объятій.

Съ минуту она стояла, озираясь кругомъ. Лицо ея принимало все болѣе и болѣе растерянное выраженіе. Наконецъ губы ея стали судорожно подергиваться, она дошла до камня, лежавшаго у дороги, и опустилась на него. Она плакала.

Онъ наклонился надъ ней и сталъ тихо говорить. Это продолжалось минуты двѣ. Вдругъ она вскакиваетъ со сжатыми кулаками и съ поблѣвшимъ отъ гнѣва лицомъ; она прижимаетъ руки къ груди и говоритъ въ себя отъ бѣшенства:

— Вы низкій человекъ, о, Боже, до чего вы низки! Но вы, конечно, этого не сознаёте. Нѣтъ, какъ вы могли, какъ вы могли такъ поступить!

И она снова разрыдалась.

Онъ пытался успокоить ее, но тщетно. Полчаса простояли они у камня близъ дороги, не двигаясь съ мѣста.

— Вы даже хотѣли, чтобы я пришла къ вамъ на свиданіе, — сказала она: — но я не хочу больше встрѣчаться съ вами, я не хочу больше никогда видѣть васъ, — вы негодяй!

Онъ умолялъ простить его, упалъ передъ нею на колѣни и цѣловалъ подолъ ея платья; но она только повторяла, что онъ негодяй и поступилъ съ нею подло. Что онъ сдѣлалъ съ ней! Прочь, прочь! Пусть онъ не смѣетъ итти за ней! Ни шагу дальше!

И она повернулась и пошла домой.

Несмотря на ея запрещеніе, онъ все-таки хотѣлъ послѣдовать за ней; но она сдѣлала повелительный жестъ рукой и сказала:

— Не смѣйте итти!

Онъ остановился и сталъ смотрѣть ей вслѣдъ; но когда она отошла отъ него шаговъ на двадцать, онъ сжалъ кулаки, бросился за ней, вопреки ея запрещенію, и снова заставилъ ее остановиться.

— Я не сдѣлаю вамъ ничего дурного, — сказалъ онъ:— но имѣйте же хоть сколько-нибудь состраданія ко мнѣ! Вотъ я стою передъ вами и готовъ умереть, чтобы только избавить васъ отъ себя, — вамъ стѣнитъ сказать только одно слово. И это я вамъ повторю также завтра, если только увижу васъ. Но вы можете оказать мнѣ одну милость — быть ко мнѣ справедливой. Вы должны понять, что я подчиняюсь силѣ, которая исходитъ отъ васъ и которой я не въ состояніи противостоятъ. И вѣдь не на мнѣ одномъ лежитъ отвѣтственность за то, что я встрѣтилъ васъ на своемъ жизненномъ пути. Дай Богъ, чтобы вамъ никогда не пришлось испытать тѣхъ страданій, которыя я испытываю теперь!

И онъ повернулся и пошелъ.

Въ то время, какъ онъ шелъ по дорогѣ, его широкія плечи то и дѣло вздрагивали на короткомъ туловищѣ. Онъ никого не видѣлъ, никого не узнавалъ изъ встрѣчавшихся съ нимъ, и остановился, только пройдя весь городъ и очутившись у дверей своей гостиницы.

XV.

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ-трехъ дней Нагеля не было въ городѣ. Онъ уѣхалъ куда-то на пароходѣ, и комната его въ гостиницѣ была заперта. Никто не зналъ, куда онъ отправился; онъ сѣлъ на пароходъ, направлявшійся на сѣверъ, — можетъ-быть, онъ предпринялъ это путешествіе для того, чтобы разсѣяться.

Онъ вернулся рано утромъ, когда городъ еще спалъ; онъ былъ блѣденъ и казался утомленнымъ. Однако онъ не пошелъ сейчасъ же въ гостиницу, а нѣкоторое время гулялъ взадъ и

впередъ по набережной; потомъ онъ пошелъ по совершенно новой дорогѣ, которая направлялась во внутреннюю бухту, гдѣ только-что началъ подниматься дымъ изъ трубы паровой мельницы.

Онъ не уходилъ далеко и, повидимому, бродилъ гдѣ попало, только для того, чтобы какъ-нибудь убить часа два. Когда на рынкѣ началось движеніе, онъ былъ уже тамъ; онъ сталъ на углу у почтовой конторы и внимательно наблюдалъ за всѣми проходящими и уходящими, а когда увидалъ зеленую юбку Марты Гуде, то подошелъ и поздоровался съ ней.

Извините, можетъ-быть, она его не помнитъ? Его зовутъ Нагель; это онъ хотѣлъ купить кресло, старое кресло. Но, можетъ-быть, она уже продала его?

Нѣтъ, она его еще не продала.

Хорошо. И, по всей вѣроятности, къ ней никто не приходилъ и не пытался повысить цѣны? Къ ней не являлся какой-нибудь любитель?

Да. Но...

— Что такое? Неужели? Приходилъ кто-нибудь? Что вы говорите! Дама? Ахъ, ужъ эти женщины! Всюду онѣ суютъ свой носъ! Такъ, значить, она пронюхала-таки объ этой рѣдкости и сейчасъ же рѣшила во что бы то ни стало приобрести кресло. Ну, да кто не знаетъ женскихъ уловокъ! Но сколько она предлагала за него, до какой цѣны она дошла? Повторяю вамъ, что я ни за какія деньги не уступлю этого кресла! Нѣтъ, ни одинъ чортъ не заставитъ меня уступить его!

Марта совсѣмъ растерялась отъ его горячности и поторопилась отвѣтить:

— Да нѣтъ же, нѣтъ, кресло ваше, я отдаю вамъ его съ удовольствіемъ.

— Въ такомъ случаѣ не разрѣшите ли вы мнѣ зайти къ вамъ около восьми часовъ, чтобы покончить съ этимъ дѣломъ?

Да, конечно, онъ можетъ прийти. Но не лучше ли будетъ, если она пришлетъ ему кресло въ гостиницу? Такъ будетъ меньше хлопотъ...

Нѣтъ, нѣтъ, этого онъ не допустить ни въ какомъ случаѣ. Съ такимъ предметомъ надо обращаться осторожно и умѣючи: по правдѣ сказать, онъ не хотѣлъ бы даже, чтобы это кресло попадалось на глаза чужимъ людямъ. Въ восемь часовъ онъ зайдетъ къ ней. Ахъ, да, не надо трогать этого кресла пыльной тряпкой; и мыть его тоже нельзя. Боже упаси! Чтобы на него не попало ни капли воды!..

Нагель сейчасъ же отправился въ гостиницу, бросился на

кровать, не раздвываясь, и проспалъ крѣпкимъ и глубокимъ сномъ со самаго вечера.

Позужинавъ, онъ отправился на набережную къ маленькому домику Марты Гуде. Было восемь часовъ; онъ постучалъ въ дверь и вошелъ.

Видно было, что комнату только-что прибрали, полъ былъ чисто вымытъ и окна протерты. Марта надѣла даже на шею нитку бисера. Было ясно, что она его ждала.

Онъ поздоровался, сѣлъ и сейчасъ же началъ переговоры. Однако Марта и теперь не сдавалась, напротивъ; она упорствовала больше прежняго и хотѣла во что бы то ни стало отдать ему кресло даромъ. Тогда онъ пришелъ въ бѣшенство и пригрозилъ ей тѣмъ, что швырнетъ ей въ лицо пятьсотъ кронъ и убѣжить вмѣстѣ съ кресломъ. Да, она вполнѣ заслужила это! Никогда въ жизни не встрѣчалъ онъ такого безразсудства! И, стукнувъ кулакомъ по столу, онъ спросилъ, не потеряла ли она окончательно разума.

— Знаете чтó,—сказалъ онъ, пристально глядя на нее.— Ваше упорство возбуждаетъ во мнѣ подозрѣнiе. Скажите откровенно: вы это кресло приобрѣли честнымъ образомъ? Вѣдь мнѣ приходится имѣть дѣло со всевозможными людьми, и лишняя предосторожность никогда не мѣшаетъ. Если это кресло попало къ вамъ какимъ-нибудь сомнительнымъ образомъ или по какому-нибудь недоразумѣнiю, то я не хочу его брать. А впрочемъ, прошу извинить меня, если я не такъ понялъ ваше упорство.

И онъ сталъ заклинять ее сказать ему всю правду.

Совершенно сбитая съ толку этимъ подозрѣнiемъ, испуганная и оскорбленная, она начала горячо оправдываться: это кресло привезъ ея дѣдушка, и съ тѣхъ поръ оно составляетъ собственность семьи въ теченiе ста лѣтъ; онъ можетъ быть увѣренъ, она ничего не скрываетъ, чтó касается этого кресла. И при этомъ у нея на глазахъ выступили слезы.

— Хорошо, въ такомъ случаѣ надо положить конецъ всѣмъ этимъ безконечнымъ переговорамъ и баста!—И онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ.

Она сдѣлала шагъ впередъ, какъ бы желая остановить его; но онъ, не обращая на нее вниманiя, положилъ на столъ двѣ красныя ассигнацiи и снова спряталъ бумажникъ.

— Пожалуйста!—сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ дайте мнѣ только пятьдесятъ кронъ!—просила она.

И въ своей беспомощности она при этихъ словахъ раза два провела рукой по его волосамъ, только чтобы какъ-нибудь

заставить его уступить. Она не отдавала себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, и погладила его по волосамъ, прося его дать ей только пятьдесятъ кронъ. У этой странной дѣвушки въ глазахъ все еще стояли слезы.

Эта сѣдовласая женщина, призрѣваемая благотворительнымъ обществомъ, эта сорокалѣтняя дѣвушка съ жгучими черными глазами, напоминавшая вмѣстѣ съ тѣмъ монахиню всѣмъ своимъ существомъ, эта своеобразная и рѣдкая красота заставила его на мгновеніе поколебаться. Онъ ласково похлопалъ ее по рукѣ и сказалъ:

— Боже, какая вы милая!

Но сейчасъ же выпустилъ ея руку и всталъ.

— Такъ, я надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ того, чтобы я взялъ кресло сейчасъ же съ собой,—сказалъ онъ.

И онъ взялъ кресло въ руки.

Видно было, что она уже не боялась его больше. Замѣтивъ, что онъ запачкалъ себѣ руки, дотронувшись до стараго, покрытаго пылью кресла, она сейчасъ же подала ему свой носовой платокъ, чтобы онъ вытеръ руки.

Деньги все еще лежали на столѣ.

— Кстати, — сказалъ онъ: — позвольте мнѣ спросить, не лучше ли будетъ, если вы нашу маленькую коммерческую сдѣлку сохраните по возможности въ тайнѣ? Вѣдь нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы весь городъ зналъ о ней, не правда ли?

— Да,—сказала она задумчиво.

— На вашемъ мѣстѣ я сейчасъ же спряталъ бы деньги. А впрочемъ, сперва я завѣсилъ бы окно чѣмъ-нибудь. Вотъ возьмите эту юбку!

— Но не будетъ ли слишкомъ темно? — замѣтила она. Однако она все-таки взяла юбку и завѣсила ею окно, онъ помогалъ ей при этомъ.

— Намъ слѣдовало бы это сдѣлать съ самаго начала,—сказалъ онъ:—пожалуй, было бы нехорошо, если бы меня увидали здѣсь.

Но она ничего не отвѣтила. Она взяла со стола деньги и протянула ему руку въ знакъ благодарности; губы ея шевелились, но она не была въ состояніи произнести ни одного слова.

Не выпуская ея руки изъ своей, онъ вдругъ говоритъ ей:

— Послушайте, разрѣшите мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ. Я думаю, что вамъ очень тяжело пробиваться безъ помощи, безъ поддержки... а впрочемъ, можетъ-быть, вы получаете какое-нибудь пособіе?

— Да.

— Простите мнѣ, дорогая моя, что я разспрашиваю васъ! Но вотъ чтó мнѣ пришло въ голову: если пронюхаютъ, что у васъ есть кое-какія деньги, то васъ не только лишатъ пособия, но еще отберутъ ваши деньги—просто-напросто отберутъ. Вотъ почему необходимо скрыть отъ всѣхъ нашу сдѣлку; понимаете ли вы теперь? Я только даю вамъ совѣтъ, какъ практическій человѣкъ. Не говорите никому о вашемъ маленькомъ дѣлѣ... Кстати, я вспомнилъ, что мнѣ слѣдовало бы дать вамъ болѣе мелкими бумажками, чтобы вамъ не приходилось мѣнять.

Онъ ничего не забываетъ, все принимаетъ въ соображеніе. Онъ снова садится и начинаетъ отсчитывать мелкія бумажки. Онъ считаетъ кое-какъ и въ концѣ концовъ даетъ ей всѣ имѣющіяся при немъ мелкія бумажки; онъ беретъ наугадъ, свертываетъ все въ кучу и кладетъ на столъ.

— Ну, вотъ, теперь спрячьте это!—говоритъ онъ.

Она отворачивается, разстегиваетъ свой лифъ и прячетъ деньги на груди.

Она уже покончила съ этимъ, но онъ все еще не встаетъ, онъ продолжаетъ сидѣть и говорить какъ бы случайно:

— Да, чтó я хотѣлъ сказать... Не знаете ли вы, можетъ-быть, Минуты?

Онъ замѣтилъ, что она ярко вспыхнула.

— Мнѣ приходилось встрѣчаться съ нимъ нѣсколько разъ,—продолжалъ Нагель:—я его очень люблю, я увѣренъ, что это вѣрный и золотой человѣкъ. Я ему далъ порученіе достать мнѣ скрипку и я увѣренъ, что онъ это сдѣлаетъ, какъ вы думаете? А впрочемъ, вы его, вѣроятно, мало знаете?

— Нѣтъ, я его знаю.

— Ахъ, да, правда, вѣдь онъ говорилъ мнѣ, что купилъ у васъ нѣсколько цвѣтковъ для похоронъ Карльсена. Скажите, можетъ-быть, вы его даже хорошо знаете? Каково ваше мнѣніе о немъ? Какъ вы думаете, онъ выполнитъ мое порученіе? Когда приходится имѣть дѣло со столькими людьми, то лишне иногда навести справки. Какъ-то разъ я потерялъ значительную сумму денегъ только вслѣдствіе того, что слѣпо положился на одного человѣка, не справившись о немъ предварительно; это было въ Гамбургѣ.

И, неизвѣстно изъ какихъ побужденій, Нагель рассказалъ исторію съ этимъ человѣкомъ, изъ-за котораго онъ потерялъ деньги. Марта продолжала стоять передъ нимъ, опираясь на столъ. Вдругъ она начинаетъ волноваться и наконецъ говорить горячо:

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите о немъ!

— О комъ не говорить?

— О Иоганнесѣ, о Минутѣ.

— Такъ Минуту зовутъ Иоганнесомъ?

— Да, его зовутъ Иоганнесомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да.

Нагель молчитъ. Это простое открытіе, что Минуту зовутъ Иоганнесомъ, даетъ неожиданный толчокъ его мыслямъ, даже мѣняетъ на мгновеніе выраженіе его лица. Съ минуту онъ сидитъ, не произнося ни слова, затѣмъ онъ спрашиваетъ:

— Но почему вы называете его Иоганнесомъ? Не Грёгордомъ и не Минутой?

Она опускаетъ глаза и отвѣчаетъ въ смущеніи:

— Мы знаемъ другъ друга съ дѣтства...

Пауза.

Тогда Нагель говоритъ полушутливо и въ высшей степени равнодушно:

— Знаете, какое у меня получилось впечатлѣніе? Мнѣ кажется, что Минута былъ сильно влюбленъ въ васъ. Да, увѣрю васъ, я это замѣтилъ сразу. И это не особенно удивляетъ меня, хотя долженъ сознаться, что нахожу Минуту въ этомъ случаѣ нѣсколько смѣлымъ. Не правда ли? Во-первыхъ, вѣдь онъ уже больше не юноша, а кромѣ того, онъ нѣкоторымъ образомъ калѣка. Но, Боже ты мой, у женщинъ бываютъ такія странныя причуды! Если на нихъ найдеть капризъ, то онѣ бросаются на шею кому угодно и отдаются съ радостью, даже съ восторгомъ. Хе-хе-хе, вотъ каковы женщины! Въ 1886 году я былъ свидѣтелемъ одного необыкновенно страннаго случая: одна моя знакомая молодая дѣвушка вышла замужъ за разсыльнаго своего отца. Никогда не забуду этого. Онъ былъ почти ребенкомъ, ему было всего только шестнадцать-семнадцать лѣтъ, и у него не было даже и слѣда усовъ; но онъ былъ красивъ,—да, необыкновенно красивъ, надо отдать ему справедливость. И вотъ она бросается въ объятія къ этому свѣжему мальчику, къ которому она воспылала безумной любовью, и увѣжаетъ съ нимъ за границу. Полгода спустя она вернулась,—отъ любви не осталось и слѣда. Да, не грустно ли это; но любовь исчезла безслѣдно! Послѣ этого она нѣсколько мѣсяцевъ проскучала до смерти; но она была замужемъ, и въ этомъ отношеніи было все въ порядкѣ. Но что ей было дѣлать? Она бьетъ кулакомъ по столу и ожесточается противъ всего свѣта, пускается во всѣ тяжкія. Она, что называется, начинаетъ ходить по рукамъ среди студентовъ и приказчи-

ковъ и кончаетъ тѣмъ, что приобретаетъ своего рода извѣстность подѣ прозвищемъ «La Glú». Жалко было смотрѣть на нее! Но она еще разъ привела въ изумленіе свѣтъ. Позабывшись такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, она въ одинъ прекрасный день начинаетъ писать рассказы, она становится писательницей, и про нее говорятъ, что у нея большой талантъ. Она была необыкновенно любознательна и за эти два-три года, которые она провела среди студентовъ и приказчиковъ, она созрѣла и научилась писать. Съ этого времени она стала писать превосходнѣйшія произведенія. Хе-хе-хе! Да, это была чортъ знаетъ что за женщина!.. Да, вотъ каковы женщины! Вы улыбаетесь, но вы не рѣшаетесь отрицать этого. Какому-нибудь семнадцатилѣтнему разсыльному ничего не стоить свести васъ съ ума. Я увѣренъ, что и Минутѣ не придется прожить свою жизнь въ одиночествѣ, если онъ только приложить къ этому хоть сколько-нибудь усилій, возьмется какъ слѣдуетъ за это. Въ немъ есть нѣчто, производящее впечатлѣніе даже на мужчину. Да, онъ поражаетъ меня: сердце у него чистое, какъ у младенца, и уста его не знаютъ лжи. Не правда ли? Вѣдь вы хорошо знаете его и должны согласиться, что это именно такъ. Но что сказать о его дядѣ, торговцѣ углемъ? Это старая лисица, и онъ представляется мнѣ въ очень нелестномъ свѣтѣ. У меня такое впечатлѣніе, что, въ сущности, всѣ дѣла ведетъ Минута. И вотъ я спрашиваю себя, почему бы Минутѣ не имѣть своего собственнаго дѣла? Однимъ словомъ: если это только понадобится, то Минута всегда способенъ обезпечить семью... Вы качаете головой?

— Нѣтъ, я не качаю головой.

— Въ такомъ случаѣ вы потеряли терпѣніе, и вамъ надоѣла болтовня о человѣкѣ, до котораго вамъ нѣтъ никакого дѣла,—и вы вполне правы... Послушайте, мнѣ что-то пришло въ голову,—но, пожалуйста, не разсердитесь на меня за это, мною руководить только участие къ вамъ,—вы должны какъ можно крѣпче запираить дверь на ночь! Вы такъ испуганно посмотрѣли на меня. Дорогая моя, не бойтесь ничего и не относитесь ко мнѣ съ недовѣріемъ. Я только хотѣлъ сказать вамъ, что именно теперь, когда у васъ есть немного денегъ, вы не должны никому слѣпо довѣрять. Правда, мнѣ не приходилось слышать, чтобы въ этомъ городѣ было неспокойно, но излишняя осторожность никогда не мѣшаетъ. Около двухъ часовъ ночи становится такъ темно, и какъ разъ около двухъ часовъ мнѣ приходилось слышать подозрительный шумъ даже у себя подѣ окнами. Да, да, надѣюсь, вы не сердитесь за то, что я далъ вамъ этотъ совѣтъ?.. Ну, до свиданья! Я очень

радъ, что въ концѣ концовъ мнѣ удалось-таки завладѣть вашимъ кресломъ. До свиданья, дорогая!

И онъ пожалъ ей руку. Въ дверяхъ онъ еще разъ обернулся и сказалъ:

— Послушайте, я думаю, лучше всего будетъ, если вы скажете, что я вамъ далъ пару кронъ за кресло. Но не больше, ни на одинъ шиллингъ больше, а то у васъ отнимутъ деньги, не забываете этого. Не правда ли, я могу положиться на васъ?

— Да,—отвѣтила она.

Онъ ушелъ, взявъ съ собой кресло. Онъ весь сіялъ, тихо посмѣивался и даже громко расхохотался, словно ему только что удалась какая-нибудь ловкая продѣлка.

— Боже мой, какъ она теперь радуется!—сказалъ онъ въ восхищеніи.—Хе-хе, отъ такого богатства она, навѣрное, всю ночь глазъ не сомкнетъ!..

Дома у себя онъ засталъ Минуту, который сидѣлъ и ждалъ его.

Минута пришелъ съ репетиціи, и подъ мышкой у него была пачка афишъ. Да, живыя картины обѣщаютъ быть очень удачными; онѣ будутъ представлять сцены изъ исторіи, и ихъ будутъ освѣщать очень эффектно; онъ исполняетъ роль статиста.

— А когда начнется базаръ?

Открытіе будетъ въ четвергъ, девятого іюля, въ день рожденія королевы. Но уже сегодня вечеромъ Минута расклеитъ афиши вездѣ, гдѣ только возможно; получено даже разрѣшеніе наклеить одно объявленіе на кладбищенскихъ воротахъ... А онъ пришелъ съ отвѣтомъ относительно скрипки. Онъ никакъ не могъ достать скрипки; единственная, на которой можно еще играть, принадлежитъ органисту, но онъ самъ будетъ играть на ней на базарѣ, онъ сыграетъ нѣсколько номеровъ.

— Ну, такъ съ этимъ дѣлать нечего,

Минута собирается уходить. Когда онъ стоитъ уже съ фуражкой въ рукѣ, Нагель вдругъ говоритъ:

— Но не выпить ли намъ по стаканчику? Долженъ вамъ сказать, что я сегодня въ прекраснѣйшемъ настроеніи духа, со мной случилось сегодня нѣчто очень пріятное. Знаете, послѣ большихъ усилій мнѣ удалось завладѣть наконецъ очень рѣдкостнымъ кресломъ, какого не найдется ни въ одной коллекціи во всей странѣ, я въ этомъ увѣренъ. Вотъ посмотрите! Вы понимаете что-нибудь въ этомъ? Сумѣете отличить жемчужину, единственную въ своемъ родѣ? Я его не продамъ ни за какія сокровища въ мірѣ, клянусь! Вотъ я и хотѣлъ бы

вспрыснуть свое приобретение и выпить съ вами стаканчикъ, если вы ничего не имѣете противъ этого. Вы разрѣшаете позвонить? Нѣтъ? Но вѣдь эти афиши вы можете расклеить завтра... Нѣтъ, до чего мнѣ повезло сегодня! Я не могу забыть этого! Можетъ-быть, вы не знаете, что я до нѣкоторой степени коллекционеръ? И здѣсь я остановился отчасти для того, чтобы поразнюхать, не найдется ли гдѣ-нибудь рѣдкостей. Можетъ-быть, я не рассказывалъ вамъ про свои коровьи колокольчики? Нѣтъ? Боже мой, въ такомъ случаѣ вы и понятія не имѣете о томъ, что я за человѣкъ! Конечно, я агрономъ, но я интересуюсь также и другими предметами. Да, до сихъ поръ я собралъ двѣсти шестьдесятъ семь коровьихъ колокольчиковъ. Эту коллекцію я началъ составлять лѣтъ десять назадъ, и теперь, слава Богу, она достигла довольно внушительныхъ размѣровъ. А вы знаете, какъ мнѣ досталось это кресло? Совершенно случайно, мнѣ просто чертовски повезло! Иду я какъ-то по улицѣ и прохожу мимо маленькаго домика у набережной, и по своей привычкѣ я мимоходомъ заглядываю въ окна. Но вдругъ останавливаюсь, мой взглядъ упалъ на кресло, и я сейчасъ же вижу, чего оно стоитъ. Я стучу и вхожу въ домъ; меня встрѣчаетъ пожилая сѣдовласая дама, забылъ, какъ ее зовутъ... Ну, да это все равно, а можетъ-быть, вы даже знаете ее? Кажется, ее зовутъ Гуде, фрѣкенъ Гуде, да, да, Марта Гуде, или что-то въ этомъ родѣ... Ну, хорошо, но она отказывается продать мнѣ кресло, однако въ концѣ концовъ мнѣ удалось заставить ее согласиться, и вотъ сегодня я принесъ это кресло къ себѣ. Но самое лучшее это то, что оно досталось мнѣ даромъ, она отдала мнѣ его даромъ. Правда, я бросилъ на столъ пару кронъ, чтобы она потомъ не пожалѣла; но вѣдь кресло-то стоитъ сотни. Однако прошу васъ объ этомъ никому не рассказывать; вѣдь никому не можетъ быть пріятно, чтобы о немъ говорили дурно. Да мнѣ и не въ чемъ упрекнуть себя. Эта дѣвушка ровно ничего не понимала въ этомъ дѣлѣ, а я, въ качествѣ специалиста и покупателя, вовсе не считалъ своею обязанностью заботиться о ея выгодѣ. Не правда ли, нельзя быть дуракомъ, надо пользоваться удобнымъ случаемъ, въ этомъ-то и состоитъ борьба за существованіе... Но неужели вы и теперь откажетесь выпить стаканъ вина, когда знаете, какъ мнѣ повезло?

Но Минута настаивалъ на томъ, что ему надо итти.

— Какъ жалко, — продолжалъ Нагель. — А я такъ радовался возможности поболтать съ вами. Вы здѣсь единственный человѣкъ, который интересуется меня, вы единственный, котораго я считаю заслуживающимъ нѣкотораго вниманія.

Хе-хе, заслуживающимъ вниманія, да. Да къ тому же вѣдь васъ зовутъ Іоганнесомъ? Дорогой другъ, вѣдь я это уже давно зналъ, хотя мнѣ это сказали только сегодня вечеромъ... Да не пугайтесь же опять! Чтò за несчастье, что я постоянно внушаю людямъ страхъ. Да, да, не отрицайте этого, увѣряю васъ, вы посмотрѣли на меня съ нѣкоторымъ ужасомъ, не говоря уже о томъ, что вы даже вздрогнули...

Минута уже подошелъ къ двери, у него, повидимому, было желаніе поскорѣе покончить съ этимъ разговоромъ и уйти. Разговоръ дѣйствительно принималъ все болѣе и болѣе неприятный оборотъ.

— Сегодня шестое іюля? — спрашиваетъ вдругъ Нагель.

— Да, — отвѣчаетъ Минута:—сегодня шестое іюля.—И съ этими словами онъ беретъ за ручку двери.

Нагель медленно приближается къ нему, подходитъ вплотную, пристально смотритъ ему въ глаза и въ то же время закладываетъ руки за спину. И, стоя въ этой позѣ, онъ произноситъ шопотомъ:

— А гдѣ вы были шестого іюня?

Минута ничего не отвѣтилъ, не произнесъ ни слова. Охваченный ужасомъ передъ этимъ пронизывающимъ взоромъ и таинственнымъ шопотомъ, совершенно сбитый съ толку страннымъ вопросомъ относительно дня и числа мѣсяцъ тому назадъ, онъ распахиваетъ дверь и выбѣгаетъ на лѣстницу. На площадкѣ онъ на мгновеніе останавливается, кружится на мѣстѣ и не знаетъ, куда идти, а Нагель въ это время стоитъ въ дверяхъ и кричитъ ему вслѣдъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, это безуміе! Прошу васъ, забудьте это! Я объясню вамъ все въ другой разъ!..

Но Минута ничего не слышалъ. Онъ сбѣжалъ внизъ прежде, чѣмъ Нагель успѣлъ заговорить, и, не глядя ни направо ни направо, онъ выбѣжалъ на улицу и заковылялъ по направленію къ рынку, къ большому водоему, гдѣ и свернулъ въ первую попавшуюся улицу.

Часъ спустя — было десять часовъ — Нагель закурилъ сигару и вышелъ на улицу. Городъ еще не спалъ; по дорогѣ къ усадьбѣ священника ходило множество гуляющихъ, на улицахъ раздавались веселые голоса и хохотъ играющихъ дѣтей. Мужчины и женщины сидѣли у дверей своихъ домовъ и тихо разговаривали, наслаждаясь мягкимъ вечеромъ; время отъ времени они дружески перекликались со своими сосѣдями черезъ улицу.

Нагель пошелъ по направленію къ пристани. Онъ увидалъ Минуту, который расклеивалъ афиши на стѣнахъ почтовой

конторы, банка, школы и тюрьмы. Какъ онъ это дѣлалъ старательно и добросовѣстно! И какъ охотно онъ занялся этимъ, не жалѣя времени, хотя ему давно было пора итти на покой! Нагель прошелъ мимо него и поклонился, но не остановился.

Онъ дошелъ уже почти до пристани, когда кто-то окликнулъ его сзади; его остановила Марта Гуде, которая сказала, едва переводя духъ отъ быстрой ходьбы:

— Извините! Но вы мнѣ дали слишкомъ много денегъ.

— Добрый вечеръ! — отвѣтилъ онъ. — И вы также вышли прогуляться?

— Нѣтъ, я была въ городѣ и ждала васъ около гостиницы, вы дали мнѣ слишкомъ много денегъ.

— Неужели мы снова начнемъ эту старую комедію?

— Но вы ошиблись! — воскликнула она въ полномъ отчаяніи. —

Вы дали мнѣ мелкими бумажками болѣе двухсотъ кронъ!

— Ну, такъ что же! Такъ я дѣйствительно ошибся на нѣсколько кронъ? Ну, хорошо, вы можете возвратить мнѣ ихъ.

Она начала разстегивать свой лифъ, но вдругъ оглянулась и остановилась, не зная, что ей дѣлать. Она стала извиняться: здѣсь такъ много народу, пожалуй, неудобно вынимать деньги на улицѣ, онъ у нея спрятаны такъ хорошо...

— Нѣтъ, нѣтъ, — поторопился онъ отвѣтить: — вѣдь я могу зайти за ними, позвольте мнѣ зайти къ вамъ.

И они пошли вмѣстѣ къ домику Марты. По дорогѣ они встрѣтили нѣсколькихъ гуляющихъ, которые съ удивленіемъ посмотрѣли на нихъ.

Войдя въ комнату Марты, Нагель сѣлъ у окна, гдѣ онъ уже раньше сидѣлъ; окно все еще было завѣшено той же юбкой. Въ то время, какъ Марта вынимала деньги изъ-за лифа, онъ ничего не говорилъ; только когда она протянула ему нѣсколько мелкихъ бумажекъ, нѣсколько грязныхъ и полинялыхъ ассигнацій по десяти кронъ, которыя еще сохраняли теплоту ея тѣла и которыя ея честность не позволила ей оставить у себя хотя бы еще на одну ночь, — онъ заговорилъ съ ней и сталъ просить ее оставить деньги у себя.

Но тутъ въ душѣ ея, повидимому, снова проснулись подозрѣнія относительно его намѣреній; она недовѣрчиво посмотрѣла на него и сказала:

— Нѣтъ... Я не понимаю васъ...

Онъ рѣзкимъ движеніемъ поднялся со стула.

— Но зато я слишкомъ хорошо понимаю васъ, — отвѣтилъ онъ: — а потому я встаю и ухожу. Теперь вы успокоились?

— Да... Нѣтъ, вы не должны стоять у дверей.

И она протянула даже объ руки, чтобы помѣшать ему уйти. Эта странная дѣвушка слишкомъ боялась кого-нибудь обидѣть.

— У меня есть къ вамъ одна просьба, — заговорилъ Наягель, но онъ все-таки не сѣлъ. — Если бы вы только захотѣли, то вы могли бы сдѣлать мнѣ большое удовольствіе... и я отблагодарилъ бы васъ за это такъ или иначе. Я хотѣлъ попросить васъ прійти въ четвергъ вечеромъ на базаръ. Хотите сдѣлать мнѣ это удовольствіе? Это васъ развлечетъ, тамъ будетъ много народу, много свѣта, музыка, живыя картины. Ахъ, пожалуйста, придите, вы не раскаетесь въ этомъ! Вы смѣтаетесь? Почему вы смѣтаетесь? Но, Боже мой, какіе у васъ бѣлые зубы!

— Да развѣ я могу куда-нибудь пойти?—отвѣтила она.— Какъ вы могли подумать, что я куда-нибудь могу пойти? И зачѣмъ мнѣ туда идти, зачѣмъ вы хотите, чтобы я туда пошла?

Онъ объяснилъ ей все честно и откровенно: это просто причуда съ его стороны, и онъ уже давно думалъ объ этомъ, недѣли двѣ тому назадъ, но потомъ онъ забылъ и только теперь снова вспомнилъ. Она должна прійти, она должна быть также тамъ, онъ хочетъ во что бы то ни стало видѣть ее тамъ. Если она пожелаетъ, то онъ даже и разговаривать съ ней не будетъ, такъ что ей нечего бояться, что онъ будетъ надоѣдать ей,—онъ вовсе не хочетъ этого. Но ему доставило бы удовольствіе хоть разъ видѣть ее вмѣстѣ съ другими людьми, слышать ея смѣхъ, видѣть ее совсѣмъ молодой. Она должна непременно прійти, пожалуйста!

Онъ посмотрѣлъ на нее. Какой рѣзкій контрастъ представляли ея серебристые волосы съ ея черными глазами! Она нервно перебирала одной рукой пуговицы на лифтѣ, и эта слабая рука съ длинными пальцами была слегка сѣрватая, можетъ-быть, она была даже и не совсѣмъ чиста, но она производила какое-то необыкновенно цѣломудренное впечатлѣніе. На кисти рѣзко выдѣлялись двѣ голубыя жилки.

Да, сказала она, можетъ-быть, ей было бы и весело. Но у нея нѣтъ даже платья, ей нечего надѣть на такой вечеръ...

Онъ прервалъ ее: вѣдь до базара остается еще три дня, до четверга можно успѣть приготовить все необходимое. Времени еще довольно! Итакъ, рѣшено?

И мало-по-малу она сдалась.

Нельзя такъ хоронить себя, —увѣрялъ онъ ее: —отъ этого только проигрываешь. А кромѣ того, съ ея глазами, съ ея зубами... Нѣтъ, это прямо грѣшно! А эта мелочь, чтѣ лежитъ на столѣ, пусть пойдетъ на платье... Да, да, и нечего больше

объ этомъ говорить! Тѣмъ болѣе, что это его идея, а она согласилась на это противъ своей воли.

Онъ простился съ ней, по обыкновенію, коротко и спокойно, не давъ ей ни малѣйшаго повода къ какимъ-нибудь подозрѣніямъ. Но въ сѣняхъ, куда она вышла его проводить, она сама протянула ему еще разъ руку и поблагодарила за то, что онъ пригласилъ ее на базаръ. Она такъ давно уже нигдѣ не бывала, для нея это такъ непривычно. Но она, конечно, будетъ держать себя какъ слѣдуетъ...

Этотъ большой ребенокъ обѣщаль вести себя, какъ слѣдуетъ, хотя никто не просилъ его объ этомъ.

XVI.

Насталъ четвергъ; шелъ дождь, но открытіе базара все-таки состоялось подъ звуки музыки и при большомъ стеченіи публики. Весь городъ собрался тамъ, и даже изъ деревни пріѣхали желающіе принять участіе въ этомъ рѣдкомъ празднествѣ.

Когда около девяти часовъ Нагель вошелъ въ залу, то она была уже совершенно переполнена. Найдя себѣ свободное мѣсто въ концѣ залы, у дверей, Нагель нѣсколько минутъ стоялъ и слушалъ чью-то рѣчь. Онъ былъ очень блѣденъ, на немъ былъ его обычный гороховый костюмъ; но повязка съ руки была снята, раны на его рукѣ почти уже совершенно зажили.

У эстрады онъ увидалъ доктора Стенерсена съ женой; тутъ же направо отъ нихъ стоялъ и Минута съ нѣсколькими другими участвующими въ живыхъ картинахъ, только Дагни не было между ними.

Жара, стоявшая въ залѣ отъ множества свѣчей и массы народа, заставила Нагеля уйти оттуда; въ дверяхъ онъ столкнулся съ повѣреннымъ Рейнертомъ, которому поклонился, но тотъ отвѣтилъ ему едва замѣтнымъ кивкомъ. Нагель остался стоять въ коридорѣ.

Тутъ онъ увидалъ нѣчто, долго занимавшее потомъ его мысли и возбуждавшее его любопытство: налѣво отъ него открыта дверь въ боковую комнату, предназначенную для храненія верхняго платья публики, и при свѣтѣ лампы онъ ясно видитъ Дагни Кьелландъ, которая стоитъ тамъ и возится у его пальто, висящаго на вѣшалкѣ. Ошибиться онъ не могъ. Во всемъ городѣ не было больше такого ярко-гороховаго пальто; это было несомнѣнно его пальто, а кромѣ того, онъ хорошо помнилъ, что повѣсилъ его именно тамъ. Повидимому, она искала что-то и при этомъ безпрестанно проводила руками по

его пальто. Онъ сейчасъ же отвернулся, чтобы не застать ее врасплохъ и не смутить.

Это маленькое происшествіе взволновало его. Чего она искала и для чего она ощупывала его пальто? Это все время занимало его мысли, и онъ не могъ этого забыть. Богъ знаетъ, можетъ-быть, она хотѣла осмотрѣть его карманы и убѣдиться, нѣтъ ли при немъ огнестрѣльнаго оружія; можетъ-быть, она считала его способнымъ на все. А что, если она сунула ему въ карманъ письмо? У него въ головѣ дѣйствительно пронеслась эта радостная мысль. Нѣтъ, нѣтъ, она просто искала свое пальто, все это случайное совпаденіе; какъ ему могли прійти въ голову такія несбыточныя фантазіи!.. Однако, немного спустя послѣ того, какъ онъ увидалъ, что Дагни пробирается въ залу, онъ прошелъ въ переднюю и съ сильно бьющимся сердцемъ осмотрѣлъ карманы своего пальто. Письма въ нихъ не оказалось, онъ не нашелъ ничего, кромѣ своихъ перчатокъ и носового платка.

Въ залѣ раздался громъ аплодисментовъ. Рѣчь бургомистра, которую онъ произнесъ по случаю открытія базара, была окончена. Публика широкимъ потокомъ устремилась въ коридоры и боковыя комнаты и вообще туда, гдѣ было попрохладнѣе; всѣ садились вдоль стѣнъ и пили прохладительныя напитки. Одѣтыя кельнершами, въ бѣлыхъ передникахъ и съ салфетками подъ мышкой, нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ изъ городского общества хлопотливо ходили среди публики и разносили подносы и стаканы.

Нагелъ сталъ искать Дагни; ея нигдѣ не было видно. Онъ поздоровался съ фрѣкенъ Андресенъ, которая также была одѣта кельнершей, попросилъ вина, и она принесла ему шампанскаго.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Но вѣдь вы ничего другого не пьете, — сказала она съ улыбкой.

Это нѣсколько ядовитое вниманіе все-таки оживило его. Онъ попросилъ ее выпить съ нимъ вмѣстѣ стаканъ вина, и она сейчасъ же сѣла къ нему за столикъ, хотя у нея было много дѣла. Онъ поблагодарилъ ее за любезность, сдѣлавъ ей комплиментъ по поводу ея туалета и пришелъ въ восхищеніе отъ старинной броши, которая была приколата у нея къ вороту. Она была очень интересна въ этотъ вечеръ; ея продолговатое аристократическое лицо съ крупнымъ носомъ производило очень изящное впечатлѣніе, хотя и нѣсколько болѣзненное; и при этомъ ея лицо отличалось неподвижностью, и на немъ не отражалось никакикъ нервныхъ ощущеній. Она говорила съ

большимъ самообладаніемъ и выдержкой, вообще ея общество производило необыкновенно пріятное и успокаивающее впечатлѣніе, это была дама изъ общества,—женщина.

Когда она поднялась, онъ сказалъ:

— Сегодня вечеромъ здѣсь должна быть одна особа, которой я очень хотѣлъ бы оказать маленькое вниманіе,—это фрѣкенъ Гуде, Марта Гуде, не знаю, знакомы ли вы съ ней? Мнѣ говорили, что она уже пришла. Вы себѣ представить не можете, какъ мнѣ хотѣлось бы порадовать ее чѣмъ-нибудь; она такъ одинока. Минута рассказывалъ мнѣ кое-что о ней. Не разрѣшите ли вы мнѣ, фрѣкенъ, попросить ее сюда къ намъ? Конечно, только въ томъ случаѣ, если вы сами ничего противъ этого не имѣете?

— Ахъ, нѣтъ, напротивъ!—отвѣтила фрѣкенъ Андресенъ:— и я съ удовольствіемъ сама приведу ее; я знаю, гдѣ она сидитъ.

— Но вы сами тоже вернетесь?

— Да, благодарю васъ!

Въ то время, какъ Нагель сидѣлъ и ждалъ, въ комнату вошли повѣренный Рейнертъ, адъютантъ и Дагни. Нагель всталъ и поклонился. Дагни была также блѣдна, несмотря на жару; на ней было желтоватое платье съ короткими рукавами, а на шеѣ золотая цѣпочка, нѣсколько тяжеловатая, эта цѣпочка очень не шла къ ней. Она на минуту остановилась въ дверяхъ; одну руку она держала за спиной и перебирала пальцами свою косу.

Нагель подошелъ къ ней. Онъ въ страстныхъ выраженіяхъ сталъ просить ее простить ему его поведеніе въ пятницу; это было въ послѣдній разъ, больше онъ никогда ни въ чемъ не провинится. Больше у нея уже никогда не будетъ повода прощать ему что-нибудь. Онъ говорилъ тихо, сказалъ то, что надъ было сказать, и замолчалъ.

Она выслушала его, даже посмотрѣла на него, а когда онъ кончилъ, то сказала:

— Я уже почти совсѣмъ и забыла то, о чемъ вы говорите, да, я забыла это, я *хочу* забыть это.

Сказавъ это, она отошла отъ него. Уходя, она бросила на него совершенно равнодушный взглядъ.

Кругомъ стоялъ гулъ голосовъ, раздавался звонъ чашекъ и стакановъ, хлопанье пробокъ, смѣхъ, восклицанія, а изъ залы доносились звуки городского духового оркестра, который игралъ необыкновенно скверно...

Вскорѣ фрѣкенъ Андресенъ вернулась вмѣстѣ съ Мартой, съ ними пришелъ также и Минута; они усѣлись всѣ за сто-

ликъ Нагеля, гдѣ и просидѣли съ четверть часа. Фрѣкенъ Андресенъ вставала время отъ времени и подавала гостямъ кофе; въ концѣ концовъ она совсѣмъ ушла, такъ какъ у нея было слишкомъ много дѣла. Между тѣмъ исполненіе программы шло своимъ чередомъ: квартетъ пропѣлъ что-то, студентъ Эйенъ продекламировалъ громкимъ голосомъ свое собственное стихотвореніе, двѣ дамы исполнили что-то на роялѣ, и органистъ сыгралъ свое первое соло на скрипкѣ. Дагни все еще сидѣла въ обществѣ своихъ двухъ кавалеровъ. Наконецъ позвали и Минуту, его попросили помогать, онъ долженъ былъ доставать стаканы, чашки, бутерброды, — оказалось, что всего было заготовлено слишкомъ мало на такую массу народа.

Когда Нагель остался одинъ съ Мартой, то она также встала и хотѣла уйти. Она не могла сидѣть съ нимъ одна, она уже замѣтила, что повѣренный сдѣлалъ какое-то замѣчаніе на ихъ счетъ, и что фрѣкенъ Кьелландъ засмѣялась. Нѣтъ, лучше ей уйти.

Но Нагелю удалось уговорить ее выпить еще хоть одинъ маленькій стаканчикъ. Марта была одѣта вся въ черномъ; ея новое платье хорошо сидѣло, но оно не шло къ ней, оно старило эту дѣвушку съ оригинальной наружностью и слишкомъ рѣзко выдѣляло ея сѣдые волосы. Но глаза ея сверкали, а когда она смѣялась, ея лицо оживлялось и казалось совсѣмъ молодымъ.

Онъ сказалъ:

— Что же, вы веселитесь? Вы хорошо чувствуете себя сегодня?

— Да, благодарю васъ, — отвѣтила она: — мнѣ очень хорошо.

Онъ все время занималъ ее, стараясь приноравливаться къ ней, рассказалъ ей даже про какую-то исторію, надъ которой она очень смѣялась; онъ рассказалъ ей, какъ сдѣлался обладателемъ одного изъ самыхъ дорогихъ коровихъ колокольчиковъ своей коллекціи. Это сокровище, старинная вещь, которой нѣтъ цѣны! На колокольчикѣ выгравировано имя коровы, ее звали Эйстейнъ, но это былъ, навѣрное, быкъ...

Тутъ она начала хохотать. Она забыла, гдѣ она, и только качала головой и хохотала, какъ дитя, надъ этой жалкой остротой. Она вся сіяла отъ счастья.

— Подумайте, — сказалъ онъ: — мнѣ кажется, что Минута ревнуетъ васъ.

— Ахъ, нѣтъ, — отвѣтила она нерѣшительно.

— Такъ мнѣ показалось. А впрочемъ, я предпочитаю сидѣть съ вами вдвоемъ. Это такое наслажденіе слушать, какъ вы смѣтаетесь.

Она ничего не отвѣтила и опустила глаза.

Они продолжали разговаривать. Онъ все время сидѣлъ такъ, что ему былъ виденъ столъ, за которымъ сидѣла Дагни.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Фрѣкенъ Андресенъ опять подошла къ ней, сказала нѣсколько словъ, отпила нѣсколько глотковъ изъ своего стакана и ушла.

Вдругъ Дагни встала съ своего мѣста и подошла къ столику Нагеля.

— Какъ вы веселитесь здѣсь! — сказала она, и при этомъ ея голосъ слегка дрожалъ. — Здравствуйте, Марта! Надъ чѣмъ вы тутъ смѣетесь?

— Мы веселимся, какъ умѣемъ, — отвѣтилъ Нагель. — Я болтаю всякій вздоръ, а фрѣкенъ Гуде такъ снисходительна ко мнѣ, что даже смѣется... Не могу ли я предложить вамъ стаканъ вина?

Дагни сѣла.

Въ эту минуту изъ залы донесся громъ рукоплесканій, и это дало поводъ Мартѣ встать и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Она отходила все дальше и дальше и наконецъ крикнула, обернувшись назадъ:

— Тамъ фокусникъ, это я хочу видѣть! — И ушла.

Пауза.

— Вы покинули вашихъ кавалеровъ, — сказалъ Нагель и хотѣлъ еще что-то прибавить, но она прервала его:

— А ваша дама покинула васъ.

— Да, но она вернется. Не правда ли, какая своеобразная наружность у фрѣкенъ Гуде? Сегодня она веселится, какъ дитя.

На это Дагни ничего не отвѣтила, она спросила:

— Вы уѣзжали куда-нибудь?

— Да.

Пауза.

— Вы дѣйствительно находите, что здѣсь такъ весело сегодня вечеромъ?

— Я? Я даже понятія не имѣю о томъ, что здѣсь происходитъ, — отвѣтилъ онъ. — Я пришелъ сюда вовсе не для того, чтобы веселиться.

— А для чего же вы пришли сюда?

— Конечно, для того, чтобы увидать васъ, и на разстояніи, конечно, молча...

— Вотъ какъ. И для этого вы привели съ собой даму?

Онъ не понялъ ея словъ. Онъ смотрѣлъ на нее и обдумывалъ то, что она сказала.

— Вы намекаете на фрѣкенъ Гуде? Право, не знаю, что вамъ отвѣтить на это. Мнѣ такъ много говорили про нее, —

она изъ года въ годъ сидитъ у себя дома одна, и жизнь ея проходитъ безпросвѣтно, безъ единой маленькой радости. Я не приводилъ ее сюда съ собой, я только хотѣлъ ее занять немножко, чтобы она не скучала. Вотъ и все. Фрѣкенъ Андре-сенъ привела ее къ этому столику. Боже, какъ печальна жизнь этой женщины! Недаромъ она посѣдѣла...

— Надѣюсь, вы не думаете... вы не воображаете себѣ, что я ревную васъ? Если это такъ, то вы ошибаетесь! Да, я хорошо помню вашъ разсказъ объ одномъ сумасшедшемъ чело-вѣкѣ, который катался въ двадцати четырехъ коляскахъ; чело-вѣкъ этотъ з-заикался, какъ вы говорили, и онъ влюбился въ дѣвушку, которую звали Кларой. О, да, я хорошо помню все это. А такъ какъ Клара не хотѣла имѣть ничего общаго съ этимъ чело-вѣкомъ, то она не пожелала также, чтобы онъ достался ея горбатой сестрѣ. Я не знаю, для чего вы мнѣ это разсказывали, но вамъ это лучше знать, а мнѣ это все равно. Но заставить меня ревновать васъ — это вамъ не удастся, если вы только этого добиваетесь. Нѣтъ, это не удастся ни вамъ ни вашему з-заикѣ.

— Но, Боже мой, — сказалъ онъ: — вы, конечно, это гово-рите не серьезно.

Пауза.

— Нѣтъ, я говорю это совершенно серьезно, — отвѣтила она.

— Неужели вы думаете, что я поступалъ бы такъ, если бы захотѣлъ вызвать въ васъ ревность? Прійти сюда съ сорока-лѣтней дамой, бросить ее сейчасъ же, какъ только явились вы... нѣтъ, это было бы слишкомъ глупо съ моей стороны.

— Не знаю, было ли бы это умно или глупо съ вашей стороны, я знаю только, что вы поступили со мной преда-тельски и заставили меня пережить самыя мучительныя ми-нуты въ моей жизни, — я даже перестала понимать себя. Не знаю, глупы ли вы, я не знаю даже, въ полномъ ли вы умѣ; но я вовсе и не задумываюсь надъ этимъ, для меня совер-шенно безразлично, кто вы и что вы.

— Да, конечно, такъ это и есть, — сказалъ онъ.

— Да и почему бы это могло быть не безразлично для меня? — продолжала она, раздраженная его уступчивостью. — Какое мнѣ дѣло до васъ? Вы поступили неблагородно по отношенію ко мнѣ, а мнѣ еще за это интересоваться вами? Къ довершенію всего вы мнѣ еще разсказываете исторію, полную странныхъ намековъ; я увѣрена, что вы разсказали мнѣ о Кларѣ и ея сестрѣ не безъ задней мысли. И зачѣмъ вы преслѣдуете меня? Я говорю не о данной минутѣ, теперь я сама подошла къ вамъ; но вообще почему вы не оставляете

меня въ покоѣ? И вотъ теперь то обстоятельство, что я остановилась здѣсь на минуту и говорю съ вами, вы, конечно, объясните тѣмъ, что я не могла удержаться отъ этого, что для меня это такъ важно...

— Дорогая фрѣкенъ, повѣрьте, я ровно ничего не воображаю.

— Нѣтъ? Но чѣмъ я могу поручиться въ томъ, что вы говорите правду? Я вовсе не увѣрена въ этомъ. Я сомнѣваюсь въ васъ, я подозрѣваю васъ, не вѣрю вамъ, однимъ словомъ, я не знаю даже, кто вы такой. Очень возможно, что я теперь несправедлива къ вамъ, но хоть одинъ разъ можно и мнѣ быть злой. Я такъ устала отъ всѣхъ вашихъ намековъ и предположеній...

Онъ молчалъ и только медленно вертѣлъ свой стаканъ на столѣ. Только когда она еще разъ повторила, что не вѣритъ ему, онъ отвѣтилъ:

— Да, я это заслужилъ.

— Вы правы, — продолжала она: — и я вѣрю вамъ очень мало. У меня даже зародилось подозрѣнiе относительно вашихъ плечъ, я думала, что у васъ въ плечахъ подложена вата. Сознаюсь откровенно, что я недавно была въ той комнатѣ, гдѣ хранится платье, и осмотрѣла ваше пальто, не подложено ли у васъ чего-нибудь въ плечахъ. И хотя оказалось, что я на этотъ разъ ошиблась, и что плечи у васъ неподдѣльныя, это все-таки не уничтожило моего недоверiя, и съ этимъ я ничего не могу подѣлать. Напримѣръ, я увѣрена, что вы не погнушались бы какимъ угодно средствомъ, чтобы казаться на нѣсколько дюймовъ выше, вѣдь вы такого низкаго роста. Я увѣрена, что вы прибѣгли бы къ этому средству, если бы оно только существовало. Боже мой, но можно ли не питать къ вамъ недоверiя? Кто вы такой, въ сущности? И для чего вы прiѣхали сюда въ городъ? Вы даже живете не подъ своимъ собственнымъ именемъ, вѣдь ваше настоящее имя Симонсенъ, просто Симонсенъ и больше ничего! Это я узнала изъ гостиницы. Говорятъ, что къ вамъ прiѣзжала дама, которая была знакома съ вами раньше и назвала васъ Симонсенъ, прежде чѣмъ вы успѣли помѣшадь этому. Боже, какъ это смѣшно и какъ это гадко вмѣстѣ съ тѣмъ! По городу ходятъ слухи также относительно того, что вы развлекаетесь, давая маленькимъ мальчикамъ курить сигары, и устраиваете ни улицахъ одинъ скандалъ за другимъ. Говорятъ, между прочимъ, что, встрѣтивъ однажды на рынкѣ служанку, вы потребовали отъ нея чего-то, да, потребовали въ присутствiи нѣсколькихъ свидѣтелей. И, несмотря на все это, вы находите вполне естественнымъ дѣлать мнѣ объясненiя и по-

стоянно становиться мнѣ поперекъ дороги... Вотъ это-то больше всего и мучить меня, мучить невыразимо, что вы осмѣлились...

Она остановилась. Судорожное подергиваніе губъ выдало ея волненіе, она говорила горячо и искренно, она говорила то, что думала, и не давала ему никакой пощады. Наступило короткое молчаніе, наконецъ онъ сказалъ:

— Да, вы правы. Я причинилъ вамъ много страданій... Вполнѣ понятно, что если изъ дня въ день цѣлый мѣсяцъ слѣдить за человѣкомъ, придавать значеніе каждому его слову и подмѣчать каждый его поступокъ, то въ концѣ концовъ и найдешь что-нибудь дурное, къ чему можно придраться. Можно даже отнестись не совсѣмъ справедливо къ этому человѣку, но это пустяки, я не отрицаю этого. Городъ этотъ невеликъ, я нѣсколько бросаюсь въ глаза, за мной слѣдятъ и подсматриваютъ за каждымъ моимъ движеніемъ; этого не избѣжишь. Да я и не совсѣмъ такой, какимъ долженъ былъ бы быть.

— Боже мой! — сказала она рѣзко и коротко: — конечно, только потому, что этотъ городъ такъ малъ, васъ и замѣчаютъ, это такъ понятно. Въ большомъ городѣ вы были бы далеко не единственнымъ человѣкомъ, привлекающимъ на себя вниманіе.

Это холодное и необыкновенно вѣрное замѣчаніе вызвало въ первую минуту его искреннее восхищеніе. Онъ хотѣлъ даже высказать ей это въ нѣсколькихъ любезныхъ словахъ, но потомъ одумался. Она была слишкомъ возбуждена, слишкомъ недружелюбно настроена противъ него и слишкомъ низкаго мнѣнія о немъ. Это обидѣло его немного. Кѣмъ же онъ былъ собственно въ ея глазахъ? Самымъ обыкновеннымъ чужимъ человѣкомъ въ маленькомъ городкѣ, человѣкомъ, который обратилъ на себя вниманіе только тѣмъ, что онъ здѣсь чужой и ходитъ въ гороховомъ костюмѣ. Онъ сказалъ съ нѣкоторой горечью:

— Не говорятъ ли также, что я однажды написалъ неприличные стихи на одномъ надгробномъ камнѣ, — на надгробномъ камнѣ Мины Меекъ? Не подсмотрѣлъ ли кто-нибудь и этого? А между тѣмъ это правда, да, я это сдѣлалъ. Правда также и то, что я заходилъ въ здѣшнюю аптеку, въ аптеку этого городка, и попросилъ лѣкарства отъ дурной болѣзни, но мнѣ не дали ничего, такъ какъ названіе лѣкарства я написалъ на простой бумажкѣ, а тамъ требовали настоящаго докторскаго рецепта. Кстати, пока не забылъ: не рассказывалъ ли вамъ Минута, что я хотѣлъ подкупить его двумястами кронъ съ тѣмъ, чтобы онъ назвался отцомъ моего ребенка? Это тоже

истинная правда, Минута можетъ это подтвердить: Да, да, я могъ бы привести еще много фактовъ...

— Нѣтъ, это лишнее, и этого достаточно,—отвѣтила она зло.

И съ холоднымъ, жестокимъ выраженіемъ въ глазахъ, она напомнила ему о подложныхъ телеграммахъ, о мнимомъ богатствѣ, о футлярѣ для скрипки который онъ всюду возилъ съ собой, хотя у него не было скрипки и онъ даже не умѣлъ играть, — она напомнила ему о всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ обманывалъ, и не забыла даже медаль за спасеніе, которую онъ, по его собственнымъ словамъ, приобрѣлъ не совсѣмъ-то честнымъ образомъ. Она помнила все и не щадила его; въ это мгновеніе каждая мелочь получила въ ея глазахъ особенное значеніе, и она дала ему понять, что дѣйствительно вѣрить во всѣ некрасивыя выходки, тогда какъ прежде думала, что онъ только клеветаетъ на себя. Да, конечно, онъ двусмысленная и чрезвычайно дерзкая личность!

— И, несмотря на все это, — прибавила она:—вы все-таки стараетесь какъ-нибудь застигнуть меня врасплохъ и привести меня въ смущеніе, вызвать на безуміе; въ васъ нѣтъ ни стыда ни совѣсти, и вы заняты только самимъ собой, вы только и дѣлаете, что объясняетесь да объясняетесь...

Въ это мгновеніе ее прервалъ докторъ Стенерсенъ, который пришелъ изъ залы и былъ, повидимому, чѣмъ-то очень занятъ. Онъ былъ однимъ изъ распорядителей на базарѣ, и у него было много хлопотъ.

— Здравствуйте, господинъ Нагель! — сказалъ онъ. — Спасибо за тотъ вечеръ, — это было нѣчто дикое... Но послушайте, фрѣкенъ Кьелландъ, не опоздайте, вѣдь намъ сейчасъ придется ставить живыя картины.

И докторъ снова исчезъ.

Въ залѣ опять заиграла музыка, и въ публикѣ произошло движеніе. Дагни наклонилась впередъ и заглянула въ дверь, потомъ повернулась къ Нагелю и сказала:

— Вотъ Марта возвращается.

Пауза.

— Вы не слышали, что я сказала?

— Да, — отвѣтилъ онъ разсѣянно.

Онъ не поднялъ головы и продолжалъ вертѣть въ рукахъ полный стаканъ, ни разу не отпивъ изъ него; голова его все ниже и ниже склонялась надъ столомъ.

— Шш! — сказала она насмѣшливо: — вотъ снова заиграли. Не правда ли, когда слышишь такую музыку, то хочется сидѣть гдѣ-нибудь въ отдаленіи, въ сосѣдней комнатѣ, держа въ своей рукѣ руку возлюбленной, — такъ, кажется, вы когда-то

сказали? Мнѣ кажется, что это тотъ же самый вальсъ Ланнера, и когда Марта придетъ...

Но тутъ ее охватило вдругъ раскаяніе, и она пожалѣла о своихъ злыхъ словахъ. Она вдругъ замолкла, въ глазахъ ея появился мягкій блескъ, и она нервнымъ движеніемъ подвинулась на своемъ стулѣ. Онъ продолжалъ сидѣть передъ ней съ опущенной головой, и она видѣла только, какъ грудь его неровно и высоко поднималась. Она встала, взяла свой стаканъ и хотѣла уже что-нибудь сказать, нѣсколько ласковыхъ словъ, чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе. Она заговорила:

— Ну, теперь мнѣ надо идти.

Онъ бросилъ на нее быстрый взглядъ, всталъ и тоже взялъ свой стаканъ. Они оба выпили въ глубокомъ молчаніи. Онъ дѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы удержать дрожаніе руки, она видѣла также, какъ онъ боролся съ собой, чтобы придать своему лицу спокойное выраженіе. И вдругъ этотъ человекъ, котораго она только-что считала совершенно уничтоженнымъ, убитымъ ея ироніей, говоритъ очень вѣжливо и совершенно равнодушно:

— Ахъ, да, фрѣкенъ, не будете ли вы такъ любезны... вѣдь я васъ, вѣроятно, не увижу больше... не будете ли вы такъ добры при случаѣ, когда будете писать вашему жениху, напомнить ему о двухъ рубашкахъ, которыя онъ когда-то обѣщаль Минутѣ, года два назадъ. Прошу меня извинить, что я вмѣшиваюсь въ это дѣло, которое меня не касается, но вѣдь я это дѣлаю только ради Минуты. Надѣюсь, вы простите мнѣ мою смѣлость. Напишите ему только, что дѣло идетъ о двухъ шерстяныхъ фуфайкахъ, а ужъ онъ вспомнить.

Въ первое мгновеніе она совершенно остолебенѣла отъ изумленія, она стояла съ раскрытымъ ртомъ и смотрѣла на него, не находя словъ, даже забыла поставить стаканъ на столъ. Это продолжалось цѣлую минуту. Но потомъ она снова овладѣла собой, бросила на него взоръ, полный ярости и глубокаго возмущенія, и ея глаза дали уничтожающій отвѣтъ; она повернулась къ Нагелю спиной и сейчасъ же ушла. Уже дойдя до двери, она бросила свой стаканъ на послѣдній столікъ. Она исчезла въ залѣ.

Нагель сѣлъ. Плечи его снова начали вздрагивать, и онъ нѣсколько разъ хватался за голову. Онъ сидѣлъ, низко опустивъ голову. Когда Марта подошла къ нему, онъ вскопчилъ, и лицо его освѣтилось благодарнымъ взглядомъ; онъ подаль ей стулъ.

— Какая вы добрая, какая вы добрая! — сказалъ онъ.—

Сядьте здѣсь, я буду къ вамъ внимателенъ и буду вамъ рассказывать безъ конца, если вы только хотите. Вотъ увидите, какъ я буду развлекать васъ, если вы только сядете здѣсь. Дорогая, садитесь же! Но если вамъ захочется, то вы уйдете, только позвольте мнѣ пойти вмѣстѣ съ вами. Я никогда не причиню вамъ никакого огорченія, никогда! А теперь вы выпьете маленькій стаканчикъ вина, не правда ли? А я расскажу вамъ нѣчто очень веселое, чтобъ вы опять разсмѣялись. Я такъ радъ, что вы опять вернулись ко мнѣ. Боже, что за наслажденіе слышать, какъ вы смѣетесь, — вѣдь вы всегда такъ серьезны! Въ залѣ, вѣроятно, было не особенно весело, не правда ли? Мы лучше посидимъ здѣсь нѣкоторое время; къ тому же тамъ такъ жарко. Садитесь же!

Марта колебалась, но въ концѣ концовъ сѣла.

И Нагель начинаетъ говорить, рассказываетъ цѣлый рядъ смѣлиныхъ анекдотовъ и разныхъ приключеній, болтаетъ безъ удержу о томъ и о семъ, лихорадочно, съ неестественнымъ оживленіемъ, подъ страхомъ, что она уйдетъ, какъ только онъ перестанетъ говорить. Онъ постоянно мѣняется въ лицѣ, путается и хватается беспомощно за голову, чтобы снова обратиться съ мыслями. Марта находитъ, что онъ очень забавенъ, и хохочетъ въ невинности души. Она не скучаетъ, ея старое сердце наполняется радостью, и она даже сама увлекается разговоромъ. До чего она была наивна, и какое у нея было горячее сердце! Когда онъ сказалъ, что жизнь такъ невыразимо жалка, не правда ли?—то она отвѣтила: «Выпьемъ за жизнь!» И это сказала женщина, которая едва перебивалась, продавая яйца на рынкѣ. Она сказала, что жизнь вовсе не такъ дурна, что часто она бываетъ даже прекрасна.

— Часто жизнь бываетъ прекрасна! — сказала она.

— Да, вы правы, — отвѣтилъ онъ ей. — А теперь пойдите посмотрѣть живыя картины! Станемъ здѣсь въ дверяхъ, тогда мы можемъ снова сѣсть, когда вы захотите. Вамъ видно что-нибудь съ вашего мѣста? А то, хотите, я возьму васъ на руки?

Она засмѣялась и отрицательно покачала головой.

Едва онъ увидалъ на эстрадѣ Дагни, какъ веселость его исчезла; въ глазахъ его появилось застывшее выраженіе, и онъ уже не видалъ больше никого, кромѣ нея. Онъ слѣдилъ за тѣмъ, куда она смотрѣла, мѣрилъ ее взглядомъ съ головы до ногъ, наблюдалъ за выраженіемъ ея лица и замѣтилъ даже, что роза на ея груди равномерно поднималась и опускалась, поднималась и опускалась. Она стояла послѣднею въ группѣ участвующихъ на сценѣ, и ее легко было узнать, несмотря на

то, что она была въ костюмѣ. Фрѣкенъ Андресенъ сидѣла въ центрѣ группы,—она изображала королеву. Вся картина представляла собою нѣчто въ родѣ ребуса и была освѣщена краснымъ свѣтомъ; эта живая картина доставила много трудовъ доктору Стенерсену.

— Какъ это красиво! — шепнула Марта.

— Да... Чтò красиво? — спросилъ онъ.

— Картина... Вы развѣ не видите? Но куда вы смотрите?

— Да, это очень красиво.

Чтобы не возбудить въ ней подозрѣнія и не дать ей замѣтить, что онъ смотритъ только въ одну точку, онъ принялся разспрашивать ее о всѣхъ участвующихъ въ картинѣ, но едва ли слышалъ то, чтò она ему отвѣчала. Они смотрѣли до тѣхъ поръ, пока красный свѣтъ не сталъ потухать и занавѣсъ опустился.

Съ небольшими промежутками въ нѣсколько минутъ послѣдовали одна за другой всѣ пять живыхъ картинъ. Было уже двѣнадцать часовъ; Марта и Нагель продолжали стоять въ дверяхъ и смотрѣли на послѣднія картины. Когда занавѣсъ опустился и снова заиграла музыка, то они опять сѣли за столикъ и стали разговаривать. Ея доброта взяла верхъ, она все больше уступала ему и уже не заговаривала объ уходѣ.

Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ ходили между гостями съ записными книжками и продавали лотерейные билеты, на которые можно было выиграть куколь, качалки, вышивки, чайные столики и столовые часы. Шумъ и гулъ голосовъ все усиливался, всѣ говорили громко, не стѣсняясь больше. Вечеръ долженъ былъ окончиться только въ два часа.

Фрѣкенъ Андресенъ снова присѣла къ столу Нагеля. О, до чего она устала, до чего она устала! Да, спасибо, она съ удовольствіемъ выпьетъ полстакана! Но не позвать ли ей сюда также и Дагни?

И она пошла за Дагни. Вмѣстѣ съ Дагни пришелъ и Минута.

И тутъ произошло слѣдующее.

Вблизи нихъ опрокинулся столъ, нѣсколько чашекъ и стакановъ упало на полъ. Дагни испустила легкій крикъ и даже нервно ухватила за руку Марту. Потомъ она сама разсмѣялась надъ своимъ испугомъ и попросила извиненія, вся вспыхнувъ отъ волненія. Она была въ высшей степени возбуждена и смѣялась нервнымъ, короткимъ смѣхомъ; глаза ея сильно блестяли. Она уже накинула на себя верхнее платье и готовилась уйти, она ждала только адъюнкта, который долженъ былъ, по обыкновенію, проводить ее домой.

Но адъюнктъ, сидѣвшій вмѣстѣ съ повѣреннымъ и не вста-

вавший съ мѣста въ продолженіе цѣлаго часа, началъ сильно хмелѣть.

— Господинъ Нагель проводитъ тебя, Дагни, — сказала фрѣкенъ Андресенъ.

Дагни разразилась смѣхомъ.

Фрѣкенъ Андресенъ съ изумленіемъ посмотрѣла на нее.

— Нѣтъ, — отвѣтила Дагни: — съ господиномъ Нагелемъ я больше не рѣшусь итти! Чего только ему ни приходится въ голову! Между нами говоря, онъ попросилъ меня даже какъ-то о свиданіи. Увѣряю васъ! Подъ деревомъ, сказалъ онъ, подъ большой осиною, тамъ-то и тамъ-то! Нѣтъ, я нахожу, что господинъ Нагель слишкомъ ненадеженъ! Вотъ только-что онъ самымъ настоятельнымъ образомъ потребовалъ отъ меня пару шерстяныхъ фуфаякъ, которыя мой женихъ якобы общалъ когда-то Грѣгорду. А между тѣмъ оказывается, что самъ Грѣгордъ ровно ничего не знаетъ объ этомъ. Не правда ли, Грѣгордъ? Ха-ха-ха, ну, какъ вамъ это нравится?

Съ этими словами она быстро встала, продолжая еще смѣяться, и подошла къ адъютанту, которому начала что-то говорить. Повидимому, она просила его проводить ее.

Минута пришелъ въ сильное волненіе. Онъ пытался что-то сказать, хотѣлъ объясниться, но это ему не удалось, онъ запутался и замолчалъ. Онъ переводилъ испуганный взглядъ съ одного на другого и совершенно растерялся. Даже Марта была поражена и испугана; Нагель шепнулъ ей нѣсколько успокоительныхъ словъ и началъ снова наполнять стаканы. Фрѣкенъ Андресенъ сейчасъ же нашлась и заговорила о базарѣ: какая масса публики, несмотря на дождливую погоду! О, у нихъ, навѣрное, будетъ большой сборъ, расходы ужъ не такъ велики...

— Кто была та красивая дама, что играла на арфѣ? — спросилъ Нагель. — Та, у которой байроновскій ротъ, а въ волосахъ серебряная стрѣла?

— Она пріѣзжая, она пріѣхала въ городъ только на нѣкоторое время. Развѣ ужъ она такъ красива?

Да, онъ находитъ ее красивой. И Нагель сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ относительно этой дамы, но всѣ прекрасно видѣли, что думаетъ онъ совсѣмъ о другомъ. Что его занимаетъ? Почему онъ вдругъ наморщилъ лобъ, и почему на лицѣ у него появилось горькое выраженіе? Онъ медленно вертѣлъ въ рукахъ свой стаканъ. Но вотъ Дагни вернулась и снова остановилась у ихъ столика. Она стоитъ за стуломъ фрѣкенъ Андресенъ, застегиваетъ перчатки и говоритъ своимъ прекраснымъ, мелодичнымъ голосомъ:

— Но скажите, пожалуйста, господинъ Нагель, что собственно у васъ было на умѣ, когда вы меня просили о свиданіи? О чемъ вы думали? Пожалуйста, скажите это теперь.

— Дагни, что съ тобой? — шепчетъ фрёкенъ Андресенъ, поднимаясь съ мѣста.

Минута тоже встаетъ. Всѣ крайне смущены. Нагель поднялъ голову, на лицѣ его нельзя было прочесть особеннаго волненія, но всѣ замѣтили, что онъ выпустилъ изъ рукъ стаканъ, тяжело дышалъ и раза два крѣпко стиснулъ свои руки. Что онъ сдѣлаетъ? Что значить, что онъ слегка улыбнулся и потомъ снова сталъ серьезень? Къ общему удивленію, онъ отвѣтилъ совершенно спокойнымъ голосомъ:

— Зачѣмъ я васъ просилъ объ этомъ свиданіи, фрёкенъ Кьелландъ? Не предпочитаете ли вы, чтобы я пощадилъ васъ и не отвѣчалъ вамъ на этотъ вопросъ? Я уже доставилъ вамъ такъ много непріятностей. Я искренно сожалѣю объ этомъ и, видитъ Богъ, готовъ былъ бы пойти на все, чтобы этого не было. Но зачѣмъ я въ тотъ разъ просилъ васъ о свиданіи, это вы и сами прекрасно понимаете, я не скрывалъ своихъ побужденій, хотя мнѣ и слѣдовало бы это сдѣлать. Вы должны простить мнѣ, больше я ничего не могу сказать...

Онъ остановился. Она также не произнесла больше ни слова. Видно было, что она ожидала отъ него другого отвѣта. Тутъ подоспѣлъ наконецъ адъюнктъ и положилъ конецъ этой непріятной сценѣ. Онъ былъ сильно возбужденъ отъ выпитаго вина и даже нетвердо держался на ногахъ.

Дагни взяла его подъ-руку и направилась съ нимъ къ выходу.

Послѣ ея ухода маленькое общество сразу оживилось, всѣ вздохнули свободнѣе. Марта стала беззаботно смѣяться и весело хлопала въ ладоши безъ всякаго повода. Иногда, когда она ловила себя на томъ, что слишкомъ много и слишкомъ громко смѣется, она краснѣла и умолкала, испуганно оглядываясь на другихъ, не замѣтилъ ли кто-нибудь этого? Это очаровательное смущеніе, поминутно овладѣвавшее ею, приводило Нагеля въ восхищеніе, и онъ дурачился безъ конца только для того, чтобы поддержать ея веселое настроеніе. Между прочимъ, ему пришло въ голову сыграть «Старика Ноя» на пробкѣ, которую онъ зажалъ между зубами.

Къ ихъ обществу присоединилась также и фру Стенерсенъ. Она заявила, что не двинется съ мѣста до тѣхъ поръ, пока все не кончится. Оставался еще одинъ номеръ, должны были выступить два гимнаста, и она во что бы то ни стало хотѣла видѣть ихъ. Да, ужъ у нея была такая привычка: всегда си-

дѣтъ до самаго конца; вѣдь ночь еще такъ длинна, а на нее всегда нападала грусть, когда она возвращалась домой и оставалась одна. Не пойдутъ ли они всѣ въ залу посмотрѣть на гимнастовъ?

Всѣ отправились въ залу.

Вдругъ по среднему проходу залы идетъ высокій бородатый человѣкъ. Въ рукахъ у него футляръ отъ скрипки. Это органистъ, онъ сыгралъ свой послѣдній номеръ и отправляется домой. Онъ останавливается, кланяется Нагелю и заговариваетъ съ нимъ о скрипкѣ. Минута былъ у него и хотѣлъ купить скрипку; но онъ никакъ не могъ продать ее, потому что эта скрипка досталась ему по наслѣдству, она была для него живымъ человѣкомъ, и онъ привязался къ ней всѣмъ сердцемъ. На ней написано также его имя, Нагель самъ можетъ убѣдиться въ этомъ, — нѣтъ, эта скрипка не простая, не обыкновенная... И онъ осторожно открываетъ футляръ.

Вотъ онъ лежитъ тутъ, этотъ изящный темно-коричневый инструментъ, тщательно завернутый въ чехоль изъ розоваго шелка, съ ватой на струнахъ.

— Не правда ли, какъ эта скрипка красива? А вотъ эти три буквы изъ маленькихъ рубиновъ на самомъ концѣ грифа означаютъ: Густавъ-Адольфъ Кристенсенъ. Нѣтъ, продать такую скрипку — это прямо грѣшно! Чѣмъ же тогда коротать дни, когда на тебя нападаетъ тоска? Другое дѣло, если бы разговоръ шелъ о томъ, чтобы поиграть на ней, провести нѣсколько разъ смычкомъ...

Нѣтъ, Нагель отказался пробовать скрипку.

Но органистъ уже вынулъ инструментъ изъ футляра и въ то время, какъ гимнасты исполняли свои послѣднія упражненія и публика аплодировала имъ, онъ продолжалъ говорить о своей замѣчательной скрипкѣ, которая переходила по наслѣдству вотъ уже въ четвертое поколѣнiе. Она легка, какъ перышко, возьмите ее въ руки...

И Нагель также находитъ, что она легка, какъ перышко. Но когда скрипка очутилась у него въ рукахъ, онъ началъ вертѣть ее и трогать струны. И съ видомъ знатока онъ сказалъ:

— Это Миттельвальдеръ, насколько я вижу.

Но ему вовсе не трудно было догадаться, что это Миттельвальдеръ, такъ какъ на днѣ скрипки это было напечатано; такъ для чего же тогда этотъ напускной видъ знатока? Когда гимнасты удалились со сцены и аплодисменты прекратились, онъ вдругъ всталъ съ мѣста. Онъ ничего не говоритъ, не произносить ни слова и только протягиваетъ руку за смычкомъ. Въ слѣдующее мгновенiе, въ то время, какъ всѣ встаютъ со

своихъ мѣсть и собираются покинуть залу, въ то время, какъ поднялся шумъ и раздались громкіе разговоры, онъ вдругъ начинаетъ играть, и мало-по-малу вокругъ него водворяется тишина. Этотъ приземистый, широкоплечій человѣкъ, который выступилъ вдругъ посреди залы въ своемъ бросающемся въ глаза костюмѣ, привелъ всѣхъ въ величайшее изумленіе. Но что онъ игралъ? Какой-то романсъ, баркароллу, танецъ, венгерскій танецъ Брамса, какое-то страстное поурри, — это была игра, полная своеобразныхъ и проникающихъ въ душу звуковъ, которая наполнила собою всю залу. Онъ склонилъ голову совсѣмъ набокъ, и вся его фигура производила какое-то таинственное впечатлѣніе; его внезапное выступленіе сверхъ программы посреди залы, гдѣ уже было довольно темно, его странная вѣдливость и его бѣшеная техника, — все это привело въ изумленіе присутствующихъ и произвело на нихъ впечатлѣніе какого-то волшебства. Онъ игралъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, и публика не двигалась съ мѣста. Его игра перешла вдругъ въ высокій паѳосъ, а потомъ онъ заигралъ нѣчто бравурное, напоминавшее фанфару. Онъ стоялъ неподвижно, только его правая рука быстро двигалась, а голова была наклонена къ плечу. Такъ какъ онъ выступилъ совершенно неожиданно даже для устроителей базара, то неудивительно, что онъ взялъ штурмомъ этихъ равнодушныхъ горожанъ и крестьянъ; они были застигнуты врасплохъ и не успѣли отдать себѣ ни въ чемъ отчета, а потому его игра произвела на нихъ особенно сильное впечатлѣніе, она произвела удивительный эффектъ, несмотря на то, что онъ игралъ съ небрежной стремительностью. Но не прошло четырехъ или пяти минутъ, какъ онъ нѣсколько разъ рѣзко провелъ смычкомъ по струнамъ, — послышалось какое-то завываніе, какой-то невѣроятный стонъ, отъ котораго всѣ присутствующіе пришли въ полное недоумѣніе; еще три-четыре такихъ же вопля, и онъ вдругъ оборвалъ свою игру. Онъ опустилъ скрипку и стоялъ, не двигаясь.

Прошла цѣлая минута, прежде чѣмъ слушатели опомнились. Наконецъ всѣ начали аплодировать долго и бурно, раздались крики: «браво», и всѣ повскакали со своихъ мѣсть. Органистъ съ глубокимъ поклономъ принялъ изъ рукъ Нагеля свою скрипку, ошупалъ ее и бережно положилъ въ футляръ; потомъ онъ пожалъ руку Нагеля и горячо поблагодарилъ его. Вокругъ нихъ стоялъ шумъ и гамъ. Докторъ Стенерсенъ приближалъ, задыхаясь, схватилъ Нагеля за руку и воскликнулъ:

— Господи Боже ты мой, милый мой, да вѣдь вы играете!.. Оказывается, что вы все-таки играете.

Фрѣкенъ Андресенъ, которая сидѣла ближе всѣхъ къ Нагелю, сказала, глядя на него съ величайшимъ изумленіемъ:

— Но вѣдь вы говорили, что не умѣете играть?

— Но вѣдь такъ это и есть, — отвѣтилъ онъ. — Развѣ это игра, о которой стѣдуетъ говорить? Я въ этомъ сознаюсь откровенно. Если бы вы знали, какъ эта игра ничтожна, какъ она несерьезна. Но не правда ли, моя игра производила впечатлѣніе чего-то серьезнаго и настоящаго? Хе-хе-хе, надо морочить людей, не надо стѣсняться! Но не пойти ли намъ снова къ нашимъ стаканамъ? Не будете ли вы такъ добры попросить фрѣкенъ Гуде пойти съ нами?

И они пошли въ сосѣдную комнату. Всѣ были еще заняты этимъ таинственнымъ человѣкомъ, который такъ неожиданно поразилъ ихъ. Даже повѣренный Рейнертъ остановился на одно мгновеніе и сказалъ Нагелю какъ бы мимоходомъ:

— Я долженъ еще поблагодарить васъ за то, что вы были такъ любезны и пригласили меня нѣсколько дней назадъ на холостую пирушку. Я не могъ прійти, я былъ занятъ въ этотъ вечеръ; но я очень благодаренъ вамъ, это было въ высшей степени любезно съ вашей стороны.

— Но почему вы закончили такими ужасными звуками?— спросила фрѣкенъ Андресенъ.

— Право, не знаю, — отвѣтилъ Нагель. — Такъ вышло. Я хотѣлъ наступить дьяволу на хвостъ...

Докторъ Стенерсенъ снова подошелъ къ нему и сказалъ комплиментъ по поводу его игры, и Нагель опять отвѣтилъ, что все это только одна комедія и пустое шарлатанство, рассчитанное на грубый эффектъ. Если бы онъ только могъ себя представить, какъ это было скверно! Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даже фальшивилъ, да и почти все время онъ игралъ нѣсколько фальшиво, самъ онъ хорошо замѣтилъ это, но лучше онъ играть не могъ, такъ какъ уже давно не упражнялся.

Вокругъ столика, за которымъ сидѣлъ Нагель, собиралось все больше и больше народа; Нагель сидѣлъ до послѣдней минуты. Публика уходила, въ залѣ начали гасить свѣчи, когда это маленькое общество наконецъ встало. Было уже половина третьяго.

Нагель наклонился къ Мартѣ и шепнулъ:

— Не правда ли, вы позволите мнѣ проводить васъ домой? Я долженъ сказать вамъ кое-что.

Онъ торопливо уплатилъ по счету, попрощался съ фрѣкенъ Андресенъ и вышелъ съ Мартой. У нея не было никакого верхняго платья, ничего, кромѣ зонтика, да и этотъ она старалась скрыть, потому что онъ весь былъ въ дырахъ. Когда

они выходили на улицу, то Нагель замѣтилъ, что Минута смотритъ имъ вслѣдъ долгимъ, полнымъ скорби взглядомъ. На его блѣдномъ лицѣ было странное выраженіе.

Они пошли къ дому Марты. Нагель внимательно оглядывался кругомъ, но никого не увидѣлъ. Онъ сказалъ:

— Если бы вы рѣшились пустить меня къ себѣ на нѣсколько минутъ, я былъ бы вамъ крайне благодаренъ.

Она колебалась.

— Уже такъ поздно, — отвѣтила она.

— Вѣдь вы знаете, что я общалъ вамъ никогда ничѣмъ не огорчать васъ. Но мнѣ необходимо поговорить съ вами.

Она отворила дверь.

Когда они вошли въ комнату, она стала зажигать свѣчу, а онъ въ это время завѣшивалъ чѣмъ-то окно. Когда она зажгла свѣчу, онъ сказалъ:

— Что же, вы веселились сегодня?

— Да, благодарю васъ! — отвѣтила она.

— А впрочемъ, я не объ этомъ хотѣлъ съ вами говорить. Но сядьте немного поближе ко мнѣ. Вамъ совсѣмъ незачѣмъ бояться меня. Общайте, что вы не будете бояться меня. Хорошо, такъ дайте мнѣ на этомъ руку.

Она протянула ему руку, которую онъ удержалъ въ своей.

— И вы не думаете, что я лгу, что я васъ буду обманывать? Нѣтъ? Я хочу вамъ сказать кое-что... Такъ, значить, вы не думаете, что я буду обманывать васъ?

— Нѣтъ.

— Я объясню вамъ все послѣдовательно... Ну, насколько вы вѣрите мнѣ? Я хочу сказать: какъ далеко простирается ваше довѣріе ко мнѣ? Ахъ, глупости! Что я за вздоръ болтаю! Но дѣло въ томъ, что мнѣ такъ трудно объяснить вамъ это. Повѣрите ли вы мнѣ, на примѣръ, если я вамъ скажу, что вы... что вы очень нравитесь мнѣ? Да вы это, конечно, и сами замѣтили. Но если я пойду еще дальше, я хочу сказать... Поймите, я просто хочу попросить васъ быть моей женой. Да, женой, ну, вотъ теперь я сказалъ это. Не только моей возлюбленной, но моей женой... Но, Боже, какъ вы испугались! Нѣтъ, нѣтъ, не отнимайте вашей руки; я объясню все какъ слѣдуетъ, вамъ все станетъ ясно. Представьте себѣ такую возможность, что вы не ослышались: что я дѣйствительно безъ дальнѣйшихъ разсужденій дѣлаю вамъ предложеніе, и что мною руководятъ самыя серьезныя намѣренія, — сперва представьте себѣ такую возможность, а затѣмъ позвольте мнѣ продолжать. Хорошо! Сколько вамъ лѣтъ? Впрочемъ, я вовсе не хотѣлъ спрашивать этого; но дѣло въ томъ,

что мнѣ самому двадцать девять лѣтъ, я уже вышелъ изъ того возраста, когда люди бываютъ легкомысленны. Вы, вѣроятно, года на четыре, или лѣтъ на пять, на шесть старше меня, но это ровно ничего не значить...

— Я на двѣнадцать лѣтъ старше васъ, — сказала она.

— На двѣнадцать лѣтъ старше! — Онъ былъ въ восторгѣ отъ того, что она слѣдитъ за его словами, что она еще не потеряла способность соображать.—Итакъ, вы на двѣнадцать лѣтъ старше меня, это очень хорошо, это прямо великолѣпно! Да, и вы предполагаете, что эти двѣнадцать лѣтъ могутъ представлять собою какое-нибудь препятствіе? Если вы такъ думаете, то это безразсудство съ вашей стороны! Но дѣло не въ томъ; если бы вы даже были на трижды двѣнадцать лѣтъ старше меня, то чтѣ же изъ этого, разъ я полюбилъ васъ, и разъ каждое слово, которое я произношу въ эту минуту, истинная правда? Я долго думалъ объ этомъ, впрочемъ, не очень долго, но все-таки нѣсколько дней, и я не лгу; вѣрьте мнѣ, ради Бога, я такъ прошу васъ объ этомъ. Я думалъ объ этомъ много дней и не спалъ по ночамъ изъ-за этого. У васъ такіе удивительные глаза, и я почувствовалъ къ нимъ влеченіе съ перваго же раза, какъ увидалъ васъ. Дѣло въ томъ, что пара глазъ можетъ увлечь меня на край свѣта; ахъ, когда-то одинъ старикъ заставилъ меня полъ-ночи кружить по лѣсу, и только необъяснимой силой своихъ глазъ. Онъ былъ сумасшедшій... А впрочемъ, это къ дѣлу не относится! Но ваши глаза произвели на меня неотразимое впечатлѣніе. Помните, вы какъ-то стояли разъ здѣсь посреди комнаты и смотрѣли на меня, когда я проходилъ мимо вашего окна? Вы не поворачивали головы вслѣдъ за мной, вы слѣдили за мной только глазами,—этого я никогда не забуду. А позже, когда я встрѣтился съ вами и вы поговорили со мной, меня тронула ваша улыбка. Не помню, чтобы я встрѣчалъ когда-нибудь другого человѣка, который смѣялся бы такъ сердечно и искренно, какъ вы. Но вы сами этого, конечно, не сознаете! Вся прелесть и заключается именно въ томъ, что вы не сознаете этого сами... Однако я болтаю, кажется, ужасный вздоръ. Я самъ это понимаю; но у меня такое чувство, будто я долженъ говорить безостановочно, иначе вы мнѣ не повѣрите, и это сбиваетъ меня съ толку. Но если бы я только былъ увѣренъ въ томъ, что вы не сидите, какъ на иголкахъ... я хочу сказать, если бы я былъ увѣренъ въ томъ, что вы не готовы каждую минуту встать и уйти, то мнѣ было бы гораздо легче говорить съ вами. Пожалуйста, дайте мнѣ опять вашу руку, тогда я буду говорить яснѣе. Вотъ такъ, благо-

дарю васъ... Поймите, что у меня нѣтъ никакихъ другихъ намѣреній по отношенію къ вамъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ я уже сказалъ; у меня нѣтъ никакихъ заднихъ мыслей. А потому я не понимаю, что васъ собственно такъ поражаетъ въ моихъ словахъ? Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ пришла въ голову эта странная мысль. Вы не можете понять, что я—что я—хочу... и вы думаете, что это невозможно? Не правда ли, вотъ о чемъ вы размышляете?

— Да... Но, Боже мой, оставимъ это!

— Однако, послушайте, я, право, не заслужилъ, чтобы вы подозрѣвали меня въ обманѣ...

— Нѣтъ,—сказала Марта въ порывѣ раскаянія:—я не подозрѣваю васъ ни въ чемъ; но вѣдь это вообще невозможно.

— Почему это невозможно? Вы связаны словомъ съ кѣмъ-нибудь другимъ?

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Потому что, если вы связаны съ кѣмъ-нибудь другимъ — скажемъ, на примѣръ, чтобы назвать кого-нибудь, съ Минутой...

— Нѣтъ!—воскликнула она громко. И при этомъ она даже крѣпко сжала его руку.

— Нѣтъ? Ну, хорошо. Въ такомъ случаѣ, съ этой стороны нѣтъ никакого препятствія. Позвольте же мнѣ теперь продолжать. Не думайте, что я стою настолько выше васъ, что это можетъ служить препятствіемъ. Я ничего не хочу скрывать отъ васъ. Я во многихъ отношеніяхъ не такой, какимъ долженъ былъ бы быть; впрочемъ, не далѣе, какъ сегодня вечеромъ, вы слышали, что фрѣкенъ Кьелландъ говорила про меня. Можетъ-быть, вы слышали и отъ другихъ здѣсь въ городѣ, какой я дурной человѣкъ во многихъ отношеніяхъ. Правда, что ко мнѣ могутъ отнести иногда не совсѣмъ справедливо; но въ общемъ люди правы. У меня дѣйствительно много крупныхъ недостатковъ. Итакъ, вы съ вашей чистой совѣстью и дѣтской душой стоите несравненно выше меня, а не наоборотъ. Но я обѣщаю всегда быть добрымъ по отношенію къ вамъ, вѣрьте мнѣ, и для меня это будетъ не трудно, потому что для меня будетъ величайшей радостью видѣть васъ счастливой и довольной... Кромѣ того, я долженъ вамъ сказать и еще кое-что: можетъ-быть, вы боитесь того, что будутъ говорить въ городѣ? Во-первыхъ, городу придется примириться съ тѣмъ, что вы станете моей женой,—хотя бы въ здѣшней церкви, если вы этого пожелаете. А во-вторыхъ, въ городѣ и безъ того уже достаточно говорятъ; едва ли можно предполагать, что осталось незамѣченнымъ то обстоятельство,

что я раза два видѣлся съ вами и сегодня вечеромъ былъ вмѣстѣ съ вами на базарѣ. Значить, въ этомъ отношеніи хуже не будетъ. Да и не все ли это равно? И вы должны стать въ высшей степени равнодушной къ тому, что говорятъ люди... Вы плачете? Дорогая, неужели вамъ непріятно, что я сдѣлалъ васъ предметомъ пересудовъ сегодня вечеромъ?

— Нѣтъ, я плачу не отъ того.

— Но отчего же?

Она ничего не отвѣтила.

Тогда ему приходитъ что-то въ голову, и онъ спрашиваетъ:

— Вы, можетъ-быть, находите, что я дурно поступаю по отношенію къ вамъ? Скажите: вѣдь вы немного выпили шампанскаго? Не болѣе двухъ стакановъ? Можетъ-быть, вы думаете, что я хочу воспользоваться благоприятной минутой и тѣмъ, что вы выпили глотокъ шампанскаго, для того, чтобы скорѣе вынудить у васъ согласіе? Вы поэтому плачете?

— Нѣтъ, нѣтъ, вовсе не изъ-за этого.

— Такъ почему же вы плачете?

— Я сама не знаю.

— Но, я надѣюсь, вы не думаете, что я сижу здѣсь съ какимъ-нибудь злымъ умысломъ противъ васъ? Клянусь Богомъ, что я совершенно искрененъ,—повѣрьте мнѣ наконецъ!

— Да, я вѣрю вамъ; но я сама себя не понимаю, со мной произошло что-то странное. Вы не можете... не можете хотѣть этого.

Да, онъ хочетъ этого! И онъ еще разъ начинаетъ убѣждать ее и уговариваетъ, держа ее маленькую, слабую руку въ своей въ то время, какъ дождь барабанить въ стекла. Онъ говоритъ очень тихо, стараясь примѣниться къ ея понятіямъ, а иногда болтаетъ совсѣмъ по-дѣтски. О, они устроятся прекрасно! Они уѣдутъ, уѣдутъ куда-нибудь далеко, куда глаза глядятъ; главное, надо запрятаться такъ, чтобы никто не нашелъ ихъ. Не правда ли, такъ они и сдѣлаютъ? Потомъ они купятъ небольшой домикъ съ клочкомъ земли гдѣ-нибудь въ лѣсу, въ великолѣпномъ лѣсу; и они будутъ владѣть этимъ клочкомъ земли и назовутъ его «Эдемомъ», и его домъ будетъ для него святыней,—о, какъ онъ будетъ поклоняться ему! Но можетъ случиться, что по временамъ онъ будетъ грустить; да, дорогая, это возможно; мало ли что ему можетъ прійти на умъ, въ его памяти можетъ воскреснуть какое-нибудь горькое воспоминаніе,—вѣдь это легко можетъ случиться! Но тогда она будетъ съ нимъ терпѣлива, не правда ли? Онъ, конечно, не будетъ давать ей этого слишкомъ чувствовать, никогда, это онъ обѣщаетъ. Онъ будетъ спокойно сидѣть одинъ и будетъ стараться побороть это въ себѣ, или же онъ будетъ уходить далеко въ

лѣсъ и затѣмъ возвращаться черезъ нѣкоторое время. Но никогда въ ихъ домѣ не будетъ произнесено жестокаго или хотя бы рѣзкаго слова, нѣтъ, никогда! И они украсятъ свой домъ самыми прекрасными, дикими растеніями, мхомъ и камнями; полъ они будутъ посыпать можжевельникомъ, онъ самъ будетъ приносить его изъ лѣсу. А на Рождествѣ они никогда не будутъ забывать привязывать снаружи снопъ ржи для маленькихъ птичекъ. Подумать только, какъ незамѣтно для нихъ будетъ проноситься время, и какъ они будутъ счастливы! Они всегда будутъ неразлучны, они будутъ вмѣстѣ уходить, вмѣстѣ возвращаться и никогда не будутъ разставаться. А лѣтомъ они будутъ дѣлать далекія прогулки и наблюдать, какъ деревья и травы растутъ изъ года въ годъ. Боже, сколько добра они будутъ дѣлать для чужихъ и для странниковъ, которые, быть-можетъ, будутъ проходить мимо ихъ дома. Но у нихъ будетъ также и скоть, пара крупныхъ, прекрасныхъ животныхъ, которыхъ они выучатъ ѣсть изъ своихъ рукъ; въ то время, какъ онъ будетъ копать и рыть землю, она будетъ смотрѣть за животными...

— Да, — отвѣтила Марта.

Это невольно вырвалось у нея, и онъ услышалъ ея восклицаніе. Онъ продолжалъ:

Потомъ разъ или два раза въ недѣлю они будутъ устраивать себѣ праздникъ и уходить вмѣстѣ на охоту или на рыбную ловлю, вдвоемъ, рука объ руку, она въ короткомъ платьѣ, съ кушакомъ вокругъ талии, а онъ въ блузѣ и башмакахъ съ пряжками. Какъ они будутъ пѣть, громко разговаривать и перекликаться! Эхо такъ и будетъ разноситься по лѣсу! Но не правда ли? Рука объ руку?

— Да, — сказала она.

Мало-по-малу онъ увлекъ ее; онъ рисовалъ ей такую живую картину, онъ не забылъ ничего, ни одной мелочи. Онъ упомянулъ даже о томъ, что необходимо найти такое мѣсто, гдѣ легко доставать воду. Но ужъ объ этомъ онъ позаботится, онъ все устроитъ; пусть она только имѣетъ довѣріе къ нему. О, у него достаточно силы для того, чтобы расчистить мѣсто для ихъ дома въ самомъ глухомъ лѣсу, у него два здоровыхъ кулака, вотъ, она сама видитъ!.. И онъ со смѣхомъ наложилъ ея нѣжную дѣтскую ручку на свою ладонь.

Она совсѣмъ подчинилась ему, и онъ дѣлалъ съ ней все, что хотѣлъ; даже когда онъ погладилъ ее по щекѣ, она не двинулась и только смотрѣла на него. Наконецъ онъ спросилъ ее, приблизивъ свои губы къ ея уху, согласна ли она. И она прошептала ему «да» задумчиво и мечтательно. Но вслѣдъ

затѣмъ ею снова овладѣли сомнѣнія: нѣтъ, если подумать хо-рошенько, то это все-таки невозможно. Какъ можетъ онъ же-лать этого? Чтѣ она такое?

И снова онъ началъ доказывать ей, что онъ этого дѣйстви-тельно хочетъ, хочетъ всѣми силами своей души. Она не бу-детъ терпѣть нужды, если даже нѣкоторое время дѣла ихъ пойдутъ плохо; онъ будетъ работать за нихъ обоихъ, ей не-чего бояться. Онъ говорилъ цѣлый часъ и шагъ за шагомъ побуждалъ ея сопротивленіе. Въ теченіе этого часа ею два раза овладѣвало сомнѣніе, она закрывала лицо руками и кри-чала: «Нѣтъ, нѣтъ», и затѣмъ она снова уступала, пристально всматривалась въ его лицо и убѣждалась въ томъ, что въ немъ вовсе не было желанія одержать минутную побѣду. Ну, пусть будетъ такъ, разъ онъ этого хочетъ! Она была побѣ-ждена, дольше бороться было бесполезно, въ концѣ концовъ она сказала ему ясно и рѣшительно: «Да».

Свѣча, воткнутая въ бутылку, начала догорать; они продол-жали сидѣть, каждый на своемъ стулѣ, держа другъ друга за руки, и говорили. Она была взволнована и растрогана, на гла-захъ у нея поминутно навертывались слезы, но она все-таки улыбалась.

Онъ сказалъ:

— Я вспомнилъ о Минутѣ, я увѣренъ, что онъ ревновалъ на базарѣ.

— Да, — отвѣтила она: — можетъ-быть, это и такъ. Но тутъ ужъ ничего не подѣлаешь.

— Да, конечно, тутъ ужъ ничего не подѣлаешь!.. Послу-шай, мнѣ такъ хотѣлось бы порадовать тебя чѣмъ-нибудь, но чѣмъ? О, мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты прижала руки къ сердцу отъ восторга! Скажи, чего ты хочешь, требуй чего угодно! Ахъ, ты слишкомъ добра, дорогой другъ, ты никогда ни о чемъ не просишь! Да, да, Марта, не забывай никогда того, чтѣ я теперь тебѣ скажу: я буду охранять тебя, я постараюсь отгадывать твои желанія и я буду заботиться о тебѣ до моего послѣдняго издыханія. Да, дорогая, ты этого не забудешь, нѣтъ? Тебѣ никогда не придется попрекнуть меня тѣмъ, что я забылъ свое обѣщаніе.

Было четыре часа.

Они встали; она сдѣлала шагъ къ нему, и онъ прижалъ ее къ своей груди. Она обвила его шею руками, и нѣкоторое время они такъ стояли; ея боязливое, чистое сердечко монахини сильно билось, и онъ чувствовалъ это своей рукой и нѣжно и успокаивающе провелъ рукой по ея волосамъ. Между ними было полное согласіе.

Она заговорила первая:

— Я всю ночь буду лежать съ открытыми глазами и думать. Можетъ-быть, я увижусь съ тобой завтра. Если хочешь?

— Да, завтра. Конечно, я хочу! Но въ какомъ часу? Можно мнѣ прійти въ восемь часовъ?

— Да... Хочешь, я надѣну опять это платье?

Этотъ трогательный вопросъ, ея дрожащія губы, ясные глаза, устремленные на него съ такимъ довѣріемъ, — все это взволновало его и тронуло до глубины души. Онъ отвѣтилъ:

— Дорогая! Милое мое дитя, дѣлай, какъ хочешь! Какая ты добрая!.. Но ты должна спать сегодня ночью, непременно спи. Надѣюсь, тебѣ не страшно здѣсь одной?

— Нѣтъ... Теперь ты промокнешь по дорогѣ домой.

Она даже подумала о томъ, что онъ промокнетъ!

— Будь весела и спи спокойно, — сказалъ онъ.

Но когда онъ былъ уже въ снѣгахъ, то вдругъ вспомнилъ что-то. Онъ повернулся къ ней и сказалъ:

— Я забылъ сказать тебѣ, что я не богатъ. Можетъ-быть, ты думала, что я богатъ?

— Это мнѣ все равно, — отвѣтила она, качая головой.

— Нѣтъ, я не богатъ. Но мы все равно купимъ себѣ домъ и заведемъ все, чтò намъ необходимо, — настолько я еще богатъ. А потомъ я позабочусь обо всемъ, я съ радостью понесу на себѣ всю тяжесть, на что же у меня мои руки?.. Ты не огорчена тѣмъ, что я не богатъ?

Она отвѣтила, что не огорчена, и еще разъ пожала ему руку. На прощаніе онъ попросилъ ее крѣпко запереть за нимъ дверь; потомъ онъ вышелъ на улицу.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и царилъ непроницаемый мракъ.

Онъ не пошелъ въ гостиницу, а направился по дорогѣ, ведущей въ лѣсъ, къ усадьбѣ священника. Онъ шелъ съ четверть часа; въ непроницаемой тьмѣ онъ едва различалъ дорогу. Наконецъ онъ замедлил свои шаги, свернулъ съ дороги и ощупью пробрался къ большому дереву. Это была осина. Тутъ онъ остановился.

Вѣтеръ шумить въ верхушкахъ деревьевъ, дождь льетъ, не переставая; но кругомъ все тихо. Онъ шепчетъ про себя вѣскольکو словъ, произносить имя, говорить: «Дагни, Дагни», молчить и снова повторяетъ это имя. Онъ стоитъ прямо передъ деревомъ и говоритъ это. Немного спустя онъ произносить имя громче, онъ говоритъ «Дагни» громкимъ голосомъ. Она оскорбила его сегодня вечеромъ, излила на него все свое презрѣніе, онъ чувствуетъ еще, какъ каждое ея слово прожигаетъ его сердце, и все-таки онъ стоитъ здѣсь и говоритъ о

ней. Онъ опускается на колѣни передъ деревомъ, вынимаетъ изъ кармана свой перочинный ножикъ и начинаетъ вырѣзать въ темнотѣ ея имя на стволѣ дерева. Надъ этимъ онъ трудится нѣсколько минутъ, онъ нащупываетъ пальцами кору и снова работаетъ, пока не вырѣзаетъ все имя...

Все время онъ работалъ съ непокрытой головой.

Когда онъ снова вышелъ на дорогу, то вдругъ остановился, съ минуту подумалъ и повернулъ обратно. Онъ снова пробрался ощупью къ дереву, нащупалъ пальцами вырѣзанную на стволѣ надпись. Потомъ онъ опустилсѣ на колѣни и поцѣловалъ это имя, эти буквы, какъ если бы ему никогда больше не суждено было видѣть ихъ; наконецъ онъ поднялся и поспѣшно ушелъ.

Было уже пять часовъ, когда онъ вернулся въ гостиницу.

XVII.

Тотъ же дождь на слѣдующее утро, тотъ же мракъ, та же ненастная погода. Казалось, не будетъ конца потокамъ воды, безостановочно струившимся съ кровельныхъ желобовъ и барабанившимъ въ окна. Часы тянулись безконечно одинъ за другимъ, было уже далеко за полдень, а небо все не прояснялось. Въ маленькомъ садикѣ позади гостиницы все было поломано и пригнуто къ землѣ; вѣтви кустовъ, отягченныя массой воды, падавшей на нихъ, лежали на землѣ, покрытыя грязью.

Нагель весь день просидѣлъ дома, онъ читалъ, ходилъ, по своему обыкновенію, взадъ и впередъ по комнатамъ и безпрестанно смотрѣлъ на часы. Казалось, этому дню не будетъ конца. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ наступленія вечера.

Ровно въ восемь часовъ онъ отправился къ Мартѣ. Онъ не подозрѣвалъ ничего дурного; между тѣмъ Марта встрѣтила его съ страдающимъ видомъ и очень заплаканнымъ лицомъ. Онъ заговорилъ съ нею, она отвѣчала односложно и уклончиво, и даже не смотрѣла на него. Нѣсколько разъ она просила его простить ей и не сердиться на нее.

Когда онъ взялъ ее за руку, она задрожала и хотѣла отойти отъ него: наконецъ она сѣла на стулъ рядомъ съ нимъ. Съ этого мѣста она такъ и не вставала, пока онъ не ушелъ часъ спустя. Что случилось? Онъ спрашивалъ ее, просилъ объясненія, но она не отвѣчала толкомъ на его вопросы.

Нѣтъ, она не больна. Но она думала объ этомъ...

Такъ, значить, она раскаивается, что дала обѣщаніе? Можетъ-быть, она убѣдилась въ томъ, что не можетъ любить его?

Да... Но пусть онъ проститъ ее! Она думала надъ этимъ ночью, всю ночь она не смыкала глазъ, и ей казалось это все болѣе и болѣе невозможнымъ. Она заглянула даже въ свое сердце и испугалась, что не будетъ въ состояніи любить его такъ, какъ должнѣя была бы.

Ахъ, вотъ чтó!..

Пауза...

Но развѣ она не думаетъ, что могла бы полюбить его со временемъ? Онъ такъ радовался, что начнетъ новую жизнь. О, онъ былъ бы къ ней такъ добръ!

Его слова тронули ее, она крѣпко прижала руки къ сердцу, но не поднимала глазъ и ничего не говорила.

Такъ она не думаетъ, что онъ сумѣетъ заставить ее полюбить себя позже, когда они всегда будутъ вмѣстѣ?

Она прошептала:

— Нѣтъ!

Съ ея длинныхъ рѣсницъ святились двѣ крупныя слезы.

Пауза.

Онъ дрожалъ, синія жилы на его вискахъ сильно надулись.

Ну, да, дорогая, значить, тутъ дѣлать нечего! И пусть она не плачетъ изъ-за этого. Вѣдь этому ничѣмъ помочь нельзя. Она должна простить его за то, что онъ такъ приставалъ къ ней со своей просьбой. Вѣдь онъ желалъ ей только добра...

Она схватила его вдругъ за руку и удержала ее въ своей. Его немного удивилъ этотъ внезапный порывъ, и онъ спросилъ:

Нѣтъ ли въ немъ чего-нибудь, чтó отталкиваетъ ее? Онъ постарался бы исправить это, измѣниться, если это только въ его силахъ. Можетъ-быть, ей не нравится, что онъ...

Она поспѣшно прервала его:

— Нѣтъ, дѣло не въ этомъ, не въ этомъ! Но все представляется мнѣ такимъ страннымъ, и я даже не знаю, на примѣръ, кто вы такой? Я знаю, что вы желаете мнѣ добра; но поймите меня...

— Кто я такой, на примѣръ? — сказалъ онъ, пристально глядя на нее.

Вдругъ въ его головѣ мелькнуло подозрѣніе, онъ понялъ, что кто-то подорвалъ ея довѣріе къ нему, что какой-то враждебный элементъ сталъ между нимъ и ею; онъ спросилъ:

— Былъ у васъ сегодня кто-нибудь?

Она ничего не отвѣтила.

— Извините, пожалуйста, въ сущности, это все равно, да я и не имѣю больше права спрашивать васъ.

— О, я была такъ счастлива сегодня ночью! — сказала она. — Боже, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждала утра и какъ я ждала васъ! Но днемъ мною снова овладѣли сомнѣнія.

— Отвѣтите мнѣ только на одинъ вопросъ: такъ вы, значить, не вѣрите въ мою правдивость, вы не довѣряете мнѣ, несмотря ни на что?

— Нѣтъ, не всегда. Дорогой, не сердитесь на меня! Вѣдь вы здѣсь совсѣмъ чужой, и я знаю про васъ только то, что вы сами говорите. Можетъ-быть, въ настоящую минуту у васъ очень честныя намѣренія, но потомъ вы будете раскаиваться. Можно ли поручиться въ томъ, что вамъ впослѣдствіи придетъ въ голову?

Пауза.

Онъ беретъ ее за подбородокъ; подымаетъ слегка ея голову и спрашиваетъ.

— А что еще сказала фрѣкенъ Кьелландъ?

Она смутилась, бросила на него испуганный взглядъ, который выдалъ ее, и воскликнула:

— Этого я не говорила, развѣ я говорила это? Нѣтъ, я этого не говорила!

— Нѣтъ, нѣтъ, вы этого не говорили! — Онъ задумался, глаза его неподвижно смотрѣли въ одну точку, ничего не видя. — Нѣтъ, вы не говорили, что это она повліяла на васъ, вы не называли ея имени, успокойтесь же... Такъ, значить, фрѣкенъ Кьелландъ дѣйствительно была здѣсь, она вошла въ эту дверь и ушла той же дорѣгой, исполнивъ свое дѣло. Видно, что дѣло это для нея въ высшей степени важное, разъ она вышла въ такую погоду. Какъ все это странно!.. Дорогая, хорошая моя Марта, добрая вы душа, я преклоняюсь передъ вашей добротой! Но вѣрите мнѣ все-таки, постарайтесь повѣрить мнѣ только сегодня вечеромъ, тогда я вамъ докажу потомъ, какъ далеко я былъ отъ мысли обманывать васъ. Не берите обратно вашего слова. Подумайте еще немного! Обѣщаете вы мнѣ это? Подумайте до завтра и позвольте мнѣ тогда зайти къ вамъ...

— Право, не знаю, — прервала она его.

— Вы не знаете? Такъ, значить, вы хотите отдѣлаться отъ меня сегодня разъ навсегда? Да, да!

— Я хотѣла бы лучше поселиться у васъ... когда вы будете женаты и когда вы устроитесь... Когда у васъ будетъ свой домъ... я хочу сказать... Я хотѣла бы лучше быть у васъ служанкой. Да, этого я хотѣла бы.

Пауза.

Да, ея недовѣріе къ нему усиѣло уже пустить глубокіе корни, онъ уже не могъ больше бороться съ этимъ, не могъ больше внушить къ себѣ такое довѣріе, какое она раньше питала къ нему. И онъ чувствовалъ, что она все больше и больше ускользаетъ отъ него по мѣрѣ того, какъ онъ говоритъ. Но почему же въ такомъ случаѣ она плачетъ? Чтò мучитъ ее? И почему она не выпускаетъ его руки изъ своей? Онъ снова заговорилъ о Минутѣ; онъ хотѣлъ испытать послѣднее средство. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало добиться ея согласія на свиданіе съ нимъ на слѣдующій день послѣ того, какъ она обдумаетъ все хорошенько.

Онъ сказалъ:

— Простите, что я еще разъ упоминаю въ вашемъ присутствіи о Минутѣ. Не волнуйтесь только, у меня есть основаніе говорить такъ, какъ я говорю. Я не буду говорить ничего дурного объ этомъ человѣкѣ, напротивъ, — вы должны сами вспомнить, что я говорилъ вамъ о немъ все самое лучшее. Я представляю себѣ возможность, что онъ стоитъ между вами и мною, потому я и говорилъ съ вами о немъ. Я утверждалъ, между прочимъ, что онъ такъ же, какъ и всякій другой, можетъ обезпечить свою семью, и я такъ думаю и теперь, — надо только вначалѣ помочь ему стать на ноги. Но вы объ этомъ и слышать не хотѣли, вы не интересовались Минутой и просили меня даже не говорить о немъ больше. Хорошо! Но я и до сихъ поръ еще не совсѣмъ избавился отъ подозрѣнія, вы не убѣдили меня, и я еще разъ спрашиваю васъ, нѣтъ ли чего-нибудь между вами и Минутой? Если мои подозрѣнія имѣютъ основанія, то я сейчасъ же удаляюсь. Да, вотъ вы качаете головой; но я не понимаю, почему же вы не рѣшаетесь еще разъ обдумать все и завтра дать мнѣ окончательный отвѣтъ. Этого требуетъ простая справедливость. А вѣдь вы еще такая добрая!

Наконецъ она уступила, она даже встала, подаваясь охватившему ее волненію; улыбаясь и въ то же время плача, она провела рукой по его волосамъ, какъ и раньше. Она хочетъ увидѣться съ нимъ завтра, очень хочетъ; только онъ долженъ прійти немножко раньше, въ четыре часа, или въ пять, пока еще свѣтло, тогда никто ничего не можетъ сказать. Но теперь онъ долженъ уходить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Да, а завтра онъ опять придетъ, она будетъ дома и будетъ ждать его...

Какимъ страннымъ ребенкомъ была эта старая дѣва! Довольно было одного слова, намека, чтобы заставить вспыхнуть

ея сердце и вызвать въ ней нѣжность, ласковую улыбку. Она не выпускала его руки изъ своей до тѣхъ поръ, пока онъ не ушелъ, она проводила его до самыхъ дверей, продолжая держать его за руку. На крыльцѣ она пожелала ему спокойной ночи очень громко, словно на зло кому-нибудь, находящемуся тутъ же вблизи.

Дождь прекратился, наконецъ-то онъ почти совсѣмъ прошелъ; тамъ и сямъ между сѣрыми тучами проглядывалъ кусочекъ голубого неба, и только время отъ времени падали еще одинокія капли дождя на сырую землю.

Нагель снова вздохнулъ свободнѣе. Да, ему удастся снова возвратить себѣ ея довѣріе; почему бы ему этого не удалось? Онъ не пошелъ домой, а направился къ набережной вдоль берега моря, вышелъ за городъ и очутился на дорогѣ, ведущей въ усадьбу священника. Кругомъ не было видно ни души.

Пройдя по дорогѣ еще нѣсколько шаговъ, онъ вдругъ замѣтилъ, что на краю дороги внезапно выросла человѣческая фигура,—повидимому, кто-то тамъ сидѣлъ и теперь поднялся. Это была Дагни; ея свѣтлая коса рѣзко выдѣлялась на дождевомъ плащѣ.

По его тѣлу пробѣжала дрожь, и на мгновение онъ остановился; онъ былъ пораженъ. Развѣ она не должна была быть на базарѣ также и сегодня вечеромъ? Или она пошла немного прогуляться до начала живыхъ картинъ? Она шла чрезвычайно медленно и даже остановилась раза два, любуясь на птичекъ, которыя снова начали порхать между деревьями. Видѣла она его? Ужъ не хочетъ ли она испытать его? Не захотѣла ли она еще разъ убѣдиться въ томъ, что у него хватитъ смѣлости заговорить съ ней?

Она можетъ быть спокойна, онъ уже никогда больше не будетъ надоѣдать ей! И вдругъ въ немъ просыпается злоба, слѣпая и неудержимая злоба противъ этой дѣвушки, которая, можетъ-быть, хочетъ заставить его забыть и сдѣлать какой-нибудь необдуманный поступокъ, чтобы имѣть удовольствіе потомъ снова унижить его. Она способна была еще разъ рассказать во всеуслышаніе на базарѣ, что онъ преслѣдуетъ ее. Вѣдь была же она недавно у Марты, чтобы попытаться разрушить его счастье! Неужели съ нея не довольно этого? Неужели она не можетъ наконецъ перестать сѣять зло на его пути? Она хотѣла отплатить ему по заслугамъ, — прекрасно, но она заплатила гораздо дороже, чѣмъ это было необходимо.

Оба они идутъ одинаково медленно другъ за другомъ; ихъ все время раздѣляетъ шаговъ пятьдесятъ. Это продолжается нѣсколько минутъ. Вдругъ она роняетъ носовой платокъ. Онъ

видить, какъ платокъ падаетъ вдоль дождевого плаща и остается на землѣ. Знала ли она, что уронила его?

И онъ говоритъ самому себѣ, что это ловушка съ ея стороны, ея злоба противъ него еще не прошла, она хочетъ заставить его поднять этотъ платокъ и принести его ей, чтобы имѣть возможность посмотрѣть ему прямо въ глаза и хорошенько насладиться его поражениемъ у Марты. Злоба закипаетъ въ немъ съ новой силой, онъ сжимаетъ губы, и на лбу у него появляется гнѣвная складка. Хе-хе, да, какъ бы не такъ! Не хватаетъ еще, чтобы онъ сталъ передъ ней и далъ ей возможность насмѣяться надъ нимъ ему же въ лицо! Смотрите-ка, вонъ она обронила свой платокъ; онъ лежитъ на дорогѣ; посреди дороги; онъ бѣлый и очень тонкій, это кружевной платокъ; можно было бы наклониться и поднять его...

Онъ продолжалъ идти все такъ же медленно. А когда онъ поровнялся съ платкомъ, то наступилъ на него ногой и прошелъ дальше.

Прошло еще нѣсколько минутъ, они продолжали идти впередъ, вдругъ онъ замѣтилъ, что она посмотрѣла на свои часы и сразу повернула. Она шла прямо ему навстрѣчу, можетъ-быть, она замѣтила, что потеряла свой платокъ? Тогда и онъ повернулъ и медленно пошелъ впереди нея. Дойдя до того мѣста, гдѣ лежалъ носовой платокъ, онъ снова наступилъ на него; во второй разъ онъ наступилъ на платокъ у нея на глазахъ. И затѣмъ онъ пошелъ дальше. Онъ чувствовалъ, что она идетъ сейчасъ же позади, но не прибавилъ шагу. Такъ они шли до самаго города.

Его предположенія оправдались, и она дѣйствительно пошла на базаръ; онъ направился къ себѣ въ гостиницу.

Придя къ себѣ въ комнату, онъ открылъ окно и оперся локтями о подоконникъ, совершенно разбитый отъ волненія. Его гнѣвъ остылъ, онъ весь какъ-то съезжился и разразился рыданіями, его голова упала на руки, и онъ рыдалъ беззвучно, съ сухими глазами, дрожа всѣмъ тѣломъ. Вотъ чѣмъ все это кончилось! О, какъ онъ жалѣлъ объ этомъ, какъ ему хотѣлось, чтобы этого не было! Она уронила свой платокъ, можетъ-быть, она сдѣлала это нарочно, чтобы унижить его,—ну, такъ что же? Вѣдь онъ могъ поднять его, скрыть его и всю жизнь носить у себя на груди. Онъ былъ такой бѣлоснѣжный, а онъ втопталъ его въ грязь! Кто знаетъ, можетъ-быть, она и не отняла бы у него платка, если бы увидала его у него въ рукахъ; можетъ-быть, она позволила бы ему оставить его у себя! А если бы даже она и протянула руку за нимъ, то онъ упалъ бы передъ ней на колѣни и сталъ бы ее

просить, — нѣтъ, онъ сталъ бы молить ее, заломивъ руки, какъ о великой милости, подарить ему этотъ платокъ на память. А если бы даже она и посмѣялась надъ нимъ, то что же изъ этого?

Вдругъ онъ вскакиваетъ, въ два прыжка сбѣгаетъ съ лѣстницы и устремляется на улицу; онъ пробѣгаетъ весь городъ въ нѣсколько минутъ и замедляетъ свои шаги только на дорогѣ, ведущей къ усадьбѣ священника. Можетъ-быть, ему удастся еще найти носовой платокъ. И дѣйствительно она оставила платокъ лежать на томъ же мѣстѣ, хотя, навѣрное, замѣтила, когда онъ наступилъ на него во второй разъ. Какая удача! Слава Богу! Съ сильно бьющимся сердцемъ онъ прячетъ платокъ у себя на груди, спѣшитъ домой и полощетъ его въ водѣ, онъ полощетъ его безъ конца и потомъ тщательно расправляетъ. Платокъ нѣсколько пострадалъ, а одинъ уголъ даже разорванъ его каблучкомъ; но что же изъ этого! О, какъ онъ былъ счастливъ, что нашелъ его!

Только послѣ того, какъ онъ снова сѣлъ къ окну, онъ открылъ, что совершилъ свою послѣднюю прогулку черезъ весь городъ съ непокрытой головой. Да, онъ сошелъ съ ума, онъ сошелъ съ ума. Что, если она его видѣла? Она хотѣла устроить ему ловушку, и въ концѣ концовъ оказалось, что онъ дѣйствительно попался. Нѣтъ, этому надо какъ можно скорѣе положить конецъ. Онъ долженъ добиться того, чтобы спокойно смотрѣть на нее съ высоко поднятой головой и холодными глазами, ничѣмъ не выдавая себя. Да, онъ сдѣлаетъ все для этого! Онъ уѣдетъ вмѣстѣ съ Мартой. Она слишкомъ хороша для него; ахъ, но онъ заслужить ее; онъ не будетъ знать ни отдыха ни покоя на одну минуту до тѣхъ поръ, пока не заслужить ее.

Погода становилась все мягче, легкій вѣтерокъ доносилъ до него въ открытое окно смѣшанный аромат мокрой травы и сырой земли и все болѣе и болѣе бодрилъ его. Да, завтра онъ опять пойдетъ къ Мартѣ и будетъ такъ убѣдительно просить ее согласиться...

Но уже на слѣдующее утро всѣ его надежды оказались окончательно разбитыми.

XVIII.

Началось съ того, что пришелъ докторъ Стенерсенъ; онъ явился, когда Нагель еще лежалъ въ постели. Докторъ извинился и сослался на этотъ проклятый базаръ, который отнималъ у него и день и ночь. Дѣло въ томъ, что онъ пришелъ

по дѣлу, онъ долженъ выполнить одну миссію: ему поручили уговорить его — Нагеля — снова выступить сегодня вечеромъ на базарѣ. Объ его игрѣ ходятъ въ городѣ самыя удивительныя слухи, отъ любопытства никто не спитъ по ночамъ, право!

— Я вижу, вы читаете газеты? Ахъ, ужъ эта политика! Обратили ли вы вниманіе на послѣднія назначенія? Да и съ выборами дѣло обстоитъ не такъ, какъ должно было бы быть, — эти выборы не представляютъ собою оплеухи для шведовъ... Однако вы поздно встаете, — вѣдь уже десять часовъ. А чтó за погода сегодня! Воздухъ такъ и дрожитъ отъ тепла! Вы должны были бы сдѣлать утреннюю прогулку.

Да, Нагель собирается какъ разъ вставать.

Ну, а какой же онъ долженъ дать отвѣтъ комитету базара?

Нѣтъ, Нагель отказался играть.

Нѣтъ? Но вѣдь цѣль базара такая благородная: имѣетъ ли онъ право отказываться отъ такой небольшой услуги?

Онъ не можетъ исполнить этой просьбы.

Ахъ, какъ жалъ! Настроеніе теперь для этого самое благоприятное, особенно дамы вчера вечеромъ прямо осаждали доктора просьбами устроить это. Фрѣкенъ Андресенъ не давала ему ни минуты покоя, а фрѣкенъ Кьелландъ даже отвела его въ сторону и убѣждала не отставать отъ Нагеля до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится.

Да, но вѣдь фрѣкенъ Кьелландъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о его игрѣ? Она никогда не слыхала его.

Нѣтъ, но, несмотря на это, она просила его усерднѣе всѣхъ, она даже предложила акомпанировать ему... Подъ конецъ она сказала: «Скажите ему, что мы всѣ просимъ его»...—Ну, чтó стоитъ вамъ провести нѣсколько разъ смычкомъ по струнамъ и доставить намъ удовольствіе.

Онъ не можетъ, онъ не можетъ!

Это однѣ только отговорки; вѣдь игралъ же онъ въ четвергъ вечеромъ?

Нагель сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и сталъ отговариваться: пусть докторъ предположить, что онъ только и знаетъ этотъ жалкій отрывокъ, это безсвязное покурри, что онъ выучился играть только эти два-три танца, чтобы въ одинъ прекрасный вечеръ удивить публику! А кромѣ того, вѣдь онъ игралъ совсѣмъ фальшиво; ему самому было противно слушать себя, право, противно!

— Да, но...

— Докторъ, я не буду играть!

— Но, если не сегодня, такъ хоть завтра вечеромъ? За-

втра воскресенье, вечеромъ будетъ закрытіе базара, и мы ожидаемъ большого наплыва публики.

— Нѣтъ, ужъ вы извините меня, но я и завтра вечеромъ не буду играть. Вообще глупо братья за скрипку, когда владешь смычкомъ такъ плохо, какъ я. Какъ странно, что вы не разобрались въ моей игрѣ!

Это обращеніе къ авторитету доктора возымѣло свое дѣйствіе.

— Ну, конечно, — сказала онъ: — я прекрасно замѣтилъ, что въ вашей игрѣ были извѣстные недостатки; но что же изъ этого, вѣдь не всѣ же мы знатоки!

Однако доводы доктора ни къ чему не повели, и онъ долженъ былъ уйти, не получивъ согласія Нагеля.

Нагель сталъ одѣваться. Вотъ какъ, даже Дагни усердно настаивала на томъ, чтобы уговорить его играть, она даже вызвалась акомпанировать ему! Новая ловушка, должно-быть? Вчера вечеромъ она потерпѣла неудачу, а теперь она хотѣла вознаграждать себя инымъ способомъ... Но, Боже мой, что, если онъ несправедливъ къ ней, что, если она перестала ненавидѣть его и хочетъ оставить въ покоѣ? И внутренно онъ попросилъ у нея прощенія за свое недовѣріе къ ней. Онъ бросилъ взглядъ на площадь; солнце свѣтило ярко, и голубое небо казалось бездоннымъ. Онъ началъ напѣвать. Онъ былъ уже почти готовъ и собирался уходить, когда Сара просунула ему въ дверь письмо; оно пришло не съ почтой, его принесъ посыльный. Письмо было отъ Марты, въ немъ было всего нѣсколько строкъ: «пусть онъ не приходитъ вечеромъ, она уѣхала». Она умоляетъ его ради самого Господа простить ей все и не приходитъ къ ней больше; встрѣча къ нимъ причинитъ ей только страданіе. «Прощайте!» Въ самомъ низу, подъ подписью она приписала еще, что никогда не забудетъ его. «Я никогда не забуду васъ», — писала она. Эта записочка, состоявшая изъ трехъ-четыреухъ словъ, была вся проникнута какой-то грустью. Даже буквы имѣли унылый видъ и производили жалкое впечатлѣніе.

Онъ опустился на стулъ. Все погибло, погибло! Даже тамъ его оттолкнули! Всѣ точно сговорились противъ него! Могли ли его намѣренія быть болѣе чистыми и благородными, нежели теперь? И все-таки, все-таки, все было тщетно! Долго присидѣлъ онъ, не двигаясь.

Но вдругъ онъ вскакиваетъ со стула, смотритъ на часы.

Одиннадцать. Можетъ-быть, онъ еще успѣетъ помѣшать Мартѣ уѣхать! Не теряя ни минуты, онъ слѣшитъ къ ея дому; онъ запертъ и пустъ. Онъ заглядываетъ въ окна въ обѣ комнаты, — тамъ нѣтъ ни души.

Онъ подавленъ и убитъ, онъ возвращается къ себѣ въ гостиницу, не сознавая ничего, не поднимая глазъ съ мостовой. Какъ могла она это сдѣлать! Какъ у нея хватило духу на это! Хотя бы она позволила ему проститься съ ней и пожелать ей всего, всего хорошаго, куда бы она ни уѣзжала. Онъ опустился бы передъ ней на колѣни, онъ преклонился бы передъ ея добротой и передъ ея чистымъ сердцемъ, а она не захотѣла этого. Да, да, съ этимъ ничего не подѣлаешь!

Встрѣтивъ въ коридорѣ Сару, онъ узналъ отъ нея, что письмо принесъ посыльный изъ усадьбы священника. Итакъ, это также дѣло рукъ Дагни, все это она устроила, она хорошо рассчитала все и не медля привела въ исполненіе свой планъ. Нѣтъ, она никогда не проститъ его!

Весь день онъ бродилъ по улицамъ, возвращался къ себѣ въ комнату, шелъ въ лѣсъ, ходилъ повсюду, не зная ни минуты покоя. И все время онъ ходилъ съ низко опущенной головой и широко раскрытыми глазами, которые ничего не видѣли.

Слѣдующій день прошелъ такимъ же образомъ. Это было воскресенье, масса народу съѣхалась изъ окрестностей, чтобы побывать на базарѣ въ послѣдній день и увидать живыя картины. Нагель снова получилъ приглашеніе сыграть хоть одинъ номеръ, на этотъ разъ ему передавалъ приглашеніе другой членъ комитета, консуль Андресенъ, отецъ Фредерики; но онъ опять отвѣтилъ отказомъ. Въ продолженіе четырехъ дней онъ ходилъ, какъ помѣшанный, въ какомъ-то странномъ состояніи, какъ бы во власти одной, единой мысли, одного чувства. Каждый день и по нѣскольку разъ онъ ходилъ къ домику Марты, чтобы посмотрѣть, не возвратилась ли она. Куда она уѣхала? Но если бы даже ему удалось найти ее, то это все равно не повело бы ни къ чему. Все было потеряно для него!

Разъ вечеромъ онъ чуть не столкнулся съ Дагни. Она выходила изъ магазина и чуть не дотронулась до него локтемъ. Ея губы дрогнули, словно она хотѣла заговорить съ нимъ, но она только вся вспыхнула и промолчала. Онъ не сразу узналъ ее и отъ смущенія на мгновеніе остановился, глядя на нее, но потомъ быстро отвернулся и удалился. Она шла за нимъ, онъ слышалъ, что она идетъ все быстрѣе и быстрѣе; ему казалось, что она хочетъ догнать его, и онъ ускорилъ свои шаги, чтобы скрыться отъ нея. Онъ боялся ея, она навлечетъ на его голову новое несчастье. Наконецъ онъ дошелъ до гостиницы, вбѣжалъ по лѣстницѣ и скрылся въ своей комнатѣ въ величайшей тревогѣ. Слава Богу, онъ спасенъ!

Это было 14-го іюля, въ четвергъ...

Утромъ казалось, будто онъ принялъ какое-то рѣшеніе. За эти дни онъ очень измѣнился, лицо его сдѣлалось сѣрвато-блѣднымъ и какъ бы застыло, а глаза имѣли безжизненное выраженіе. Ему все чаще случалось выходить на улицу и проходить довольно большое разстояніе и только тогда замѣчать, что его фуражка снова осталась въ гостиницѣ. Въ такихъ случаяхъ онъ говорилъ самому себѣ, что съ этимъ надо покончить, что надо положить конецъ всему. И, говоря это, онъ крѣпко сжималъ кулаки.

Вставъ въ среду утромъ, онъ прежде всего вынулъ изъ кармана жилета маленькій пузырекъ съ ядомъ и изслѣдовалъ его; онъ взболтнулъ его, понюхалъ и снова спряталъ. Затѣмъ онъ принялся одѣваться и по старой привычкѣ отдался безконечному и безсвязному теченію мыслей, которыя постоянно занимали его и никогда не оставляли въ покоѣ усталую голову. Его мозгъ работалъ съ безумной, невѣроятной быстротой; онъ былъ въ такомъ отчаяніи, такъ возбужденъ, что съ трудомъ удерживался отъ слезъ, и въ то же время тысячи мыслей вереницей проносились въ его мозгу.

«Да, слава Богу, у него еще оставалась его маленькая склянка! Она издавала миндальный запахъ, и содержимое ея было прозрачно, какъ вода. Ахъ, да, скоро она ему понадобится, очень скоро, разъ нѣтъ другого выхода. Какъ бы то ни было, а онъ добьется конца. Да почему бы и нѣтъ? Онъ предавался такимъ глупымъ и прекраснымъ мечтамъ, онъ мечталъ совершить какой-нибудь поступокъ на землѣ, такой, который поразилъ бы свѣтъ,—какой-нибудь подвигъ, передъ которымъ людоеды осѣнили бы себя крестнымъ знаменіемъ, — но его мечтамъ не суждено было осуществиться, онъ не справился съ задачей. Почему же ему не отвѣдать этой жидкости! Стоить только проглотить ее безъ особенныхъ гримасъ — и дѣлу конецъ. Да, да, онъ это и сдѣлаетъ, когда наступитъ время, когда пробьетъ часъ.

«А Дагни останется побѣдительницей...

«Какая громадная власть у этой дѣвушки, такой обыкновенной, съ длинной косой и благоразумнымъ сердцемъ! Какъ онъ понимаетъ этого несчастнаго, который не хотѣлъ жить безъ нея, онъ понимаетъ и его сталь и его послѣднее «нѣтъ». Онъ уже не удивляется больше поступку этого бѣдняги, — что ему оставалось дѣлать...

«Какъ засверкаютъ ея синіе бархатистые глаза, когда она узнаетъ, что и я отправился туда же! Но я люблю тебя, я люблю тебя не только за твою добродѣтель, но также и за твою злобу. Но ты слишкомъ мучишь меня твоей снисходи-

тельностью: какъ можешь ты терпѣть, что у меня больше одного глаза. Ты должна была бы взять другой, нѣтъ, оба! Ты не должна была бы мириться съ тѣмъ, что я спокойно хожу по улицѣ, и что у меня есть кровля надъ головой. Ты отняла у меня Марту, но я люблю тебя, несмотря на это, и ты знаешь, что я люблю тебя, несмотря на это, и ты исподтишка смѣешься надо мной, но я люблю тебя также и за то, что ты смѣешься надо мной. Можешь ли ты требовать большаго, неужели этого мало? Твои узкія, бѣлыя руки, твой голосъ, твои золотистые волосы, твой умъ и твою душу я люблю больше всего на свѣтѣ! И отъ этой любви мнѣ нѣтъ спасенія, и я потерялъ власть надъ собой, — да поможетъ мнѣ Богъ! Да, да, издѣвайся надо мной, смѣйся надо мной больше, что изъ этого, Дагни, разъ я люблю тебя! Мнѣ отъ этого не будетъ ни хуже ни лучше; ты можешь дѣлать все, что тебѣ придетъ въ голову, моя любовь останется неизмѣнной, и ты останешься такой же прекрасной и обворожительной въ моихъ глазахъ, несмотря ни на что, — я съ радостью сознаюсь въ этомъ. Я оттолкнулъ тебя тѣмъ или другимъ, ты находишь меня дурнымъ, гадкимъ человѣкомъ, ты думаешь, что я способенъ на все. Ты думаешь, что я способенъ былъ бы пойти на обманъ, чтобы казаться выше ростомъ, если бы это только было возможно. Ну, такъ что же? Разъ ты это говоришь, то пусть будетъ по-твоему, я на все согласенъ и увѣряю тебя, что во мнѣ все поетъ и ликуетъ отъ любви къ тебѣ, когда ты говоришь это. Даже тогда, когда ты смотришь на меня съ презрѣніемъ, или поворачиваешь мнѣ спину, не удостоивая отвѣтить на мой вопросъ, или догоняешь меня на улицѣ, чтобы унижить меня, — даже и тогда сердце мое трепещетъ отъ любви къ тебѣ. Пойми меня, я не обманываю теперь ни себя ни тебя; впрочемъ, мнѣ все равно, если ты опять будешь смѣяться надо мной, это не измѣнитъ моихъ чувствъ; да, это такъ. Если бы мнѣ случилось когда-нибудь найти алмазь, то я назвалъ бы его Дагни, потому что одинъ только звукъ твоего имени наполняетъ меня счастьемъ. Я дошелъ до того, что хотѣлъ бы слышать твое имя безъ конца, хотѣлъ бы, чтобы его называли всѣ люди, всѣ звѣри, всѣ горы, всѣ звѣзды, чтобы я былъ глухъ ко всему остальному и могъ слышать только твое имя, какъ безконечную музыку, которая раздавалась бы въ моихъ ушахъ день и ночь — всю мою жизнь. Я хотѣлъ бы установить новую клятву въ честь тебя, клятву для всѣхъ народовъ земли только въ честь тебя. И если я согрѣшилъ бы при этомъ противъ Господа, и Онъ предостерегъ бы меня, то я отвѣтилъ бы Ему: «Засчитай мнѣ этотъ грѣхъ, я заплачу

за него своей душой, когда придет время, когда пробьетъ часъ»...

«Какъ все странно складывается! Я повсюду встрѣчаю только одни препятствія, а между тѣмъ я все тотъ же, у меня тѣ же силы, та же жизнь. Передо мной открыты тѣ же возможности, я могу совершать тѣ же дѣла; но почему же я вдругъ остановился, почему для меня вдругъ всѣ возможности стали невозможными? Неужели я самъ виноватъ въ этомъ? Но не знаю, въ чемъ заключается моя вина. Я владѣю всѣми своими чувствами, у меня нѣтъ никакихъ вредныхъ привычекъ, я не подверженъ ни одному пороку и я не бросаюсь слѣпо навстрѣчу опасности. Я думаю, какъ прежде, чувствую, какъ прежде, владѣю своей волей и опѣниваю людей, какъ раньше. Я иду къ Мартѣ, я знаю, что въ ней мое спасеніе, она мой добрый геній, мой ангелъ-хранитель. Она боится, ей очень страшно; но наконецъ она соглашается и желаетъ того же, чего и я. Прекрасно. Я мечтаю о счастливой и мирной жизни; мы удаляемся отъ свѣта и живемъ въ одиночествѣ, въ хижинѣ на берегу ручья, мы бродимъ по лѣсу, она въ короткомъ платьѣ, а я въ башмакахъ съ пряжками,—я совершенно примѣняюсь къ требованіямъ ея сентиментальнаго и добраго сердца. Почему бы и нѣтъ? Вѣдь Магометъ пришелъ къ горѣ! И Марта идетъ со мной, Марта наполняетъ мои дни чистотой, а ночи покоемъ, и Всевышній охраняетъ насъ. Но въ это вмѣшивается свѣтъ, свѣтъ возмущается, свѣтъ находитъ, что это безуміе. Свѣтъ говоритъ, что такой-то благоразумный человекъ и такая-то женщина не поступили бы такимъ образомъ, слѣдовательно это безуміе. И я стою одинъ противъ всѣхъ, я топая ногой и повторяю, что это благоразумно! Что знаетъ свѣтъ? Ничего. Люди привыкаютъ только къ чему-нибудь, принимаютъ что-нибудь и признаютъ, потому что это уже раньше призналъ какой-нибудь учитель; все на свѣтѣ одно лишь предположеніе, — даже время, пространство, движеніе, матерія — все одно лишь предположеніе. А люди ничего не знаютъ, они только принимаютъ...»

На мгновеніе Нагель закрылъ лицо рукой и покачалъ головой, словно у него все кружилось передъ глазами. Онъ стоялъ посреди комнаты.

«О чемъ же это я думалъ?.. Хорошо, она боится меня; но вѣдь мы все-таки сговорились съ ней. И я чувствую въ глубинѣ души, что я сдѣлалъ бы ее счастливой до конца дней. Я хочу порвать со свѣтомъ, я отсылаю ему кольцо обратно; я бродилъ, какъ глупецъ среди другихъ глупцевъ, я дѣлалъ глупости, я даже игралъ на скрипкѣ, и толпа кричала мнѣ:

«Хорошо рыкаешь, лев!». Мнѣ дѣлается тошно, когда я вспоминаю этотъ невыразимо пошлый триумфъ, когда мнѣ рукоплескали людоѣды. Я не хочу больше конкурировать съ какимъ-нибудь телеграфистомъ, я удаляюсь въ Долину Мира и превращаюсь въ мирнаго обитателя лѣсовъ, я поклоняюсь своему Богу, распѣваю пѣсенки, дѣлаюсь суевѣрнымъ, бредюсь только во время прилива и сообразуюсь съ крикомъ тѣхъ или иныхъ птицъ, засѣвая свое поле. А когда я, уставъ отъ работы, поднимаю свою голову, то вижу мою жену, которая стоитъ въ дверяхъ хижины и ласково киваетъ мнѣ головой, и я благословляю и благодарю ее за каждую ея ласковую улыбку... Марта, вѣдь ты согласилась, не правда ли? И ты дала слово, ты сама захотѣла дать мнѣ слово, когда я тебѣ объяснилъ все. И все-таки все рушилось. Тебя увезли, тебя захватили врасплохъ и увезли,—не на твою, а на мою погибель...

«Дагни, я не люблю тебя, ты преградила мнѣ всѣ пути, я не люблю твоего имени, оно раздражаетъ меня, я искажаю его, я называю тебя Дангни и при этомъ высовываю языкъ; выслушай меня, ради Христа. Я приду къ тебѣ, когда пройдетъ мой часъ и я умру, я явлюсь передъ тобой на фонѣ бѣлой стѣны съ лицомъ, какъ у трефоваго валета, и я буду преслѣдовать тебя въ видѣ скелета, плясать вокругъ тебя на одной ногѣ и своимъ прикосновеніемъ парализовать твои руки. Да, я это сдѣлаю, я это сдѣлаю! Да спасетъ меня Богъ отъ тебя теперь и навѣки, то-есть пусть тебя чортъ возьметъ,—я горячо и искренно желаю этого...

«Ну, такъ что же изъ этого? Что же изъ этого въ концѣ концовъ? Я все-таки люблю тебя, Дагни, и ты знаешь, что я люблю тебя, несмотря ни на что, и что я раскаиваюсь въ каждомъ моемъ горькомъ словѣ. Но что же изъ этого? Какая мнѣ польза отъ этого? Кромѣ того, кто знаетъ, не къ лучшему ли сложилось все? Если ты скажешь, что все это къ лучшему, то я согласенъ съ этимъ, я чувствую то же, что и ты, я странникъ, котораго остановили на его пути. Но если бы даже ты захотѣла порвать со всѣми другими и связать свою судьбу съ моею,—чего я совсѣмъ не заслуживаю, но все-таки допустимъ это,—то къ чему бы это повело? Ты захотѣла бы помочь мнѣ совершить мои подвиги, осуществить мою задачу,—но, говорю тебѣ, мнѣ стыдно, мое сердце перестаетъ биться отъ стыда при мысли объ этомъ. Я исполнилъ бы твое желаніе, потому что я люблю тебя; но въ глубинѣ души я страдалъ бы отъ этого... Однако что пользы дѣлать одно предположеніе за другимъ, предполагать невозможное? Ты не захотѣла бы

порвать со всѣми другими, связать себя со мною, ты злорадствуешь, глумишься надо мной, высмѣиваешь меня, — какое же мнѣ дѣло до тебя? Точка».

Пауза. Запальчиво:

«А впрочемъ, знай, что я выпью эту жидкость и пошлю тебя ко всѣмъ чертямъ. Какъ глупо съ твоей стороны думать, что я люблю тебя, что я причиняю себѣ это безпокойство теперь, когда мой часъ такъ близокъ. Я ненавижу твое мѣщанское существованіе, такое приглаженное, прифранченное и пустое. Я ненавижу его, видить Богъ, и меня наполняетъ благородное негодованіе, когда я думаю о тебѣ. Чтѣ сдѣлала бы ты изъ меня? Хе-хе, я готовъ поклясться, что ты сдѣлала бы изъ меня великаго человѣка. Хе-хе, это ты побереги для священниковъ! А мнѣ въ душѣ стыдно за твоихъ великихъ людей...

«Великій человѣкъ! Сколько есть на свѣтѣ великихъ людей! Во-первыхъ, существуютъ великіе люди въ Норвегін, это самые великіе. Затѣмъ есть великіе люди во Франціи, въ странѣ Гюро и другихъ поэтовъ. Потомъ слѣдуютъ великіе люди въ странѣ Барнума. И всѣ эти великіе люди копошатся на земномъ шарѣ, который въ сравненіи съ Сиріусомъ не болѣе спины какой-нибудь вши. Но великій человѣкъ—это не маленькій человѣкъ, великій человѣкъ не живетъ въ Парижѣ, а *преживаетъ* въ Парижѣ. Великій человѣкъ стоитъ на такой высотѣ, что можетъ видѣть поверхъ своей собственной головы. Лавуазье просилъ, чтобы отложили его казнь до тѣхъ поръ, пока онъ не окончитъ одного химическаго изслѣдованія,—это то же самое, что: не наступайте на мои чертежи! Хе-хе, чтѣ за комедія, когда даже Евклидъ со своими аксіомами не увеличилъ цѣнности существованія хоть на одинъ эре! О, какимъ жалкимъ, невзыскательнымъ и негордымъ сдѣлали люди міръ Божій!

«Люди создаютъ великихъ людей совершенно случайно изъ какихъ-нибудь самыхъ случайныхъ профессионаловъ, которымъ удалось усовершенствовать электрическіе аккумуляторы, или у которыхъ были достаточно здоровые мускулы, чтобы проѣхать черезъ всю Швецію на велосипедѣ. Да, и этихъ великихъ людей заставляютъ писать книги для того, чтобы поклоняться великимъ людямъ! Хе-хе, нѣтъ, это презабавно, за это стоить прямо заплатить! Въ концѣ концовъ каждая община будетъ имѣть своего великаго человѣка, юриста, романиста, полярнаго путешественника необычайной величины. И земля сдѣлается такой плоской и ровной, что будетъ прямо наслажденіемъ окидывать ее взоромъ...

«Дагни, теперь насталь мой чередъ: я злорадствую, я высмѣиваю тебя, я издѣваюсь надъ тобой! Какое тебѣ дѣло до меня? Вѣдь я никогда не буду великимъ человѣкомъ...

«Но предположимъ, что на свѣтѣ существуетъ невѣроятное множество великихъ людей, цѣлый легионъ гениевъ такой и такой-то величины; почему не допустить этого? Напротивъ, чѣмъ больше чего-нибудь, тѣмъ это становится болѣе обыкновеннымъ. Или же не поступать такъ, какъ поступаетъ весь свѣтъ? Свѣтъ всегда остается вѣренъ себѣ; онъ принимаетъ то, что уже раньше было принято, онъ восхищается, преклоняется и бѣгаетъ за великими людьми съ криками «ура». И мнѣ поступать такъ же? Комедія, комедія! Великій человѣкъ идетъ по улицѣ, одинъ прохожій толкаетъ другого въ бокъ и говоритъ: «Вонъ идетъ такой-то и такой-то великій человѣкъ». Великій человѣкъ сидитъ въ театрѣ, одна учительница щиплетъ другую за высохшую ляжку и шепчетъ: «Вонъ тамъ, въ угловой ложѣ сидитъ такой и такой-то великій человѣкъ». Хе-хе! А онъ, что дѣлаетъ великій человѣкъ? Онъ благосклонно принимаетъ эту дань. Да, онъ принимаетъ. Онъ находитъ, что люди правы, онъ принимаетъ ихъ вниманіе, какъ нѣчто должное, онъ даже не краснѣетъ и благосклонно принимаетъ его. И почему бы ему краснѣть? Развѣ онъ не великій человѣкъ?

«Но молодой студентъ Эйенъ не согласился бы съ этимъ. Онъ самъ собирается сдѣлаться великимъ человѣкомъ, вѣдь онъ во время каникулъ пишетъ романъ. Онъ опять попрекнулъ бы меня моей непослѣдовательностью: господинъ Нагель, вы непослѣдовательны, поясните ваше мнѣніе!

«И я пояснилъ бы ему свое мнѣніе.

«Однако молодой Эйенъ не удовлетворился бы этимъ, онъ спросилъ бы: въ такомъ случаѣ великихъ людей совсѣмъ нѣтъ?

«Да, онъ спросилъ бы это даже послѣ того, какъ я объяснилъ бы ему свое мнѣніе. Хе-хе, такой выводъ онъ сдѣлалъ бы изъ моего отвѣта. Но я все-таки постарался бы развить ему мою мысль, насколько умѣю; я осѣдлалъ бы своего конька и сказалъ бы: дѣло въ томъ, что великихъ людей цѣлый легионъ; вы слышите, что я говорю? Великихъ людей цѣлый легионъ! Но величайшихъ людей немного,—да, очень мало. Вотъ въ этомъ-то вся и разница. Вскорѣ въ каждой общинѣ будетъ свой великій человѣкъ; но величайшій человѣкъ, можетъ-быть, не появится даже и въ цѣлое тысячелѣтіе. Подъ великимъ человѣкомъ люди подразумѣваютъ просто талантъ, гений, а гений, Боже ты мой, понятіе весьма демократическое: столько-то фунтовъ биштекса каждый день даютъ гениевъ въ третьемъ, пятомъ, десятомъ поколѣніи. Гений въ

общеупотребительномъ значеніи не представляетъ собою ничего невѣроятнаго; передъ гениемъ останавливаешься, но онъ не поражаетъ. Представьте себѣ слѣдующее: въ ясный звѣздный вечеръ вы стоите въ обсерваторіи и смотрите въ телескопъ на созвѣздіе Оріона. Вдругъ вы слышите, какъ Фарнлей говоритъ:—«Здравствуйте, здравствуйте!». Вы оглядываетесь, Фарнлей низко кланяется, въ дверь вошелъ великій челоуѣкъ, господинъ изъ угловой ложи. И, не правда ли, вы слегка улыбаетесь и снова обращаетесь къ созвѣздію Оріона? Это разъ случилось со мною... Вы меня поняли? Я хочу сказать: обыкновеннымъ великимъ людямъ, при видѣ которыхъ простые смертные толкаютъ другъ друга локтями въ бокъ, я предпочитаю маленькихъ неизвѣстныхъ гениевъ, юношей, которые умираютъ въ раннемъ возрастѣ, потому что ихъ убиваетъ величіе ихъ души; я предпочитаю этихъ нѣжныхъ ярко сверкающихъ свѣтлячковъ, съ которыми приходится встрѣчаться, пока они еще живы, и потому только и знаешь, что они существовали. Вотъ каковъ мой вкусъ. Но самое главное, утверждаю я, это—умѣть отличать величайшее отъ великаго генія, поставить величайшее на такую высоту, чтобы оно не потонуло въ пролетаріатѣ гениевъ. Я хочу видѣть генія изъ гениевъ на подобающемъ ему мѣстѣ; такъ сдѣлайте же выборъ, заставьте меня преклониться, откажитесь отъ мѣстныхъ гениевъ, найдите наивысшее...

«На это молодой Эйенъ скажетъ, — о, я знаю его, онъ на вѣрное скажетъ: «Но вѣдь все это только одна теорія, парадоксы».

«Но я не въ состояніи видѣть въ этомъ только теорію, я прямо не въ состояніи. Видитъ Богъ, до какой степени мнѣ все представляется въ другомъ свѣтѣ. Не самъ ли я виновать въ этомъ? Я хочу сказать: не самъ ли я лично виновать въ этомъ? Я чужой, я чужестранецъ въ здѣшнемъ мірѣ, я капризъ Бога, называйте меня, какъ хотите...»

Съ возрастающимъ пыломъ:

«И я говорю: мнѣ совершенно безразлично, какъ меня называютъ. Я все равно никогда въ жизни не сдамся. Я стискиваю зубы, ожесточаю свое сердце, потому что знаю, что я правъ; если бы мнѣ даже пришлось стоять одному противъ всего свѣта, то я все-таки не сдамся! Я знаю то, что я знаю, въ глубинѣ души я правъ; иногда бываютъ мгновенія, когда я чувствую безконечную связь во всемъ. Я долженъ сказать еще нѣчто, о чемъ я забылъ: я не сдаюсь, я разобью всѣ ваши глупыя мнѣнія относительно великихъ людей. Молодой Эйенъ утверждаетъ, что мои доводы—одна только теорія. Хорошо, если это такъ, то я приведу другіе доводы, которые

еще лучше первыхъ, ибо я ничего не боюсь. И я говорю: подождите немного, я увѣренъ, что могу сказать нѣчто еще болѣе вѣское, потому что сердце мое полно справедливости; я говорю: я презираю великаго человѣка изъ уголовной ложи, для меня онъ не болѣе, какъ паяцъ и глупецъ, мои губы подергиваетъ презрительная усмѣшка, когда я вижу его выпяченную грудь и побѣдоносное выраженіе его лица. Развѣ великій человѣкъ обязанъ самому себѣ тѣмъ, что онъ гений? Развѣ онъ не родился уже гениемъ? Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ кричать ему «ура»?

«Но молодой Эйенъ спрашиваетъ: «Вѣдь вы сами хотѣли видѣть генія изъ геніевъ на подобающемъ ему мѣстѣ? Вѣдь вы восхищаетесь геніемъ изъ геніевъ, который точно такъ же неповиненъ въ томъ, что онъ гений?»

«И молодой Эйенъ думаетъ, что снова поймалъ меня въ непослѣдовательности, — вотъ какъ все представляется ему. Но я снова отвѣчаю ему, потому что святая правда говоритъ во мнѣ: да, я и не преклоняюсь передъ геніемъ геніевъ, я даже отрекаюсь отъ него, если это необходимо для того, чтобы очистить землю. Геніемъ геніевъ восхищаются за его величіе, за то, что онъ представляетъ собою предѣлъ геніальности, — какъ если бы это было его собственной заслугой, какъ если бы онъ не принадлежалъ всему человѣчеству и буквально представлялъ собою достояніе матеріи. Что гений геніевъ случайно завладѣлъ частицею геніальности своего отца, своего сына, своего внука и своего правнука и такимъ образомъ обобралъ свой родъ на нѣсколько столѣтій, въ этомъ нѣтъ личной заслуги генія геніевъ. Онъ нашелъ въ себѣ генія, понялъ его предназначеніе и не далъ ему заглохнуть... Теорія. Нѣтъ, это не теорія; замѣтьте, что это мое внутреннее убѣжденіе! Но если вы и это считаете за теорію, то я постараюсь найти еще новый выходъ, и я приведу еще третье и четвертое и пятое уничтожающее возраженіе, и сдѣлаю это настолько хорошо, насколько могу это сдѣлать, но я не сдамся.

«Но молодой Эйенъ также не хочетъ сдаваться, потому что онъ имѣетъ за собой весь свѣтъ, и онъ говоритъ: «Въ такомъ случаѣ вы никѣмъ не восхищаетесь, ни однимъ великимъ человекомъ, ни однимъ геніемъ!»

«И я отвѣчаю ему, и ему становится все болѣе и болѣе не по себѣ, потому что онъ самъ собирается сдѣлаться великимъ человекомъ. Но я снова окачиваю его холодной водой и отвѣчаю: нѣтъ, я не преклоняюсь передъ геніемъ. Но я преклоняюсь передъ результатомъ дѣятельности генія на землѣ, для которой великій человѣкъ служитъ лишь необходимымъ ору-

жѣмъ, такъ сказать, жалкимъ шиломъ, предназначеннымъ для сверленія... Ну, что? Теперь вамъ все ясно? Теперь вы поняли меня?»

Внезапно протягивая руки впередъ:

«О, я вдругъ снова увидалъ безконечную внутреннюю связь всѣхъ явленій! Какъ это ослѣпительно, какъ ослѣпительно! Великая разгадка явилась предо мною въ это мгновеніе посреди пола! Для меня не было больше ничего загадочнаго, я заглянулъ въ самую бездну. Какой ослѣпительный блескъ!»

Пауза.

«Да, да, да, да! Я чужой среди человѣчества, и скоро пробѣтъ мой часъ. Да, да... Въ сущности, какое мнѣ дѣло до великихъ людей! Никакого! Всѣ великіе люди—это одна комедія, обманъ и шарлатанство. Хорошо! Но не все ли вообще на свѣтѣ комедія, шарлатанство и обманъ? Конечно, конечно, все одинъ, лишь обманъ. И Камма, и Минута, и всѣ люди, и любовь, и жизнь—все обманъ! Все, что я вижу, и что я слышу, и что я воспринимаю—все обманъ! Даже синева небесъ—это озонъ, ядъ, обманчивый ядъ... А когда небо очень ясное и синее, тогда я медленно плыву въ своей ладѣ, и она скользитъ впередъ въ этомъ синемъ обманчивомъ озонѣ. И ладья изъ ароматнаго дерева, а парусъ...

«Дагни сама сказала, что это такъ прекрасно. Дагни, ты это сказала, и я благодарю тебя за это и за то, что ты сдѣлала меня счастливымъ тогда. Мое сердце затрепетало отъ радости. Я помню каждое слово, я ношу его въ своемъ сердцѣ и вспоминаю, когда хожу по дорогамъ и раздумываю надо всѣмъ, я ничего не забываю... И вотъ ты побѣдишь, когда пробѣтъ мой часъ. Я не хочу больше преслѣдовать тебя и не явлюсь тебѣ на фонѣ бѣлой стѣны; ты должна простить мнѣ, что я такъ говорилъ, мною овладѣло чувство мести. Нѣтъ, я буду приходить къ тебѣ и обвѣвать тебя бѣлыми крыльями во время твоего сна, и буду слѣдовать за тобою, когда ты проснешься, и нашептывать тебѣ на ухо много ласковыхъ словъ. Можетъ-быть, ты улыбнешься мнѣ, если услышишь меня,—да, можетъ-быть, ты улыбнешься. А если у меня не будетъ бѣлыхъ крыльевъ, если мои крылья, можетъ-быть, не будутъ достаточно бѣлы, то я попрошу Божьяго ангела сдѣлать это вмѣсто меня. А самъ я не буду подходить къ тебѣ, я буду стоять въ углу, въ отдаленіи и смотрѣть, не улыбнешься ли ты ему. Да, я это сдѣлаю, если это только будетъ въ моихъ силахъ, и я постараюсь исправить хоть сколько-нибудь то зло, которое я причинилъ тебѣ. О, какимъ счастьемъ наполняется мое сердце, когда я только думаю объ этомъ, и какъ мнѣ хотѣ-

лось бы имѣть возможность сдѣлать это сейчасъ же. Можетъ-быть, я могу порадовать тебя какимъ-нибудь другимъ чудеснымъ образомъ? Я буду лѣзть надъ твоей головой каждое воскресенье утромъ, когда ты будешь отправляться въ церковь, но объ этомъ я также попрошу ангеловъ. А если ангель не захочетъ этого сдѣлать и не послушается меня, то я упаду передъ нимъ на колѣни и буду молить его такъ страстно, что онъ наконецъ услышитъ меня. Я пообѣщаю ему что-нибудь хорошее за это, и я дамъ ему что-нибудь и постараюсь оказать множество услугъ, лишь бы онъ смилостивился... Да, да, я этого добьюсь и я горю отъ нетерпѣнія поскорѣе начать, меня охватываетъ восторгъ, когда я только думаю объ этомъ. Но теперь ужъ и недолго осталось ждать, я самъ ускорю наступленіе этого часа и я съ радостью жду его... Подумать только, что вдругъ исчезнетъ весь туманъ, ла-ла-ла-ла...»

Весь охваченный счастьемъ и въ состояніи экзальтаціи. Нагель сбѣжалъ съ лѣстницы и вошелъ въ столовую. Онъ все еще лѣлъ. Но тутъ одна маленькая случайность внезапно положила конецъ его веселому возбужденію и огорчила его на нѣсколько часовъ. Онъ напѣвалъ и торопливо завтракалъ, стоя у стола и не садясь, хотя онъ былъ не одинъ въ столовой. Но, замѣтивъ, что двое другихъ гостей стали бросать на него недовольные взгляды, онъ сейчасъ же извинился: если бы онъ замѣтилъ присутствіе ихъ раньше, то онъ держалъ бы себя тише. Въ такіе дни онъ ничего не видитъ и ничего не слышитъ; что за великолѣпное утро! И какъ славно жужжать мухи!

Но онъ не получилъ никакого отвѣта, оба посѣтителя продолжали сидѣть съ такими же недовольными лицами и съ достоинствомъ разговаривали о политикѣ. Настроеніе Нагеля сразу понизилось. Онъ умолкъ и тихо вышелъ изъ столовой. Выйдя на улицу, онъ зашелъ въ лавку, запасся сигарами и, по своему обыкновенію, направился въ лѣсъ. Было половина двѣнадцатаго.

«Какъ однако люди остаются вѣрны себѣ! Вотъ хоть бы взять этихъ двухъ адвокатовъ, или торговыхъ агентовъ, или помѣщиковъ, или какъ ихъ тамъ?.. Они сидѣли въ столовой и разговаривали о политикѣ, и лица у нихъ были такія злыя и надутыя только потому, что онъ позволилъ себѣ полѣзть отъ радости въ ихъ присутствіи. И съ какимъ умнымъ видомъ они жевали свой завтракъ, не терпя, чтобы кто-нибудь мѣшала имъ. Хе-хе, какъ у того, такъ и у другого было брюшко и короткіе жирные пальцы; салфетки они себѣ заткнули за воротъ подъ самымъ подбородкомъ. Въ сущности, онъ долженъ

былъ бы вернуться въ гостиницу и посмѣяться немного надъ ними. Кѣмъ могли бы быть эти высокорожденные господа? Торговые агенты, торгующіе крупами или американскими кожами, а можетъ-быть, просто глиняной посудой, кто знаетъ? Да, есть передъ чѣмъ удивляться! И все-таки имъ удалось-таки въ одно мгновеніе уничтожить его радостное настроеніе. И внѣшность-то у нихъ была не Богъ знаетъ какая! Впрочемъ, одинъ изъ нихъ былъ еще куда ни шло, но другой, — тотъ, что торгуетъ шкурами, — у него былъ совсѣмъ кривой ротъ, который открывался только на одну сторону и походилъ на петлицу. А въ ушахъ у него были цѣлые пучки сѣдыхъ волосъ. Тыфу, что за противное существо! Но не правда ли, когда такой человѣкъ сидитъ въ столовой, то развѣ можно выражать свою радость пѣніемъ!

«Да, люди всегда остаются вѣрны себѣ. Это вѣрно. Они говорятъ о политикѣ, они обсуждаютъ послѣднее назначеніе: «слава Богу, Бускеруда можно еще спасти для правой!» Хе-хе, какое наслажденіе было наблюдать за ихъ тупыми лицами, когда они говорили это! Слово норвежская политика не что иное, какъ птичья премудрость и мужицкій клей! Хе-хе, мужицкій клей!

«Но, чортъ возьми, да не распѣвай же веселыхъ пѣсенъ! Вотъ за это тебѣ и попало. Держи ухо остро: членъ стортинга Ола размышляетъ, онъ изучаетъ. Но надъ чѣмъ онъ собственно размышляетъ? Не размышляетъ ли онъ о томъ, какое политическое предложеніе ему внести завтра? Хе-хе, облеченное довѣріемъ лицо въ крошечномъ міркѣ Норвегіи, человѣкъ, избранный народомъ для того, чтобы подавать реплики, участвуя въ комедіи страны и выступая съ жевательнымъ табакомъ за щеккой въ священномъ національномъ костюмѣ и бумажномъ воротникѣ, размякшемъ отъ честнаго пота. Прочь съ дороги передъ избранникомъ народа! Посторонитесь, чортъ возьми, чтобы ему было достаточно простора!

«О, Господи Боже ты мой, какъ эти круглые, жирные нули увеличиваютъ число!

«Впрочемъ, точка. Къ чорту всѣ нули; все это шарлатанство до такой степени надѣдаетъ въ концѣ концовъ, что не хочется больше и дотрагиваться до него. Лучше уйти въ лѣсъ и лечь подъ открытымъ небомъ, тамъ больше мѣста, больше простора для чужого среди людей и для порхающихъ птицъ... Можно найти себѣ укромное мѣстечко, лечь плашмя на сырое мѣсто въ болотѣ и радоваться тому, что тебя всего пронизываетъ сырость. Уткнешься головой въ тростникъ и жирные листья, а насѣкомыя и червячки и маленькія, нѣж-

ныя ящерицы ползають по твоему платью, заползають къ тебѣ на лицо и смотрять на тебя своими зелеными блестящими глазками; и въ то же время вокругъ тебя раздается шелестъ листвы, и тебя обвѣваетъ нѣмымъ покоемъ неподвижнаго воздуха, а тамъ вверху сидитъ Господь Богъ и смотритъ на тебя внизъ, какъ на Свой самый капризный капризь. Хо-хо, тебя охватываетъ какое-то особенное настроеніе, тебя пронизываетъ какая-то невѣдомая дьявольская радость, какой ты еще никогда не испытывалъ. Тебя наполняетъ какое-то безуміе, и ты смѣшиваешь правое съ неправымъ, переворачиваешь весь свѣтъ вверхъ дномъ и радуешься, словно ты совершилъ похвальное дѣло. Почему бы и нѣтъ? Когда находишься подъ такимъ страннымъ вліаніемъ, то невольно подчиняешься ему, позволяешь увлечь себя на зло, какъ бы ожесточившись. Испытываешь неудержимое стремленіе возвыситься до небесъ все то, надъ чѣмъ до сихъ поръ насмѣхался и чтѣ поносилъ; радуешься тому, что чувствуешь себя способнымъ одержать побѣду въ защиту вѣчнаго мира; у тебя является желаніе учредить комиссію для усовершенствованія обуви почтальоновъ, замолвить словечко за Понтуса Викнера и выступить въ защиту вселенной и Бога. Къ чорту внутреннюю связь между явленіями, она уже не интересуется тебя больше, ты машешь на нее рукой, и дѣло съ концомъ! Хо-хо, не правда ли, даешь волю своимъ чувствамъ, настраиваешь свою арфу и расцѣваешь псалмы и пѣсни, такъ что гулъ раздается кругомъ!

«Съ другой стороны, даешь полную волю своимъ чувствамъ и отдаешься во власть какому-то хаосу. Пусть тебя несетъ, пусть несетъ! Такъ пріятно безъ сопротивленія отдаться этому хаотическому настроенію! И зачѣмъ сопротивляться? Хе-хе, нельзя ли разрѣшить замѣшкавшемуся страннику провести послѣднее мгновеніе такъ, какъ ему самому хочется. Да или нѣтъ? Точка. И ты проводишь эти мгновенія такъ, какъ тебѣ это заблагоразсудится.

«Однако можно было бы сдѣлать что-нибудь полезное, можно было бы употребить свое вліаніе на пользу внутреннихъ государственныхъ задачъ, на пользу японскаго искусства или Халлингдальской желѣзной дороги, въ пользу чего бы то ни было, лишь бы использовать свое вліаніе и содѣйствовать чему-нибудь. Тебѣ приходитъ вдругъ въ голову, что такой человекъ, какъ І. Хансенъ, тотъ уважаемый портной, у котораго ты когда-то купилъ сюртукъ для Минуты, что этотъ человекъ имѣетъ за собой огромныя заслуги, какъ гражданинъ и человекъ; начинаешь питать къ нему глубокое уваженіе и

наконецъ проникаешься къ нему любовью. Но почему ты любишь его? Изъ каприза, изъ упрямства, изъ какой-то ожесточенной радости, потому что тебя охватываетъ какое-то странное настроеніе, которому ты отдаешься. Ты шопотомъ выражаешь ему свое восхищеніе, искренно желаешь ему всякаго благополучія, а уходя отъ него, суешь ему въ руку свою собственную медаль за спасеніе. Почему бы этого и не сдѣлать, разъ отдаешься страннымъ вліяніямъ? Но этого мало, начинаешь еще раскаиваться въ томъ, что когда-то непочтительно отзывался о членѣ стортинга Ола! И тутъ только окончательно отдаешься во власть самому упоительному безумію; хо-хо, какъ ему отдаешься!

«Чего только ни сдѣлалъ Ола изъ стортинга для государства! Мало-по-малу у тебя раскрываются глаза на его вѣрную и честную дѣятельность, и сердце твое смягчается, ты трогаешься до глубины души и начинаешь рыдать и плакать изъ состраданія къ нему, и даешь клятву въ глубинѣ своей души вознаградить его вдвойнѣ и втройнѣ. Мысль объ этомъ старикѣ изъ страждущаго народа наполняетъ твое сердце такимъ глубокимъ состраданіемъ, что ты готовъ завывать. Чтобы вознаградить Ола, ты начинаешь чернить всѣхъ другихъ людей, весь свѣтъ, ты наслаждаешься тѣмъ, что ѳтнимаешь все у другихъ и отдаешь ему, выискиваешь самыя изысканныя и самыя прекрасныя слова, чтобы только возвеличить его. Кончаешь тѣмъ, что утверждаешь, будто Ола совершилъ все самое важное на землѣ, что онъ написалъ единственное сочиненіе о спектральномъ анализѣ, что онъ одинъ въ 1719 году вспахалъ всѣ американскія преріи, что онъ изобрѣлъ телеграфъ, въ довершеніе всего побывалъ на Сатурнѣ и пять разъ разговаривалъ съ Богомъ. Прекрасно знаешь, что Ола ничего этого не дѣлалъ, но изъ-за безпредѣльной доброты ты утверждаешь все-таки, что онъ сдѣлалъ это, сдѣлалъ это, и ты плачешь, бранишься и клянешься, обрекая себя на самыя ужасныя муки ада, что именно Ола и не кто другой сдѣлалъ все это. Почему ты это дѣлаешь? Изъ доброты, чтобы вознаградить Ола стортицею! И вдругъ ты начинаешь распѣвать, чтобы вознаградить Ола еще больше, ты поешь развратныя и богохульственныя пѣсни и утверждаешь, что Ола создалъ міръ и поставилъ солнце и звѣзды на ихъ мѣста и затѣмъ держитъ всю вселенную въ порядкѣ; и къ этому ты прибавляешь цѣлый рядъ ужаснѣйшихъ клятвъ, утверждая, что это истинная правда. Однимъ словомъ, ты позволяешь своимъ мыслямъ дойти до опьяняющей распушенности въ смыслѣ доброты сердечной, до утонченнаго злоупотребленія клятвами и бого-

хульствами. И каждый разъ, когда тебѣ приходитъ въ голову нѣчто дѣйствительно неслыханное, ты подтягиваешь колѣни кверху и хихикаешь отъ радости, что тебѣ удалось такъ хорошо вознаградить Ола. Да, пусть Ола получить все, Ола это заслужилъ, потому что ты непочтительно отзывался о немъ и теперь раскаиваешься въ этомъ».

Пауза.

«Какъ это было? Не сказалъ ли ты разъ ужаснѣйшую пошлость объ одномъ тѣлѣ, которое... да, о мертвомъ тѣлѣ... Пстой-ка, это касалось одной молодой дѣвушки, которая умерла и съ благодарностью вернула Господу свое тѣло, которымъ она не воспользовалась. Ахъ, да, это была Мина Меекъ, теперь я вспомнилъ, и я готовъ сгорѣть отъ стыда. Чего только ни болтаешь зря, на вѣтеръ, а потомъ раскаиваешься и готовъ завывать отъ стыда, который до боли пронизываетъ тебя! Правда, это слышалъ только Минута, но мнѣ стыдно передъ самимъ собой. Не говорю уже о томъ, что я разъ сморозилъ еще и не такую чепуху—и этого я никогда не забуду—относительно эскимоса и бювара. Нѣтъ, не надо вспоминать этого. Господи, отъ этого можно хоть сквозь землю провалиться!.. Тше, закались, къ чорту угрызенія совѣсти! Думай о томъ, что настанетъ день, когда всѣ праведники всѣхъ народовъ соберутся въ царствіи небесномъ. И ты будешь среди нихъ! О, Боже, до чего все это скучно! Господи, какъ все это скучно...»

Придя въ лѣсъ, Нагель бросился на первую попавшуюся полянку, поросшую верескомъ, и спряталъ лицо въ руки. Чтò за смятеніе въ его мозгу, чтò за хаосъ самыхъ невѣроятныхъ мыслей! Немного спустя онъ заснулъ. Не прошло и четырехъ часовъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ всталъ, но, несмотря на это онъ заснулъ глубокимъ сномъ, смертельно измученный и утомленный.

Наступилъ уже вечеръ, когда онъ проснулся. Онъ оглянулся кругомъ: солнце садилось за паровой мельницей въ бухтѣ, а птички порхали съ дерева на дерево и щебетали. Голова его была въ полномъ порядкѣ, не осталось и слѣда сумбурныхъ мыслей, никакой горечи, онъ былъ совершенно спокоенъ. Онъ прислонился къ стволу дерева и задумался. Совершить это сейчасъ? Почему бы и нѣтъ? Нѣтъ, ему надо еще привести въ порядокъ кое-что, написать письмо сестрѣ, оставить Мартѣ небольшую память въ конвертѣ; сегодня вечеромъ ему еще нельзя умереть. Да и въ гостиницѣ онъ еще не уплатилъ свой счетъ. О Минутѣ также ему хотѣлось бы позаботиться... И онъ медленно направился въ гостиницу. Но

завтра вечеромъ это должно совершиться, въ полночную пору, безъ всякихъ приготовленій, просто и быстро.

Пробило уже три часа утра, а онъ все еще стоялъ у окна своей комнаты, устремивъ взоръ на базарную площадь.

XIX.

На слѣдующую ночь около двѣнадцати часовъ Нагель вышелъ наконецъ изъ гостиницы. Онъ не сдѣлалъ никакихъ особенныхъ приготовленій, онъ написалъ только своей сестрѣ и вложилъ немного денегъ въ конвертъ для Марты; его чемоданы, футляръ отъ скрипки и старое кресло, которое онъ купилъ, находились на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Нѣсколько книгъ валялись на его столѣ. Хозяину гостиницы онъ также не уплатилъ, онъ совершенно забылъ объ этомъ. Уходя изъ дому, онъ попросилъ Сару стереть пыль съ подоконниковъ къ его приходу, и Сара обѣщала это сдѣлать, несмотря на то, что это было среди ночи; онъ тщательно вымылъ себѣ лицо и руки и только тогда ушелъ.

Онъ все время былъ совершенно спокоенъ, имъ овладѣла даже какая-то вялость. Господи, есть ли изъ-за чего трубить въ трубы и подымать шумъ! Годомъ раньше, годомъ позже, это не имѣетъ никакого значенія, къ тому же съ этой мыслью онъ уже давно примирился. А теперь онъ окончательно усталъ отъ всѣхъ своихъ разочарованій, своихъ несбывшихся надеждъ, отъ всей этой комедіи, этого ежедневнаго обмана со стороны всѣхъ людей. Онъ еще разъ подумалъ о Минутѣ, для котораго также оставилъ конвертъ съ небольшой суммой денегъ, несмотря на то, что его недовѣріе къ этому несчастному калѣкѣ никогда не покидало его. Онъ вспомнилъ фру Стенерсенъ и подумалъ о томъ, что эта больная, страдающая астмой женщина обманываетъ своего мужа у него же на глазахъ и никогда ничѣмъ не выдаетъ себя. У него мелькнула мысль о Каммѣ, этой маленькой алчной женщинѣ, которая протягивала къ нему свои предательскія руки и преслѣдовала его всюду, куда бы онъ ни уѣзжалъ, чтобы имѣть только возможность шарить въ его карманахъ и брать еще и еще. На востокъ и на западъ, у себя на родинѣ и за границей, онъ повсюду встрѣчалъ однихъ и тѣхъ же людей; все такъ пошло, такъ ложно, такъ безстыдно-коварно, начиная съ нищаго, носящаго здоровую руку на повязкѣ, и кончая голубымъ небомъ, представляющимъ собой лишь озонъ. А самъ онъ, развѣ онъ лучше? Нѣтъ, нѣтъ, самъ онъ ничуть не лучше! Но теперь онъ уже близокъ къ развязкѣ.

Онъ пошелъ по набережной, чтобы еще разъ посмётрѣть на суда; а когда онъ проходилъ мимо послѣдней пристани, то вдругъ снялъ съ пальца желѣзное кольцо и бросилъ его въ море. Онъ видѣлъ, какъ оно упало далеко отъ берега. Ну, вотъ, хоть въ послѣднюю минуту дѣлаешь маленькую попытку освободиться отъ шарлатанства!

У домика Марты Гуде онъ остановился и въ послѣдній разъ заглянулъ въ окна. Тамъ, по обыкновенію, все было тихо и спокойно; никого не было видно.

— Прощай! — сказалъ онъ.

И онъ пошелъ дальше.

Самъ того не замѣчая, онъ пошелъ по направленію къ усадьбѣ священника. Онъ замѣтилъ это только тогда, когда сквозь порѣдѣвшія деревья сталъ виденъ дворъ усадьбы. Онъ остановился. Куда онъ идетъ? Зачѣмъ онъ пришелъ сюда? Бросить послѣдній взглядъ на два окна во второмъ этажѣ, въ тщетной надеждѣ увидѣть лицо, которое никогда не показывалось, никогда—нѣтъ, туда не надо итти! Правда, онъ все время намѣревался это сдѣлать, но онъ этого не сдѣлаетъ. Съ минуту онъ постоялъ на мѣстѣ и долго не сводилъ взора съ усадьбы священника, онъ колебался, его сердце молило его...

— Прощай! — сказалъ онъ.

Онъ круто повернулъ и пошелъ по боковой дорожкѣ, ведущей въ глубь лѣса.

Теперь надо итти, куда глаза глядятъ, и остановиться на первомъ попавшемся мѣстѣ. Главное, никакихъ преднамѣренныхъ расчетовъ, никакой сентиментальности; до чего только ни дошелъ Карльсенъ въ своемъ смѣшномъ отчаяніи! Да и стоить ли это маленькое дѣло такихъ торжественныхъ подготовленій!.. Онъ замѣчаетъ вдругъ, что на одномъ башмакѣ у него развязался шнурокъ, и онъ останавливается, ставитъ ногу на кочку и тщательно завязываетъ шнурокъ. Немного спустя онъ садится.

Онъ сѣлъ совершенно безсознательно, не отдавая себѣ въ этомъ отчета. Онъ осмотрѣлся кругомъ: высокія ели, со всѣхъ сторонъ высокія ели, кое-гдѣ кусты можжевельника, земля покрыта верескомъ. Хорошо, хорошо!

Затѣмъ онъ вынимаетъ свой бумажникъ. Онъ вкладываетъ въ него письма къ Мартѣ и Минутѣ. Въ особомъ отдѣленіи лежитъ носовой платокъ Дагни, завернутый въ бумагу. Онъ вынимаетъ его, цѣлуетъ нѣсколько разъ, опускается на колѣни и снова цѣлуетъ платокъ, и послѣ этого медленно рветъ его на мелкіе куски. Все это беретъ у него довольно много времени. Уже часть, половина второго, а онъ все еще

продолжаетъ безъ конца рвать эти крошечные клочки, оставшіеся отъ платка. Наконецъ отъ платка остались почти однѣ только нитки, онъ собираетъ ихъ и прячетъ подъ камнемъ, прячетъ какъ можно лучше, чтобы никто не могъ найти и снова садится. Ну, теперь, кажется, все сдѣлано. И онъ старается припомнить, не забылъ ли чего-нибудь, но ничего не можетъ вспомнить. Тогда онъ заводитъ свои часы, которые онъ обыкновенно заводилъ каждый вечеръ, ложась спать.

Онъ осматривается по сторонамъ; въ лѣсу очень темно; онъ нигдѣ не замѣчаетъ ничего подозрительнаго. Онъ прислушивается, задерживаетъ дыханіе и слушаетъ,—не слышно ни одного звука, птицы молчатъ, ночь тиха и неподвижна, все погрузилось въ мертвый покой. И онъ засовываетъ пальцы въ карманъ жилета и вынимаетъ оттуда маленькій пузырекъ.

Въ пузырекѣ стеклянная пробка, пробка покрыта тройнымъ бумажнымъ колпачкомъ, плотно перевязаннымъ синей аптекарской бечевкой. Онъ развязываетъ бечевку и вынимаетъ пробку. Жидкость прозрачна, какъ вода, и издаетъ легкій миндальный запахъ. Онъ подноситъ пузырекъ къ глазамъ, пузырекъ наполненъ до половины. Въ эту минуту до него доносится издалека какой-то странный звукъ, два замирающихъ гулкихъ удара: это городскіе часы пробили два. Онъ шепчетъ: «Часъ пробилъ!» И онъ быстро подноситъ пузырекъ ко рту и опоражняетъ его.

Въ первую минуту онъ продолжалъ сидѣть прямо, съ закрытыми глазами, съ пустымъ пузырькомъ въ одной рукѣ и пробкой въ другой. Все это произошло такъ незамѣтно и просто, что онъ не успѣлъ отдать себѣ ни въ чемъ отчета. Но немного спустя мысли его начали снова работать, онъ открылъ глаза и растерянно посмотрѣлъ кругомъ. Всего этого,—этихъ деревьевъ, этого неба, этой земли онъ никогда больше не увидитъ! Какъ это странно! Ядъ уже проникъ въ его жилы, онъ заполняетъ всѣ мелкіе сосуды, скоро начнутся судороги, а вслѣдъ затѣмъ онъ превратится въ неподвижный, застывшій трупъ.

Онъ ясно чувствуетъ горькій вкусъ во рту, и языкъ его все болѣе и болѣе стягивается. Онъ начинаетъ дѣлать бессмысленныя движенія руками, чтобы убѣдиться, насколько смерть успѣла уже овладѣть имъ, потомъ считаетъ деревья вокругъ себя, насчитываетъ до десяти и бросаетъ это. Неужели же онъ дѣйствительно умретъ? Умретъ въ эту ночь? Нѣтъ, нѣтъ! Не въ эту ночь! Ахъ, какъ все это странно!

Да, онъ умретъ, онъ такъ ясно чувствуетъ въ своихъ

внутренностяхъ дѣйствіе кислоты. Но почему же теперь, почему сейчасъ? О, Боже, пусть это не свершится сейчасъ! Нѣтъ, нѣтъ, только не сейчасъ! Неужели же надо умереть сейчасъ? Какой туманъ началъ уже застилать его глаза! Какой гулъ раздается въ лѣсу, хотя вѣтра совсѣмъ нѣтъ! И почему надъ верхушками деревьевъ проносятся красныя облака?.. Ахъ, только не сейчасъ, только не сейчасъ! Нѣтъ, слышишь, нѣтъ! Что же мнѣ дѣлать? Я не хочу умирать! О, Боже милостивый, что мнѣ дѣлать?

И вдругъ въ его мозгу съ непреодолимой силой начинаютъ работать самыя разнообразныя мысли. Онъ еще не можетъ умереть, онъ не приготовился къ смерти, онъ долженъ предварительно еще окончить тысячу всевозможныхъ дѣлъ, — и мозгъ его пылаетъ отъ сознанія всего того, что ему надо еще выполнить передъ смертью. Онъ не уплатилъ еще свой счетъ въ гостиницѣ, онъ совсѣмъ забылъ про это, да, видитъ Богъ, это непростительная разсѣянность съ его стороны, и онъ долженъ исправить это упущеніе! Нѣтъ, смерть должна пощадить его еще только на эту ночь! Да, онъ проситъ пощады только на одинъ часъ, немного болѣе, чѣмъ на одинъ часъ! Великій Боже, онъ забылъ также написать еще одно письмо, еще нѣсколько строкъ одному человѣку въ Финляндіи относительно своей сестры, всего ея состоянія!.. Мозгъ его работалъ въ состояніи этого ужаснаго отчаянія съ такимъ напряженіемъ, что онъ вспомнилъ даже о различныхъ газетахъ, на которыя онъ абонировался. Онъ не далъ знать, что прекращаетъ свою подписку, и газеты будутъ постоянно приходить, онѣ наводняютъ его комнату съ пола до самаго потолка. Что же ему теперь дѣлать! Вѣдь онъ уже наполовину мертвъ!

Онъ обѣими руками вырываетъ верескъ, бросается плашмя на землю и старается избавиться отъ яда, засовываетъ себѣ пальцы въ горло, но все тщетно. Нѣтъ, онъ не хочетъ умирать, онъ не хочетъ умереть въ эту ночь, и завтра также нѣтъ, онъ совсѣмъ не хочетъ умирать, онъ хочетъ жить, онъ вѣчно хочетъ видѣть солнце. Онъ не допуститъ, чтобы эти нѣсколько капель яду остались въ его организмѣ, онъ извергнетъ ихъ прежде, чѣмъ онѣ убьютъ его, да, да, онъ извергнетъ ихъ во что бы то ни стало!

Обезумѣвъ отъ страха, онъ вскакиваетъ и начинаетъ бѣгать по лѣсу, отыскивая воду. И онъ кричитъ: «Воды, воды!» И эхо далеко разноситъ по лѣсу его крики. Нѣсколько минутъ онъ, какъ безумный, мечется во всѣхъ направленіяхъ, натывается на древесныя стволы, перепрыгиваетъ черезъ кусты можжевельника и громко стонетъ. Но воды онъ нигдѣ

не находить. Наконецъ онъ спотыкается и падаетъ ничкомъ, при паденіи его руки зарываются въ землю, поросшую верескомъ, и онъ чувствуетъ слабую боль въ одной щекѣ. Онъ пытается двинуться, встать, но паденіе ошеломило его, онъ снова опускается на землю, и слабость все болѣе и болѣе овладеваетъ имъ, и онъ уже больше не встаетъ.

Ну, что же дѣлать, надо покориться! О, Господи Боже, такъ, значить, онъ все-таки умретъ! Можетъ-быть, если бы у него хватило силъ найти воды, онъ могъ бы еще спастись! О, какъ все грустно кончилось, а было время, когда онъ мечталъ совсѣмъ о другомъ! Теперь ему предстоитъ умереть отъ яда подъ открытымъ небомъ! Но почему его тѣло еще не начало коченѣть? Онъ можетъ двигать пальцами, открывать глаза... Какъ это долго тянется, какъ это мучительно-долго тянется!

Онъ проводитъ рукой по лицу, оно холодное и совершенно мокрое отъ пота. Онъ упалъ на лицо, внизъ головой, онъ такъ и остается лежать и уже больше не шевелится. Каждый членъ его тѣла дрожить еще; онъ разорвалъ себѣ щеку и не обращаетъ вниманія на то, что изъ раны течетъ кровь. Какъ долго это тянется, какъ безконечно долго! Онъ лежитъ терпѣливо и ждетъ. Снова слышитъ онъ, какъ бьютъ башенные часы въ городѣ, пробило три. Это поражаетъ его; неужели же онъ цѣлый часъ прожилъ съ ядомъ въ крови и до сихъ поръ еще не умеръ? Онъ приподнимается на локтѣ и смотритъ на свои часы; да, три часа. Какъ это, однако, долго тянется!

Да, пожалуй, это все-таки хорошо, что онъ теперь умираетъ; и вдругъ онъ вспомнилъ о Дагни, вспомнилъ, какъ онъ хотѣлъ каждое воскресенье утромъ пѣть надъ ея головой и дѣлать ей много добра. При этой мысли его охватила радость, и у него выступили слезы на глазахъ. Онъ расчувствовался и съ тихими слезами и молитвой сталъ перебирать въ умѣ все, что будетъ дѣлать для Дагни. О, какъ онъ будетъ оберегать ее отъ всего дурного! Можетъ-быть, уже завтра онъ прилетитъ къ ней и будетъ возлѣ нея. О, Боже, если бы онъ могъ это сдѣлать уже завтра, чтобы она проснулась въ самомъ радостномъ настроеніи! Какъ это было нехорошо съ его стороны, что онъ еще минуту назадъ не хотѣлъ умирать, зная, что онъ можетъ доставить ей радость. Да, теперь онъ раскаивается въ этомъ и проситъ у нея прощенія. Онъ не понимаетъ, гдѣ были раньше его мысли? Но теперь она можетъ положиться на него, онъ всѣми силами души стремится прилетѣть къ ней въ комнату и стать у ея постели.

Черезъ нѣсколько часовъ, можетъ-быть, уже черезъ часъ, онъ будетъ тамъ, да, онъ будетъ тамъ. И ему, навѣрно, удастся упросить какого-нибудь Божьяго ангела сдѣлать это за него, если онъ самъ не будетъ въ состояніи исполнить это; онъ пообѣщаетъ ангелу за это много хорошаго. Онъ скажетъ ему: «Я не бѣлъ, ты можешь это сдѣлать, ибо ты бѣлъ, и за это ты можешь сдѣлать со мной все, что хочешь. Ты смотришь на меня, потому что я черенъ! Да, конечно, я черенъ, но чему же тутъ удивляться? И я охотно соглашусь оставаться чернымъ еще долгое-долгое время, лишь бы ты оказалъ мнѣ милость, о которой я тебя прошу. Я могу оставаться чернымъ лишній миллионъ лѣтъ, и даже быть еще чернѣе, если только ты потребуешь этого. И за каждое воскресенье, которое ты будешь пѣть для нея, мы можемъ прибавлять еще по миллиону лѣтъ, если ты только пожелаешь этого. Я не лгу, я предложу тебѣ еще многое другое за это, я не пожалѣю ничего, только услышь меня! Ты не полетишь одинъ, я буду вмѣстѣ съ тобой, я понесу тебя на своихъ крыльяхъ, я съ радостью сдѣлаю это и не запачкаю тебя, хотя я и черенъ. Я сдѣлаю все, чтобы избавить тебя отъ труда. Не могу ли я также подарить тебѣ что-нибудь изъ того, что мнѣ принадлежитъ? Можетъ-быть, тебѣ пригодится мой подарокъ. Я всегда буду помнить объ этомъ, когда мнѣ будутъ дарить что-нибудь. Можетъ-быть, счастье мнѣ улыбнется, и мнѣ удастся подарить тебѣ много хорошаго, какъ знать?..»

Да, въ концѣ концовъ ему, навѣрное, удастся уговорить Божьяго ангела сдѣлать это, онъ въ этомъ увѣренъ...

Снова бьютъ башенные часы. Онъ почти безсознательно считаетъ четыре удара и уже не задумывается больше надъ этимъ. Главное, надо быть терпѣливымъ. Затѣмъ онъ сложилъ руки и сталъ молиться о томъ, чтобы смерть пришла скорѣе, черезъ нѣсколько минутъ; тогда онъ успеетъ еще прилетѣть къ Дагни до ея пробужденія. Онъ сталъ бы благодарить за это всѣхъ и восхвалять все на свѣтѣ; это будетъ великая милость, и теперь это его единственное завѣтное желаніе...

Онъ закрылъ глаза и заснулъ.

Онъ проснулся три часа. Когда онъ проснулся, солнце свѣтило прямо на него, и вокругъ него раздавалось неумолкаемое и веселое щебетаніе птицъ. Онъ поднялся и осмотрѣлся кругомъ; вдругъ онъ вспомнилъ все, что было съ нимъ ночью; пузырекъ лежалъ еще рядомъ съ нимъ, и онъ вспомнилъ, какъ горячо подъ конецъ молилъ Бога о томъ, чтобы смерть пришла скорѣе. А онъ все еще живъ! Снова какое-то непредвидѣнное обстоятельство стало ему поперекъ дороги!

Онъ ничего не понималъ, напрасно онъ ломалъ себѣ голову надъ этой загадкой, онъ сознавалъ только, что все еще живъ!

Онъ всталъ, поднялъ пузырекъ и прошелъ нѣсколько шаговъ. Да, повсюду онъ встрѣчаетъ одни препятствія, какъ бы онъ ни былъ искрененъ въ своихъ намѣреніяхъ! Что случилось съ ядомъ? Вѣдь это была настоящая синильная кислота, докторъ сказалъ, что этого достаточно, — болѣе чѣмъ достаточно. Да вѣдь у него же на глазахъ отъ одного лишь глотка моментально околѣла собака въ усадьбѣ священника. Это тотъ же самый пузырекъ, онъ былъ наполовину наполненъ, онъ помнилъ, что своими собственными глазами убѣдился въ этомъ. И пузырекъ этотъ никогда не бывалъ въ чужихъ рукахъ, онъ всегда носилъ его въ карманѣ своего жилета. О, что за тайное проклятіе преслѣдуетъ его на каждомъ шагу!

И вдругъ, точно молнія, у него въ мозгу пронеслась мысль о томъ, что пузырекъ все-таки побывалъ въ чужихъ рукахъ. Онъ остановился и невольно прищелкнулъ пальцами. Сомнѣнія нѣтъ, этотъ пузырекъ пробылъ у Минуты въ продолженіе цѣлой ночи; онъ вспомнилъ, что послѣ своей холостой пирушки отдалъ Минутѣ свой жилетъ; пузырекъ, часы и нѣсколько бумагъ оставались въ карманѣ. На слѣдующій день рано утромъ Минута возвратилъ ему всѣ эти вещи. О, этотъ старый, придурковатый уродъ снова проявилъ свое коварное добросерденіе! Что за остроуміе, какая хитрая продѣлка!

Нагеля охватила досада, и онъ стиснулъ зубы. Что онъ говорилъ тогда ночью у себя въ комнатѣ? Развѣ онъ не заявилъ самымъ опредѣленнымъ образомъ, что у него не хватитъ мужества самому воспользоваться этимъ ядомъ, а этотъ лицемѣрный и придурковатый уродъ сидѣлъ тутъ же рядомъ съ нимъ на стулѣ и позволилъ себѣ втихомолку не вѣрить его словамъ! Этакій негодяй! Проныра! Онъ пошелъ прямо отъ него домой, вылилъ изъ пузырька содержимое, вѣроятно, даже выполоскалъ его хорошенько послѣ этого, и затѣмъ наполнилъ до половины водой. И послѣ этого подвига онъ преспокойно улегся и проспалъ до самаго утра.

Нагель пошелъ по направленію къ городу. Онъ немного отдохнулъ и теперь отдавалъ себѣ ясный отчетъ во всемъ, и на душѣ у него было очень горько. Ночной инцидентъ унижилъ его и сдѣлалъ смѣшнымъ въ собственныхъ глазахъ: подумать только, вѣдь ему даже казалось, что эта вода издаетъ миндальный запахъ, ему казалось, что отъ этой воды у него стянуло языкъ! Онъ чувствовалъ даже, какъ его охватило смертельнымъ холодомъ отъ этой воды! И онъ бѣсновался и метался по всему лѣсу, прыгая, какъ козель, черезъ пни и

камни изъ-за глотка самой обыкновенной колодезной воды. Въ себя отъ гнѣва и стыда онъ остановился и громко крикнулъ; но онъ сейчасъ же боязливо оглянулся, испугавшись, что кто-нибудь могъ его услышать, и началъ нагѣвать что-то, чтобы скрыть свое замѣшательство.

По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, настроеніе его становилось все мягче подъ вліяніемъ теплаго солнечнаго утра и неумолкаемаго пѣнія птицъ. Навстрѣчу ему попалась телѣга; парень, сидѣвшій въ ней, поздоровался съ нимъ, и Нагель отвѣтилъ на его поклонъ. Собака, бѣжавшая рядомъ съ возомъ, ласково помахала хвостомъ и посмотрѣла ему прямо въ лицо... Но почему же ему не удалось умереть въ эту ночь честно и благородно? Онъ все не могъ успокоиться, вспоминая объ этомъ; вѣдь его уже охватилъ покой, и онъ искренно радовался, что скоро настанетъ конецъ, онъ чувствовалъ радость до тѣхъ поръ, пока не закрылъ глаза и его не начала одолевать дремота. Теперь Дагни уже встала, можетъ-быть, она уже вышла изъ дому, а онъ ничѣмъ не могъ порадовать ее. Какое унижительное чувство охватывало его при мысли о томъ, что онъ былъ такъ позорно одураченъ! Минута прибавилъ еще одно доброе дѣло къ безконечному списку своихъ добрыхъ дѣлъ, онъ оказалъ ему услугу, онъ спасъ ему жизнь, — онъ сдѣлалъ для него именно то, что онъ самъ когда-то сдѣлалъ для чужого человѣка, для несчастнаго, который не хотѣлъ спускаться на берегъ въ Гамбургѣ. Тогда-то онъ и заслужилъ свою медаль за спасеніе, хе-хе, *заслужилъ* медаль за спасеніе. Да, спасаешь людей, не задумываясь даже надъ тѣмъ, что дѣлаешь доброе дѣло, — не долго думая, идешь и спасаешь человѣка отъ смерти!

Охваченный стыдомъ передъ самимъ собой, онъ тихонько пробрался въ свою комнату и опустился на стулъ. Въ комнатѣ было чисто и уютно, окна были протерты, и на нихъ висѣли чистыя занавѣси. На столѣ стоялъ букетъ полевыхъ цвѣтовъ. Никогда у него раньше въ комнатѣ не бывало цвѣтовъ, этотъ сюрпризъ вызвалъ въ немъ радостное удивленіе, и онъ сталъ потирать себѣ руки. Какая пріятная неожиданность какъ разъ въ такой день. Какое милое вниманіе со стороны несчастной служанки въ гостиницѣ. Что за добрая душа эта Сара! Да, это утро дѣйствительно какое-то особенно радостное и свѣтлое. Даже у всѣхъ людей тамъ внизу на площади лица сіяютъ отъ счастья; продавецъ гипсовыхъ издѣлій сидитъ за своимъ столомъ и спокойно покуриваетъ трубку, несмотря на то, что не продалъ ни на одинъ эре товара. Можетъ-быть, это вовсе ужъ не такъ нехорошо, что его безумные планы

не удались ему въ эту ночь? Онъ съ ужасомъ подумалъ о томъ страхѣ, который пережилъ, когда метался по лѣсу въ поискахъ за водой; его и теперь еще охватывала дрожь, когда онъ вспоминалъ это, и, спокойно сидя въ уютной, свѣтлой комнатѣ, въ которую врывались цѣлые снопы солнечныхъ лучей, онъ вдругъ почувствовалъ, что спасенъ отъ всего злого, и это сознание наполнило его блаженствомъ. А кромѣ того, вѣдь въ его распоряженіи всегда остается хорошее и надежное средство, къ которому онъ еще не прибѣгалъ! Въ первый разъ каждаго можетъ постигнуть неудача, не такъ-то легко умереть; но вѣдь существуетъ еще маленькій шестизарядный револьверъ, который въ случаѣ надобности можно получить въ первомъ попавшемся оружейномъ магазинѣ. Чтò отложено, то не потеряно...

Въ дверь постучала Сара. Она слышала, что онъ пришелъ, и пришла сказать, что завтракъ поданъ. Когда она повернулась, чтобы уйти, онъ окликнулъ ее и спросилъ, не отъ нея ли цвѣты.

Да, отъ нея; не стоить благодарности.

Но онъ все-таки пожалъ ей руку.

Она спросила съ улыбкой:

— Гдѣ вы пропадали всю ночь? Вѣдь васъ всю ночь не было дома!

— Знаете, — отвѣтилъ онъ ей: — съ вашей стороны это такъ мило, что вы поставили мнѣ цвѣты; вы и окна вымыли и повѣсили чистыя занавѣси сегодня ночью. Не могу сказать, какъ вы порадовали меня этимъ и какъ я вамъ благодаренъ за это!

И вдругъ его охватило то безумное настроеніе, когда онъ безвольно поддавался минутному капризу, и онъ говоритъ:

— Послушайте, у меня была съ собой шуба, когда я пріѣхалъ сюда. Богъ знаетъ, куда она дѣвалась, но я знаю навѣрное, что у меня была шуба, и я хочу подарить ее вамъ. Да, да, я это дѣлаю изъ благодарности. Я это твердо рѣшилъ, — шуба ваша!

Сара разразилась громкимъ смѣхомъ. На что ей шуба?

Да, она права; но это ужъ ея дѣло; пусть только она ее приметъ, пусть приметъ ее и доставить ему это удовольствіе... И ея чистосердечный смѣхъ заразилъ и его, и онъ также началъ смѣяться. Онъ началъ шутить съ ней: Боже, какія у нея великолѣпныя плечи! Но можетъ ли она себѣ представить, вѣдь ему удалось разъ видѣть ее въ такую минуту, когда она и не подозрѣвала объ этомъ. Это было въ столовой, она стояла на столѣ и вытирала потолокъ, онъ подсмат-

риваль въ дверную щель. Юбка у нея была высоко подобрана, и онъ видѣлъ ея ногу, верхнюю часть ноги, да, онъ видѣлъ полъ-локтя очень красивой ноги. Хе-хе-хе! Но, чтобы не забыть... онъ еще до наступленія вечера подаритъ ей браслетъ, онъ сдѣлаетъ это черезъ два часа, — она можетъ повѣрить ему. А кромѣ того, пусть она не забываетъ, что шуба принадлежитъ ей..

Что за странный человекъ, ужь не сошелъ ли онъ съ ума? Сара смѣялась, но всѣ его странныя причуды начали внушать ей страхъ. Третьяго-дня, когда прачка принесла ему бѣлье, онъ далъ ей гораздо больше денегъ, чѣмъ ей слѣдовало получить; сегодня онъ даритъ ей свою шубу. Недаромъ по городу ходятъ разные слухи о немъ.

XX.

Да, онъ сошелъ съ ума, онъ сошелъ съ ума! Въ этомъ не было никакого сомнѣнія, потому что Сара предлагала ему кофе, молоко, чай, предлагала ему пиво и все, что только приходило ей въ голову, но онъ все-таки всталъ изъ-за стола, едва успѣвъ сѣсть и не дотронувшись до завтрака. Онъ вдругъ вспомнилъ, что какъ разъ въ это время Марта всегда приходила на рынокъ со своими яйцами; можетъ-быть, она уже вернулась; какое было бы счастье, если бы ему удалось повидать ее сегодня, именно сегодня. Онъ снова идетъ въ свою комнату и садится у окна.

Вся рыночная площадь передъ его глазами, но Марты онъ нигдѣ не видитъ. Онъ ждетъ полчаса, часъ, внимательно наблюдаетъ за всѣми углами, но все напрасно. Въ концѣ концовъ все его вниманіе сосредоточивается на сценѣ, происходившей у крыльца почтовой конторы и привлекшей много любопытныхъ: въ кольцѣ, образуемомъ зрителями, среди пыльной улицы онъ видитъ Минуту, который прыгаетъ и пляшетъ. Минута безъ сюртука, свои башмаки онъ также снялъ; онъ пляшетъ и безпрестанно вытираетъ потъ со лба, а окончивъ, онъ собираетъ съ зрителей свои зрѣ. Да, Минута снова принялся за свою прежнюю дѣятельность, онъ снова началъ плясать на рыночной площади.

Нагель ждетъ, пока Минута окончитъ и народъ разоидется, потомъ онъ посылаетъ за нимъ. И Минута является на его зовъ, какъ всегда, почтительно, съ наклоненной головой и опущенными глазами.

— У меня есть къ вамъ письмо, — говоритъ Нагель.

И онъ даетъ ему письмо, самъ засовываетъ его глубоко въ карманъ его сюртука и начинаетъ говорить съ нимъ:

— Вы привели меня въ большое смущеніе, мой другъ, вы меня обманули, провели меня за носъ такъ ловко, что я восхищаюсь вами, хотя ваша продѣлка и раздосадовала меня. Есть ли у васъ теперь время? Помните, я вамъ какъ-то разъ обѣщала дать одно объясненіе? Такъ вотъ, теперь я хочу исполнить свое обѣщаніе, я нахожу, что время для этого настало. Но не позвольте ли сперва спросить васъ: вы слышали, что обо мнѣ говорятъ въ городѣ, будто я сошелъ съ ума? Долженъ успокоить васъ, я не сошелъ еще съ ума, да это вы и сами видите, не правда ли? Я не отрицаю, что за послѣднее время находился въ нѣсколько тревожномъ состояніи, у меня были кое-какія непріятности, и довольно серьезныя; такъ пожелала судьба. Но теперь я снова здоровъ, и все пришло въ порядокъ. Прошу васъ не забывать этого... Пожалуй, будетъ напрасно предложить вамъ выпить чего-нибудь?

Нѣтъ, Минута ничего не хотѣла.

— Такъ я и знала... Однимъ словомъ: я полонъ недоувѣрія къ вамъ, Грѣгордь. Вы, конечно, понимаете, на что я намекаю. Вы меня такъ хорошо провели, что я и не пытаюсь больше скрывать этого. Вы одурачили меня въ очень серьезномъ дѣлѣ, и все это только съ самыми безкорыстными цѣлями съ вашей стороны, изъ доброты сердечной, если хотите, но такъ или иначе, а вы это сдѣлали. Этотъ маленькій пузырекъ побывалъ въ вашихъ рукахъ?

Минута искоса смотритъ на пузырекъ и ничего не отвѣчаетъ.

— Въ немъ былъ ядъ, его вылили и наполнили пузырекъ до половины водой; сегодня ночью я убѣдился въ томъ, что въ немъ была одна только чистая вода.

Минута продолжаетъ упорно молчать.

— Конечно, въ этомъ поступкѣ нѣтъ ничего особенно дурного. Тотъ, кто это сдѣлалъ, руководствовался только добрыми побужденіями, онъ именно хотѣлъ предотвратить зло. Но это сдѣлали вы.

Пауза.

— Не правда ли?

— Да, — отвѣчаетъ наконецъ Минута.

— И съ вашей точки зрѣнія это было правильно, но я смотрю на это дѣло иначе. Зачѣмъ вы это сдѣлали?

— Я думала, что, можетъ-быть, вы захотите...

Пауза.

— Да, вотъ видите ли! Но вы ошиблись, Грѣгордь; ваше доброе сердце ввело васъ въ заблужденіе. Развѣ я не заявилъ самымъ опредѣленнымъ образомъ въ ту ночь, когда вы взяли съ собою ядъ, что у меня не хватить мужества употребить его?

— Но я все-таки боялся, что вы, можетъ-быть, сдѣлаете это. И вотъ вы это сдѣлали.

— Я это сдѣлалъ? Чтò вы болтаете? Хе-хе, сами вы попались въ ловушку, дорогой мой! Да, я дѣйствительно въ эту ночь опорожнилъ пузырьрекъ; но замѣтите: я не отвѣдалъ самъ содержимаго.

Минута съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Вотъ видите, вы сами остались въ дуракахъ! Идешь ночью гулять, спускаешься къ пристани, встрѣчаешь кошку, которая мечется и извивается, бѣгая по набережной въ страшныхъ мученіяхъ. Останавливаешься и начинаешь наблюдать за кошкой: оказывается, что ей попало что-то въ горло, у нея застрялъ въ горлѣ крючокъ отъ удочки; она кашляетъ и извивается, но крючокъ не двигается ни взадъ ни впередъ, а изъ горла у нея идетъ кровь. Хорошо, берешь кошку и пробуешь какъ-нибудь освободить ее отъ крючка; но отъ боли кошка не можетъ оставаться спокойной, она вертится и въ бѣшенствѣ даже запускаетъ когти тебѣ въ щеку, наноситъ рану, какую вы видите, напимѣръ, на моей щекѣ. Между тѣмъ кошка начинаетъ задыхаться, а кровь все время идетъ у нея изъ горла. Чтò тутъ дѣлать? Пока размышляешь надъ этимъ, башенные часы бьютъ два; слишкомъ поздно, чтобы кого-нибудь позвать на помощь, потому что пробилò два часа ночи. Но тутъ вдругъ вспоминаешь, что въ карманѣ у тебя есть маленький пузырекъ съ ядомъ; у тебя является счастливая мысль положить конецъ мученіямъ несчастнаго животнаго, и ты вливаешь содержимое пузырька ему въ глотку. Кошка думаетъ, что ей въ горло влили какую-то ужасную жидкость, она вся съеживается и дико озирается кругомъ, и вдругъ дѣлаетъ страшный прыжокъ, вырывается у тебя изъ рукъ, прыгаетъ и снова начинаетъ извиваться и метаться по набережной. Въ чемъ же дѣло? А дѣло въ томъ, что въ пузырькѣ была одна вода, которая не могла убить, а лишь увеличила страданія. Между тѣмъ кошка продолжаетъ бѣгать съ крючкомъ въ горлѣ, оставляя вездѣ позади себя кровавые слѣды. Рано или поздно она истечетъ кровью, или задохнется и околѣетъ гдѣ-нибудь одна, въ какомъ-нибудь углу, безъ всякой помощи.

— Я сдѣлалъ это съ добрымъ намѣреніемъ, — говоритъ Минута.

— Конечно! Все, чтò вы дѣлаете, вы дѣлаете съ добрымъ и честнымъ намѣреніемъ. Въ этомъ отношеніи васъ никогда нельзя поймать, такъ что ваша благородная и деликатная продѣлка съ моимъ ядомъ не представляетъ ничего новаго для насъ. Но возьмемъ для примѣра то обстоятельство, что вы

только-что плясали на рыночной площади. Я стоялъ у окна и смотрѣлъ на васъ; я вовсе не упрекаю васъ за то, что вы сдѣлали это, я только спрашиваю васъ, зачѣмъ вы сняли башмаки? Вѣдь теперь у васъ надѣты башмаки, зачѣмъ же вы сняли ихъ, когда начали плясать?

— Чтобы не испортить ихъ.

— Ну, конечно, такъ я и думалъ! Я зналъ, что вы отвѣтите такъ, потому я и спросилъ васъ. Вы сама непогрѣшимая правдивость, обутая въ пару башмаковъ, вы самая чистая душа во всемъ городѣ. Все въ васъ прекрасно и безкорыстно, въ васъ нѣтъ ни сучка ни задоринки. Когда-то я хотѣлъ испытать васъ и за деньги побудить васъ признать себя отцомъ чужого ребенка. Несмотря на то, что вы очень бѣдны и несомнѣнно нуждались въ этихъ деньгахъ, вы сейчасъ же отказались отъ моего предложенія. Ваша душа возмутилась при одной только мысли о такомъ грязномъ поступкѣ, и я ничего не могъ добиться отъ васъ, хотя и предлагалъ вамъ двѣсти кронъ. Если бы я тогда зналъ то, что знаю теперь, я не сталъ бы оскорблять васъ такъ грубо. Тогда у меня еще не было яснаго представленія о васъ, но зато теперь я знаю, что по отношенію къ вамъ надо быть въ одно и то же время сдержаннымъ и осторожнымъ. Ну, хорошо, но вернемся къ тому, о чемъ мы начали говорить... То обстоятельство, что вы плясаете босикомъ, не стараясь обратить на это вниманіе публики, не считаясь съ болью, которую вы испытываете при этомъ, и даже не жалуясь, — очень характерно для васъ. Вы не ноете, вы не говорите: посмотрите, я снимаю обувь, чтобы не испортить ее, и принужденъ это дѣлать, потому что я ужасно бѣденъ! Нѣтъ, вы дѣйствуете, если можно такъ выразиться, молча. Это вашъ принципъ — никогда ни у кого ничего не просить, — вѣдь вы все-таки добиваетесь того, чего хотите, но рта вы не раскрываете. Вы неуязвимы какъ по отношенію къ другимъ, такъ и по отношенію къ самому себѣ въ своемъ собственномъ сознаниі. Я отмѣчаю эту черту вашего характера и иду дальше; но имѣйте терпѣніе, я дойду въ концѣ концовъ до объясненія... Вы какъ-то сказали о фрѣкенъ Гуде нѣчто такое, о чемъ я часто потомъ думалъ, вы сказали, что, можетъ-быть, она вовсе не такъ недоступна, если только умѣючи приняться за дѣло, — по крайней мѣрѣ, вы кое-чего добились у нея...

— Нѣтъ, это ужъ...

— Вотъ видите, я помню это. Это было въ тотъ вечеръ, когда мы сидѣли вдвоемъ и пили, то-есть я пилъ, а вы только смотрѣли. Вы сказали, что Марта — да, вы назвали ее просто

Мартой, и вы тутъ же рассказали, что она всегда называетъ васъ Иоганнесомъ,—вѣдь не правда ли, я не сочиняю, она всегда называетъ васъ Иоганнесомъ? Вотъ видите, я помню, что вы и это рассказывали мнѣ. Да, такъ вы сказали, что Марта даже зашла такъ далеко, что позволяла вамъ по отношенію къ ней то и другое, и при этомъ вы сдѣлали преотвратительный жестъ рукой...

Минута вскакиваетъ, лицо его пылаетъ, и онъ прерываетъ громкимъ голосомъ:

— Этого я никогда не говорилъ! Никогда не говорилъ я этого!

— Вы этого не говорили? Это еще что? Такъ вы въ самомъ дѣлѣ не говорили этого? А что, если я позову Сару и попрошу ее засвидѣтельствовать, что она находилась во время нашего разговора въ сосѣдней комнатѣ и что она слышала каждое слово сквозь эти тонкія стѣны? Нѣтъ, на что это похоже! Но теперь всѣ мои планы уничтожаются тѣмъ, что вы отказываетесь отъ вашихъ словъ. А мнѣ такъ хотѣлось поразспросить васъ кое-о-чемъ, это меня очень интересуешь, и я часто думалъ объ этомъ. Но разъ вы отказываетесь отъ своихъ словъ, то что тутъ дѣлать? Между прочимъ, прошу васъ сѣсть и не убѣгать сломя голову, какъ въ прошлый разъ. Къ тому же это вамъ и не удастся, я заперъ дверь.

Нагель закуриваетъ сигару и въ это время вдругъ останавливается, какъ бы вспомнивъ что-то.

— Но, Боже ты мой!—говоритъ онъ:—какъ могъ я такъ ошибиться! Господинъ Грѣгоръ, прошу васъ, простите меня; вы совершенно правы; вы этого никогда не говорили. Забудьте это, дорогой другъ; это другой сказалъ мнѣ, а не вы, теперь я вспомнилъ, я слышалъ это недѣли двѣ назадъ. Какъ могъ я хоть на одно мгновеніе повѣрить, что вы выдаете даму—и прежде всего самого себя—да еще такимъ образомъ! Не понимаю, какъ могло мнѣ это прійти въ голову? Я, должно-быть, дѣйствительно не совсѣмъ-то въ своемъ умѣ... Но имѣйте въ виду, что я сейчасъ же сознаюсь, когда ошибаюсь, и я прошу васъ простить меня. Слѣдовательно я еще не сошелъ съ ума, не правда ли? Если же я говорю немного безсвязно, запутанно, то не думайте, что я дѣлаю это намѣренно; я вовсе не хочу заговорить васъ и выпытать у васъ что-нибудь, не думайте этого. Это тѣмъ болѣе невозможно, что вы сами почти не произносите ни слова. Нѣтъ, я говорю такъ странно и необдуманно только потому, что въ настоящую минуту у меня такое настроеніе, вотъ и все. Простите это уклоненіе въ сторону. Можетъ-быть, вы теряете уже терпѣніе и хотите поскорѣе услышать объясненіе?

Минута молчить. Нагель встает и начинает въ возбужденнѣ ходить по комнатѣ отъ окна къ двери. Вдругъ онъ останавливается и говоритъ устало и апатично, — ему все надоѣло:

— Нѣтъ, мнѣ противно продолжать эту игру съ вами, я скажу вамъ совершенно откровенно, чѣго я добивался! Я говорилъ съ вами такъ запутанно до этого самаго мгновенія съ опредѣленной цѣлью: я хотѣлъ вывѣдать отъ васъ кое-что. Я пытался достигнуть этого на всѣ лады, но это ни къ чему не повело, и мнѣ надоѣла эта игра. А теперь я дамъ вамъ обѣщанное объясненіе, Грегордъ! Я искренно убѣжденъ въ томъ, что въ глубинѣ души вы негодай. Въ глубинѣ души вы негодай!

Минута началъ дрожать, и въ глазахъ его появилось безпомощное и страдальческое выраженіе, и онъ растерянно озирался кругомъ въ то время, какъ Нагель продолжалъ:

— Вы не говорите ни слова, вы не выходите изъ роли. Мнѣ не удастся сдвинуть васъ съ мѣста, вы представляете собою какую-то нѣмую силу рѣдкаго свойства. Я восхищаюсь и чрезвычайно интересуюсь вами! Помните, какъ я разъ цѣлый вечеръ говорилъ съ вами и, между прочимъ, гипнотизировалъ васъ взглядомъ и увѣрялъ, что вы вздрагивали? Это я дѣлалъ только для того, чтобы напасть на слѣдъ. Я не спускалъ съ васъ глазъ и пытался напасть на слѣдъ различными путями, но почти всегда безуспѣшно; я сознаюсь въ этомъ, ибо вы неуязвимый человѣкъ. Но я никогда ни одного мгновенія не сомнѣвался въ томъ, что въ васъ скрывается большой грѣшникъ того или другого рода. У меня нѣтъ никакихъ уликъ противъ васъ, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ уликъ, а потому вы можете быть совершенно спокойны, — все останется между нами. Но понимаете ли вы, почему я такъ увѣренъ въ правдивости своего предположенія, разъ у меня нѣтъ никакихъ уликъ и доказательствъ? Нѣтъ, этого вамъ не понять. И все-таки у васъ есть привычка опускать голову, когда мы говоримъ о чемъ-нибудь. Въ глазахъ у васъ бываетъ странное выраженіе, и вы мигаете ими, когда произносите опредѣленные слова, или когда мы затрагиваемъ опредѣленный вопросъ; а кромѣ того, у васъ голосъ, который напоминаетъ какой-то шелестъ, о, этотъ голосъ! Но главнымъ образомъ вы дѣйствуете на меня антипатично всей вашей личностью, я чую ваше приближеніе въ воздухъ, и душа моя начинаетъ дрожать отъ какого-то непріятнаго чувства. Вы этого не понимаете? Да и я также не понимаю этого; но это такъ. Клянусь, я и въ эту минуту вполне убѣжденъ, что нахожусь на вѣрномъ пути: но я не могу накрыть васъ, потому что у меня нѣтъ

доказательствъ. Я спрашивалъ васъ въ послѣдній разъ, когда вы были здѣсь, гдѣ вы находились шестого іюня. Знаете, почему я васъ спросилъ объ этомъ? Шестое іюня—это былъ день смерти Карльсена, и я до того времени думалъ, что вы убили Карльсена.

Минута повторяетъ совершенно пораженный:

— Что я убилъ Карльсена!

И затѣмъ снова молчить.

— Да, такъ я думалъ до тѣхъ поръ. Я подозрѣвалъ васъ въ этомъ, вотъ до чего довела меня увѣренность въ томъ, что вы такъ или иначе негодай. Теперь я этого больше не думаю, я сознаюсь, что ошибался въ этомъ отношеніи, я зашелъ слишкомъ далеко и прошу васъ простить меня. Вѣрите вы мнѣ или нѣтъ, но меня глубоко огорчило, что я былъ такъ страшно несправедливъ къ вамъ, и за это я нѣсколько вечеровъ подъ-рядъ просилъ у васъ мысленно прощенія, когда оставался одинъ. Но, несмотря на то, что я въ этомъ отношеніи такъ грубо ошибся, я все-таки продолжаю быть глубоко убѣжденнымъ въ томъ, что у васъ нечистая и двуличная душа,— пусть Богъ меня накажетъ, если это не такъ! Я чувствую это въ самой глубинѣ своего сердца, стоя здѣсь и глядя на васъ, клянусь, это такъ! Почему я такъ въ этомъ увѣренъ? Замѣтите: съ самаго начала у меня не было никакого основанія думать о васъ что-либо, кромѣ самаго лучшаго, и все, что вы послѣ того дѣлали или говорили, было хорошо и справедливо, даже благородно. Кромѣ того, мнѣ снилось о васъ нѣчто необыкновенно прекрасное: вы стояли посреди большого открытаго болота и жестоко страдали отъ моихъ издѣвательствъ, но въ то же время вы благодарили меня, бросились на колѣни передо мной и благодарили меня за то, что я не мучилъ васъ еще больше и не причинялъ вамъ еще больше страданій. Вотъ что мнѣ снилось о васъ, и это было прекрасно. Во всемъ городѣ вы не найдете человѣка, который считалъ бы васъ способнымъ на что-нибудь дурное, вы пользуетесь прекрасной репутацией, и всѣ симпатизируютъ вамъ,— вотъ какъ удачно вы скрываете отъ всѣхъ вашъ истинный нравственный обликъ. И все-таки въ моихъ глазахъ вы подлое и пресмыкающее существо, у котораго всегда наготовѣ доброе слово обо всѣхъ и у котораго на каждый день припасенъ добрый поступокъ. Но развѣ вы оклеветали меня, причинили мнѣ какое-нибудь зло, выдали тайны, касающіяся меня? Нѣтъ, нѣтъ, ничего подобнаго вы не сдѣлали, и это именно ваша манера, вашъ методъ. Вы ко всѣмъ справедливы, вы никогда не дѣлаете ничего дурного, вы святы и непогрѣ-

шимы и чисты передъ всѣми людьми. И этого достаточно для свѣта, только я съ этимъ не считаюсь и всегда отношусь къ вамъ съ недоувѣрiемъ. Въ первый же день, когда я увидалъ васъ, со мной случилось нѣчто необыкновенное. Это было дня два спустя послѣ того, какъ я прiѣхалъ сюда, и произошло это ночью, въ два часа. Я увидалъ васъ передъ домомъ Марты Гуде у набережной, я увидалъ васъ вдругъ посреди улицы и не успѣлъ даже замѣтить, откуда вы явились; вы ждали, дали мнѣ пройти мимо васъ, а когда я проходилъ мимо, то вы бросили на меня косою взглядъ. Тогда я еще ни разу не разговаривалъ съ вами, но какой-то внутреннiй голосъ заставилъ меня обратить вниманiе на васъ, и этотъ же голосъ сказалъ мнѣ, что васъ зовутъ Иоганнесомъ. Пусть это будетъ моимъ послѣднимъ словомъ въ жизни, но увѣряю, что внутреннiй голосъ подсказалъ мнѣ, что васъ зовутъ Иоганнесомъ, и что я долженъ обратить на васъ вниманiе. И уже гораздо позже я узналъ, что васъ дѣйствительно такъ зовутъ. И съ этой ночи я не выпускалъ васъ изъ виду, но вы всегда ускользали изъ моихъ рукъ, мнѣ такъ и не удалось припереть васъ къ стѣнѣ. Въ концѣ концовъ вы все-таки подмѣнили мнѣ глотокъ яда исключительно изъ добраго и благороднаго опасенiя, что я, можетъ-быть, приму его. Какъ объяснить мнѣ вамъ, какiя чувства пробудило во мнѣ все это? Ваша чистота озлобляетъ меня, всѣ ваши прекрасныя слова и поступки только отдаляютъ меня отъ моей цѣли: накрыть васъ. Но я хочу сорвать съ васъ маску и заставить васъ обнаружить вашу истинную натуру. Вся моя кровь застываетъ во мнѣ отъ глубокой антипатiи каждый разъ, когда я вижу ваши голубые, лживые глаза, и я весь съеживаюсь передъ вами и чувствую только одно, что вы предатель въ глубинѣ вашей души. Даже въ это мгновенiе мнѣ кажется, что вы внутренне смѣетесь; да, вопреки сокрушенному выраженiю вашего лица и отчаянiю, которое написано на немъ, я чувствую, что въ глубинѣ души вы по-свински хохочете и пздѣваетесь надъ тѣмъ, что я ничего не могу сдѣлать съ вами, потому что у меня нѣтъ никакихъ уликъ.

И на это Минута не произнесъ ни слова. Нагель продолжаетъ:

— Вы, конечно, думаете, что я разбойникъ и грубое животное, разъ я бросаю вамъ всѣ эти обвиненiя прямо въ лицо? Хорошо; на это я не обращаю никакого вниманiя, думайте обо мнѣ все, что вамъ угодно. Но въ глубинѣ души вы прекрасно сознаете въ эту минуту, что я вывелъ васъ на чистую воду, и этого съ меня достаточно. Но почему вы терпите и

позволяете мнѣ такъ относиться къ вамъ? Почему вы не встанете, не плюнете мнѣ въ лицо и не уйдете своей дорогой?

Минута какъ будто пришелъ въ себя, онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Но вѣдь вы заперли дверь.

— Ага, ага, — отвѣтилъ Нагель: — вотъ вы и проснулись! Такъ я и повѣрю, будто вы и въ самомъ дѣлѣ думаете, что дверь заперта! Дверь отперта, — вотъ посмотрите, вотъ она стоитъ настежь! Я сказалъ, что она заперта, только для того, чтобы испытать васъ, это была ловушка съ моей стороны. Дѣло въ томъ, что вы все время знали, что дверь отперта, но притворились, будто не знаете этого; и притворились вы только для того, чтобы имѣть возможность сидѣть здѣсь, какъ всегда, чистымъ и невиннымъ и быть жертвой моей несправедливости. Вы и не подумали даже уйти изъ комнаты, — нѣтъ, вы съ мѣста не двинулись. Едва только я далъ вамъ понять, что подозреваю васъ, какъ вы наострили уши, вы хотѣли услышать, сколько именно я знаю, насколько я опасенъ для васъ. Видите Богъ, я знаю, что это такъ, и вы можете, сколько угодно, отрицать это, мнѣ это все равно... Но для чего я, собственно, затѣялъ это объясненіе съ вами? Вы имѣете полное основаніе сдѣлать мнѣ этотъ вопросъ, вѣдь можетъ казаться, что все это ничуть не касается меня. Мой другъ, это все-таки касается меня, хотя бы уже только потому, что я хочу предостеречь васъ. Вѣрьте мнѣ, въ эту минуту я искренно вѣрю въ то, что говорю. Такъ или иначе, но вы живете безчестной жизнью, и до поры до времени вамъ удастся скрывать это, но въ одинъ прекрасный день личина спадетъ съ васъ, и каждый, кто только захочетъ, будетъ попираетъ васъ ногами. Это одно. А во-вторыхъ, я предполагаю, что хотя вы это и отрицаете, но вы въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ фрѣкенъ Гуде, чѣмъ хотите это показать. Но какое мнѣ дѣло до фрѣкенъ Гуде? Вы опять-таки правы. На такой вопросъ я могу отвѣтить только молчаніемъ. До фрѣкенъ Гуде мнѣ меньше дѣла, чѣмъ до кого бы то ни было. Но въ качествѣ посторонняго человѣка я все-таки имѣю право огорчаться тѣмъ, что вы, можетъ-быть, близко знакомы съ ней и заразите ее своей порочностью. Вотъ почему и имѣлъ съ вами это объясненіе.

Нагель снова закуриваетъ сигару и говоритъ:

— Ну, а теперь я кончилъ, и дверь не заперта. Васъ, можетъ-быть, обидѣли? Молчите или отвѣчайте, поступайте, какъ знаете: но если вы хотите отвѣчать, то дайте говорить вашему внутреннему голосу. Дорогой другъ, позвольте мнѣ

сказать передъ вашимъ уходомъ, что я отнюдь не желаю вамъ зла.

Пауза.

Минута встаетъ, суетъ руку въ карманъ своего сюртука и вынимаетъ конвертъ. Онъ говоритъ:

— Теперь я не могу ужъ больше принять этого.

Это было для Нагеля неожиданностью, онъ совсѣмъ забылъ о письмѣ и сказалъ:

— Вы не хотите принять этого? Но почему же?

— Я не могу принять этого.

Минута кладетъ конвертъ на столъ и идетъ къ двери. Нагель беретъ конвертъ и идетъ за нимъ, глаза его полны слезъ, и его голосъ начинаетъ вдругъ дрожать.

— Возьмите это все-таки, Грегорды!—говоритъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Минута. И онъ отворяетъ дверь.

Нагель снова затворяетъ дверь и говоритъ еще разъ:

— Возьмите же, возьмите! Лучше я вамъ скажу, что я сошелъ съ ума, чтобы вы забыли все, что я вамъ говорилъ сегодня. Я совсѣмъ сошелъ съ ума, развѣ можно обращать вниманіе на то, что я болталъ здѣсь цѣлый часъ. Не правда ли, вы сами понимаете, что на мои слова нельзя обращать вниманіе, разъ я не въ полномъ умѣ? Но возьмите этотъ конвертъ, я не желаю вамъ зла, хотя я совершенно внѣ себя и ничего не понимаю больше. Ради Бога, возьмите это,—тамъ немного, повѣрьте мнѣ, это сущіе пустяки, и мнѣ такъ хотѣлось дать вамъ это, я давно думалъ объ этомъ. У меня давно было желаніе написать вамъ это письмо и послать вамъ его съ какой-нибудь бездѣлицей, только бы было письмо. Это не болѣе, какъ привѣтъ. Да ну же, я буду такъ искренно благодаренъ вамъ!

Съ этими словами онъ сунулъ въ руку Минутѣ конвертъ и отбѣжалъ къ окну, чтобы тотъ не успѣлъ отдать его обратно. Но Минута не сдался, онъ снова положилъ письмо на столъ и покачалъ только головой.

Онъ ушелъ.

XXI.

Нѣтъ, ничего ему не удавалось. Сидѣлъ ли онъ у себя въ комнатѣ или бродилъ по улицамъ,—онъ нигдѣ не находилъ себѣ покоя. Въ головѣ его тѣснились самыя разнообразныя мысли, и каждая изъ нихъ приносила свою частицу страданія. Но почему же все было противъ него? Онъ не могъ понять этого; онъ все больше и больше запутывался въ сѣтяхъ.

Дошло наконецъ до того, что ему такъ и не удалось заставить Минуту принять это письмо, которое онъ такъ хотѣлъ дать ему.

Все складывалось такъ грустно, ничто не удавалось. Ко всему этому присоединился еще и какой-то нервный страхъ передъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ, словно его подстерегала какая-то тайная опасность. Онъ весь вздрагивалъ отъ смутнаго страха, стоило только занавѣсямъ шелохнуться отъ вѣтра. Что это за новыя страданія, которыя присоединились къ старымъ? Его нѣсколько рѣзкія черты лица, никогда не отличавшіяся красотой, производили теперь еще менѣе выгодное впечатлѣніе: онъ давно уже не брился, и подбородокъ и щеки его покрылись щетиной. Ему самому даже показалось, будто его волосы за послѣдніе дни нѣсколько посѣдѣли на вискахъ.

Ну, такъ что же? Развѣ солнце не сіяетъ, развѣ онъ не счастливъ, что остался въ живыхъ и что можетъ идти, куда ему вздумается? Солнечные лучи заливали площадь и море, птицы весело щебетали въ маленькихъ садикахъ при домахъ и безъ усталости порхали съ вѣтки на вѣтку. Все тонуло въ золотыхъ лучахъ, щебень на улицахъ казался золотой пылью, серебряный шаръ на шпигѣ колокольни сверкалъ на фонѣ лазурнаго неба, словно громадный алмазь.

Его вдругъ охватываетъ какая-то радостная экзальтація, онъ приходитъ въ такой неудержимый и безотчетный восторгъ, что тутъ же раскрываетъ окно и бросаетъ играющимъ на крыльцѣ гостиницы дѣтямъ нѣсколько серебряныхъ монетъ.

— Ведите себя хорошо, дѣтки,—говоритъ онъ, съ трудомъ произнося слова отъ охватившаго его волненія.

Чего ему собственно страшиться? Да и видъ у него вовсе не хуже обыкновеннаго; къ тому же, кто можетъ помѣшать ему сходить къ парикмахеру, чтобы выбриться и привести въ порядокъ свою наружность. Это зависитъ только отъ него самого. И онъ пошелъ къ парикмахеру.

Кстати, онъ вспомнилъ, что ему надо сдѣлать нѣсколько покупокъ; какъ бы ему не забыть браслетъ, который онъ обѣщалъ подарить Сарѣ. Полный жизнерадостнаго настроенія, весело напѣвая, онъ отправился въ городъ по своимъ дѣламъ, весь охваченный какой-то дѣтской беззаботностью. Это было одно лишь воображеніе, что онъ страшится чего-то.

Его прекрасное настроеніе не покидаетъ его, и онъ весь отдается свѣтлымъ мыслямъ. Правда, у него только-что была неприятная сцена съ Минутой, но она уже почти изгладилась изъ его памяти, она представляется ему какимъ-то смутнымъ сномъ. Минута отказался принять его письмо, но вѣдь у него

есть еще письмо къ Мартѣ. Подъ вліяніемъ потребности по-дѣлиться съ кѣмъ-нибудь охватившимъ его восторгомъ, онъ принимаетъ рѣшеніе такъ или иначе отправить письмо по назначенію. Но какъ ему это сдѣлать? Онъ вынулъ свой бумажникъ и убѣдился въ томъ, что письмо еще тамъ. Нельзя ли переслать его Дагни такъ, чтобы она не знала, отъ кого оно? Нѣтъ, Дагни его послать нельзя. Онъ задумался, но рѣшеніе сейчасъ же отправить письмо не покидало его. Въ конвертѣ было нѣсколько ассигнацій, ни записочки, ни слова; не попросить ли доктора Стенерсена исполнить это порученіе? И довольный тѣмъ, что ему въ голову пришла эта мысль, онъ отправляется къ доктору Стенерсену.

Было шесть часовъ.

Онъ стучитъ въ дверь докторской конторы; она оказалась запертой. Онъ направляется къ кухонной двери, чтобы узнать тамъ, въ чемъ дѣло, и въ эту минуту его окликаетъ изъ сада фру Стенерсенъ.

Въ саду за большимъ каменнымъ столомъ сидѣла семья доктора и пила кофе. У нихъ были гости, нѣсколько дамъ и мужчинъ; среди дамъ была также и Дагни Кьелландъ; на ней была бѣлая шляпа, отдѣланная маленькими бѣлыми цвѣточками.

Нагелъ хочетъ повернуть обратно, но потомъ останавливается и бормочетъ:

— Я хотѣлъ доктора, доктора...

Боже, ужъ не боленъ ли онъ?

Нѣтъ, нѣтъ, онъ совершенно здоровъ.

Въ такомъ случаѣ, ему нельзя уходить.

Фру Стенерсенъ потянула его за рукавъ. Дагни даже поднялась съ мѣста и хотѣла предложить ему свой стулъ. Онъ посмотрѣлъ на нее, и ихъ взоры встрѣтились. Она встала и тихо сказала:

— Пожалуйста, возьмите мой стулъ!

Но онъ нашелъ свободное мѣсто рядомъ съ докторомъ и сѣлъ тамъ.

Этотъ пріемъ нѣсколько смутилъ его. Дагни ласково посмотрѣла на него и даже хотѣла уступить ему свой стулъ! Его сердце сильно билось; что если онъ дастъ ей письмо къ Мартѣ?

Немного спустя онъ успокоился. Разговоръ былъ очень оживленный и быстро переходилъ съ одной темы на другую; его свѣтлое настроеніе снова овладѣло имъ, и его голосъ дрожалъ отъ внутренняго волненія. Вѣдь онъ живъ, онъ не умеръ и не умретъ! Вокругъ стола, покрытаго бѣлоснѣжной

скатертью и уставленного серебромъ, въ этомъ зеленомъ, тѣнистомъ саду сидѣло общество веселыхъ людей, которые смѣялись и перекидывались сверкающими взорами; ну, развѣ было хоть какое-нибудь основаніе отдаваться мрачному настроенію?

— Если бы вы хотѣли быть очень любезнымъ, то вы взяли бы свою скрипку и сыграли бы что-нибудь, — говоритъ фру Стенерсенъ.

Какъ это могло имъ прійти въ голову!

Когда и другіе начали просить его объ этомъ, онъ громко засмѣялся и сказалъ:

— Да вѣдь у меня даже и скрипки-то нѣтъ!

Но на это ему отвѣтили, что можно послать за скрипкой къ органисту, — черезъ минуту она будетъ здѣсь.

Нѣтъ, это ни къ чему не поведетъ, онъ все равно не дотронется до нея. А кромѣ того скрипка органиста совершенно испорчена маленькими рубинами на гриффѣ, звукъ отъ этого сталъ стекляннымъ; нельзя было вставлять эти рубины въ гриффъ, — это было прямо невыносимо! Да онъ и не умѣетъ вовсе владѣть смычкомъ и никогда не умѣлъ: не правда ли, ему самому это лучше знатъ... И тутъ онъ началъ вдругъ рассказывать, что съ нимъ было, когда въ первый и единственный разъ его игра обсуждалась публично; это можно принять прямо за символъ. Газета пошла ему въ руки вечеромъ, когда онъ уже лежалъ въ постели; онъ былъ тогда еще очень молодъ и жилъ у родителей, а рецензія о немъ была въ мѣстной маленькой газетѣ. О, какъ онъ былъ счастливъ, читая о себѣ! Онъ нѣсколько разъ перечитывалъ замѣтку и наконецъ заснулъ, не потушивъ даже свѣчи. Ночью онъ проснулся, онъ чувствовалъ себя еще утомленнымъ, свѣча догорѣла, и въ комнатѣ было темно. На полу онъ видитъ что-то бѣлое, а такъ какъ онъ зналъ, что въ комнатѣ у него стоитъ бѣлая плевательница, то онъ и подумалъ: «Это конечно, плевательница!». Неловко сказать, но онъ плюнулъ и услышалъ, что попалъ въ плевательницу. Но, понавѣ такъ мѣтко въ первый разъ, онъ плюнулъ еще разъ и снова попалъ. Послѣ этого онъ опять заснулъ. И что же, утромъ онъ убѣдился въ томъ, что плевалъ на драгоценную газету, онъ оплевалъ столь благосклонно написанный отзывъ о немъ! Хе-хе, это было очень печально!

Надъ этимъ всѣ очень смѣялись, и настроеніе этого маленькаго общества становилось все лучше. Вдругъ хозяйка дома сказала:

— Но вы дѣйствительно сегодня нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго.

— Ахъ,—отвѣтилъ Нагель:—это ровно ничего не значить, я прекрасно чувствую себя.

И онъ громко расхохотался надъ тѣмъ, что можно предположить, будто онъ не совсѣмъ здоровъ.

Но вдругъ его лицо заливаешь густая краска, онъ встаетъ со скамьи и говоритъ, что съ нимъ дѣйствительно не все обстоитъ благополучно. Онъ самъ не понимаетъ, почему это, но у него такое чувство, будто съ нимъ должно случиться нѣчто неожиданное, и его даже охватываетъ какой-то безотчетный страхъ. Хе-хе, не правда ли, какъ это странно! Это прямо-таки смѣшно, и, конечно, это ровно ничего не означаетъ, не правда ли? Къ тому же съ нимъ и случилось кое-что.

Тутъ всѣ стали просить его рассказать, что именно съ нимъ случилось.

Да стѣтъ ли? Это такіе пустяки! Зачѣмъ же тратить время на это? Обществу надобѣтъ слушать его.

Нѣтъ, никому не надобѣтъ слушать его.

Но это такъ длинно. Если начинать сначала, то придется начинать съ Санъ-Франциско, съ тѣхъ поръ, какъ онъ однажды курилъ опиумъ...

Опиумъ? Ахъ, какъ это интересно!

— Нѣтъ, это скорѣе мучительно, потому что и теперь еще средь бѣла дня меня охватываетъ безотчетный страхъ передъ чѣмъ-то. Не думайте, что я вообще курю опиумъ: я курилъ только два раза, при чемъ второй разъ не представляетъ никакого интереса. Но въ первый разъ я дѣйствительно пережилъ нѣчто замѣчательное, это правда. Я попалъ въ такъ называемый «дэнъ». Какъ я туда попалъ? Совершенно случайно! Я брожу по улицамъ, встрѣчаю людей, выбираю себѣ какого-нибудь человѣка, слѣжу за нимъ издали и смотрю, куда онъ въ концѣ концовъ придетъ. Я не стѣсняюсь даже войти за нимъ въ домъ, подняться по лѣстницѣ, чтобы видѣть только, куда онъ въ концѣ концовъ пришелъ. Въ большихъ городахъ по ночамъ очень интересно ходить, иногда можно завести самыя удивительныя знакомства. Ну, объ этомъ мы не будемъ говорить! Итакъ, я въ Санъ-Франциско и брожу по улицамъ. Дѣло происходитъ ночью; передо мной идетъ высокая, худая женщина, и я не выпускаю ее изъ виду. При свѣтѣ газовыхъ фонарей, мимо которыхъ мы проходимъ, я вижу, что на ней бѣдное платье, но на шеѣ крестъ изъ зеленыхъ камней. Куда она идетъ? Она проходитъ нѣсколько кварталовъ, сворачиваетъ изъ улицы въ улицу и идетъ, все идетъ, а я слѣдую за нею по пятамъ. И вотъ мы попадаемъ въ китайскій кварталъ, женщина спускается черезъ растворенную дверь въ

подвальное помещеніе. Я слѣдую за ней; она идетъ по длинному коридору, и я за нею. По правую руку отъ насъ каменная стѣна, налѣво кофейни, парикмахерскія и прачечныя. У одной двери женщина останавливается и стучитъ; въ окошечкѣ, вставленномъ въ дверь, показывается лицо съ раскосыми глазами, и вслѣдъ затѣмъ женщину выпускаютъ. Я жду нѣсколько минутъ, не двигаясь съ мѣста, потомъ и я стучу; дверь снова открывается, и меня также выпускаютъ.

«Комната наполнена дымомъ, раздаются громкіе голоса. Въ сторонѣ у прилавка стоитъ худая женщина и торгуется съ китайцемъ въ синей рубахѣ, свѣшивающей поверхъ штаны. Я подхожу ближе и слышу, что она хочетъ заложить свой крестъ, но при этомъ не хочетъ отдавать его, а желаетъ сохранить у себя. Дѣло шло о двухъ долларахъ, но оказалось, что она уже раньше была должна кое-что, и въ общемъ это составляло сумму въ три доллара. Хорошо. Она волнуется, время отъ времени всхлипываетъ и ломаетъ свои руки, и я нашелъ, что она очень интересна. Китаецъ въ синей рубахѣ былъ также очень интересенъ, онъ ничего и слышать не хотѣлъ до тѣхъ поръ, пока крестъ не будетъ у него въ рукахъ: деньги или крестъ!

«— Я посижу здѣсь и подожду немного, — говоритъ женщина:— и я прекрасно понимаю, что въ концѣ концовъ соглашусь на все. Но я не должнѣ была бы дѣлать этого!—И она раздражается рыданіями тутъ же, на глазахъ у китайца, и ломаетъ руки.

«— Чего вы не должны были бы дѣлать? — спрашиваю я.

«Но она слышитъ, что я иностранецъ, и не отвѣчаетъ мнѣ.

«Она была необыкновенно интересна, и я принимаю одно рѣшеніе. Я рѣшилъ дать ей эти деньги, чтобы посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Я это сдѣлалъ только изъ любопытства, и потомъ я сунулъ ей въ руку еще одинъ лишній долларъ, чтобы посмотрѣть, на что она его употребитъ. Я былъ крайне заинтересованъ этимъ.

«Она смотритъ на меня большими глазами и благодаритъ, она ничего не говоритъ, но киваетъ только нѣсколько разъ головой и смотритъ на меня полными слезъ глазами; а между тѣмъ я сдѣлалъ это только изъ простого любопытства. Хорошо, она идетъ къ прилавку, отдаетъ деньги и требуетъ себѣ сейчасъ же комнату. Она отдала всѣ свои деньги.

«Она уходитъ, и я слѣдую за ней. Снова мы идемъ по длинному коридору, по обѣ стороны котораго расположены номерованныя комнаты, и въ одну изъ нихъ женщина проскальзываетъ и захлопываетъ за собою дверь. Я жду немного, но

она не возвращается; я хочу отворить дверь, но дверь заперта.

«Тогда я вхожу въ сосѣдную комнату и начинаю ждать. Въ комнатѣ красный диванъ и звонокъ, она освѣщается стѣнной лампой. Я ложусь на диванъ, время тянется очень медленно, и мнѣ становится скучно. Чтобы чѣмъ-нибудь заняться, я нажимаю пуговку звонка и звоню. Мнѣ ничего не нужно, но я звоню.

«Входитъ мальчикъ-китаецъ, смотритъ на меня и затѣмъ снова исчезаетъ. Проходитъ нѣсколько минутъ. «Вернись, дай мнѣ еще разъ посмотрѣть на тебя,—говорю я, чтобы чѣмъ-нибудь убить время.—Почему ты не возвращаешься?» И я снова звоню.

«Мальчикъ возвращается, онъ двигается беззвучно, какъ духъ, скользя на своихъ войлочныхъ туфляхъ. Онъ ничего не говоритъ, и я тоже молчу; но онъ протягиваетъ мнѣ крошечную фарфоровую трубку съ длиннымъ, тонкимъ стержнемъ, и я беру ее. Затѣмъ онъ подаетъ мнѣ огниво, и я закуриваю. Я не просилъ трубки, но я все-таки закуриваю. Немного спустя въ ушахъ у меня начинается шумѣть...

«Больше я ничего не помню. Я чувствовалъ только, что поднимаюсь все выше и выше надъ землей, что я парю въ воздухъ. Вокругъ меня было ослѣпительно свѣтло, а облака, которыя мнѣ встрѣчались, были бѣлыя. Кѣмъ я былъ и куда я летѣлъ? Я стараюсь вспомнить, но тщетно, я продолжаю летѣть все выше и выше. Вдали я вижу зеленые луга, синія моря, долины и горы въ золотистомъ сіяніи; я слышу дивную музыку, доносящуюся со звѣздъ, и все пространство вокругъ меня наполняется волнами звуковъ. Но бѣлыя облака приводятъ меня въ восхищеніе, они какъ бы пронизываютъ меня, я готовъ умереть отъ чувства блаженства. Это продолжается долго, и я не отдаю себѣ отчета во времени, я забылъ, кто я. Но вдругъ сердце мое пронизываетъ земное воспоминаніе, и я начинаю падать.

«Я падаю, падаю, свѣтъ уменьшается, вокругъ меня становится все темнѣе и темнѣе, я вижу уже подъ собою землю и прихожу въ себя: я вижу города, чувствую вѣтеръ и ощущаю дымъ. Но вдругъ я останавливаюсь. Я оглядываюсь,—вокругъ меня садъ. Я уже не чувствую больше блаженства, я натакиваюсь на камни, и мнѣ холодно. Подъ ногами у меня бѣлое песчаное дно, а надъ собой я не вижу ничего, кромѣ воды. Я проплываю небольшое разстояніе мимо самыхъ причудливыхъ растений, мясистыхъ, зеленыхъ листьевъ, морскихъ цвѣтовъ, которые безпрестанно покачиваются на своихъ стебляхъ:

это цѣлый нѣмой міръ, въ которомъ не слышно ни единого звука, но гдѣ все живетъ и двигается. Я плыву дальше и приплываю въ коралловому рифу. Но коралловъ на немъ больше не было, рифъ весь обобранъ; тогда я говорю себѣ: «здѣсь уже былъ кто-то до меня». И, убѣдившись въ томъ, что здѣсь уже былъ кто-то до меня, я перестаю чувствовать себя такимъ одинокимъ. Я продолжаю плыть дальше, я хочу добраться до берега, но не успѣваю сдѣлать нѣсколько движеній руками, какъ останавливаюсь. Я останавливаюсь, потому что впереди меня на днѣ лежитъ человекъ; это женщина, тѣло у нея длинное и худое, и оно лежитъ на камнѣ въ страшно истерзанномъ видѣ. Я дотрагиваюсь до нея и узнаю ее; но она мертва, и я никакъ не могу понять этого, но я хорошо узнаю ее по ея кресту съ зелеными камнями. Это та самая женщина, за которой я только-что слѣдовалъ по длинному коридору, ведущему въ номерованныя комнаты. Я хочу плыть дальше, но останавливаюсь, чтобы измѣнить положеніе мертвой женщины; она лежитъ, раскинувшись на большомъ камнѣ, и ея поза производитъ на меня непріятное, жуткое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что глаза у нея широко раскрыты. Я переносу ее на бѣлый песокъ, а когда взоръ мой падаетъ на зеленый крестъ, то я прячу его подъ ея платье, чтобы рыбы не взяли его. Затѣмъ я плыву дальше...

«Утромъ мнѣ рассказали, что женщина эта умерла ночью; она бросилась въ море, на берегу котораго находился китайскій кварталъ; тѣло ея нашли только утромъ. Да, это очень странно, но она дѣйствительно умерла. «Можетъ-быть, я снова увижу ее, если я сдѣлаю что-нибудь для этого»,—подумалъ я. И я опять закурилъ опиумъ, надѣясь увидать ее, но я такъ и не увидаль ее больше.

«Какъ все это было странно! Но позже со мной случилось еще кое-что. Я вернулся въ Европу, я былъ на родинѣ. Въ одну теплую ночь я бродилъ по городу и спустился къ гавани, гдѣ сталъ бродить около насосовъ. Я оставался тамъ нѣкоторое время и прислушивался къ разговорамъ на судахъ. Царилъ мертвая тишина, насосы не работали. Подъ конецъ я усталъ, но домой мнѣ все-таки не хотѣлось идти, потому что было очень жарко. Я поднялся на срубъ одного изъ насосовъ и усѣлся тамъ. Но ночь была очень тиха и тепла, вскорѣ меня начало клонить ко сну, и я погрузился въ тяжелый сонъ...

«Меня разбудилъ голосъ, который звалъ меня; я смотрю внизъ, на камняхъ стоитъ женщина, она высокая и худая; когда пламя вспыхиваетъ въ газовомъ фонарѣ, я успѣваю разглядѣть, что она бѣдно одѣта.

«Я кланяюсь ей.

«— Идетъ дождь, — говоритъ она.

«Неужели? А я и не зналъ, что идетъ дождь, но въ такомъ случаѣ лучше укрыться гдѣ-нибудь, и я схожу внизъ. Въ эту минуту насосы начинаютъ гудѣть, въ воздухѣ проносится лопасть и исчезаетъ, снова приносится и исчезаетъ — насосы въ полномъ ходу. Если бы я не сошелъ во-время внизъ, то меня разорвало бы, отъ меня ничего не осталось бы. Это мнѣ стало сейчасъ же ясно.

«Я оглядываюсь кругомъ, начинается дѣйствительно накрапывать мелкій дождь. Между тѣмъ женщина стала удаляться отъ меня, я вижу ее передъ собою и хорошо узнаю ее, даже зеленый крестъ былъ у нея на шеѣ. Я узналъ ее сейчасъ же, но притворился, будто не знаю ея. Теперь мнѣ вдругъ захотѣлось догнать женщину, и я пошелъ какъ можно быстрѣе; но мнѣ такъ и не удалось догнать ее. Она шла, какъ будто не касаясь земли ногами, она скользила, плыла въ воздухѣ, не шевелясь; наконецъ она свернула за уголь и исчезла.

«Это было четыре года назадъ».

Нагель умолкъ. Докторъ едва удерживался отъ смѣха, однако онъ сказалъ какъ можно серьезнѣе:

— И съ тѣхъ поръ вы такъ и не видали ее больше?

— Да, сегодня я снова увидалъ ее. Вотъ почему меня и охватываетъ время отъ времени безотчетное чувство страха. Я стоялъ у окна въ своей комнатѣ и смотрѣлъ на улицу: вдругъ я вижу ее, она идетъ прямо на меня, пересѣкаетъ рыночную площадь, какъ бы поднимаясь съ набережной, съ моря. Затѣмъ она останавливается подъ моими окнами и смотритъ вверхъ. Я не былъ увѣренъ въ томъ, что она смотритъ именно на меня, и я отошелъ отъ окна и подошелъ къ другому; тогда она перевела глаза и снова устремила ихъ на меня. Я поклонился ей; но когда она увидала это, то сейчасъ же повернула обратно и пошла черезъ площадь къ пристани. Щенокъ Якобсенъ выбѣжалъ изъ гостиницы, весь оцетинившись, и началъ лаять. Это произвело на меня нѣкоторое впечатлѣніе. За этотъ долгій промежутокъ времени я почти совсѣмъ забылъ о ней, и вдругъ она снова появилась сегодня. Ужъ не хотѣла ли она предостеречь меня отъ чего-нибудь?

Тутъ докторъ расхохотался.

— Да, конечно, — сказалъ онъ: — она хотѣла васъ предостеречь, чтобы вы не шли сегодня къ намъ.

— Безъ сомнѣнія, она на этотъ разъ ошиблась, на этотъ разъ мнѣ нечего опасаться. Но въ первый разъ меня убило бы лопастями насоса. Вотъ почему ея появленіе испугало меня

немного. Такъ, значить, это не предвѣщаетъ ничего страшнаго? Хе-хе, да и странно было бы вѣрить чему-нибудь подобному. Мнѣ все это только смѣшно.

— Нервность и суевѣріе! — сказала докторъ коротко.

Тутъ всё начали рассказывать всевозможныя исторіи, а часы проходили одинъ за другимъ; день началъ клониться къ вечеру. Нагель сидѣлъ молча все время; его стало знобить. Наконецъ онъ поднялся, чтобы уйти. Онъ рѣшилъ, что неудобно беспокоить Дагни просьбой передать письмо, онъ отказался отъ этой мысли. Но, можетъ-быть, завтра ему удастся повидаться съ докторомъ наединѣ, тогда онъ передастъ ему письмо. Его радостное настроеніе совершенно исчезло.

Къ его величайшему изумленію, Дагни также поднялась, когда замѣтила, что онъ собирается уходить. Она сказала:

— Нѣтъ, вы рассказали такъ много страшнаго, что и мнѣ стало жутко. Я хочу добраться до дому, пока еще не стемнѣло.

Они вышли изъ сада вмѣстѣ. Нагеля охватила жгучая радость: теперь онъ можетъ отдать ей письмо. Болѣе удобнаго случая и не представится.

— Но вѣдь вы, кажется, хотѣли говорить со мной? — крикнулъ докторъ ему вслѣдъ.

— Нѣтъ, это пустяки, — отвѣтилъ онъ немного смущенно. — Я просто хотѣлъ повидать васъ и... Мы уже такъ давно не видались съ вами. До свиданья!

Они пошли по улицѣ, обмѣниваясь незначительными фразами. Оба были взволнованы. Дагни заговорила о погодѣ, — какой сегодня тихій вечеръ!

Да, тихій и теплый. Онъ тоже не могъ найти никакой темы для разговора. Онъ шелъ и смотрѣлъ на нее. У нея были все тѣ же бархатистые глаза, та же золотистая коса, свѣшивавшаяся на спину. Въ немъ съ новой силой вспыхнуло его чувство, ея близость опьяняла его, и онъ провелъ рукой по глазамъ. Она становилась все прекраснѣе и прекраснѣе съ каждымъ разомъ, что онъ видѣлъ ее. Онъ забылъ все, забывъ ея издѣвательства надъ нимъ, забылъ, что она отняла у него Марту и что она самымъ безжалостнымъ образомъ старалась поймать его въ ловушку при помощи своего носового платка. Онъ заставилъ себя отвернуться, чтобы снова не поддаться страстному порыву. Нѣтъ, на этотъ разъ онъ выдержитъ характеръ, онъ уже два раза доводилъ ее до крайности; вѣдь онъ же мужчина! И онъ едва дышалъ, стараясь овладѣть собою.

Они дошли до главной улицы; гостиница находилась направо. Казалось, будто Дагни хочетъ заговорить съ нимъ. Онъ молча

шелъ рядомъ съ нею. Можетъ-быть, ему можно будетъ проводить ее черезъ лѣсъ? Вдругъ она взглянула на него и сказала:

— Благодарю васъ за вашъ рассказъ! Вамъ все еще страшно? Да не бойтесь же!

Какая она добрая и ласковая сегодня. И вдругъ онъ рѣшилъ заговорить о письмѣ.

— Мнѣ очень хотѣлось бы попросить васъ объ одномъ одолженіи, — сказалъ онъ. — Но разрѣшите ли вы мнѣ это? Боюсь, что вы не пожелаете оказать мнѣ услугу.

— Напротивъ, я это сдѣлаю съ величайшимъ удовольствіемъ, — отвѣтила она.

Она сдѣлаетъ это съ удовольствіемъ! Онъ сунулъ руку въ карманъ и вынулъ письмо.

— Я хотѣлъ попросить васъ передать это письмо. Это просто маленькое сообщеніе, нѣчто... Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего особеннаго, но... Это для фрѣкенъ Гуде. Можетъ-быть, вы знаете, гдѣ находится теперь фрѣкенъ Гуде? Вѣдь она уѣхала?

Дагни остановилась. Она посмотрѣла на него страннымъ взоромъ, ея голубые глаза какъ бы подернулись пеленой. Съ минуту она стояла совершенно неподвижно.

— Для фрѣкенъ Гуде?—спросила она.

— Да. Если бы вы захотѣли быть такъ любезны. Когда вамъ будетъ удобнѣе, это не къ спѣху...

— Да, да, — сказала она вдругъ: — дайте его сюда, ужъ я доставлю фрѣкенъ Гуде письмо отъ васъ.

И, спрятавъ письмо въ карманъ, она кивнула головой и прибавила:

— Да, да, благодарю васъ за сегодняшній вечеръ. Ну, а теперь мнѣ надо итти.

Она еще разъ взглянула на него и ушла.

Онъ продолжалъ стоять и не двигался. Почему она обрвала такъ рѣзко? Когда она уходила, то посмотрѣла на него безъ злобы, — напротивъ. И все-таки она ушла такъ неожиданно! Вотъ она сворачиваетъ на дорогу, ведущую въ усадьбу священника... вотъ она исчезла...

Когда онъ уже не могъ больше ея видѣть, онъ повернулъ и пошелъ въ гостиницу. На ней была бѣлоснѣжная шляпа. И она такъ странно посмотрѣла на него...

XXII.

Какимъ затуманеннымъ взоромъ она посмотрѣла на него! Онъ не понималъ, чтѣ это означало. Но въ слѣдующій разъ, когда онъ встрѣтитъ ее, онъ постарается заглядить свое по-

веденіе, если онъ только въ чемъ-нибудь провинился передъ ней. Какая тяжесть у него въ головѣ! Но, слава Богу, страшился ему нечего, хоть въ этомъ онъ можетъ быть увѣренъ.

Онъ сѣлъ на диванъ и началъ перелистывать какую-то книгу, но читать онъ не могъ. Онъ всталъ и въ безотчетной тревогѣ подошелъ къ окну. Онъ ни за что не сознался бы въ этомъ даже самому себѣ, но онъ не рѣшался посмотрѣть на лицо изъ страха, что глазамъ его снова представится какое-нибудь необычайное зрѣлище. Колѣни у него начали дрожать; что съ нимъ такое? Онъ снова сѣлъ на диванъ и уронилъ книгу на полъ. Въ вискахъ у него стучало, и онъ чувствовалъ себя совершенно больнымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, у него жаръ; двѣ послѣднія ночи, проведенныя имъ въ лѣсу, возымѣли свое дѣйствіе, онъ простудился. Онъ почувствовалъ ознобъ уже въ то время, когда сидѣлъ у доктора въ саду.

Ну, да это пройдетъ. Онъ не привыкъ обращать вниманіе на такія маленькія простуды. Онъ позвонилъ и велѣлъ подать коньяку, но коньякъ не подѣйствовалъ на него, даже не опьянилъ его, и онъ напрасно выпилъ нѣсколько большихъ стакановъ. Хуже всего было то, что въ головѣ у него стало все путаться, онъ не былъ въ состояніи ясно мыслить.

Однако какъ ухудшилось его состояніе за какой-нибудь часъ. Что такое? Отчего занавѣси колышутся, когда нѣтъ даже легкаго вѣтерка? Ужъ не означаетъ ли это чего-нибудь? Онъ снова всталъ и подошелъ къ зеркалу, видъ у него былъ разстроенный и больной: да, его волосы дѣйствительно посѣдѣли, а вѣки у него были воспаленные... Вамъ все еще страшно? Да не бойтесь же... Очаровательная Дагни! Ахъ, да, и шляпа у нея была бѣлоснѣжная...

Кто-то стучитъ въ его дверь, и вслѣдъ затѣмъ входитъ хозяинъ. Хозяинъ принесъ наконецъ его счетъ, длинный счетъ на двухъ листахъ. Онъ улыбается и чрезвычайно любезенъ.

Нагель сейчасъ же беретъ свой бумажникъ и начинаетъ искать въ немъ денегъ; и въ то же время онъ спрашиваетъ, весь дрожа отъ смутнаго предчувствія, сколько долженъ, и хозяинъ отвѣчаетъ ему. Впрочемъ, онъ можетъ подождать до завтра, это не къ спѣху.

О, Боже, можетъ ли онъ уплатить? Можетъ-быть, онъ вовсе не можетъ уплатить? И Нагель ищетъ денегъ, но нигдѣ не находитъ ихъ. Что такое? Нежели у него нѣтъ больше денегъ? Онъ бросаетъ бумажникъ на столъ и начинаетъ искать въ карманахъ: онъ окончательно растерялся и беспомощно ищетъ повсюду, наконецъ онъ вынимаетъ изъ кармана брочку какую-то мелочь и говоритъ:

— Вотъ здѣсь у меня немного денегъ, но этого, пожалуй, не хватитъ? Нѣтъ, этого, конечно, не хватитъ, вотъ сосчитайте сами.

— Да,—подтверждаетъ хозяинъ:—этого не хватитъ.

На лбу Нагеля выступаетъ потъ, онъ хочетъ дать хозяину пока эти нѣсколько кронъ и снова начинаетъ искать даже въ карманахъ своего жилета, не найдется ли тамъ еще немного мелочи. Но и тамъ ничего не нашлось. Но, можетъ-быть, ему удастся взять въ долгъ гдѣ-нибудь? Вѣроятно, найдется человекъ, который не откажетъ ему въ этой услугѣ! Какъ знать, можетъ-быть, ему и поможетъ кто-нибудь, если онъ попроситъ.

У хозяина лицо измѣнилось, даже его вѣжливость покинула его, и онъ беретъ бумажникъ Нагеля и начинаетъ самъ искать въ немъ денегъ.

— Да, пожалуйста, посмотрите,—говоритъ Нагель:—вотъ вы сами видите, что тамъ только однѣ бумаги. Не понимаю, что это такое!

Но хозяинъ открываетъ внутреннее отдѣленіе и вдругъ выпускаетъ бумажникъ изъ рукъ, лицо его расплывается въ широкую изумленную улыбку.

— Да вотъ онѣ! — говоритъ онъ. — Здѣсь тысячи! Такъ, значить, вы шутили, вы хотѣли посмотрѣть, способенъ ли я понимать шутку?

Нагель обрадовался, какъ ребенокъ, и сейчасъ же ухватился за это объясненіе. Онъ съ облегченіемъ вздохнулъ и сказалъ:

— Ну, конечно, я пошутилъ, мнѣ пришло въ голову подшутить надъ вами. Слава Богу, у меня еще много денегъ; вотъ посмотрите, посмотрите же!

Дѣйствительно, въ бумажникѣ было много крупныхъ ассигнацій, крупная сумма денегъ въ ассигнаціяхъ по тысячѣ кронъ. Хозяину пришлось идти мѣнять деньги, чтобы получить по счету. Но еще долго спустя послѣ того, какъ онъ ушелъ, на лбу Нагеля стояли крупныя капли пота и онъ весь дрожалъ отъ волненія. Какъ это его разстроило, и какъ у него шумитъ въ головѣ!

Немного спустя онъ опустился на диванъ и погрузился въ тревожное забытье; онъ метался во снѣ, громко разговаривалъ, пѣлъ, требовалъ коньяку и пилъ въ полусознаніи, у него былъ сильнѣйшій жаръ. Сара поминутно входила къ нему и, хотя онъ все время говорилъ съ нею, она почти ничего не поняла изъ его словъ. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами.

Нѣтъ, онъ не хочетъ раздѣваться; какъ ей могло это прійти въ голову? Вѣдь теперъ день! Онъ ясно слышитъ щебетаніе

птиць... И пусть она не зоветъ доктора. Нѣтъ, докторъ дастъ ему только желтую мазь и потомъ еще бѣлую мазь, и обѣ эти мази перепутаютъ и будутъ употреблять ихъ не такъ, какъ надо, и его убьютъ на мѣстѣ. Вотъ и Карльсенъ умеръ отъ этого же; вѣдь она помнитъ Карльсена? Да, да, Карльсенъ умеръ отъ этого. Какъ бы тамъ ни было, но Карльсену попалъ въ горло крючокъ отъ удочки, а когда къ нему пришелъ докторъ со своими лѣкарствами, то оказалось, что онъ задохся отъ склянки, наполненной самой обыкновенной колодезной водой... Хе-хе-хе, впрочемъ, надъ этимъ смѣяться нельзя... «Сара, вѣдь вы не думаете, что я пьянъ, а? Энциклопедисты, вы слышите? Ассоціація идей и тому подобное... Погадайте по пуговицамъ, Сара, пьянъ я или нѣтъ... Слышите, вотъ заходили мельницы, городскія мельницы! Боже, въ какомъ вѣрнѣе гнѣздѣ вы живете, Сара! Мнѣ хотѣлось бы избавить васъ отъ преслѣдованія вашихъ враговъ, такъ это написано... Убирайтесь къ чорту! Убирайтесь къ чорту! Да кто вы наконецъ? Всѣ вы фальшивы, и я изобличу каждого изъ васъ. Вы этому не вѣрите? О, какъ я зорко наблюдаю за всѣми вами! Я увѣренъ въ томъ, что лейтенантъ Хансенъ общался Минутъ двѣ шерстяныя фуфайки, но посмотримъ, получитъ ли онъ ихъ! И вы думаете, что у Минуты хватить духу сознаться въ этомъ? Позвольте вывести васъ изъ заблужденія: у Минуты не хватить мужества сознаться въ этомъ. Онъ улизнулъ! Развѣ я не правъ? Если я не ошибаюсь, господинъ Грегордъ, то вы сидите тамъ и опять по-свински ухмыляетесь, прикрывшись газетой. Нѣтъ? Ну, да это мнѣ совершенно безразлично... Вы все еще здѣсь, Сара? Хорошо! Если вы посидите здѣсь еще пять минутъ, то я расскажу вамъ кое-что. Рѣшено? Но представьте себѣ сперва человѣка, у котораго мало-по-малу выпадаютъ брови. Вы запомните это? У котораго выпадаютъ брови. Затѣмъ позвольте васъ спросить, приходилось ли вамъ когда-нибудь лежать въ кровати, которая трещить? Погадайте по пуговицамъ и скажите, приходилось ли вамъ когда-нибудь лежать въ кровати, которая трещить? Я сильно подозреваю васъ въ этомъ. Впрочемъ, всѣ люди въ этомъ городѣ у меня на подозрѣннн, и я наблюдаю за ними. О, я хорошо справился со своей задачей, я далъ вамъ около двадцати самыхъ необыкновенныхъ темъ для разговора и я внесъ смуту въ вашу жизнь, я разнообразилъ ваше сытое существованіе одной беспокойной сценой за другой. Хо-хо, какъ шумятъ мельницы, какъ шумятъ мельницы! А засимъ я совѣтую вамъ, достопочтенная дѣвица Сара Йосефсдаттеръ, ѣсть чистый мясной бульонъ, пока онъ горячій, потому что, когда

онъ остынетъ, то, клянусь, онъ превращается въ чистѣйшую воду... Еще коньяку, Сара, у меня болитъ голова, оба виска и темя. Прямо нестерпимо больно...»

— Не хотите ли вы чего-нибудь горячаго?

Чего-нибудь горячаго? Да что ей приходится въ голову опять? Вѣдь это сейчасъ же распространится по всему городу, что онъ пилъ что-то горячее. Замѣтите: онъ вовсе не желаетъ возбуждать недовольства, онъ хочетъ быть благонамѣреннымъ гражданиномъ, аккуратно платящимъ свои подати, и совершенно сходится во взглядахъ съ другими людьми; три пальца вверхъ, что это такъ... Пусть она не боится. Правда, у него побаливаетъ тутъ и тамъ; но потому-то онъ и не раздѣлся, чтобы это прошло скорѣе. Клинь клиномъ вышибается...

Ему становилось все хуже, и Сара сидѣла, какъ на иголкахъ. Ей очень хотѣлось убѣжать, но едва онъ замѣчалъ, что она собирается встать, какъ спрашивалъ ее, неужели она хочетъ бросить его. Она ждала, что онъ погрузится наконецъ въ глубокой сонъ, когда устанетъ болтать. Боже, какъ онъ болталъ съ закрытыми глазами и краснымъ, какъ сукно, лицомъ! Онъ придумалъ новый способъ избавить кусты красной смородины въ саду фру Стенерсенъ отъ вшей. Этотъ способъ заключается въ томъ, что въ одинъ прекрасный день онъ пойдетъ въ лавку и купить цѣлое ведро парафины, потомъ пойдетъ на рыночную площадь, сниметъ съ себя башмаки и наполнить ихъ доверху парафиномъ. Послѣ этого онъ подожжетъ оба башмака, одинъ за другимъ, и будетъ плясать и цѣть вокругъ нихъ въ однихъ носкахъ. Это онъ устроить какъ-нибудь утромъ, когда выздоровѣетъ. Онъ устроить изъ этого настоящій циркъ, цѣлую лошадиную оперу, и при этомъ онъ будетъ щелкать бичомъ.

Онъ сталъ также придумывать странныя смѣшныя имена и титулы для своихъ знакомыхъ. Повѣреннаго Рейнерта онъ назвалъ Бильге и увѣрялъ, что это титулъ. — «Господинъ Рейнертъ, высокочтимый городской Бильге», — сказалъ онъ. Въ концѣ концовъ онъ началъ бредить о томъ, какой вышины могутъ быть комнаты въ квартирѣ консула Андресена. — «Три съ половиной, три съ половиной локтя! — выкрикивалъ онъ нѣсколько разъ. — Три съ половиной локтя, приблизительно; развѣ я неправъ?» Но шутки въ сторону, у него въ самомъ дѣлѣ въ горлѣ крючокъ отъ удочки, онъ не выдумываетъ, онъ истекаетъ кровью, и это причиняетъ ему довольно сильную боль...

Только позже вечеромъ онъ наконецъ крѣпко заснулъ.

Около десяти часовъ онъ снова проснулся. Онъ былъ одинъ и лежалъ еще на диванѣ. Одѣяло, которымъ Сара его накрыла, упало на полъ, но ему не было холодно. Сара закрыла также окна, но онъ ихъ снова открылъ. Ему казалось, что голова у него совсѣмъ ясная; но онъ былъ очень слабъ и дрожалъ. Безотчетный страхъ снова овладѣлъ имъ; при малѣйшемъ трескѣ, раздававшемся въ комнатѣ, или крикѣ, доносившемся съ улицы, этотъ страхъ пронизывалъ его до мозга костей. Но, можетъ-быть, если онъ ляжетъ какъ слѣдуетъ въ постель и выспится, то это пройдетъ къ утру. И онъ раздѣлся.

Но онъ не могъ заснуть. Онъ лежалъ съ открытыми глазами и перебиралъ въ умѣ все то, что пережилъ за послѣднія сутки съ той самой минуты, какъ онъ ушелъ въ лѣсъ и выпилъ тамъ свой маленькій пузырекъ, и до настоящаго мгновенія, когда онъ лежалъ у себя въ комнатѣ, совершенно разбитый и мучимый лихорадкой. Какъ безконечно долго тянулись эти сутки! А страхъ все не покидалъ его; его не покидало это смутное, безотчетное чувство, предостерегавшее его отъ какой-то опасности или какого-то несчастья. Но почему же это? Чтò за шопотъ раздается вокругъ его кровати? Вся комната полна какого-то бормотанья! Онъ сложилъ руки, и ему показалось, что онъ засыпаетъ.

Вдругъ взглядъ его падаетъ на его пальцы, и онъ замѣчаетъ, что кольца нѣтъ больше. Его сердце сейчасъ же начинаетъ биться сильнѣе; онъ всматривается внимательнѣе: онъ видитъ на пальцѣ только слабый темный слѣдъ, но кольца нѣтъ! О, Боже милостивый, кольца нѣтъ! Да, онъ бросилъ его въ море, онъ думалъ, что оно больше не понадобится ему, такъ какъ онъ хотѣлъ умереть. Потому онъ и бросилъ его въ море. И вотъ его нѣтъ, кольца нѣтъ!

Онъ вскакиваетъ съ кровати, кое-какъ накидываетъ на себя платье и мечется по комнатѣ, какъ безумный. Было десять часовъ, въ двѣнадцать часовъ кольцо должно быть найдено, ровно въ двѣнадцать часовъ, кольцо, кольцо...

Онъ сбѣгаетъ съ лѣстницы сломя голову и выбѣгаетъ на улицу, бѣжитъ по направленію къ пристани. Его бѣгство замѣчаютъ изъ гостиницы, но до этого ему нѣтъ дѣла. Имъ снова овладѣваетъ слабость, и колѣни подгибаются подъ нимъ, но онъ и этого не замѣчаетъ. Наконецъ-то онъ нашелъ причину того смутнаго страха, который мучилъ его весь день, — у него не было кольца! Вотъ почему женщина съ крестомъ снова являлась ему.

Внѣ себя отъ невыразимой тревоги онъ бросается въ первую попавшуюся лодку. Она привязана къ пристани, и онъ

не может отвязать ее. Онъ зоветъ какого-то человѣка и просить его отвязать лодку; но человѣкъ отвѣчаетъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать,—лодка принадлежитъ не ему.—Да, но Нагель беретъ всю отвѣтственность на себя, дѣло касается кольца, и онъ готовъ купить лодку.—Но развѣ онъ не видитъ, что лодка на замкѣ? Развѣ онъ не видитъ желѣзнаго кольца?—Ну, въ такомъ случаѣ онъ возьметъ другую лодку.

И Нагель прыгаетъ въ другую лодку.

— Куда вы хотите ѣхать? — спрашиваетъ его человѣкъ.

— Я хочу отыскать кольцо. Можетъ-быть, вы знаете меня? Вотъ на этомъ пальцѣ у меня было кольцо, вы сами видите знакъ, значить, я не лгу. И это кольцо я бросилъ въ море, оно упало тамъ гдѣ-то.

Человѣкъ ничего не понялъ изъ его словъ.

— Вы хотите искать кольцо на днѣ морскомъ? — спрашиваетъ онъ.

— Вотъ именно! — отвѣчаетъ Нагель. — Я вижу, что вы поняли меня. Вѣдь я долженъ во что бы то ни стало найти свое кольцо, вы это и сами прекрасно понимаете. Идите же, погребите для меня.

Человѣкъ снова спрашиваетъ:

— Такъ вы хотите отыскать кольцо, которое вы бросили въ море?

— Да, да! Ну, идемте же! Я вамъ хорошо заплачу за это.

— Богъ съ вами! Бросьте-ка лучше это. Вы хотите достать кольцо со дна морского пальцами?

— Да, пальцами. Это мнѣ совершенно все равно. Я плаваю, какъ угорь, если это только понадобится. Но, можетъ-быть, мы найдемъ что-нибудь другое, кромѣ пальцевъ, чтобы достать кольцо.

И человѣкъ наконецъ входитъ въ лодку. Онъ садится, чтобы обсудить это дѣло; но онъ отворачиваетъ свое лицо. Вѣдь это будетъ безуміемъ съ ихъ стороны предпринимать что-либо подобное. Будь это якорь или цѣпь, въ этомъ былъ бы еще какой-нибудь смыслъ; но кольцо! Да къ тому же вѣдь неизвестно, куда именно оно упало!

Нагелю самому становится ясно, насколько бессмысленно его намѣреніе. Но какъ же быть, что дѣлать? Вѣдь теперь онъ погибъ! Глаза его расширяются отъ ужаса, и онъ весь дрожитъ. Онъ хочетъ прыгнуть въ море, но человѣкъ крѣпко держитъ его. Нагель сейчасъ же послушно опускается на мѣсто и весь съеживается; онъ утомленъ, онъ чувствуетъ смертельную усталость и онъ слишкомъ слабъ для того, чтобы вступать съ кѣмъ-нибудь въ борьбу. Отецъ Небесный, какъ ужасно

все складывается! Кольцо потеряно, скоро пробьет двѣнадцать часовъ, а кольца нѣтъ. Недаромъ ему было предостереженіе!

Въ это мгновеніе мозгъ его вдругъ проясняется, и въ эти короткія двѣ-три минуты въ головѣ его проносится цѣлая вереница мыслей. Онъ вспомнилъ вдругъ, что уже третьяго-дня въ письмѣ попрощался съ сестрой и самъ опустилъ это письмо въ ящикъ. А онъ еще живъ; но письмо идетъ своимъ путемъ, его уже ничто не удержитъ больше, и оно уже далеко. Когда сестра получитъ его, онъ долженъ быть мертвъ. Да къ тому же и кольцо потеряно, все погибло...

Зубы его стучать. Онъ безпомощно озирается кругомъ, его отдѣляетъ отъ моря одинъ прыжокъ. Онъ искоса смотритъ на человѣка, сидящаго на кормѣ. Человѣкъ продолжаетъ отворачивать лицо, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зорко слѣдитъ за нимъ, готовый схватить его, какъ только это понадобится. Но почему онъ отворачиваетъ все время лицо?

— Дайте, я помогу вамъ выйти на берегъ, — говоритъ человѣкъ. И онъ беретъ его подъ руку и выводитъ на берегъ.

— Спокойной ночи! — говоритъ Нагель, поворачивая ему спину.

Но человѣкъ недоувѣрчиво слѣдуетъ за нимъ, онъ не спускаетъ съ него глазъ и слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ. Нагель въ бѣшенствѣ оборачивается и еще разъ желаетъ ему спокойной ночи; и онъ хочетъ прыгнуть въ воду.

Но человѣкъ снова хватаетъ его.

— Этого вамъ не удастся, — говоритъ онъ надъ самымъ ухомъ Нагеля. — Вы слишкомъ хорошо плаваете, вы снова всплывете наверхъ.

Нагель вздрагиваетъ и на мгновеніе задумывается. Да, это правда, онъ плаваетъ слишкомъ хорошо и онъ, можетъ-быть, всплыветъ и спасется. Онъ смотритъ на человѣка, пристально смотреть ему прямо въ лицо; его взглядъ встрѣчается съ другимъ взглядомъ, онъ видитъ отвратительное лицо, — это Минута.

Опять Минута, вездѣ Минута!

— Провались въ преисподнюю, мерзкая, отвратительная гадина! — кричитъ Нагель, пускаясь бѣжать.

Но онъ шатается, словно пьяный, спотыкается, падаетъ и снова встаетъ; все вертится передъ его глазами, но онъ бѣжитъ по направленію къ городу. Во второй разъ Минутѣ удастся разрушить его планы! Боже милостивый, что же ему наконецъ придумать? Какъ все мелькаетъ у него передъ глазами! Какой шумъ въ ушахъ! Онъ снова падаетъ.

Онъ встаетъ на колѣни и беспомощно качаетъ головой изъ стороны въ сторону. Чтò это? Съ моря раздается крикъ! Скоро пробьетъ двѣнадцать часовъ, а кольцо не найдено. Онъ чувствуетъ, что по его слѣдамъ ползетъ какое-то существо, онъ слышитъ, какъ оно крадется, это пресмыкающееся съ отвислымъ животомъ, который волочится по землѣ, оставляя на ней мокрый слѣдъ, это отвратительный іероглифъ съ лапами на головѣ и желтымъ когтемъ на носу. — «Прочь! Прочь!» Но тутъ снова раздается крикъ съ моря, и онъ съ воплемъ затыкаетъ себѣ уши, чтобы не слышать его.

Онъ опять вскакиваетъ. Еще не все потеряно, у него остается еще одно средство, хорошій шестизарядный револьверъ, самое лучшее, чтò только есть на свѣтѣ! И онъ рыдаетъ отъ охватившаго его чувства благодарности, бѣжить изъ всѣхъ силъ и плачетъ отъ радости, что засвѣтилась новая надежда. Вдругъ онъ вспоминаетъ, что теперь ночь и онъ не можетъ купить себѣ револьвера, всѣ лавки заперты. Онъ сразу сдается, падаетъ лицомъ впередъ, и ударяется лбомъ о землю безъ единого звука.

Въ это мгновеніе изъ гостиницы вышли наконецъ хозяинъ и еще нѣсколько человѣкъ, чтобы посмотреть, гдѣ онъ...

Тутъ онъ проснулся и сталъ осматриваться кругомъ, — все это ему приснилось. Да, въ концѣ концовъ онъ все-таки заснулъ. Слава Богу, все это онъ видѣлъ только во снѣ; онъ не вставалъ съ постели.

Съ минуту онъ лежитъ и обдумываетъ что-то. Онъ смотритъ на свою руку, но кольца дѣйствительно нѣтъ; онъ смотритъ на часы, — полночь, двѣнадцать часовъ безъ нѣсколькихъ минутъ. Можетъ-быть, теперь все кончилось, и онъ спасенъ! Но сердце его безумно бьется, и онъ весь дрожитъ. Можетъ-быть, пробьетъ двѣнадцать часовъ, и съ нимъ ничего не случится? Онъ беретъ въ руки часы, и рука его сильно дрожитъ; онъ считаетъ минуты... секунды...

Вдругъ часы падаютъ на полъ, и онъ вскакиваетъ съ постели. — «Зоветь», — шепчетъ онъ и смотритъ въ окно широко раскрытыми глазами. Быстро накидываетъ онъ на себя кое-какое платье, отворяетъ дверь и выбѣгаетъ на улицу. Онъ осматривается по сторонамъ, никто не видитъ его. И онъ бросается стремглавъ къ морю, бѣлая спина его жилета свѣтится все время во мракѣ ночи. Онъ прибѣгаетъ къ пристани, добѣгаетъ до конца набережной и однимъ прыжкомъ бросается въ море.

На поверхность воды поднимается нѣсколько пузырей.

XXIII.

Въ апрѣлѣ этого года, однажды поздней ночью, Дагни и Марта шли вмѣстѣ по городу; онѣ возвращались изъ гостей и направлялись домой. Было темно, кое-гдѣ на дорогѣ лежалъ еще ледъ, а потому онѣ шли очень медленно.

— А я иду,—сказала Дагни:—и думаю обо всемъ томъ, что говорили сегодня вечеромъ о Нагелѣ. Многое для меня было совершенно ново.

— Я ничего не слыхала,—отвѣтила Марта:—я уходила.

— Но одного они не знали,—продолжала Дагни.—Еще въ прошлое лѣто Нагель говорилъ мнѣ, что Минута плохо кончить. Не понимаю, какъ могъ онъ это предвидѣть уже тогда. Онъ сказалъ мнѣ это задолго-задолго до того, какъ ты разсказала мнѣ о поступкѣ Минуты по отношенію къ тебѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да.

Они вышли на дорогу, ведущую къ усадьбѣ священника. Вокругъ нихъ стоялъ тихій, молчаливый лѣсъ; царила мертвая тишина, и раздавались только ихъ шаги по твердой, мерзлой землѣ.

Послѣ долгаго молчанія Дагни снова сказала:

— Здѣсь онъ обыкновенно любилъ ходить.

— Кто? — отвѣтила Марта. — Здѣсь такъ скользко, не хочешь ли взять меня подъ руку?

И онѣ молча продолжали итти подъ руку, тѣсно прикавшись другъ къ другу.

Оглавленіе

ТОМА I.

	стр.
Жизнь Гамсунъ. Критико-біографическій очеркъ <i>А. А. Измайлова.</i>	3

Романы.

Панъ. Изъ записокъ лейтенанта Глана. Переводъ <i>К. М. Жихаревой</i>	47
Смерть Глана. Записки 1861 года. Переводъ <i>ея же</i>	139
Викторія. Исторія одной любви. Переводъ <i>А. А. Соколовой</i>	154
Мистеріи. Романъ. Переводъ <i>М. П. Благотвищенской</i>	237

Заявленъ Отдѣлу Промышленности

переплетная „НИВА”, С.П.Б.